

Академия наук Республики Татарстан
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

**ТАТАРОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ
СМЕНЫ ПАРАДИГМ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
25–26 сентября 2025 года, город Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**ПАРАДИГМАЛАР АЛМАШЫНУ ШАРТЛАРЫНДА
ТАТАР БЕЛЕМЕ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ГАМӘЛ**

V ХАЛЫКАРА ФӨННИ-ГАМӨЛИ СЕМИНАР
2025 ел, 25–26 сентябрь, Казан шәһәре

**TATAR STUDIES IN THE PARADIGM CHANGING:
THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE**

V INTERNATIONAL SCIENTIFIC-AND-PRACTICAL SEMINAR
September 25–26, 2025, Kazan

КАЗАНЬ
2025

УДК 323.1+82.091
ББК 83.3(2=632.3)
Т 23

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ
в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»*

Составители:

А.Ф. Ганиева, Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина

Т 23 Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: материалы V Международного научно-практического семинара (25–26 сентября 2025 г., Казань) / сост.: А.Ф. Ганиева, Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2025. – 416 с.
ISBN 978-5-93091-513-6

В сборнике представлены статьи участников V международного научно-практического семинара «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика» и круглого стола «Урало-Поволжская межлитературная общность: конвергенции и дивергенции».

Издание адресовано ученым-гуманитариям, занимающимся исследованиями в области татароведения, сопоставительного изучения национальных языков, литератур, культур.

УДК 323.1+82.091
ББК 83.3(2=632.3)

ISBN 978-5-93091-513-6

© Оформление. Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данный сборник вошли материалы V Международного научно-практического семинара «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика». Основной целью проводимого с 2021 года семинара является создание дискуссионной площадки, объединяющей ученых, которые занимаются исследованиями татарского языка, литературы, искусства, истории и культуры татар, для обсуждения актуальных теоретико-методологических проблем и перспектив развития татароведения. Исходя из этого были определены основные направления работы, в частности, развитие татароведения и тюркологии в XX–XXI вв., новые направления и методы в исследованиях по различным разделам татароведения, а также перспективы сопоставительной методологии в гуманитарных науках и др.

В рамках научного семинара организован круглый стол «Урало-Поволжская межлитературная общность: конвергенции и дивергенции». Мероприятие в данном формате проводится с 2019 года и вызывает большой интерес не только у ученых Поволжья и Уральского региона, но и по всей России. На заседании круглого стола состоялось серьезное и полезное обсуждение прошлого и настоящего Урало-Поволжских литератур в аспекте преемственности традиций и новаторства.

В статьях, вошедших в сборник, отражены национальные и региональные особенности литератур Урало-Поволжья, формы межлитературного взаимодействия, поэтические особенности, методология изучения национальных литератур в сравнительно-сопоставительном плане и др. В исследованиях было отмечено, что эти вопросы являются чрезвычайно актуальными и перспективными для дальнейших изысканий.

В сборнике представлены труды зарубежных ученых из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Турции, Узбекистана и столицы России – Москвы, регионов – Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии, Дагестана, Свердловской области и др. Выражаем глубокое уважение всем участникам научного семинара, а также авторам, чьи статьи вошли в сборник.

СҮЗ БАШЫ

Өлеге жыентыкта «Парадигмалар алмашыну шартларында татар белеме: теория, методология, гамэл» дигән бишенче халыкара фәнни-гамэли семинар материаллары туплап бирелә. 2021 елдан үткәрелеп килгән семинарның төп максаты – татар телен, әдәбиятын, сәнгатен, тарихын һәм мәдәниятен өйрәнүче галимнәрне берләштереп, актуаль теоретик-методологик проблемаларны һәм татар фәнен үстерү перспективаларын тикшерү өчен бәхәс майданчыгы булдыру. Өлеге чарада мөһим фәнни мәсьәләләр, шул исәптән татар белеме һәм тюркологиянең үсеше, татар белеменең төрле тармаклары буенча тикшеренүләрдә яңа юнәлешләр һәм методлар, шулай ук гуманитар фәннәрдә чагыштырма методология перспективалары һ. б. каралды.

Семинар кысаларында «Идел Буе – Урал әдәбиятлары бергәлеге: конференцияләр һәм дивергенцияләр» дип аталган түгәрәк өстәл оештырылды. Өлеге форматта 2019 елдан бирле үткәрелеп, ул Идел Буе һәм Урал төбәге галимнәрендә зур кызыксыну уята, аның эшендә катнашучылар саны елдан-ел арта бара. Түгәрәк өстәл утырышында Идел Буе – Урал әдәбиятларының үткәне һәм бүгенгесе, традицияләр давамчанлыгына һәм яңачалыкларга нисбәтле җитди һәм файдалы фикер алышу узды.

Жыентыкка тупланган мәкаләләрдә Идел-Урал әдәбиятларының милли һәм төбәк үзенчәлекләре, әдәбиятара багланыш формалары, милли әдәбиятларның поэтик үзенчәлекләре һәм чагыштырма планда өйрәнү методологиясе һ. б. мәсьәләләр чагылыш таба. Тикшеренүләрдә билгеләп үтелгәнчә, өлеге мәсьәләләр гаять актуаль булып, киләчәк эзләнүләргә юл күрсәтә.

Жыентыкта Азәрбайҗан, Казахстан, Кыргызстан, Төрөкмәнстан, Төркия, Үзбәкстан кебек чит илләр һәм Россиянең Мәскәү, Татарстан, Башкортстан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Дагстан, Свердловск өлкәсе галимнәренең хезмәтләре урын алды. Фәнни семинар эшендә катнашкан, мәкаләләре жыентыкта урын алган барлык авторларга тирән ихтирамыбызны белдерәбез.

ТАТАРОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

УДК 811.512.1

СИСТЕМА СИНТАКСЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

С.Н. Абдуллаев

ИГУ им. К. Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан)

Данная статья посвящена проблеме эмических единиц синтаксического уровня тюркских языков. Постановка такой проблемы актуализирует противопоставление языка и речи на уровне синтаксиса. Реализация такого противопоставления дает возможность для представления стройной и законченной картины системы тюркских языков. Новизна предлагаемого подхода заключается в понимании синтаксем как эмических единиц языка. Они имеют свойства лингвистического знака и относятся к сфере языкового подсознания. Синтаксемы тюркских языков можно задать закрытым конечным списком. Они образуют систему.

Ключевые слова: тюркские языки, синтаксис, единицы языка и речи, синтаксема, модель, система.

This article is devoted to the problem of emic units of the syntactic level of the Turkic languages. The formulation of such a problem actualizes the opposition of language and speech at the level of syntax. The implementation of such opposition makes it possible to present a coherent and complete picture of the system of the Turkic languages. The novelty of the proposed approach lies in the understanding of syntaxemes as emic units of language. They have the properties of a linguistic sign and belong to the sphere of the linguistic subconscious. Syntaxemes of the Turkic languages can be specified as a closed finite list. They form a system.

Keywords: Turkic languages, syntax, units of language and speech, syntaxeme, model, system.

Настоящая работа является в определенной мере следствием вдохновляющего воздействия трудов известного лингвиста XI столетия М. Кашгари – «Диван лугат ат-түрк» и «Китаб жавахир ан нахви фи лугат ат-түрк». Как известно, второе сочинение ученого хотя и было написано раньше первого, но до сих пор так и не дошло до нас.

Однако его название и лингвистическое мировоззрение автора, акцентирующее при обращении к языкам две системы – лексику и синтаксис, а также методология «Дивана» явились импульсом к работе над нашим исследованием. В тюркологии существует множество работ, выполненных под влиянием труда М. Кашгари, в т. ч. и синтаксические исследования [7]. Но предлагаемая статья прежде всего отличается стремлением последовательно развести на уровне тюркского синтаксиса единицы языка и речи.

Основной целевой установкой при работе над данной темой служило намерение идентифицировать и описать те сущностные единицы языка на уровне синтаксиса, которые мы называем синтаксемами и которые являются настоящими драгоценностями тюркского синтаксиса [2: 188]. Это синтаксемы, или элементарные, монопропозитивные простые предложения (ЭПП). Они не поддаются непосредственному восприятию, их нельзя видеть, однако они существуют в виде системы единиц языка. На уровне языкового подсознания носители тюркских языков их «знают» и автоматически выбирают из этих единиц нужные при порождении мыслей и их выражении в речи [1; 5].

В отличие от бесконечного числа предложений-высказываний в речи синтаксемы можно задать конечным закрытым списком, и это является важной задачей при системном описании тюркского синтаксиса. В процессе нашего исследования выделено 48 основных синтаксем. Они позволяют представить систему эмических единиц (ср. систему фонем в языке) тюркских языков на уровне синтаксиса. Чтобы их отобразить в научном описании мы прибегаем к помощи моделей, являющихся тем средством, которое позволяет сделать синтаксем «видимыми».

Синтаксемы, или элементарные простые предложения (ЭПП), как их называют последователи Новосибирской синтаксической школы [3; 4; 5; 6], в тюркских языках системно организованы. Они объединяются по признаку их ведущих компонентов в группы и подгруппы, которые взаимно противопоставлены друг другу. Так, 44 модели регулярно воспроизводимых синтаксем противопоставлены 4 моделям собственно фразеологизированной структуры (мы не вводим в список конструкции частично фразеологизированной структуры). Первые делятся на односоставные (3 модели) и двусоставные (41 модель) синтаксем. Двусоставные глагольные синтаксем (17 моделей) противопоставлены именным (19 единиц) по характеру выражаемого предикативного признака. Вместе они противопоставлены блоку моделей, в которых при

предикате наряду с актантами представлены еще и пространственные конкретизаторы (5 моделей). Внутри этих блоков отдельные синтаксемы и их варианты также обнаруживают системные межмодельные отношения. Именно системность синтаксем и их способность к широкому варьированию позволяет им быть ценностями тюркского синтаксиса. Несмотря на их относительно малое количество по сравнению со словами в лексике языка, они обуславливают способность тюркских языков передавать весь жизненный опыт их носителей и описывать любую ситуацию. В предикатах синтаксем, как в зародыше, скрыты формы, представляющие ситуации из реальности. Этим и ценен предикативный способ выражения мыслительных структур.

Варьирование синтаксем и их идиоматизация влекут за собой выражение особенностей языковой «картины мира» носителей тюркских языков на местах. Они позволяют передавать в языке изысканные образцы богатого фольклора, которые собираются диалектологами начиная с М. Кашгари.

Значимость синтаксем (ЭПП) для тюркских языков также обусловлена тем, что другие единицы (конструкции) синтаксиса – словосочетания, моно- и полипредикативные предложения разной степени сложности благодаря синтаксическим механизмам формируются на основе ЭПП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 36–47.
2. Абдуллаев С.Н. Драгоценности тюркского синтаксиса. Алматы: МИР, 2024. 208 с.
3. Абдуллаев С.Н. Элементарные простые предложения с именным предикатом в тюркских языках: двухактантные модели // Известия Национальной Академии наук КР. Бишкек. 2024. № 4. С. 31–34.
4. Серээдар Н.Ч. Бытийные модели в тувинском языке: характеризующее значение // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 680–683.
5. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–19.
6. Чугунеева А.Н. Модели движения, ориентированного относительно определенного пространственного объекта (на материале хакасского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 104–106.
7. Rakhmatova G. Simple sentence and its expression in ancient turkic language // Current research journal of philological sciences. 2023. Vol. 4. No 05. P. 27–32.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

К.Ж. Айдарбек

*Казахский Национальный университет имени аль-Фараби
(Казахстан, Алматы)*

В данной статье рассматриваются вопросы унификации терминологических систем в тюркских языках. Научно-технический прогресс, развитие международной коммуникации и процессы глобализации усилили взаимодействие языковых единиц. Основной проблемой в усилении использования тюркских языков в общем научном пространстве становится унификация терминологии. Однако по мере развития науки и техники каждый язык пытается самостоятельно создавать новые термины и адаптировать их к своим национальным особенностям. Этот процесс, с одной стороны, увеличивает языковое богатство, а с другой – приводит к отсутствию унификации в общем научном пространстве. С этой точки зрения возникает необходимость систематизации и координации научного терминологического фонда тюркских народов. В исследовании анализируются основные препятствия и перспективы формирования терминологической унификации.

Ключевые слова. Тюркские языки, терминология, унификации, систематизация, общий тюркский терминологический фонд.

This article discusses the issues of unification of terminological systems in the Turkic languages. Scientific and technological progress, the development of international communication and the processes of globalization have strengthened the interaction of linguistic units. The main problem in increasing the use of Turkic languages in the general scientific space is the unification of terminology. However, as science and technology develop, each language tries to independently create new terms and adapt them to its national characteristics. This process, on the one hand, increases linguistic richness, and on the other hand, leads to a lack of unification in the general scientific space. From this point of view, there is a need to systematize and coordinate the scientific terminological fund of the Turkic peoples. The study analyzes the main obstacles and prospects for the formation of terminological unification.

Keywords: Turkic languages, terminology, unification, systematization, general Turkic terminological fund.

На современном этапе усиливается международная интеграция в области науки и образования, расширяется сфера применения тюркских языков в научной, технической и общественной сферах, на

новый уровень выходит сотрудничество между тюркскими странами. В этом контексте унификация терминологии является важной предпосылкой для эффективности общей тюркской научной коммуникации. В процессе адаптации к развитию мировой науки и образования актуальной проблемой стало создание, перевод и введение в функционирование терминов, выражающих новые понятия и названия. Поскольку терминологическая политика в каждом тюркском государстве проводилась независимо, наблюдается отсутствие единообразия в общем научном пространстве. Эта ситуация не только усложняет научную коммуникацию, но и создает определенные проблемы в формировании общего тюркского терминологического фонда. Унификация терминологии в тюркских языках зависит от нескольких факторов:

Историко-культурная общность.

Тюркские народы на протяжении тысячелетий сохраняют общую языковую основу. Общие слова и названия в литературных, исторических, религиозных текстах создают предпосылки для современной терминологической гармонии. Например, такие понятия, как «наука – ғылым», «знание – білім», «творение – жаратылыс», используются одинаково во многих тюркских языках.

Национальные особенности.

После обретения независимости каждое тюркское государство отдавало приоритет формированию терминологии на основе своего национального языка. Эта тенденция иногда приводит к отходу от общего терминологического пространства. Например, термин «акт» в казахском языке используется в двух вариантах, как «акт» и «кесім», в турецком языке – «hareket», узбекском – «harakat», в киргизском – «акт»; «баланс» в казахском языке – «тенгерім», в турецком – «denge», в азербайджанском – «balans», в узбекском языке – «muvozanat» и др. (1; 2).

Международное влияние.

В условиях глобализации англоязычные термины интенсивно проникают во все тюркские языки. Каждый язык принимает и адаптирует их по-своему. Например, термин «компьютер» используется в казахском языке как «компьютер», в киргизском – как «компьютер», а в турецком – как «bilgisayar». Несмотря на то, что данное противоречие препятствует терминологической координации в тюркских языках, но и указывает на необходимость принятия практических решений в направлении унификации терминов.

Темпы научно-технического развития.

При внедрении новых технологических инноваций в свою научную систему тюркскими языками, в первую очередь наблюдается

нескоординированность в терминообразовании. Поэтому специалисты-терминологи разных отраслей совместно поднимают вопрос о формировании и создании общего тюркского терминологического фонда.

Существуют следующие *основные проблемы* в этом направлении:

- стремление каждого языка создать свой терминологический фонд;

- вариативность и синонимия в сфере терминообразования: «личный счет» – «бетесеп, жеке есеп»; «экстрасенс» – «болжамгер, емгер»; «консолидация нации» – «ел болып ұю, ұлт болып ұю»; «патриот» – «елжанды, ұлтжанды, отансүйгіш»; «боеголовка» – «құстұмсық, оқтұмсық, оқбасы»; «опекун» – «қорғаншы, қамқоршы»; «тратуар» – «аяқжол, жиекжол, жаяусоқпақ»; «спекулянт» – «жалдап, алыпсатар, пайдакүнем»; «лектор» – «дәрісші, дәріскер»; «бизнесмен» – «ілімді, кәсіпкер, бизнесші» и наоборот семантическая перегруженность термина, например «делдал» в казахском языке обозначает «маклер, брокер, посредник, дилер, риелтор» и т. д.

- преобладание различных способов адаптации международных терминов в тюркских языках (3);

- отсутствие единого научно-методического центра и др.

Для решения вышеуказанных проблем необходима реализация задачи – поднять на новый уровень научные исследования, связанные с терминологическими работами в тюркских языках. В данном направлении важно определить конкретные шаги и пути будущего развития. В этой связи можно выделить следующие перспективы:

1. Создание общего терминологического совета или центра путем усиления научно-культурного сотрудничества между тюркскими государствами;

2. Создание общей электронной терминологической базы тюркских языков в целях унификации;

3. Координировать международно признанные терминологические фонды и принимать их с учетом национальных особенностей языков;

4. Разработка общих терминологических стандартов относительно новых понятий;

5. Формирование полиязычных терминологических словарей с привлечением молодых ученых и переводчиков;

6. В процессе терминотворчества, опираясь на национальную основу и общую идентичность использовать историческое общее наследие тюркских народов.

7. Налаживание совместных экспертных дискуссий ученых тюркских стран в утверждении новых терминов.

Научные принципы казахской терминологии глубоко обоснованы в трудах Ахмета Байтурсынова. Он сделал основной упор на максимальное использование внутренних возможностей языка в наименовании новых понятий, соблюдая естественные законы казахского языка. Принципы А. Байтурсынова в первую очередь опираются на понятность и удобство терминов, соответствие нормам национального языка, точность и унифицированность. Самым важным для ученого было то, что термины, созданные на казахском языке, были понятны народу и позволили овладеть наукой и знаниями на родном языке. В этом смысле научные принципы А. Байтурсынова составляют фундаментальную основу современной казахской терминологии:

1. Рациональное и целенаправленное использование лексического богатства и словообразовательных возможностей казахского языка, выступающего внутренним источником формирования и развития национальной терминологии;

2. В случае отсутствия в казахском языке необходимых лексических и словообразовательных возможностей термины целесообразно заимствовать из других тюркских языков;

3. Общие для всех народов Европы термины должны быть адаптированы под фоно-морфологические особенности казахского языка;

4. Термины, заимствованные из русского языка (славянских языков), по возможности следует перевести на казахский язык, если нет такой возможности необходимо адаптировать их согласно фоно-морфологическим особенностям казахского языка.

В связи с этим терминологический фонд на государственном языке в РК представляется следующим образом:

- общее количество терминов – 333 000 (100%);
- международные термины – 33 479 (10,6%);
- международные термины, освоенные на основе национального языка – 6 317 (1,90%);
- термины, образованные путем присоединения к иноязычному термину аффиксов национального языка – 293 204 (87,5%).

Одним из показателей развития языка является расширение и развитие социальных, общественных функций языка. В этой связи, казахскими учеными-терминологами постоянно анализируется и изучается опыт Турции в проведении терминологических работ, практика разработки и создания терминологических словарей. В частности, в 2009 году был опубликован «Большой словарь турецкого языка», состоящий примерно из 616 767 слов, из которых только 15 389 языковых единиц иностранного происхождения. Все 15 389 языковых

единиц адаптированы к фономорфологическим особенностям турецкого языка. В 2000 году в Турции была создана специальная группа ученых-лингвистов по разработке проблем терминов иноязычного происхождения. В задачи данной группы входят:

1) в первую очередь, иноязычные термины заменяются словами из словарного фонда турецкого языка;

2) при отсутствии такой возможности запускается механизм терминообразования;

3) при построении термина используется корень слова, например: göz (глаз), gözlük (очки), gözlük kutusu (футляр для очков, футляр), gözlük camı (стекло для очков);

4) в случае, если у ученых-лингвистов разные взгляды и они не могут прийти к единому мнению относительно нового термина, то через социальные сети этот термин предлагается к апробации с целью определения мнения большинства. Например, английское слово «Selfie» (селфи) было заменено словом «Özçekim» (это слово было одобрено «Обществом турецкого языка» по предложению большинства населения). Важно подчеркнуть, учитывается мнение каждого человека, способного внести свой вклад в данное дело.

В современном мире, характеризующемся интенсивным развитием идей и технологий, особую значимость приобретает процесс обмена и накопления опыта. Он обеспечивает возможность критического осмысления практик турецких специалистов-терминологов и их адаптацию к национальным условиям. Использование передового опыта зарубежных коллег способствует ускорению научного прогресса, минимизации ошибок и предотвращению повторения неэффективных решений. Более того, представляется, что подобный обмен опытом в перспективных исследованиях способен впервые в тюркском языкознании содействовать разработке теоретических основ общетюркского терминологического фонда, а также определению путей формирования общетюркской научной картины мира на базе сравнительного анализа терминологических словарей тюркских языков.

Таким образом унификация терминологии в тюркских языках – важный процесс, имеющий не только языковое, но и научное, культурное и политическое значение. Историко-культурная общность, коренная близость тюркских народов дают большую возможность в этом направлении. Однако сложившиеся различия в зависимости от индивидуального пути развития и национальных особенностей каждого языка создают определенные трудности.

На современном этапе для формирования общего научного пространства необходимо прежде всего обеспечить эффективность реализации терминологических работ. Для этого важно, опираясь на международный опыт, создать специальный терминологический совет на уровне тюркских государств, создать единую электронную базу, издать общие словари.

Реализация исследований в данном направлении будет способствовать не только расширению сфер взаимопонимания между тюркскими языками, но и формированию единого научно-терминологического пространства, что существенно облегчит межъязыковую и междисциплинарную коммуникацию. Унификация и стандартизация терминологии позволит укрепить позиции тюркских языков в мировой науке, создавая условия для их равноправного участия в глобальном научном дискурсе. Кроме того, данная работа обеспечит преемственность и сохранение общетюркского научно-культурного наследия, что имеет стратегическое значение как для современного поколения исследователей, так и для будущих поколений, формируя основу для дальнейшего развития интеграционных процессов в области тюркской лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пашаева Г.Б. Функциональные особенности терминов (на материале азербайджанского языка) // URL: www.gramota.net
2. Ширинова Е. Заимствование как способ обогащения банковско-финансовой терминологии узбекского языка // URL: <http://gisap.eu/ru/node/29180>
3. Кулманов С.К. Особенности функционирования иноязычных терминов в тюркских языках // URL: <https://termincom.kz/articles/?id=76>

УДК 378.147

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

М.Б. Атаева

*Туркменский государственный университет им. Махтумкули Фраги
(Ашхабад)*

Наука и образование признаны главными приоритетами национальной экономики. Образование в нашей стране состоит из трёх этапов, и каждый этап имеет свои цели и задачи. В соответствии с этими задачами были обновлены и модернизированы образовательные программы. В настоящее время переход к цифровой системе образования осуществляется быстрыми темпами. Цифровизация образования приводит

к улучшению процесса обучения. Разработаны государственные стандарты, которые позволяют национальному образованию соответствовать международным стандартам.

Ключевые слова: наука, цифровая система, обучение, образование, международный стандарт.

Science and education are recognized as the main priorities of the national economy. Education in our country consists of three stages and each stage has its own goals and objectives. In accordance with these objectives, educational programs were updated and modernized. Currently, the transition to a digital education system is being realized at a rapid pace. Digitalization of education leads to an improvement in the learning process. State standards have been developed and allow the national education to meet with international standards.

Keywords: science, digital system, learning process, education, international standard.

Национальный Лидер Туркменистана в своей книге «Bilim – bagtyýarlyk, ruhbelentlik, rowaçlyk» пишет: «Главной целью образовательной политики нашего государства является совершенствование системы образования Туркменистана, воспитание подрастающего поколения в соответствии с национальными и общечеловеческими ценностями, развитие конкурентоспособной системы образования» [1: 61]. В рамках дальновидных, многоплановых, устремленных в будущее, целеустремленных реформ Национального Лидера, начиная с 2007 года, проводится важная работа по всестороннему совершенствованию системы образования. Значительная работа проводится на основе «Программы Президента Туркменистана по социально-экономическому развитию страны на 2019–2025 годы», «Концепции развития цифровой системы образования в Туркменистане». В своем выступлении на встрече с представителями общественно-политических организаций и культурных кругов нашей страны Национальный Лидер подчеркнул: «Мы должны уделить большое внимание решению задачи ускорения перехода к цифровой системе образования как важнейшему условию национального прогресса» [5: 2]. Воспитание молодого поколения, определяющего будущее страны, профессионалами, преданными Родине, современными, грамотными, нравственно чистыми, способными к ответственному и творческому подходу к своему делу, является в настоящее время важнейшей задачей в мире.

В замечательной книге нашего Героя Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Ömrümiň manysynyň dowamaty», полной глубоких философских размышлений, есть раздел под названием «Суть

образования – наука и знания». В этом разделе книги говорится: «Независимо от профессии, рода занятий и сферы деятельности, наука, знания и образование имеют огромное значение для каждого человека. Чтобы жизненные представления были здоровыми, взгляды на жизнь расширялись, таланты раскрывались, люди становились достойными эпохи, государства и счастливого будущего, важно овладевать образованием и окружать поколения совершенным образованием» [3: 91]. Среди независимых государств, появившихся на карте мира, наша любимая Родина избрала путь развития национальной экономики путём всесторонней диверсификации и достигла больших успехов на этом направлении. Наука и образование были признаны приоритетными направлениями национальной экономики. Первые шаги нашего уважаемого Аркадага на посту главы страны начались с реформирования системы образования. В первую очередь, была усовершенствована законодательная база системы образования. В этот период был принят Закон Туркменистана «Об образовании» (новая редакция). В системе образования Туркменистана уже некоторое время реализуется Концепция перехода на двенадцатилетнее среднее образование. Образование в стране состоит из трёх этапов, каждый из которых имеет свои цели и задачи. В соответствии с этими задачами обновляются и модернизируются учебные программы и планы общеобразовательных школ. Они учитывают требования современности и открывающиеся возможности. В настоящее время переход к цифровой системе образования идёт быстрыми темпами. Цифровизация образования ведёт к совершенствованию образовательного процесса. Разработаны государственные стандарты, позволяющие приблизить образование в стране к мировым стандартам. Реализация «Концепции совершенствования преподавания иностранных языков в Туркменистане» стала одним из основных принципов. Качественная реализация задач, поставленных Концепцией перед работниками образования, позволит каждому туркменскому специалисту свободно владеть тремя языками, налаживать различные виды коммуникации с зарубежными партнёрами. Для реализации этих задач налажено международное сотрудничество в сфере образования и науки. На высокий уровень выведены связи с авторитетными вузами развитых стран – нашими зарубежными партнёрами в сфере образования. Примером тому служит сотрудничество со всемирно известным Университетом Цукубо (Япония), Университетом Фирдоуси (Мешхед, Исламская Республика Иран), а также с вузами Узбекистана и Республики Корея. Как и в любой сфере, потребность

в специалистах в системе образования для эффективного решения поставленных задач и достижения целей неоспорима.

Процесс подготовки специалиста – длительный и трудоемкий. Эта работа начинается со знакомства с педагогикой, психологией, методикой, теоретическими знаниями преподаваемого предмета (языка и литературы) в вузе и продолжается постепенным совершенствованием. Учитель должен знать теорию образования и совершенствовать свою практику, уметь осваивать постоянно совершенствующиеся и усовершенствующиеся образовательные технологии, изучать их и применять на практике, знать дидактику, межличностную психологию и психологию отношений учителя и ученика. В этой подготовке необходимо не только изучать теоретические знания, но и обращаться за помощью к опытным педагогам, изучать труды всемирно известных учёных-педагогов по школьному образованию. Главное – необходима помощь наставника, который будет всегда рядом в повседневной работе и поможет молодому специалисту решать задачи, которые ставит перед ним жизнь. Другими словами, если учитель получает теорию обучения и воспитания в вузе, то роль школьных учителей и специально назначенного наставника в его становлении как настоящего учителя особенно важна. Руководителям школ следует тщательно подходить к назначению наставника молодому специалисту. Учитель, получивший звание халифа, несёт ответственность за все аспекты работы своего ученика. Ученик должен действовать с пониманием ответственности, которая на него ложится. Кроме того, специалист должен быть политически подготовленным, то есть быть в курсе политических и социальных событий, происходящих в стране, регионе и мире, уметь анализировать и объяснять их в любой момент. Главное, специалист должен подходить к выбранной профессии с любовью. Где нет любви и желания, там нет и желаний. В практике общеобразовательной школы путь от молодого специалиста до учителя высокого уровня состоит из нескольких этапов. Они должны пройти этапы молодого специалиста, учителя, учителя II уровня, I уровня и учителя высокого уровня. Каждый этап имеет свои особенности и требования, и их профессиональная характеристика может быть составлена.

Специалист, окончивший среднюю школу и сделавший первые шаги через школьный порог, называется молодым специалистом. Его работа, прежде всего, начинается со знакомства с коллективом образовательного учреждения, методистами, учителями и учениками, а также историей, библиотекой и другими структурными подразделениями, учебной программой, методическими новациями учебного

заведения. Он во всех отношениях ученик, стремящийся проникнуть в тайны обучения и воспитания. В эти моменты ему на помощь приходят педагогические и психологические знания, мастера и наставники, работающие в школе. Учитель-ученик прикреплен к одному из учителей-наставников. Он может обратиться к учителю-наставнику по любому вопросу и ожидать от него помощи. Судьба человека, работающего в системе образования, во многом связана с книгами. Книги служат основным средством воспитательной работы. Когда их содержание раскрывается и усваивается, развивается ум личности, формируется разум. В стихотворении великого туркменского поэта Махтумкули Фраги есть поговорка: «Тот, кто читает книги, полон смысла» [4: 34]. Книга – источник всего нашего прогресса.

В романе нашего уважаемого Герой Аркадага «Имя доброе нетленно», когда односельчане спрашивали Анну-сердар: «Откуда ты придумал всё это?», он отвечал: «Я не придумал, а прочитал из книг» [2: 13]. Нам следует учиться читать и уважать книги у Анны-сердар, Бердымухамеда Аннаева. Нам также следует учиться у Бердымухамеда Аннаева развитию педагогического мастерства. У него мы можем многому учиться о профессии педагога, о внешнем и внутреннем образе учителя, о педагогике и её роли в жизни человека, ведь вся его осмысленная жизнь – это преподавательство.

Моральный кодекс учителя очень точно охарактеризован в романе нашего Героя Аркадага «Имя доброе нетленно». Каждый из нас должен использовать его в своей повседневной жизни, в своей профессиональной деятельности, поскольку он отражает тонкие тайны учительской профессии, его моральный облик, этапы развития, методические и организаторские способности. Когда учитель активен и новаторски креативен, система образования развивается и меняется. В результате общество пополняет свои ряды специалистами, развитыми личностями, патриотичными гражданами, любящими свою профессию, поднимающими её на новые, необходимые государству высоты. Профессия педагога – это гуманистическая профессия. Сам педагог должен быть гуманистом по своему призванию и характеру. Педагог должен руководствоваться в своей работе творчеством, постоянно учиться и неустанно работать над собой.

Учитель:

- воспитывая, необходимо подавать пример высоких моральных качеств и быть образцом для подражания других;
- обучая, он должен учиться;
- преподавав, должен читать;

Только так специалист достигнет уровня мастерства. Нет предела совершенству. Принцип наставничества должен быть внедрен в педагогическую практику. Этот принцип долгосрочный и требует кропотливого, творческого труда – активности педагога. Принцип наставничества, по нашему мнению, включает три уровня:

На первом уровне у обоих участников педагогического труда (преподавателя и молодого специалиста) должно быть желание. На этом уровне выигрывают обе стороны. Результат налаженного сотрудничества быстро заметен.

На втором уровне желание есть у одной из сторон, а у другой отсутствует или слабое. На этом уровне, если у преподавателя сильное стремление к творчеству, он может привлечь и мотивировать своего партнера. Если же творческие отношения не устанавливаются, то работа односторонняя, и отношения остаются формальными.

На третьем уровне сотрудничество оформляется на бумаге, в формальной форме, то есть отношения по данному вопросу остаются поверхностными с обеих сторон. Поэтому при установлении принципа наставничества-ученичества руководитель, методист должен руководствоваться профессиональными, интеллектуальными аспектами, темпераментом, чертами характера и желаниями участников.

Политическая готовность профессионала определяется, прежде всего, уровнем его образования, его осведомленностью о текущих политических и общественных событиях, а также, прежде всего, его способностью быть в курсе событий в системе образования, а также Постановлений и Указов, составляющих её законодательную основу. Необходимо тщательно изучать законы и постановления, принятые нашим Уважаемым Президентом в целях гармоничной интеграции национальной системы образования в мировое образовательное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gurbanguly Berdimuhamedow. Bilim – bagtyýarlyk, ruhbelentlik, rowaçlyk. – Aşgabat: TDNG, 2014. 61 c.
2. Gurbanguly Berdimuhamedow. Älem içre at gezer. – Aşgabat: TDNG, 2011. 13 c.
3. Gurbanguly Berdimuhamedow. Ömrümiň manysynyň dowamaty. – Aşgabat: TDNG, 2023. 91 c.
4. Magtymguly. Şygylar. 3 tomluk. 1-nji tom. – Aşgabat: «Türkmenistan», 1992. 34 c.
5. «Türkmenistan» gazeti, 2020-nji ýylyň 21-nji dekabry. 2 c.

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТАТАР О СГЛАЗЕ

З.М. Брусско

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Работа посвящена рассмотрению представлений татар о сглазе в свете его воздействия на ребенка, а также способов профилактики и исцеления от последствий этого явления. Материалом исследования стали собственные полевые записи автора, сделанные в населенных пунктах Аксубаевского района РТ. Обращение к локальной традиции позволило сократить круг вопросов, связанных с понятием «дурного глаза» и сконцентрировать внимание на типичные для конкретной территории проблемы. Целью исследования стало комплексное описание культурно значимой информации о сглазе, представленного диалектными текстами. Анализ данных предоставил возможность раскрыть культурную семантику оберегов и атрибутивно-акциональной составляющей выполняемых действий и заговоров.

Ключевые слова: Татары, представления, сглаз, заговор, оберег, исцеление, ребенок.

The work is devoted to the consideration of Tatar ideas about the evil eye in the light of its impact on the child, as well as methods of prevention and healing from the consequences of this phenomenon. The research material was the author's own field notes made in settlements of the Aksubaevsky district of the Republic of Tatarstan. Turning to the local tradition made it possible to reduce the range of issues related to the concept of the "evil eye" and concentrate attention on problems typical for a particular territory. The purpose of the study was a comprehensive description of culturally significant information about the evil eye, presented in dialect texts. Data analysis provided an opportunity to reveal the cultural semantics of amulets and the attributive-actional component of performed actions and spells.

Keywords: Tatars, ideas, evil eye, conspiracy, amulet, healing, child.

Тема исследования заговорно-заклинательной традиции, народной медицины, а также представлений о болезнях, о силах, которые их провоцируют, занимает одну из ведущих в отечественной науке. На сегодняшний день издано немало монографических и коллективных трудов, освещающих данные темы (3; 5; 9). Что касается татарской гуманитарной науки, то эти вопросы остаются одними из наименее изученных фрагментов традиционной культуры вплоть до сегодняшнего дня. Лишь отдельные исследователи в той или иной степени рассматривают заговоры и заклинания (ырым, эфсен, арбау, им-том) в своих

работах [2: 35–49; 3: 195–250; 4: 169–189; 9; 10: 176–178; 13: 80–91]. Между тем, глубинное изучение обозначенных тем, начиная от вопросов генезиса, функционального назначения, поэтико-структурных свойств представляет богатый материал для раскрытия архаических пластов традиционной культуры, в которой отчетливо отражаются мифологическое восприятие окружающего мира, особенности этнического мировоззрения. Мы же в своей работе затронем лишь небольшой фрагмент данной традиции – представления о сглазе, о его воздействии на ребенка и способы исцеления от него на примере материала одного района.

Дети (особенно младенцы) относятся к наиболее уязвимой категории людей, подверженных сглазу, что объясняется их незащищенностью «в силу незавершенности для них состояния перехода, а также таких качеств, как присущая детям мягкость, незрелость, слабость, которые соотносятся с недостатком жизненных сил и уязвимостью» [6: 66]. Сглаз, как правило, проявляется неумным громким плачем, беспокойным сном, отказом от груди, всякими высыпаниями на теле или другими болезнями ребенка, в отдельных случаях сглаз может привести даже к смерти. Как свидетельствуют экспедиционные материалы, сглаз в большинстве случаев понимается как непреднамеренное, спонтанно возникающее воздействие одного человека на другого, вследствие которого второй начинает страдать. Вместе с этим, по словам информантов, есть категория людей, обладающих «дурным глазом» (*«каты күзле кешелэр»*), один взгляд или слово которых могут нанести вред человеку. Часто для описания силы такого сглаза используются сообщения о том, что такие люди могут своим взглядом или мыслью иссушить дерево (*«агач шылтырап корган була»*), убить лошадь (*«ат егылып үлэ»*) или другую живность (*«үрдэклэр тэгэрэп үлэргэ тотындылар»*). Особых качеств, причисляющих их к разряду способных причинять вред с помощью сглаза, кроме сильной энергетики, на данной территории не отмечается. В то время как в других ареалах данная способность приписывается людям, обладающим черными, реже голубыми глазами. Экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что механизмами сглаза выступает как взгляд и мысль, так и мысль и слово, направленные на объект сглаза. В лексическом плане данные разновидности сглаза ничем не отличаются, обозначаются одним и тем же термином с семантикой взгляда, глаза *«күзегү»*, *«күз тию»* – например *«күзеккэн бала»* (ребенок, которого сглазили), *«балага күз тисэ»* (если ребенка сглазят). Та же лексема сохраняется и для обозначения человека, способного сглазить – *«күзектергэн кеше»*.

По словам информантов, от сглаза больше всего страдают дети, «рожденные в рубашке» («йөзлекле»): *«Йөзлекле туган кызым белән нужалар чиктем – куз тиде, чирләде, менә бер галамәт, бер галамәт! Андый балага куз тия торган була»* (С дочкой, «рожденной в рубашке» я намаялась – постоянно подвергалась сглазу, болела, беда прямо! Таких детей очень легко сглазить) [Записано от З.И. Шайхутовой (1931 г. р.) в с. Щербень Аксубаевского района РТ], а также дети (мальчики), родившиеся уже обрезанными («сөннәтле туган»): *«Сөннәтле туган бала йәт күзегә торган була ди»* (Говорят, что детей, родившихся уже обрезанными, можно очень быстро сглазить) [Записано от Х.И. Ильясовой (1938 г. р.) в с. Ст. Татарский Адам Аксубаевского района РТ]. Особенности знаки, имеющиеся у таких детей уже при рождении, наделяют их и особенными свойствами. Традиционно считается, что ребенок, рожденный в «рубашке», наделен счастьем, везением, красотой и т. д. Ребенка, родившегося обрезанным, татары определяют как избранного со стороны Всевышнего. Именно эти качества, выделяющие этих детей из общей массы, делает их особенными и потому более уязвимыми к болезням.

Представления о сглазе и возможных его последствиях определяют схему действий, которые условно можно разделить на те, которые выполняются в целях профилактики и на те, которые проводятся для исцеления от него. В исследуемой традиции широко распространены общеизвестные для всех татар меры предостережения от сглаза, одним из которых выступает использование разного рода амулетов, обладающих охранительным свойством. Силой отгона сглаза, по словам информантов, обладает веточка рябины, пришитая на головной убор ребенка. Использование данного предмета определяется здесь, прежде всего, его апотропейными функциями. В этнических традициях многих культур рябина – это сакральное дерево, магические свойства которого используются в отпугивании злых духов, защите от сглаза и порчи [12: 219; 14: 24–241]. Подтверждением этому служит обычай изготавливать оцеп колыбели из рябины: *«Бала кузекмәстән бишекнең сиртмәсен маләштән ясаганнар»* (Чтобы ребенка не сглазили, оцеп колыбели делали из рябины) [Записано от Х.Н. Муртазиной (1940 г. р.) в с. Нов. Ибрайкино Аксубаевского района РТ]. В то же самое время, данное действо является способом символического отвлечения «тяжелого» глаза с ребенка (веточка как бы фильтрует взгляд, пропуская его сначала через себя): *«Мәләш ботагы куярга кушалар инде менә балаларның башлыкларына, күлмәкләренә»* (На шапочки, одежду ребенка рекомендуют пришивать веточку рябины) [там же]. Данную задачу

выполняет и другое действие, заключающееся в замазывании лба ребенка печной сажей. Ярко выделяющееся на фоне белого лба черное пятно призвано отвлечь внимание от ребенка, создавая своеобразный барьер для возможного сглаза. Использование сажи в качестве амулета от сглаза продиктовано еще и ее смысловым наполнением. Сажа, как и другие продукты горения, связанные с огнем и печью, используется в охранительных, лечебных и других обрядах многих народов. Однако, наряду с многочисленными примерами использования данного вида защиты, на исследуемой территории был также зафиксирован запрет на его выполнение, мотивированный поверьем о невозможности излечить ребенка от последствий сглаза, проникших в него сквозь сажу, даже при помощи заговора: «*Корым аша тигән куз өшкергәч тә китми диләр инде*» (Говорят, что сглаз, проникший через сажу даже молитвами не убирается) [Записано от Р.Н. Сидулиной (1938 г. р.) в с. Тат. Сунчелеево Аксубаевского района РТ].

К числу амулетов, защищающих от сглаза, относится и пуповина ребенка, также пришитая к его головному убору. Для этого ее заблаговременно высушивают и убирают на хранение: «*Кендеген башлыгына куюрга кушалар иде, кузекмәстән диен*» (Пуповину ребенка рекомендуют пришить к шапочке) [Записано от Х.Н. Муртазиной (1940 г. р.) в с. Нов. Ибрайкино Аксубаевского района РТ]. Этот же информант сообщил еще об одном интересном способе ограждения от сглаза, согласно которому на ребенка надевают вывернутую наизнанку распашонку: «*Бала кузекмәстән күлмәген чүрә ягы белән киерткәннәр, әйләндереп*» (Чтобы ребенка не сглазили, надо распашонку на него надеть наизнанку) [там же]. Выворачивание одежды наизнанку – широко известный во многих традициях способ защиты от сглаза и других опасностей [6: 106]. Данное действие, выполняющееся в обратном направлении, призвано сменить вектор движения на противоположный и отвести тем самым сглаз от ребенка.

К профилактическим мерам относится стрижка утробных волос новорожденного, выполнение которой подчинено определенным правилам. Самое главное и обязательное из них – соблюдение сроков исполнения – чем раньше это произойдет, тем меньше вероятности пострадать от сглаза: «*Баланың беренче чәчен озак тотмый кисәргә кирәк, куз тия алайса*» (Первые волосы ребенка надо постричь, не откладывая это дело надолго, а то сглазят) [Записано от Х.И. Ильясовой (1938 г. р.) в с. Ст. Татарский Адам Аксубаевского района РТ]. Происхождение данного верования соотносится с представлениями о мифологизированности волос, их бессмертности, о присущей

им жизненной силе [8: 420; 12: 275; 14: 314]. Утробные волосы, характеризующиеся одновременно чуждостью, принадлежностью к иной ипостаси, и средоточием жизненной силы, представляют для новорожденного особую опасность. Именно она и породила традицию стрижки первых волос в кратчайшие сроки. Однако надо заметить, данная традиция свойственна не всем культурам. Известно, что многие славянские народы [8: 421], а также чуваша [14: 314], марийцы [1: 99] не стригут ребенка до года, что мотивируется страхом замедлить начало речи, или лишением его ума и счастья.

Вторую группу составляют действия, направленные на исцеление ребенка от последствий сглаза. Они, в свою очередь, также подразделяются на отдельные группы в соответствии с определенными показателями. Так, наряду с действиями-оберегами, характеризующимися краткостью, лаконичностью, существуют и целые заговоры, направленные на избавление от сглаза. На исследуемой территории были выявлены следующие способы лечения. Пострадавшего от сглаза ребенка купают в воде, в которой предварительно ополаскивают или 1) пуповину, или 2) утробные волосы, или 3) «йөзлек» («рубашку») ребенка, хранимые, в частности, и для этих целей: *«Балага куз тисэ, кендеген суга салып коендырырга дилэр»* (Говорят, что ребенка надо купать в воде с пуповиной) [Записано от З.И. Шайхутовой (1931 г. р.) в с. Щербень Аксубаевского района РТ], *«Беренче чәчләрен чүпрәккә төреп коендырабыз»* (В воду для купания ребенка опускаем завернутые в тряпку утробные волосы) [там же], *«Баланы йөзлек чайкаган суга салып коендырасың да, ул куз кайта ди»* (В воде сначала ополаскиваешь «рубашку», потом в этой воде купаешь ребенка, и сглаз проходит) [там же].

Одним из распространенных способов лечения от сглаза на данной территории выступают всевозможные заговоры. Надо отметить, на сегодняшний день большинство заговоров функционирует в форме предметно-акционального текста, вербальная часть либо вовсе отсутствует, либо состоит из молитв коранического содержания. Для наглядности рассмотрим несколько примеров.

1. Ребенка окуривают дымом от подожженной 41 щепки, которые для этой цели отламывают из 41 столба (забора), расположенного на большой дороге: *«Бала кузсенгәчтен иң олы юлдан 41 казыктан 41 йомычка аласың, аларны төреп, дога укып төтәштерәсең баланы»* (Если ребенка сглазили, надо взять 41 щепку из 41 забора на самой большой дороге и окуривать ребенка с молитвами) [Записано от Х.Н. Муртазиной (1940 г. р.) в с. Нов. Ибрайкино Аксубаевского района РТ].

2. Ребенка ополаскивают «таң суы» («водой зари»), набранной из реки до восхода солнца. Процесс хождения за водой и набора воды выполняется с соблюдением строгих правил: нужно хранить полное молчание по дороге к реке и обратно, ни с кем не заговаривать, не оборачиваться, воду нужно набирать в направлении от себя. Строго регламентировано и количество набираемой воды – 41 половник. Ополаскивание ребенка совершают на пороге: *«Күз тигәндә таң суы белән имлиләр. Таң суын таң чыккинча, таң атар алыннан су агымына каршы 41 аш чүмече су алалар. Укый-укый алырга белгәнәңне. Ул таң суына барганда да, кайтканда да борылып карарга ярамый, кеше очраса да, йәшергә ярамый. Ул суны чиләктән бушатып йылытрга ярамый, шул чиләге белән пич алдында гына йылытасың. Баланы коендырган вакытта бусагага бастырып коендырырга кушалар. Бусагадан бит төрле кеше атлап йөри. Белгәннәреңне укыйсың инде»* (От сглаза заговаривают водой зари. Воду зари набирают до восхода солнца, держа половник от себя, 41 половник воды надо. Надо постоянно читать молитвы. Всю дорогу и туда, и обратно нельзя оборачиваться, разговаривать со встречными. Эту воду нельзя греть, прямо в этом же ведре нагреваешь в передней части печи. При ополаскивании ребенка он должен стоять на пороге. Через порог ведь разные люди ходят. Читаешь молитвы, которые знаешь) [там же].

3. Ребенка поят водой, оставшейся после полоскания чайных чашек после гостей. Частью этой воды протирают оконные стекла, дверные косяки и ручки, затем натирают ей ребенка и выливают за порог в сторону: *«Балага күз тисә, кунаклар артыннан чашкалар чайката идек, аннары шул суны балага эчртәсең, тәрәзә, ишек косякларын сөртәсең шул су белән, аннары балага сөртәсең. Ул суны ишек бусагасыннан кеше йөрми торган жиргә түгәсең»* (Если ребенка сглазили, после гостей споласкивали чашки, потом поили этой водой ребенка. Этой же водой протираешь оконные, дверные косяки и натираешь ей ребенка. Остатки воды выливаешь через порог на улицу, туда, где никто не ходит) [Записано от А.И. Хасаншиной (1958 г. р.) в с. Нов. Ибрайкино Аксубаевского района РТ].

Отдельный интерес в контексте темы вызывают заговоры, исполняемые от лица тех, кто сам сглазил кого-то. По словам информантов, некоторые тяжелые, не поддающиеся лечению случаи способны исправить («заговорить») лишь сами сглазившие, которые, зная свои способности, заранее ожидают прихода пострадавших. Заговор в таких случаях может включать в себя опрыскивание пострадавшего (ребенка) водой изо рта, натирание его этой водой, направление дуновения,

плевков в его сторону, движения вокруг него с одновременным произнесением молитв: *«Әбиең бер-ике әйләнеп, бер өшкерде дә, авызына су алып, кызымның өстенә өрде дә, бар кайт диде»* (Бабушка один-два раза обошла ребенка, прочла молитвы, набрала в рот воды, опрыскала ей ребенка и сказала идти домой) [Записано от З.И. Шайхутовой (1931 г. р.) в с. Щербень Аксубаевского района РТ). Особо надо отметить окуривание больного дымом подожженных ниток, оторванных из области воротника, подмышек одежды сглазившего: *«Гөлишат апа бар иде каты күзле. Минем Мәрьямне үтерә язды бит ул күзектереп, тәнәнә сүл китте, битләренә чыкты. Авызына су алды, күлмәгенәң якасыннан, култык астыннанан йепләрен кисеп алды, менә тир сеңгән төш кирәк. Аннан үзе белгәннәре белән өшкерде. Мин баланы шул саламаләре белән төтәштердем, суы белән битен дә юдым, эчердем дә»* (У нас была Гулышат апа с сильным глазом. Мою Мәрьям она чуть не убила же сглазом, по телу пошли бородавки, на лице даже появились. Набрала в рот воды, с воротника, подмышек платье отрезала нитки, вот пропотевшие места нужны. Потом заговорила молитвами, которые сама знала. А я ребенка окурила этими нитками, водой помыла лицо и дала попить) [Записано от Х.Н. Муртазиной (1940 г. р.) в с. Нов. Ибрайкино Аксубаевского района РТ].

Как видно из рассмотренных текстов, для избавления от сглаза обращаются к атрибутам и действиям, обладающим высоким семиотическим статусом. Так, окуривание, полоскание ребенка раскрывает семантику очищения; использование слюны (плевок, опрыскивание ребенка водой изо рта), пота (окуривание нитками, пропитавшимися потом) соотносятся с общеизвестными представлениями о применении человеческих выделений, а также всех нечистот в охранительно-лечебных действиях [6: 128]. Лечение «водой зари» является способом обращения к природе, обладающей мощной выздоравливающей и оживляющей силой, а также использование ее магических свойств, обусловленных причастностью к потустороннему миру [8: 388]. Вера в возможность излечить сглаз путем контакта с возможным «вредителем» обуславливает использование в заговорной практике таких пространств, как большая дорога и порог двери, которые характеризуются непрерывным присутствием и движением людей. Эта же мотивировка лежит в вывешивании одежды ребенка на околице, которое выполняется при неэффективности всех ранее принятых мер: *«Менә күзеккән баланың, өшкереп тә терелмәсә, күлмәген кыр капкага чыгарып эләргә кушалар иде. Шунда калдырасың ул күлмәкне, бер дә алмыйсың. Күз кайта диләр иде»* (Вот ребенку, которого сглазили, заговоры если не

помогают, говорили, одежду его надо вывесить на околице. Там ее оставляешь, никогда не забираешь. Сглаз проходил, говорили) [8: 388].

Таким образом, рассмотрение материала показывает устойчивость представлений о сглазе и актуальность магических действий, выполняемых для избавления от его последствий в обрядовой культуре татар, проживающих в Аксубаевском районе РТ. Многочисленные примеры, зафиксированные на данной территории, свидетельствуют о бытовании как профилактических, так и лечебных способов исцеления. В результате развернутого анализа данных, удалось раскрыть семантическую основу используемых оберегов и исполняемых действий, большинство из которых относится к категории общеизвестных. Вместе с тем, были выявлены и разобраны некоторые традиции, восходящие к общетюркскому началу, и представляющие локальные особенности заговорно-заклинательной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2018. 204 с.
2. Бакиров М.Х. Татарский фольклор: монография. Второе дополненное издание. Казань: Изд-во Акад. наук РТ, 2018. 406 с.
3. Баязитова Ф.Х. халык традицияләре лексикасы: бишек туе (йола һәм фольклор текстлары ясылыганда). Казан: ТӘНСИ, 2012. 331 б.
4. Дәүләтшина Л.Х. татар халкының мифологик ышанулары (XX гасыр ахыры – XXI гасыр башы экспедиция язмалары буенча) // кереш мәкалә авт. Л.Х. Дәүләтшина; төз.: Л.Х. Дәүләтшина, Ф.Х. Жәүһерова. Казан: Ихлас, 2016. 199 б.
5. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
6. Народная демонология Полесья. Публикация текстов в записях 80–90 годов XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 832 с.
7. Панина Т.И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов: монография / науч. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 240 с.
8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. А–Г. 575 с.
9. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар / Г. Гильманов хикәяләвендә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 431 б.
10. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: өч томда. 2 т. (Д–С). Казан: Мәгариф, 2009. 344 б.
11. Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 3. В 2-х ч. Ч. 1. М.: ИЭА РАН, 1999. 292 с.

12. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

13. Хөснуллина И.И. Татарларда имләү-дәвалау традициясе // Татарская фольклористика. Исследования молодых: сборник материалов чтений школы молодого фольклориста. Казань: Ихлас, 2014. Вып. 5. С. 80–91.

14. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

УДК 81-119

РАЗВИТИЕ ТЕОЛИНГВИСТИКИ В ТЮРКОЛОГИИ

М.Р. Галиева

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент)

В статье рассматриваются проблемы нового лингвистического направления – теолингвистики, изучающей проблему взаимодействия языка и религии. Выделяются основные подходы в теолингвистике: функционально-стилистический и теокультурологический, а также кратко освещается степень их изученности в тюркских языках. В статье обсуждается религиозная картина мира (РКМ) тюркских языков и её непосредственная репрезентация в языковой картине мира. РКМ отражается посредством лексических, фразеологических, паремиологических единиц, антропонимов и топонимов, а также текста. Особенностью тюркских лингвокультур является то, что в тюркских языках находит отражение ряд мифолого-религиозных мировоззрений, которые зачастую тесно переплетаются между собой образуя своеобразный синтез верований. Традиции, связанные с анимизмом, тенгрианством, зороастризмом в контексте мусульманского мировоззрения определяют духовные и культурные ценности, особенности мировосприятия и национальную самобытность тюркских лингвокультур.

Ключевые слова: теолингвистика, религия, язык, мифолого-религиозный, языковая единица, маркированный.

The article discusses the problems of a new linguistic discipline – Theolinguistics aimed at studying the interaction between language and religion. The article highlights the main approaches in Theolinguistics and problem of their development status in Turkic languages. Religion forms the religious world picture of a certain linguoculture that is directly reflected in its linguistic picture of the world. Religious world picture is represented by lexical, phraseological, paremiological units, anthroponyms and toponyms as well as text. One of the main peculiarities of Turkic linguocultures is that the Turkic languages reflect a number of mythological and religious worldviews that are often closely interconnected, forming a kind

of synthesis of different beliefs. Traditions and beliefs going back to animism, tengrism and zoroastrianism in the framework of dominant Islamic worldview and perception determine specific spiritual and cultural values of the Turkic linguocultures forming their unique religious worldview and defining national identity.

Key words: Theolinguistics, religion, language, mythological-religious, language unit, marked.

Одним из основных характеристик современного языкознания, в частности тюркологии, является возросший интерес к исследованию взаимодействия языка и религии, что привело к возникновению новой междисциплинарной науки – теолингвистики. Теолингвистика исследует «проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [6]; а также отражение религиозного сознания и его вербализации в языковой картине мира [8]. Развитие теолингвистики обусловлено, на наш взгляд, несколькими факторами. Во-первых, важностью и значимостью религии в жизни любого этноса, т. е. именно религия формирует особенный образ восприятия окружающего мира и нравственное сознание того или иного народа; во-вторых, возрождением религиозно-духовных ценностей после долгого периода стагнации; в-третьих, необходимостью сохранения национальной идентичности, которая в значительной степени определяется мифолого-религиозными воззрениями той или иной лингвокультуры; в четвертых, тесными связями религии и национальной культуры, религии и общества, проявляющегося во влиянии религии на культуру и определении духовных и культурных ценностей той или иной лингвокультуры.

В настоящее время, на наш взгляд, в теолингвистике сформировались два основных направления.

Наиболее разработанным, особенно в европейской и российской лингвистике является функционально-стилистический и коммуникативно-прагматический подходы, исследующие религиозный язык и его особенности. С этих позиций изучаются языковые характеристики религиозного языка, композиционные и лексические особенности религиозных речевых жанров (проповеди, молитвы и др.), особенности религиозного дискурса (литургический, молитвенный), особенности речи верующих в разных коммуникативных ситуациях. До недавних времен, большинство этих исследований выполнялось в основном на материале христианских религиозных текстов (текстов Библии, катехизисов, молитвенников) [4; 20; 23; 24; 25]. Однако за последние годы в связи с актуальностью проблемы изучения взаимосвязи языка и религии и развитием теолингвистики подобные исследования на-

чали появляться и в тюркологии. Примерами таких работ могут быть исследования Г.Г. Зайнуллина, посвященные исследованию татарской богословской литературы XVIII–XX веков на материале тафсиров и хадисов, рассмотрению их стилистических особенностей и проблем перевода [12], Ф.Ш. Сигагатов, исследующие сюжетно-композиционные, стилистические, идейно-тематические особенности таких религиозных жанров как мавлюд, сира, хадж-наме, мунаджат, насихат в башкирской литературе, а также влияние арабо-мусульманских литературных традиций на башкирскую литературу [16]. В этом направлении ведутся работы и в узбекском языкознании. Так, в исследовании Ш.А. Ёдгорова изучаются проблемы когнитивной интерпретации и адекватности переводов Корана на английский язык [10], в работе Ш.Р. Амонтурдиевой исследуются функционально-стилистические особенности религиозного стиля узбекского языка на материале тафсиров, хадисов, трудов шейха Мухаммад Содика Мухаммад Юсуфа и др. [1], в диссертационном исследовании Н. Улукова изучаются особенности экзотичной лексики в узбекских религиозных текстах на материале хадисов в сборниках ал-Бухари, ат-Термизи и другой богословской литературы на узбекском языке [17]. Следует отметить, что фрагментарный характер исследований в данном направлении, на наш взгляд, обусловлен сложностью материала исследования, представленного в основном на арабском и персидском языках. Несмотря на это, в качестве перспектив развития этого направления можно отметить следующие проблемы: исследования дискурсивных особенностей речи имамов во время пятничных молитв, прагматические и коммуникативные аспекты речи верующих и священнослужителей, субстили и жанры богословских выступлений и текстов и др.

Второе, только зарождающееся направление, в русле которого выполнено и наше исследование, ориентировано на изучение особенностей репрезентации религиозной картины мира в языке. Данное направление может быть ориентировано на исследование мифолого-религиозно маркированных единиц как в системе языка, так и на уровне различных типов текста. Такие исследования зачастую отличаются междисциплинарным характером, так как требуют учета не только лингвистических данных, но и ряда нелингвистических дисциплин: религиоведения, культурологии, истории, мифологии и др. Примерами таких исследований могут служить работы А.Н. Бахтияровой, З.Р. Хафизовой, А.Ф. Юсупова, И.И. Мухаметовой [3; 18; 22], в которых исследуются особенности религиозной лексики и разрабатывается её классификация в татарском и башкирском языках, словарь

мифотопонимов Г.Х. Бухаровой [5], отражающий проявление различных мифолого-религиозных воззрений в башкирском ономастике, исследование Р.Ф. Мирхаева, И.Г. Гумерова [14], посвященный рассмотрению репрезентации татарской религиозно-языковой картины мира. В узбекской лингвистике вызывает большой интерес работа Ш. Махмараимовой [13], посвященная изучению когнитивного аспекта теоморфных метафор в языковой картине мира, выявлению их лингвистических, дискурсивных и лингвокультурологических характеристик; У.А. Худойназаровой, Ш. Шералиевой [19; 21], изучающих лингвокультурологический аспект фразеологических единиц с мифолого-религиозным компонентом.

Использование термина «мифолого-религиозный» обосновывается нами тем, что религия и мифология являются смежными понятиями и тесно переплетаются между собой. Возникновение мифолого-религиозных представлений и далее религий, было обусловлено развитием человеческого сознания, от мифологического к религиозному. Взаимосвязь мифологии и религии проявляется в присущих им одинаковых признаках: 1) мистической (вера в сверхъестественное, таинственное); 2) мифологической; 3) обрядовой (молитвы, посты, паломничества); 4) предметной (религиозные реликвии, скульптуры); 5) догматической (основные законы и предписания); 6) моральной (этические категории); 7) социальной (религиозная иерархия, религиозные учреждения) [9: 7]. Именно поэтому, если в настоящее время, под мифом понимается совокупность сказаний о богах, духах, героях участвовавших в создании мира, происхождения космоса, природных, культурных, социальных объектов, то в эпоху их возникновения мифы являлись своеобразной формой религии, что даёт основание предпочтения использования нами термина «мифолого-религиозный» при обозначении языковых единиц.

Как известно, религиозная идентичность большинства тюркских народов складывалась на протяжении многих веков под влиянием ряда мифолого-религиозных воззрений, которые обычно подразделяются на доисламский и исламский периоды. Важной чертой мифолого-религиозного мировоззрения тюркских народов является своеобразный синтез разнородных верований, включающих в себя элементы анимизма, тотемизма, тэнгрианства, зороастризма и собственно ислама, совмещающая в себе, таким образом, собственно древнетюркские, иранские и арабские верования и традиции. Все эти пласты мифолого-религиозных воззрений в конечном итоге сформировали религиозную картину мира тюркских народов. Многие как мифологические, так и религиозные по-

нения настолько прочно вошли в язык, что зачастую могут выступать в качестве тождественных понятий. Например, во многих тюркских языках (татарском, турецком, узбекском, казахском, киргизском, башкирском и др.) имеется ряд лексем, использующихся в значении «Бог» – Алла (*Аллаһ*), Хода (*Ходай*), Иляһе, Тәңре, (*тат.*); Оллох, Худо, Раб(б), Парвардигор, Тангри (узб.). В ряду этих номинаций лексема «Тангри», обозначающая «Небесный Бог/хозяин» [15: 523] номинирует верховного Бога в тэнгрианстве, которое в настоящее время трактуется как тюрко-монгольская мифология, уходящей своими корнями в 3 век до н. э., что, на наш взгляд, свидетельствует о размытости терминов религиозное и мифологическое, которые зачастую тесно переплетаются.

Одним из аспектов теолингвистики, на наш взгляд, является исследование мифолого-религиозно маркированных языковых единиц (МРМЯЕ), представленных различными типами лексических единиц, в которых находят отражение традиции связанные как с доисламским, так и исламским периодом.

Так, например, традиции тэнгрианства и анимизма, т. е. веры в духов сохраняется во многих тюркских языках, ярким примером является татарская, казахская, башкирская лингвокультуры, сохранившие в своём языке такие языковые единицы как *су иясе, ут иясе, йорт иясе, мунча иясе, кура иясе, мал иясе* и т. д. В казахском языке, лексема *иясе* часто заменяется лексемой *пері* (*су перісі, адал пері, арам пері, капир пері*). К данной группе также можно отнести и такие лексические единицы как *арвох, алвасти* (узб.), *сөрел, күлдіргіш, шымұрын, қонаяқ* (каз.).

Особой значимостью в ряду мифолого-религиозно лексических единиц обладают антропонимы и топонимы. Так, древнетюркские мифолого-религиозные воззрения находят отражение в культах мифологических героев, представленных в языке антропонимами. Например, образ покровителя дехкан *Бабадехкана* в узбекской (Бободехкон), киргизской (Бабадийкан), казахской (Дикан-баба), каракалпакской (Дийхан баба), туркменской (Баба-дайхан). Бабадехкану приписывается создание плуга и оросительного канала, обрабатывание земли и её засеивание.

Кроме того, в некоторых случаях в узбекской лингвокультуре наблюдается и слияние традиций и обрядов нескольких культур. Так, например, образ *Биби Сешанби* или *Биби Мушкулкушод* в узбекской лингвокультуре восходит к таджикской, что объясняется тем, что представители этих этносов на протяжении многих веков проживали на территории современного Узбекистана. Следует отметить, что культ

Биби Сешанби, покровительницы и защитницы нуждающихся сохранился по сегодняшний день и проявляется в проведении специального обряда по средам. На ужин приглашается нечетное количество женщин, которые под руководством отиной (ведущая), слушают сказание о Биби Сешанби с последующим распределением ритуальных блюд, потреблением сладкой воды, символизирующей сладкую жизнь, приложением муки ко лбу или к лицу как символа чистоты и т. д. Как отмечают исследователи [2; 13] в настоящее время под влиянием ислама при проведении этого ритуала также читаются салаваты, посвященные пророку Мухаммаду, что придаёт этому ритуалу мусульманский окрас. Анимистические взгляды смешанные с мусульманскими верованиями зачастую также находят отражение и в топонимах: *Жинли, Шайтон жилга; Жинлар, Шайтонкүл, Шайтонқишлоқ, Алвасти, Алвастисой* и связаны в основном с водной стихией.

Большая роль в формировании мифолого-религиозной картины мира тюркских народов принадлежит также иранской мифологии и непосредственно связанной с ней зороастризмом. К данному пласту восходят такие собирательные языковые единицы как *дев, пари, чилтон*, а также собственные имена (*Семург, Самандар, Ахриман*). Так, например, образ Семурга как царя всех птиц, защитника границы этого и иного мира, символа справедливости и счастья свойствен татарской (*Сэмруг*), узбекской (*Семург*), казахской (*Самұрық*), башкирской (*Самрау*), турецкой (*Simurg*) лингвокультурам.

Данные религиозно маркированные единицы не только зафиксированы в словарях, но и активно используются в различных текстах в качестве аллюзий: художественном, публицистическом, поэтическом и др. Следует отметить, что религиозно маркированные единицы могут быть подвержены дальнейшей классификации по семантическому, тематическому и др. принципам или подвергаться контрастивному анализу.

В лексической системе тюркских языков наиболее ярко представлена исламская культура и связанные с ней понятия: тат.: *рәсул, сәғдә, нәби, фәрештә, җәннәт, мәләк, язмыш, тәкъдир, бәндә, Ахирәт, Кәғбә*; узб.: *иймон, калима, авлиё, Қиёмат, азон, азоб, арафа, намаз, рамазон*, которые также находят выражение и в фразеологических единицах: тат.: *Нух заманыннан бирле (калган), мәхшәр кубу, оҗмахтагы кебек, җәһәннәм тишегендә, Зәмһәрир суыклары*, узб.: *шайтоннинг сўзига кирди, қиёматлик дўст, фаришта омин десин, пешонага битган, омонат дунё, Одам атодан қолган, иймонини ютмоқ*;

Другим перспективным аспектом теолингвистики является исследование религиозно-маркированных пословиц: тат.: *Алла бирсә колына,*

чыгарып куяр юлына; Гаепсез – бер Алла; Син дә мулла, мин дә мулла, атка печән кем сала; Аллага да юк, муллага да юк; Хәрәм акча кесә тишә; Тәңре малын шайтан кызганыр; Тик ятканнан Алла бизгән; Йөзек кем кулында булса – шул Сүлейман; узб.: оминда – бисмилло, беришда – астағфирулло; ота рози – худо рози; Сулаймон ўлди – девлар қутулди; меҳнатсиз роҳат бўлмас, савобсиз – жаннат; бир кўнгил иморати – минг Макка зиёрати; олтин олма, дуо ол, дуо олтин эмасми; ота-онасини танимаган, тангрини танимас.

Как показал анализ языкового материала, одним из особенностей религиозно маркированных пословиц, является то, что несмотря на единые корни (например, легенда о Сулеймане) каждый язык характеризуется своеобразным акцентированием тех или иных аллюзивных образов и семантических признаков. Так в узбекской пословице *Сулаймон ўлди – девлар қутулди* акцентируется признак о вседозволенности (*девлар қутулди*) когда нет хозяина (*Сулаймон ўлди*), а в татарской пословице *Йөзек кем кулында булса – шул Сүлейман* акцентируется символ власти (*йөзек*), и образ всемогущего правителя (*Сүлейман*).

Немаловажным аспектом исследований теолингвистики в тюркских языках является исследование религиозных концептов, отражающих духовные и культурные ценности тюркских народов. Так Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров выделяют в татарской религиозной концептосфере такие концепты как Бог (Алла), Пророк (*Рәсүл*), Ангел (*Фәрештә*), Судьба (*Тәкъдир*), Человек (Адәм), Душа (Жан), Жизнь (Хәят), Смерть (Үлем), Рай (Жәннәт) и Ад (Жәһәннәм), Грех (Гөнаһ). В результате исследования особенностей вербализации этих концептов в словарях и текстах, авторы приходят к выводу, что система мировоззрения и миропонимания татарского народа находит своё непосредственное отражение в его религиозной картине мира [14: 106]. В узбекском языке, основными религиозными концептами являются понятия являющиеся основополагающими принципами ислама, такие как *Аллох, Иймон, Фарз, Суннат, Товба, Сабр, Тақдир, Харом, Халол, Қиёмат* и др. В целом, основополагающие религиозные концепты являются универсальными для мусульманской культуры, формируя её духовные ценности и установки. Религиозно-маркированные концепты могут быть категоризованы по следующим принципам: универсальности/дифференциальности, ядра/периферии, аксиологической значимости, бинарной оппозиции [7].

Как известно, многие религиозные, в частности коранические выражения, мусульманские образы и легенды используются

в художественном тексте в качестве прецедентных текстов. Следовательно, теолингвистические исследования могут вестись в свете теории интертекстуальности. Особенностью прецедентных текстов религиозного происхождения является их способность в лаконичной форме представить развёрнутую концептуальную информацию, одновременно способствуя порождению новых контекстуальных смыслов. Рассмотрим следующий пример:

*Ҳар не ўтса ичимга ютдим,
Ютавердим...
Ва тўлдим лим-лим.
Энди тошиб бораяпман, қара,
Ахир Айюб эмасман, тангрим.*
(А. Назар «Ҳар не ўтди»)

При обращении к Богу, автор использует аллюзивный антропоним *Айюб* (Иов). Использование в стихотворении этого аллюзивного антропонима активизирует структуры знаний религиозного характера, фокусируя тем самым внимание читателя на важной энциклопедической и культурно значимой информации. Согласно преданию, пророк Айюб подвергся тяжелым испытаниям и вследствие этого потерял здоровье, всю семью и имущество, но сохранил свою веру в Бога, поэтому образ Айюба символизирует терпение и верность Богу. Используя данный аллюзивный антропоним, автор выражает своё душевное состояние, чувство безысходности и невозможности вынести удары судьбы подобно тем, что выпали на долю пророка Айюба и были им преодолены. Таким образом, данный аллюзивный антропоним, вступая в интертекстуальные отношения с текстом активизирует структуры знания религиозного характера и способствует раскрытию концептуальной информации, положенной в основу произведения.

На основе вышеизложенного, в заключении представляется возможным сделать следующие выводы:

- теолингвистический подход к исследованию языковых единиц обусловлен актуальностью изучения взаимодействия языка и религии, а также отражения религиозного сознания в языковой картине мира;
- исследования проблемы взаимодействия языка и религии ведутся в двух направлениях: функционально-стилистическом (изучающем особенности религиозного стиля) и теолингвокультурологическом (исследующем отражение религиозно маркированных единиц в языковой картине мира);
- религиозная картина мира представлена разноуровневыми языковыми единицами: лексическими, фразеологическими, паремиологи-

ческими и текстом, которые формируют религиозную языковую картину мира представителей тюркских лингвокультур;

– религиозно маркированные единицы являются концептуально и культурно значимыми единицами, используя в художественном тексте, активизируют структуры знаний мифолого-религиозного характера и способствуют раскрытию концептуальной информации произведения;

– религиозная картина мира тюркских лингвокультур несмотря на доминантный характер мусульманского мировоззрения вбирает в себя и элементы различных мифолого-религиозных представлений, в частности, анимизма, тэнгрианства, зороастризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амонтурдиева Ш.Р. Ўзбек тилининг диний услуби: филол. фан. д-ри дис... автореф. Термез, 2025. 80 б.
2. Аширов А.А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2008. 50 с.
3. Бахтиярова А.Н. Религиозная лексика в башкирском языке // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: материалы IV Междунар. симп. Уфа, 2010. С. 39–42.
4. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М, 2010. 48 с.
5. Бухарова Г.Х. Башкирская ономастика в контексте духовной культуры: словарь мифотопонимов. Уфа: Гилем, 2006. 112 с.
6. Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Учен. зап. ТНУ. Т. 20 (59). № 1. Симферополь: ТНУ, 2007. С. 287–292.
7. Галиева М.Р. Когнитивный принцип бинарности в религиозной картине мира // Когнитивная лингвистика. Тамбов. 2014. № 2. С. 56–65.
8. Галиева М.Р. Теолингвистика – истоки, направления, перспективы. Ташкент: Vneshinvestprom, 2018. 260 с.
9. Горелов А. История мировых религий. М.: Флинта, 2016. 360 с.
10. Ёдгоров Ш.А. Қўрьони Каримнинг инглизча таржималарида адекватлик муаммосининг лингвокогнитив тадқиқи: филол. фан. PhD дис. автореф. Наманган, 2024. 58 б.
11. Зайнуллин Г.Г. Татарская богословская литература XVIII – начала XX вв. Тафсиры, хадисы и другие источники, принципы перевода. Казань: Магариф, 1998. 208 с.
12. Зайнуллин Г.Г. Татарская богословская литература XVIII–XX веков и ее стилистические особенности. Казань, 1999. 107 с.
13. Махмараимова Ш.Т. Оламнинг миллий лисоний тасвирида метафора (Ўзбек тили теоморфик метафора материаллари асосида). Тошкент, 2019. 112 б.
14. Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров. Казань: ИЯЛИ, 2017. 120 с.

15. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: СЭ., 1990. 672 с.
16. Сибгатов Ф.Ш. Коранические мотивы в башкирской литературе. Уфа: Гилем. 2001. 148 с.
17. Улуков Н. Экзотическая лексика узбекских религиозных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1997. 25 с.
18. Хафизова З.Р. Тематическая классификация религиозных лексем в башкирском языке. Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 206–210.
19. Худойназарова Ў.А. Инглиз ва ўзбек тилларилда мифоним компонентли фразеологизмларининг лингвокультурологик тадқиқи: филол. фан. PhD дис. автореф. Термез, 2022. 60 б.
20. Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань. 50 с.
21. Шералиева Ш.А. Инглиз ва ўзбек тилларидаги диний фразеологик бирликларнинг лингвомаданий аспекти: филол. фан. д-ри дис. ... автореф. Тошкент, 2022. 55 б.
22. Юсупов А.Ф., Мухаметова И.И. Сакральная лексика в татарском языке как языковой и культурный код // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. Вып. 6. 2021. С. 1794–1798.
23. Crystal D. A liturgical language in a sociolinguistic perspective / Language and the worship of the Church / D. Jasper and R.C.D. Jasper. (eds.). Basingstoke: Macmillan, 1990. P. 120–146.
24. Heather N. Religious language and critical discourse analysis: ideology and identity in Christian discourse today (Religions and Discourse series, Vol. 5). Frankfurt: Peter Lang. 2000. 319 p.
25. Scott M. Religious Language. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 322 p.

УДК 811.512.145

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

О.Н. Галимова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье исследуются определения, имеющиеся в «Народном словаре» Ш. Абызгильдина, «Русско-татарском политическом словаре» Г. Габидова, «Карманном русско-татарском полном политическом словаре» Г. Камала. Рассматривается адресат словарей, анализируются использование в определениях терминов, выражающих родовое понятие, лексические средства, раскрывающие дифференциальные признаки, и употребление синонимов. В ходе исследования установлено, что определения в терминологических словарях начала XX в. близки к толкованиям.

Ключевые слова: терминологические словари татарского языка, терминография, определение, толкование, дефиниция.

The article examines the definitions available in the “Folk Dictionary” by Sh. Abyzgildin, the “Russian-Tatar Political Dictionary” by G. Gabidov, and the “Pocket Russian-Tatar Full Political Dictionary” by G. Kamal. The addressee of the dictionaries is considered, the use of terms expressing the generic concept, lexical means that reveal differential features, and the use of synonyms are analyzed. In the course of the study, it was established that the definitions in terminological dictionaries of the beginning of the XX century close to interpretations.

Key words: terminological dictionaries of the Tatar language, terminology, definition, interpretation, definition.

XX ГАСЫР БАШЫ ТЕРМИНОЛОГИК СҮЗЛЕКЛӘРЕНДӘ БИЛГЕЛӘМӘЛӘР

О.Н. Галимова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

XX гасыр башы – татар телендә терминологик сүзлекләр төзүнең яңа этабы дип бәяләнә ала. Бу вакытта өч сүзлек дөнья күрә: Ш. Абызгилдинның «Лөгәт русчадан татарчага» (1907) хезмәте, Г. Габидовның «Русча-татарча сәяси лөгәт»е (1918) һәм Г. Камалның «Кесә өчен русча-татарча мөкәммәл сәяси лөгәт»е (1918). Аларның аңлатмалы булуы аеруча игътибарга лаек, чөнки моңа кадәр чыккан сүзлекләрдә эквивалентларга игътибар ителгән. Дөрөс, К. Насыйри рус телендә термин буларак кулланылган кайбер алынмаларга аңлатмалар бирә [9], ләкин «Рус хоруфы һижасы үзрә мөрәттәб лөгәт китабы»нда (1892) бирелгән «Чит сүзләр» әле аңлатмалы сүзлек түгел. Сүзлекләрнең кереш өлешендә үк авторлар газета-журналларда кулланылган яңа сүзләрне, аларны күпләр аңламау сәбәпле, аңлатуны максат итеп куюларын әйтәләр. Сүзлекнең һәркем төшенерлек итеп язылуын билгеләп үтәләр һәм халыкка күп мәгълүмат бирәчәгенә ышаныч белдерәләр [1: 2; 14: 2]. Шул сәбәпледер Ш. Абызгилдин хезмәте русча «Народный словарь» исеме белән басылып чыга. Г. Габидов сүзлегенә кереш сүз белән ачылып китми, әмма русча «Русско-татарский словарь-толкователь социально-политических терминов» дип аталуы ук аның аңлатмалы икәнлеген күрсәтеп тора. Шул рәвешле, XX гасыр башы терминологик сүзлекләренең аңлатмалы булуы заман таләбенә җавап бирә һәм телгә күпләп үтеп кергән неологизмнар, ә болар нигездә терминнардан тора, гади халыкка төшендерү кирәклеген белән аңлатыла. Шунысын да искәртик: махсус фәнни әдәбиятны укучыга билгеле булмаган яисә аңлашылмаган терминның мәгънәсен аңлату терминологик сүзлекләрнең төп бурычларыннан берсе санала [3: 39].

Лексикографиядә терминнарның мәгънәсен ачуга зур игътибар бирелә. Әле ХХІ гасырның икенче яртысында А.П. Евгеньева сүзләрнең мәгънәсен аңлатуны аңлатмалы сүзлекләр төзүдәге иң төп эш дип әйтә, барлык диарлек сүзлекләрнең дә шул максатта эшләнүен билгеләп үтә [12: 7]. Д.С. Шелов әйткәнчә, терминның мәгънәсен аңлатуда иң әһәмиятле ысул – билгеләмә бирү, чөнки билгеләмә, беренчедән, билгенең мәгънә ягын идентификацияли, икенчедән, моны бик төгәл башкара [18: 8–9]. С.Г. Бархударов терминнарның, гомумән, билгеләмәсез була алмавын ассызыклай [6: 11]. О.С. Ахманова, С.А. Тер-Мкртчян, әлеге фикерне тагын да үстереп, фәнни терминология табигате белән дефинитив булу сәбәпле, билгеләмәләр системасыннан башка терминнар системасы да була алмый диләр [5: 58]. Теләсә нинди фәнни төшенчә бары термин белән белдерелгәндә һәм билгеләмә белән фәнни теориягә кертеп жибәрелгәндә генә фәнни фикер казанышы, байлыгы булып китә [11: 552]. Билгеләмәгә булган игътибар аңа йөкләнгән вазифага да бәйле: ул фән телендә коммуникатив функция үти [13: 114].

Галимнәр билгеләмәнең ике төрөн күрсәтәләр: аңлатма ‘толкование’ һәм дефиниция [15: 61]. Аңлатма гомумкулланылыштагы сүзнең мәгънәсен ачып бирә, ә дефиниция фәнни төшенчәнең алдан ук билгеләнгән характеристикасына нигезләнә дип карала [16: 133]. С.В. Гринев-Гриневич аңлатма белән дефиниция арасындагы аерманы фәнни белем һәм күзаллауга нигезләнеп аңлата: белгеч булмаганнар бары тышкы билгеләр белән чикләнгәндә, белгеч төшенчәләрнең төзек системасын күрә [10: 27]. Шул рәвешле, аңлатма белгеч булмаганнарга тәкъдим ителә һәм катлаулы төшенчәне гади итеп, гадәттә тышкы билгеләре аша ачып бирә. Ә дефиниция, термин белән белдерелгән төшенчә фәннең кайсы өлкәсенә караган булса, шул өлкәдә эшләүче белгечләрне күз алдында тотып эшләнелә һәм төшенчәнең дифференциаль билгеләрен, үзенчәлекләрен чагылдыра [15: 62]. Дефиниция ул предметның асыл һәм аерып торган билгеләрен ачу, предмет турындагы төшенчәнең, башка төшенчәләр белән мөнәсәбәтләрен ачыклап, махсус төшенчәләр системасында урынын күрсәтү дигән сүз [3: 40]. Моннан аңлатмаларның гомумтел аңлатмалы сүзлекләрендә, ә дефиницияләрнең терминологик сүзлекләрдә кулланылуы аңлашыла [15: 62]. Әмма В.П. Андреев, Ж.В. Плахотская аңлатманың семантизация ысулы буларак вузларда тәржемәле уку-укуту сүзлекләрендә, әле адресатның махсус дисциплиналар буенча тиешле компетенциясе булмаган вакытта, корректлы кулланылуын билгеләп үтәләр һәм мондый сүзлекләрне «аңлатмалы терминологик сүзлекләр» дип карарга кирәк дип әйтәләр [2: 6].

Әлеге үзенчәлекләрне һәм, инде югарыда әйтелгәнчә, XX гасыр башы сүзлекләрненң адресаты белгечләр түгел, ә гади халык булуын истә тотып, бу хезмәтләрдәге билгеләмәләрне аңлатмалар дип карый алабыз. Терминологик сүзлекләр төзелә, терминнарда билгеләмәләр әле бирелә генә башлаган чорда мондый күренешне табигый дип табабыз, һәм билгеләмәләрне бәйләгәндә сәясәт фәненең татар телендә беренче сүзлекләре эшләнгән чордагы үсеш дәрәжәсен дә истә тоталар.

Билгеләмәләр сүзлекләрдә төрлечә төзелә. Мәсәлән, Е.Н. Толикина аңлатмалы сүзлекләрдә билгеләмәләрнең ике классын һәм ул классларга керткән типларны күрсәтә: 1) лингвистик билгеләмәләр – деривацион (аскласслары белән), синонимик, антонимик, релятив-синтагматик һәм идентификацияләүче; 2) логик билгеләмәләр – гомумиләштерүче-классификацияләүче, ыруг-төр, бөтен-өлеш, күләм һәм тасвирлаулы [17: 50].

Лингвистикадан энциклопедик сүзлек аңлатмаларның логик (сүзненң мәгънәсе иң якын булган ыруг һәм төргә хас үзенчәлекләр аша билгеләнә), предметлы (мәсәлән, бөтеннең өлеше аша), лингвистик (синонимнар, сүзясалыш формулалары ярдәмендә) төрләре барлыгын терки [8: 463]. О.И. Асланова, А.Р. Комшинага таянып, лингвистик (синонимик, сылтамалы, расшифровкалаучы, идентификацияләүче һәм катнаш), логик (ыруг-төр, бөтен-өлеш, күләм аша яки санаулы, тасвирлаулы һәм катнаш), логик-лингвистик (ыруг-төр + сылтамалы, синонимик + ыруг-төр, санаулы + тасвирлаулы + сылтамалы, ыруг-төр + тасвирлаулы + сылтамалы комбинацияләрен) билгеләмәләрне аерып чыгара [4]. Д.С. Шелов, терминологик сүзлекләрдәге дефиницияләрен өйрәнеп, аларның дүрт төре барлыгын әйтә: ыруг-төр билгеләмәләре (боларда һәрвакыт ыруг төшенчәсе һәм әлеге ыруг төшенчәсеннән төр төшенчәсен чыгарырга мөмкин булган төр билгеләре күрсәтелә); санаулы билгеләмәләр (болар санап китү рәвешендә төзелә һәм гыйбарәнең төп номинатив кисәкләре арасында төзүле бәйләнеш урнашу белән аерылалар); контекстуаль билгеләмәләр (алар барлык контекстларның төгәл исемлеген булу белән характерлана. Болар, информатив булуларына карамастан, логик структуралары лингвистик яктан белдерелмәү сәбәпле, контексттан тыш дефиниция буларак кабул ителмиләр); операцияль билгеләмәләр (терминнарның мәгънәсе башкарылырга тиешле эш гамәлләр аша ачыклана. Мондый билгеләмәләрнең билгеләнүчесе – тикшерүченең операцияль эшчәнлегенә) [18: 9–12].

Аңлатма белән дефиниция күләмнәре аерылган да аерыла. Аңлатмалы сүзлекләр сүзгә дөрес аңлау һәм сөйләмдә дөрес куллану өчен

кирэк булган мәғлүматны ғына бирэ [3: 38–39], шул сәбәпле алар озын булмый.

Әйтелгән сүзлеклөрдәге билгеләмэләргә күчкәнчә, тагын берничә моментка тукталуны кирэк дип саныйбыз. Билгеләмэләрнең төрлөрө типлары белән генә түгел, ә тел үзенчәлекләре белән дә аерылып тора: фәнни белем элементлары дефинициядә мөмкин булган кадәр терминологик берәмлекләр белән репрезентацияләнә, ә аңлатмаларда белгеч булмаганнарда да аңлашыла торган гомумкулланылыш сүзләре белән җиткерелә. Ләкин аңлатмаларда детерминлашкан атамалар яисә махсус лексиканың фәннәрнең төп төшенчәләрен атый торган кайбер махсус берәмлекләре кулланылырга мөмкин. Ләкин аерым терминологияләр берәмлекләренең билгеләмэләрендә, мәсәлән, сәяси терминологиянең, ә без карый торган сүзлеклөргә нәкъ менә шундый терминнар тупланган, мондый аерымлыктар бик ачык булмаса да мөмкин, чөнки билгеләмэләрдә кулланылган махсус атамалар белгеч булмаганнар теленә дә үтөп керә [15: 63, 64].

XX гасыр башы сүзлекләренең билгеләмэләрендә аңлатмалы сүзлеклөргә хас билгеләр ярылып ята. Мәсәлән, сүзнең мәгънәсен синонимнар аша ачу. Бу очракта алынмалар да киң кулланыла:

Премия, – پريميه

ناغرا دا, بوله ك ديمه كدر / награда, бүләк димәктәр [1: 30];

Ассоциация اساساتسيا

ساير / союз;

Анархия انارخيه

باسباشداقلق باشسرلق / башбаштаклык, башсызлык [14: 11, 9].

Шулай да сүзлекләрдә төп урынны билгеләмэләр алып тора. Аларда катлаулы күренешләр гадиләштерелеп бирелә, мәғлүмат белгеч булмаганнарда да аңлашыла торган сүзләр белән җиткерелә. Аңлатма өлешендә телдә әлеге мәгънәдә кулланылган башка сүзләр дә кулланыла, ягъни авторлар сүзне аңлатуның беркадәр өлешен эквивалентларга йөклиләр. Алар билгеләмәдән соң да, билгеләмәгә кадәр дә урнаштырыла:

Ораторь – آراتور

خطيب ديمكد. يعنى صابرا نيه و جمعيتلرده عمومى اشلر حقتده اوزينك فكرون خلقغه

خطاب ايدوب سويله گوچيدر / хатыйб димәктәр. Ягъни собрание вә жәмгыятьләрдә гомуми эшләр хакында үзенә фикерен халыкка хитаб итеп сөйләүчедер [1: 23];

Брошюра براشورا

كولمى طور بولماغان كيتاب – رساله / күләме зур булмаган китап – рисалә

[14: 14].

Әлбәттә, билгеләмәләрдә терминнар кулланыла, әмма аларны бары тик профессиональ коммуникациягә генә караган атамалар дип әйтеп булмый. Түбәндә *анархизм* сүзенә бирелгән билгеләмәләрне карап үтик.

Анархизмъ *انارخيزم*

انارخيزم حكومتك قانونلرون, پراوا و حقوقلرون بيوراكرات و نحالنيكارون بالكل بتروب خلق اوز اختييارنده ياشاوني ايسته كوحى / хөкүмәтнең кануннарын, права вә хокукларын бюрократ вә начальникларын билкөлли бетереп халык үз ихтыярында яшәүне эстәгүче [1: 5].

Анархизмъ – *انارخيزم*

مملكت اداره سى قانونلرينه هيچ بر سيني قبول ايتمه و, خلق اوز اختييارنده ياشاوني تله / мәмләкәт идарәсе кануннарыны һичберсене кабул итмәү, халык үз ихтыярында яшәүне теләүчелек [7: 3].

Анархизмъ – *انارخيزم*

هرتورلى كۈچلە ولرگە قارشى كۈرە شونڭ لازم ايكانلگى فكرن ظاراتا طورغان فن و مسلك. انارخيسرلر مملكتده ۋيرخاۋنى ۋلاست بولونى تپيشسز سانيلر هم اكار اطاعت ايتونى لازم طابميلر همينيدى بولسە دە بر يول بلە ن بر خلقنڭ باشقە لرغە باش بولو هم قۋتتى اوز قولينه آ لووينه قارشى كۈرە شە لر. انارخيسرلرنڭ تعليماتلرى بويىچە كامل ايركلى شركت, / هەرتەرلە көчлөлەر-гә каршы көрәшүнөң ләзем икәнлегә фикерен тарата торган фән вә мәсләк. Анархистлар мәмләкәттә верховный власть булуны тиешсез саныйлар һәм аңар итагать итүне ләзем тапмыйлар һәм нинди булса да бер юл белән бер халыкның башкаларга баш булуы һәм куәтене үз кулына алуына каршы көрәшәләр. Анархистларның тәғлиматлары буенча камил ирекле ширкәт, үз ихтыярлары белән берләшкән община булып яшәргә тиеш [14: 9].

Г. Габидов сүзлегендәге билгеләмәдә өч термин бар: *мәмләкәт, идарә, канун*. Әмма боларның барысы да белгеч булмаганнарда да таныш. Ш. Абызгилдинның билгеләмәсе катлаулырак яңгырый, ул махсус атамаларның (*хөкүмәт, канун, права, хокук, бюрократ, начальник*) күбрәк кулланылуы сәбәплә озынаеп та киткән. Ләкин алар катлаулы фәнни белемне инде таныш төшенчәләр аша гадиләштереп бирүгә юнәлтелгән. Дефиницияләрдә ул киресенчә була: бер термин билгелә бер күләмдәге махсус мәғлүматны белдерү өчен кулланыла [15: 64]. *Права* сүзен *хокук* сүзә белән янәшә куллану да шул максатка хезмәт итә. Г. Камал сүзлегендәге мәкалә тагын да күләмле. Ул өч жөмләдән тора. Беренче жөмләдә *анархизм*га аңлатма бирелә. Икенче, өченче жөмләләрдә аңлатманы раслау һәм тулыландыру өчен әлгә юнәлеш тарафдарларының карашлары турында мәғлүмат китерелә. Бу як-тан билгеләмә энциклопедияләргә якынаеп китә. Монда кулланылган

верховный власть, община атамалары сүзлекнең лөгатьлегенә кертелмәгән. Бу сүзләрнең гомумкулланышта булу мөмкинлеген кире какмаган хәлдә, без аларны шул чорда фәнни дискурста төгәл куллану һәм әлегә фәнни төшенчәне башкаларыннан аерып күрсәтү, фәндә аның урынын билгеләү өчен кирәк булган дифференциаль билгеләрне аңлата дип саныйбыз, шуңа да әлегә билгеләмәне аңлатма белән дефиниция арасында дип карыйбыз.

Билгеләмэләрнең күләменә килгәндә, карала торган сүзлекләрдә күләмле мәкаләләр күп. Мәсәлән, Г. Камал сүзлегендә *классовая борьба* – *صنف كورھشلىرى* / *сыйныф көрәшләре* мәкаләсенә билгеләмәсе 15 юлдан, конституция – *كانستيتوتسيه* – 11 юлдан, *милиция* – *نالوكلر* – 34 юлдан тора [14: 47, 52–53, 64–65, 69–70].

Билгеләмэләрдә ыруг атамаларын сайлау да үзенчәлекле. Әлбәттә, билгеләмэләр берсен-берсе кабатламый, төрлө сүзлекләрдә бер үк атамага бирелгән билгеләмэләр шуны күрсәтә. Аларда ыруг атамалары да төрлө. Мәсәлән, *арсенал* терминын аңлатканда Ш. Абызгилдин *помещение* (йорт), Г. Камал *йир* / *жир* сүзләрен куллана. Билгеле булганча, хәзер дефиницияләрдә ыруг атамасы шул терминосистемадагы термин һәм ул иң якын баскычтагы гипероним булырга тиеш дип карала [15: 64]. Әлегә аңлатмаларда семантикасы киң (*помещение*) булган, көндәлек тормышта кулланыла торган сүзләр (*йорт*, *йир*) алынган, димәк, алар дефиниция таләпләренә әле тулысынча җавап бирмиләр:

Арсеналь – *آرسينال*

آرسينال / *زاپاص ملطقلر صاقلانه طورغان بامشييينيه* (йорт) саклана торган помещение (йорт) [1: 5];

Арсеналь *آرسينال*

قوراللار صاقلانا طورغان يير / кораллар саклана торган йир [14: 10].

Буржуазия, политические партии, эсдеки, эсеры (ыруг атамасы – *кешеләр*), *демократ* (ыруг атамасы – *кеше*), *посланник* (ыруг атамасы – *түрә*) [7: 6, 10, 26, 47] кебек баш сүзләренә билгеләмэләрендә дә ыруг атамасы гади халыкка аңлашылырлык итеп сайланган.

Ыруг атамасы махсус атама булган билгеләмэләр дә юк түгел. Мәсәлән, *акquiz* сүзенә китерелгән билгеләмэләрне карап үтәргә мөмкин. Ш. Абызгилдин билгеләмәсендә ыруг атамасы итеп *налог* сүзен ала һәм ул сүзгә аңлату өчен аның янында ук синоним итеп халыкка таныш *түләү* сүзен куллана. *Налог* атамасы үзе *акча* сүзгә аша аңлатыла. Әлегә мәкаләдә налогның ике төре булуы күрсәтелә: прямой (*بره موى نالوغ*) һәм косвенный (*كاسويننى نالوغ*). Косвенный налог товардан һәм ашый-эчә торган нәрсәләрдән алынадыр диелә:

Акцизь – آقسيز / ашый, эчэ торган нәрсәләргә салган налог (түләү);
Налогъ, – نالوغ

Мәмләкәтнең расхудары өчен халыктан жыела торган акчадыр [1: 5, 24].

Г. Габидов сүзлегенә *акциз* атамасы теркәлмәгән, әмма әлеге атама белдергән төшенчә *налог* мәкаләсендә ачыла. Сүзлектә косвенный налог товардан һәм ашый-эчэ торган нәрсәләрдән алынадыр диелә. Ө *налог* атамасы *салым* һәм аның аңлатмасы буларак кулланылган *акча* сүзә аша аңлатыла:

Налогъ – نالوع / мәмләкәтнең расхудары өчен халык тарафыннан жыела торган салым (акча) [7: 21].

Г. Камал *акциз* сүзенә әлеге баш сүз белән бирелгән мәкаләдә билгеләмә китерми, *налоглар* сүзенә жибәрә, әмма *налог* сүзенә билгеләмә бирми, турыдан-туры *налогларның* төрләрен тасвирлауга күчә һәм *акциз* турында түбәндәге мәгълүмат китерә:

Косвенный налог яки акцизлар маллардан жыеладыр [14: 69].

Бу исә терминнар ыруг атамалары буларак кулланылганда аларның халыкка таныш сүзләр белән аңлатылуын, ягъни текстның киң кулланучыга юнәлдерелгәнлеген күрсәтә.

Шул рәвешле, XX гасыр башында махсус атамаларны туплап нәшер ителгән сүзлекләрнең билгеләмәләре терминологик сүзлекләрдә киң кулланыла торган ыруг-төр моделендәге билгеләмәләрдә ыруг атамасын сайлау, дифференциаль билгеләрне күрсәтүдә терминнарны куллану / кулланмау ягыннан да, терминның мәгънәсен ачканда синонимик атамаларга еш мөрәжәгать итүләре белән дә аңлатмалы сүзлекләргә якын. Сүзлекләрнең адресаты белгечләр түгел, ә гади халык булуы моның төп шарты булып тора. Шул ук вакытта дефиницияләргә хас билгеләр дә чагылып китә.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызгилдин Ш. Лөгаты русчадан татарчага. Оренбург: Дин вә мәгыйшәт, 1907. 42 б.
2. Андреев В.П., Плахотская Ж.В. Толкование и дефиниция: теза и антитеза // Лингвистика и образование. 2024. Т. 4. № 1. С. 6–20.
3. Анохина Т.Я., Зайцева Т.Н. Об одном из способов описания научной терминологии в специальных словарях // Известия МГТУ «МАМИ», 2013. № 1(15), Т. 6. С. 36–43.

4. Асланова О.И. Типы словарных определений многословных терминов в словарях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-slovarnyh-opredeleniy-mnogoslovnnyh-terminov-v-slovarе> (дата обращения: 15.07.2025)
5. Ахманова О.С., Тер-Мкртчян С.А. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 57–73.
6. Бархударов С.Г. Актуальные задачи лексикографии в области терминов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 5–12.
7. Габидов Г. Русча-татарча сәяси лөгәтә. Оренбург: «Өлфәт» китапханәсе, 1918. 48 б.
8. Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 462–464.
9. Галимова О.Н. К. Насыйриның «Рус хоруфы һижасы үзрә мөрәттәб лөгәтә китабы» терминографик аспектта // Просветительство и межкультурный диалог: наследие Каюма Насыри в контексте современных исследований: материалы междунар. науч. форума, посвящ. 200-летию со дня рождения Каюма Насыри 19–20 июня 2025 года. Казань, 2025. С. 96–101.
10. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
11. Дубичинский В. В. Некоторые современные вопросы лексикографии. Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik I jezikoslovlje, Вып. 46, 2020. С. 547–566.
12. Евгеньева А.П. Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. С. 7–21.
13. Журавлев В.Ф. По поводу определений в формальной логике, в сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах, толковых словарях и энциклопедиях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 114–121.
14. Камал Г. Кесә өчен русча-татарча мөкәммәл сәяси лөгәтә. Казан: Васита, 1918. 139 б.
15. Лату М.Н. Некоторые особенности дефиниции и толкования термина // Известия РАН: Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 60–68.
16. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: терминологическая деятельность. М.: Рус. яз., 1993. 243 с.
17. Толикина Е.Н. Термин в толковом словаре (к проблеме определения) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 45–57.
18. Шелов Д.С. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ НУРИ АРСЛАНОВА

Л.Ш. Гарипова, Ф.Х. Миннуллина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан»

В Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан сосредоточен личный фонд писателя Нури Арсланова (1912–1991 гг.). Архивный комплекс, хронологически охватывающий период с 1932 по 1990 год, включает рукописи произведений, автографы, эпистолярные материалы, фотодокументы, а также личные документы. Анализ материалов фонда предоставляет возможность реконструкции творческой биографии автора, изучения истории создания текстов, их генезиса, а также исследования мировоззренческих аспектов и характера коммуникации с современниками. Особую источниковедческую ценность в составе фонда представляют дневниковые записи, которые обладают значительным потенциалом для исследований творческого наследия Н. Арсланова.

Ключевые слова: Нури Арсланов, биография, творчество, личный архив, наследие.

The personal collection of the writer Nuri Arslanov (1912–1991) is housed in the Center for Written Heritage at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The archive, which spans from 1932 to 1990, includes manuscripts, autographs, epistolary materials, photographs, and personal documents. The analysis of the fund's materials provides an opportunity to reconstruct the author's creative biography, study the history of the creation of texts and their genesis, as well as explore the worldview aspects and the nature of communication with contemporaries. The diary entries in the fund are particularly valuable as sources for research on Nuri Arslanov's creative legacy.

Keywords: Nuri Arslanov, biography, creativity, personal archive, legacy.

НУРИ АРСЛАНОВНЫҢ ШӘХСИ АРХИВЫ

Л.Ш. Гарипова, Ф.Х. Миңнуллина

Г. Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәгендә шагыйрь, тәржемәче Нури Газиз улы Арсланов (1912–1991) фонды саклана.

Нури Газиз улы Арсланов – татар әдәбиятының күренекле вәкиле, шигърият остасы. Ул 1912 елның 19 сентябрендә Казакстанның Кызылъяр шәһәрәндә туа. Күкчәтау шәһәрәндә жидееллык татар мәктәбен тәмамлагач, укуын дәвам итәр өчен Казанга килеп, сәнгать техникумында укый. Шушы һөнәре белән ул төрле жирләрдә хезмәт куя, 1933 елда исә Казанда балалар журналы «Пионер» һәм «Яшь ленинчы» газетасы редакциясендә рәссам вазыйфасын башкара. Армия сафларында хезмәт иткәннән соң, совет-фин сугышы башланып, анда катнаша. Бөек Ватан сугышы башлангач, аның беренче көннәреннән үк сугышка китә. Сугыштан соң «Совет Татарстаны» газетасында рәссам, аннан 1964–1972 елларда «Казан утлары» журналында поэзия бүлеген житекли. 1972 елдан исә ул тулаем язучылык эшенә керешә.

Нури Арсланов бик зур мирас калдырган шагыйрь. Әдипнең архив материалларын Мирасханәгә 1994 елда шагыйрьнең хатыны Клавдия Тихоновна Арсланова тапшыра [1: 2]. Тарихи хронологиясә 1932–1990 елларга туры килә. Алар арасында Н. Арслановның автограф шигырьләре, мәкаләләре, почтасыннан 1000 гә якын хат, шулай ук шәхси документлары, фотолары да бар. Болар барысы да аның ижат лабораториясен өйрәнүдә искиткеч зур кыйммәткә ия булып торалар. Әдипнең ижат лабораториясенә мөрәжәгать итү исә аның әдәби осталыгын өйрәнергә, шигъриятен тулырак күзалларга, ижат барышын тулы тоемларга ярдәм итә. Билгеле булганча, Н. Арсланов әдәбиятка зур тәҗрибә туплап, сугыш афәтләрен үз башыннан кичереп, житлеккән шагыйрь буларак килеп керә. Халык, ил язмышын хәл итүдә кулына корал алып сугышкан шагыйрьнең уйлары, зур жирлектә туган тәэсирләре «Мәхәббәт» (1942), «Рус кызы» (1943) поэмаларына салына. Фронттагы батырлыкны, ватанпәрвәрлек хисен югары күтәргән әлегә поэмалар укучылар тарафыннан бик жылы каршы алына. Шул елларда ул «Егет яуда сынала» шигъри повесте өстендә эшли. Киң пландагы бу эпик эсәрдә шагыйрь тормышка тагын да тирәнрәк керә, геройларын катлаулы, каршылыклы вакыйгаларда тасвирлый. «Нури Арсланов поэмаларының үз агышы бар, моны теленә үзәнә хас булган ачышы дип тә әйтергә була. Алар жиңел укыла. Аларның жирдән берәз юга-

рыга күтөрелә төшкән романтикасы ошый миңа... Нури Арсланов ижатының тагын бер үзенчәлекле ягы – ул көн саен яңалыklar белән таң калдырган безнең тормышка тышкы яктан гына түгел, барлык шагыйрьлек жаны белән елмая» – ди аның хакында Сибгат Хәким [3: 2]. Шагыйрьнең осталыгы аның кыска фәлсәфи шигырьләрендә дә бик ачык чагыла. Гомәр Хәйям, Хафиз, Дәрдемәндләрден килә торган традицияне дәвам итеп, Нури Арсланов бөтенлекле, тыгыз эчтәлекле дүртьюллыклар белән сәнгатьчә матур итеп итеп фикерен житкерә белә. Ул үз өстендә күп эшли, яшьләр өчен остаз буларак та чыгыш ясап, зур җаваплылык белән якын килә. Һәрбер газета-журналны ижади бер мәктәп итеп күрә, аларның сәхифәләрендә басылып чыгачак ижат җимеше дә басма таләпләренә туры килерлек, сыйфатын, дәрәжәсен төшөрмәслек булырга тиеш дип, «аның һәм минем йөзгә кызыллык китерерлек булмасын, дип, кат-кат күздән кичерәм, ә журналда чыккач, кемнәр ни әйтерләр икән дип көтәм, кызыксынам, дулкынланам. Бу соңгысы инде минем өчен чын имтихан була», ди автор. Шагыйрь архивында сакланган әлеге язмалар, караламалар аның аңында материалның эшкәртелүе, әсәренә соңгы вариантына кадәр булган үсеш-үзгәрешләрне, уңыш-уңышсызлыklarны күрергә, күңел дөньясына үтеп керергә дә ярдәм итә: «Кат-кат төзәтәсен, күчәрәсен, тагын үзгәртәсен һәм ниһаять, инде тәмам төгәлләнде дигән нәтижәгә килгәч кенә, редакциягә тапшырасың. Журналда чыккач, ул инде укучылар милкенә әйләнеп, тагы да бер нечкә иләктән үтә. Укучылар кайчакта хатлар аша үз фикерләрен синең белән уртаклашалар. Арада бик уйланырга мәжбүр итә торганнары да була. Шулай итеп, шигырьләр, китап булып чыкканга кадәр, ижади мәктәп парталарыннан күчә-күчә, үзләре дә яхшыралар, шомаралар һәм авторга да үз сәләте югарылыгына күтәрелергә ярдәм итәләр», дип ассызыкый шагыйрь үзе дә бу турыда. Шәхси архив материаллары аша текстларның язылу тарихлары ачыклана, шулай ук шагыйрьнең теге яки бу әсәрен язуга ничек керешүе, уй-ниятләре, кичерешләре дә ачыла бара. Бик күп шигырьләренә каралама вариантлары сакланып калган. Шунысы да мөһим, архивтагы язмалар аркылы шагыйрьнең тәржемәи хәлендәге кайбер фактлар да торгызыла. Мәсәлән, 1989 елгы көндәлегендә Н. Арсланов шундый юллар теркәгән: «Менә бүген Яңа ел иртәсе. Мин быел сентябрьдә Хәйретдин яшенә җитәм. 78 тулачак. Ә паспортта 77 диелгән, мин анда бер яшькә яшрәк. Мин бит 1911 елда туганмын!». Мирасханәдә шагыйрьнең берничә куен дәфтәре саклана. Һәр көн вакыйгаларын, кызыклы мизгелләрен, үзе билгеләп үткәнчә «кирәк-кирәкмәсен язмыйча, ни белән дә булса әһәмиятле көннәренә

генә билгеләп», язып-теркәп барырга яраткан әдип. Көндәлекләр нечкә күнелле шагыйрьнең күнел халәтен, күнел төпкелендәгә кайбер каршылыкларны тоемларга да мөмкинлек бирә: «1981 ел. 23 январь. Госман Садә бүген килгән. Мин Нәжип Җиһанов юбилееңда – Опера һәм балет театрыңда – идем. Халык күп иде. Үзенә кайчандыр Дәүләт бүлгә алдырмаска теләүчеләр президиумда утырдылар...

Мәрхүм Г. Әпсәләмовка гомер буге ижади дошманлык күрсәтеп килгән кешеләр аның некрологын чуарлаган кебек, мәте янында хөрмәт каравылында торган кебек...

13 февраль. Уфадан шалтыраттылар. “Казанны, Республиканы мактаган шигырьләр безгә туры килеп бетми, гомуми характердагылары кирәк, тагын бер 1000 юл өстәмә җибәрегез”, диләр.

14 февраль. Кичәле-бүгенле шул таләпне үтәп, яңадан мең юл җибәрдем. Шулай итеп, ике мең юллык китап (3 табак) урынына дүрт мең юл булды. Нәкъ яртысын сызмакчы булалар инде. Гажәп, үзләре шигырь яза белмиләр, ә үзләре минем шундый төгәл шигырьләремне юкка чыгарып утыралар! Татарымны, Ватанымны мактамыйча, кемне мактарга тиешмендер инде мин! Ну гарип замана да инде, теләсән ничек түз!..

19 февраль. Шигырьләр төзәтеп утырдым. Сәгать 2 ләргә Ключарев каберенә бардым. Анда бүген тууына 75 ел тулу уңас белән митинг булды. Халык аз иде...

“Бармыни бездә гомумән чын кеше кадерен белү,

Без аны кайдан белик мескен үлеп аңлатмагач?!”, – ди Тукай бер шигырендә. Ә хәзер бездә үлеп тә аңлатып булмый. Шундый хәлләр!..

22 апрель. Моннан бер унбиш көннәр элек «Тукай янында нинди шигырь укыйсыз, шуны ике экземпляр союзга җибәрегез» дип, хат алган идем. Бу нәрсә? Шикләнүме? Ике сугышка да үзем теләп киткән кешедән шигырь укытырга шикләнәләрме? Сугыш вакытында миңа ике йөздән артык кешенең язмышын ышандылар, хәятен ышандылар!

21 май. Әлегә «Дүрт атым»ны төзәтә-төзәтә укыйм да, үзем белән үзем сөйләшеп утырам:

– Талант бу, талант! – дим. Я кайсы моны яза ала. Кайсы мондый итеп яза ала?! Талант бу, һич шиксез талант!, – дим. Беркадәр вакытлар үткәч, “Әллә ние юк икән моның...” димәсәм ярый инде.

10 июнь. Союзга кергән идем, Фәрваз чакырып алып, юбилейга кагылышлы әйберләр турында сөйләде. Строительләр сараенда уздырма лар. Миңа барыбер дигән булдым. 60 та Академия театры иде, 70 тә түрдән түбән төшү...» [1]. 1983 елгы истәлек дәфтәрендә «Кайберәүләр кебек качып-посып, ышык урын эзләп йөрмәдем / Ватан

өчен утта-походларда үткәрдем мин сугыш көннәрен» дигән шигырь юлларын теркәп, күнелен бимазалаган хисләрен яза: «Миңа һәйкәл куелмады. Тик пошынмыйм. Бабам исеменә дөньядагы һәйкәлләрнен чиге юк. Күпме арыслан һәйкәле бар!» – ди ул. Көндәлекләреннән күренгәнчә, шагыйрьнең әрнегән, борчылган, сызланган чаклары күп булган. Кайберләрен ул көрәш майданы булган ижатында да чагылдыра бара, бер өлешен көндәлекләренә күчерә: «төндә торып, дүрт юллык бер шигырь яздым – “Аера күрмә”».

Язмыш! Игелек күрсәтмәдең бер дә / мин андыйга, хәер, күнеккән / Бәхетсез дә яшәп була җирдә / Тик аера күрмә өметтән» [1].

Талантлы эдип-шагыйрьнең ижат итүдәге тәҗрибәсе, бу эшчән-легендә үзенә генә хас булган як-үзенчәлекләр – ижат юлына аяк атлаган һәрбер каләм иясе өчен кыйммәтле мәктәп булып тора. Н. Арслановның ижат итү үзенчәлекләре, теге яки бу нәрсәгә фикер-карашларын өйрәнгәндә шәхси архивы – кыйммәтле, мөһим чыганак. Үзенә тәҗрибәсе белән ул ихластан уртаклаша, бүгенге көндә танылу алган, үз урынын тапкан күп шагыйрьләрнең дә ул рухи остазы булып тора. Яшьләргә дәрәҗәсә юнәлеш бирү, ижади аңлату юлы белән ярдәм итүне үзенә бурычы дип санып шагыйрь. Кайчакта үз зәвыгың, үз стилиң каршы килеп булса да, ижади эзләнүләр юлында яшьләргә киң мөмкинлек бирергә кирәк дигән фикердә тора ул. Хатлары белән таныша башлагач, бу тагын да ачыклана төшә. Киңәш сораганнарда ул җавапсыз калмый, кыскача булса да, хат юллы. Шушы нисбәттән почтасында күп хатлар да – нәкъ менә рәхмәт хатлары, жылы, ихлас хатлар. Мәсәлән, Н. Арслановка шагыйрә һәм журналист С. Гәрәева күп кенә хатлар яза. Нури Арсланов аның өчен остаз да, шулай ук Казан-Чиләбе арасында күпер дә булып тора.

*Парнас тавын кичкән аксакал Сез,
һаман яшим сезне сагынып.*

*Күңелегездән җырлар, йөзегездән
илаһи нур тора агылып.*

*Атлантларның иң көчлесе булып,
шигъриятнең изге учагын
учыгызда саклап тотасыз сез* [1],

Рәхмәт Сезгә, шигъри остазым, дип, күп хатларын шигъри юлларга сала. Милли азатлык хәрәкәте белән бәйле һәм халыкның ихтыяжын күздә тотып, 90 елларда чыга башлаган газет-журналларның башлангычында да Н. Арслановка еш мөрәҗғәт ителә. «Зур, биек, калын һәм көчле бюрократия дип аталган, җәмгыятьбезнең алдынгы,

саф һәм милләтләрне чәчәк аттыручы, әйдәп баручы көчне көчкә-көчкә жиңеп, дөньяга без теләгән «Бердәмлек»не чыгара башладык. Читтәге татарның яшь матбугатын мәркәзбездә-мәккәбездә Казанга гына өметөбез» [1], дип яза Самара «Туган тел» жәмгыяте» әгъзасы Ш. Баһаутдинов. Шунысы да игътибарга лаек: шагыйрь үзенә килгән бер хатны да ташламаган күрәсеп, кыска, 2–3 жөмлөлөк хатлар да, хат-телеграммалар да кадерләп сакланган. Архивында шулай ук төрлө шигырь жыентыкларына, ижатташларының хезмәтләренә бәяләмәләр язуну сорап еш язалар. Мәсәлән, архивында прозаик, драматург Мәхмүд Хәсәнов, шагыйрь Гәрәй Рәхим, Зөлфәт Маликов, Кадир Сибгатуллин, Нурия Измайлова һ. б. бик күп әдипләрнең ижатларына аның дәресе, чын бәяләмәләре саклана.

Шагыйрьнең шигырь китапларының караламалары белән танышу исә, китапның дөньяга чыкканчы, укучыга барып ирешкәнчә күпмә катлаулы юл узганы белән танышырга мөмкинлек бирә. Һәрбер шигыренә ул гаять игътибарлы карый, кат-кат төзәтә, кайбер шигырьләрен төрлө вариантларда язып карый. Кичерешләр дөньясына шагыйрь үтә сак якын килә, кискен кагылымый. Кеше хисләренә дә нәзәкәтлелек белән якын килә, нечкә тоемлап яза, лаеклы сүзләр, образлар эзли. Телнең эчке көчен тоеп, байлыгын, сүзлек составын тирәнтен аңлап эш итә. Кыска, төгәлләнгән фикерне тар мәйданга сыйдыра белә. Бу яктан аның эзләнүләре күпләр өчен үрнәк булып тора. Үзенә «Һаман да эзләнүдә» мәкаләсендә шагыйрь болай ди: «Бала чакта мин үземә ошаган шигырьләргә аерым калын дәфтәргә күчәрә бардым. Анда Г. Тукай, Дәрдемәнд, Сәгыйть Рәмиев, Ш. Бабич, Н. Исәнбәт шигырьләре бар иде. Соңга таба һ. Такташ һәм Х. Туфан өстәлдә. Мин бу исемнәргә хәзергә кадәр үземнең остазларым итеп хөрмәтлим. Тырышлыксyz, тәҗрибәләрсез, эзләнүләрсез талант сусыз гөл шикелле сула. Мин дә әле һаман да эзләнүдә» [1], ди (1978). Н. Арсланов әдәбият, сәнгатьнең бертуктаусыз хәрәкәттә булуын, үсеш-үзгәрештә торуын күрсәтеп, аның алга китеше, камилләшүе фәкать армый-талмый эзләнүдә икәннән тагын бер кат ассызыкый. Болар исә «Яңа формалар, образлар табу, яңа тәфсилләүләр, үй һәм фикерләргә тагы да көчләрәк, тагы да үтемләрәк итеп бирү чараларын яңача куллану юлларын ачу белән органик бәйлә», – ди автор һәм ул моңа ирешә дә.

Гомумән, шәхси архивлар – әдәбият фәне өчен мөһим чыганақ хезмәтән үтилә. Нури Арслановның архивы да аның иҗат итү үзенчәлекләрен, аңа гына хас алымнарны, аерым эсәрләренә туу тарихын өйрәнгәндә нык ярдәм итә. Фондтагы күпсанлы фотолар шагыйрьнең даирәсе, кызыклы шәхесләр белән танышырга мөмкинлек бирә,

хатлар-көндәлекләре моңа кадәр билгеле булмаган хәл-вакыйгаларга ачыкч булып тора. Алар алга таба да өйрәнелеп, укучыга житкерелер дип ышанып калабыз.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге. Нури Арсланов фонды (144 фонд).

2. Әхмәтжанов М. И. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. Казан, 2005. 224 б.

3. Хәким С. Бөтен җаны белән елмаючы // Социалистик Татарстан. 1962. 2 окт.

4. Гарипова Л.Ш., Миңнуллина Ф.Х. Көндәлекләрдә – халык тарихы (Г. Исхакый архивы нигезендә) // Башкирский народный эпос «Урал батыр» и духовное наследие народов мира: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения выдающегося ученого-фольклориста, д-ра филол. наук, проф. Сулейманова Ахмета Мухаметвалеевича. 2019. С. 119–224.

5. Надыршина Л.Р., Ханнанова Г.М. Мотив сна в творчестве Габдуллы Тукая и татарских поэтов начала XX века // Эхо веков. 2018. № 3. С. 102–112.

6. Зәйниева Г.Н. Шагыйрь Кол Мөхәммәд кулъязмалары (XVIII йөз ахыры – XIX йөз башы) // История письма европейской цивилизации письменная культура народов России: материалы междунар. науч. конф. Казань: ИЯЛИ. 2023. Б. 148–152.

УДК 792.03

СОВРЕМЕННОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА «МОӢ»

3.3. Гилазев

*Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН
РТ (Казань)*

В данной статье рассматривается деятельность театральной площадки «МОӢ» как элемент развития театрального пространства. Исследуется основные направления деятельности театральной площадки «МОӢ» и ее проблематический дискурс, жанровое своеобразие и влияние как на развитие театрального искусства, так и зрителя. Уделяется внимание на деятельность резидентов площадки: творческого объединения «Әлиф», театральной площадки «Угол». Отслеживается эволюция театра горожан, инклюзивных постановок, перформативных вечеров «Кич» в рамках театральной площадки «МОӢ».

Ключевые слова: театральная площадка «МОӢ», театральное искусство, театр горожан, документальный театр, свидетельский театр, иммерсивные спектакли, театральные лаборатории.

This article examines the activities of the MOÑ theatre venue as an element of the development of theatrical space. The main areas of activity of the MOÑ theatre venue and its problematic discourse, genre originality and influence on both the development of theatrical art and the audience are examined. Attention is paid to the activities of the venue's residents: the creative association Alif, the theatre venue Ugol. The evolution of the townspeople's theatre, inclusive productions, and the Kich performative evenings within the MOÑ theatre venue is tracked.

Keywords: theatre venue “MOÑ”, theatre art, citizens’ theatre, documentary theatre, witness theatre, immersive performances, theatre laboratories.

История театрального искусства свидетельствует о его удивительной гибкости, способности к перманентному обновлению и трансформации. Меняется язык общения со зрителем, вовлечение его в действие, сам подход к постановке зрелища и т.п. Театральная площадка «MOÑ», входящая в фонд «Живой город» (соучредители Инна Яркова, Диана Сафарова, Артем Силкин), является одной из пространств, где зритель может наблюдать современный театр в его развитии.

Театральная площадка «MOÑ» начала работать в 2020 г. с премьеры лирической комедии «Моң». Сама площадка представляет собой помещение на втором этаже Национальной библиотеки РТ. Это так называемый «блэк бокс» (черная коробка) – пространство для мероприятий в разных жанрах и театральных лабораторий. В нем нет привычной сцены и зрительских мест, разделенных занавесом. Пространство легко трансформируется для показа драматических, танцевальных спектаклей, кинопоказов и иммерсивных постановок.

В начале здесь работали кураторы: режиссер Туфан Имамудинов (2020–2021 гг.), поэт и журналист Йолдыз Миннуллина (2021–2022 гг.), театральный менеджер, директор Центра имени Мейерхольда Елена Ковальская (2020–2021 гг.), театральный критик Антон Хитров (2021–2022 гг.), помогавшие формировать программу площадки. С сезона 2022–2023 г. команда площадки сама инициирует проекты, приглашая к сотрудничеству казанских и российских авторов, и принимает у себя спектакли-резиденты, ставя своей целью развитие общества и национального театра с помощью кросс-жанровых спектаклей, различных лабораторий, образовательных программ.

В рамках проекта действует несколько резидентов которые используют площадку для своих постановок, среди них творческое объединение «Әлиф», созданное режиссером Туфаном Имамудиновым, композитором Эльмиром Низамовым, танцовщиком и режиссером Нурбеком Батуллой, танцовщиками и режиссерами Марселем и

Марией Нуриевыми. С объединением активно сотрудничают молодые хореографы и танцовщики Ильдар Алекбаев и Венера Галимова. «Элиф» работает с татарской культурой на стыке театра, танца, поэзии и музыки. На театральной площадке МОÑ они поставили танцевальный перформанс «Элиф», «Дәрдемәнд», «SAK-SOK», «Һава» и др., осуществляют гастрольные показы и лабораторные проекты современного танца.

Также можно выделить спектакли, входившие в репертуар театральной площадки «Угол», также входящей в фонд «Живой город». Это – «147», «5 mm/h», которые были перенесены на площадку МОÑ. Это примеры драматического театра, в котором заняты профессиональные актеры [2].

Вместе с тем театральная площадка «МОÑ» известна тем, что активно работает в формате театра горожан. Этот формат также называют документальным или свидетельским театром, театром со-участия. Спектакли «Чын татар» и «Педсовет» служат примерами свидетельского театра, а «Децентрализация» и «Морфемалар» – спектаклей участия.

Дальнейшая эволюция театра горожан привела к театрально-педагогическому проекту «Видимо-невидимо». В 2023 г. резиденты «МОÑ» совместно с магистрантами программы «социальный театр» ГИТИСа под руководством Елены Ковальской и Кристины Матвиенко провели лабораторию в деревнях Татарстана, организовав этот проект [3]. Он продолжился и в последующие годы, расширилась география участников. Так появились спектакли «Ишет мине», «Уен?», «Дуслар жыелган жирдә», «Сказки Наласы» и др. Здесь будет уместно обратить внимание на то, что театр горожан расширяет свои границы, это связано со стремлением команды фонда «Живой город» и театральной площадки «МОÑ» «развивать местное сообщество художников и зрителей, которых команда театра тоже считает художниками» [4].

В ряде постановок театральной площадки «МОÑ» наблюдается консолидация пластики и инклюзии. Первый подобный спектакль «Встречи. Фрагменты» попал в репертуар «МОÑа» из репертуара театральной площадки «Угол». Дальнейшее развитие этого опыта реализовалось в спектакле о принятии своего тела «Отстань от себя». В обоих спектаклях принимали участие студенты театральной школы «Инклюзион» и хореограф Ильдар Алекбаев [1]. Сотрудничество с театральной школой «Инклюзион» продолжилось и в инклюзивном спектакле «Коллекционеры». В целом театральная площадка уделяет особое внимание развитию инклюзивного театра. В частности, весной

2021 г. площадка приняла у себя первый Форум-фестиваль социального театра «Особый взгляд. Регионы».

В общем репертуар театральной площадки представлен классическими и современными жанрами: вербатим, лирическая комедия, перформанс, пластическая драма, променад, ситком, теневой театр, хореографическая импровизация, хоровая опера и др. на русском и татарском языках, адресованных не только взрослому зрителю, но и детям. К детским постановкам можно отнести «Ак бүре», «Жизнь Н», «Деловой бобер» и др.

Наряду с вышеперечисленными направлениями театральная площадка занимается и другими проектами, среди них, перформативные вечера «Кич» посвященные различным темам (поэзии Йолдыз Миннуллиной, переосмыслению народного танца, авторском кино Ирана и т. п.).

Деятельность «МОÑ» поддерживается театральным сообществом. Театральная площадка «МОÑ» организует и участвует в театральных фестивалях, лабораториях и конкурсах. Например, постановки «Әңгәмә», «Децентрализация», «Дөр», «Һава», «Чын татар» стали номинантами российской театральной премии «Золотая маска». Драматург спектакля «5 mm/h» Дина Сафина стала лауреатом премии «Золотая Маска». Соло-перформанс «15 172» – обладатель театральной премии Министерства культуры Республики Татарстан «Тантана» в номинации «Эксперимент».

Такой высокий уровень профессионализма театральной площадки «МОÑ» обеспечивает команда фонда «Живой город». Этому также способствовало привлечение резидентов с гарантированным художественным качеством постановок в лице творческого объединения «Әлиф» и театральной площадки «Угол».

Основное направление развития театральной площадки – это театр горожан. Развивая различные форматы театра горожан, уделяется существенное внимание просвещению общества в лабораториях, образовательных программах и предоставляется возможность самостоятельного изучения формата с помощью специально подготовленного пособия «Дорожная карта театра горожан».

Театральная площадка «МОÑ» – это своеобразная театральная лаборатория, которая без главного режиссера и профессиональной труппы представляет казанскому зрителю возможность выбора ценностей. Разнообразие театральных практик помогает зрителю глубже понимать культуру и окружающую действительность, обогащает его новым смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головатая А. Театр как телесный контакт: в «МОЊ» показали спектакль «Отстань от себя. URL: <https://inde.io/article/55213-teatr-kak-telesnyy-kontakt-v-mo-pokazali-spektakl-otstan-ot-sebya> (дата обращения: 05.08.2025).
2. Наумова М. Познакомьтесь с людьми, которые работают на театральной площадке МОЊ. URL: <https://entermedia.io/people/poznakomtes-s-lyudmi-kotorye-rabotayut-na-teatralnoj-ploshhadke-mon/> (дата обращения: 05.08.2025).
3. Шимадина М. Сельский стендап, а также перформанс и сторителлинг. URL: <https://oteatre.info/selskij-stendap/> (дата обращения: 05.08.2025).
4. Яркова И. Театр горожан в Казани: как это устроено. URL: <https://oteatre.info/teatr-gorozhan-v-kazani-kak-eto-ustroeno/> (дата обращения: 05.08.2025).

УДК 811.512.164=221.1=161.1]’37

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ОДИН» (на материале туркменского, персидского и русского языков)

Г.А. Гундогдыева

Туркменский государственный университет им. Махтумкули (Ашхабад)

Исламская Республика Иран и Российская Федерация являются государствами, которые на протяжении многих столетий жили по соседству и развивали многосторонние отношения с Туркменистаном. В результате многовековых дружественных отношений между народами этих стран происходили активные взаимодействия в самых разных областях, в частности, в языковой сфере.

Изучение туркменских фразеологизмов с числительным «один», а также их сопоставление с персидскими и русскими эквивалентами является одним из интересных вопросов языкознания. В настоящей работе представлена лишь часть эквивалентных фразеологизмов данной группы, которые были выявлены в результате сопоставительного анализа туркменских, персидских и русских фразеологизмов. Наблюдения показывают, что, несмотря на то, что исследуемые языки относятся к разным языковым семьям, в них существует немало фразеологизмов очень близких по лексико-семантическому строю, многие из которых не только не утратили своего первоначального значения, но активно используются и в настоящее время носителями данных языков.

Ключевые слова: Фразеологизм, сопоставительный анализ, числительное «один», туркменский язык, персидский язык, русский язык.

The Islamic Republic of Iran and the Russian Federation are states that have lived in the neighborhood with Turkmenistan for many centuries and developed multilateral relations. As a result of centuries-old friendly

relations between the peoples of these countries, active interactions have taken place in various fields, in particular, in the linguistic sphere.

The study of Turkmen phraseological units with the numeral “one”, as well as their comparison with Persian and Russian equivalents is one of the interesting issues of linguistics. This paper presents only a part of the equivalent phraseological units of this group, which were identified as a result of a comparative analysis of Turkmen, Persian and Russian phraseological units. Observations show that, despite the fact that the languages under study belong to different language families, they contain many phraseological units that are very close in lexical and semantic structure, many of which not only have not lost their original meaning, but are actively used today by native speakers of these languages.

Keywords: Phraseological units, comparative analysis, numeral “one”, Turkmen, Persian, Russian.

В настоящее время в Туркменистане изучению, развитию туркменского языка, а также расширению его роли в обществе уделяется особое внимание. Туркменский народ на протяжении всей истории своего развития добился плодотворных результатов в отношениях со странами, с которыми в течение многих столетий активно сотрудничает в торгово-экономических, культурно-гуманитарных и политико-дипломатических областях. Вследствие этого становится очевидно, что хорошее знание языков играет важную роль в установлении и развитии упомянутых выше отношений.

Туркменский народ, богатый словом, различными художественными изречениями всегда придавал особое значение его развитию. Мудрые изречения, устойчивые выражения, фразеологизмы, пословицы и поговорки, созданные нашими предками, передаваясь из поколения в поколение, продолжают использоваться и по сей день. Фразеологизмы, представляющие собой особые языковые средства, не только ярко выражают особенности каждого языка, но и выступают в качестве важных маркеров, способствующих пониманию менталитета, культуры, национальных особенностей, свойственных его носителям. Как отмечает русский ученый-лингвист Ф.И.Буслаев: «Фразеологизмы – своеобразные микромиры, которые содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [5: 37].

Создание новых слов, терминов и фразеологизмов, а также их переход из одного языка на другой является естественным процессом, который происходит практически в каждом языке. В мире нет языков, в которых не существовали бы заимствованные слова и словосочета-

ния. Это связано с тем фактом, что с давних времён между многими народами, в особенности имеющими общую границу, древние исторические связи, культурную среду обитания и т. д., развивались многосторонние отношения, в результате которых и происходили эти заимствования. Государствами, которые граничат с Туркменистаном и народы которых на протяжении многих столетий живя бок о бок имели многосторонние отношения с туркменами, являются Исламская Республика Иран и Российская Федерация. В результате многовековых дружественных отношений между народами этих стран происходили обоюдные заимствования в самых разных областях.

В результате сопоставительного анализа было выявлено значительное количество сходных туркменских, персидских и русских фразеологизмов, многие из которых не только не утратили своего первоначального значения, но активно используются и в настоящее время носителями данных языков.

Изучение туркменских фразеологизмов с числительными, а также их сопоставление с персидскими и русскими эквивалентами является одним из интересных вопросов языкознания. Среди наиболее известных туркменских, иранских и русских исследователей, которые в своих работах уделяли внимание изучению данного вопроса можно упомянуть М. Абдрахманову [1; 2; 3], О. Назарова [7], М. Пенджиева [10], М. Ахмади, Р. Капампура, С. Фарсадманеша [4], Б. Ларина [6], А.А. Рожанского [8], А.Е. Супруна [9].

В результате сопоставительного исследования рассматриваемой группы фразеологизмов в туркменском, персидском и русском языках выявлено немало эквивалентных фразеологических выражений с разными числительными. Числительные, используемые во фразеологизмах, не всегда имеют свое первоначальное, то есть количественное значение, а часто используются в переносном смысле. Следует отметить, что фразеологизмам с числительными, в отличие от других групп, более присуща полисемичность. Необходимо также упомянуть то обстоятельство, что далеко не все числительные используются во фразеологизмах, а используемые присутствуют в них не в равной степени. Например, во фразеологизмах чаще других встречаются такие числительные как «один», «два», «три», «четыре», «пять», «семь», «восемь», «девять», «десять», «двенадцать», «двадцать пять», «тридцать два», «сорок», «пятьдесят», «сто», «тысяча».

Объектом сопоставительного исследования настоящей работы являются фразеологизмы с числительным «один». Данные языковые средства, возникшие на базе числительного «один» могут иметь

значение как определённого, конкретного, так и неопределённого количества. Например, в туркменском языке существуют семантически схожие фразеологизмы *Bir demde* (бир демде; досл. «в один вдох») и *Göz açur-ýumasy salymda* (гоз а:чып-йума:сы салымда; досл. «за мгновение моргания глазом»), которые в персидском языке существуют в виде (به) در (бе) یدک چشم برهم (йек чешм бархам (бехам) задан; досл. «в один глаз смешать») или (به) در (бе) یدک چشم задан; досл. «бить в один глаз»).

Эквиваленты данного фразеологизма в русском языке используются в форме ***В мгновении ока, В один миг, В два счета***. В трех языках данные фразеологизмы имеют одно и тоже значение, то есть когда какое-либо действие совершается очень быстро.

По мнению туркменского лингвиста О. Назарова, кроме конкретного количественного значения слово «один» может привносить во фразеологизмы оттенки значения ограничения, одинаковости, схожести, объединения, общности [12: 93].

Иранские ученые М. Ахмади, Р. Карампур и Ч. Фарсадманеш отмечают, что число «один» во фразеологизмах персидского языка означает целостность и совершенство, а также является обозначением принципа единства и основы остальных чисел [9: 35]. Свидетельством тому служит туркменский фразеологизм *Topraklary bir ýerden* (топра:кла:ры бир йерден; досл. «их земли из одного места», который в персидском языке используется в форме سر و ته یک کرباس اند (сар ва тах йек карбасанд; досл. «начало и конец из одного материала кендир»). А в русском языке они используются в виде ***Из одного теста, Одним миром мазаны***. Эти фразеологизмы используются, когда речь идет о схожих по характеру людях.

Когда речь идет о ком или о чем-либо несостоящем, не имеющем никакого значения, ничемном в туркменском языке используются такие синонимичные фразеологизмы как *Bir şaýa degenok* (бир ша:я дегенок; досл. «одной монеты не стоит»), *Gara pula geçmezlik* (га:ра: пула: гечмезлик; досл. «не стоит черных денег»). В последнее время в туркменском языке часто используются такие эквиваленты данного фразеологизма как *Kör höpüğe degmeyür* (кор копуге дегмеяр; досл. «не стоит слепой копейки») и *Gara şaýa degmeyür* (га:ра: ша:я дегмеяр; досл. «не стоит черной монеты»). Это еще раз свидетельствует о том, что фразеологизмы также постоянно находятся в состоянии развития и совершенствования. Персидский эквивалент данного фразеологизма существует в виде یک پول سیاه هم نمیآرد (йек пул-е сийа:х хам немиарзад; досл. «и одной

черной монеты не стоит»), а русский эквивалент *Гроша ломаного не стоит*.

Когда хотят сказать об окончательном и быстром решении какого-либо дела в туркменском языке используется фразеологизм *Bir ýüzli etmek* (бир йүзли этмек; досл. «делать с одним лицом»). В персидском языке существует два эквивалента данного фразеологизма, один из которых полностью совпадает с туркменским, а во втором вместо слова «лицо» используется слово «голова»: *یک رو کردن* (йекру кардан: досл. «делать одно лицо») и *یکسره کردن* (йексаре кардан: досл. «делать одну голову»). В русском языке эквивалент приведенных фразеологизмов звучит так *Одним разом покончить* или же в сокращенной форме *Разом покончить*.

В некоторых случаях во фразеологизмах числительное «один» используется вместе с числительным «два». Например, когда от одного действия или от одной сделанной работы получают двойную выгоду в туркменском языке используют фразеологизмы *Bir okda iki towşan awlamak* (бир окда: ики товша:н а:вла:ма:к; досл. «одной пулей охотиться за двумя зайцами»), *Bir elde iki garpyz tutmak* (бир элде ики га:рпыз тутма:к; досл. «в одной руке держать два арбуза») или *Bir okda – iki aw* (бир окда: – ики а:в; досл. «одной пулей – две дичи»). В русском языке эквивалент данного фразеологизма почти совпадает с первым вариантом туркменского фразеологизма и звучит как *Одним выстрелом убить двух зайцев*. А в персидском эквиваленте этого фразеологизма вместо слова «заяц» используется слово «метка» и употребляется в виде *با یک تیر دو نشان زدن* (ба: йек тир до неша:н задан; досл. «одной пулей бить две метки»).

Использование числительных «один» и «два» встречается в случаях когда речь идет о внешне очень похожих друг на друга людях используется фразеологизм *Bir almany iki bölen ýaly* (бир а:лма:ны ики болен ялы; досл. «как-будто одно яблоко поделили на две половинки»), в персидском языке *مثل سببی که دو نیم کرده اند* (месл-е сибі ке до ним карде-анд; досл. «как яблоко, которое поделили на две половинки»), а в русском языке *Как две половинки одного яблока*.

Как видно из приведенных примеров, почти во всех семантически схожих фразеологизмах трёх языков присутствует один и тот же главный компонент, то есть числительное «один». И даже несмотря на то, что в некоторых вышеприведенных фразеологизмах исследуемых языков происходит опущение главного компонента, то есть не используется число «один», тем не менее, их можно включить в группу эквивалентов, потому что, во-первых, они семантически схожи, а во-вторых,

главные компоненты, в частности, слово «раз» или «грош», подразумевают именно «один раз» или же «один грош». Числительные играют важную роль в формировании значения фразеологизмов. Они придают речи особую выразительность, образность и позволяют передать более сложные смысловые оттенки.

В настоящей работе представлена лишь часть эквивалентных фразеологизмов данной группы, которые были выявлены в результате сопоставительного анализа туркменских, персидских и русских фразеологизмов. Исследования показывают, что, несмотря на то, что упомянутые языки относятся к разным языковым семьям, в них, тем не менее, существует немало эквивалентных фразеологизмов, чрезвычайно близких по лексико-семантическому строю.

Этот факт свидетельствует о том, что наряду с многовековыми торгово-экономическими и культурными взаимоотношениями, между этими народами, издревле соседствовавшими друг с другом, существовали активные языковые взаимодействия. Приведённые примеры подтверждают, что формирование фразеологизмов в исследуемых языках и их переход из одного языка в другой происходили и происходят постоянно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманова М. Роль числительных в семантике устойчивых сочетаний в туркменском языке // Известия АН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. № 6. 1968. С. 79–83.
2. Абдрахманова М. К вопросу о лексических вариантах устойчивых словосочетаний в туркменском языке (на материале устойчивых словосочетаний с числительными) // Известия АН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. № 6. 1971. С. 59–64.
3. Абдрахманова М. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.661. Ашхабад, 1971. 228 с.
4. Ахмади М., Карампур Р., Фарсадманеш С. Специфика чисел от 1 до 10 во фразеологизмах русского и персидского языков // Молодой вчений. 2014. № 10 (13). С. 33–37.
5. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 1954. 176 с.
6. Ларин Б. О числительных // Литературная учеба. 1934. № 10. С. 112–119.
7. Назаров О. Фразеологизмы с числительными в русском и туркменском языках // Известия АН Туркменской ССР. Серия обществ. наук, 1972. № 5. С. 92–95.
8. Рожанский А.Я. Фразеологизмы с числительными // Русский язык в школе. 1957. № 1. С. 29–32.
9. Супрун А.Е. О фразеологических единицах с числительными // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965. С. 79–85.
10. Penjiýew M. Häzirki zaman türkmen dilinde sanlar. Çärjew, 1962. 560 s.

ИТОГИ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ТАТАРСКИЕ СЕЛА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Н. Зайнеева

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Руководством Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан были организованы комплексные научные экспедиции в татарские селения Пензенской области с участием ученых-специалистов, которые проводили сбор информации и исследования по сохранению языка, археографии, фольклора, эпиграфики, декоративно-прикладного искусства татарского народа. В статье представлены некоторые особенности, выявленные в ходе экспедиции. Особое место уделено письменной и книжной культуре татар Пензенской области.

Ключевые слова: Пензенская область, татары Пензенской области, письменная культура, книжное наследие, археография, научные экспедиции.

The G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan organized comprehensive scientific expeditions to the Tatar villages of the Penza Region, with the participation of specialized scientists who collected information and conducted research on the preservation of the Tatar people's language, archaeography, folklore, epigraphy, and decorative and applied arts. The article presents some of the features identified during the expedition. Special attention is given to the written and book culture of the Tatar people in the Penza Region.

Keywords: Penza Region, Tatars of Penza Region, written culture, book heritage, archaeography, and scientific expeditions.

В каждом регионе России имеются селения компактного проживания татар. В свое время по каким-либо причинам их предки переселились далеко от родных земель, потомки же и по сей день живут, сохраняя свое национальное самосознание. Это заметно в сохранении духовной и письменной культуры, в обучении, в быту, в традициях, обычаях, в знании языка. Сбор подобного рода информации и материалов необходим для научного сообщества, чтобы представить географический охват сохранения культуры и наследия татарского народа. Для этого в разные годы организовывались научные экспедиции в различные регионы проживания татар по выявлению и сбору особенностей той или иной области.

В особенности очень важно проводить исследования в области изучения и сохранения рукописных и печатных книг на арабской графике. Книга имеет духовную и историческую ценность. Во многих хозяйствах такие археографические находки бережно хранятся на верхних полках, в сундуках, в укромных местах. В других же хранятся на чердаке, в сарае, нежилом доме, часто в сырых местах, считая грехом выбросить их в память о предках. Можно проследить, как археографические материалы уменьшаются с каждым днем, во-первых, из-за ненадлежащей сохранности бумага портится, истирается, рвется, во-вторых, передается ли следующему поколению, в-третьих, уничтожаются из-за незнания арабской графики. В целом, в народе было уважение к арабской письменности, считая ее языком священного Корана. Даже некоторые учебники, сборники на арабице были сохранены как священные писания.

В 2019–2022 годах руководством Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан были организованы комплексные научные экспедиции в татарские селения Пензенской области с участием ученых-специалистов: фольклористов, музыковедов, искусствоведов, лингвистов, археографов, ученых по исследованию эпиграфического наследия. Целью экспедиций является сбор, изучение, фиксация, сохранение и популяризация духовного богатства, укрепление национального самосознания татарского народа. Впоследствии результаты исследований находят отражение в опубликованных учеными статьях [1: 143–152; 2: 161–167], в коллективных монографиях, содержащие в себе богатую информацию об истории, фольклоре, письменной культуре, особенностях языка, образцах рукоделия и музыки [3] и др. Во время экспедиции 2021 года были проведены исследования в селах Городищенского, Лопатинского, Иссинского, Лунинского района Пензенской области.

Каждое село отличалось своим гостеприимством, национальным колоритом, богатым материалом. Что касается археографических находок, то большинством из них являются печатные книги. Наиболее распространенными из них являются священная книга «Коран», «Тафсир Корана», «Кыссас аль-Анбия» («История пророков»), «Мухаммадия», «Алты бармак», «Исме Агзам», «Шарайт аль-иман», «Фэн таджвид», «Гыльме халь», «Намунаи ахляк», «Тыйбб», сборники рассказов, учебники грамматики, математики, географии.

С годами подобные археографические находки становятся редкими экземплярами, поэтому в ходе исследований о каждой книге ста-

рались зафиксировать особые исторические моменты, рассказанные жителями.

Представим вниманию наиболее интересные особенности. Примечательны три села: Верхняя Елюзань, Средняя Елюзань и Нижняя Елюзань. Между собой жители называют их по-другому: Верхняя Елюзань – Аембура, Средняя Елюзань – Елюзань, Нижняя Елюзань – Старая Елюзань.

В одном из крупных татарских сел Городищенского района Пензенской области селе Аембура (в значении: березовый сруб) и поныне действуют три мечети. Среди жителей села встречаются фамилии, схожие с русскими фамилиями, хотя сами они являются истинно татарами: Медведев (предположительно происходит от фамилии Аюев), Салмин (связан с именем Салман, или под влиянием соседних мордвы и русских), Богданов (видоизменено от Худайбердина), Пономарев, Слашкин и др. Внутреннее деление села в языке односельчан своеобразно: салма очы (часть села, где живут большинство однофамильцев Салминых), бэлчек очы (связано с тем, что там был карьер), каһәр очы (живут очень предприимчивые люди, у которых в руках «горит огонь»), зэрэт очы (близ кладбища), рогатка очы (место, где она разделяется на две части), мунчали очы. Односельчане общаются на мишарском диалекте, употребляются специфические диалектальные слова: игэч (сестра), фотога сук (фотографировать), бак (смотри), орлык яру (семечки лузгать), ястык (подушка), эстул (стул), вожжи (вожжи) и др. Со слов Ишмаевой Нурзили Аббясовны (1974): «В деревне сохранилась такая легенда: «Наша деревня называется Аембура. Но раньше на месте нашей деревни был березовый лес. Из воспоминаний: люди срубили свои дома из березы. Отсюда пошло название Каенбура. Приехавший в наше село крымский татарин Ильмеев Альмин начал строить село. Сейчас в деревне есть родник, названный его именем».

Село Средняя Елюзань является одним из крупнейших татарских сел в России. В селе никогда не прекращали функционировать мечети, и в настоящее время действуют двенадцать мечетей. Жители очень религиозны: женщины с юных лет носят платки, мужчины посещают мечеть, чувствуется уважение к пожилым людям, знание родного языка, сохранены переписанные от руки суры и молитвы. К примеру, уроженка села Средней Елюзани Жаркова Сафура Алиевна (1945) бережно хранит рукописные тетради свекрови Жарковой Асмы (1908–2002): мунаджаты, аяты из Корана. Написаны очень аккуратно, чувствуется знание арабского языка. Среди печатных книг сохранены: «Основы исламской религии», «Сорок хадисов», «Раднаме», «Исме Агзам»,

«Шараит аль-иман». В ходе общения с коренными жителями заметны диалектальные особенности говора. К примеру, касталанды (заболел), өмер буе (всю жизнь), давыт (да ведь), да мы (да?), аңгарам (понимаю), мэтәм (я говорю), атям бит (сказал ведь), чорналган (покрытая), эт (скажи), тенә (вчера), ару (чистый), эструка (стройка), тиха гына (тихо), здрук (вдруг), ызба (дом), эрәнү (учится), тегел (не), өстәл кругы (вокруг стола), онукам (внук), игәч (сестра), квас (напиток, готовящийся на свадьбы), сәнкә (санки), вожжа (вожжи), сувыта (холодает), тудыка (двоюродный брат/сестра), түтеш (тетя), женкай (жанкай) (старшая невестка), вата шунда (вот здесь), каста (больной), ишкән (услышал), пясук (сахарный песок), бусә (бусинка), тетелде (разошелся), пугрәп (погреб), шома гына (очень быстро) и другие. Как видно из примеров, много заимствований из русского языка, которые плотно вошли в лексику.

Средняя Елюзань также разделялась на определенные границы в зависимости от жителей, или от специфики расположения: гурдо очы (проживают много однофамильцев Гурдиных), каш очы (из-за расположения на возвышенности), куринки очы (из-за формы, напоминающей островок), сыяу очы (сыяу – инструмент для изготовления лаптей, соответственно жили мастера плетения лаптей), курмыш очы (из-за местонахождения посередине и в низине) и др.

Из-за многочисленности однофамильцев в деревнях сохранился обычай называть семьи прозвищами. К примеру, в Нижней Елюзани – Ишуки (предком был Ишмухаммед), Кучаты (рабочий род), Хайран (предприимчивый, умелый род), Алмакаевы (от фамилии Алмакаевы) и др. Еще одна особенность заключается в том, что народ твердо верит в силу молитвенников: обычно их ложат под подушку. Встречаются они как треугольной, так и прямоугольной формы.

В деревне Суляевка Пензенской области сохранилось здание мечети, построенной в 1912 году. В настоящее время она не действует, но в планах сельчан восстановить прежний ее облик. По рассказам старожилов, раньше в селе было пять приходов мечетей, на сегодняшний день действуют две мечети. Строение мечетей оригинальное, минареты невысокие. Арсланов Равиль хазрат отмечает две версии таких минаретов: во-первых, чтобы их не было видно издалека; во-вторых, это требует больших затрат. Также многие дома в этой деревне отличаются в постройках: имеется вход-крыльцо с уличной стороны (что не наблюдалось в других татарских селениях), четырехскатные крыши. В 2020 году издана книга об истории села Суляевка [4]. Среди населения деревни распространено ношение амулетов с молитвами

как обереги. Слова, характерные для этого селения: шигырьче (поэт), элгәреге (до), мелчә (мельница), тике (до), тудыкам, түти (тетя), вата шылай (вот так) и другие. Представитель села Мурадымов Рушан Рифатович (1966) с детства интересовался надписями на шамаилах, самостоятельно изучал арабскую письменность. В настоящее время у него собрана личная библиотека, состоящая из печатных книг начала XX века на арабской графике и арабском языке.

Житель деревни Оз Бахтиев Рушан Шамилевич (1985) является имамом мечети, также имеет личную библиотеку книг на арабской графике, доставшиеся от прадедов. О каждой из них имеет достоверные сведения и доступно излагает всем интересующимся о любой из книг. Например, книга Ахмада Биджана «Анвар аль-гашикийн» («Свет влюбленных»). Произведение было широко распространено среди татар во второй половине XIX века, неоднократно переиздавалось в Казани. В произведении в форме рассказов излагаются деяния пророков и халифов, основные правила исламского шариата.

В целом, татары Пензенской области бережно относятся и стараются сохранить свои национальные особенности: с младенчества прививается любовь к языку, бережное отношение к своему духовному и культурному наследию, сохраняются традиции и обычаи. Что касается письменного наследия, заметно как бережно хранятся рукописи, письма, книги, молитвенники, шамаили, передававшиеся им от бабушек и дедушек. Татары во все времена почитали образованных, ученых людей, всегда было стремление к знаниям. Сохранение уважения к рукописным и печатным книгам в современном мире является показателем сохранения наследия для будущих поколений.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Гарипова Л.Ш., Булатова Ә.К. Мордовия Республикасы татар авылларына фәнни сәфәр нәтижеләреннән // Фәнни Татарстан. 2024. № 4. Б. 143–152.

2. Зайннеева Г.Н. Пенза өлкәсенә фәнни сәфәр нәтижеләреннән // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сб. материалов XIV Респ. науч.-практ. конф. (г. Казань, 28 марта 2025 г.) / Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ. Казань: Изд-во АН РТ, 2025. С. 161–167.

3. Зәйниева Г.Н. Татар халкының язма мирасы: экспедиция көндәлеге эзләреннән (Пенза өлкәсе) // Милли-мәдәни мирасыбыз: Пенза өлкәсе татарлары. (Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән; егерме дүртенче китап). Казан, 2024. Б. 64–91.

4. Хабибуллин А.А. Суляевка в краю родников. История татарского села. Саратов: Изд. центр «Наука», 2020. 384 с.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КЕРАМИКЕ РУСТЕМА ШАМСУТОВА

А.К. Залялеева

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена исследованию трансформации историко-культурного наследия татар в современном керамическом искусстве на примере творчества Рустема Шамсутова. В работе анализируется процесс переосмысления традиционных мотивов, мифологических образов и литературных сюжетов в контексте современного художественного языка керамики. Методология исследования включает искусствоведческий анализ, иконографический подход и сравнительный метод, позволяющие выявить синтез архаических и новаторских элементов в работах художника. Результаты исследования демонстрируют, как культурная память татарского народа обретает новое звучание через диалог традиции и современности.

Ключевые слова: керамика, татарская культура, мифологические образы, Рустем Шамсутов.

The article explores the transformation of historical and cultural heritage in contemporary ceramic art through the works of Rustem Shamsutov. The study analyzes the reinterpretation of traditional motifs, mythological images, and literary plots within the framework of modern artistic language. The methodology combines art historical analysis, iconographic approach, and comparative method, revealing the synthesis of archaic and innovative elements in the artist's works. The results demonstrate how the cultural memory of the Tatar people acquires new meaning through the dialogue between tradition and modernity.

Keywords: ceramics, historical-cultural heritage, mythological images, Tatar art, Rustem Shamsutov.

Творчество Рустема Шамсутова (род. 1963) представляет яркий пример синтеза архаических символов и современных художественных практик. Цель работы – выявление механизмов реинтерпретации историко-культурных и литературных нарративов в керамике художника. Творческий метод Шамсутова базируется на глубоком изучении тюрко-татарской культуры, что проявляется в археологической референции (использование древнетюркских рунических знаков); мифопоэтическом синтезе (совмещение исламских и доисламских образов: древо жизни, зооморфные мотивы); исторической рефлексии (обращение к событиям Волжской Булгарии и Казанского ханства).

Синтез выразительных элементов мифа и изобразительного искусства усиливает художественный эффект произведения. Чем больше точек пересечения этих систем в месте «неожиданности», тем богаче общий смысл, поскольку системы дополняют друг друга [1: 80]. Традиционные образы фольклора издавна находили отражение в керамике: игрушках, изразцах и декоре зданий. В России в конце XIX – начале XX века, когда керамика стала самостоятельным искусством, на темы народного эпоса создавали свои произведения известные мастера М. Врубель, Н. Андреев, С. Малютин и др. На территории Татарстана обращение к мифопоэтике характерно для периода 1960–1990-х гг. и связано с именами таких художников как Б. Шубин, Х. Латыпов, Н. Кузьминых. В настоящее время фольклорные образы в художественной керамике воплощает Р.И. Шамсутов. На декоративной керамической тарелке «Четыре стороны света» (2017) он изобразил стилизованных птиц, которые отсылают зрителя к болгарской мифологии о сотворении мира [2: 45]. Подобная композиция имеет сходство с декоративным решением бронзового зеркала эпохи Волжской Булгарии. Центральный элемент в виде звезды может быть интерпретирован как символ единства или духовного центра. Сочетание зелёного, коричневого и красного цветов создаёт баланс между спокойствием и динамикой. Орнамент вокруг центрального элемента в виде сложных завитков встречаются на каменных и костяных изделиях булгарских мастеров X–XIV вв. Таким образом, композицию «Четыре стороны света» интерпретирующую тюркскую космологию, можно отнести к археоарту [3: 52].

Мифологемы с изображением духов-защитников Шамсутов часто размещает как на живописных полотнах, так и на керамике. Вдохновением для изображения полиморфного существа с собачьей головой, птичьим телом и змеиным хвостом, которое художник называет Семаргл, послужила булгарская металлическая накладка XIII века. Он здесь представлен с двумя когтистыми лапами, змеиным хвостом, крыльями и рогами или длинными ушами. Из рта изрыгается пламя или (что более вероятно) высовывается раздвоенный язык [4: 358]. Данное существо было отличительным знаком печати казанского хана. В XVII веке этот символ стал и гербом города Казани. Некоторые исследователи называют его дракон Барадж, Зилант. По легенде, Барадж – это имя дракона, который жил на Елабужском городище. Дракон защищал всех булгар от злых духов и войн. Его изображение фигурировало на многих находках и было гербом государства Волжская Булгария. Однако автор керамических

изделий, дав название этому существу «Семаргл», отсылает зрителя к другой мифологии. Семаргл (Симург) в восточнославянской мифологии – божество, входившее в число семи божеств древнерусского пантеона [5]. Среди ученых до сих пор нет четкой позиции, косательно отнесения слова «семаргл» к иранской или восточнославянской мифологии. Декоративная тарелка «Семаргл» (2021) выполнена в традиционном стиле с элементами исламского искусства. Центральным элементом композиции является мифическое существо, напоминающее крылатого пса из древней персидской мифологии. Его облик сочетает черты собаки, птицы и рыбы: голова собаки с выразительными глазами, крылья, покрытое чешуей тело и хвост с плавниками. Фон тарелки украшен сложными орнаментами, выполненными в насыщенных цветах: красном, зеленом, золотом и синем. Эти цвета символизируют богатство и гармонию. Орнаменты включают цветочные мотивы и геометрические узоры, характерные для исламского искусства.

Часто на плоскости панно, тарелок, как впрочем и на холсте, Рустем Шамсутов изображает образ крылатого змея – Зиланта. Иногда он представлен в виде злой, а порой в виде доброй силы. Этот персонаж тесно связан с легендой об основании Казани. По мнению Н.Г. Ханзафарова, появление «змея» связано с символом покорения Казанского государства, являясь карикатурой на враждебное исламское государство [6: 89]. У Шамсутова же крылатый змей на панно «Древняя Казань», предстает в качестве защитника города. Зилант опоясывает город, акцентируя внимание на архитектуру Казанского кремля, а ленточный орнамент обрамляет всю композицию, создавая эффект рамки. Таким образом, Зилант, изображённый на панно, является символом мужества, мудрости и силы.

Другое мифическое существо – крылатый барс, изображённый на одноимённой плитке («Крылатый барс», 2020), символизирует силу, мудрость и защиту. В данном панно он представлен в стилизованной манере, окружённый орнаментом. Изображения барсов зафиксированы в материалах раннеболгарского и домонгольского периодов: они присутствуют на металлических предметах. Чаще всего встречаются замки, отлитые в форме барса с солярным орнаментом, а также на керамике. В трактовке Шамсутова снежный крылатый барс предстаёт величественным и благородным существом. Выражение глаз передаёт одновременно настороженность и спокойствие. В них нет агрессии, но присутствует та особая внимательность, которая присуща хищнику, привыкшему охотиться в суровых условиях высокогорья. Взгляд барса

кажется пронзительным, но в то же время в нём есть что-то умиротворённое и даже меланхоличное.

Р.И. Шамсутов в своем творчестве обращается также к языку и образности мусульманского искусства, его символике, условной декоративности, абстрактности орнаментально-ритмических композиций, развивает концепцию неизобразимости человека, отходят от предметно-натуралистических изображений. Образы людей, живых существ в его произведениях наделяются символично-аллегорическим смыслом. Часто они изображаются лишь силуэтно, пластически обобщенными формами, иногда скрываются за живописно моделированной дымкой или пеленой тумана. Отдельные произведения несут в себе отблеск мусульманского мистицизма, популярного среди татар суфийского мировоззрения. Так, загадочное существо, состоящее из 3-х частей – с туловищем небольшого коня, крыльями птицы и головой женщины из мусульманской мифологии – изображено на декоративной тарелке «Аль-Бурак» (2020). Согласно исламской традиции, это существо перенесло пророка Мухаммеда в ночное путешествие (Мирадж). Изображения его встречались еще с XVI–XVII веков на персидских миниатюрах. Образ Аль-бурака окружён абстрактными узорами, напоминающими вихри и волны. Они написаны в живописной манере, характерной для Ван Гога, это создаёт ощущение движения и мистики. В нижней части тарелки изображены дома и деревья, которые контрастируют с небесным фоном, подчёркивая связь между земным и небесным мирами. Шамсутов использует насыщенные синие, зелёные и золотистые оттенки, которые создают гармонию. Контраст между яркими цветами и мягкими переходами усиливает эмоциональное воздействие работы. Тарелка «Аль-Бурак» может быть интерпретирована как размышление о духовности, мистике и связи человека с высшими силами. Создавая подобные «смысловые» произведения, автор вызывает интерес зрителя к познанию.

В композиции «Скифы: Апокалипсис» (2020) автором подразумевается Армагеддон – место последней битвы сил добра с силами зла в конце времен. Сцены терзания появляются в скифском искусстве начиная с V в. до н. э. – со времени, когда звериный стиль вступает в особенно активные контакты с искусством соседних народов [7: 56]. В данной работе Рустем Шамсутов тематически обращается к скифской традиции, а в художественном решении он использует приемы росписей древнерусского народного искусства.

Не только мифология вдохновляет художника, но и письменные источники, такие как рунические письма, каллиграфическая

арабская вязь, средневековая литература. Монументальное панно «История татарской письменности», созданное коллективом художников и ученых в 2014 году, украшает стены школы для одаренных детей в Богатых Сабах Республики Татарстан. Данная работа демонстрирует четыре эпохи письменности татар: руническое письмо, арабская вязь, латиница и алфавит на основе кириллицы [8: 54]. Автору удалось объединить разные материалы – керамическую плитку, смальту, керамо-гранитный материал – в единую стилевую композицию. Материалы хорошо дополняют друг друга. Многие образцы керамических панно, вписанных в общую композицию, таких как «стела Кюльтегина», «татарские тамги», цветочные орнаменты, «шамайли-изречения» над дверными проемами, выполнил Р.Шамсутов. Масштабное панно во всю стену в вестибюле второго этажа стало неотъемлемой частью образовательного процесса. Ученики могут изучать историю письменности своего народа в свободное время, разглядывая стены школы. Рунические знаки сменяются глянцевым блеском бирюзовой смальты. Буквы арабского алфавита дополнены цветочным орнаментом, элементы которого соответствуют историческим фрагментам золотоордынской майолики. Текст суры «Ихлас» выполнен в стиле арабского письма «куфи». Для оформления пространства над дверью Рустем Шамсутов разместил на керамической плитке татарскую поговорку арабскими буквами «Тел – белем ачкычы, акылның баскычы» (рус. «Язык – ключ к знаниям, ступень познания»). Сочетание тонкой каллиграфической вязи и крупных арабских букв «куфи» создает игру масштабов – ее поддерживает линейный орнамент, который, повторяя рисунок золотоордынского керамического изразца XII века, тянется вдоль всей стены [9: 54].

В триптихе «История татарской письменности» (2020) художник продолжает эту тему в станковой форме. Автор сознательно использует скрытые цитаты из уже существующих произведений, имеет их в виду в контексте своего образного ряда или отсылает к ним мысль читателя (зрителя). Для создания панно с рунами он использует фрагмент текста памятника тюркской письменности. Данная работа символизирует победу, силу над врагами.

Литературной реминисценцией к поэзии Кул Гали «Сказание о Йусуфе» стала композиция «Йосуф и Зулейха» (2004). В поэме множество мудрых пословиц, поговорок, крылатых выражений, почерпнутых из фольклора. Идеи, заложенные в поэме, на долгие годы станут ключевыми для произведений татарской литературы и более позднего времени [10: 21]. Это произведение представляет собой триптих,

выполненный в технике мозаики из битой плитки. Центральная часть композиции украшена крупным цветочным орнаментом, символизирующим райский сад, а по бокам расположены портреты героев поэмы – Юсуфа и Зулейхи. Их образы переданы с использованием традиционных элементов персидской живописи, таких как тонкие линии и мягкие переходы. Цветочные мотивы и портреты героев гармонично сочетаются, передавая ключевые моменты сюжета поэмы.

Творчество Рустема Шамсутова демонстрирует успешный опыт трансформации историко-культурного наследия в современном художественном контексте. Реинтерпретация историко-культурных и литературных нарративов представляет его особый художественный метод, при котором художник изучает и трансформирует известные исторические события, культурные сюжеты или литературные произведения, используя керамику как основной материал выражения. С помощью аллюзий автор наполняет свои произведения новыми смыслами, переосмысливает мифологию, историю, литературу и философию или вступает в полемику с прошлым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булычева Е.И. Проблема мифопоэтики изобразительного искусства XX века в контексте теоретического обоснования взаимосвязи мифологического и поэтического // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2021. № 3 (61). С. 76–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mifopoetiki-izobrazitel'nogo-iskusstva-xx-veka-v-kontekste-teoreticheskogo-obosnovaniya-vzaimosvyazi-mifologicheskogo-i> (дата обращения: 23.08.2025).

2. Коробейникова Т.С. Археарт как отличительная черта творчества сибирских художников-авангардистов 60-80-х гг. Хх в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №361. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arheart-kak-otlichitelnaya-cherta-tvorchestva-sibirskikh-hudozhnikov-avangardistov-60-80-h-gg-xx-v> (дата обращения: 23.08.2025).

3. Руденко К. А. Формирование синкретичных и оригинальных форм изделий на Евразийском пространстве в XIII–XIV вв. (на примере художественных изделий) / К. А. Руденко // Средневековые древности Приморья. Вып. 5. Владивосток: ФГБУ науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2022. С. 342–364. EDN QDQWNZ.

4. Энциклопедия мифологии: Семаргл. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/3810/CEMAPГЛ?ysclid=mepffr45us427580207 (дата обращения: 23.08.2025).

5. Ханзафаров Н.Г. Символы Татарстана (мифы и реальность). Изд. первое. Казань: Фикер, 2001. С. 135.

6. Давлетшина Л.Х. Современная татарская проза в контексте актуальной мифологической традиции. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2022. 312 с.

7. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. очерки искусства Евразийских степей. М.: Вост. лит., 1994. 208 с.

8. Залялеева А.К. Художественная керамика Татарстана. История и современность // Наследие и современность. 2024. Т. 7, № 3. С. 357–368.

9. Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. Музей истории тюрко-татарской письменности: от идеи создания до реализации / Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси, Г.Ф. Замалетдинова // Tatarica. 2016 № 1(6). С. 43–58.

10. Алмазова А.А. Художественная культура Татарстана в контексте социальных процессов и духовных традиций: очерки. Казань: Казан.ун-т, 2013. 246 с.

УДК: 821.512.145

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В РАССКАЗАХ ХАЛИСЫ ШИРМАН: СРАВНЕНИЯ, ЭПИТЕТЫ, МЕТАФОРЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ В ТЕКСТЕ

Г.Ф. Зиннатуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

*Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ
по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024.*

В данной статье рассматривается совокупность образных средств и их функциональная роль в рассказах Халисы Ширман, которые делают ее произведения уникальными, анализируются способы создания художественно-выразительных средств. Актуальность данной темы заключается в том, что творчество Халисы Ширман еще не изучено с данной точки зрения. Она создала свой своеобразный стиль повествования, который пропитан лексическим богатством и языковыми изобразительными средствами на основе народно-разговорной речи на рубеже XX–XXI веков, среди которых есть и индивидуально-авторские. Актуальна тематика и проблематика ее произведений в плане национального воспитания подрастающего поколения. Цель статьи – раскрыть стилистические функции использования образных средств (эпитетов, метафор, сравнений) в художественных произведениях и тем самым привить молодежи любовь к чтению литературных произведений на родном (татарском) языке. Материалы статьи можно использовать при обучении родному (татарскому) языку, а также на занятиях литературы.

Ключевые слова: Эпитет, метафора, сравнение, образность, Халиса Ширман.

This article examines the set of figurative means and their functional role in Halisa Shirman's stories, which make her works unique, and analyzes the methods of creating artistic and expressive means. The relevance of

this topic lies in the fact that Halisa Shirman's work has not yet been studied from this perspective. She has created her own unique narrative style, which is imbued with lexical richness and linguistic imagery based on the folk-spoken language of the late 20th and early 21st centuries, including individual authorial elements. The themes and issues addressed in her works are also very relevant in terms of national education for the younger generation. The goal is to reveal the stylistic functions of the use of figurative means (epithets, metaphors, and similes) in literary works, thereby fostering a love of reading literary works in the native Tatar language among young people. The materials of the article can be used in teaching native (Tatar) language, as well as in literature classes.

Keywords: epithet, metaphor, comparison, imagery, Khalisa Shirman.

ХАЛИСӘ ШИРМӘН ХИКӘЯЛӘРЕНДӘ КУЛЛАНЫЛГАН СУРӘТЛӘУ ЧАРАЛАРЫ: ЧАГЫШТЫРУЛАР, ОБРАЗЛЫ СЫЙФАТЛАУЛАР, МЕТАФОРАЛАР ҺӘМ АЛАРНЫҢ ФУНКЦИОНАЛЬ РОЛЕ

Г.Ф. Зиннәтуллина

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

*Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел
№ 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе
ярдәмендә әзерләнде.*

Матур әдәбият әсәрләрендә тел чаралары аша сурәт барлыкка китереп, язучы образлылык тудыра, шуның белән укучыга көчле тәэсир ясый, аны үзенә җәлеп итә.

Образлылык телдәге күптөрле үзенчәлекләргә һәм сурәтләр алымнарын куллану нәтижәсендә туа. Тел чаралары аша сурәт барлыкка китерү катлаулы мәсьәлә. Матур әдәбият әсәрләрендә барлык сүзләр дә сурәтле була алмый. Әмма аларның һәрберсе, сөйләмдә башка сүзләр белән бергә кушылып, образлылык тудыралар. Кайбер әсәрләрдә укучыга эстетик тәэсир итү, аңарда тирән эчке тойгылар уяту гаять югары була. Бер төркем әсәрләрдә исә публицистик сөйләм үзенчәлекләре өстенлек ала. Бу аерымлыктар жанр төрлелеге һәм язучының үзенә хас язу алымнары белән эш итүгә бәйле [2: 188].

Аерым язучының образлы телен анализлаганда, әлбәттә, аларны әсәрнең идея-эчтәлегенә бәйләп карау кирәк. Һәр әсәрнең үзәгендә төрле характердагы персонажлар тора. Алар төрле тел-сурәтләр чаралары аша сәнгатьчә эшләнеш дәрәжәсенә күтәрелсәләр, төрле поэтик бизәкләр ярдәмендә үзләренә хас характер белән индивидуальләшәләр. Һәр әдәби әсәр нинди дә булса аерым бер чорны чагылдыра, билгеле бер тематиканы яктырта. Язучының тел материалы да

шул чорга, анда яшәүче кешеләрнең характерына җайлаштырып кулланыла [5: 68].

Эпитетлар, ягъни образлы сыйфатлаулар әдәби әсәрдә сурәтлән­гән предметларның, күренешләрнең, образларның тәэсирлеген көчәйт­­түгә, аларның үзенчәлекле, иң әһәмиятле билгеләрен аерып күрсәтүгә юнәлдерелгән. Алар авторның сурәтлән­гән вакыйга-күренеш­ләр­гә мөнәсәбәт­ен чагылдыралар, аларга авторның бәясен белдерәләр, билгеле бер кәеф тудыралар, лирик геройга характеристика бирәләр. Халисә Ширмән образлы сыйфатлауларны куллануда аеруча осталь­­к күрсәтә: *Тыгыз, кайнар, беркадәр дымлырак шоль җиле*; *Һавага җәй­ге челләгә хас җеңләү эленгән*; *... рәхимсез кояш* яктысына кысылган күз­ләр­ен тутырыбрак ачып; *Алгы рәт­ләр­дән бер­әү карлыккан күкрәк тавышы* белән җыр суза башлады; *мәрхәмәтсез комнан кысылып беткән күз­ләр­дә нәф­рәт уты җә­мел­дә­де*; *чүл уртасында адашып кал­ган*, беркадәр яшел үзәнлекне хәтер­ләт­кән *уйсулыкка* килеп чыктылар. Ун­жиде-унсигез яшьлек солдатларны эпитетлар аша сурәт­ләп бирә: *күптән түгел генә ат җигеп, әтиләре урынына иген үстөрөп, яланаяк сука тотып, буразна сызып йөргән малай-шалайлар*. Сугыштан ты­нып торган чүлдә ял итәргә туктаган солдатның халәтен – туган ягын уйлап йоклап китүен автор татлы һәм шул ук вакытта газаплы да бул­ган йокы эпитеты аша күрсәтә: *Солдат татлы да, газаплы да йокыга чумды*. Солдатның төшенә кергән Төрки бабаның сурәтен биргәндә дә язучы эпитетлар куллана: *киң дала уртасында зур яссы таш, янын­да кулына сөңге тоткан, көбә күлмәк, очлы башлыктан, озын кара чәч­ләр­ен толымнар­га үрөп салган Төрки баба* [6]. Язучының үзенә генә хас эпитетлары да байтак. Мәсәлән, *җан ачысы белән казылган кое* эпитеты аша язучы яшь солдатларның физик һәм рухи халәт­ләр­ен ачып сала, аларның кызу чүлдә сусыз тилмерү­ләр­ен күрсәтә: *Җан ачысы белән казылган коелардан су чыкмый* [6]. Авторның көчле бу­ран­ны тас­ви­р­ла­ган эпитетына күз салыйк: *дөн­ья­ны каплап алган ак кар чаршавы* аша алдагы машиналарның кызыл фаралары янып-янып алуы күзгә чалынды. Буранда юл һәлакәтенә очрап, урамда тунып ба­сып торган кешенең сурәте: *Иреннәре зәңгәр­лән­еп каткан кеше көч­хәл белән калтыравын җиңеп, бер сүз сытып чыгара алды*; ... Алда неон яктырткычлары белән балкып, кичке караңгылыкны ерткан зур реклама тактасы күренде; Фирма башлыгын, аның усаллыгын сурәт­ләгәндә *яшелле-күкле яман тавыш, тозлы-борычлы сүгенү* эпитетлары кулланылган. Буран сызгыруын күмеп, олы яшь­тә­ге бер апаның ыңгырашулы тавышы ишетелде. Буран сызгыруы һәм апа­ның тунудан ыңгырашуы янәшә куелып, аның авыр хәле сурәт­лән­гән.

Уңышсыз көнне хәерсез көн эпитеты аша бирә: *Нинди хәерсез көн булды инде бу* [7].

Чагыштыру – бер күренешне яки төшенчәне икенчесе белән чагыштыруга нигезлэнгән сурәтләү алымы. Баш өстендә *жәһәннәм уты кебек кыздырган кояш* гүя кинәт кенә ап-ак төскә керде дә, шартлап ярылды да, меңләгән ак шарларга туракланды; Вахит, чатнап ярылган, канаган иреннәрен чак кыймылдатып, тамак кырмакчы булды, ләкин тавышы чыкмады, тешләр арасына тулган ком бөртекләре шыгырдады да, *бүрәнәдәй шешенгән тел* кымшанып куйды; Берни тоймаган *аяклар бушка әйләнгән күчәр шикелле*, комда таеп-таеп китәләр; Алда да, янда да солдатларның тоздан агарып каткан *гимнастеркалары, әңгилдә чайкалган керләр кебек*, салмак кына чайкалалар; Кайда, кайда ул бормаланып аккан *Зөянең көмештәй саф сулары?* [6].

Х. Ширмәннең «Сине өйдә көтәләр» хикәясендә дә чагыштыруларга мисаллар шактый. Мәсәлән, автор буранны чагыштыру аша тасвирлый: *Әйтерсең, әбисе әкиятләрендәге Каф тавы арты әсен-пәриләре, барысы да бергә сүз куешып, Казан белән Әлмәт арасында дуен оештырырга карар кылганнар. Юлга ятып себереләләр, күккә күтәрелеп бөтереләләр, озын карлы бармаклары белән юл читен капшап, аны юлчы күзеннән яшерәләр; Тораташтай баскан кеше артта калды; Рүзәл, аңышмыйча, авызына су капкандай утырган иргә текәлеп карады; эмма беркем дә Яңа ел кичендә таибакадай сөйрәлеп эвакуатор артыннан кайтырга ризалашмады. Буран тынганнан соң яктырып калган күк йөзен чагыштыру аша тасвирлый: Күк йөзе, Кыш бабайның кызыл бияләе белән сөртеп алгандай, чип-чиста булып калды* [7].

Мисаллардан күренгәнчә, Х. Ширмән ижатында чагыштыруны белдерү ысуллары – *кебек, шикелле* бәйләкләре, *-дай/-дәй, -тай/-тәй* чагыштыру кушымчалары, *гүя, әйтерсең* теркәгечләре.

Чагыштырулар әдәби текстта эсәрнең образлылыгын көчәйтү, тагын да яктырак, тәэсирлерәк образлар тудыру һәм сурәтлэнгән предметларның яки күренешләрнең нинди дә булса әһәмиятле билгеләрен аерып күрсәтү, шулай ук автор бәяләмәсен, мөнәсәбәтен, хискичерешләрен белдерү максатында кулланыла.

Метафора – ике предмет яки күренешнең нинди дә булса билгесе буенча охшашлыгы нигезендә күчерелмә мәгънәдә кулланыла торган сүз яки гыйбарә. Аның нигезендә предметларның формасы, төсе, күләме, размеры, тойгылары һәм башка охшашлыклары салынырга мөмкин. Х. Ширмән рун язучыларын метафора аша тасвирлап бирә: *...алдында яткан рун язучы кәгазьләргә текәл, ләкин иелгән-бөгелгән, нәрсәдер эшләгән адамчекләргә* охшаган бу билгеләр кинәт кенә

сикерешә, бер-берсен куа башлылар. Автор бик күп көннәр чүлдә су-сыз тилмергән, талчыккан солдатларны *чул өрәкләре* метафорасы аша тасвирлый. Солдатларның күмәк жырында ишетелгән моңны язучы гажәеп итеп, әйтерсең лә, күмәклектә – көч дигән әйтемне исбатлап матур сурәтләргә төреп әйтеп биргән: *Моң йөрәкнең нәкъ уртасына, күңелнең иң түренә үтеп керә, кан тамырлары аша тәннең бөтен күзәнәкләренә тарала, әллә кайларда, галимнәрнең күзеннән бик ерак яшеренгән урыннардагы резерв энергияне эшкә жигә. Бу юлы да бөкрәйгән жылкылар кинәт тураеп киткәндәй булды, куллар агарганчы винтовка каешын кысты, кояштан, мәрхәмәтсез комнан кысылып беткән күзләрдә нәфрәт уты жемелдәде. Нәфрәт уты метафорасы исә солдатлардагы дошманга булган ачу-нәфрәтнең зурлыгын, дошманны жинү өчен бар көчен, тырышлыгын ачып сала. Кызу чүлдә су табылгач, солдатларның шатлыгын сурәтлөгәндә дә метафора куллана: колонна, аяклардагы авырлыкны, тәндәге хәлсезлекне онытып, калкулык башыннан ташкын булып үзәнгә ыргылды. Әйтерсең, кыш буге жыелган боз астында язгы ташкын кайнап-гөрләп торды да, буаны ерып, үзәнлеккә жәелде. Автор яшь солдатларның кыюлыгын күрсәтү өчен *бөркетләр* метафорасын куллана: *Бөркетләр!* – диде ул берәз карлыккан тавыш белән [6]. Х. Ширмән үз геройларының холкын, хис-тойгыларын, аларга хас сыйфатларын тасвирлаганда метафораларны аеруча яратып куллана. «Сине өйдә көтәләр» хикәясендә Рүзәлнең акрын кеше булуын тасвирлаучы эпитет: Ай, Рүзәл, ай, *ташбака!* Рүзәлнең йомшак күңелле кеше булуын тасвирлаучы эпитет: Синнән нинди эшмәкәр чыксын инде, жаным, сиңа *песи докторы* буласы калган. Күңелсезлеккә тарудан коткарып калган юлчыларын *фәрештәләр* дип атый: *Фәрештәләр, жаным, ике фәрештә алып кайтам!* Әсәрнең герое Яңа ел киченә кадәр эшләрен бетерергә һәм гаиләсе янына бик нык ашыкса да, юлда бәлагә тарыган кешеләрне ташлап калдырырга жорьәт итми, намусы кушмый, автор аның шул мизгелдәге чарасызлыгын түбәндәгечә сурәтли: Рүзәл эчтән кара янды, көйдә, сүгендә, әмма барыбер бу *ике бичараны* юлда ташлап китә алмады [7]. Машина һәлакәтенә дучар булгач, ярдәм сорап ялварган ханымның сурәте: карга чумган машинаның бозлы арткы ян тәрәзәсендә тын белән уелган *«күзләр»* бар иде бит [7].*

Метафора әдәби әсәрнең сәнгатьлелеген һәм образлылыгын булдыруның иң көчле һәм якты чараларының берсе булып тора. Сүзләрнең һәм сүзтезмәләрнең метафорик мәгънәсе аша язучы әсәрдә сурәтләнгәннәренә күзаллауны көчәйтеп кенә калмый, ә предметларның, күренешләрнең кабатланмаслыгын, индивидуальлеген дә күр-

сэтэ. Метафоралар авторның мөнәсәбәтен һәм хис-кичерешләрен белдерүнең мөһим чарасы булып хезмәт итә. Хәлсезләнгән солдатның бер йотым су эчеп куйганнан соңгы халәтен тасвирлаганда, язучы суны тормышның нигезе дип атый: Вахит кружкасын ике куллап тоткан хәлдә иреннәренә якын китерде, шулай да берара тыелып, савыт эчендә чайкалган суга текәлдә. Менә ул, *тормышның нигезе. Никадәр гади һәм никадәр бөек* [6].

Бәлагә тарыган юлчыларны калдырып китә алмавын, шул ук вакытта геройның ашыгуын һәм килеп туган хәлдән чарасызлыгын тасвирлаганда автор фразеологизмнар куллана: Рүзәлнең күңелен әллә нинди *хис тырный башлады*. Рүзәл *эчтән кара янды, көйде, сүгенде* [7].

Жанландыру – тере зат билгеләрен табигать күренешләренә, предметларга һәм төшенчәләргә күчерүгә нигезләнгән метафора төре. Х. Ширмән эсәрләрендә жанландырулар еш кулланылган: Ниһаять, *чүл тынлыгы Вахитның уйларын тәртипкә китерде; Кысылган иреннәренә, кырыс йөзәнә дала җилләре әйтелмәгән ниндидер мәңгелек сорау уйганнар* [6]. Язучы кар бөртекләрен, давылны жанландыра: *Бүрегендәге кар, эреп, куе кара кашларына, керфек очларына кагылып үттә, суыктан җылыга кергәч, кып-кызыл булган бит алмаларына тамды, иягенә кадәр юл сызып агып төште. Рүзәлнең күңелендә давыл уйный башлады. Кар бөртекләре яңадан тәрәзәне сырып ала, юлны каплый* [7].

Жанландырулар сәнгатьле һәм образлы картина тудыруга хезмәт итәләр, табигатьне, андагы күренешләргә жанландырып, укучыга тапшырыла торган фикерләргә һәм хис-тойгыларны көчәйтәләр. Мәсәлән, автор чүлне дә жанландырып сурәтләү аша, суга тилмергән солдатларның авыр хәлен, аларга ничек кенә авыр булса да, ахырга кадәр бирешмичә, нык булуларын күрсәтә: ...Гаҗәп хәл, чүлдә караңгы тиз төшә. *Гүя кояш көне буга күктә бар җегәренә кайнар нурларын сибә-сибә дә, кич авышкач, «Туйдым сездән – яндырдым-яндырдым, барыбер яндырып бетерә алмадым» дигәндәй ачуланып, бик тиз генә офык артына төшеп югала. Шуңа мизгелдә үк җиң йөзән караңгылык баса, чүл ниндидер серле дә, шомлы да тынлыкка чума* [6]. Автор еш кына җилне жанландырып, июль аеның бер көнен сурәтләп бирә: *Ачык тәрәздән искән җил ап-ак пәрдаләргә кагылып үтә дә, якындагына язып утырган профессорның чал чәчләрен иркәли, өстәл өстендәге серле тамгалар төшкән кәгазьләрен кымышата* [6]. Җил геройның хәтерен кузгатучы, үткәндә булган сугыш вакыйгаларын искә төшерүче дә. Әсәрнең герое – профессор Вахит ага Хаков Идел яры буенда урнашкан ял йортында ачык тәрәзә янында конгресста чыгыш

ясау өчен доклад эзерләп утыра. Ачык тәрәзэдән искән жил аңа Бөек Ватан сугышындагы хатирэләрән искә төшсә: *Хәтер дулкыннарын кузгаткан кайнар июль жиле сүрелгән, тынган. Кояш, кызарган йөзен болытлар белән каплаштыргалап, офыкка төшеп бара. Жир йөзенә әкрән генә караңгылык иңә. Еракта-еракта, су белән офык тоташкан урында, баеп барган кояшның соңгы нурлары су өстендә эленеп калган. Күпне күргән чал Идел тын. Татар кояшы, синең баюың түгелме бу?! Иртәгә чыгарсыңмы син? Әллә инде бөтен дөньяга нур сипкән данлы, шанлы вакытларыңны гасырлар тирәнлегенә күмеп китүеңме? Кояш дәшми. Кырыс карашлы Төрки баба дәшми. Ә профессорны шул сораулар борчыйлар да борчыйлар* [6]. Әлеге өзектәге жанландырулар, чагыштырулар, образлы сыйфатлаулар һәм метафоралар аша автор кешелек һәм табигать арасындагы бәйләнешне искиткеч сурәтләр аша ачып сала.

Х. Ширмән эсәрләрәндә тасвирланган вакыйгаларны, чорны, шундагы мохитне тулырак ачу өчен алынма сүзләрне дә куллана. Мәсәлән, «Ком дәрҗасы» хикәясендә тел галименен үткәндәге хатирэләрән яңартуы аша, армия, сугыш белән бәйлә рус теленнән һәм аның аша кергән Европа алынмаларын очратабыз: *колонна, солдат, отделение, винтовка, рота командир, плац-палатка, подразделение, дивизия, сапер, поход, легенда, портянка, фляга, привал, землянка, окоп, профессор, плазма, конгресс, доклад* [6]. Машина һәлакәте, аның белән бәйлә һәм шулай ук бизнес, бухгалтерия өлкәсенә караган рус алынмаларын «Сине өйдә көтәләр» хикәясендә күрәбез: *амплитуда, неон, машина дворниклары, реклама, товар, директор, фирма, бланк, бухгалтер, адрес, салон, фара, авария, тормоз, кювет, техника, ремень, автосервис, капот, клемма, руль, дизель, панель, бензин, бак, ГИБДД, КАСКО, эвакуатор, портфель, телефон зарядкасы, Кремль курантлары, банкрот, бизнес, премия* [7]. Шулай ук автор бүгенге көндә сирәк кулланылышта булган сүзләрне дә куллана: *челлэ* (жэй кызуы), *жсегәр* (көч, куәт), *биштәр* (сумка, рюкзак) [6]; *сабак* (тормыш дәресе), *карын* (корсак) [7]. Болар барысы да эсәрдә тасвирланган дәвер атмосфера-сын тудыруга ярдәм итәләр.

Нәтижә ясап әйтсәк, автор кулланган сурәтләр чаралары арасында индивидуаль яңгырашлылары, язучының образлы тәгъбирләр сайлауда һәм ясаудагы ижади эшчәнлеген күрсәтә торганны да бар. Һәр талантлы язучының теленә хас булганча, Х. Ширмән эсәрләрәнен теле дә индивидуаль-ижади характердагы чагыштырулар, эпитетлар, метафоралар, жанландырулар белән баetylганнар. Алар үткен эчтәлекле, стилистик бизәкләргә бай һәм персонажларның характерларына туры

килерлек, әсәрдәге вакыйгаларга бәйле рәвештә сайланганнар. Без авторның тел материалы белән оста эш итүен күрәбез. Бу язучының татар әдәби телен, халык авыз ижатын яхшы белүе, кеше психологиясен аңлап эш итүе, тирән психологизм остасы булуы хақында сөйли.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: Изд.-во МГУ, 1961. 517 с.
2. Зиннатуллина Г.Ф. Гаяз Исхакий әсәрләре теленең образлылыгы // Фәнни Татарстан. 2018. № 2. С. 67–74.
3. Зиннатуллина Г.Ф. Гаяз Исхакий әсәрләрендә фразеологик берәмлекләрнең семантикасы // В.А. Богородицкий и современная лингвистика. Труды и материалы Международной научной конференции: в 2 т. Казань, 2024. Т. 2. С. 80–84.
4. Зиннатуллина Г.Ф. Индивидуальный стиль писателя Гаяза Исхаки // Казанская наука. 2025. № 2. С. 271–274.
5. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1999. 326 б.
6. Ширмән Х.Х. Ком дәрҗәсе // Халисә Ширмән. Матбугат.ру. № 1. 30.03.2010. URL: <https://matbugat.ru/new/?id=2337&ysclid=mcu7ehf4p9103251306>
7. Ширмән Х.Х. Сине өйдә көтәләр. URL: <https://beznenmiras.ru/news/edebimiras/sine-oida-koteler?ysclid=mdoofbs3p72136344>

УДК 81'42

ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: на материале концепта «родина» в произведениях палестинского писателя Махмуда Дарвиша и его перевода с арабского на английский язык

Ф.Г. Исмаилова

*Болгарская исламская академия
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)*

Статья посвящена рассмотрению потенциала сопоставительной методологии в гуманитарных науках на примере анализа концепта «родина» в творчестве палестинского писателя Махмуда Дарвиша и особенностей его перевода на английский язык. Исследование демонстрирует, что комплексное сопоставление культурных, лексико-семантических и риторико-стилистических структур оригинала и перевода позволяет глубже понять, как авторскую концепцию родины, так и проблемы её репрезентации в иной языковой и ментальной системе.

Ключевые слова: сопоставительная методология, художественный перевод, Махмуд Дарвиш, родина, وطن, лингвокультурология, палестинская литература.

This article is dedicated to exploring the potential of comparative methodology in the humanities through the analysis of the concept of “homeland” in the works of Palestinian writer Mahmoud Darwish and the peculiarities of its translation into English. The study demonstrates that a comprehensive comparison of the cultural, lexicosemantic, and rhetorical-stylistic structures of the original and the translation allows for a deeper understanding of both the author’s concept of homeland and the issues of its representation in another linguistic and mental system.

Keywords: comparative methodology, literary translation, Mahmoud Darwish, homeland, وطن, linguocultural studies, Palestinian literature.

Введение

Сопоставительная методология в гуманитарных науках в XXI веке переживает этап концептуального расширения. Обусловлено это не только ростом интереса к межкультурной коммуникации, но и необходимостью анализа гетерогенных дискурсов, в которых ключевые понятия обретают иные смысловые очертания в зависимости от культурного и языкового контекста. Одним из таких понятий, особенно значимых в постколониальном и национально-освободительном дискурсе, является концепт «родина» – многослойное лингвокультурное образование, глубоко укоренённое в национальной памяти и идентичности.

В настоящей статье сопоставительная методология применяется к исследованию концепта «родина» в прозе Махмуда Дарвиша и его перевода с арабского на английский язык, что позволяет выявить трансформации, которым подвергается это понятие при переходе в иную языковую и культурную парадигму.

Сопоставительная методология как инструмент гуманитарного анализа

Современная теория перевода выделяет художественный перевод как разновидность коммуникативной деятельности, главная цель которой – эстетическая интерпретация исходного текста [2: 23; 3: 127]. На функциональном, культурологическом и когнитивном уровнях выделяются различные виды и способы перевода: от буквальной калькизации и адаптационного сглаживания [1: 17] до экспериментальных и интертекстуальных моделей [4: 167; 5: 113]. Для перевода культурно маркированных концептов, таких как «родина», продуктивными оказываются комбинированные стратегии – частичное калькирование, сопровождение комментариями, лексико-семантическое усиление утраченных коннотаций.

Сопоставительный подход в лингвистике, литературоведении и переводоведении ориентирован не только на выявление эквивалентов, но и на анализ системных различий между языками, культурами и когнитивными моделями [6: 83]. Он позволяет реконструировать семантическое и образное поле концепта в исходной и целевой культурах, сопоставить риторические и жанровые стратегии, а также выявить глубинные мировоззренческие различия. Это особенно актуально для таких понятий, как «родина», которые несут в себе историческую, политическую и этическую нагрузку.

Концепт «родина» в прозе Махмуда Дарвиша как объект сопоставительного анализа

В сборнике «Дневник обычного горя» (1973) Дарвиш формирует концепт **وطن** (аль-ватан – родина) как единство памяти, земли и идентичности. Лексемы **وطن** (родина), **بيت** (дом), **أرض** (земля), **تربة** (почва), **مفتاح** (ключ) образуют взаимосвязанное поле, где родина предстает одновременно как утраченный дом, символ сопротивления и объект ностальгического поиска. Структура нарратива опирается на риторические повторы, градацию образов, метонимические смещения («ключи», «камни»), что усиливает эмоциональную и аксиологическую нагрузку.

Также важно отметить, что Махмуд Дарвиш формирует концепт родины не как стабильную географическую категорию, а как динамическую метафору боли, изгнания, памяти и надежды. В его прозе, в частности в сборнике «Дневник обычного горя», лексемы типа **وطن** (родина), **بيت** (дом), **أرض** (земля), **تربة** (почва), **مفتاح** (ключ) и другие выстраиваются в сложную семантическую сеть, где родина предстает одновременно как потеря и как утопия возвращения.

Стратегии передачи концепта «родина» при переводе с арабского на английский язык

Англоязычный перевод «Дневника обычного горя» Ибрахимом Мухави представляет собой пример применения «толстого перевода» (*thick translation*), предполагающего не только лексическую, но и культурную адаптацию. Мухави сохраняет структуру и тональность оригинала, используя пояснительные сноски, точные метафорические соответствия и прагматически релевантные замены.

Переводчик стремится к буквальной передаче ключевых метафор при их культурной экспликации, что позволяет англоязычному читателю воспринимать палестинский дискурс изгнания в его многоуровневой полноте.

Однако в процессе перевода неизбежно происходят трансформации: теряется ритмико-синтаксическая энергия, снижается сакральность, ослабляется риторика сопротивления. Тем не менее, ключевое значение концепта сохраняется.

Сопоставительная перспектива как методология лингвокультурного анализа

Исследование концепта «родина» в оригинале и переводе демонстрирует эффективность сопоставительной методологии, сочетающей элементы лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и перевода. Такая методология позволяет выявить различия в семантической структуре, проследить за метафорическими преобразованиями, оценить степень сохранения идиостиля автора и зафиксировать культурные лакуны и способы их компенсации.

Заключение

Сопоставительная методология в гуманитарных науках позволяет не только проводить содержательный анализ литературных и переводных текстов, но и выявлять глубинные механизмы формирования культурной идентичности. Тема родины у Махмуда Дарвиша – неотделимая часть его поэтической и политической идентичности, и именно через сравнение оригинального текста и перевода можно осмыслить, как понятие وطن трансформируется и живёт в новой языковой среде. Таким образом, сопоставительная методология не только актуальна, но и необходима в современном гуманитарном знании, особенно при анализе транскраничных понятий, таких как «родина», в их культурных и переводных проявлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алхасова С.М. Проблемы художественного перевода в кабардинской литературе: эволюция, специфика, контекст: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Нальчик, 2006. 337 с.
2. Веред В.Т. Сохранение метафорического образа в переводе (на материале романов Ф.С. Фицджеральда и их переводов на русский язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2021. 152 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Нуриев В.А. Художественный перевод сквозь призму языкового эксперимента (синтаксический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. М., 2021. 485 с.
5. Саксонова Ю.Ю. Прецедентный интекст: проблема межязыковой эквивалентности в художественном переводе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2002. 133 с.

6. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Владикавказ, 2005. 159 с.

7. Darwish M. Journal of an Ordinary Grief / Mahmoud Darwish; translated and with an introduction by Ibrahim Muhawi. Brooklyn, NY: Archipelago Books, 2010. 212 p.

8. محمود درويش. يوميات الحزن العادي = Yawmiyyāt al-ḥuzn al-‘ādī / – / محمود درويش. Riad El-Rayyes Books S.A.R.L., 2009. 214 ص.

УДК 811.512.145-112

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Э.Х. Кадирова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

*Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ
по Постановлению КМ РТ №565 от 16.07. 2024*

Письменные источники представляют особую ценность для изучения наиболее полной картины состояния языка в определенные периоды его функционирования. Определение денотативного значения и контекстного значения слов в письменных текстах разных периодов обеспечивает лучшее понимание их. В представленном исследовании глагол чык- анализируется с точки зрения значения. В результате автором определено, что глагол чык- в письменных источниках периода Казанского ханства используется как основной, так и вспомогательный глагол. В ходе исследования было выявлено десять различных значений основного глагола чык-. Кроме того, этот глагол образует сложные глаголы и фразеологические обороты.

Ключевые слова: татарский язык, старотатарский язык, глагол, глаголы движения.

Written sources are of particular value for studying the most complete picture of the state of the language in certain periods of its functioning. Determining the denotative meaning and contextual meaning of words in written texts of different periods provides a better understanding of them. In the presented study, the verb chyk- is analyzed from the point of view of meaning. As a result, the author determined that the verb chyk- in written sources of the Kazan Khanate period is used as both the main and auxiliary verb. In the course of the study, ten different meanings of the main verb chyk- were identified. In addition, this verb forms complex verbs and phrasological units.

Keywords: Tatar language, Old Tatar language, verb, verbs of motion.

КАЗАН ХАНЛЫГЫ ЧОРЫ ЯЗМА ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ ХӘРӘКӘТ ФИГЫЛЬЛӘРЕ

Э.Х. Кадирова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

*Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты
16.07.2024 ел № 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы
Фәннәр академиясе ярдәмендә әзерләнде*

Язма чыганаclar билгеле бер чорның тел торышы картинасын тулысынча өйрәнүдә аерым кыйммәткә ия. XV–XVI гасырлар татар халкы мәдәнияте үсеше нең әһәмиятле этабын тәшкил итә.

Бу тикшеренүдә Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә хәрәкәт фигыльләренең урынына игътибар ителә, әлеге чорның лингвистик үзенчәлекләрен чагылдырган текстлардан мисаллар нигезендә, чык-хәрәкәт фигыленең мәгънә ягыннан төрлеләге ачыклана.

Төрки телләрдәге фигыльләренең мәгънә үзенчәлекләрен беренчеләрдән булып Н.К. Дмитриев тикшерә һәм төрки телләрдә фигыльләренең сөйләү, фикерләү, эш һәм хәрәкәт семантик төркемчәләрен билгели [4: 134]. Автор хәрәкәт фигыльләренең ике семантик төркем: 1) хәрәкәт юнәлешен белдерә торган һәм хәрәкәт ысулын белдерә торган фигыльләренә күрсәтә [4: 134]. Э.Р. Тенишевның 1961 нче елда хәрәкәт фигыльләре турындагы күләмле мәкаләсе басылып чыга [15]. Төрки телләрдә фигыльләренә лексик мәгънәләре ягыннан төркемләү юнәлешендә Г.К. Кулиевның «Семантика глаголов в тюркских языках (Төрки телләрдә фигыльләре семантикасы)» докторлык диссертациясе зур игътибарга лаек [7]. Хөсәен Йылдыз 2017 елда басылган «Türk Dilinde Fiillerin Semantik Sınıflandırılması Problemi» мәкаләсендә дөнья һәм төрки телләр фигыльләренең семантик классификацияләре буенча булган тикшеренүләренә туплый һәм төрки телләрдәге фигыльләргә әлеге галим китергән бүленешнең жентекле классификация буларак мөһимлеген бәйли [20: 351].

Татар телендәге фигыльләренә мәгънәләре буенча төркемләү турында аерым хезмәтләрдә фикерләр күптән урын ала. Ф.С. Фасеев фигыльләренң 8 лексик-семантик төркем күрсәтә: 1) эш фигыльләре; 2) хәрәкәт фигыльләре; 3) хәл фигыльләре; 4) психологик халәтне һәм физиологик эшчәнлекне белдерә торган фигыльләре; 5) тоеп белү фигыльләре; 6) фикерләү фигыльләре; 7) сөйләм фигыльләре; 8) чакыру фигыльләре [17: 854]. Ф.А. Ганиев «Татар телендә фигыльләренң семантик төркемнәре» мәкаләсендә аларны хәрәкәт, эш, процесс, хәл, мөнәсәбәт, үз-үзенә тоту, яңгыраш, сөйләм, фикерләү, сиземләү һәм образ ияртемнәренә нигезләнеп ясалган фигыльләргә бүлә [2].

Хәрәкәт фигыльләре буенча төрле тикшеренүләр булса да, бу фигыльләрнең чикләре тикшеренүләрдә әле төгәл билгеләнмәгән. Г.К. Кулиев хәрәкәт фигыльләрен хәрәкәт ысулын күрсәткән фигыльләр, хәрәкәт юнәлешен күрсәткән фигыльләр, хәрәкәтнең ысулын һәм юнәлешен күрсәткән фигыльләр, хәрәкәтнең ысулын һәм юнәлешен күрсәтмичә, процесска күрсәтүче абстракт фигыльләргә бүлә [7]. Р.К. Иштанованың «Глаголы татарского языка в семантическом аспекте» темасына язылган кандидатлык диссертациясендә татар телендәге фигыльләргә семантик төркемнәргә китерелә [6: 13]. «Татар грамматикасы» хезмәтендә хәрәкәт фигыльләренә түбәндәге бүленеш урын ала: а) төп фигыль – юнәлешсез хәрәкәт; ә) горизонталь юнәлешле хәрәкәт: ноктадан ераклашу; ноктага якынаю; ноктадан кирегә китү; нинди дә булса араны яки каршылыкны узу; б) вертикаль юнәлешле хәрәкәт; в) әйләнү хәрәкәте; г) хәрәкәт ысулын белдерә торган фигыльләр; д) хәрәкәтне тасвирлап белдерү; ж) хәрәкәтне каузацияләү [12: 105; 13: 98]. Татар тел белемендә хәрәкәт фигыльләренә эчтәлегенә, кулланылу үзенчәлекләренә караган аерым мәкаләләр бар [3; 19].

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә түбәндәге хәрәкәт фигыльләре урын алган: йөрү, бару / вару, китү, чыгу, килү, йитү, керү, кайту, йыйылу, китү, үтү, узу, кичү / кәчү, менү / бенү, күтәрелү, төшү, атлау, очу, йөзү, гизү, аксау, сүтрәйү / сөйрәлү; китерү, йибәрү, куу, сөрү, тибү, ташлау, төшерү, очыру, чыгару, кертү, үткәрү, качу, хәрәкәт кылу. Аларда хәрәкәтнең гомуми төшенчәсен, горизонталь юнәлешле хәрәкәтнең эчкә яки тышка юнәлгәнне белдерүче фигыльләр башкалардан ешрак кулланылалар, шулай ук аналитик формалар күп очрый. Мондый конструкцияләр -ып/-еп/-п, бик сирәк кенә -а/-ә формалы хәл фигыль һәм төрле ярдәмче фигыльләрдән ясала. Хәрәкәт фигыльләре хәл фигыль буларак та, ярдәмче фигыль функциясендә дә файдаланылалар.

Хәрәкәтне белдергән лексемалар арасыннан чык- фигыленең Казан ханлыгы чоры истәлекләрендә урын алган мәгънәләрен карыйк. Хәзерге татар әдәби телендә чык- фигыле татар грамматикасында китерелгән бүленештә горизонталь юнәлешле хәрәкәтнең ноктадан ераклашу төркемчәсенә дә, нинди дә булса араны яки каршылыкны узуны белдергән фигыльләргә дә керә [13: 98]. Чыгу лексемасының Татар теленәң аңлатмалы сүзлегендә төп фигыль буларак, 70 мәгънәсә, ә ярдәмче фигыль функциясендә 6 мәгънәсә теркәлгән [14: 473–476].

Чык- фигыле гомумтөрки сүз. Э.Р. Тенишев аның рун язма истәлекләрендә очрамавын ассызыклай һәм классик уйгур язуы чорында барлыкка килгән дип фаразлай [15: 257]. Шулай да ул Мәхмүд

Кашгарый сүзлегендә, «Котадгу Билиг» әсәрендә үк актив кулланылышта була һәм аларда берничә мәгънәгә ия: 1) чыгу; 2) нәрсәдәндер читкә китү, читкә күчү; 2) кайсы якка булса да юнәлү; 3) аерылу, аерылып чыгу, бүленү; 4) араны өзү, бәйләнешне өзү; 5) килеп чыгу; 6) барлыкка килү, килеп чыгу; 7) булырга; 8) менү [5: 150]. Шулай ук урта гасыр язма истәлекләрендә дә бу фигыль еш очрый [18: 185; 16: 519; 1: 167].

Казан ханлыгы чоры әдәби телендә чык- фигыле төп фигыль була-рак һәм ярдәмче фигыль функциясендә кулланыла.

Чык- фигыле ‘эчтән тышка табан хәрәкәт итү; нинди дә булса корылманы, бинаны калдыру, аның эченнән тышкы ягына хәрәкәт итү, китү’ мәгънәсендә бу чор истәлекләренең барысында да теркәлгән: (Ош)бу ләшкәр анлар таба чыктылар [10: 91]; Эвгә керде, бакар кем бу ев эчендә һичкем юк. Йөгөрү кире чыкты [11: 54]; Кайчан тышкару чыкты ирсә, дәрхәл тотдылар [11: 54]; Ул күшекне чыкыб Йәмән тарафына йөзләтде [11: 77]. Соңгы мисалдагы күшекне чыкыб сүз-тезмәсендә иярүче исем физик хәрәкәтнең урынын белдерә. Гадәттә, мондый очракларда чыгыш килеш кушымчасы кулланыла. Мәсәлән, Мөхәммәдъярның «Төхфәи мәрдан» поэмасында да чык- фигыле ‘эчтән тышка чыгу’ мәгънәсен бирә: Чөнкә Зәргәр чыкты койугдин тәмам, Шөкер кылыб кылды Заһидка сәлам [10: 68]; Чыкты ул бадийәдин мескин гәрәб, Жәһд итеб кылды хәлифәни таләб [10: 190]. Лексема койугдин чыкты, бадийәдин чыкты очрагында физик хәрәкәтнең чыгыш ноктасын белдерә. Йабышуб чыку, чырмашыб чыку сүзтезмәләрендә хәл фигыль хәрәкәтнең үтәлү рәвешен белдерә: Койуга салды йеб Заһид ул заман, Бичин әүвәл йабышуб чыкты рәуан [10: 68]; Икенчидә йәнә салды йебне һәман, йебенгә Чырмашыб чыкты кем йылан [10: 68].

Шулай ук ‘берәр максат белән кая да булса юнәлү, бару, китү’ мәгънәсендә Мөхәммәдъяр ижатында, «Сиражел-колүб» истәлегендә очрый: Бер көн чыкмыш ирди йебне сатмага, Көндәге тик тагам алыб кайтмага [10: 84]; Аты Габдулла ирде, тәвәсен эстәйү барды, бер йазыга чыкды [11: 77]; Габдулла әйде: «кем тәвәмне йува кылыб торур ирдем, аны эстәйү сахрага чыкмыш ирдүм, бер олуг күшек күрдүм [11: 78]; Аны эстәйү чыкдүм, йулда йыланларга йулыкдүм [11: 89].

Шул ук әсәрдә бу фигыльнең ‘табылу, килеп чыгу’ны белдереп кулланылу очрагы бар: Йозакны ваттылар, сандыкны ачтылар, бер китап чыкты [11: 85]. Чык- фигыле аваз, тавыш лексемалары белән янәшә килеп, ‘берәр урында хасил булып яңгырау, таралу’ мәгънәсендә килә: Башыны йукару күтәрсә, тикмә бер канатындин йитмеш мең аваз чыкар [11: 11].

«Могжизнамә» әсәре авторы укны жәя, ук савытыннан чыгаруны (нәрсәне дә булса берәр предметның эченнән тышка алу, тышка алып кую) [14: 470] ‘ук чыкты’ жөмләсе белән бирә: Нә ки, ук чыкты садактан, нә ки яй [8: 238] ук ук савытыннан чыкты. «Сиражел-колүб» истәлегендәге Тәкый бу арыкның суы гареш алтында, Фирдәвес оҗмахының эчендә ака торыр, андаг акар, кем катыг йәйәдин ук чыкар тик агар [11: 12] мисалында Кәүсәр суының агышын жәядән ук чыгу (текстта катыг йәйәдин ук чыку) белән чагыштырыла.

‘Нәрсәгә дә булса житү, берәр нәрсәгә таба илтү, шуңа килеп төртелү’ мәгънәсе дә бу чорда телдә урын алган. «Сиражел-колүб» истәлегендә Гайсә галәйһиссалам тәкый дәрәя кырыгына чыкты [11: 5] жөмләсе шуны раслай.

«Кыз хикәятә» әсәрендәге Кемсә башына чыкмады бу кыз иллә, Нә гилмә илә, нә худ коры сүз илә» [8: 56] мисалында кулланылган чык- фигыленең мәгънәсе хәзерге татар әдәби телендә очрамый. Ул жиңә алуны (справиться) аңлата. Бу мәгънә хәзерге төрек телендә бар. Ул тексттагы мәгънәгә туры килә, ягъни Беркем жиңә алмады бу кызны мөгәр, ни гыйлем белән, ни коры сүз белән.

Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә чыгу фигыленең ‘дәвалану, жәза үтү һ. б. ш. урыннан тиешле вакытта китү’ мәгънәсе теркәлеп, төрмәдән чыгу, хастаханәдән чыгу мисаллары китерелә [14: 470]. Мөхәммәдъярның «Төхфәи мәрдан» поэмасында торуб (уш) гөзәр кылды Заһид рәуан, Зиндандин чыкти (кем) йәнә ул йылан [11: 72] бәетендә зиндандин чыкти сүзтезмәсе урын ала. Әмма бу очракта зиндан еланның мәжбүри булу урыны түгеллектән, ‘нинди дә булса корылманы, бинаны калдыру, аның эченнән тышкы ягына хәрәкәт итү, китү’ мәгънәсе килә.

Чыгу фигыленең хәзерге татар әдәби телендә актив кулланылышта булган ‘агып чыгу’ мәгънәсе дә Мөхәммәдъяр ижатында күзәтелә: Чыкар ирди ул тагыдан бер булак, Ақар ирди сувы балдин татлыграк [10: 219].

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә чык- фигыле тезмә фигыльләр ясалышында да катнаша. Ул хәл фигыль буларак та, ярдәмче фигыль функциясендә дә файдаланыла. -ып/-еп/-п кушымчалы хәл фигыльгә чык- ярдәмче фигыле кушылып ясалган булып чыгу тезмә фигыле истәлекләрдә ‘эш яки хәл көтелмәгәнчә булу’ны белдерә: Соңра алты йөз бең улуб чыкдылар Кем, морадына тигделәр улар» [8: 60]. Чыкты йөрүб, күчә башыңга йитеб Бихәд аны камчы(сы) берлә оруб [10: 68] мисалындагы йөрүб чыгу тезмә фигыль билгеле бер урын аралыгында башкарыла торган хәрәкәтне белдерә.

-ып һәм -а кушымчалы хэл фигыль формасындагы чык- фигыле һәм ярдәмче фигыль ярдәмендә ясалган тезмә фигыльләр дә урын ала Бер тиггән зэхмәтигә ул дәм бакыб, Китсәм ирди хэзрәтенездин чыкыб [10: 200]; Шайтан ләгыйһы Әфлун атлыг пот эчендин куркыб чыка килде [11: 70]. Какды капуы, чыка кәлде карый, Дәде кем: «Керсәм, дәстүр варму, ичәри?»[8:75].

Чык- фигыле Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә күпсанлы фразеологизмнар составында да очрый. Мисаллар: *ат чыгу* (Гәдел берлә чыкты шаһи атыңыз, Дөһйәдә пайәйдә булсун затыңыз [10: 173], Ул сөальнең жавабыны белмәсүн, хәжаләтлег булсун, бу жиһан эчендә безем атымыз чыксун», – диделәр) [11: 90]; *эмреннән чыкмау* (Кайу кем ирсә ойалса тәңредин, Ни бойурса чыкмаз аның әмредин) [10: 187], *телдән чыгу* (Ул тылсым ачкучы берлә ачылур, Нә ки телдин чыкты – ул башка килүр) [10: 206]; *сүздән чыкмау* (Ни бойурса, чыкма аның сүзедин) [10: 195]; *башка чыгу* (Кемсә башына чыкмады бу кыз иллә, Нә гилме илә, нә худ коры сүз илә) [8: 56]; *күңелдән чыкмау* (Йарлыкамак сәндин үзгә булмагай. Шәрәмсарлыг күңлүмездин чыкмагай») [10: 195]; *дөһьядин чыгу* (дөһьядан китү, кичү, күчү – үлү, вафат булу [14: 197]) (Илаһи жөмләмезгә бу кәлимәтен-таййибәне әйтә-әйтә бу дөһьядин чыкмак-лыкны рузи кылгыл) [11:15]; жан чыгу (үлү, яшәүдән туктау [14: 271]) (...оҗмах хәлләрен алыб килтүргәй бу колның башы үзрә ултургай хушлык берлән әйтүр: «Әй, кем ариг жан, чыктыл, Тәңре Тәгаләнен фәрманы берлән». Андин соң асанлык берлән чыкгай тулгундин су акмыш тик [11: 24]; Бу колнуң жаны чыкар хәлдә аякындин тамырлар егылыб, йөз мең төрлүг ачыглыг берлә бугазыңга килә башлагай) [11: 56].

Язма чыганаклар тел торышының билгеле бер чорның тел картинасын өйрәнү өчен аерым кыйммәткә ия. Төрле чорларның язма текстларында сүзләрнең денотатив мәгънәсен һәм контекст мәгънәсен билгеләү аларны яхшырак аңларга мөмкинлек бирә. Тикшеренүдә Казан ханлыгычоры язма чыганакларында чык-фигыленең төп һәм ярдәмче фигыль буларак кулланылуы ачыкланды. Истәлекләрдә ул, төп фигыль буларак ун мәгънәдә кулланыла. Моннан тыш, бу фигыль тезмә фигыльләр һәм фразеологик әйтелмәләр составында урын ала.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. 191 с.
2. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика татарского глагола. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. 248 с.
3. Гилазетдинова Г.Х., Салахова Р.Р. Семантические особенности глаголов поступательного движения в татарском языке // Филология и культура, 2016. С. 48–52.

4. Дмитриев Н. К. Глаголы движения. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 132 с.
5. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
6. Иштанова Р.К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 25 с.
7. Кулиев Г.К. Семантика глаголов в тюркских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06. Баку, 1992. 47 с.
8. Кыз хикәйте / тез.-авт. Р.Ф. Мәрданов. Казан: Милли китап, 2012. 184 б.
9. Мөхәммәт Әмин Мөҗһизнамә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 295 б.
10. Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.
11. Сиражел-колуб. Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1903. 126 б.
12. Татар грамматикасы. Т. II. М.: Инсан, Казань: Фикер, 2002. 448 б.
13. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. Тулыл. 2 нче басма. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 432 б.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә. 6 томда. 6 том (У-Я). Казан: ТӘҺСИ, 2019. 912 б.
15. Тенишев Э.Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / отв. ред. Е.И. Убрятова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 232–293.
16. Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Т. II. Ташкент: Фан, 1971. 777 с.
17. Фасеев Ф.С. Семантические группы глаголов в татарском языке // Татарско-русский словарь / отв. ред. М.М. Османов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 854–857.
18. Хорезми Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э.Н. Наджиба. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 222 с.
19. Хуснутдинов Д.Х., Сагдиева Р.К., Сибгатуллина И.К. Глаголы движения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 4 (82). Ч. 2. С. 403–406
20. Yildiz H. Türk Dilinde Fiillerin Semantik Sınıflandırılması Problemi // Journal of Turkish Language and Literature. Vol. 3. Issue 1. Winter 2017. P. 337–362.

УДК 394.2

ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ И ЕГО НАЗВАНИЯ У КРЯШЕН

З.Н. Кириллова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Данная статья посвящена исследованию обряда вызывания дождя у кряшен. Наряду с представлением порядка проведения, были анализированы и разные названия этого обряда. Кроме общих наименований, распространенных в разных группах татар-мусульман, были выявлены особые названия данного обряда, которые используются среди

кряшен. Данный языческий обряд в большинстве случаев включал в себя сбор продуктов из каждого дома, приготовление каши у реки или родника, чтение молитвы с просьбой о дожде до принятия еды и обливание друг друга водой.

Ключевые слова: кряшены, крещенные татары, обряды, обряд вызывания дождя.

This article is devoted to the study of the rite of rain of Christian Tatars. Along with the presentation of the order of conduct, various names of this rite were analyzed. In addition to the common names common in different groups of Muslim Tatars, special names of this rite were identified, which are used among Christian Tatars. This pagan rite in most cases included collecting food from each house, making porridge near a river or spring, reading a prayer asking for rain before taking food, and pouring water on each other.

Keywords: Kryashens, Christian Tatars, rites, rite of causing rain.

КЕРӘШЕННӘРДӘ ЯҢГЫР Теләү йоласы Һәм аның атамалары

З.Н. Кириллова

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

Керәшеннәр төрле территориягә таралып урнашкан, аларның сөйләшләрә татар теленң урта һәм көнбатыш диалектлары эчендә карала, кайберләренен урыны һәм тел үзенчәлекләре хакында галимнәр арасында фикер төрлеләге күзәтелә [5: 177; 6: 8; 7: 215].

Корылык вакытында **яңгыр теләү йоласы** үткәрү элек-электән бик күп халыкларда күзәтелгән. Татар халкында да бу йоланың төрле формалары яшәп килгән. Йоланың исемендә гадәттән тыш чуарлык хөкем сөргән. Мисал өчен, Рәүфә Уразман хезмәтендә 37 атама тәкъдим ителә: яңгыр боламыгы; яңгыр боткасы; яңгыр сорама; яңгыр чакыру; яңгыр намазы; яңгыр теләү; теләк боткасы; теләк ашы; теләк теләү; теләккә чыгу; тавык келәве; тавык корбаны; киләмәт боткасы; карга боткасы; карга боламыгы; чүлмәнчек; чүлмәнчеки; чүлмәнчекәй; чүлмәчи; чирмәнчек уйнау; чүлмәккә төшү; чук; чук үткәрү; чук боламыгы; сайранлык; шиллек уздыру; жыен ашы; кереш ашы; сабан боткасы; элбә пешерү; майлы ботка; су сибешү; сүс боткасы; сүс боламыгы; сүс корманы; кече корман; корман боткасы [8: 55].

Яңгыр теләү йоласы керәшеннәрдә дә зур урын алган. Кайсы жирлектә яшәүләренә карап, аның исеме дә төрлечә булган. Алда китерелгән исемлеккә өстәп, без яңгыр келәве, чүлмәнчек, чүлмәнчеки һәм чүк атамаларын китерә алабыз. Яңгыр теләп, махсус корбан чалын-

ганда, элбәттә, корман боткасы атамасы да урын алган. Йоланы үткәрү тәртибе нигездә татар халкының башка төркемнәреннән аерылмаган, бары ислам динендөгечә намаз уку гына булмаган, аның урынына келәү иткәннәр. Башта авылдагы һәр йортка кереп, төрле ризык жыйганнар. Аннары аларны елга яки чишмә буена алып барып, зур казан асканнар һәм ботка пешергәннәр. Ботка ашар алдыннан Тәңредән яңгыр сорап келәү иткәннәр. Йола барлык кешеләрнең бер-берсенә су сибешүе белән тәмамланган [4: 110]. Бөтен авыл халкы су сибешүгә катнашып киткән, бер-берсен киенгән килеш суга чумдырулар да булган. Бу хәл авыл эчендә дә дәвам иткән. Әгәр берәр өйдә хужабикә ишеген бикләп өлгөрмәсә, өйгә кереп тә сипкәннәр, үткән-барган ят кешеләргә дә эләккән. Авылда бер коры кеше дә калмаган. Шунысы кызык: күп очракта, яңгыр келәвеннән соң озак та үтми, яңгыр ява торган була.

Корылык булган вакытларда кырга чыгып ботка пешерү һәм соңыннан су сибешү керәшеннәрдә **чүк** сүзе белән дә белдерелгән. Әлегә атаманың берничә варианты кулланылган: чүк итү, чук, чүпкә кийү, чүп быткасы һ. б. Ф. Баязитова тикшеренүләреннән күренгәнчә, чүк сүзе шундый ук мәгънәдә чуваш телендә дә бар: учук, чук, чукуләм – кырда корбан чалу, сумар чук – яңгыр теләү, самарта чук – йомырка белән корбан ясау, сара чуклеми – сыра белән үткәрелә торган теләк, чук уйахе – корбан ае. Мари телендәге цок, чок һәм удмурт телендәге чек һәм цок сүzlәре дә кырга чыгып уздырыла торган корбанны белдергән [3: 164–165]. «Татар теленең этимологик сүзлегендә исә Р. Әхмәтьянов әлегә сүзнен Н. Остроумов сүзлегендә урын алган «Тройсын көнендә уразага керер алдыннан уздырыла торган бәйрәм» мәгънәсен китерә. Чуваш телендәге *чѣк, чук, чок, чүк*, мари диалектларындагы *цок, цүк, чок, чокымыш*, удмуртчадагы *чук, чеке, цок сүзләренең* «үлгәннәрне искә алу (Труйчын) көнендә кычкырык сүзе» ~ алтайча *чок* > шорча *шок*, алтай диалектларында *шок* – мәжүси корбан бәйрәмендә кычкырык сүзе» дип аңлата. Чуваш һәм мари телләрендә бу сүзнен күп мәгънәле һәм продуктив сүзьясагыч нигез булуын искәртеп, объектив тикшеренүчеләрнең аны татар теленнән, татар мәжүсилегеннән таралган дип белдерүләрен күрсәтә. *Чүк* < *чок* сүзе һәм йоласының монгол халыкларында X гасырдан билгеле булуын да аңлатып үтә [2: 460].

Чүк сүзенен чуваш, мари, удмурт, мордва, алтай, казах, кыргыз һәм төркемән телләрендә булган охшашлыгын күздә тотып, Р. Әхмәтьянов борынгы төркиләрдә башта әлегә йола ут култы белән бәйле булган, ә жир эшкәртүгә күчкәч, аграр бәйрәмгә әйләнгән һәм

шул хэлдә күрше фин-угыр халыкларына да кабул ителгән дип фараз-
лый [1: 164]. Ф. Баязитова фикеренчә, керәшен сөйләшләрәндә кул-
ланыла торган чүк сүзе күплекне, бергәләп жыелуны аңлаткан булса
кирәк. Монны чүк сүзенен жыен мәгънәсендә кулланылуы да исбатлый:
Өрнәш чүге, Тупылат чүге (әлегә бәйрәмнәр хәзерге вакытта да күрше
авыллар белән бергәләп уздырыла. – З.К.). Моннан тыш, Пермь татар-
лары сөйләшләрәндә тау чук, аткары чук – урам яки авылның бер өле-
ше. Татар әдәби телендәгә чук сүзе (мәсәлән, калфак чугы), күптин-
күп, чуктин-чук сәлам (хат язганда) шулай ук күплекне белдерү өчен
кулланылган [3: 165].

Йомгак ясап әйткәндә, мәжүсилек чорыннан калган яңгыр теләү
йоласы керәшеннәрдә дә зур урын алган, төрлө атамаларга ия булган:
яңгыр келәве, чүлмәчлек, чүлмәчлеки, чүк, чүк итү, чук, чүпкә кийү,
чүп быткасы, корман боткасы һ. б. Шулай ук вакытта чүк сүзенен башка
мәгънәдә дә кулланылуын, аерым алганда, жыен яки хәзерге сабантуй-
га охшаш бәйрәмне аңлатуын да искәртеп узарга кирәк.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

2. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологиялык сүзлегә. II т. (М–Я). Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. 567 б.

3. Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.

4. Кириллова З.Н. Керәшен татарларында аграр-дини йола лексикасы // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы междунауч. науч. конф., посвящ. 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10–11 сентября 2019 г. / сост. Э.И. Сафина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 108–111.

5. Кириллова З.Н. Керәшен татарлары сөйләшләре // Занкиевские чтения: Интеграция науки и практики в современном образовательном пространстве: традиции и инновации (5–6 апреля 2024 г.): Сб. тез. докл. VIII Междунауч.-практ. конф. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 174–178.

6. Кириллова З.Н. Керәшеннәрдә Олы көн бәйрәме // Занкиевские чтения [Электронный ресурс]: сб. тез. докл. IX Междунауч. науч.-практ. конф. (3–5 апреля 2025 г., г. Тобольск) / отв. ред. С.Р. Муратова. Киров: Изд-во МЦИТО, 2025. С. 8–12.

7. Кириллова З.Н. Керәшеннәрдә Нардуган бәйрәме // Просветительство и межкультурный диалог: наследие Каюма Насыри в контексте современных исследований: материалы междунауч. науч. форума, посвящ. 200-летию со дня рождения Каюма Насыри / сост.: Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова. Казань: ИЯЛИ, 2025. С. 210–215.

8. Уразман Р. Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 96 б.

«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНА»: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

А.К. Махадов

*ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
МБОУ «Гимназия 37» им. героя РФ М. Нурбагандова (Махачкала)*

Э.А. Асланбекова

МБОУ «Гимназия 37» им. героя РФ М. Нурбагандова (Махачкала)

В статье кратко представлен авторский комплексный курс «История и культура Дагестана», целью которого является проведение регулярных и внеклассных мероприятий для удовлетворения образовательных потребностей учащихся Республики Дагестан. Основная цель этого исследования – определить роль и важность разработанного плана в современном образовательном процессе.

Ключевые слова: история, культура, традиции Дагестана, преподавание, комплексная учебная программа, план.

The article briefly presents the author's comprehensive course "History and Culture of Dagestan", the purpose of which is to conduct regular and extra-curricular activities to meet the educational needs of students in the Republic of Dagestan. The main purpose of this study is to determine the role and importance of the developed plan in the modern educational process.

Keywords: history, culture, traditions of Dagestan, teaching, comprehensive curriculum, curriculum.

В 2019–2020 учебном году региональная часть, то есть тема – история Дагестана, КТНД, география Дагестана – была исключена из учебных программ учебных заведений Республики (далее – ОУ). В связи с этим необходимо обновить методы преподавания этих дисциплин в контексте федеральных национальных образовательных стандартов базового общего и среднего общего образования. Методы, предложенный управлениями образования нашего региона:

1. Включение этих предметов в предметные занятия обязательной части урока в форме частичных уроков или индивидуальных уроков.

2. Включение эти тем в учебные программы учебных заведений и в разделы, созданные участниками образовательного процесса.

Внедрение учебной программы «Краеведение» в рамках внеклассных мероприятий показывает, что необходимо расширить способы и методы освоения некоторых предметов региональной этнокультуры. Основное сообщество и преподавательский состав республики также

осознали настоятельную необходимость внедрения мультимедийных и инновационных технологий в образовательный процесс. Эти технологии помогают подготовить материалы для региональных компонентов учебной программы, включая дистанционное обучение [1: 220].

Во многом это связано с тем, что существует множество нерешенных проблем в преподавании истории, географии и культуры и традиции Республики Дагестан:

1. Недостаточно разработаны методические пособия по проведению плановых и внеклассных мероприятий.

2. Недостаточно плановых и внеплановых методических разработок.

3. Отсутствуют полноценные образовательные электронные ресурсы.

4. Отсутствие или крайне низкое качество доступных видеоматериалов, онлайн-тестов и т. д.

Эти темы приобрели особую актуальность, в том числе в связи с преобразованиями последних лет в общественном сознании и социально-экономической жизни страны и республики. Именно они заставляют общество опираться не на новые веяния, а на то, что устоялось, не искажено временем и, следовательно, имеет ценность не для одного, двух или трех, а для десятков поколений людей, то есть получать поддержку в местных знаниях, в лучших традициях из прошлого.

Все это привело к разработке интегративного курса «История и культура Дагестана» (далее – ИКД), который получил свое оформление, в том числе в виде авторской рабочей программы для учащихся 8–9 классов, призванной восполнить существующий пробел в образовательной среде.

Основной целью курса, реализуемого в образовательных учреждениях Дагестана, является формирование представлений об истории и культуре народов Дагестана. Понимание того, что важнейшей задачей изучения истории и культуры Дагестана в современной школе является: образование, развитие и воспитание личности учащегося, способного к самоопределению и определению своих ценностных приоритетов на основе понимания исторического опыта своей страны, республики и человечества, – позволяет, исходя из предложенного материала, развивать социальный опыт ученика, студента, активно обучать его и творчески применять исторические и культурные знания в образовательной и общественной деятельности.

В целом развивающий потенциал курса напрямую связан с идеологической природой самого предмета. Принимая во внимание осо-

бенности предмета, его непосредственный доступ к эмоциональной, нравственной и творческой составляющей человеческой деятельности, программа ориентирована на деятельностные формы обучения. Особое внимание уделяется развитию восприятия (функционально-активного зрителя/слушателя) и объяснительных способностей (функционального функционирования) студентов, основанных на реализации их личного эмоционального, эстетического, социокультурного опыта. В связи с этим примерный перечень возможных творческих заданий по соответствующим темам был представлен в программе курса ИКД под названием «опыт творческой деятельности».

Представленная программа курса ИКД также адаптирована к условиям образовательного процесса общеобразовательной школы, где проводится работа по изучению истории малой Родины, собираются краеведческие материалы (документы, дневники, предметы материальной культуры). В нем не только воплощено содержание предметных областей образовательного стандарта, приведено примерное распределение учебных часов по разделам курса, но и рекомендуемая последовательность изучения предметов и разделов учебного предмета с учетом междисциплинарных и внутрипредметных связей, логики образовательного процесса, возрастные особенности учащихся. Это также определяет минимальный объем практической работы, выполняемой студентами. Курс предусматривает развитие чувств, эмоций, различного ассоциативного мышления, художественных и творческих способностей; воспитание художественно-эстетического вкуса; необходимость овладения мировыми ценностями и национальной культурой; овладение знаниями о народных традициях и их отличительных особенностях; умение соотносить национальный менталитет с общечеловеческими ценностями, составляя осознанный позитивный и оптимальный выбор; овладение умением действовать в соответствии с требованиями общественной морали, анализируя свои поступки и действия других людей, оценивая их с морально-этической точки зрения, высказывая собственное суждение о них; используя приобретенные знания и навыки для расширения своего кругозора, для сознательно формировать свою собственную культурную среду. С точки зрения содержания, программа следует логике становления человека: от члена семьи к члену общества, а затем к части универсального человеческого организма. В целом изучение истории и культуры Дагестана развивает толерантное отношение к миру как единству многообразия, а восприятие национальной культуры позволяет индивиду через призму мировой культуры лучше оценить ее потенциал, уникальность и

значимость. Проблемная сфера национальной и мировой культуры как обобщенный опыт всего человечества предоставляет студентам неисчерпаемый «строительный материал» для самоидентификации и выстраивания собственного вектора развития, а также для более четкого осознания своей национальной и культурной идентичности. Учитывая идейный и интегративный характер дисциплины, рекомендуется использовать как традиционные плановые, так и внеклассные мероприятия, призванные расширить кругозор учащихся. Основные междисциплинарные связи осуществляются на уроках литературы, истории, иностранного языка, частично на уроках курса естественных наук. Учитывая особенность темы «История и культура Дагестана», главным критерием при оценке должны быть не только формальные знания, но и выражение своей позиции, умение мыслить самостоятельно и нетривиально.

Студенту, освоившему этот курс, рекомендуется доказать существование своей точки зрения и, если она не совпадает с общепринятой, отстоять ее логическими аргументами. Проявление личностной модели культурного развития студента на пути духовного и гражданского становления личности, социализации на основе общечеловеческих, общечеловеческих и национальных ценностей заслуживает самого высокого уровня оценки.

Необходимо дать высокую оценку компетенциям, связанным с организацией личного досуга, активной позиции как полноценного члена общества, придерживающегося самых высоких эстетических и моральных ценностей и стандартов положительного опыта человечества, обращая внимание на способность студента давать критическую оценку о том отношении, которое широко распространено в массовой культуре, рекламе и средствах массовой информации. В связи с этим наиболее ценным является умение студента проявлять личностное толерантное отношение к миру, способность воспринимать национальную историю и культуру как неотъемлемую часть мировой истории и культуры, оценивать ее уникальность и неповторимость [2: 52].

Особенностью интегративного курса «История и культура Дагестана» является то, что он помогает студентам, основываясь на собственном опыте, сформировать целостную картину истории и современной жизни своего региона, установить взаимосвязь между живущими в нем поколениями. В контексте многонационального и поликультурного общества в России огромное значение имеет изучение и понимание истории и культуры народов, проживающих в стране, их

взаимодействия друг с другом. Предметный курс «История и культура Дагестана» носит комплексный образовательный характер (исторические, искусствоведческие, естественные и общественные науки).

Изучение местных традиций прививает не только любовь к родной земле, но и желание познакомиться с ее историей и культурой. Содержание программы курса «История и культура Дагестана» отражает системный исторический, этнокультурный подход к изучению родного края и предоставляет возможность для разностороннего развития учащихся, формирования позитивного мировоззрения. Ведь «утверждение на практике принципа равенства национальных групп делает бессмысленным спор о принадлежности территории той или иной национальности. Более того, это открывает путь к восстановлению исторического пространства России [3: 219].

Образовательная функция курса ИКД заключается в формировании разнообразных представлений о природе, человеке и обществе, базовой ориентации в доступных естественных науках, общественных науках, исторических концепциях, развитии целостного восприятия окружающего мира. Реализация развивающей функции при введении интегративного курса обеспечивает психическое и личностное развитие учащегося, формирование всесторонней учебной и воспитательной деятельности, формирование и развитие эрудиции ребенка и основных требований к научному мировоззрению.

Его воспитательная функция направлена на социализацию ребенка, формирование духовных и ценностных ориентаций, высоких нравственных и эстетических чувств, воспитание эмоционально позитивного мировоззрения [4: 11].

Содержание программы курса «История и культура Дагестана» основано на принципе проблемной хронологии, что позволяет уделить должное внимание наиболее важным и всеобъемлющим проблемам развития дагестанского общества, особенностям его становления, а также проследить динамику исторического развития и выделить его основные этапы.

Там, где возможны исторические сходства и подобия, подчеркивается связь истории зарубежных стран с историей России и Дагестана. Внедрение ИКД в образовательный процесс ориентировано на реализацию многофакторного подхода к курсу истории, который позволяет показать сложность и многомерность истории Дагестана, показать одновременное действие различных факторов, приоритетное значение одного из них в определенный период, показать возможности альтернативного развития людей в поворотные моменты истории.

Наряду с отмеченными образовательными принципами, содержание курса ИКД соответствует, среди прочего, традиционным принципам: научности, актуальности, ясности, мотивации, непрерывности образования, уровню и профилю, личностной дифференциации, последовательности вопросов и заданий, практической направленности, прослеживанию связей внутри курса и междисциплинарности.

Основные виды и формы контроля: письменные проверочные работы, тесты, исследовательские, творческие работы, текущий, объективный и итоговый контроль. Это также предусматривает возможность реализации программы данного курса посредством дистанционного обучения как новой формы образования, дополнения (вспомогательного инструмента) к традиционной срочной форме обучения. В его основе лежат образовательные принципы организации дистанционного обучения (научные, методологические и метод психологические принципы, активность, принципы развивающего обучения, видение, дифференциация, индивидуализация обучения и т. д.). Они также должны быть одинаковыми, но реализовываться специфическими способами в силу особенностей новой формы обучения, возможностей информационной среды Интернета, ее сервисов.

Подводя итог, отметим, что в современный период необходимость внедрения курса ИКД в учебный процесс образовательных учреждений Республики Дагестан трудно переоценить. В условиях расширяющейся глобализации, стирания границ между странами, государствами и народами, освоение таких курсов только студентами, восполнение с их помощью пробелов в их знаниях, позволит нам воспитать достойного человека, патриота своей Республики и народа, истинного носителя горной культуры Дагестана, его родной этнической группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильина Т.Б. Рефлексия влияния этнического фактора как основа педагогической коммуникации в полиэтнических детских коллективах // Этнокультурная и межрелигиозная коммуникация в образовательной среде. Тенденции развития и управление рисками: Материалы региональной науч.-практ. конф. с международ. участием. Екатеринбург, 2017. С. 217–222.
2. Киселев А.Ф., Попов В.Ф. Методическое пособие к учебникам «История России». 6–9 класс. М.: Дрофа, 2013. 101 с.
3. Кортунов С.В. Национальные интересы России в мире. М. Аспект-пресс, 2009. 243 с.
4. Попова В.Ц. Образовательная среда современной школы и социальный заказ на формирование личности гражданина России // Формирование семейных ценностей как основа социального благополучия детей и подростков: Всерос. науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 3 октября 2017 года): сб. докл. / сост. Н.Г. Торлопова. Сыктывкар: КРИО, 2017. С. 6–15.

СКАЗИТЕЛИ И СКАЗИТЕЛЬНОСТЬ В ТАТАРСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.Х. Мухаметзянова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В настоящей статье поднимаются вопросы в области сказительского искусства татарского народа, ставится проблема существования и сохранения устных фольклорных ценностей в эпосе. Предметом обсуждения исследования в целом выступает роль эпического наследия и сказительства в современном мире. Автор указывает на трансформированность творчества певцов-сказителей эпоса, в то же время отмечает живучесть культурных и эпических традиций в народном творчестве и поныне; анализирует современное состояние татарского сказительства.

Ключевые слова: татарские дастаны, сказительство, устное творчество, трансформация, экспедиционные материалы, речитатив.

This article raises issues in the field of the storytelling art of the Tatar people, raises the problem of the existence and preservation of oral folklore values in the epic. The subject of discussion of the study as a whole is the role of epic heritage and storytelling in the modern world. The author points out the transformed nature of the work of the singers-storytellers of the epic, but notes the persistence of cultural and epic traditions in folk art to this day; analyzes the current state of Tatar storytelling art.

Keywords: Tatar epic. storytelling, oral performance, transformation, expedition materials, recitative.

ТАТАР ЭПИК КУЛЬТУРАСЫНДА ЖЫРАУЛАР ҺӘМ ЧИЧӘНЛЕК

Л.Х. Мөхәмәтҗанова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге ТӘһСИ (Казан)

Хәзерге дөньяда тикшеренүчеләрнең теге яки бу халыкның милли традицияләрен өйрәнүгә һәм жыраулык, ягъни чичәнлек сәнгате аның тарихи эволюциясендә аңлауга омтылулары – рухи һәм матди мәдәниягә саклап калу гына түгел, ә бәлки традицияләренең генезисын барлау, аларның алга таба үсеш мөмкинлекләрен ачыклау шарты да. Нәкъ менә шуңа күрә жыраулык темасын төрле аспектларда өйрәнү һәм фикер алышу бүгенге этапта Россия фольклористикасының өстенлекле юнәлешләреннән берсе санала. Жыраулар төрле халыкларда төрле атама белән атала (грекларда – аэдлар, борынгы һиндларда – сут яки кушелаулар, Көнбатыш Африкада гриотлар, Көнбатыш

Европада шпильманнар, рапсодлар, рус халкында сказительләр, украиннарда кобзарьлар булган, бурятларда – улигершин яисә гесершин, алтайдагы төрки булмаган кайбер халыкларда – хайджи, төрки халыкларда – сәсэн, кобайырчы, шагыйрь, жомакчы, ашуг, озан, бакшы, акын, манасчы, кыйссахан, кайчи, олонхосут һ. б.). Бу сүзләр асылда халык арасында күләмле эпик әсәр башкарып танылган сүз остасы дигәнне аңлаткан.

Жырау – төрки халыкларда киң таралган образ. Бу гади хикәяләрчә яисә көй көйләүчә түгел, ә акыл иясе һәм идеолог, халыкны югары идеалларга өндәүчә жыручы-көрәшче. Жыраулар халык массалары арасында һәрвакыт аерылып торган. Һәр чорның үз жыравы булган. Алар – халык ижаты стилиндәге образлы телдә, ешрак шигырь-музыка формасында мистик һәм реаль вакыйгаларны һәм халыкның тарихи тәҗрибәсен жыр белән әйтеп сөйлиләр, үткәнне үз чорлары белән бәйлиләр. Импровизатор, жырчы һәм сәнгатьчә буларак, жырау, халык уй-хыялларын, өметләрен житкереп, бик сирәк, кирәк очракларда гына чыгыш ясаган. Бөтенхалык авторитеты булган жырауга, аның киңәшенә, нинди дә булса гомуми борчылулар, дулкынланулар вакытында мөрәҗғәгә иткәннәр, халык кризисы, фетнәләр һәм Ватанга чит ил баскынчылары куркынычы янаганда жырауларга ихтыяж арткан. Жырау, үтемле шигъри сүзе белә халыкны тәртипкә чакырган, аны илһамландырган, вакыйганың нәтижәсен, пәйгамбәрләрчә, алдан күрәп әйткән. «Jir» сүзе Мәхмүт Кашгариниң борынгы төрки сүзлегендә очрый. Аның мәгънәсе – эпик героик хикәя мәгънәсендәге «жыр». Охшаш яңгырашта бу сүз күпчелек төрки халыкларда очрый. Мәсәлән: якут телендә – «ырыа», хакас һәм кыргыз телендә «ыр», башкорт телендә «йыр», казакъ һәм нугай телендә «жыр». Жырны речитатив дип атарга була, аның әлегә мәгънәсен инглиз телендәге «рэп» дигән төшенчә дә аңлата.

Милли мәдәният модернизацияләнү белән бәйлә бара торган социомәдәни процесслар нәтижәсендә билгеле бер халыкка хас эпик формалар соңгы вакытта югалуга яисә трансформацияләнүгә йөз тотты. Тормыш рәвеше һәм көнкүреш үзенчәлекләре үткәнгә китү белән эпосны тулысынча телдән-музыкаль башкару да китә бара. Шул ук вакытта халык эпик традицияләренен тамырлары шулкадәр нык, аларны бөтенләй юкка чыккан дип булмый, нәкъ менә шул феноменаль ныклык бүген чичәнлек чагылышы турында сүз алып барырга мөмкинлек бирә дә.

Оста телле кешене татарларда әле дә килеп чыгышы буенча бик борынгы сүз белән «чичән» дип атыйлар. Гомумтөрки «чичән» сүзенң этимологиясе монгол теленә килеп бәйләнә. Монгол телендәге

«чечэрхэ» сүзе «матур сөйлэргэ тырышу», «Тырышып күп сөйлэү» дигэнгэ туры килэ [7: 442]. Тикшеренүчелэр билгеләп үткәнчә, «чичән» сүзе шулай ук сүз остасын гына түгел, ә жырчы-импровизатор, эпос яисә хушавазлар башкаручы, үз сүзен аудиториягә шигъри формада житкерүчә дигәнне дә аңлаткан. Сүз аз гына фонетик үзенчәлекләр белән кыргыз, үзбәк, алтай, чагатай, уйгыр, кырымтатар, казах, башкорт, нугай, каракалпак, якут, чуваш, тува телләрендә (алтай: чечэркэ, киргиз: чечерке, якут: сэсэр h. б.) очрый. «Чичән» сүзенен Кытайдан башлап Идел буена кадәр Евразия далаларында таралуы жырау-чичәннәр ижатының бу халыкларның барысына да таныш булуын күрсәтә.

Лексик берәмлек бар, ләкин чичәннәр хакында мәгълүмат әллә ни күп түгел. Татар жыраулары һәм чичәнлек мәсьәләләре татар фольклорчылары тарафыннан ныклап тикшерелми кала килә торган өлкә, дисәк тә, хак булыр. Чыннан да, татар чичәннәре турында хәбәрләрне сирәк чыганаклардан табарга була. Теманың махсус фәнни өйрәнелми һәм яктыртылмый килүе тарихи, сәяси h. б. сәбәпләргә бәйле [5: 750]. Шулай ук монда тагын бер житди сәбәпне атамый мөмкин түгел: сүз осталары – чичәннәренң эпосның тулы күләмле текстын озын-озакка сузып телдән әйтү традициясе төрле сәбәпләр аркасында татарларда башка халыкларга караганда иртәрәк сүрелгән. Татар чичәннәренң ижаты күбрәк китаби-язма формада үсеп, эпосның үзенчәлекле төре – китаби дастаннар формалашкан һәм таралган. Шул h. б. алшартлар татарларда чичәнлек традицияләренң һәм аларны өйрәнүнң икенче планда кала килүенә китергән.

Татарларның импровизаторлык ижаты – хронологик яктан тирән тамырларга барып тоташа торган, географик яктан татарлар белән бәйле күп халыкларның бетмәс-төкәнмәс эпик мирасын колачлаган гажәеп локаль катлам. Бүген татар эпосы турында сөйләгәндә без күбрәк үз вакытында халыкның укуымышлы катламы тарафыннан күчереп язылган төрле кулъязма һәм басма китаплар рәвешендәге китаби дастаннарны күздә тотсак та, татар язма-китаби дастаннарының бары тик тере эпик традицияләр кысаларында гына барлыкка килүен һәм формалашуын һәрвакыт истә тотарга. Аңлашыла ки: үткән заманда татарларның чичәнлек традицияләре булмаган булса, бүген «Кузы Көрпәч белән Баян сылу», «Алпамыш», «Түлөк», «Идегәй», «Чура батыр», «Бүрихан», «Таһир-Зөһрә», Ләйлә белән Мәжнүн», «Каһарман Катил» кебек гүзәл эпослары да булмас иде. Бүгенге татар эпос-дастанының тамыры нәкъ менә чичән-жыраулар эшчәнлегендә.

Кызганычка, тарихтагы объектив сәбәпләр аркасында татар чичәннәре ижатына үз вакытында әллә ни игътибар бирелмәгән, аларның

исемнәре ачыкланмаган, махсус өйрәнелмәгән, дисәк тә, узган гасырның кайбер фикер ияләре үз вакытында татар чичәнненең кем икәннен тасвишлап, аларның функцияләрен һәм татар чичәнлек сәнгате-нең башка үзенчәлекләрен аңлатып биргән хезмәтләр, сирәк булса да, бар. Без Жирән чичән, Субра жырау, Жамукай чичән һ. б. гомумтөрки чичән образлары белән таныш. Идел-Урал төбәгенәң шагыйрь-әкиятчеләре исәбенә шулай ук Хәсән Кайгы (XV гасыр), Казтуган жырау (XV гасыр), Дусамбәт жырау (XV гасыр ахыры – XVI гасыр башы), Чалгиз жырауны (XV гасыр ахыры – 1560 еллар) һ. б. шәхесләргә дә кертергә мөмкин.

Соңгырак чорның танылган чичәннәре дип Галибәк Шараповны (поляк шагыйре, көнчыгышны өйрәнүче, телләр белгече Александр Ходзько 1830 нчы елда Әстерханда аннан эпик фольклор әсәрләре язып ала һәм аларны бастырып чыгара [5: 740–757; 6: 166–172]), Ситдыйк-картны (Ситдыйк Мәһдиевич Зайнетдинов (1854–1927) тумышы белән элеккеге Тобол губернасы Тар өязе Еланлы авылыннан, XIX йөзгә 90 нчы елларында «Идегәй» һ. б. дастаннарны жирле халыкка татар телендә сөйләгән); Сабиржан акынны (Татарстанның Мәңгәр авылыннан), Байчыгави (Татарстанның Лаеш авылыннан), Кәшшәфетдин Шаһимәрдән (элекке Минзәлә өязе Сөлек авылыннан) һәм тагын берничә шәхесне атарга мөмкин [9: 70]. Шулай ук XX гасырның 20 нче еллары башында татар язучысы һәм фольклорчысы Н. Исәнбәт Башкортстанның Сәет авылында Фәйзулла исемле чичәннән борынгы җырлар яздырып алган, Башкортстанның элеккеге Бөрә өязеннән Сукур Фәррах (Фәррах Дәүләтшин) белән якиннан аралашкан, аның турында «Сүз табучы Фәррах» дип язып та чыккан [4: 487–489].

Сүз остасы-чичәнлек – күп халыкларның эпик традициясендә фольклор әсәрен башкаруның иң характерлы билгесе. В.М. Жирмунский импровизатор-ижатчының ятланган текстны механик рәвештә генә кабатламыйча, күп очракта аны аудиториягә яраштырып үзгәртүен дә искәртә [3: 33]. Бу чыннан да шулай. Бер үк эпосны бер үк чичән төрле урында төрлечә сөйләп бирергә мөмкин, яисә шул ук әсәргә икенче бер чичән берәз үзгәртеп башкара. Ижатчы-импровизаторның кәефенә, кем алдында чыгыш ясавына, осталыгына бәйле бу алым эпос-дастанның өр-яңа вариантларын да барлыкка китергән.

Халык импровизаторларын осталык-камиллек ягынан үзләрен берничә категориягә бүлеп карау бар [1: 22]. Алар арасында иҗади җырчы-импровизаторлар һәм гадәти башкаручы җырчылар аерыла. Беренче тип осталар – тере эпик традицияләргә кысасында күз алдында өр-яңа эпик әсәр тудыручылар, халыкның югары класслы эпик ижат-

чылары. Ә гадәти жыручылар исә – теге яки бу ижатчы мирасы буларак мәгълүм зур дастаннарны яттан башкаручылар.

ТР Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге ТӘҺСИ эшчәнлегенә хәзерге этабында татарлар тупланып яши торган төбәкләргә экспедицияләр оештырып, эпик фондны яңа материаллар белән тулыландыру фонында эпик традицияләрне ачыклау белән бәйлә һәм элек алынган нәтижеләрне раслау, яңарту, үстерү проблемалары көннән-көн актуальләшә бара. Чичәннәр авызыннан яңгыраган кайбер әсәрләрнең үз вакытында теркәлеп калган булуы бүген татарларда чичәнлек традицияләре һәм жыраулар турында сүз алып барыр өчен җирлек тудыра. Безнең көннәрдә татарлар тупланып яшәгән төбәкләргә экспедицияләр вакытында эпик әсәрләр – геройның эпик жыры (дастан жыры), сарын, тулгау, назымны телдән декламацияләүгә юлыгырга мөмкин. Эпостан җыр көйләгәннән соңында, күпчелек очракта информантлар эпос-дастанның фабулаларын да сөйлиләр. Кайвакыт күчмә төркиләр эпосына хас речитатив үзенә элеккеге функцияләрен үти: эпик текстның шигырь өлеше көйләп әйтелә, ә проза өлеше я китаптан кычыкырып укыла, я дастанның ни хакында булуы искә алына. Болар бар да татарларда чичәнлек, эпос-дастанны телдән башкару гадәтенә бөтенләй үк эзсез югалмаганлыгы хакында хәбәр итә.

Соңгы елларда ТР Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге ТӘҺСИ оештырган фольклор экспедициясе вакытында татарлар яшәгән авылларда без Алпамыш, Түләк турында төрле вариантларда кечкенә сюжетлы кыска хикәяләр, «Таһир белән Зөһрә», «Йосыф кыйссасы» вариантларын, башка билгеле һәм аз билгеле сюжетларга эпик хикәяләр язып алдык. Материаллар ТӘҺСИ архивында һәм Л. Мөхәмәтжанованың шәхси архивында саклана. Экспедицияләрен кайбер нәтижеләре Татарстан Республикасының вакытлы матбугат битләрендә һәм РФнең рецензияләнгән торган фәнни журналларында басылып та чыкты. Информантлар Алпамыш исемле геройның мажаралары турында сөйлиләр, Түләк белән Сусылу тарихын искә төшерәләр, «Таһир белән Зөһрә» дастаныннан кайбер эпизодларны, Йосыф белән Зөләйха тарихын хәтерләрендә яңарталар. Халык арасында шулай ук дастан жыры жанры да актив яши, мондый төр ижат бүген гомумән мөстәкыйльлеккә омтыла дип әйтергә була. Информант дастаннан эпик җыр башкара [2]. Аннары ул фабулалы рәвештә әлегә җырның чыганагы булган эпосның үзе турында сөйләп ала, фабуласын төзи. Шунысы куанычлы: халык вәкилләренең сирәк очракта гына булса да борынгы музыкаль-сүз ижатына мөстәкыйль мөрәҗәгать итүләре бүгенге көндә эпос-дастаннар кайтавазы буларак кадерле.

Эпосның бүгенге көндә чичәннәр ижатында сакланышына бер мисал китереп үтик. Фәнни экспедицияләр вакытында сорапшырулардан күренгәнчә, мәсәлән, «Түләк китабы» исемле архаик-героик әсәр бүген тулысынча башкарылмый, әмма ул халыкның тарихи хәтерендә саклана. Тарихи хәтер, милли эпик код бу очракта информантның «Әйе, “Түләк” дип ишеткән бар. Су төбөндә яшәгән бит ул Түләк. Сусылуның чәченә уралып төшкән су төбөнә. Аны элек китаптан укыганнар, иске китаптан» (информант – Татарстанның Азнакай районы Жигү авылында Гәрәева Сәгадәт Бари кызы (1927 елгы)) дигән кыска ғына мәгълүматына яшеренгән. «Түләк» дастаны турында азы-күпме мәгълүматлы әлегә информант дастаннан түбәндәге дүрт юл тезмәне әйтә бирде:

*Балкан тавы монда юк,
Ак киегем монда юк.
Утырып уйлар уйларга
Алтын тәхетем монда юк [10: 2019].*

«Түләк» дастаныннан эпик жыр буларак мәгълүм бу юллар дастанның тулы вариантларындагы Түләк жыры белән сүзгә сүз диарлек аваздаш [8: 134].

Синкретик характерлы фольклор әсәрләре һәркайсы диарлек жыраулар эшчәнлегә белән гаять тыгыз бәйләнгән. Бу яклап караганда татарларда чичәнлек дигәндә мәсьәлә эпос-дастаннар белән чикләнми, аны әкият, риваятьләр, хушаваз һәм дастан жырларын башкаручылар ижатына бәйлә киң ясылыкта өйрәнү дәрәс булачак.

Нәтижә ясап әйтсәк, фольклор традицияләре – буыннан буынга тапшырылып килә торган олы мирас, бу байлыкны файдалану, килер буыннарда житкерү милли үзәннә үстерү, асылыбызны саклауны нәтижеләрәк итә. Бүгенге көндә халкыбызның чичәнлек традицияләрен, жыраулар ижатын торгызу һәм үстерү буенча кичекмәстән чаралар күрергә кирәк. Фольклорда чичәнлек – хәзерге дөньяның үзенчәлекле мәдәни күренешләреннән берсе, әлегә төр ижатны фәнни өйрәнү белән бергә аны татар жәмгыятендә күтәрү һәм популярлаштыруның әһәмияте зур.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ауэзов М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Литературно-критические и публицистические статьи 1936–1961 годов: пер. с казах. М: Худож. лит., 1975. 568 с.
2. Алыпмамшан (дастан жыры) / Информант – Сәгыйдуллин Хәлим Харис улы (1949 елгы). 2002 елда Төмән өлкәсе Вагай районы Казанлы авылында язып алынды // Экспедиция материаллары. Л.Х. Мөхәммәтжанованың шәхси архивы. 2002.

3. Жирмунский В.М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24–56.
4. Исәнбәт Н. Фәррах жырлары турында // Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жыентык / төз. М.М. Хәбетдинова. Казан: Жыен, 2021. Б. 487–489.
5. Мухаметзянова Л.Х. Татарская историография «Идегея» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 8. № 4. С. 740–757.
6. Мөхәммәтжанова Л.Х. Янә «Идегәй» хакында. «Идегәй» дастанының Александр Ходзько тарафыннан язып алынган варианты // Казан утлары. 2023. № 9 (1211). Б. 166–172.
7. Татар теленәң этимологик сүзлегә. 2 томда. Т. 2. (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт. 2015. 567 с.
8. Татар халык җататы. Дастаннар / томны төз., кереш мәкалә һәм иск. язучы Ф.В. Әхмәтова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 384 с.
9. Татар халык мәкальләре 3 томда / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. Т. 1. 915 б.
10. Түләк (дастан жыры) / Информант – Гәрәева Сәғадәт Бари кызы (1927 елгы). 2019 елда Татарстанның Азнакай районы Жиңү авылында язып алынды // Экспедиция материаллары. Л.Х. Мөхәммәтжанованың шәхси архивы. 2019.

УДК 792.8

БАЛЕТ Ф. ЯРУЛЛИНА «ШУРАЛЕ» – ОТ ЗАМЫСЛА ДО ВОПЛОЩЕНИЯ

Л.Р. Петрова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье освещается история первого национального балетного спектакля на татарской сцене «Шурале» Ф. Яруллина. Рассмотрен процесс создания: от идеи до премьеры в Казани в 1945 году и в Ленинграде в 1950 году. Большое влияние на формирование национального балетного спектакля оказывают Г. Тагиров и Л. Якобсон.

Ключевые слова: история татарского балета, национальный балетный спектакль, «Шурале», Ф. Яруллин, Г. Тагиров, Л. Якобсон.

The article covers the history of the first national ballet performance on the Tatar stage, “Shurale” by F. Yarullin. The process of creation is considered: from the idea to the premiere in Kazan in 1945 and in Leningrad in 1950. G. Tagirov and L. Yakobson exerted a great influence on the formation of the national ballet performance.

Keywords: history of Tatar ballet, national ballet performance, “Shurale”, F. Yarullin, G. Tagirov, L. Yakobson.

В 1939 году состоялось открытие Татарского государственного оперного театра. С первых дней существования театр приступает

к работе над национальным оперным репертуаром: «Считать за профиль театра, как стилевое творческое направление театра, что театр является национальным татарским государственным оперным театром с подлинно национальным оперным репертуаром в основном» [6: 39]. В этом же году была поставлена опера Н. Жиганова «Качкын» («Беглец»), в 1941 – премьера оперы Н. Жиганова «Алтын чеч». Так же возникает идея постановки национального балетного спектакля. Начинается поиск сюжета. Диапазон тем широк: «Тагир и Зюгра», «Шурале», «Хаджи женится». В фондах Г. Тагирова (Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ) хранятся либретто балетов «Черная палата» и «Гульнара».

В 1939 году «творческая группа в составе т. профессора М.Г.К. Литинского Г.И., композитора Яруллина и либретиста Ахмета Файзи, по собственной инициативе, приступили к созданию первого национального балета “Шурале” на сюжет созданный на основе произведений татарского поэта Тукая» [6: 40]. В этом же году коллективу театра была представлена музыка Ф. Яруллина – «отрывки музыки к балету “Шурале” были показаны коллективу Татарского Государственного Оперного театра в присутствии представителей ТГАТ, музыкальной и литературной общественности Казани и получили исключительно благоприятную оценку» [6: 39]. Творческой группе была выражена благодарность. Из приказа дирекции: «Учитывая громкое значение создания татарского балета, являющегося новым достижением татарского искусства, дирекция Татарского Государственного Оперного театра объявляет благодарность профессору МГК Литинскому Г.И., композитору т. Яруллину, либретисту т. Ахмету Файзи. Дирекция выражает твердую уверенность что творческая группа создателей балета “Шурале” доведет до конца начатую работу над балетом, который должен явиться ценным вкладом <...> и положить начало созданию национального балетного спектакля» [6: 40].

В 1941 году в августе в Москве должна была состояться Декада татарского искусства, где и планировалось представить балет «Шурале». Началась работа над спектаклем. На момент открытия театра в 1939 году, балетная группа состояла из 25 участников. Для постановки многоактного балетного спектакля было необходимо увеличить труппу. Для исполнения главных партий из Ленинграда пригласили солистов – ученицу А. Вагановой Н. Балтачеву и А. Кумысникова. Так же из Москвы был приглашен хореографический коллектив «Остров танца» под руководством А. Шатина. Для постановки балета в Казань были приглашены П. Гусев и Л. Якобсон. Предполагалась

так же работа Тагирова над балетом «Шурале», но в 1941 году постановку балета поручают Якобсону. Итогом плодотворной работы стал генеральный показ. Премьера балета и декада не состоялись, творческие планы разрушила начавшаяся война.

В марте 1945 года состоялась долгожданная премьера «Шурале». Над балетом работали Л. Жуков и Г. Тагиров. Жуков поставил первый и третий акты. Тагиров работал над вторым актом. Главные партии исполнили: Былтыр – Б. Ахтямов, Сююмбике – А. Гацулина, Шурале – В. Романюк.

Тагиров внес коррективы в либретто, созданное для балета Якобсона. Хореограф стремился «максимально приблизить спектакль к тукаевскому произведению» [1: 27]. В центре балета – история любви Сююмбике и Былтыра. Главный герой в ночном лесу спасает от лешего Шурале красавицу Сююмбике, девушку-птицу. Молодые люди готовятся к свадьбе, но коварный Шурале рушит их планы – похищает Сююмбике. Былтыр вновь спасает возлюбленную и поджигает лес, в котором погибает леший и его свита.

Спектакль готовился в военное время. Штат артистов, музыкантов, сотрудников сцены, производственных цехов был сокращен. Для подготовки спектакля были привлечены ученики хореографической студии, что сказалось на лексике спектакля. Постановщик сцен Шурале и его свиты (первый акт) Л. Жуков «использовал в своей работе простые движения, но строго следил за чистотой танца» [1: 29], обращал внимание на такие нюансы, как ровные линии, соблюдение ансамбля.

Второй акт предполагал наличие гротескных и юмористических сцен, и знакомил зрителя с жизнью татарской деревни. У Гая Тагирова уже был опыт работы в качестве хореографа на татарской драматической сцене, где в 1920-1930-е годы ставились музыкальные спектакли. В этот период Тагиров адаптировал традиционную танцевальную культуру к профессиональной сцене. «Хореограф продолжает поиски, начатые еще на сцене Татарского государственного драматического театра, стремится к воплощению мотивов народной музыки в хореографии» [5: 74]. На обсуждении спектакля И. Крути, говоря о работе Тагирова, отмечает: «Все поставлено на народной основе».

Фотографии с премьерных спектаклей зафиксировали ряд важных деталей, благодаря которым можно говорить о спектакле более подробно. Главная героиня впервые оказывается в деревне Былтыра, в реальном мире. На фотографии видим, как растерянная Сююмбике оглядывает свои руки – крылья похитил «Шурале». Исполнительница

партии Сююмбике в пуантах – танец героини предполагал пальцевую технику. Повседневное одяние жителей татарской деревни XIX века: кафтаны, шаровары, халаты, жилеты, головные уборы отороченным мехом, тяжелые татарские украшения явно противопоставлялись образу девушки птицы, одетой в белый газовый тюник, воздушный костюм танцовщиц первой трети XIX века. На следующей фотографии – вокруг Сююмбике выстроились полукругом жители деревни. На заднем плане деревенский дом, украшенный в соответствии с традицией татарской домовой резьбы.

Мировой успех музыки Фарида Яруллина приносит хореография ленинградского балетмейстера Л. Якобсона. После войны он возвращается к работе над балетом. Образность музыки Яруллина, ее поэтика и выразительность, пропитанная татарским фольклором, воплотилась в красочной, пронизанной тонким орнаментальным узором хореографии. Премьера на сцене театра им. Кирова состоялась 18 мая 1950 года.

Действие балета, как и в версии Жукова и Тагирова разворачивалось в лесу и татарской деревне, но Якобсон в «Шурале» сюжет балета стремился раскрывать именно через танец, условность свойственную балетному театру, отходя от затянутых пантомимных сцен. Насыщенной и богатой пластикой Якобсон наградил лесное чудище Шурале, воплотив через выразительные витиеватые движения строки Г. Тукая. Богатой танцевальной речью наградил хореограф героев Али-Батыра и Сююмбике. Хореографический текст жителей деревни плотный, насыщенный: мелкая техника ног, стилизованная под татарский танец сопровождалась так же стилизацией в движениях рук.

В 1945 году на одном из творческих обсуждений опер «Алтын чеч», «Фарида» и балета «Шурале», Крути отметил: «Мне кажется, что в трех спектаклях, которые мы просмотрели в самом содержании <...> кроются такие элементы, которые придают им глубокую национальность и выводят их за пределы национальности. Эти произведения имеют достаточно оснований, что бы сойти со сцены только национальных театров и приобрести всесоюзное значение <...> для всех этих произведений характерна глубочайшая лиричность которая в минуту большого духовного напряжения переходит в героическую». «Шурале» вышел за пределы национальной сцены. Советские хореографы часто обращались к партитуре Ф. Яруллина. После премьеры балета в Казани в 1945 году, и успешной премьеры балета Л. Якобсона на сцене театра им. Кирова в 1950 году, балет «Шурале» был поставлен на сцене Большого театра, шел на сцене театров Одессы (1952),

Риги (1952), Саратова (1952), Улан-Уде (1955), Алма-Аты (1956), Софии (1956), Вильнюса (1961) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшков В.Н. Балетмейстер Гай Тагиров. Казань, 1997. 48 с.
2. Березкин В. Художник в советском балете // Советский балетный театр: 1917–1967. М.: Искусство, 1976. С. 291–350.
3. Донина Л.Н. Татарский традиционный костюм в балете Ф. Яруллина «Шурале» // Эхо веков. 2013. № 3/4. С. 256–268.
4. Татарский Академический театр оперы и балета им. М. Джалиля / под ред. Г.М. Кантора. Казань: КГК, 1994. 144 с.
5. Петрова Л.Р. Национальный балетный спектакль на татарской сцене на этапе становления // Вестник Казанского университета культуры и искусств. 2023. №. 4. С. 73–77.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6663. Оп. 1. Д. 9.

УДК 81-13

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Г.Дж. Рызакова

*Института языка, литературы и национальных рукописей имени
Махтумгули Академии наук Туркменистана (Ашхабад)*

В нашей стране создаются широкие возможности для изучения на научной основе как туркменского, так и иностранных языков. Особое внимание уделяется вопросам национальных языковых ценностей таких как совершенствование национального языка, его обогащение на научной и практической основе, основанного на исторических корнях, использования языковых единиц, изучения правильного произношения. Это в свою очередь способствует чистоте произношения национального языка, его правильного применения, обогащению словарного запаса. Для воспитания грамотного молодого поколения и современных специалистов, в первую очередь, они должны в совершенстве знать свой родной язык. И это является основной задачей в повышении уровня грамотности учеников. Для успешного разрешения данного важного вопроса, а именно приучить молодое поколение изучать туркменский литературный язык, изучить историческую глубину и ценность родного языка, умение писать изложение – в современном мире играют значимую роль. С этой точки зрения невозможно отрицать педагогическую ценность в обучении учеников правильно писать изложения на уроках туркменского языка, а также необходимости разработки научно-обоснованной современной методики обучения.

Ключевые слова: туркменский язык, методика обучения, изложение, инновационные методы.

Wide opportunities are being created in our country for studying both Turkmen and foreign languages on a scientific basis. Special attention is paid to issues of national linguistic values such as the improvement of the national language, its enrichment on a scientific and practical basis based on historical roots, the use of linguistic units, and the study of correct pronunciation. This, in turn, contributes to the purity of pronunciation of the national language, its correct use, and the enrichment of vocabulary. To educate a literate young generation and modern specialists, first of all, they must know their native language perfectly. And this is the main task in improving the literacy level of students. For the successful resolution of this important issue, namely, to teach the younger generation to study the Turkmen literary language, to study the historical depth and value of their native language, and the ability to write a narrative play an important role in the modern world. From this point of view, it is impossible to deny the pedagogical value in teaching students to write correctly in the Turkmen language lessons, as well as the need to develop a scientifically based modern teaching methodology.

Keywords: Turkmen language, teaching methods, presentation, innovative methods.

Широкомасштабные преобразования касательно совершенствования научно-образовательной системы, проводимой уважаемым президентом Сердаром Бердымухамедовым, в современный исторический период проводятся быстрыми темпами. В связи с этим, продолжается работа по последовательному изучению на научной основе туркменского языка, внедрению в практику инновационных методов обучения согласно государственным стандартам обучения, преобразованию национальной научно-образовательной системы, совершенствованию качества обучения и наибольшему расширению возможностей для дальнейшего совершенствования.

В настоящее время различаются подходы в методике обучения *«направленность на работу»* и *«направленное на личность»*. В обучении *«направленного на личность»* основной задачей учителя является создание необходимых условий для развития творческих способностей ученика. Где основным признаком творчества является новшество, активизация и здесь знание выступает не в роли объекта педагогического воздействия, а как субъект предоставления знаний и воспитания. В подходе *«направленность на работу»* рабочий результат ученика является его достижением и при оценке данной работы необходимо учитывать правильность или нет его результатов, а также его усилия направленные на рабочий процесс (умственные и физические).

Обучающийся, изучающий человек является не объектом педагогического воздействия, а согласно своему уровню активности, яв-

ляется субъектом образовательной и воспитательной работы. Если обучающийся будет восприниматься в качестве субъекта, то его субъективное воспитание формируется в дошкольном, школьном, внешкольном пространствах.

В период обучения субъективная практика обучающегося – обогащается, преобразовывается. Здесь задача учителя состоит в выявлении его личной (субъективной) практики и эффективного его обогащения общественной практикой. При этом также меняются задачи обучения.

Основной его задачей является не определение направления развития, являющегося обязательным, а содействие в развитии личных навыков с учетом восприятия личности.

Преподавательская деятельность давая толчок в развитии инновационной практики, должна находить решения нескольких вопросов, связанных с особенностями учеников и культурой школ.

Современные инновационные виды обучения характеризуются активным участием учеников на уроках, активизации их знаний и навыков, эффективному развитию их навыков контактирования.

Основными задачи обучения туркменскому языку заключаются в содействии ученику освоить родной язык в качестве основного средства общения, формирования у них желания изучать язык и коммуникативность в общении на государственном языке [2: 92].

В настоящее время эффективное применение методов изучения языков основывается на развитии отношений субъект-субъект между учителем и учеником.

В современных требованиях изучения языка продвигается позиция изучение языка во взаимосвязи с культурой, так как культура является основной частью в содержании обучения языкам. В рамках социально-культурного подхода, основное внимание должно уделяться следующим:

- Развитие мировоззрения лица, изучающего языки; изучение истории человечества и своего народа, ощущать себя в качества хозяина своих национальных ценностей, находиться в поиске решения общих вопросов, прочувствовать свою взаимосвязь с людьми живущими на Земном шаре

- Развития общего понятия мышления касательно гражданских прав человека

- Изучение этики отношения споров и разногласий

- Повышение желания к повышению уровня своего образования.

Учитель выступает в качестве организатора учебного процесса, а ученик находится в независимом поиске. Он субъективную практику

используется на высоком уровне. При обучении туркменскому языку применяется стандартный дидактический принцип, а также традиционные методы.

При исследовании их надежности на практике, с учетом изменения требований времени, в результате ежедневного применения, теряется новшество данных методов. Мозг привыкает к методу представления данных и воспринимает это как обычную норму, где в конце концов передает реагировать на данный метод. Для предотвращения данных обстоятельств целенаправленным является применение следующих методов:

- 1) *изучение в сотрудничестве;*
- 2) *метод обучения в качестве проекта;*
- 3) *обучение посредством модулирования;*
- 4) *игровая технология;*
- 5) *информационная технология;*
- 6) *методы кейсовых технологий* [6: 422].

Изучение в сотрудничестве и метод обучения в качестве проектирования включает в себя применение новых информационных технологий, интернет источников, точное мышление, изучение через практику, научные исследования, поиск многосторонних решений учебных и общественных вопросов, и педагогические технологии XXI века способствуют персонализировать обучение ученика и повысить уровень его знаний и навыков [5: 206].

В эпоху развитых технологий, эффективность методов обучения и инновационного образования способствует повышению качества образования, эффективного использования мультимедийными и компьютерными технологиями, дистанционному (виртуальному) обучению и определяет возможности творческого мышления учеников.

Первоначальным этапом формирования всесторонне развитой личности начинается в период обучения в общеобразовательных школах, в ходе процесса обучения. Настоящая социально-культурная ситуация требует нового рассмотрения. И поэтому возникает необходимость по-новому взглянуть на требования методической подготовленности учителей по туркменскому языку наряду со всеми учителями [4: 69].

Общество XXI века характеризуется в качестве образованного общества. Образовательные учреждения не могут быть отделены от быстрой протекаемых изменений и для них внедрение инноваций является одним из приоритетных направлений. Изменения и новшества, происходящие в последние десятилетия, непосредственно связаны с применением цифровых технологий во всех сферах экономики, в том числе и

в системе образования. Учитель занимает важное место в процессе обучения. И поэтому в их подготовке новшества играют значимую роль.

В образовательных учреждениях очень значимо наладить соответствующее развитие учителей на инновационной основе, внедряя различные программы и виды обучения.

В качестве новшества обучения, есть педагоги, которые отмечают, что ученикам нужно предоставлять свободу для самосовершенствования и обучения. При этом они отмечают, что у них возрастет интерес для получения знаний.

Совершенствование образования ведет не только к стабильному получению образования учениками, но также направлено на развитие личности и творческих способностей.

Ежедневно применяемые инновации в системе образования предназначены на развитие качества образования. Это способствует повышению усвояемости учениками материала и их творческих возможностей, повышению качества образования и его результативности, экономно относится к учебному времени, по-новому подходит к данному вопросу и более активно усваивать новый материал.

Кроме этого, это способствует их целеустремленности, повышению желания для обучения и их результатов.

Достигнутые успехи и развитие, открытия сделанные в истории человечества требует раскрытия вопросов связанных с повышением качества обучения туркменского языка, совершенствованию общей культуры языка, и в особенности совершенствования культуры произношения.

В настоящее время для эффективного использования методов обучения языкам основным является отношение между субъектами – между учителем и субъектом изучающим язык. Эти отношения выступают в качестве основной ценности в работе по обучению языкам и предусматривает переход к сотрудничеству. Здесь учитель выступает в качестве организатора учебной деятельности, а ученик – находится в независимом поиске. Он свой субъективный опыт использует на высшем уровне.

Опираясь на языковое знание, психолингвистику, лингводикутанты, в частности на методику обучения языкам, согласно требованиям времени и общества, основными вопросами является обоснование современных методов обучения написания изложений на уроках туркменского языка, разъяснение предметных вопросов, связанных с повышением качества обучения туркменского языка, разработка научных обоснований по обучению написания изложений по предмету туркменский язык в образовательных учреждениях страны.

В настоящее время на уроках туркменского языка выполнены работы, связанные с развитием у учеников навыков правильного произношения, повышения качества обучения по написанию изложений на уроках туркменского языка, совершенствованию изучения предметных вопросов и научно-методического обоснования их эффективности. Такие ученые как А. Курбанов, А. Пигамов, Г. Дурдымурадов, Л. Курбанова, М. Тораева, Б. Дурдыева, М. Кулиева, О. Гельдыева разработали передовые методы обучения в рамках национальной системы образования и провели специальное научное сравнение по методике обучения языкам.

Научные исследования, проведенные в различное время такими учеными как Л.Г. Жабискааном (1967), А. Дерягиным (1970), Б.Б. Калининой (1982), Р. Курбановым (1983), В.И. Липининой (1989), Т.М. Абдукаримовой (1992), П.Ф. Ивченко (1994), С.В. Юртаевым (1995), Н.Л. Карнухиным (2001) направлены на обучение написания изложения в школах; научные работы Т. Таганова (1955), А. Курбанова (1969), Й. Чоннаева (1969), Ч. Текаева (1969), Р. Бердыева (1989), Э. ЧАрыевой (1989), С. Ниязова (1994), А. Бяшимова (1999), С. Куллекова (2014), А. Какагельдыева (2014), связаны с особенностями преподавания написания изложения на уроках туркменского языка.

Изложение – это творческая работа ученика. И поэтому, для целенаправленного проведения данной работы, дающей толчок к творческому поиску, связано с правильным выбором учителя соответствующего текста. Посредством их учеников можно обучить особенностям туркменского языка, раскрыть различные смыслы и содержания слов, обогатить их словарный запас и способствовать усвоению учениками учебного курса и правил правописания и произношения. В этом отношении очень важную роль играют применение указанных видов изложений.

С целью развития письменного языка научить учеников писать различные виды изложений, связанные с совершенствованием их произношения, играет значимую роль в обучении их стилей произношения, понятиях стилистической неоднозначности и сложности произношения [3: 29].

У ученика, который смог правильно освоить стилистическое понятие, во-первых, формируется навык культурного произношения, во-вторых, является базой для письменных творческих работ (*сочинение, изложение*). Любое понятие формируется на основе конкретных знаний. У учениках формирование понятий является сложным процессом, оно происходит путем применения таких методов как *«сравнение познаваемости, анализ и синтез, абстрагирование, идеализи-*

рование и обобщение». При формировании стилистических навыков на уроках туркменского языка можно достичь ожидаемых результатов при обучении написанию изложения.

Необходимо последовательно совершенствовать профессиональный уровень учителей, преподающих туркменский язык. Для этого, в первую очередь, необходимо соблюдать требования педагогической науки. Благодаря этому методу учителя, преподающие туркменский язык получают необходимые в своей работе материалы, анализируют их, обрабатывают их на соответствующем уровне и включают их в свою систему знаний. Развитие методики связано с уместным и творческим применением методик обучения. Понятие об обучаемом методе дает возможность принять правильное решение. Для разъяснения педагогической науки, выявления их особенности, в первую очередь, необходимо освоить соответствующую методику касательно данного направления. В качестве примера можно указать стандартный и инновационный педагогические методы. Это методы, оставшиеся нам в наследство от ученых, которые обосновали историческое развитие науки: Платон, Квинтилиант, Коменский и Песталосси.

Стандартные педагогические методы применяются в современной педагогике. К стандартным методам относятся: обзор, изучение практики, изучение источников, анализ школьных материалов, изучение результатов творческих работ учеников, проведение собеседования.

В национальной педагогической системе интерактивный педагогический метод также значим. Учитывая, что они уже давно применяются в международной методике обучения, в нашу систему образования они вошли недавно. Они отличаются следующими педагогическими видами: анкетирование (проведение тестов), «живой эксперимент», моделирование. Интерактивные методы являясь очень эффективными, повышают интерес к изучению языка, обеспечивают высокий уровень обучения, дают возможность творчески подходить к изучению языка. Оно имеет такое важное значение в обучении на уроках туркменского языка писать изложения.

Последовательная работа по изложению очень значима в развитии у учеников школ навыков, связанных с произношением и достижением грамотного написания. Данный вид деятельности играет важную роль для перепроверки знаний, полученного учеником и его способностей, развитию его навыков произношения и закрепления полученного материала.

Поэтому возникает необходимость разработки практико-методических основ по изучению изложений на уроках туркменского языка;

изучение и анализ инновационных методик и технологий, основанных на мировую и национальную практику языка, в том числе написания изложения; определение и сравнение соответствующих значимых вопросов и проведения специальных научных проверок для научно-методической обоснованности эффективности проводимой работы.

При написании изложения очень важно широко применять новейшие методы и в этом формате возможности инновационных технологий, компьютеров, мультимедийных средств очень безграничны. Они оказывают большую поддержку для эффективности творческой работы учеников. В этой работе цели учеников и учителей – едины [1: 8].

В школах нельзя упускать различные виды других обучающихся изложений, кроме тех контрольных изложений, которые до настоящего время преподавались в школах (*например, полное изложение текста, краткое изложение текста, выборочное изложение, изложение с выполнением задания, творческое изложение, устное изложение, эссе*).

Ведутся значимые работы в области изучения и анализа инновационных методов и технологий, основанные на мировой и национальной практике по обучению написания изложения, определению важных вопросов повышения качества и совершенствования обучения туркменского языка, научно-методическому обоснованию их эффективности.

Инновационные методы формируя особую взаимосвязь между учеником и учителем, дает значимый, положительный результат в изложении и касательно требований культуры произношения. И с позиции, что эти методы обеспечивают высокий уровень обучения, это способствует развитию правильного произношения слов, повышению интереса в изучении языка и к творческому его подходу и облегчает процесс обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарова Э.В. Инновационные системы профессиональной подготовки // Современные методы обучения иностранному языку в неязыковом вузе: коллективная моногр. М-во образования и науки РФ, Московский политехнический университет. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». 2017. 92 с.
2. Разаханова В.П. Методическая подготовка учителей биологии в педагогическом вузе как объект педагогических исследований // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 69–72.
3. Küllekow S., Kakageldiyew A. Beýannamalar. Orta mekdepleriň mugallymlary üçin okuw-usuly gollanma. Aşgabat: Ýlym. 2014. 120 с.
4. Nyýazow S. Stilistikany öwretmegiň esaslary. Aşgabat: Magaryf. 1994.
5. Rost M. New technologies in language education: Opportunities for professional growth. 2014. 206 p.
6. Methodology in Language Teaching: An Anthology of Current Practice / edited by J.C. Richards, W.A. Renandya. Cambridge University Press, 2002. 422 p.

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
(на материале татарского языка)**

Ф.К. Сагдеева

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматривается один из основных принципов в современной науке о языке – антропоцентрический подход, который изучает языковые явления в связи с человеком. Точкой отсчета в анализе тех или иных явлений выступает человек. При этом тело человека при познании действительности играет важнейшую роль. В данном случае антропоморфный культурный код формирует понимание действительности в форме олицетворения. Применительно к ментальному образованию «khezmet» (труд), который описывается в статье на пословичном материале, это означает, что труд осмысливается посредством гештальта «человек».

Ключевые слова: антропоцентрический подход, ментальное образование «khezmet»(труд).

The article examines one of the main principles in modern language science – the anthropocentric approach, which studies linguistic phenomena in relation to humans. The starting point in the analysis of certain phenomena is humans. At the same time, the human body plays a crucial role in understanding reality. In this case, the anthropomorphic cultural code forms an understanding of reality in the form of personification. In relation to the mental formation of “khezmet”, which is described in the article using proverbial material, this means that labor is understood through the gestalt “human”.

Keywords: anthropocentric approach, mental formation “khezmet”.

Одним из ключевых положений современной лингвистики является идея о системности, органичной целостности языка, элементы которого связаны определенными закономерными отношениями. С точки зрения общих принципов научного подхода к исследованию языка представители когнитивного направления в современной лингвистике признают, что одним из главенствующих принципов в науке о языке является антропоцентрический подход. В.М. Алпатов, говоря об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах в языке отмечает, что антропоцентрический подход исторически первичен и заключается в том, что исследователь изучает язык как его носитель и опирается при этом «на осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией» [1: 15]. По мнению ученого, при системоцентрическом подходе язык

понимается как некая система, функционирующая независимо от индивида, что дает возможность изучать ее методами естественных наук. Автор утверждает, что «любое исследование языка глубинно антропоцентрично, надо только отдавать себе отчет, на каких этапах анализа мы основываемся на интуиции, а на каких мы используем строгие методы, поддающиеся проверке» [1: 21].

Е.С. Кубрякова характеризует антропоцентризм как особый принцип исследования. Суть данного принципа заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [3: 212]. В данном случае человек вовлекается в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Таким образом, антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи «язык и человек» [3: 214]. По мнению автора, «антропоцентрический принцип связан с исследованием следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека» [2: 212]. Антропоцентрический принцип лингвистики реализуется в двух направлениях: «человек в языке», который выступает как носитель сознания и транслятор культур, и «язык в человеке», который является мерой всех вещей в языке и культуре [2: 216].

Язык создан по мерке человека и этот масштаб запечатлен в самой организации языка, – пишет Ю.С. Степанов. Ученый утверждает, что в соответствии с ним язык и должен изучаться. По мысли автора, поэтому в своей основе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке [8: 15]. Как отмечает М.А. Шелякин, «семантическое устройство языка предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает ориентацию человека в мире» [9: 132]. Таким образом, антропоцентрический принцип выводит человека на первое место, а язык называет его первейшим свойством, условием существования.

Тело играет первостепенную роль в познании человеком действительности. В этом аспекте лингвистами активно исследуется соматическая лексика и фразеология (Ю.Д. Апресян, Л.В. Архипкина, Ю.А. Башкатова, Л.И. Зимина, Е.В. Урысон и мн. др.). В татарском языке И.И. Сабитовой разработан «Словообразовательный словарь татарского языка: лексика тематической группы «человек»» [4]. Соматический код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется

в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка. Исследователи в своих работах подчеркивают универсальность кодов культуры и указывают на то, что коды национальной культуры отражают и определяют особенности языкового сознания и языковой картины мира. Анализ соматической фразеологии в свете лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет рассматривать данные единицы как национально-специфичные, как знак культуры.

В этой связи целью настоящей работы является изучение на пословичном материале татарского языка ментального образования *хезмәт* (труд), который осмысливается посредством обобщенного образа «человек» [5; 6; 7]. В данном случае части тела человека репрезентируют представления о целях, мере, видах трудовой деятельности, орудиях труда и др.

Многочисленные стереотипные представления, связанные с трудовой деятельностью, отражаются посредством таких квазисимволов, как, например, кул ‘рука’. Квазисимвол кул можно отнести к элементам базисного уровня. Данный языковой символ встречается в большом количестве пословиц, поговорок, фразеологических единиц. Важность данной части тела отражается и в том, что формой олицетворения руки является человек-герой: күз куркак – кул-батыр; күнел куркак – кул-батыр.

Кул (рука) является стереотипом качества выполнения деятельности: кулы *биш*, кулы *кулга* йокмый, кулы килә, кулында ут уйната и др.

Отрицательные коннотации обусловлены следующими единицами: кулында эш *күгәрә*, *кулыннан* берни килми, кулын кушырып утыра и др.

В поле зрения носителя татарского языка попадают и части руки, например, бармак ‘палец’, терсәк ‘локоть’. Бармак репрезентирует нежелание трудиться, ничего неделанье, беспечность, небрежность по отношению к выполняемой работе: бармак *очын* да селкетмәү, бармакка бармак сукмау. Человек, который даже «пальцем не пошевелит», «палец о палец не ударит», подвергается отрицательной оценке.

Локоть репрезентирует старательную работу. Данный образ находит опосредованное, описательное выражение в языке: *жиң сызганып* ‘засучив рукава’.

Как видим, квазиденотативное содержание единиц с лексемой кул определяет ценность труда и человека, трудность работы, уровень мастерства.

Значим для коллективного сознания и квазисимвол аяк ‘нога’, который выражает стереотипные представления о выполнении той или иной работы. Внутренняя форма выражает отрицательную оценку,

поэтому квазистереотип аяк ‘нога’ имеет отрицательные коннотации: аяк өстөннөн генэ эшлэү ‘букв. делать на ходу’, аягы белән эшлэгән ‘букв. ногами сделанный’. Образ *нога* репрезентирует уставшего человека: аяксыз калу ‘букв. остаться без ног’, аяктан егылганчы эшлэү ‘букв. работать пока не свалишься с ног’.

Частями тела, с помощью которых выражаются стереотипные представления о труде, являются арка ‘спина’, бил ‘поясница’. Квазисимволы арка, бил вербализуют представления о физическом напряжении, которым сопровождается выполнением той или иной работы. Отражение данных частей тела квазиденотативным содержанием обусловлено тем, что наибольшая физическая нагрузка при выполнении той или иной работы падает на спину и поясницу. Языковые символы арка, бил отражают представления о чрезмерном труде: арка чылану ‘букв. мочить спину’, арка тиресе каезланганчы эшлэү ‘букв. работать пока кожа спины не обдирется’, бил бөгү ‘букв. гнуть поясницу’, бил бөкрэйгәнче эшлэү ‘букв. работать пока спина совсем не сгорбится’.

Квазистереотип *тире* ‘кожа’ также выражает стандарты непростой работы. Стереотипом чрезмерного напряжения сил являются представления о поте: *тиргә батып эшлэү* в значении ‘работать в поте лица’, недостаточно хорошо работать – это значит работать и не вспотеть. Представления о вознаграждении, плате за труд связаны с потом и лбом: *мангай тирен агызып тапкан*; *тиргә батып эшлэгәч, тәмле итеп ашарсың*. Смысл о напряжённом труде, требующем усилий: *жан тир белән, жан тирләрен чыгарып* и др. Представления о честном труде вербализуются квазисимволом: бөкре, бөкресе чыкканчы эшлэү. Квазисимволы аяк, *теш*, *авыз* вербализуют представления о связи работы и её результата – работаешь–кушаешь. *Аягың ләпелдәп торса, авызың чәпелдәп торыр*; *Эшең каты булса, тешеңә йомшак булыр*.

Представления о лице и волосах являются стереотипом больших усилий: бит белән жир себерү ‘букв. подметать лицом землю’, чәч белән идән юу ‘букв. волосами мыть пол’.

Стандартные представления об интеллектуальном труде вербализуются квазисимволом баш: Кул эшли, баш туйдыра ‘букв. Руки работают, голова кормит’. Баш белән эшлэгәнче, кул белән эшлэү жиңелрәк ‘Легче работать руками, чем головой’. Представлениями о том, что голова является вместилищем ума предопределен выбор данного образа.

Анализ образных концептообразующих лексико-фразеологических единиц позволяет сделать вывод, что при концептуализации труда сознание охватывает человеческие очертания. Здесь выбор частей тела детерминирован их функциональными особенностями. Таким

образом, антропоцентрический подход рассматривает язык с точки зрения участия человека в его познавательной деятельности, где язык является основным орудием и условием познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
2. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. 238 с.
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
4. Сабитова И.И. Татар теленен сүзясалыш сүзлеге: «кеше» тематик төркеменә караган лексика. Казан: ТӘНСИ, 2015. 160 б.
5. Сагдеева Ф.К. Ценность хезмэт (труд) в языковом сознании татар // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Филологические науки: Симферополь. № 3. 2016. С. 429–434.
6. Сагдеева Ф.К. Концепт «хезмэт» (труд) в татарском паремиологическом фонде // Фольклор в системе национальных и общечеловеческих ценностей. Казань, 2014. С. 258–260.
7. Сагдеева Ф.К. Проблемные поля когнитивной лингвистики (на материале татарского языка). Казань: РИЦ «Школа», 2025. 206 с.
8. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
9. Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Наука, 2005. 296 с.

УДК 82-32; 81'37

КОНЦЕПТ СУГЫШ (ВОЙНА) В СЕМАНТИКЕ ТЕКСТА И ЯЗЫКА

Ф.К. Сагдеева, Л.Ш. Галиева
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена исследованию концепта сугыш (война) в семантике текста и языка. Путем сопоставления восприятия концепта сугыш на разных этапах истории литературы, выявляются его основные смысловые составляющие. Определенное место в статье уделено анализу фреймовой структуры военной метафорической модели. Таким способом конструируется так называемое языковое знание. Установлено, что в татарском языке метафора войны обладает сильным прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: татарская литература, татарский язык, концепт сугыш (война).

The article is devoted to the study of the concept of Sugysh (war) in the semantics of text and language. By comparing the perception of the Sugysh concept at different stages of the history of literature, its main semantic components are revealed. A certain place in the article is given to the analysis of the framework structure of a military metaphorical model. In this way, the so-called linguistic knowledge is constructed. It was established that in the Tatar language the metaphor of war has a strong pragmatic potential.

Keywords: Tatar literature, Tatar language, concept war.

Современная гуманитарная наука находится на новом витке своего развития, когда ряд ее дисциплин тесно взаимодействуют друг с другом. Ярким примером тому может служить изучение концепта в языке и исследование доминант, констант или же художественных концептов в литературе. В литературном концепте, в отличие от образа, доминирующим оказывается именно инвариантный смысл, который получает в каждом конкретном случае индивидуально-творческую реализацию [2: 10]. Безусловно, исследуемый концепт *сугыш* (война) – это очень широкое понятие. Следует также отметить, что и для каждого отдельно взятого народа, нации он имеет свои смысловые оттенки. В историю человечества как самое масштабное военное событие XX века вошла Великая Отечественная война, унесшая жизни миллионов людей и которая до сих пор продолжает жить в памяти каждого человека, семью которого коснулась.

Естественно, по истечении времени человечество по-новому начинает осмысливать военные действия, ибо изменяется картина мира каждого поколения. Тем самым возникает необходимость изучения этого явления не только в историческом, но и в лингвистическом, когнитивном плане, чтобы проследить, как меняется смысл этого слова, его значение. Наиболее предпочтительно в данном случае обратиться к художественным произведениям, в которых война освещается разнотипно. В них наиболее широко представлен материал для выявления указанного концепта как фрагмента авторской картины мира, обогащенного определенными концептуальными смыслами. В данном случае анализируются татарские художественные тексты.

Слово *сугыш* не зафиксировано в древнетюркских источниках, т. е. это более позднее образование. Из тюркских языков в значении – «война; битва» данная лексема характерна, как правило, для кыпчакских языков. Ср. тат. *сугыш* [*сугыш*], баш. *һугыш*, ног., каз., к.-калп. *согыс*, кирг., алт. диал. (ойрот.) *согуш*, уйг. диал. *соқуш*. О происхождении лексем у исследователей разногласий нет: имя действия *сугыш* образовано от взаимно-совместного залога глагола *согыш*–//*сугыш*–, кото-

рый, в свою очередь, восходит к общетюркскому *соқ-* «бить, ударить, стукнуть, колотить» [9: 205].

Наличие дериватов лексемы *сугыш* (*сугышу, сугышчы, сугышчан, сугышчанлык*) в татарском языке подтверждает тот факт, что данный концепт является важным для татарской языковой картины мира. Анализ толкований лексемы *сугыш* позволяет выявить основу ее семантики. В «Толковом словаре татарского языка» даются следующие значения слова *сугыш*: 1) Кыйнаш; 2) Дәүләтләр һәм ижтимагый сыйныфлар арасында оештырылган кораллы кыйнаш, көрәш, шул көрәшнең бер бәрелеше; 3) Төрле дәүләтләр, илләр, армияләр һ.б.ш. арасындагы кораллы көрәш; 4) Шул көрәшнең аерым бер бәрелеше [10: 824].

Как показывает анализируемый материал, например, в творчестве поэта-фронтовика Фатиха Карима происходит конкретизация понятия *сугыш* на уровне словосочетаний *Ватан сугышы, туган ил өчен сугыш* в значении «справедливая война в защиту своего отечества, родины». И в этом плане поэт, обладая уникальной языковой способностью, активно использует ассоциативно-семантический потенциал слов для реализации идейно-эстетического замысла [9: 205–206]. Его лирика напрямую отражает суровость военного времени, тяжбы фронта. Смысл войны в стихотворениях выражается по-разному: это война за Отечество, за Родину, которая ассоциируется у поэта с борьбой за мать, дитя, свой род. Война для Ф. Карима – это возможность выразить свою любовь к Родине, патриотизм, силу духа, человеческой воли. Такие же чувства и порывы можно встретить и у великого поэта-героя татарского народа Мусы Джалиля, имя которого известно во всем мире. К тому же, уникальна в своем роде его поэзия плена – так называемый Моабитский цикл. Однако, волею судьбы, этим поэтам не суждено было вернуться на Родину и осмыслить войну «другими глазами». Война же шла не только на полях боях, но и в тылу. Именно эту сторону смысла концепта «война» раскрывают наиболее ярко в татарской литературе более поздние прозаики. Далее остановимся на рассказах современной татарской литературы, ибо, как отмечает литературовед Д.Ф. Загидуллина, жанр рассказа в татарской литературе одним из первых предвещает тематику и проблематику более масштабных прозаических произведений [4: 9].

Война в художественных текстах татарских писателей и поэтов представлена разноаспектно. Это отразилось и на содержании концепта «сугыш», как одном из ключевых компонентов семантической структуры татарских художественных текстов.

К теме войны, ее осмыслению в послевоенные годы писатели начинают обращаться уже в 1950-х гг. На данном этапе прослеживается

желание писателей возвысить подвиг народа, увековечить войну как «священную», а победу ассоциировать с благодатью, которую заслужил «великий советский народ». Позднее, в 60-е годы, тема войны тесно переплетается с так называемой деревенской прозой, когда прозаики ставят целью осмыслить итоги войны, показать ее воздействие на уклад села. Война, в такой трактовке, приобретает несколько оттенков значения. Во-первых, она понимается как особая беда, которая объединяет людей. Здесь мы можем перечислить произведения Р. Тухватуллина, А. Гилязова, А. Баянова, В. Нуруллина, М. Магдеева, А. Еники и других. Если эти авторы еще привносят фронтовые зарисовки в свои тексты, то более поздние авторы представляют войну как бедствие для села. Война уносит жизни мужского населения села, оставляя тем самым на произвол судьбы жизни детей и вдов. Во-вторых, начинает все ярче прослеживаться тенденция раскрытия суровых дней тыловой жизни: голод, разруха, беднота, сиротство, вдовство и т. д. Именно с этими словами ассоциируется война у авторов, которые пережили войну как дети и подростки. В современной татарской литературе к теме вдовства еще в 70-е годы обратился известный прозаик М. Хузин. К сожалению, его произведение из-за запрета рецензента было преподнесено на суд читателя лишь четверть века спустя. Рассказ «Картофельный цветок» как нельзя наглядно рисует картину безысходной жизни овдовевших [12]. И здесь прослеживается смысл последствий войны как толчок к греховности, который воспринимается автором рассказа как неизбежность, суровая трактовка реальности и необратимости таких поступков среди населения. И даже бесконечное осуждение самого себя героем произведения – Рахимбаем – не есть главная суть. Стечение обстоятельств именно таким образом – злой рок войны.

Тема голода и сиротства, как неотделимая составляющая смысловой части концепта «сугыш», ярко представлена в рассказах и повестях современного прозаика татарской литературы Габдуллы Галиева. Следует отметить, что несмотря на то, что все описываемое в его текстах основывается на биографическом материале, так как он пережил войну юношей, писатель обратился к описанию влияния войны на жизни простых людей лишь в 80-е гг. Ряд его прозаических произведений можно выстроить в хронологическую цепочку, которая представит целостную картину жизни тыла поэтапно: «Мы такие же, как они?», «Любовь – Божественный подарок», «Костюм», «Лошади тоже плачут», «Бабушка Джамиля», «Отголосок молодости» и др. [3]. Так, например, тяготы тыловой жизни для подростков очень выразительно представлены в рассказе «Лошади тоже плачут». Столь распростра-

ненный для военного времени сюжет перевозки топлива из одного населенного пункта в другой, позволяет представить те чувства, которые «кипели» на душе подростков Расима и Гали. Здесь автор противопоставляет двух героев по силе духа и выносливости. Таким образом, он проводит параллель между дезертирством на фронте и бегством от труда в тылу. Война для этих подростков тоже испытание на прочность, во имя своих матерей и голодных братьев, сестер. Следует отметить, насколько духовно сильным, мужественным и стойким было поколение военного времени. Народ верил, что только сила духа, вера в победу, приложение максимум усилий во всех направлениях ради блага Отечества поможет победить столь ненавистное происшествие как война. Война закрепилась в сознании этих подростков как зло, бедствие. Однако не противостоять ей, сдаваться перед трудностями считалось крайней точкой позора. Тем самым, концепт «сугыш» здесь воздействовал как предмет воспитания нравственно-эстетических устоев. Реальность жизни сама строила систему ценностей и мировоззрения. Терпение, доброта, любовь к ближнему делали людей сильнее, выносливее. Неотъемлемым чувством произведений Г. Галиева является сожаление, покаяние. Как человека верующего, религиозные мотивы пронизывают его тексты и вносят свой отпечаток на пути понимания военных тягот. О жизни впроголодь повествуется в рассказе Г. Сабитова «Рыба для дитя», где мать отдает последнюю картофелину сыну, а сама тайком съедает кожуру [7]. Это действие матери глубоко запало в память мальчика, военное время для которого представляется периодом голода и нищеты.

Концепт *сугыш* непосредственно связан в произведениях о войне и с понятием сиротства. Это можно проследить на примере произведений Г. Галиева «Раскаяние», «Лошади тоже плачут» и др. Сиротство, вдовство в годы войны превращается в очень распространенное явление. Это, с одной стороны, объединяет людей как общее горе, с другой – устанавливает иерархию полных и неполных семей. Сегодня проблема матерей-одиночек, неполных семей, сиротства раскрывается в произведениях художественной литературы и трактуется в обществе в совсем ином ракурсе. Сиротство и вдовство же послевоенных лет осмысливалось по-другому. Каждый знал, что в этом есть участь войны. Современная татарская писательница из Башкортостана Х. Мударрисова представила в этом плане интересную повесть с захватывающим сюжетом [6]. Советский солдат покидает чужбину, где оставляет девушку-немку со своим ребенком на руках. Да, война не предсказуема. Она оставляет свой след в судьбах многих народов, кто

бы ни был победителем. И, что самое главное, каждый ее оттенок живет в памяти в ней задействованного.

В 1970-е же годы война начинает описываться авторами с точки зрения детей, подростков, где авторы привносят в свой текст и оттенки юмористического. Среди таких произведений особой популярностью пользуются произведения «Мы – дети 41 года» М. Магдеева и «Сафура, Бакир и трактор» Ф. Шафигуллина. Позднее будет написан юмористический рассказ Г. Галиева «Костюм», где также послевоенное время, отголоски войны ощущаются сквозь нищету сельского населения.

Новое осмысление войны, ее воздействия на жизнь народа, нации, страны находим в произведениях современных татарских писателей А. Халима, Р. Зайдуллы, Н. Хасанова, А. Гаффара, Р. Рахман, М. Каримова, Х. Мударрисовой и других. Большинству из них «сугыш» – это историческое событие, донесенное устами старшего поколения, учебниками истории. Безусловно, здесь на осмысление глубинных смыслов войны наносит свою лепту и смена общественно-политического устройства страны. Многие тайны, секретные архивные материалы и поиски дают свой результат. В итоге трактовка военных действий, вклада народа также переосмысливается. Если в советское время дезертирство строго наказывалось, это действие сегодня не является столь предосудительным. Фронтовые действия нельзя рассматривать однозначно, под одним знаменателем. Каждый случай, как и каждый отдельно рассматриваемый смысл концепта, требует тщательного изучения в контексте. Только такой подход может дать эффективные результаты. Обращаясь же к рассказам перечисленных авторов, можно с уверенностью сказать, что здесь преобладает критическое осмысление событий и послевоенного времени. Так, А. Халим в рассказе «Трофейная скатерть» высмеивает идеологическую систему государства [11]. Вдова рассказа, в честь юбилея Победы в войне, получает в дар от правительства скатерть с дырой. Безусловно, это событие взбудоражило сознание матери, вдовы. Она заново переосмысливает тот тяжкий путь, который прошла, чувствует горечь за оскорбление чести погибшего мужа. Это чувство передается и сыну, в сознании которого закрадывается уже не гордость, патриотизм, а ненависть, оскорбление.

Антигуманистическая метафора войны стала широко распространенным способом восприятия, осмысления и оценки современных социальных реалий. В татарском языке метафора войны обладает сильным прагматическим потенциалом. Используемые военные метафоры подчеркивают антагонистический характер отношений в си-

стеме реформирования всей государственной системы, акцентируют конфликтные пути решения проблем, моделируют образ реальной действительности [8: 4].

Рассмотрим фреймовую структуру военной метафорической модели в татарском языке:

– *война (борьба) и ее разновидности*. В татарском языке данная модель реализуется функционированием следующих единиц: *информацион сугыш* (информационная война), *идеологик сугыш* (идеологическая война), *сыйнфый сугыш* (көрәш) (классовая война (борьба), *гражданнар сугышы* (гражданская война), *жирле сугыш* (локальная война), *рухи көрәш* (духовная борьба), *рухи террор* (духовный террор) *коррупция белән көрәшү* (борьба с коррупцией), *коронавирус белән көрәшү* (борьба с коронавирусом), *яңа сугыш* (новая война), *салкын сугыш* (холодная война), *мәнфәгатьләр бәрелеше* (борьба интересов), *күзгә күренмәгән сугыш* (незримый бой) и др.;

– *причины и поводы для войны, борьбы, конфликта*: *сыйнфый каршылык* (классовое противоречие), *террор янавы* (угроза террора) *тышкы һәм эчке каршылыктар* (внешние и внутренние противоречия), *каршылык очрату* (встретить противоречие), *милләтнең, халыкның мәнфәгатен кысу* (ущемлять интересы нации, народа), *житәкче басым ясый* (руководитель оказывает давление), *кулланучыларның хокукларын чикләү* (ограничивать права потребителей), *сайлау иреген чикләү* (ограничивать свободу выбора), *мөмкинлекләрен чикләү* (ограничивать возможности), *иҗады ирекен чикләү* (ограничивать свободу творчества), *үз иреген үзең кысу* (ограничивать (свою) собственную свободу), *милли телләрен кимсетү* (дискриминация национальных языков), *әсәрдәге бәрелеш тормыш конфликтларының табигый бер тармагы гына* (столкновение в произведении – лишь естественная ветвь жизненных конфликтов) и др.;

– *участники, субъекты войны, борьбы, конфликта*: *сугыш эте* (пёс войны), *фашист эте* (фашистская собака), *тере мишень* (живая мишень), *бу сугышның тере шаһиты* (живой свидетель этой войны), *жәң дошманы, кан дошманы* (кровный враг), *тел – минем дошманым* (язык – мой враг), *кешелекнең дошманы – нәфес* (враг человечества – алчность), *конфликтлар кору остасы* (мастер создавать конфликты), *дин сакчысы* (защитник религии), *мәхәббәт сакчысы* (защитник любви), *көндәш як* (соперничающая сторона), *көндәш корпорацияләр* (конкурирующие корпорации), *татар явы* (полчище татар), *үтерүче рәсем* (убийственная картина), *аклар армиясе* (армия белых), *эшсезләр армиясе* (армия безработных), *фанатлар армиясе* (армия фанатов),

республикадагы чиновниклар армиясе (армия республиканских чиновников), *кырмыскалар гаскәре* (войско муравьев) и др.;

– *место военного действия: сугыш театры* (театр войны в значении *территория военных действий*), *сугыш хәрәкәтләре кыры* (поле военных действий), *сугыш кыры* (поле битвы), *сугыш яланы* (поле боя), *мәйдан* (майдан в значении *место сражения* – *сугыш мәйданы*), *сәяси мәйдан* (политическая арена), *көрәш мәйданы* (арена борьбы), *сугыш хәрәкәтләре зонасы* (зона военных действий), *ул сәяси ызгыш мәйданына әйләнергә тиеш түгел* (он не должен становиться ареной политического конфликта) и др.;

– *орудие войны: жәзалаучы кылыч* (карающий меч), *сәяси корал* (политическое оружие), *диннең кылычы* (меч религии), *дөрөслөк кылычы* (меч правды), *салкын сугыш коралы* (оружие холодной войны), *идеология – авыр корал* (идеология – тяжелое оружие), *тел – үткен көрәш коралы* (язык – острое орудие борьбы), *хәйлә – үтемле корал* (хитрость – действенное оружие), *бу мәгърур китап безгә корал һәм калкан булып хезмәт итәчәк* (это великая книга будет служить для нас мечом и щитом) и др.;

– *способы разрешения конфликта: килешүгә бару* (идти на мировую), *уртак тел табу* (найти общий язык), *тату сөйләшү* (поговорить по-дружески, в данном случае ассоциации связаны с приятностью), *югары дәрәжәдәге сөйләшүләр* (букв. переговоры на высоком уровне) и др.;

– *конфликтующие стороны пересматривают свои позиции: юл кую, юл бирү* (в значении *идти на уступки*), *йөз сиксән градуска борылу* (повернуться на сто восемьдесят градусов) и др.;

– *противоборствующие силы не способны преодолеть конфликт: уртак тел тапмау* (не найти общий язык), *тел аерылу* (языки расходятся), *юл бирмәү* (не дать дорогу) и др.;

– *при помощи слова, путем переговоров есть возможность избежать конфликт: сүзне үлчәп сөйләү* (букв. говорить, взвешивая слова), *сөйләшүләр өстәле артына утыру* (сесть за стол переговоров). *Слово* – это вербальный канал в разрешении конфликта, и оно может стать «межэтническим каналом» [5: 84] и др.;

– *склонить врага на свою сторону* – это ремесло: *дошманны дус итү һөнәре* (букв. сделать врага другом – ремесло);

– *при никаких условиях не стоит сдаваться, надо стоять до конца: ятып калганчы атып кал* (прежде чем упасть – выстрели); чтобы одолеть врага надо иметь много друзей: *дусың күп булса, дошман үзе үләр* (если у тебя много друзей, враг сам умрет);

– определенное значение в установлении конструктивных отношений имеет терпение. Ценностная оценка терпения: *сабыр төбе – сары алтын* (терпение – золото), и, наоборот, нетерпение может стать причиной конфликта: *сабыр чылбыры өзелү* (цепь терпения порвалась), *сабыр казаны шартлады* (котелок терпения взорвался) [1: 102] и др.;

– моральная оценка результата разрешения конфликта: *егылганны кыйнамышлар* (лежачего не бьют), *жинучеләрне хөкем итмиләр* (букв. победивших не судят).

– конечный результат войны, борьбы, конфликта – победа: *жину армиясе* (армия победы), *жиңу маршы* (марш победы), *жину таме* (вкус победы), *жиңу байрагы* (знамя победы), *жиңу сәгате сукты* (пробил час победы), *жиңу сәгатен якынайту* (приблизить час победы); шествие в память о победе участников и жертв войны – *үлемсез полк*.

Подведем итоги. На современном этапе развития татарской гуманитарной науки тема «сугыш» («война») не теряет своей актуальности. Следует лишь отметить, что современные авторы осмысливают ее значение, влияние с различных ракурсов, точек зрения. Если более старшее поколение писателей понимает войну как проявление патриотизма, силы духа народа, говорит о значимости Победы, то современное поколение авторов доносит критическое восприятие событий военных лет. Раскрытие концепта «сугыш» на примере художественных текстов напрямую зависит от степени разработанности данного понятия, его осмысления в ряде наук. Важную роль в этом направлении играет языкознание, которое раскрывает этимологию каждого отдельно взятого концепта, его смысловые составляющие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 216.
2. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: моногр. М.: Флинта; Наука, 2010. 256 с.
3. Галиев Г. Йөрәк ярасы: повестьлар, хикәләр, юморескалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 287 б.
4. Заһидуллина Д.Ф. Яңа дулкында. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 256 с.
5. Комлев Н.Г. Контакт и конфликт этнических культур в зеркале языка // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1996. Вып. 1. 281 с.
6. Мөдәррисова Х. Соңгы сер. Баян // Казан утлары. 2011. № 2. Б. 9–34.
7. Сабитов Г. Ай сукмагы: хикәяләр, пьесалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 336 б.
8. Сагдеева Ф.К. Проблемные поля когнитивной лингвистики (на материале татарского языка). Казань: редакционно-издательский центр «Школа». 2025. 206 с.

9. Сагдеева Ф.К., Сафаров Р.Т. Ассоциативно-смысловое содержание концепта «сугыш» (война) в поэтической речи (на материале лирики Ф. Карима) // Казанская наука. 2014. № 10. С. 205–207.

10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Алты томда. 5 т. (С–Т). Казан: ТӘҺСИ, 2019. 908 б.

11. Хәлим А. Кыйбла: Хикәяләр, новеллалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 382 б.

12. Хужин М. Мәхәббәт – һәлакәт?... Казан, 2000. 96 б.

УДК 792.09

ОПЕРА «САНИЯ» КАК ПРИМЕР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ТВОРЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА (к 100-летию создания)

А.Р. Салихова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена первой татарской опере «Сания». Созданная Султаном Габаши, Газизом Альмухамедовым и Василием Виноградовым, она стала ярким примером успешного творческого содружества в создании подлинно национального музыкального произведения. Автор исследует художественные особенности оперы «Сания», подчеркивает ее значение для культурной жизни республики. Тепло принятая общественностью, по ряду причин опера довольно быстро сошла со сцены. Но она оказала значительное влияние на развитие татарского музыкального и театрального искусства. Ее изучение и возвращение в культурный обиход является сегодня актуальной задачей.

Ключевые слова: Султан Габаши, Газиз Альмухамедов, Василий Виноградов, опера «Сания», музыка, композитор.

The article is devoted to the first Tatar opera “Saniya”. Created by Sultan Gabashi, Gaziz Almukhamedov and Vasily Vinogradov, it became a vivid example of successful creative collaboration in the creation of a truly national musical work. The author examines the artistic features of the opera “Saniya”, emphasizes its importance for the cultural life of the republic. Warmly received by the public, for a number of reasons the opera quickly left the stage. But it had a significant impact on the development of Tatar musical and theatrical art. Its study and return to cultural life is an urgent task today.

Keywords: Sultan Gabashi, Gaziz Almukhamedov, Vasily Vinogradov, opera “Saniya”, music, composer.

В этом году исполнилось ровно 100 лет первой татарской опере «Сания», созданной Султаном Габаши, Газизом Альмухаметовым и Василием Виноградовым. Это событие в средствах массовой информации получило довольно скромное освещение. Довольно развернутый материал вышел на страницах «Бизнес онлайн» [1], рассказ об опере и арию Зии в исполнении Усмана Альмеева можно было услышать в передаче «Серьезная музыка с Людмилой Осиповой “Сания”: 100 лет» [12], филиал «Национального музея РТ» – музей Салиха Сайдашева разместил на своих страницах в соцсетях запись подробной лекции Айдара Ахмадиева «Сания. Первая татарская опера» [6]. Незадолго до этого прошел первый фестиваль национальной музыки имени Султана Габаши, где также говорилось об опере «Сания» и звучали музыкальные фрагменты из этого произведения. В этой статье хотелось бы еще раз остановиться на истории создания первой татарской национальной оперы и отдать дань памяти и уважения ее авторам.

Инициатором написания оперы стал башкирский певец, композитор, общественный деятель Газиз Салихович Альмухамедов (1895–1938). Он родился в 1895 году в деревне Моратап Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Младший сын в большой и бедной крестьянской семье с малых лет зарабатывал себе на хлеб. Зимой он, как и все его сверстники учился в медресе, а летом пас общинное стадо. Уже тогда он полюбил народные мелодии и часами наигрывал на курае услышанные им от взрослых древние напевы. К началу двадцатых годов Альмухамедов становится одним из самых популярных исполнителей первого поколения национальных вокалистов. Он подбирал в свой репертуар лишь те произведения, которые заслуженно считались «жемчужинами» татарского и башкирского фольклора: «Гульназира», «Сакмар», «Ак каен», «Зульхижэ» и др. При этом он не стремился их как-то «облагородить» – изменить ритм, слова, мотив. Напротив, он бережно доносил до слушателя древние исполнительские традиции. Вскоре он и сам начал сочинять музыку. Очень популярны в народе были его лирические песни – «Лодки», «Пишу песни», «На берегу Агидели» и другие [9: 172].

Под большим впечатлением от музыкальных комедий Узеира Гаджибекова, с которыми он познакомился во время гастролей в Баку в 1921 году, Газиз буквально загорелся идеей создания национальной оперы. Вернувшись в Ташкент, он находит единомышленников, пишет либретто, подбирает для него народные мелодии и силами студентов педагогического института готовит к постановке спектакль под названием «Сания», премьера которого состоялась весной 1922 году [4: 15].

Представление было тепло встречено публикой, но до настоящей оперы ему, конечно же, было еще далеко. Деятели татарской культуры, жившие тогда в Ташкенте, посоветовали автору обратиться за помощью к Султану Габаши. И осенью 1922 года Газиз Альмухамедов отправляется в Казань на встречу с композитором.

Султан Хасанович Габаши (1891–1941) к тому времени – уже известный композитор, за плечами которого создание популярных песен, романсов, инструментальных произведений, музыкальное оформление масштабного спектакля по пьесе Г. Исхаки «Зулейха» в постановке Г. Кариева (1917 г.). В первой половине двадцатых годов Султан Габаши являлся единственным композитором татарского театра, написавшим около десятка музыкальных комедий и драм, Таких как: «Тагир и Зухра» Ф. Бурнаша, «Буз егет» К. Рахима, «Фатхулла хазрет», Ф. Амирхана. «Юсуф и Зулейха», «Шех Габбас», «Лейла и Меджнун» К. Амири, «Сак-Сок» А. Сагиди и др. Кроме этого, он уже несколько лет преподавал в Восточном музыкальном техникуме, руководил многоголосным хором и, следовательно, хорошо знал всех ведущих исполнителей.

Однако Габаши сперва скептически отнесся к мысли о написании оперы на основе 10–15 мелодий, понимая всю сложность и масштабность задуманного работы. Однако, горячий энтузиазм и убежденность Газиза Альмухамедова в конце концов, победили. В короткий срок авторы разделили «Санию» на действия и написали увертюру. Оперу решили создавать на основе фольклорного материала, с органичным вплетением авторской музыки. На этом этапе большую помощь оказал писатель Фатих Амирхан – признанный мастер художественного слова, обладавший безупречным эстетическим вкусом. В его квартире на Большой Красной проходили многочасовые обсуждения будущей оперы, прослушивались музыкальные и вокальные эпизоды, корректировался текст либретто [8].

Для гармонизации и оркестровки произведения пригласили видного русского композитора Василия Ивановича Виноградова, уже имевшего опыт сочинения симфонических композиций на национальные темы. Как известно, сюжет «Сании» и «Эшче» соприкасается с событиями, происходившими в Татарии и Башкирии. Василий Иванович Виноградов еще в детстве познакомился с мелодиями башкирских песен, благодаря своему соученику по Уфимской гимназии, а в дальнейшем профессору по классу флейты в Саратовской консерватории, Мансуру Султанову. Позднее В. Виноградов, работая в различных городах Приуралья, начал записывать народные песни татар,

башкир и луговых мари. К мелодиям этих народов (например, татар) он обращался и раньше в своих сочинениях (фортепианная фантазия «Сабантуй»), а после приезда в Казань в связи с приглашением на работу в Восточную консерваторию – тем более. Причина приглашения В. Виноградова в это учебное учреждение, а также в коллектив по созданию первой татарской оперы, была одна и та же: знание музыкального фольклора татар и башкир и созданные им произведения, ноты некоторых из них уже были изданы в Москве и Берлине [13: 198].

Как впоследствии писал сам С. Габаши: «Работа велась следующим образом: мы приносили ему черновой вариант, он делал гармонизацию и клавиры для двух роялей. Если это одобрялось, приступал к оркестровке, а потом мы вдвоем обсуждали написанное. Если считали удачным – оставляли в том же виде, если нет – переделывали и давали «добро» на окончательную оркестровку. Виноградову не разрешалось исправлять написанные нами мелодии, только инструментальные фрагменты. Например, в связках между вокальными номерами или местах активного сценического действия он с нашего согласия мог добавлять свою музыку [3: 81].

Характеризуя художественные особенности «Сании», С. Габаши отмечал, что авторы попытались отразить в музыке основной драматургический конфликт противопоставлением «красивых, мелодичных тем» в партиях положительных героев и «пустой, немелодичной музыки» в номерах, принадлежащих отрицательным персонажам [7: 197].

Премьера «Сании» года была приурочена к пятилетию образования ТАССР. Она состоялась 25 июня 1925 и имела большой успех. В создании спектакля участвовали дирижер А. Литвинов, художник П. Сперанский, балетмейстер Ю. Муко, хор и оркестр учащихся Восточного музыкального техникума. Г. Альмухамедов исполнил в опере главную партию, а С. Габаши – характерную роль Старосты. Перед началом премьерного спектакля с приветственным словом выступил Галимжан Ибрагимов.

Создание национальной оперы стало ярким, значительным событием в истории ТАССР, оно рассматривалось как показатель возросшего уровня национальной культуры, вхождения ее в общемировой художественный процесс. Материалы о «Сание» были опубликованы в Берлинском музыкальном еженедельнике (№ 51–52 за 1925 год) и журнале Итальянского восточно-европейского института (30.10.1925). Клавиры оперы и фотографии авторов и исполнителей демонстрировались на международной выставке во Франкфурте на Майне. Опера «Эшче» была показана в Москве на всесоюзной Олимпиаде театров и

искусств народов СССР [11: 128–129]. Вспоминая большой резонанс, который имела постановка 1925 года, журналист Сафа Бурган писал: «Первая опера встретила самый живой отклик не только в татарской и национальной печати, но и в русской. Больше того, она привлекла внимание иностранной печати. В Германии, Италии, Франции и Японии писали об опере “Сания” восторженные отзывы. Немецкий журнал “Jede Woche Musik” поместил ноты и снимки участников оперы “Сания”, итальянский журнал “L’Europa Orientale” поместил длинную статью о татарской музыке и о “Сании” и т. д.» [2].

В местной печати в адрес «Сании» была высказана как похвала, так и критика. Отмечая яркое воплощение в опере характерных особенностей татарской музыки, ее колорита, реалистическое отражение народного быта, удачное решение лирических сцен, критики писали также о недостатках. К ним отнесли слабую выстроенность драматургической канвы, отсутствие цельной законченной формы произведения, неоднородность стиля, неорганичность сочетания мелодики и оркестровой фактуры. Большинство этих недостатков носило объективный характер и было обусловлено историческими причинами. Они не умаляют значения «Сании» как первого произведения в оперном жанре на материале музыки татар и башкир, объединившего также народные певческие и европейские вокальные традиции. Опера «Сания» способствовала консолидации национальных исполнительских кадров, послужила мощным толчком к развитию композиторского творчества в Татарстане. Целый ряд конкретных художественных находок «Сании» нашел свое продолжение в музыкальных драмах и операх татарских композиторов.

Следует отметить, что первые татарские оперы вызвали бурную полемику. Множество самых острых, насущных вопросов всплывало и решалось в процессе практической работы. Сама эта работа над операми, как и горячая полемика, развернувшаяся вокруг них, безусловно, послужила развитию татарского искусства, не только музыкально, но и театрального [10: 94].

В дальнейшем опера «Сания» ставилась в течение пяти сезонов разными режиссерами, с каждым разом в постановку вносились улучшения. Таким образом, накапливался уникальный творческий опыт, вырабатывались методы и приемы работы с таким своеобразным, новым для татар материалом как национальная опера. И, конечно же, было задано определенное направление исполнительскому мастерству. Музыкальность, голосистость, пластичность стали важными, приоритетными качествами для будущих актеров.

Сценическая жизнь первой татарской оперы была достаточно короткой. Тому были веские исторические причины. Опера «Сания» по своему содержанию, поднимаемым проблемам принадлежала еще дореволюционной эпохе. В ней затрагивались вопросы просвещения, гуманного отношения к женщине, социального неравенства. Многие ревнители новой, советской культуры критиковали ее за традиционный сюжет. К тому же, начавшийся диктат пролеткульта и политические репрессии еще более усложнили ситуацию.

Однако память о первой татарской опере еще долго жила в сердцах людей. В конце тридцатых годов XX века власти республики, встревоженные крайне низкой посещаемостью оперного театра, начали переговоры с С. Габаши, проживавшим в то время в Уфе, о возвращении его в республику и новой постановке оперы «Сания» в Казани. По поручению Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухамедова их вел известный композитор А.С. Ключарев. Лишь начавшаяся вскоре война и скоропостижная смерть Султана Габаши 8 января 1942 года не позволили этим планам осуществиться [8].

Интерес к опере возродился в 1990-е годы. Периодически возникають разговоры об ее постановке. Поскольку опера давно уже не звучит, а инерция в общественном сознании очень сильна, то и сегодня мы часто сталкиваемся с предвзятым к ней отношением. Вслед за пролеткультовскими идеологами некоторые деятели культуры позволяют себе категоричные высказывания. Так в недавнем материале «Бизнес онлайн» музыковед Гузель Юнусова, признаваясь, что сама она оперу «Сания» не знает, делает уверенное предположение, что та не может быть хорошей, просто потому что первая. Аналогично высказывается и дирижер Рустем Абязов, тоже не знакомый с оперой [1].

Справедливости ради нужно отметить, что существует и другая точка зрения. Народный артист Татарстана, доцент Казанской государственной консерватории, известный музыкальный и общественный деятель Фарид Шигапов еще в девяностые годы говорил о необходимости постановки оперы «Сания» и ее художественных достоинствах. Он сам планировал осуществить концертный вариант оперы со студентами Казанской консерватории. То есть был хорошо знаком с партитурой.

О необходимости возвращения оперы народу утверждает и директор музея С. Сайдашева Айдар Ахмадиев: «В будущем есть планы представить большой проект-коллаборацию непосредственно к столетию оперы. Это могла бы быть реконструкция той постановки

1925 года или документальный спектакль о спектакле» [5]. Он высказал идею провести вместе с музыкантами редакторскую работу над клавиром оперы и подготовить его издание.

И уже сегодня есть подвижки в этом направлении. Благодаря талантливому музыканту Айдару Ниязову и оркестру национальной музыки под его руководством довольно большие фрагменты оперы Сании звучат в молодежной среде. Они были исполнены на фестивале современной татарской культуры JädidFest, на первом фестивале национальной музыки имени Султана Габяши, на других мероприятиях и всегда встречают очень теплый прием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самигуллина Э., Малиновская Е. «Европейский мир ахнул»: 100 лет первой татарской опере «Сания» // Бизнес онлайн. 28.06.2025. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/676305> (дата обращения: 27.07.2025).
2. Бурган С. О татарской опере // Красная Татария. 1930. 4 апр.
3. Габәши С. Беренче татар операсы «Сания» ничек ызылды? // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Солтан Габәши: материаллар һәм документлар = Духовное наследие: поиски и открытия. Султан Габаши: материалы и документы / төз. һ. жав. мөх-р А.Б.Софийская. Казан: ТӘһСИ, 2021. Б. 80–83.
4. Идрисова М.А. Газиз Альмухаметов и башкирская музыкальная культура // Газиз Альмухаметов. Статьи. Воспоминания. Документы. Уфа: Китап, 2008. С. 8–26.
5. Кашапов Р. Опера «Сания» – первая татарская // Реальное время. 15.10.2023. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/293354-pervaya-tatarskaya-opera-saniya-istoriya-vystavka-muzei-saydashева> (дата обращения: 27.07.2025).
6. Лекция «Сания. Первая татарская опера». Спикер: Айдар Ахмадиев // Салих Сәйдәшев музей | Музей Салиха Сайдашева. 14.08.2025. URL: https://vk.com/saydash_muz?w=wall-220639091_868 (дата обращения: 27.07.2025).
7. Салитова Ф.Ш. Музыкально-театральные произведения Султана Габяши // Султан Габяши. Материалы и исследования. Казань: Фикер, 2000. С. 193–202.
8. Салихов Р.Р. Как рождались первые татарские оперы // Казанские истории. 5.05.2018. URL: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/vspomnim-byloe/17242-kak-rozhdalis-pervye-tatarskie-opery> дата обращения: 27.07.2025).
9. Салихова А.Р. Газиз Әлмөхәммәдов һәм аның милли музыка сәнгате үстерүдәге роле // Фәнни Татарстан. 2020. № 3. С. 170–174.
10. Салихова А.Р. Опера «Сания» и ее роль в развитии татарского театрального искусства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 93–96.
11. Салихова А.Р. Первый татарский композитор Султан Габаши (к 130-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 3. С. 123–133.
12. Серьезная музыка с Людмилой Осиповой «“Сания”: 100 лет» // Смотрим. 20.07.2025. URL: <https://smotrim.ru/audio/2854231> (дата обращения: 27.07.2025).
13. Юнусова Г.Ф. Первая татарская опера (к 80-летию со дня постановки оперы «Сания») // Эхо веков. 2005. № 1. С. 197–201.

СИСТЕМА СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СЛОВЕСНОМ ИСКУССТВЕ

Н. Санарова

*Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули
Академии наук Туркменистана (Ашхабад)*

Художественное мировоззрение оставило свой след в письменной литературе. В классической литературе фразеологизмы «хазан ели», «бады-хазан» означают «осенний ветер». В туркменском календаре «хазан» – холодный период осени. Словосочетание «бады-хазан» символически означает грусть, отчаянный момент, напряженную ситуацию. В художественной литературе понятия зимы и весны используются как художественные выражения для выражения периодов человеческой жизни, молодости и старости. В художественной литературе встречаются фразеологизмы, символизирующие «нейсанский дождь», «нейсанское облако», «кулбейи-ахзан», «бейтул-хузун». Погружаясь в тайны словесности литературных произведений, мы видим, что этот вид искусства обладает своим уникальным языком.

Ключевые слова: Символ, классическая литература, фразеологизмы, осенний ветер, художественные выражения, литературные произведения.

The artistic worldview left its mark on written literature. In classical literature, the phraseological units “khazan eli”, “bady-khazan” mean “autumn wind”. In the Turkmen calendar, “khazan” is the cold period of autumn. The phrase “bady-khazan” symbolically means sadness, a desperate moment, a tense situation. In fiction, the concepts of winter and spring are used as artistic expressions to express periods of human life, youth and old age. In fiction, one can see phraseological units symbolizing “Neysan rain”, “Neysan cloud”, “kulbeyi-akhzan”, “baytul-huzun”. Delving into the secrets of the words of literary works, we see that this type of art has its own unique language.

Keywords: Symbol, classical literature, phraseological units, autumn wind, artistic expressions, literary works.

Произведения народного искусства очень древние и богатые. В произведениях народного искусства можно увидеть широту языкового богатства этого народа. В этих произведениях, опираясь на воспитательную функцию речи, используются разнообразные художественные средства языка и создаются художественные образы, оказывающие глубокое воздействие на сознание человека. Например, через аллегорические образы, нарисованные в сказках о животных,

раскрываются человеческие качества и черты, проводится различие между добром и злом. В этих сказках добрые дела, хороший характер, благородные цели преобладают над злом, дурным поведением и дурными намерениями. В результате народные мудрецы развивали чувство прекрасного и добрые намерения во внутреннем мире людей.

Символ – в литературном и народном искусстве форма образной организации предложения и кругового выражения мысли, в которой слово или предмет используется как постоянный знак другого предмета, понятия [12: 194]. В письменном искусстве можно увидеть множество символических образов. Символические образы активно используются для эффективного выражения идеи.

В классической литературе активно используются фразеологизмы «хазан ели», «бады-хазан». Фразеологизмы «хазан ели», «бады-хазан» означают «осенний ветер». В строке Махтумкули Фраги:

Hazan bady urdy güli, kyldy bagy serbe-ser [6: 48] холодный осенний ветер, иссушающий садовые цветы, используется для символизации человеческой жизни. Это выражение ещё более поясняется в строках мудрого поэта:

Degse bir bady-hazan, soldyr seni gülde eken,
Gülni ýadyňdan çykarma, täki solmasdan burun [3: 524].

В строке поэта Сейди:

Bady-hazan degdi bakjada gülge [13: 225].

словосочетание «бады-хазан» символически передаёт значения грусти, отчаянного момента, напряжённой ситуации. Чтобы полностью прояснить это символическое значение, необходимо изучить национальный календарь.

В туркменском национальном календаре Мизан – это время осеннего равноденствия, то есть 21 сентября. Он длится с 21 сентября по 22 октября. Группа звёзд Мизан на небе напоминает Тризвезды. Они различаются временем восхода и захода. «Мизан» по-арабски означает «Весы». В это время Солнце находится в созвездии Девы и заходит прямо на западе. Все сельскохозяйственные растения созревают и собираются. В некоторые годы из-за проникновения арктических воздушных потоков случаются ранние заморозки. В период Мизана сеют осенний ячмень и пшеницу.

После Мизана наступает Акрап. Этот период длится с 22 октября по 22 ноября. Акрап по-арабски означает «Скарпион». В это время Солнце восходит между созвездием Скарпион. Этот период приносит холод сельскохозяйственным растениям. Хазан означает не звезду,

а холодный ветер, дующий в холодный период осени, то есть в ранние заморозки. «Хазан» означает «осень» в классической литературе. В литературных произведениях это создало художественный символический образ, связанный с народным календарём. В дастане «Талыби и Сахыпджемал» Мырата Талыби, в строках:

Derdimden biler dert çeken,
Hazan urup bergin döken,
Gül degresin alar tiken,
Oýan, bagtym, oýan indi [10: 145].

Слово «хазан» используется в значении осеннего ветра, и здесь падение листьев в холодные осенние месяцы символически сравнивается с событиями жизни. В стихотворении «Йолды-да гитди» поэта Сейди:

Gulak goýsaň, şudur sözün beýany,
Hazan bossan gülün ýoldy-da gitdi.
Dünýäniň hiç kime ýokdur paýany,
Aýrallyk janyňa boldy-da gitdi [13: 96].

В строке «Hazan bossan gülün ýoldy-da gitdi» художественно выражены размышления о мире, жизни и существовании. Здесь поэт объясняет смысл жизни и мироощущения, учитывая временность человеческой жизни. Слово «хазан» художественно выражает смысл уходящего времени. В стихотворении «Гыгырмак билен» поэта Зелили:

Wagtyna ýetmeýin, baglar bar almaz,
Hazan ýeli çalman, gül reňgi solmaz,
Adam häsiýetin adam hiç bilmez,
Köp bile gezişmân, bir görmek bilen [14: 46] –

в строках «хазан ели» – «осенний ветер» приобретает очень художественное выражение в ощущении времени и жизни. Здесь увядание листьев цветов осенним ветром эффектно сравнивается с человеческой жизнью. Такое сравнение обогащает язык поэзии, развивает мышление и в то же время поощряет гуманизм. Это также один из тонких секретов прекрасной поэзии. Эта особенность была в центре внимания поэтов. Они постоянно обращались к художественным выражениям, которые стали типическими образами в их прекрасной поэзии.

В газели Махмыта Гайыби «Элден гидер» есть следующая строфа:

Gaýyby, hakdan dilegim ýetmesin bady-hazan,
Çün hazan wagtynda bilgil gülgüzar elden gider [1: 40]

Здесь, в этой строфе, тоже можно проникнуть в знакомое мировоззрение. Это символическое выражение, раскрывающее глубокие

философские мысли, широко используется в литературных произведениях в целом. Его начало связано с более ранним периодом – средневековой туркменской литературой. В рубаи поэта Мане баба можно встретить выражение «осенний ветер».

Jan bar, dil bar, jana ýagy bil dili!
Sözün az et, titrese jan bilbili!
Bir ajap söz diýmiş senemler şasy:
“Baş – bag ýapragydyr, dil – güýzün ýeli”.

Есть душа, есть язык, знай язык враг души!
Говори меньше, если дрожит душа – соловей!
Царь сенема сказал замечательные слова:
«Голова – садовый лист, язык – осенний ветер» [8: 6].

В этой строфе весь смысл выражен в выражениях «садовый лист» и «осенний ветер». Поэт использует слово «голова» в значении «человек». Он мастерски выражает художественными средствами, что человек страдает от излишних разговоров и ненужных слов. В таких поэтических строках особую роль играют символические выражения. Они заключают в себе суть выражаемой мысли. Осенний ветер, колышущий листья сада, – прекрасные мгновения природы заставляют человека глубоко задуматься. Они позволяют ему поразмыслить о жизни. Выбор творческой личностью природы, природных явлений и их использование в художественных строках создают прекрасный поэтический образ.

В литературе понятия зима и весна используются как художественные выражения для выражения периодов жизни человека: молодость и старость. В строке Махтумкули Фраги:

Ötdi ýazyň, geldi gyşyň
Весна прошла, наступила зима [5: 50] –

слова «весна» и «зима» художественно выражают понятия «молодость» и «старость». Это художественное выражение можно увидеть и в строках мудрого поэта:

Ýigitlik bir göýä, ýaz günnüň pasly,
Bahar senden gider, zaman eglenmez.

Молодость подобна на весну,
Весна покидает тебя, время не остановится [3: 489] –

Весна – начало года в природе. С приходом зимы растительный мир засыпает. Некоторые животные впадают в спячку, и эта особенность также используется в художественной литературе метафори-

чески для описания человеческой жизни в более широком смысле. В стихотворении Кемине «Гояр» это художественное сравнение использовано очень уместно в строках:

Ýigit men diýp, ýaz paslyña guwanma,
Ýazyň alyp, ýaz ornuna gyş goýar.

Не радуйся весне, говоря что ты молод,
Забирает весну и заменяет ее зимой [2: 37] –

Язык стихотворения прост и очень художественен, а использование в этом стихотворении художественных сравнений, метафоры, типичных для классической литературы, является главной особенностью, украшающей стихотворение.

В нескольких произведениях выражения «зима» и «весна» трактуются в значениях печали, страдания и радости. Например, в газале Гайыби «Несаздыр» есть строка, в которой говорится:

Suraty hup, hüýi bet bolsa, hemişe gyş durur,
Ýagşylarnyň halk içinde hüýi-hulky ýazdyr.

Если форма хороша, а характер дурной, то зима всегда будет преобладать:

Характер добрадушных как весна среди людей [1: 38] –

Здесь понятия добра и зла суммируются в выражениях «зима» и «весна».

В символике природных явлений часто встречаются словосочетания «нейсан ягышы» – «дождь нейсан», «эбри-нейсан» – «облако нейсан». В строках Зелили:

Ebri-neýsan dek ýaşymny misli baran eýledi,
Degdi bir bady-hazan, ömrümni weýran eýledi.

Как эбри-нейсан, сделал мои слеза похожим на бурю,
Обернулся градом, разрушил мою жизнь [14: 102] –

облако нейсан используется в художественном смысле как символ печали. Нейсан – седьмой месяц греческого календаря. Пятый месяц сирийского календаря – апрель [4]. Обычно в этом месяце идёт много дождей. Эта особенность природы используется в литературных произведениях для создания характерного художественного сравнения.

В литературе, особенно классической, можно встретить символические словосочетания. К ним относятся словосочетания «кулбейи-ахзан», «бейтул-хузун». Словосочетание «бейтул-хузун» в строке Махтумкули Фраги:

Göýä ki beýtul-huzun men, şat gelen gamnäk ola.
Будто я бейтул-хузун, те, кто придут с радостью, будут грустными»
[4: 23] –

обозначает значение «дом печали и скорби». В стихотворении «Эй гардаш» поэта Зелили:

Yşk ýolunda mydam özümi çaglap,
Muhapbet potasyn bilime baglap,
Külbeýi-ahzanda ýatyr men aglap,
Bilmesin diýp, hiç kim ýagşy-ýamany [14: 78.] –

«кулбейи-ахзан» – «дом печали и скорби» представлено как художественное выражение. Эта фраза стала стандартным выражением в литературных произведениях, поскольку трудно определить, какой поэт ее создал, что служит художественным приемом. Главной особенностью является активное использование этой фразы во всех литературных произведениях. Поэтому эти художественные выражения можно найти в произведениях всех поэтов. Махмуд Гайыби в своей мухаммесе «Дидейи-гирянымыза» говорит:

Neýledim, hasrat ile ot saladyr derdi-pyrak,
Pelegiň döwri bizi saldy wysalyndan yrak,
Hem köňül oldy zagyp, galmady hiç tende ýarak,
Akybet beýtil-hazan boldy bize çünki durak,
Üzüler janymyz ol Ýusuby-Kenganymyza [1: 168] –

и он облекает выражение «бейтил-хазан» в поэтические строки. В искусстве речи эти словообразования можно считать символическими выражениями. Углубляясь в тайны слов литературных произведений, мы можем определить, что у этого искусства есть свой собственный язык. В этом художественном языке несколько типичных выражений, говорящих на одном языке, живут веками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gaýyby. Saýlanan eserler. Aşgabat: Türkmenistan, 1965.
2. Kemine. Saýlanan eserler. Aşgabat: TDN, 1959.
3. Magtymguly. Saýlanan goşgular. Aşgabat: Türkmenistan, 1977.
4. Magtymguly. Şygrylar. I tom. Aşgabat, 1992.
5. Magtymguly. Şygrylar. II tom. Aşgabat, 1994.
6. Magtymguly. Şygrylar. III tom. Aşgabat, 1996.
7. Meredow A. Magtymgulyň düşündirişli sözlügi. Gonbed Kabus, 1997.
8. Mäne baba. Rubagylar. Aşgabat: Ylym, 2012.
9. Myraly hem Soltansöýün. Dessan. Aşgabat: Ensiklopediýa, 1992.
10. Myrat Talyby. Saýlanan eserler. Aşgabat: TSSR Ylymlar akademiýasynyň neşirýaty, 1963.

11. Rejebow R. Edebiýata degişli terminleriň sözlügi. Aşgabat, 1966.
12. Rejebow R. Liriki mazmun we şygyr sungaty. Aşgabat: Ýlym, 1968.
13. Seydi. Saýlanan eserler. Aşgabat: Türkmenistan, 1976.
14. Zelili. Saýlanan eserler. Aşgabat: Türkmenistan, 1982.

УДК 81'373.612

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОРНИТОНИМА ӘТӘЧ 'ПЕТУХ'

Э.И. Сафина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье проводится анализ символических значений орнитонима *әтәч* 'петух', закрепленных в татарских паремиях, фразеологизмах и устойчивых выражениях народной речи. Выявляется три типа коннотаций: положительные, отрицательные и нейтральные.

Положительный символический ряд представляет петуха как воплощение храбрости, ума и смелости, а также активности и бдительности – благодаря способности громким и мелодичным пением приветствовать новый день и будить хозяев. Нейтральный символический пласт описывает объективные признаки и качества, присущие этой птице.

Отрицательные коннотации через сравнение и гиперболизацию поведения петуха высмеивают хвастливых, задиристых и вспыльчивых людей. Данный анализ раскрывает систему национально-культурных ценностей, демонстрируя, что татарская языковая картина мира возводит в идеал такие качества, как сдержанность, скромность и терпение.

Ключевые слова: орнитоним, петух, символ, образ, паремия, фразеология, татарский язык.

The article analyzes the symbolic meanings of the ornithonym «attach» 'rooster', as fixed in Tatar paroemias, phraseological units, and stable expressions of folk speech. Three types of connotations are identified: positive, negative, and neutral. The positive symbolic register represents the rooster as the embodiment of bravery, intelligence, and courage, as well as activity and vigilance – thanks to its ability to greet the new day with loud and melodious singing and wake up its owners. The neutral symbolic layer describes the objective characteristics and qualities inherent in this bird. Negative connotations, through comparison and hyperbolization of rooster behavior, make fun of boastful, bullying, and short-tempered people. This analysis reveals the system of national and cultural values, demonstrating that the Tatar linguistic picture of the world idealizes such qualities as restraint, modesty, and patience.

Keywords: ornithonym, rooster, symbol, image, parody, phraseology, Tatar language.

ЭТӘЧ ОРНИТОНИМЫНЫҢ СИМВОЛИК МӘГЪНӘЛӘРЕ

Э.И. Сафина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

Лексик мәгънә белдерү белән бер үк вакытта, сүз мәдәни компонентны да үз эченә ала. Ул сүзнең лексик мәгънәсе кысаларына кереп бетмәгән, шул ук вакытта аны тулыландырып килә торган мәгълүматларны берләштерә [9: 61]. Шунлыктан, халыкның яшәү рәвеше, күзаллаулары, милли үзенчәлекләре турында мәгълүмат бирә торган тел берәмлекләрен мәдәни һәм этнолингвистик аспектта өйрәнүгә соңгы елларда аеруча зур игътибар бирелә башлады. Алар арасында кош атамалары белән бәйлә фәнни хезмәтләр дә бик күп. Мисал өчен, орнитоним компонентлы паремияләрдәге образлы мәгънәләр Н.Д. Пименова, Л.Р. Сакаева, К.А. Сәхибуллина, Н.А. Курашкина, Ю.С. Бубекова һ. б. тарафыннан өйрәнелә. Орнитонимнарның күчерелмә мәгънәләре, алар белән бәйлә чагыштырулар, метафоралар М.В. Дюзенли, М.А. Комарова, Т.Н. Десова, М. Лиши һ. б. хезмәтләрендә яктыртыла. Йорт кошларын белдергән атамалар һәм аларның төрле мәгънәләрдәге кулланылышына багышланган аерым тикшеренүләр дә аз түгел. Мисал өчен, *этәч* кошын белдерә торган орнитоним һәм аның образлы мәгънәләре рус телендә 1973 елда ук өйрәнелә башлаган [15; 16]. Бүгенге көндәге хезмәтләрдән В.А. Виноградова [1], П.А. Жарков [2], Л. Ма [5] тикшеренүләре кызыклы мәгълүматларга бай.

Татар телендә орнитологик образлар күпмедер дәрәжәдә анализланган булса да [6; 7; 8], *этәч*нең символик мәгънәләре жентекләп өйрәнелмәгән иде әле. Мәкаләдә *этәч* орнитонимы кергән фразеологик әйтелмәләр, мәкаль-әйтемнәр, образлы гыйбарәләр һәм атаманың халык телендә кулланыла торган күчерелмә мәгънәләренә игътибар юнәлтелә, аларның этәчләргә хас нинди сыйфатларны, билгеләрне күз уңында тотып ясалулары тикшерелә.

Этәч – иң танылган һәм бар кешегә дә яхшы таныш булган йорт кошы. Бердән, авыл жирлегендә һәр йортта диярлек, горур атлап, этәч хужа булып йөри, икенчедән, иртәләрен тирә-күршеләргә кадәр ишетелә торган тавышлары этәчләрнең булуын гел искәртеп, ишеттереп, белдереп тора.

Орнитонимның аңлатмалы сүзлектәге төп мәгънәсе: «Тавыклар семьялыгыннан булган, ураксыман каурый койрыклы, зур кызыл кикриккә, аякларында шпорлары булган, ата женестәге йорт кошы» [10: 355]. Атаманың кулланылышы торган саен кинәя барган. Аеруча актив күчерелмә мәгънәләре: 1) сәбәпсезгә кинәт кызып китүчән кеше; юкка-барга да кызып китеп сугышырга гына торган кеше; 2) мактан-

чык, бэйләнчек, тәкәббер кеше. Исем мәгънәсеннән тыш, атаманың «мактанчык, шапырынучан, тәкәббер» дигәнне аңлата торган сыйфат мәгънәсе, «гажәпләнү, шаккату, аптырап калуны» белдерә торган ым-лык мәгънәсе дә бар [шунда ук].

Сүзлектә сөйләм телендә «кемнәндер холкындагы юктан кызып китүчәнлек, үтә гайрәт күрсәтергә, юк кына эштән дә мактанырга яратучанлык; тәкәбберлек сыйфаты» дигән мәгънәдә куллана торган *әтәчлек* сүзгә дә теркәлгән [10: 356]. Бу этәч орнитонимыннан яңа сүzlәр ясалыны, аның мәгънәсә тагын да киңәюне күрсәтә. Шундый сүzlәрнең тагын берсе – *әтәчләнү* фигыле. Сугышырга, талашырга, бэйләнәргә сәбәп эзләгән, кирәксезгә әрепләшкән, нигезсез бэйләнгән һәм урынсыз кәпрәйгән, һаваланган кешеләргә карата әйтелә торган әлегә фигыльнең *әтәчләнә* *башлау*, *әтәчләнә* *бару*, *әтәчләнә* *бирү*, *әтәчләнә* *төшү*, *әтәчләнә* *алу*, *әтәчләнә* *йөрү*, *әтәчләнә* *карау*, *әтәчләнә* *китү*, *әтәчләнә* *тору* кебек тизмә формалары да бар [10: 355–356]. Әдәби әсәрләрдә *әтәчләнә* *йөрү*, *әтәчләнә* *башлау* вариантлары аеруча еш кулланыла. Мисал өчен: *Ә Ханәфи, эш эшлесе урында әтәчләнә* *йөрә*, *яшь башыннан менә шушылай картаеп калды* (В. Нуруллин). Фигыль *әтәчләнә* *маташу*, *әтәчләнә* *тотыну*, *әтәчләнә* *булу* кебек вариантларда да очрый. Аерым авторлар, *әтәчләнү* фигылен шуңа якын мәгънәдәгә фигыльләр белән кулланып, геройларының холык-фигыленә, эш-хәрәкәтләренә тагын да төгәллек кертәләр. Мисал өчен, *очыну-әтәчләнү*, *әтәчләнү-кукраю* дигәндә, беренче мисалдагы «*әтәчләнү*»нең импульсивлык, эмоциональлек, кызу канлылык белән, икенчесендәгенең горурлык, мин-минлек, борын күтәрәп йөрү белән бәйлә булуы контексттан гына түгел, фигыльләрдән ук аңлашыла.

Әтәчләнә *кычкыру*, *әтәчләнә* *ябышу* тизмә фигыльләре дә *әтәч* образы һәм аңа хас сыйфатлар аша кешенең эш-хәрәкәтләрен бик ачык итеп күз алдына китереп бастыра. *Әтәчләнә-әтәчләнә* рәвешендәгә сызыкча аша язылып *әтәчләнү*нең мәгънәсен тагын да көчәйтеп жибәрә: *Шәриф аның саен, әтәчләнә-әтәчләнә, алла нинди тузга язмаган нәрсәләр турында сиптерүен белә* (И. Диндаров).

Әдәби әсәрләрдә сүзлекләрдә теркәлмәгән *әтәчләнә* *дерү* варианты да очрый. Мәсәлән: --- *кәрә дә безне үрти, этлеккә өйрәтә, котырта, әтәчләнә* *дерә* (К. Кәримов).

Символик мәгънәләргә, образлылыкка бай *әтәч* атамасы халык авыз ижатында аеруча еш кулланыла. Этәч белән бәйлә мәкаль-әйтем, фразеологик берәмлекләр, тотрыклы сүзтезмәләр арасында уңай, нейтраль һәм тискәре коннотациядәгеләре очрый.

Уңай төсмерлеләре этәчнәң таң вакыты, иртәнге вакыт белән ассоциацияләнүе һәм яңа көн хәбәрчәсе булып торуына бәйле. Болар: *этәч(ләр) белән тору* (бик иртә, иртә таңнан, таң белән тору), *этәч(ләр) кычкырганчы* (таң атканчы, яктырганчы). Гомумән, этәч кычкыруның халык өчен практик әһәмияте бик зур булган. Элек, әле сәгәтьләр юк чакта, вакытны этәчләр кычкыруынан чыгып билгеләгәннәр: вакытны белү өчен, этәчләр кычкыруын көтеп ала торган булганнар, этәч кычкырса, сөенгәннәр. Бу хактагы мәгълүмат «Диалектологик сүзлек»тә дә теркәлеп калган: *элекке сәгәтләр йүг ийе, этәч кычкырганны аңдып¹ тырадырыйың*. – бөрә [12: 46].

Татарлар этәчләрне хөрмәт итә, ярата, кадерли. *Тавык белән ят, этәч белән тор* дигәндә этәчләрнең иртә торулары кешеләр өчен үрнәк итеп куела. *Кечкенә булсаң да, этәч бул; Кырык ел тавык булганнан бер көн этәч булганың артык* дигән мәкальләр этәчләргә булган уңай мөнәсәбәтне, хөрмәтне бик яхшы чагылдыра. *Булыр этәч йомырка эчендә ук кычкырыр* дип тә юкка гына әйтми бит татар халкы. Биредә этәчләрнең нәкъ менә шул үзенчәлекле тавышлары, көр тавыш белән кычкыруларының халык өчен аеруча мөһим икәнлегә ассызыклана.

Шул ук вакытта, этәч кычкыруына бәйле мондый мәкальләр дә бар: *Алдан кычкырган этәчнәң башы ярыла; Иртә кычкырган этәчнәң башы авыртыр; Вакытсыз кычкырган этәчне суеп ашыйлар; Куразга «кычкыр» дип әмер бирмиләр; Карт этәч кычкыручан була; Соң кычкырган этәчнәң тавышы ягымсыз. Тавык кытаклый дип, этәч тә кытаклаган; Этәч кычкырса: «Хатыным күп, түшәгем юк», – дияр, имеш; Этәч булып җитмәгән, читәнгә менеп: «Кикрикүк!»). Димәк, һәр нәрсә үз вакытында булса гына яхшы: иртәрәк яки соңрак кычкырган этәч тә татар халкында уңай бәяләнми.*

Этәч кычкыруы бик күп чагыштырулар өчен нигез булган. Зурдан кубып, күпертеп сөйләү, артык шау-шу тудыру турында *этәч кычкырту* диләр. *Этәч җшибәрү* дип сөйләгәндә яки жырлаганда, тавыш өзәлү яисә урынсыз һәм сәер янгыраган нечкә тавышлар чыгару турында әйтәләр [14: 395]. Әлеге фразеологизм «ут төртү, яндыру»ны белдерү өчен дә кулланыла. Бу очракта кызыллы, сарылы этәчләр һәм аларның ялкын телләренә охшаш койрыклары чагыштыру өчен нигез итеп алынган. Татар телендә *кызыл этәч* «янгын» мәгънәсендә кулланыла, *кызыл этәч җшибәрү* – «яшертен рәвештә ут төртү, яндыру» [11: 658].

Нейтраль мәгънәдәге паремияләрнең күбесе этәчләрнең тышкы кыяфәтләре, үзенчәлекле билгеләре, тору урыннары, үз-үзләрен тотыш-

¹ Аңдау – минз., эчк. сагалау, саклап-күзәтеп тору.

лары яки холыкларына хас сыйфатларына кагыла. Мәсәлән: *Этәчнең күрке – кикреге дә койрыгы; Этәч чүплек башын бакчага алыштырмас; Этәч – үз чүплегендә патша; Һәр этәч үз кетәгендә патша; Этәч үлгән, күзе чүплектә калган; Үз чүплегендә этәч тә батыр; Ике этәч сугышканда тавыклары кытаклар; Сугышчан этәч беркайчан да симез булмый*. Мисаллардан күренгәнчә, аларда кошларның игътибарны жәлеп итә торган үзенчәлекле билгеләре (кикрик, койрык) һәм сугышчан холыклары искә алына. Шул ук вакытта, «патша» булса да, этәчнең «үз чүплегендә», «үз кетәгендә» генә патша булуына да басым ясый халык.

Нейтраль коннотацияле фразеологик әйтемнәр: *этәч тә тук, чебеш тә тук* (ике як та файда күрү), *этәче уянса, җңилләнен алсын* (нәрсәне булса да башкаруны максат итеп куйса, әйдә, тырышып карасын). Берәр кешенең бәхетле, мул тормышына яшәвенә сокланып яки көнләшеп әйтелә торган (*бәхетленең*) *этәче дә күкәй сала; этәче дә йомырка сала; этәче дә кубыз уйный* (эше алга китү, бәхете ачылу, мул тормышта яшәү) кебек мисалларны да әлеге төркемдә карарга мөмкин. Фразеологик әйтемнәр үзләре нейтраль төсмерле булсалар да, биредә *этәч* – уңай коннотациядә. Шул ук вакытта, ничек әйтелүләренә карап, әлеге фразеологик берәмлекләр төрле төсмерле була ала. Сокланып, гажәпләнеп әйтелсә – уңай төсмер, көнләшеп, яратмыйча әйтелсә тискәре төсмер ала. Билгеле инде, бу күпмедер дәрәжәдә *этәч* образына, аның коннотациясенә дә йогынты ясый.

Тискәре коннотациядәге паремияләр этәчнең тавыклар арасында баш булып йөрүен, үз-үзен тотышын күздә тотып ясалган. Горурлык, мактанчыклык, мин-минлек кебек сыйфатларга ия кешеләргә карата әйтелә торган берәмлекләр арасында *этәч* белән чагыштыру нәтижәсендә барлыкка килгәннәре шактый. Мисал өчен, *этәч баш* (баш булырга яраткан яки шуңа омтылган кеше), *этәч булу* (житәкчелек вазифасын башкару, кемнәргәдер баш булу), *этәч Фәһри* (мактанырга яратучы), *этәчләну* (мактану) һ. б. *Этәч булып кычкыра* һәм *кесәсендә ун тиен акча булса этәч булып кычкыра* фразеологик берәмлекләре кулына аз-маз акча килеп керсә, шунда ук аны кирәкмәгән әйберләргә тотып бетерергә эзер торган кешегә карата әйтелә. *Этәч булып кычкыру* берәмлеге «бернинди дә дәрәжәсе булмаган кешенең, югарырак урынга менгәч, үзен әллә кем дип уйлый башлавына ишарә» дигән мәгънәдә дә теркәлгән [14: 395]. «*Йомыркадан чыкканчы этәч булган*» дип шулай ук әллә кем булган тәкәббер, масаючан кешеләргә карата әйтәләр.

Татар телендә этәчләргә хас холык-фигыльне белдерү өчен *калай этәч* дигән фразеологизм да кулланыла. «Татар теленен аңлатмалы

сүзлегенде *калай этәч* ике мәгънәдә бирелә. Беренчесе «һәрвакыт вак нәрсәләр өчен дә бәйләнергә, сугышырга ярата торган кеше», икенчесе – «мактанчык, бушкуык, юкка мактанып йөри торган кеше». Әлеге берәмлектән *калай этәчләнү* фигылә ясалган. Мәгънәләре: 1) Юкка бәйләнәп, сугышып китү; 2) Урынсыз мактану, артык шапырыну [11: 66–67]. *Теге вакытта үз авылың янында бик калай этәчләнгән идең* (М. Мәһдиев). *Торган саен ныграк калай этәчләнәм* (Р. Рахман) һ. б.

Этәчләргә хас сыйфатлар *этәч булып куну*, *этәч шикелле сикереп куну* (ябырылу, ташлану, сүз әйтергә дә бирмәү) кебек фразеологик берәмлекләрдә дә ачык чагыла. Алар ярдәмендә халык әлеге сыйфатларның начар, урынсыз, килешсез булуын житкерә, нәтижәдә, *этәч* орнитонимы тискәре коннотация ала. Берәрсен, юри мактаган булып, көлкеле хәлгә калдыру мәгънәсендәгә *этәч итү* фразеологик берәмлегендә дә тискәре коннотация – этәчләрне кимсетү төсмере бар. Чагыштыру өчен, рус телендә *этәч* характеристикасындагы төп семантик вариант шулай ук кызу холыклы, агрессив, сугышырга ярата торган ир-ат белән бәйле [16: 67].

«Татар теленен фразеологизмнар сүзлегендәгә *этәч* белән чагыштыру нигезендә барлыкка килгән берәмлекләрдә дә шул ук мактанчык, тәкәббер, артык горур, мин-минләнәп йөрергә яраткан кешеләрдән көлү ярылып ята. Мисал өчен, *этәч кебек кураеп йөрү* (күкрәген киереп йөрү), *этәч кукраюы* (булдыра алмаса да булдырган кеше кебек кылану), *этәч куразы* (тәкәббер, һавалы кеше; этәчнен этәче, мактанчык), *этәч синең хәрфе жәрәңне каян белсен?* (наданлыктан көлеп әйтелә), *этәч тә кук* (күк), *мин дә кук* (күк) (*мыск.* кешенен этәч кебек кукраеп, үзен генә беләп, мактанып йөрүе турында), *этәчкә (дә) салам бирмәү* (үзен югары тоту, кешеләрне танымау), *этәчләнәп йөрү* (күкрәк киерү, мактану), *этәчләнәргә тотыну* (үзенен кемлеген күрсәтә, мактана башлау) [14: 396–397]. Әлеге символик образлар ярдәмендә халык артык мактанып, шапырынып, масаеп, әллә кем булып йөрүнен тискәре сыйфат икәннен ассызыктарга, андый булма-ска кирәклеген житкерергә теләгән. Билгеле инде, бу чагыштырулар кешеләрне, татар халкына хас булганча, тыйнак, тотнаклы, басынкы, тәрбияле, эхлаклы итеп күрергә теләүдән барлыкка килгән.

Этәч орнитонимының символик мәгънәләрен белдергән төрле коннотацияле лексик берәмлекләрне анализлау күрсәткәнчә, паремияләр нигезендә этәчләрнен: тавышы, төсе, тышкы кыяфәте, яшәү урыны, үз-үзен тотышы, холык-фигылә ята. Моннан тыш, *этәч* компоненты кергән тотрыклы сүзтезмәләр, фразеологизмнар, мәкаль-әйтемнәр «вакыт», «зурылык», «күләм» һ. б. белдерә.

Вақыт төшенчәсен белдерә торган берәмлекләр арасында этәч белән бәйле вақытның уңай яки нейтраль генә түгел, тискәре төсмерлеләре дә шактый. Мисал өчен, гомер турында сүз барганда, «кыска гомер, бик аз яшәү»не яки «аз вақытта гына булу»ны күздә тотып әйтелә торган *этәч гомере*, «тормышка ашмаячак, булмастай нәрсә»не аңлата торган *этәч азан әйткәндә* һ. б. шундыйлардан. *Ни бугазга, ни хуразга* дию дә «беркемгә дә юк; файдасы юк» дияргә теләгәндә кулланыла.

Этәчләрнең тиресе (бигрәк тә яшь этәчләрнең) тавыкларныкына караганда юкарак икәнлеген күз уңында тотып әйтелгән *этәч тиресе*, *этәч тиресе кебек* (бик юка һәм чыдамсыз тукума), зурлык төшенчәсен белдерә торган *этәч какрыгы* (бик аз, кечкенә генә) һ. б. да этәчләр белән чагыштыруларның күптөрле икәнлеген дәлилли.

Мисаллардан күренгәнчә, этәчләр турындагы паремияләрдә, *этәч* сүзенең синонимы буларак, *кураз* (*хураз*) атамасы еш очрый. Фарсы теленнән кергән әлеге алынма татар теленең кайбер диалектларында әдәби телдәге *этәч* урынына кулланыла. Мисал өчен: брб.д., том. д. *қорос*; себ., эстр. *қурас*; твр. *қурыс*; эчк., эстр. *қураз* [12: 416, 428].

Шулай итеп, татар теле материаллары этәч белән бәйле символик образларның бай булуын күрсәтә. Мәкаль-әйтемнәр, фразеологик әйтелмәләр, телдә актив кулланыла торган күчерелмә мәгънәләр һәм *этәч* орнитонимыннан ясалган сүзләр әлеге кошның халык тормышында зур урын тотуы, әһәмиятле булуы турында мәгълүмат бирә.

Символик образлар этәчләрнең иртә торуы, иртән хужаларын уята торган көр тавышы, тышкы билгеләре (төсе, койрыгы, кикриге), үзүзен тотышы (сугышчан холкы, горур басып хужаларча, батырларча йөрүе) һ. б. сыйфатлар нигезендә барлыкка килгән. Паремияләр, бер яктан, татар халкының этәчләргә уңай мөнәсәбәтен күрсәтә, икенче яктан, тискәре коннотациядәге берәмлекләр аша, этәчләр кебек масаючан, мактанчык, кызу канлы булуның бик үк яхшы түгеллеген искәртә.

ӨДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Виноградова В.А. Сопоставительный анализ образа петуха в китайских и русских устойчивых фразеологических оборотах // Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования: сб. тез. IV Междунар. науч.-практ. конф. памяти канд. пед. наук, доц.а Н.А. Качалова, Томск, 15–17 ноября 2023 года. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2023. С. 57–60.

2. Жарков П. А. Орнитонимы «петух» и «курица» в русском и китайском языках // European scientific conference: сб. науч. тр. по материалам XLV междунар. науч. конф., Анапа, 29 января 2022 года. Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2022. С. 18–23.

3. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда / фән. ред. В.Х. Хаков. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 1. 495 б.
4. Катенда Нето С., Рустамова М.А., Аксенова Е.Д. Специфика функционирования зоонимов в русской культуре (на примере образа петуха) // Молодежь, наука, медицина: материалы 65-й Всерос. межвузовской студенческой науч. конф. с междунар. участием, Тверь, 17–18 апреля 2019 года. Тверь: ГБОУ высшего профессионального образования Тверская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2019. С. 443–446.
5. Ма Л. Орнитологические символы «петух» и «курица» в русской лингвокультуре // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 4. С. 52–54.
6. Сафина Э.И. Названия и образы птиц в паремиях татарского языка // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 3. С. 102–103.
7. Сафина Э.И. Татар фразеологиясендә орнитологик образлар // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: Материалы I Междунар. науч. конф., Казань, 12–15 апреля 2017 года. Казань: Ак Буре, 2017. Б. 433–435.
8. Сафина Э.И. Лингвокультурологическая интерпретация фразеологизмов с семантой «домашние птицы» в татарском языке // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. ст. к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков, Санкт-Петербург, 21 июня 2019 года. СПб.: Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2019. С. 234–240.
9. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. I. 352 б.
10. Татар теленең адлатмалы сүзлеге: I т.: А–В / Р.Р. Абдуллина, А.М. Сәгыйтова, Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, О.Н. Галимова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Ф. Фәтхетдинова, Ф.И. Таһирова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.М. Газизова. Казан: ТӘҺСИ, 2015. 712 б.
11. Татар теленең адлатмалы сүзлеге: III т.: К / И.И. Сабитова, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Ф.Ф. Гаффарова, Э.И. Сафина, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина, Р.Т. Сәфәров, Ф.И. Таһирова. Казан, ТӘҺСИ, 2017. 744 б.
12. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казань: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.
13. Татар халык мәкальләре: өч томда / төз.: Н. Исәнбәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. Т. 1. 914 б.
14. Хәкимжанов Ф.С. Татар теленең фразеологизмнар сүзлеге: тотрыклы сүз-тезмәләр һәм тагъбирләр: өч томда. I т. (А–Б). Казан, 2022. 672 б.
15. Черемисина М.И., Захарова А.В. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 69–73.
16. Черемисина М.И., Соппа Н.С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55–69.

ВИДНЫЙ ЯЗЫКОВЕД
(к 95-летию со дня рождения Ф.А. Ганиева)

Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Ф.И. Тагирова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Фуат Ашрафович Ганиев (01.08.30–28.02.2016) всю жизнь проработал в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, полностью посвятив себя науке. Его научное наследие представляет собой значительное количество трудов в области татарского языкознания. 1 августа 2025 года исполняется 95 лет со дня рождения Ф.А. Ганиева. В данной статье дается краткий обзор научных трудов ученого в области морфологии, лексикологии и лексикографии татарского языка, отмечается их значение для татарской лингвистики, также подчеркивается многогранность деятельности Ф.А. Ганиева как ученого и общественного деятеля.

Ключевые слова: Фуат Ашрафович Ганиев, татарский язык, языкознание, словообразование, грамматика, лексикография, словарь.

Fuat Ashrafovich Ganiev (01.08.30–28.02.2016) spent his entire life working at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art, devoting himself entirely to science. His scientific legacy includes a significant number of works in the field of Tatar linguistics. On August 1, 2025, the scientist will celebrate his 95th birthday. This article provides a brief overview of the scientist's scientific works in the fields of morphology, lexicology, and lexicography of the Tatar language, highlighting their significance for Tatar linguistics. The article also emphasizes the multifaceted nature of F.A. Ganiev's work as a scholar and public figure.

Keywords: Fuat Ashrafovich Ganiev, Tatar language, linguistics, word formation, grammar, lexicography, dictionary.

КҮРЕНЕКЛЕ ТЕЛ ГАЛИМЕ
(Фуат Ганиевның тууына 95 ел тулу уаеннан)

Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Ф.И. Тагирова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘһСИ (Казан)

Күренекле тел галиме, филология фәннәре докторы, профессор, Татарстан Фәннәр академиясенең мөхбир әгъзасы, Россия Гуманитар фәннәр академиясе академигы, Татарстан Республикасы һәм Россия Федерациясенең атказанган фән эшлеклесе, Татарстан Республикасының «Фән һәм техника өлкәсендә Дәүләт премиясе» лауреаты, Кол Гали исемендәге Халыкара премия лауреаты Ганиев Фуат Әшрәф улының тууына 95 ел тула.

Фуат Әшрәф улы Ганиев 1930 елның 1 августында Башкортстан-ның Салават районы Нәсибаш авылында дөньяга килә. 1949 елда Казан дәүләт университетының татар теле һәм әдәбияты бүлегенә укырга керә һәм 1954 елда югары уку йортын кызыл диплом белән тәмамлый. Туган ягына кайтып, башта укытучы, аннары мәктәп директоры булып эшли. Соңрак Казанга килә, Татарстан китап нәшриятында мөхәррир вазифасын башкара. 1959 елны СССР Фәннәр академиясе Казан филиалының Тел, әдәбият һәм тарих институтына аспирантурага керә, танылган галим Латыф Жәләйжитәкчеләргә татар филологияләрен тикшерүгә багышланган кандидатлык диссертациясе яза. 1963 елда якланган фәнни хезмәткә жәмәгатьчелек тарафыннан югары бәяләнә. Фуат Ганиевның рус телендәге вид категориясе мәгънәләренәң төрки телләрдә чикле һәм чиксез филологияләргә заман формалары белән белдерелүе турындагы фикере татар тел белеме һәм гомумән тюркология өчен яңалык була. Ул ярдәмчә филологияләргәң вид категориясенә бернинди дә мөнәсәбәткә юк икәнлеген, аларның эшенәң үтәлү рәвешен белдерә торган лексик-грамматик категорияләр генә булуын исбат итә. Шулай итеп, беренчә фәнни хезмәтләргә үк аның житди галим булуын күрсәтә.

Фуат Ганиев 1977 елда яклаган «Татар телендә кушымчалау юлы белән сүз ясалы» исемле докторлык диссертациясендә исем, сыйфат, филология, рәвеш ясаы торган 300 дән артык кушымчаны тикшерә, һәр ясагыч кушымчаның үзәнчәлеген, хәзергә татар телендә продуктив булу-булмавын ачып бирә. Гомумән, сүзъясалыш өлкәсендә күпеллык эзләнүләргә «Видовая характеристика глаголов татарского языка» (1963), «Фонетическое словообразование в татарском языке» (1973), «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке» (1974), «Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке» (1976) монографияләргә һәм күпсанлы фәнни мәкаләләргәңдә чагылыш таба.

Фуат Әшрәф улы Ганиев татар тел белемен әһәмияткә хезмәтләргә белән баета. Аның «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985) дигән монографияләргә лингвистика өчен зур яңалык булды [15: 89]. Әлегә хезмәтләргәңдә галим телебездә сүз ясаы торган саф сүзъясагыч кушымчалардан тыш, нигезгә ялганып, һәм грамматик, һәм лексик мәгънә белдерә ала торган күп функцияле кушымчалар булуын дәлилли, омоним кушымчаларны аеру критерийларын билгели. Башка төрки телләргә тикшерүгә галимнәр дә Ф. Ганиев хезмәтләргәң таяна, ачышларын югары бәяләп, аны «татар телендә сүзъясалышы фәннәң нигез салучы» дип атыллар.

Ф.Ә. Ганиевның гыйльми эшчәнлеге гаять күпкырлы. Ул грамматика, сүзьясалышы, орфография, рус һәм татар телләренең чагыштырма грамматикасы өлкәләрендә, татар теленең төрле типтагы сүзлекләрен төзү һ. б. юнәлешләрдә актив эшли. Галим төрки телләренең морфологик табигате синтетик кына түгел, аналитик төзелешле дә булуын күрсәтә. Татар телендә аналитик килешләр мәсьәләсен, төрки телләрдә хэл фигыльләрнең, ярдәмче фигыльләр белән килеп, лексик берәмлек ясауларын һ. б. күтәреп чыга, тезмә фигыльләрнең яңа мәгънә төсмерләренә ия булуы, аларны куллануның әһәмияте һәм үзенчәлекләре турында кыю фикерләр әйтә. Ф. Ганиевның фигыльләр ясалышын, фигыль ясагыч кушымчалар һәм алар кушылган нигезләрнең үзенчәлекләрен тасвирлауга багышланган «Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке» (1976) хезмәте, бай фактик материалга нигезләнеп, төрки телләрдә кушма сүзләр ясауда бер түгел, ә өч ысул (сүзләр кушылу, сүзтезмәләр лексикалашу, сүзтезмәләрнең кушымча алып яңа сүзгә күчүе) булуы исбат ителгән «Образование сложных слов в татарском языке» (1982) дигән күләмле монографияләре дә фәнгә зур яңалык алып килде. «Конверсия в татарском языке» (1985) дигән хезмәте белән галим төрки телләрдә беренчеләрдән булып, сүзьясалышы өлкәсендә яңа ысулга игътибарны юнәлтә, бер сүз төркеменең икенче сүз төркеменә күчә алу мөмкинлеген ачып бирә. Аның төрки тел белемендә киң танылган саллы хезмәтләре бүгенгә көндә дә фәндә актив кулланыла.

Фуат Әшраф улы Ганиев аспирантура тәмамлаган елларыннан алып гомеренең соңгы көннәренә кадәр Татарстан Фәннәр академиясе Галимҗан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында эшли. Башта ул фәнни хезмәткәр вазифасын башкара, соңрак лексикология һәм лексикография бүлеген җитәкли. Ул җитәкчелек иткән елларда Институтта сүзлекләр төзү юнәлешендә зур эшләр алып барыла. Өч томлы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»н төзүдә катнашкан тәҗрибәле сүзлекче буларак, галим төрле типтагы сүзлекләр төзү, аларны редакцияләү эшен башкара. Мәсәлән, «Татарча-русча сүзлек» (1988, 1995, 1998, 2002, 2004), «Русча-татарча сүзлек» (1984, 1985, 1991, 1996, 1997, 1998, 2000, 2001), «Татарча-төрөкчә сүзлек» һәм «Төрөкчә-татарча сүзлек»ләр (1997, 1998), «Татарча-русча уку-укыту сүзлеге» (1992, 1993, 2000), «Татар теленең орфография сүзлеге» (2002), «Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге» (2013) һ. б. аның катнашында эшлэнгән. 2005 елда басылып чыккан бер томлы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» дә Ф.Ә. Ганиев җитәкчелегендә һәм катнашында төзелә [14: 85].

Ф.Ә. Ганиев татар теленен функциональ мөмкинлекләре киңәюен һәм гамәли кулланышы активлашуын дәрәҗәләп, тармак терминологиясен үстерү кирәклеген аңлай һәм, шуның бер юлы буларак, кече күләмле тәрҗемәле ярдәмлекләр, терминологик сүзлекләр төзүне алга сөрә. Нәтиҗәдә аның житәкчелегендә фән, хужалык, сәнәгать һәм мәдәниятнең төрле тармакларында эшләүчеләр өчен егермедән артык шундый сүзлек басылып чыга.

Фуат Ганиевның 2009, 2012 елларда ике томлы «Тезмә фиғыльләренң аңлатмалы сүзлегә» дөнья күрдә [13]. Әлегә хезмәт төрки лексикографиядә тезмә фиғыльләренң беренче сүзлегә санала. Ул галимнең күп еллар дәвамында татар телендә сүзясалышын, фиғыльләренә өйрәнүненң сүзлек форматында бирелгән бер нәтиҗәсә булып тора.

Фуат Әшрафович Ганиев язган инструкция нигезендә һәм аның житәкчелегендә төзелә башлап, галимнең вафатыннан соң басылып чыккан алты томлы «Татар теленң аңлатмалы сүзлегә» Татарстанда һәм гомумән төрки дөньяда югары бәя алды.

Житди фәнни эшчәнлек алып баруы белән бер үк вакытта, Ф.Ә. Ганиев Казан дәүләт университетында, Казан педагогика университетында һәм башка вузларда гомуми һәм махсус курслар алып бара, татар теле грамматикасы, сүзясалышы, лексикологиясе, орфографиясе, гомуми тел белеме, төрки тел белеменә кереш һ. б. курслар буенча лекцияләр укый. Күп еллар дәвамында Казан дәүләт университетында һәм Алабуга педагогика институтында дәүләт имтиханнары кабул итү, аттестацияләү комиссиясе рәисе була.

Фуат Әшраф улы – жәмәгать эшлеклесе буларак та билгеле шәхес. Телебезнең байлыгын, матурлыгын, төрлеләгән ачып бирү, дәлилләү өчен бөтен тырышлыгын куйган галимнең Татарстанда телләр сәясәтен тормышка ашырудагы, татар теленң статусын күтәрүдәгә хезмәтләре дә игътибарга лаек. Ул телебезне саклауга, аны укыту, тикшерү һәм үстерүгә зур өлеш кертте, «Татарстан Республикасы халыклары телләре турында»гы законны эзерләүдә, татар телен саклауга юнәлтелгән программалар эзерләү буенча махсус төркемнәр эшендә актив катнашты [19: 149].

Татар грамматикасы, лексикологиясе һәм лексикографиясе тарихында тирән эз калдырган тел белгече, тормышын төрки-татар тел белеме проблемаларын өйрәнүгә багышлаган һәм Татарстанда гына түгел, чит төбәкләрдә дә танылган югары квалификацияле белгечләр эзерләүгә һәм гыйльми эшчәнлекне оештыруга күп көч куйган олпат галим житәкчелегендә 35 кандидатлык һәм бер докторлык диссертациясе якланды.

Танылган тел галиме, педагог, жәмәгать эшлеклесе Ганиев Фуат Әшраф улының тел белемен үстерүдә лаеклы өлеше бар. Ул үзеннән соң зур фәнни мирас калдырды: 300 дән артык фәнни мәкалә, 13 монография һәм күпсанлы сүзлекләр [14: 85]. Галимнең хезмәтләре, алардагы фәнни табышлар киләчәк буын галимнәре өчен нигез булып тора.

Фуат Әшраф улы – яшь галимнәргә юл күрсәтеп, юнәлеш биреп, аларны фәнгә кертеп җибәрәп, үз фәнни мәктәбен булдыра алган сирәк галимнәрнең берсе. Бүгенге көндә Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының элек үзе җитәкләгән лексикография бүлгә сүзлекчеләрнең барысының да диярлек остазы – Фуат Ганиев. Алар да, башка фәнни оешмаларда эшләүче шәкертләре дә, галимнең татар телен саклау һәм үстерү өлкәсендәге эшен дәвам итә.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. 180 с.
2. Ганиев Ф.А. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 40 с.
3. Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. 232 с.
4. Ганиев Ф.А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 108 с.
5. Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 152 с.
6. Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 112 с.
7. Ганиев Ф.А., Гаффарова Ф.Ф. Русско-татарский словарь: 11000 слов / ред. Ф.А. Ганиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. 212 с.
8. Ганиев Ф.А., Сабитова И.И. Татар теленең орфография сүзлегә. Казан: Раннур, 2002. 431 б.
9. Ганиев Ф.А. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Тандим, 2009. 262 с.
10. Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби телендә сүзясалышы. Казан: Матбугат йорты, 2005. 272 б.
11. Ганиев Ф.Ә. Русско-татарский словарь. Казань: Раннур, 2009. 630 с.
12. Ганиев Ф.Ә. Русско-татарский словарь. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 240 с.
13. Ганиев Ф.Ә. Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлегә: ике кисәк-тә. Беренче кисәк (А–К). Казан: Мәгариф, 2009; икенче кисәк (Л–Я). Казан: Паравитта, 2012.
14. Ганиев Фуат Ашрафович: биобиблиография. Казань: ИЯЛИ, 2015. 88 с.
15. Миннуллин Ф. Большой вклад в тюркскую лексикографию // Российская тюркология, 2013. С. 89–94.
16. Поварисов С.Ш. Сүздән гәүһәр эзләүче академик Фуат Ганиев // Сүз сәнгать илаһияте. Уфа: БДУ нәшр., 2011. Б. 219–223.

17. Русско-татарский словарь / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 803 с.
18. Саттаров Г. Фидакарь телче – галим // Ватаным Татарстан. 2000. 13 окт.
19. Safina E.I. The scientist who raised Tatar Lexicography to a new level (90th birth anniversary of Fuat Ganiev) // Tatarica. 2020. No. 2 (15). P. 141–149.
20. Татарско-русский словарь: ок. 25000 слов / сост.: И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев, Р.А. Юналеева; ред. Ф.А. Ганиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 462 с.
21. Татарско-русский учебный словарь: ок. 25000 слов / сост.: Ф.А. Ганиев, И.А. Абдуллин, Р.Г. Гатауллина, Ф.Ю. Юсупов; ред. Ф.А. Ганиев. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. 416 с.
22. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә / төз.: М.Г. Мөхәмәдиев, И.А. Абдуллин, М.Б. Хайруллин, С.Б. Вахитова, Ф.М. Газизова, Р.Г. Әхмәтьянов, Ф.А. Ганиев, Г.Г. Саберова, Д.Б. Рамазанова, Р.К. Рәхимова, Ә.Х. Алеева, Л.Г. Габдрахманова, Р.Р. Абдуллина, Л.Р. Мортазина, Ф.И. Таһирова, Ф.Ф. Гаффарова; баш. ред. Ф.Ә. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
23. Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлегә. Казан: Татар кит. нәшр., 2013. 510 б.
24. Тимерханов А.Ә. Уздырып кара син остазыңны // Мәдәни жомга. 2010. № 30.
25. Türkçe-tatarça sözlük / Rifkat Ehmetyanov, Rafael Möhemmetdinov, Fenüze Nurieva, Fuat Ganiev; aktaran Mustafa Öner. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2014. 358 s.

УДК 821.512.145

ТАТАРОВЕДЕНИЕ В ВОСТОКОВЕДЧЕСКОМ ПОЛЕ: ПУБЛИКАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ 1920-х ГОДОВ

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН (Москва)

Статья посвящена анализу публикаций по татароведению, размещённых в отдельных центральных востоковедческих изданиях 1920-х годов. Особое внимание уделено материалам, подготовленным видными представителями отечественного востоковедения В. Гордлевским, А. Самойловичем, И. Крачковским. В центре их внимания – переводы с татарского языка, издание трудов татарских авторов, а также формирование научного интереса к татарской литературе и культуре в контексте тюркологии.

Ключевые слова: татароведение, востоковедение, тюркология, журнал «Восток», В. Гордлевский, А.Самойлович.

This article examines publications related to Tatar studies that appeared in several major Orientalist journals of the 1920s. Special attention is given

to the works of prominent Russian Orientalists such as V. Gordlevsky, A. Samoylovich, and I. Kratchkovsky. Their focus was on translations from the Tatar language, the publication of works by Tatar authors, and the development of scholarly interest in Tatar literature and culture within the broader context of Turkological research.

Keywords: Tatar studies, Oriental studies, Turkology, journal *Vostok*, V. Gordlevsky, A. Samoylovich.

До середины 1920-х годов татароведение ещё органично входило в рамки востоковедческого дискурса, оставаясь частью широкой исследовательской парадигмы, ориентированной на изучение народов российского Востока в контексте их историко-культурной эволюции. Татарская тематика была заметна в центральных востоковедческих изданиях, таких как *Восток*, *Новый Восток*, *Печать и революция*, где её освещали авторитетные учёные И.Ю. Крачковский, А. Самойлович и В.А. Гордлевский. В публикациях этого периода татары фигурировали как один из этносов, оказавшихся в центре сложных процессов культурного смещения и трансляции тюрко-исламской традиции. Для востоковедов, наследовавших установкам позднеимперской научной школы, было характерно представление о том, что поощрение культурной и языковой самобытности национальных меньшинств не подрывает государственное единство, а, напротив, служит средством их включения в структуру российского многонационального пространства. При этом важно также отметить, что именно в России начала XX века, в отличие от других колониальных империй, представители «восточных» и «южных» окраин, в том числе татары, играли активную роль в производстве востоковедческого знания. Так, в трудах отечественных востоковедов просветительская деятельность Каюма Насыри получала высокую оценку и рассматривалась как значимый вклад в развитие мусульманской культуры Поволжья [9]. Особенно важно, что татароведение в этот период начинает оформляться как самостоятельная научная дисциплина со своими институтами, кадрами и печатным органом. Символом институционализации этой дисциплины стало основание в Казани в 1925 году «Вестника Научного общества татароведения», специализированного издания, в котором публиковались исследования по татарской истории, языку, литературе, фольклору и социальным процессам. Журнал стал важной площадкой для обмена мнениями между учёными, а также инструментом формализации научного языка татароведения и выработки собственных категориальных аппаратов.

Среди центральных академических и литературных изданий значительную активность проявлял Восточный отдел издательства

«Всемирная литература», ставший важным центром публикаций по востоковедческой тематике. С 1919 года им был инициирован выпуск сборников статей «Литература Востока». Впоследствии, в 1922 году, под его эгидой в Петрограде начал выходить журнал «Восток. Журнал литературы, науки и искусства». В состав редакционной коллегии входили ведущие востоковеды, сотрудники Азиатского музея и члены редколлегии Восточного отдела: В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Тихонов. Издававшийся с 1922 по 1925 год, журнал «Восток» стал символом краткого периода относительной научной свободы, когда отечественное востоковедение ещё сохраняло филологическую глубину и культурно-историческую широту.

Прежде чем перейти к анализу публикаций, посвящённых татарской тематике, отметим, что тюркологическое направление не занимало центрального места среди материалов рассматриваемых изданий. Одной из причин этого, вероятно, стало кадровое истощение отечественной тюркологии, наблюдавшееся уже к 1920-м годам. Об этом с особой тревогой писал А.Н. Самойлович в некрологе «Памяти Н.Ф. Катанова», опубликованном в первом выпуске журнала «Восток» (1922), отмечая как культурные, так и демографические причины кризиса: «Росту семьи русских тюркологов препятствовали и препятствуют не только общие культурные условия России, но и неисповедимый рок...». За короткий период, пишет автор, начиная с 1915 года, отечественная тюркология понесла тяжёлые утраты: ушли из жизни ученики П.М. Мелиоранского – Писарев и Бравин; ученик В.А. Гордлевского – Заварин; сотрудник Э.К. Пекарского по составлению якутского словаря студент Никифоров; исследователь обычного права якутов Виташевский; автор работ по балкарской тематике Караулов; собиратель этнографических материалов по таранчинцам и киргизам Пантусов; знатоки языка и быта сартов – супруги Наливкины; исследователь сартского кукольного театра Комаров; составитель османско-русского словаря Цветков; полиглоты академики В.А. Залеман и Н.С. Корш; исследователь мишарских татар и чувашей Е.А. Малов; собиратель древне-кыргызских древностей Адрианов; фольклорист и путешественник Потанин; исследователь музыки тюркских народов Рыбаков; сагайский тюрколог Майнагашев, а также основоположник российской тюркологии академик В.В. Радлов [6]. Последней утратой, заключает А. Самойлович, стала кончина казанского профессора Н.Ф. Катанова – «старейшего из учеников и сотрудников Радлова». Таким образом, к началу 1920-х годов отечественная тюркология оказалась в состоянии заметного кризиса, что, в свою очередь,

отразилось и на присутствии тюркологических сюжетов в актуальной научной и издательской повестке.

В первом выпуске сборника статей «Литература Востока» (1919) А. Самойлович дал довольно обширный обзор литературам «турецких народов», в том числе казанских (по его выражению, «поволжских») татар [8]. По мнению автора, виднейшими «пионерами самостоятельной поволжско-татарской литературы» следует считать деятелей середины XIX века – выдающегося богослова и просветителя Шигабутдина Марджани, а также популяризатора европейских знаний, реформатора образования Каюма Насыри. Их деятельность положила начало формированию новой культурной парадигмы, в которой литературное творчество стало инструментом просветительства, направленным на преодоление религиозного фанатизма и невежества. На раннем этапе беллетристика – повести, романы, драматургия – служила преимущественно средством распространения культурных и образовательных идей, выполняя, по сути, публицистическую функцию. Среди заметных литературных фигур конца XIX – начала XX века автором выделяются Риза Фахретдинов, который впоследствии утвердился как видный историк, публицист и биограф, Фатих Карими, развивавший жанры публицистики и научной журналистики, а также Гаяз Исхаки, ставший ключевой фигурой в становлении современного литературного языка. Последний, как указывает А. Самойлович, не только внёс значительный вклад в развитие реалистической прозы, но и создал «собственную школу реалистов-народников», ориентированную на тесную связь с народной речью, жизнью и проблематикой. Развитие татарской прозы в начале XX века характеризуется «постепенным совершенствованием художественной формы и углублением идейного содержания». Это особенно заметно в произведениях таких авторов, как Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов и других, в чьих текстах наблюдается переход от дидактичности к психологической тонкости и социальной многоплановости. Поэтическое творчество этого периода представлено целым рядом оригинальных голосов, среди которых особо выделяется Сагит Рамеев – «грустный мечтатель», выразитель личных переживаний и индивидуалистической лирики. Помимо него, в статье упоминаются фигуры Габдуллы Тукая и Маджита Гафури, сыгравших важнейшую роль в формировании национальной поэтической традиции и объединении поэтического слова с народным духом.

1923 году в журнале «Печать и революция» была опубликована специальная статья о татарской литературе, автором которой выступила Вера Ключева, впоследствии ставшая известной поэтессой

и переводчицей. В отличие от А.Н. Самойловича, анализировавшего татарские тексты в оригинале, В. Ключева опиралась преимущественно на их переводы на русский язык. Данная статья представляет собой одно из первых обобщающих высказываний на русском языке о татарской литературе, основанных на переводах конкретных произведений. В центре её внимания – тексты, уже появившиеся в переводе, а также те, что готовились к публикации. В. Ключева подчёркивает, что стремление к знакомству с татарской литературой через переводы возникло лишь недавно, и среди первых изданий называет поэму Габдуллы Тукая «Өзелгән өмид» («Разбитые надежды») в переводе П. Радимова, литературную обработку сказок «Козёл и баран» и «Шурале», романтическую поэму З. Иффет «Звезда Венера» в собственном переводе, а также драму Ф. Бурнашева «Тагир и Зухра», над которой также работала она сама [4: 222]. На уровне интерпретации В. Ключева не просто перечисляет имена, но даёт краткую оценку поэтики. Так, фигура Тукая, по её словам, «равносильна у нас имени Пушкина»: он создал литературный татарский язык, освободив его от влияния чагатайской и османской традиций, и завоевал популярность благодаря глубине своего содержания. Автор замечает в татарской литературе два основных направления: романтическое и «бытовое реалистическое», представителей последнего она видит в прозе Г. Исхаки и Г. Ибрагимова. Параллельно с художественными текстами, как она сообщает, в Казани готовились к печати и сборники, посвящённые татарскому народному творчеству, а также творчеству других народов Поволжья – чувашей, удмуртов и мари. При всём признании «примитивности» татарской литературы с точки зрения зрелости художественной формы, В. Ключева подчёркивает её самостоятельную ценность и потенциал: она «может внести свои сокровища в мировую литературу».

О тех переводах произведений татарской литературы, о которых писала В. Ключева, и не только, сообщалось и на страницах журнала «Восток», в частности, они становились предметом рецензий таких востоковедов, как В. Гордлевский и А. Самойлович [1; 2; 3; 7]. Помимо этих публикаций, востоковеды из Москвы и Петербурга регулярно обращались к теме татарской литературы: писали о выходе сборника статей о Каюме Насыри, рецензировали книги Г. Ибрагимова [2], Дж. Валиди [7], обсуждали переводы стихов Ш. Бабица [10] и других авторов. А. Самойлович в своей рецензии на книгу Дж. Валиди отмечал, что, повторяя и тем самым подтверждая в основном сведения своих европейских предшественников (Ашмарина, Катанова, Вамбери, Вильямса), автор одновременно вводит и новые данные. Книга, написанная в попу-

лярной и увлекательной форме, изданная изящно и в целом аккуратно, представляет собой, по словам Самойловича, безусловно позитивный вклад в популярную востоковедческую литературу. В то же время он критически оценил первую главу «Турки и татары», сочтя её наименее удачной из-за искажённого представления как о составе тюркоязычных народов, так и об их численности, которая, по мнению рецензента, сильно завышена под влиянием доминирующих среди турецких националистов представлений (около 70 миллионов) [7].

В сообщении И. Ю. Крачковского «Собрание татарской драматической литературы» [5] содержится важная информация о работе его ученицы Муршиды Бикжановой (1900–1974), занимавшейся в то время составлением описи печатных и рукописных татарских пьес, хранящихся в библиотеке бывшего Александринского театра. Это собрание, насчитывающее несколько сотен единиц, как пишет автор, представляет собой исключительный интерес как для истории татарского драматического творчества, так и для изучения практик цензуры восточных изданий в России. Библиотека получала по экземпляру каждого драматического произведения, поступавшего в цензурный комитет, в печатном или рукописном виде. Многие из этих пьес так и не были опубликованы, и потому собрание предоставляет исследователям уникальный, нигде более не сохранившийся материал [5].

В третьем выпуске журнала «Восток» сообщается о том, что книга академика В.В. Бартольда «Культура мусульманства» вышла в Казани в переводе на татарский язык, «исполненном Джамалом Валидовым, небезызвестным деятелем татарского просвещения, автором недавно появившегося на русском языке «Очерка истории образованности и литературы волжских татар» (с. 168).

Приведённые в данной статье материалы, безусловно, не охватывают всего круга востоковедческих исследований 1920-х годов, в которых так или иначе затрагивались вопросы, относящиеся к татароведению. Тем не менее они позволяют наметить важные тенденции: вовлечённость татарской тематики в академический дискурс, интерес ведущих востоковедов к переводам, изданиям и научным инициативам, связанным с татарской культурой и литературой. Существует необходимость в продолжении поиска и анализа подобных публикаций. К тому же к концу 1920-х – началу 1930-х годов наблюдается ошутимое сужение этого поля: в условиях усиливающегося идеологического давления татароведение утрачивает общероссийскую научную перспективу и в значительной степени концентрируется в Казани, оказываясь в рамках регионального академического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордлевский В. [Рец.:] Абдулла Тукаев. Узюльган Умид; Коза и баран...; Захида Иффат. Зора Юлдуз // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга пятая. М.; Пб.: Всемирная литература, 1925. С. 268.
2. Гордлевский Вл. [Рец.:] Г. Ибрагимов. «Из истории движения татарских студентов» // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М.; Пб.: Всемирная литература, 1923. С. 180–181.
3. Гордлевский Вл. [Рец.:] Сборник «Памяти Насырова» // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М.; Пб.: Всемирная литература, 1923. С. 179–180.
4. Ключева В. О татарской литературе // Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Книга первая. М.: Госиздат, 1923. С. 221–223.
5. И.Кр[ачковский]. Собрание татарской драматической литературы // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М.; Пб.: Всемирная литература, 1923. С. 168.
6. Самойлович А. Памяти Н.Ф. Катанова // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Петроград, 1922. С. 104.
7. Самойлович А. [Рец.:] Д. Валидов. Татарская литература. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Выпуск 1-й. Гос. изд-во Москва-Петроград, 1923. 160 с. // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга четвертая. М.; Пб.: Всемирная литература, 1924. С. 183–184.
8. Самойлович А. Литература турецких народов // Литература Востока. Сборник статей. Выпуск первый. Пб.: Всемирная литература, 1919. С. 34–49.
9. Сибгатуллина А.Т. Деятельность Каюма Насыри в оценке советских востоковедов // Материалы междунар. науч. форума «Просветительство и межкультурный диалог: наследие Каюма Насыри в контексте современных исследований», посвящ. 200-летию со дня рождения Каюма Насыри. Казань, 19–20 июня 2025 г. Казань: ИЯЛИ, 2025. С. 213–217.
10. Шейх-Заде Бабич. Стихотворения / пер. Н. Дмитриева // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга пятая. М.; Пб.: Всемирная литература, 1925. С. 127–129.

УДК 82(=512.145):070(=470.57)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1921 ГОДУ В СТЕННОЙ ГАЗЕТЕ «КРАСНАЯ ВЕСТЬ»

Л.М. Тимерова

*Камский научный центр Института татарской энциклопедии
и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ (Казань)*

В данной статье рассматривается стенная газета «Кызыл хәбәр» («Красная весть»), которая издавалась в 1921 г. в Казани. Дается краткий обзор стенной газеты, также акцентируется внимание структуре

редкого печатного издания на татарском языке (арабский шрифт), кроме того, автор делает литературный анализ тексту «Шайтан килде».

Ключевые слова: Татарская республика, стенная газета, газета «Кызыл хәбәр», 1920-е годы, литературные тексты.

This article examines the wall newspaper “Kyzyl haber” (“Red News»), which was published in 1921 in Kazan. A brief overview of the wall newspaper is given, and attention is also focused on the structure of a rare printed publication in the Tatar language (Arabic script), in addition, the author makes a literary analysis of the text “Shaitan Kilde”.

Keywords: Tatar Republic, wall newspaper, newspaper “Kyzyl khabar”, 1920s, literary texts.

«КЫЗЫЛ ХӘБӘР» СТЕНА ГАЗЕТАСЫНДА 1921 ЕЛДА БАСЫЛГАН ӘДӘБИ ӘСЭРЛӘР

Л.М. Тимерова

ТР ФА М. Хәсәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институтының Кама фәнни үзәге (Казан)

XX гасырның 20 нче елларында татар вакытлы матбугаты үзгәреш алып, үзгә бер рух белән дөнья күрә башлый. Ул елларда Татарстанда татар телендә бик күп газета-журналлар нәшер ителгән. Шул матбугат чараларында төрле әдәби әсәрләр – шигырьләр, хикәяләр, нәсерләр, фельетоннар, мәсәлләр һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре басылган. Чорның актуаль мәсьәләләрен үзәккә алган, киң кырлы темаларны яктырткан шундый әдәби мирасны барлау, туплау, аларга төпле анализ ясау бик мөһим. 1920 еллар башында нәшер ителгән газета-журналлар гарәп шрифтында булуы белән дә үзенчәлекле.

20 нче елларда газета һәм журналлар чыгуда эзерлекле кадрлар булмау, кәгазь һәм күп кенә башка материаллар житмәү кебек байтак проблемалар булган. Андый проблемалар матбугатның системалы рәвештә чыгып килүендә кыенлыklar тудырган.

1920 елларда акча һәм кадрларның чикле булуы сәбәпле, газеталар кыска вакытлы булып, даими чыгып тормаган, кайберләре юбилейлар һәм сәяси кампанияләр уңаенан бер мәртәбә генә чыгарылганнар [2: 17].

Менә шул кәгазь, материаллар, кадрларга булган кытлык стена газеталары барлыкка килүгә йогынты ясый. Р. Нуруллина фикеренчә, стена газеталары чыгару – рабселькор хәрәкәтен үстерү максаты белән оештырылган чараларның берсе була. Кайбер урыннарда алар массаларның гомуми ижади күтәрелеше нәтижәсендә барлыкка килгән [4: 120]. Стена газеталары эшче халыкны оештыру, тәртипкә кертү,

дисциплина булдыру максатыннан тыш, билгеле бер идеяне житкерү өчен дә хезмэт иткән.

Үз чиратында стена газеталары күп тиражлы газеталар – министр-лыклар, ижтимагый оешмалар, предприятие, уку йортлары басмалары барлыкка килү өчен нигез булып торган [1: 17].

ХХнче йөзнең 20 нче елларында Казанда чыккан газеталар арасында «кызыл» сүзе кергәннәре шактый, мәсәлән: «Кызыл әләм», «Кызыл Армия», «Кызыл армеец», «Кызыл сабанчы», «Кызыл Татарстан», «Кызыл юл», «Кызыл яшыләр» һ. б. Шулар белән беррәттән, «кызыл» сүзе кергән исемдә стена гәзитәләре дә чыккан: «Кызыл печатник», «Кызыл хәбәр» һ. б. Без шушы соңгысын алып тикшердек. Безнең тарафтан «Кызыл хәбәр» стена газетасының 1921 елда чыккан биш саны (№ 1, 2, 8, 15, 18) каралды.

Газетаның исеме редакция тарафыннан кушыла. Исем куяр өчен байтак уйларга туры килә. Чөнки газетаның исеме, кайда чыгуына карап, шундагы кешеләргә ошарлык булырга кирәк. Завод газетасына «Сә-нәк» исеме бирергә ярамаган кебек, авыл газетасына да «Шахтер» яисә «Гайка» исемен биреп булмый. Исем сайлаганда газетаның кайда чыгып, аның кем тарафыннан укуылачагын хәтердә тотып исем кушарга кирәк. Исем кыска, матур, укучының йөрәгенә ятышлырак булсын [3: 15].

Димәк, әсәрнең исеменнән үк күрәнгәнчә, «Кызыл хәбәр» газетасы «кызыл» хәбәрләр житкерүне максат итеп куйган, һәм «кызыл» фикерле укучыларга адресланган.

И. Рәмиев әлеге стена гәзитәсенә түбәндәгечә бәя бирә: «Кызыл хәбәр» газетасы «1920 нче елны гыйнвар артларында Казанда чыга башлады. Казан губернасы РУСТАсының нәшере. Татар телендә чыгарылган стена газетасыннан иң әүвәлгесе, урамнарда ябыштыру өчен кәгазьнең бер генә ягына басылып чыкты. Урта кулда, бер битле булып, атнага 2–3 номер чыгарылды. Техникасы матур, Казанда “Өмид” типографиясендә басыла һәм гәзит буш таратыла иде. Мөхәррире – хәят тәхририя» [5: 139].

«Кызыл хәбәр» стена газетасының икенче номеры башкаларыннан аерылып тора. Иң беренче баганага бөтен дөнья күләмендә булган хәбәрләрне урнаштыра. Аннан соң Шуралар Русиясендәге хәбәрләрне барлый. Алга таба исә Татарстан хәбәрләре урын ала. Газетаның бу саны бик күп рәсемнәр белән баetylган. Икенче санда хезмәткә, эш фронтына, аң-белемлеккә басым ясалган.

Газетаның 1, 8, 15, 18 санның исә структура берәз үзгә. Монда инде рәсемнәр юк. Шулай ук иң әһәмиятле хәбәрләр беренче баганага урнаштырылганлыгы сизелә. Бу саннарда гомумирәк хәбәрләр бирелгән.

«Кызыл хәбәр» газетасында әдәби текстлар сирәк очрый. Стена газетасы өчен бу гайре табигый хәл түгел. Чөнки бер-ике жөмлөдән торган кыска-кыска хәбәрләр арасында әдәби текстларның күләме зурлыгы белән аерылып тора.

Шигырьләр, әдәби нәрсәләр стена газетасының һәрбер номерында булмасалар да, бик күп номерларга кертеләләр. Стена газеталары эшче, крестьян язучыларның – язарга башлаучыларның беренче мәртәбә тәҗрибә ясау яланы булганлыктан, бу нәрсәләрне стена газетасына кертергә туры килә. Стена газетасына дип язылган шигырь һәм әдәби нәрсәләр (парчалар), гадәттә, көлкә нәрсәләр хакында язылалар. Ләкин яңа гына яза башлаган (гомумән язучылардан) кешедән көлкә нәрсә генә яз, дип таләп куеп булмый. Шуның өчен көлкә турында (мәзһүзүгында) язылмаган шигырь һәм әдәби парчаларны да газетага кертергә кирәк. Ләкин стена газетасын халык аяк өстен укыганлыктан, озын, күңелсез нәрсәләрне кертергә ярамый. Мондый нәрсәләр жинел тел белән язылу өстенә зур да булмаса тиешләр. Егерме юлдан узган нәрсәгә стена газетасында урын булмаса тиеш [3: 18].

«Кызыл хәбәр» газетасының беренче номерында, ягъни 1921 елның 4 нче гыйнвар санында Исмәгыйлевның «Шайтанны тыңлаганча» хикәясә басылган.

Өлеге әдәби әсәр кешенең нәфесе турында. Бу текстта нәфесне гәүдәләндерү өчен автор Шайтан образына мөрәҗғәт итә. Шайтан ниндидер завод-фабрикада хезмәт куючы кешегә кунакка килә дә аны котырта башлый. Иң мохтаҗ булган эйберләрен әйтеп, жайлап кына «менә башкаларга биргәннәр, сиңа юк» дип эшченең нәфесен куерта. Ахырдә эшче түзми, бу хәлләрне тикшерергә дигән карарга килә, ашыгып чыгып китә. Өч көн буена нәфесе котыртуы буенча йөгәрә, тикшерә, әмма Шайтан әйткәннәрнең берсе дә дәрәслеккә туры килми булып чыга. Шикәрне дә беркемгә дә бирмәгәннәр, итеклар дә өләшмәгәннәр һ. б. Инде эшченең үзеннән көлгәнә өчен Шайтанга ачуы чыга һәм ул кунагы өстеннән Советка шикаят итә.

Ахырдә әсәрнең төп идеясе әйтелә: «Әгәр дә бөтен эшнең тугры булуын һәм эшче дә үзенә кирәк булган бөтен нәрсәне алсын дисәң, шайтанны тыңламаса, эшче-крестьян инспекциясенә барырга кирәк».

Шайтан образы артында Советка каршы булучылар күз алдында тотыла. Андыйлар гади эшчеләрне котыртып, Советка каршы булырга чакыра, чакыруның төрле ысулларын таба. Андый Шайтан синең өңдә чәй эчеп утыручы акын кешең дә булырга мөмкин, дип искәртә автор һәм, андыйларның коткысына бирелеп, кирәкмәгән гамәлләр кылмаса чакыра. Мондый коткы-шикаятьләрне тыяра, дәрәслекне

ачыклар өчен эшче-крестьян инспекциясе бар, шунда мөрәжәгать итәргә кирәк, дип искәртә.

Үз уй-фикерләрен житкерү өчен автор үзенчәлекле дини-мифологик Шайтан образын файдаланган. Шайтан – тискәре, кире, кешеләрне яманлыкка котырta торган, борынгыдан характер буларак үстерелгән образ. Шушы образ астына автор Советка каршы булган кешеләрнең барысын да берләштереп, жыеп бирә. Тагын бер жыелма образ – эшче образы, унай да, тискәре дә түгел, нейтраль образ. Эшче бер тискәре сыйфаты – нәфесе аркасында уңайсыз хәлгә кала һәм ахырда үзенәң ялгышын аңлый, төзәлә. Әсәрдә шулай ук Совет образы – жыелма образ итеп тәкъдим ителә. Ул уңай образ буларак бирелгән һәм дәрәс юл күрсәтүче, проблемаларны хәл итүче, куәтле көч итеп күрсәтелә.

Әсәр совет заманы өчен хас булган сүзләргә үз эчәнә ала: иптәш, Совет, эшче, эшче-крестьян, шикаять һ. б.

Шайтан белән эшченең сөйләме диалог рәвешендә бирелә һәм шул диалогта хәйләкәр, коткы таратучы Шайтан образы ачыла.

Шайтан эшчегә кунакка килүе әсәрнең композициясенә төенләнеш өлешен тәшкит итә. Чәй эчкәндә сөйләшү – вакыйгалар үстөрелеше. Эшченең нәрфәте кубып, өстәлгә сугып чыгып китүе исә – кульминацион нокта булып тора. Аның тикшереп йөрүе нәтижәсендә Шайтаннан алданганлыгын ачыклавы, Советка мөрәжәгать итүе һәм киңәш алуы – чишелеш өлешен тәшкит итә. Димәк, сюжет композициясе традицион формада, диаргә була.

Нәтижә ясап, шуны әйтә алабыз, «Кызыл хәбәр» газетасы «кызыл фикерле», ягъни Совет иленә һәм жәмгыяткә тугры укучыга юнәлтелгән була һәм укучыда Советлар Союзы тарафдары тәрбияләүне максат итә. Газетада бастыру өчен текстлар, әдәби әсәрләр дә шушы максаттан чыгып сайланган.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З. Основные этапы истории татарской прессы городов Татарстана // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой науч. конф. науч. сотр. Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 8 июня 2018 г.) / ред. И.А. Гилязов, М.З. Хабибуллин. Казань, 2018. Вып. 10. 288 с.

2. Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З., Давлетьянова Р.Г. История периодической печати Казани // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии: сб. ст. науч. конф. молодых ученых и аспирантов (г. Казань, 26 апреля 1917 г.) / Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Казань, 1927. Вып. 6. 268 с.

3. Мортый Якуб. Стена гәзитәсе. Башкортстандагы эшче һәм авыл хәбәрчеләренә беренче съездына багышлыйм. Уфа: Башкнига, 1925. 21 б.

4. Нуруллина Р.М. Становление партийно-советской печати на татарском языке (1917–1925 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 166 с.

5. Рамеев И. Альбом татарской периодической печати 1905–1925. Казань: Гажур, 1926. 384 с.

УДК 070

«ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК» ГАЯЗА ИСХАКИ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧАСТНИКА ВСЕМИРНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО КОНГРЕССА

Ф.Г. Файзуллина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена анализу участия выдающегося татарского общественного деятеля Гаяза Исхаки во Всемирном мусульманском конгрессе, который проходил с 6 по 17 декабря 1931 года в г. Иерусалиме, на основе записей его дневниковой тетради № 22. В статье рассматриваются впечатления Г. Исхаки от конгресса, его взаимодействия с другими делегатами. Анализ дневниковых записей позволяет глубже понять интеллектуальный контекст эпохи и вклад Исхаки в развитие мусульманской мысли.

Ключевые слова: текстология татарской литературы, Гаяз Исхаки, дневники Г. Исхаки, 22 тетрадь Исхаки, Всемирный мусульманский конгресс.

This article analyzes the participation of the prominent Tatar public figure Gayaz Iskhaki in the World Muslim Congress, which took place from December 6 to 17, 1931, in Jerusalem, based on entries in his diary notebook No. 22. The article examines Iskhaki's impressions of the Congress and his interactions with other delegates. The analysis of the diary entries provides a deeper understanding of the intellectual context of the era and Iskhaki's contribution to the development of Muslim thought.

Keywords: textual criticism of Tatar literature, Gayaz Iskhaki, G. Iskhaki's diaries, Iskhaki's notebook No. 22, World Muslim Congress.

ГАЯЗ ИСХАКИЙНЫҢ «КОДЕС КӨНДЭЛЕГЕ»: БӨТӨНДӨНЬЯ МӨСЕЛМАН КОНГРЕССЫНДА КАТНАШУЧЫНЫҢ ТӘЭСИРЛӘРЭ ҺӘМ УЙЛАНУЛАРЫ

Ф.Г. Фәйзуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘһСИИ (Казан)

Төрки-татар милли-азатлык хәрәкәтенең үзәгендә кайнаган әдип, күренекле сәясәтче һәм жәмәгать эшлеклесе Гаяз Исхакийның (1878–

1954) 22 нче санлы көндөлек дэфтэрендэ аның 1931 нче елның 15 октябриннэн 1932 нче елның 12 мартына кадэр тормышы яктыртылган. Аның 1931 елның 6–17 нче декабре аралыгында Кодес шәһәрэндэ узган Бөтендөнья мөселман конгрессына баруы белән бэйле вакыйгалар да нэкь шушы дэфтэрдэ урын алган [3].

Төрле чыганаклардан билгеле булганча, Г. Исхакый бу вакытта Польшаның Варшава шәһәрэндэ яши. «Тормышыбыз начар түгел. Ләкин бүлмә мәсьәләсә монда фәүкыльгадә авыр... Айга кырык төрек лирасы түләп, бер тәрәзәле кечкенә генә бүлмәдә торамыз... Варшава хәзер дөньяның иң тыгыз шәһәрләрәннән берсә булырга кирәк. Монда шактый күп Кафказ милләттәшләр вә диндәшләр бар...», – дип яза ул биредәгә хәле турында 1928 елның 5 мартында Садри Максудига юллаган хатында [1: 45].

1931 елның жәендә Истанбулда булганда Г. Исхакый Израиль дәүләтенң башкаласында мөселман конгрессы ясалачагы хакында ишеткән, газеталардан хәбәрләр дә укыган була. Кодес мөфтиә Мөхәммәд Әмин әл-Хөсәйниниң (1895–1974) имзасы куелган чакыру алгач, ул «моның зур әһәмиятле бер эш булачагын төшенеп, бару кирәк» [2: 22 нче дэфтәр] дигән карарга килә. Аның уйлавынча, «бу мәсьәләне, зурдан кубып, безнең мөселман колонияләренең барысының катышуы берлә уртак вәкилләр күндөрү, уртак бер жәбһә (*фронт*) хәзерләү лязим» [2: 22 нче дэфтәр] була. Үзен дөньяның төрле почмакларына таралган татарларны берләштерүгә һәм милләттәшләренең милли-сәяси азатлыгы өчен көрәшкә багышлаган Г. Исхакый әлегә конгрессының кыйммәтен яхшы аңлый, һәм максатына ирешү юлында анда катнашырга бурычлы саны. Фикерләрен белергә тырышып, киңәш сорап, төрле жирдәгә мөселманнарға мөрәжәгать хатлары юллай. Ләкин үзенең мөселман иптәшләреннән бер дә артык әһәмият бирүне сизми. Бары Төньяк Кавказ сәясәтчәсе Сәгыйд Шамил (1901–1981) генә, үзе хат язып, Г. Исхакыйның баруын куәтли.

Г. Исхакыйга матди ярдәм күрсәтергә теләүчеләр дә табыла. Ул Финляндиянең ике шәһәрәннән биш мең фин маркалы акча хәзерләнүе, ләкин валюта чыгарырга рөхсәт булмаганга, жибәреп булмауларын белдергән телеграммалар ала. Варшава татарлары да «алай итеп, болай итеп, дүрт йөз злат кадәр акча туплап» бирәләр.

С. Шамил, бергә Александрия шәһәрәнә барып, анда Мисыр һәм Һинд вәкилләре берлә күрешеп, бер аерым жәбһә (*фронт*) хәзерләгәчкенә эш башларга тәкьдим итсә дә, Г. Исхакый, бик күп жирләренң С. Шамилнең баруын теләмәгәннән күрәп, үзенең планы буенча, Яффага китәргә карар кыла.

Г. Исхакый 1931 елның 22 нче ноябрәндә Варшавадан Кодеска кузгала. 23 ноябрьдә Австриянең башкаласы Венага килеп житә. Венадан беренче мәртәбә ул 1919 елның ноябрәндә, «Милләт мәжлесенен солых һәйәте әгъзасы сыйфаты»нда Фуад Туктаров белән бергәләп, Европага чыкканда үткән була. Беренче тапкыр күргәндә зур Европа мәдәнияте аларга максатларына ирешүдә зур өметләр биргән булса да, бу юлы Исхакый шактый зур аермалыклар сизә. Вена шәһәрәнә ул «Беренче, Европада без ун ел бербуйдан торып, күп мәдәни мәмләкәтләрне күреп, вә бик күп инкисар (*сыну*), жәһалга (*наданлыкка*) очрап, Европага каршы әүвәлге карашымызны югалтканмыз. Без хәзер үземезгә ярдәмне эзләргә пәйгамбәрләр туган Ханаан, Ибраһим пәйгамбәр йортына барамыз. Икенче, минем ул вакыттагы иптәш Фуад шул авыр юлда арыды. Миннән аерылып, бер йирдә хәл жыярга калды... Минем дә чәчем агарды, көчем азайды, картайдым. Шунысына шөкер әле, элеккеге иманымны югалтмадым... Ләкин теге вакытта... килгәндә, ничек аз булсак, ничек көчсез булсак, хәзер Бөтендөнъя мөселманнары конгрәсенә шул ук гаялар (*теләкләр*) берлә барганда да шул дәрәжәдә аз көчлемез, шул дәрәжәдә оешмаларымыз зәгыйфьтер. Ләкин шул аерма бар – Европада озын торып, бик күп сәяси тәҗрибәләр күреп, мин үзем милли мәсьәләләрне тәмам ачык иттереп, формулаларга куеп чыктым... Менә Венада, шул эшнәң мөселман жәһбәсенә чынлап керер өчен, кирәкле булган эшләрне эшләп йөрим һәм дә хөр көенчә йөрим» [2: 22 нче дәфтәр] дигән уйлар белән килә.

Бер генә дә ярдәм итәрлек кешесе булмаган Исхакый Венада көне буге паспортында битләр беткәнлектән, кәгазь ябыштырту, виза алу кебек эшләр белән йөрәп, поезд белән Альп таулары, Югославия аша 24 ноябрьдә кич Италиянең Триест шәһәрәнә килеп житә. 25 көнне парходка утырып, Әдрән, Ак, Урта диңгезләрнең, төрле утрауларның матурлыклары белән хозурлана-хозурлана юлын дәвам итә. Г. Исхакый һәр утрау хакында үзе белгән кадәр белешмә биреп барырга тырыша. Аларның дүрт көн тоташ туктамыйча барган парходоы Кипрның диңгез ярындагы Ларнака шәһәрәндә беренче тапкыр якорь сала. Исхакый биредә төрек клубы эзләп таба. Анда берничә төрек егете белән танышып, үзенң конгресска баруы турында сөйли, аларның фикерләре белән кызыксына.

30 нчы ноябрьдә иртә белән сәгать жиденче яртыда парход Израильнең Яффа шәһәрәнә килеп житә. 3 нче класслы гына юлчы булганлыктан, берәр сәгатьләп үз чиратын көтеп, мең бала белән парходтан чыккан Исхакыйны карантинга жибәрәләр. Яһүди доктор ашыкмый гына кәгазьләрен караган арада өч кеше кереп, тиз генә

Исхакыйны алып чыгып китэлэр. Шулай итеп, ул гадэттэгечэ эшлэнэ торган чемоданнарны тикшерүүлэрдэн котылып кала. Каршы алучылар Исхакыйның «Миңа бер отель кирэк... Мин Кодеска иртэгэ барырга уйлый идем» дигән сүзлэрэнэ дә карамастан, шул ук көнне Кодеска алып китэлэр.

Бер минут вакытын да эрэм итэргэ өйрәнмэгән Исхакый Кодестагы беренче көнөндә үк отельгә урнашу, почтага барып, телеграмма бирү, хатлар язып салу кебек эшлэрдән кала мөфти Әмин Хөсәйни белән очраша, мөселманнар өчен өченче изге урын булган Мәсжид эл-Әкьсада акшам намазы укып чыга, ислам мәжлесенә кереп, программа төзүчеләр белән фикирләрән бүлешергә дә өлгерә. Кодестагы беренче көн күргәннәреннән ул «Фикерләр[нең] күбе эшләнмэгәнгә охшый. Хәзерлек тә шулайрак. Бакалым (*капарбыз*)» [2: 22 нче дәфтәр] дигән нәтижәгә килә.

Г. Исхакый урнашкан бүлмәсеннән дә канәгатьлек кичерми. Ул аны түбәндәгечә сурәтли: «бүлмәнең ишеге, тәрәзәсе вәзне шигыр өчен (*форма өчен мәгънәсендә*) генә ясалганга, бүлмәдә һичбер уют дигән нәрсә юк, үзе салкын. Шуңарга күрә безгә, бүлмә хәятына өйрәнгән кешеләргә, авыр тоела. Хосусан, укыр, язар өчен, һичбер хәзерлек юк. Ни яктысы житәрлек, ни өстәле бар, ни язу эшъясы (*әйберләре*)» [2: 22 нче дәфтәр].

Г. Исхакый, һәр яңа жиргә беренче килгәндәге кебек, Кодеста да сәяхәтөн тарихи урыннардан башлый. Мөселманнар өчен изге булган Мәсжиде Әкьсаны, Мәсжиде Сахраны, яһүдиләрнең «Егълау дивары»н барып күрә. Һәр күренешкә мөмкин кадәр аңлатмалар биреп барырга тырыша.

Аның Кодестагы өченче көненең иң мөһим вакыйгасы төрек консулы янына бару була. Русча да яхшы белә торган консул, «Минем килергә дә хакым юк иде, фәлән кебек, мәгънәле-мәгънәсез сүзләр» сөйләп, әлегә беренче күрешүдә Исхакыйда «бу заты шәриф большевик дуствы» булган дигән хис калдыра.

Шул ук көнне ул, рус монастырена кереп, андагы поп, монах, монашкаларның тормышлары белән танышып чыга. Исхакыйның сүзлэрэнә караганда, элгәреге заманда һәр елны бу жирләргә күрергә 20 меңләп рус килә торган булган. Аларга шул монастырь ияләре хезмәт күрсәткәннәр. Барысы алты йөзләп рус хәзер аерылып калганнар. Исхакый бер рус тикшерүчесеннән хәзерге вакытта аларның хәлләре бик начар булулары хакында белә.

Кадерле кунак сыйфатында Исхакый көн дә күп кенә жирле олуг затлар тарафыннан ашка чакырыла. Аларда ул төрле ил вәкилләре

белән таныша. Еш кына аралашкан кешеләреннән берсе Һиндстан вәкиле Мәүләнә Шәүкәт Гали була.

Исхакый мөмкин булганда жомга намазларын калдырмый. 4 нче декабрь көнне дә ул Мәсжиде Әкъясага килә. Биредәге имамның матур тавыш белән мәгънәле хөтбә укуы аңа аеруча тәэсир итә. Инде ничә еллар мөһажирлектә йөргән Г. Исхакый бервакытта да шәхси хәлен уйлап борчылмый. Бу минутларда да аны Кодес мөселманнарының шулай хокуклы булып, үз мәсҗедләрендә намаз укый, шундый хөтбә сөйли алулары аларны үз илендәге мөселманнарның хәле берлә чагыштырырга мәҗбүр итә. Ул: «Күземнән яшь чыкты. Күземне тыя алмадым. Шактый гына озын егъладым», – ди. Исхакый мондый халәтләрне еш кичерә. 11 нче декабрьдә дә: «Минем дә күземә яшь тулды. Тына алмадым, жомга намазы буенча егъладым. Кечкенә вакыттагы әтиләр, мулла бабайлар хәтергә килде. Мин берәз мистикландыммы, әллә картайдыммы, әллә егъзам гына арыдымы, әллә барысы да бергә жыелдымы? Белмим» [2: 22 нче дәфтәр], – дип язып куя.

Г. Исхакыйның конгресс булачак 6 нчы декабрь якшәмбе иртәсе Финляндиядән килүче дин галиме, жәмәгать эшлеклесе Муса Бигиевне каршылау, аны бүлмәгә урнаштыру мәшәкатләре белән башлана. Исхакый бервакытта да үзенң өс-башы турында язма-са да, еш кына тирә-юендәгеләрнең киemenә игътибар итә. Монда да: «Өсте-башы һәрвакыт булган кебек дәрвишанә (*дәрвишләргә*). Башына бер бүрек тә кия алмаган. Бохара кәләүшә берлә йөрөп тора» [2: 22 нче дәфтәр], – дип, Муса әфәнденең кыяфәтеннән канәгатьсезлек белдереп ала.

Төш вакытында ук конгресс ачылачак мәгариф мәктәбенә барсалар да, вәкилләрнең күбесе сәгать өчләрдә генә килеп житү сәбәпле, беренче – танышу мәҗлесе соң гына башлана. «Бер-берсен таныту дигән нәрсә һич бертөрле юлга куелмаган»га, һич бер тәртип булмаганга, бу чара Г. Исхакыйга Сабан туе ахырларындагы кебек бер манзараны хәтерләтә. Бу күренешне ул: «Тарта-төртә, бер-берсе берлә кычкырыша-кычкырыша, безнең өстемездән, күрешеп, берничә мең кеше үтте», – дип, куркыныч итеп тасвирлый.

Конгресс Мәсжиде Әкъясада, ахшам, ястү намазлары укылып, салаватлар әйтелгәннән соң, мөфти Әмин Хөсәйниннең, Коръән укуы, кыска гына нотык укуы белән ачыла. Аның артынан берәм-берәм чыгып сөйләргә тотыналар. Мәчеттәге тәртип башыннан ук Исхакыйга ошамый. Чиратсыз кереп сүз алган «Кәшкүл» гәзитәсе мөхәррире Сөләйман Фәйзине кыйнаганнарын күрөп, ул бөтенләй гажәпкә кала. Мигъраж кичәсендә Хәрәме Шәрифтә конгресс ачылгандагы бу сугыш

аңа бик каты тээсир итә. Г. Исхакый бик күп мәртәбә үзенен сөйләчәген әйткән булса да, аңа сүз бирергә ашыкмыйлар. Чираты житкәч, ул «төрөкчә тәбрик иткәннән соң, хәзерге көндә Русиядә утыз миллион мөселманның аһ вә зар эчендә булуын сөйләп, шул газиз көнне шул мөкаддәс урында дин юлында шәһид булганнар өчен бер «Фатиха» укырга чакыра». Аның тәкъдимен хуплап, ун мең кеше бергә дога укыйлар. Исхакый «Мөәтәмәр ислам тарихының дөнүш *(үзгәреш)* юлы булсын» [2: 22 нче дәфтәр] дип, чыгышын тәмамлый.

Конгресска бик зур өметләр белән килгән Г. Исхакыйның канәгатьсезлеге сизеләп тора. «Шул хакта бик озын сүзләр китте... Халык һичбер аңламый... Рәисе һичбер идарә итә алмый... Һәр йирдә кычкырыш, бакырыш... Мөзакәрәләр *(фикер алышулар)* бик начар дәвам итә...» кебек сүзләр белән ул үз мөнәсәбәтен белдереп бара.

Конгресста катнашучылар утырышлар арасында төрле шәһәрләргә ашка йөрергә дә өлгерәләр. Аларны якын тирәләрдә генә түгел, хәтта Наблус, Вади әл-Ханин кебек Кодестан 50–60 чакрым ераклыкта урнашкан шәһәрләрдә дә кунак итәләр. Кая гына барсалар да, аларны күрше авыллардан, шәһәрләрдән жыелган мөселманнар каршы ала: ирләр тәкбир әйтә, хатыннар әллә нинди тавышлар чыгарып сызгыралар, кызлар чәчәкләр ыргыта, балалар бии.

Г. Исхакый, бик кызыксынып, хәзрәте Гайсә коендырылган Әрдән елгасын, Үле диңгезне дә барып карау мөмкинлеге таба.

Конгрессның оештырылуы белән Исхакый һич тә килешми. «Без... чыгышларымызны көн дә кебек сорап киләбез. Ләкин һәрвакыт, иртәгә-иртәгә, дип кала килә. Инде мин мең бәла берлә бер рисалә язып, гарәпчә тараттым. Ул һәйбәт тээсир быракты. Аны бик укыдылар. Ләкин чыгып, ачык итеп, шул хакта гына сөйли алмыймыз», – дип зарланып та ала. Күп вакытлары мәгънәсез «лыгырдамалар» тыңлап узганга ул бик борчыла. «Шуңарга күрә мин бик гасабилаштым. Йокларга вакыт та юк» [2: 22 нче дәфтәр], – ди. Сабырлыгын югалткан Исхакый, кычкырышып булса да, үз сүзен әйтү жайларын таба. Үзенен чыгышлары белән күпләрне кызыксындыруыннан «корылтайның бөтен самими бүлегә безнең берлә бергә икәнлеге һәм мөселман әфкяре гомумиясенен безгә даимән ярдәмче булачагын шул кыска вакыт эчендә дә берничә мәртәбә күрдөк», – дип, соңрак канәгатьлек кичерә. «Без өстемездәге бурычларның, барысын да булмаса да, зур бер өлешен үти алган булырбыз» [2: 22 нче дәфтәр] дигән нәтижәгә килә.

Г. Исхакый һәрвакыттагыча үзен бик иркен тотта. Матбугат битләрендә фотолары басылганлыктан, аны урамда да танучылар табылып тора. Төрле газета-журналларның, аерым алганда, Кодеста

чыгып килгән «Әл-Жамигъ әл-гарәбия», Каһирә шәһәрәндә нәшер ителгән «әл-Мокаттам» кебек газеталарның мөхәррирләре үзләре дә әңгәмә өчен Исахакый белән очрашулар эзлиләр. Г. Исахакый үз фикерен телсә кайсы телдә аңлатырга эзер, бары аңласыннар гына. Бу хакта ул: «Юлда бер туктамаенча мин кяттиб берлә французча сөйләп килдем. Минем французча шәп үк түгел, ләкин аның да шундый ук. Фикерне аңлатуда бер дә авырлык хис итмәдем. Тагы мин кырык төрле телдә чалтун-бултун сөйләргә мәжбүр булганга, бик нахалландым. Хәзер бер дә курыкмаенча гарәпчәне сөйлим. Фарсыча сөальләргә гарәпчә я фәләнчә жавап бирәм» [2: 22 нче дәфтәр], – дип, ярымшаяру белән аңлатма да бирә.

Г. Исахакый 16 нчы декабрьдә булган 25 кешелек Үзәк комитетка сайлауда «катнашыргамы, юкмы?» дигән икеләнүдә кала. Чират житкәч, ул ак кәгазь сала. Нәтижәдә, Муса Бигиев белән икесе дә сайланалар. Алар язган резолюция тәкъдим ителә. 17 нче декабрь төнгә сәгать 1 дә мөфтинен кыска гына чыгышы белән конгресс ябыла. Үзәк комитет әгъзалары иртә белән сәгать 11 ләрдә жыелырга булып таралышсалар да, икенче көнне мөфти белән берничә кешедән башкалар жыелышка килми. 3–4 сәгатьләр сөйләшеп утыруга карамастан, алар акыллы бер карарга килә алмыйлар.

18 ендә Г. Исахакый иптәшләре белән Кодестан ерак булмаган тарихи Хеврон, Вифлеем шәһәрләренә сәяхәт итә. 19 декабрь көнне Кодеста яшәве өчен исәп-хисап тотып, дус-ишләре белән сабуллашып, 20 сәндә поезд белән Палестина аша Мисырга таба чыгып китә. «... Кодес миңа бик бәһалегә төште. Кодестагы бөтен мәсарифем (*чыгымнарым*) егерме көн өчен 27 инглиз лирасы булды» [2: 22 нче дәфтәр], – дип, Г. Исахакый Кодеска сәяхәтенә йомгак ясап куя. Ләкин ул моннан буш күңел белән китми, ә корылтай чыгарган карарларны тормышка ашыру юлында эшләрен дәвам итәргә тиешле булып, өстенә яңа йөкләмәләр алып китә.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Исаков М.Г. Әсәрләр: 15 томда. 14 т.: хатлар һәм автобиографик язмалар / [томны төз., текст һәм аңлат. эзер., кереш сүз авт. Ф. Фәйзуллина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 479.

2. Исахакый Г. Көндәлек дәфтәрләре // ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге, 135 нче фонд.

3. Фәйзуллина Ф.Г. «Дәфтәрләремнең кыйммәте – тарихи һәм мәгънәви ягында» (Г. Исахакыйның көндәлек дәфтәрләре) // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: материалы междунар. науч.-практ. семинара, посвящ. 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исахи. Казань: ИЯЛИ, 2023. С. 148–151.

ЯЗЫК ТРУДОВ МУСЫ БИГИЕВА И ЕГО ГУМАНИТАРНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

В статье рассматривается вопрос об определении языка письменных трудов Мусы Бигиева в свете оценок его современников. Рассматривается актуальность обогащения современного татарского языка понятийным аппаратом и лексикой из его работ как одно из средств сохранения национальной идентичности и востребованности языка.

Ключевые слова: Муса Бигиев, литературный язык, национальная идентичность, просвещение, духовность.

The article examines the issue of determining the language of Musa Bigiev's written works in the light of the assessments of his contemporaries. The article considers the relevance of enriching the modern Tatar language with the conceptual apparatus and vocabulary from his works as one of the means of preserving national identity and the relevance of the language.

Keywords: Musa Bigiev, literary language, national identity, enlightenment, spirituality.

Многолетняя деятельность автора этих строк по переводу трудов Мусы Бигиева на татарский язык позволила дать определение языку, на котором он писал «татаро-османский язык» или даже «османский диалект татарского языка» [7: 61]. При всей своей спорности это определение дает некоторое представление об особенностях письменного языка татарского религиозного философа.

Для лучшего понимания проблемы уместно кратко остановиться на истории татарского книжнопечатного языка начала XX в., происходивших в нем процессах и имевшихся особенностях. Наша публикация не претендует на полноту и должна рассматриваться как частный случай более широкой проблемы, о которой будет сказано в заключении.

Эпоха книгопечатания на татарском языке берет начало с 1800 г., когда в Казани открылась первая типография, называвшаяся Азиатской или гимназической (по месту ее локации в Первой Казанской мужской Гимназии) [1]. В течение последующего столетия происходило формирование татарского книжнопечатного литературного языка (иногда называемого «старотатарским языком»), который, однако, в силу отсутствия у татар централизованной национальной системы

научно-академических и образовательных институций, не сложился в сколь-нибудь систематическую стандартизированную форму. Одной из особенностей книжнопечатного языка той поры была верно подмечена Г. Ибрагимовым: «Кроме арабского языка у нас был в ходу литературный язык, именуемый «тюрки тэль». Но он, как и другие отрасли идеологической жизни татар, был связан с Средней Азией и находился под влиянием Джебгатайского языка. Широкая масса его не понимала, так как многие слова в нем были арабские, фарсецкие или джебгатайские. Содержание такой литературы всегда было религиозное» [4: 28].

Крайне интересна оценка состояния татарского литературного языка «внешним», но весьма компетентным свидетелем, каковым являлся А.И. Емельянов (1879–1942). В ходе исследований нами были обнаружены написанные им два небольших обзора, посвященные татарской непериодической печати. В одном из них Емельянов писал: «Литературный татарский язык, на котором написаны указанные издания, как по своему лексическому составу, так и по грамматическому строю является языком еще неустановившимся. При том рабском преклонении пред языками арабским, турецким и персидским, какое замечается у татар мухаммедан вообще, – употребление арабских, турецких и персидских слов и оборотов наравне и даже в ущерб татарским признается явлением вполне законным. Каждый татарский автор считает себя в праве исказить свою родную речь на иностранный лад по мере своего желания и умения. Следствием такого нецеремонного обращения с законами своего родного языка является крайняя пестрота и разнообразие в слоге татарских авторов, лишаящие читателей возможности судить о качествах этого слога с точки зрения одного какого-нибудь общего критерия. Кроме того, в виду отсутствия определенных законов для литературного слога, каждый автор со спокойной совестью вводит в свою речь разного рода провинциализмы, не для всех читателей понятные...» [3: 3–4].

В целом, в рассматриваемый период татарский книжнопечатный язык был многовариантным, и количество его вариантов, пожалуй, совпадало с количеством пишущих авторов: «единого письменно-литературного языка, начиная с XIII до первой четверти XX в., не было. Оказалось, что язык у каждого автора был своеобразен, в зависимости от того, в каких странах и тюркоязычных краях он получил образование, к какому диалекту (или говору) татарского языка принадлежал. Единый татарский стандартный литературный язык установился лишь в 20–30-х гг. XX века» [2: 98].

Г. Ибрагимов писал, что начало созданию понятного народу литературного языка было положено в трудах К. Насыри, Х. Фаизханова, М. Акъегетзаде и З. Бигиева: «на очередь была поставлена разработка татарского литературного языка... литературное творчество неустанно развивалось, даря татарскому народу художественные создания в новых формах» [4:31–32]. В дальнейшем, благодаря писательской работе М. Акмуллы, Ф. Карима, Р. Фахретдина, Г. Камала, М. Гафури и Г. Исхаки «язык всех этих писателей все более и более приближался к чистому татарскому, но под влиянием Гаспринского, они несколько отклонились от линии, намеченной Насыровым, и не могли вполне освободиться от влияния османизма» [4: 32].

Действительно, османизация татарского литературного языка была реальностью и являлась предметом обсуждения в кругах татарских интеллектуалов. Например, в ходе общения татарских издателей, в числе которых находился и Фатих Амирхан, с посетившим Россию в 1913 г. османским государственным деятелем Махмудом Эсадом было отмечено, что в Крыму литературный язык имеет склонность приблизиться к османскому, и что ключевую роль в этом на протяжении предшествовавших 30 лет сыграл Исмаил Гаспринский. Также было отмечено, что писательская среда казанских татар в этом смысле находится на перепутье [8: 75].

Язык книг Мусы Бигиева, появившихся с 1907 по 1930 гг., представляет собой яркий пример османизованного варианта татарского книжного языка. В силу этой особенности письменная речь Бигиева не могла не привлечь к себе внимание татарских интеллектуалов с момента появления первой книги, написанной им на татаро-османском языке, т. е. начиная с 1907 г., когда в Казани увидела свет его первая работа «*эл-Лөзүмийат тәржемәсе*», написанная на татаро-османском языке. Этот язык, очевидно, многим пришелся не по душе. В 1912 г., когда общее количество трудов Бигиева, обращенных к его соплеменникам, достигло двенадцати, с резкой критикой его письменного языка выступил Г. Исхаки. Поводом стала полемическая волна вокруг планируемой публикации перевода Корана на татарский язык, осуществленного Бигиевым. В письме Ф. Амирхану Г. Исхаки писал об этом следующее:

«...в настоящее время я выступаю против публикации Корана Мусы на татарском языке. Одной из сил, которая консолидирует Ахми агаев¹

¹ *Ахми агай* (тат.: *Әхми агай*; дядя Ахмет; *Ахми* – искаженная форма имени Ахмет) – собирательное имя татарских обывателей.

и превращает их в единую силу, является то, что Коран написан на арабском языке. Говоря по правде, я верю, что он в силу своей непонятности Ахми агаю представляется ему некоей большой устрашающей силой, перед которой его душа уходит в пятки. Я думаю, что до того, как объединить Ахми агаев и Минлесафа абыстаев¹, нам не нужно распускать швы нашей сумы, сшитой нитью этого Корана, что для нашего нынешнего состояния сейчас нужным и необходимым является постепенное внедрение литературы по самым ее краешкам. Поэтому я убежден в том, что вместо принесения пользы этого в действительности полезного и нужного дела Мусы, он [его перевод] принесет лишь вред нашему народу (в виду его преждевременности). И по этой причине было бы хорошо, если бы нашелся кто-то, кто сказал бы об этом Мусе. Я вообще отложил бы публикацию этого перевода до года этак 1925-го. Чтобы к моменту, когда Коран станет татарским, религия, созданная в песчаной арабской пустыне, была бы татаризована. Даже если арабский дух и повредит татарскому Корану, то татарский дух ему не навредит. Нужно, чтобы от него исходил татарский дух, чтобы была видна его татарская окраска. Для этого, во-первых, нужно, чтобы дух был татарским, во-вторых – требуется знать татарский язык. Муса по духу араб, сарт, перс, непонятно кто, самое точное – каша, сваренная из всего этого. Язык Мусы – не язык. Османские турки называют его татарским. Татары – турецким, Крымчаки называют персидским, а на деле он не является ни одним из них. Сума нищего, лоскутами сшитая из этих языков. Вот по этим причинам я опасаясь, что мы не сможем в должной мере извлечь пользу из этого труда Мусы, являющегося самым большим его трудом» [6: 22–23].

Из сказанного становится понятным, что Исхаки делает акцент на лексической стороне произведений Бигиева, а не их содержательной стороне. Что касается последней, то имеется отзыв, оставленный учеником Бигиева – Г. Идриси: «С точки зрения своей структуры «Кава'ид фикхия» безупречен и удобен для использования. Особенно уместны правила под номерами 186–195, и относящиеся к ним подробные разъяснения. Подобные четкие и ясные формулировки на тюркском языке появились впервые. Однако даже в религиозных трактатах, написанных на арабском языке, сопоставимые с ними формулировки встречаются редко. Если же выразиться еще вернее, я

¹ *Минглисафа абыстай* – собирательное имя, подразумевающее всех образованных татарских женщин.

не встречал до сих пор ни одного труда, написанного столь в последовательной и упорядоченной форме» [5].

Как видим, для читателя, имеющего серьезное религиозное образование, язык Бигиева в своей содержательности и описательным возможностям превосходил аналогичные параметры религиозной литературы на арабском языке.

Из сказанного очевидно, что определять язык трудов Бигиева как «старотатарский язык» можно с натяжкой, и лишь по той причине, что он создавался в эпоху становления общенародного книжнопечатного литературного языка, был адресован татарскому читателю. Однако по своим лексическо-семантическим и синтаксическим характеристикам он совершенно не укладывался в рамки татарского языка, бытовавшего в среде Казанских татар, и не отвечал пусть еще и неоформленным, но уже вырисовывающимся требованиям приближенного к народному языку литературного языка – того самого классического старотатарского языка, который создавался татарскими интеллектуалами при написании ими своих произведений.

На наш взгляд, язык, на котором писал Муса Бигиев, представляет собой один из вариантов т.н. старотатарского книжнопечатного языка, но лишь в хронологическом и этно-культурном смысле. Если учесть, что труды Бигиева легко читались интеллектуалами Османской империи, т. е. носителями османского языка на всех территориях государства, то сомнения по поводу верности отнесения письменного языка Бигиева к старотатарскому вполне оправданны. По нашему мнению, определение его как «татаро-османского» вполне приемлемо с учетом того, что этот язык уникален и легко отличим от языка произведений татарских общественных и религиозных деятелей, творивших в то же время. Он предельно насыщен заимствованиями из арабского, персидского, османского языков и характерными для них грамматико-синтаксическими формами, изобилует фрагментами на арабском и персидском языках, которые автор не всегда считал нужным переводить на язык, понятный среднестатистическому тюрку. Признаем, что подобные признаки были характерны для языка всех пишущих татарских интеллектуалов той эпохи, однако письменный язык Мусы Бигиева был настолько необычным, что вызвал скандально негативную оценку Гаяза Исхаки. Но такой язык позволял поднимать сознания читателя на уровень осмысления высоких философских и метафизических категорий. Тот факт, что в 1923 г. проживавший в Берлине Исхаки взялся редактировать одно из важнейших произведений Бигиева политического характера «Ислам милләтләренә», пред-

ставляющего собой Исламскую конституцию, свидетельствует, как мы полагаем, о том, что, хотя Исхаки и оценивал стилистику и особенности языка Бигиева негативно, он, вне всякого сомнения, признавал выдающуюся гуманистическую значимость трудов своего соратника.

На наш взгляд, проблема письменной речи Мусы Бигиева, относясь к области татарской филологии и истории татарского языка, является перспективным и привлекательным направлением лингвистических исследований для специалистов соответствующего профиля. Помимо этого, упомянутая проблема подводит к осознанию необходимости уделения внимания изучению и популяризации татарского книжнопечатного языка рубежа первой половины XX в. в целом и его включению в развитие понятийного аппарата и интеллектуальной выразительности современного татарского литературного языка. Это позволило бы расширить и углубить (вернее сказать: создать с нуля) его философскую и, в целом, антропологическую составляющую. Сказанное актуально и в качестве средства противостояния угрожающему напору постмодернистских трендов, нацеленных на: 1) лишение человека национальной идентичности (в первую очередь путем обесценивания материнского языка и лишения возможности его полнокровного использования во всех сферах бытия); 2) на обезличивание, примитивизацию социального самовыражения и, как итог – 3) окончательного расчеловечивания.

Серьезность поставленной проблемы подчеркивается существованием своеобразных ситуативных качелей: на одном ее конце находится нарастающая атомизация жизни отдельно взятых индивидов, разрушение традиционных межчеловеческих связей, дробление и размывание социообразующей роли национальной культуры и ее гуманистических мировоззренческих установок, а на другом – широкое поле возможностей для развития интеллекта, просвещенности и духовности, в том числе и в сфере традиционной для татар исламской парадигмы. Последнее заключается в наличии в данный момент уникального шанса для обогащения современного татарского языка и его популяризации в медиапространстве философской, религиозно-философской лексикой, в изобилии представленной в татарском книжном языке первой половины XX в. и, в частности, в языке произведений Мусы Бигиева и его современников.

При осознании глубины гуманитарного кризиса, наличии желания и политической воли к его преодолению еще не поздно вернуть татарской молодежи стремление к просвещенности и образованности, высокой культуре мышления, поведения и речи и, в общем,

к национальному стилю жизни, наполненному духовными устремлениями и благотворным созидательным трудом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габдельганеева Г.Г. Татарская книга Казани в первой половине XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatarskaya-kniga-kazani-v-pervoy-pолоvine-hih-veka/viewer> (дата обращения: 26.04.2025).
2. Баширова И.Б., Мирхаев Р.М. История татарского литературного языка: история и научно-теоретические аспекты изучения // Научный Татарстан. 2013. № 1. С. 95–103.
3. Емельянов А.И. Мухаммеданская неповременная печать на татарском языке в Приволжском и Оренбургском крае за 1912-й год. Казань: Центральная типография, 1913. 24 с.
4. Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года / пер. с татар. Г. Мухамедовой, под ред. Г.Ф. Линсера. Казань: Изд. Гос. изд-ва ТССР, 1926. 266 с.
5. Идриси Г. Кавагыйд фикьһия» хакында // Тəғаруф-ы мәслимин, 1328. Т. 2. № 25. С. 5–6.
6. Исхаков М. Г. Әсәрләр: 15 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 14 т.: хатлар һәм автобиографияк язмалар / [томны төз., текст. һәм аңлат. әзерл., кереш сүз авт. Ф. Фәйзуллина]. 2013. 479 б.
7. Хайрутдинов А.Г. Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева: моногр. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 188 с.
8. Хутарев-Гарнишевский В.В. «Прежние цели теперь не имеют значения»: Путешествие в Россию турецкого министра-панислама Махмуд Эсада летом 1913 г. в освещении царской полиции // Исторический вѣстник. М., 2019. Т. 30. С. 45–79.

УДК 81-112.2

НЕКОТОРЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г. ГУБАЙДУЛЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКА

Г.М. Ханнанова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассмотрена эволюция взглядов первого профессионального татарского историка Г. Губайдуллина на вопрос развития татарского литературного языка. В 1910-е гг. будучи сторонником создания общетюрского языка на базе чагатайского наречия, к концу 1920-х гг. Г. Губайдуллин отошел от этой идеи и выступил критиком воззрений крупнейшего идеолога общетюрского языка И. Гаспринского. Таким образом, взгляды Г.С. Губайдуллина в общих чертах повторили эволюцию, характерную для некоторых других татарских исследователей того времени.

Ключевые слова: Газиз Губайдуллин, Исмаил Гаспринский, татарский язык, чагатайский язык, общетюрский язык.

The article examines the evolution of the views of the first professional Tatar historian G. Gubaidullin on the development of the Tatar literary language. In the 1910s, being a proponent of creating a common Turkic language based on the Chagatai dialect, by the end of the 1920s, G. Gubaidullin abandoned this idea and criticized the views of the largest ideologist of the common Turkic language, I. Gasprinsky. Thus, the views of G.S. Gubaidullin in general terms repeated the evolution characteristic of some other Tatar researchers of that time.

Keywords: Gaziz Gubaidullin, Ismail Gasprinsky, Tatar language, Chagatai language, common Turkic language.

В начале XX в. проблема языка становится одной из важных тем, интересовавших татарское общество. Язык рассматривался татарской интеллигенцией как один из основных признаков нации. Велись споры относительно мер по сохранению чистоты языка, какое наречие необходимо взять за основу «общетюркского языка» и другие вопросы. Одним из тех, кто рассматривал проблему языка в своих работах, был и Г.С. Губайдуллин (1887–1937) – первый профессиональный татарский историк, татарский публицист и писатель.

Одной из первых работ, опубликованных Г. Губайдуллиным, была статья «Старый язык и национальность» (*«Иске тел һәм миллият»*), увидевшая свет в 1913 г. [1]. В ней автор отмечает роль языка в формировании единой нации и обосновывает необходимость преподавания в начальных школах (*мәктәп*) и медресе тюркских народов некоего общетюркского языка, чтобы «расширить круг нашей нации» (*даирәи миллиятебезне киңәйтер өчен*). В качестве такового Г. Губайдуллина видится чагатайский язык: «У нас есть общий для всех тюрков язык и это чагатайский, на котором написаны такие прародительницы нашей литературы, как [“Кисас ал-анбийа”] Рабгузи¹, “Шеджере-и тюрк”², “Бабур-наме”³» (*«Безнең [“Кыйсас ал-әнбия”]*

¹ Насир ад-Дин б. Бурхан ад-Дин Рабгузи – тюркоязычный писатель золотордынского периода. Автор религиозно-художественного произведения «Кисас ал-анбийа» («Рассказы о пророках», 1311 г.), списки которого имели широкое распространение среди татарского населения. Имеется несколько изданий (первое осуществлено Р. Амирхановым в 1859 г. в Казани). Использовалось в медресе как учебное пособие.

² «Шаджара-и тюрк» – хроника, посвященная истории чингизидов и генеалогии тюркских и монгольских народов, написанная хивинским правителем Абу-л-Гази-бахадур-ханом (1603–1664) в 1663–1664 гг.

³ «Бабурнаме» («Записки Бабура», другое название – «Вакиат-и Бабури») – автобиография основателя династии Великих Моголов тимурида Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530), составленные им в конце жизни.

Рабгузый, “Шәжәрәи төрек”, “Бабурнамә” вә башкалар кебек әдәбиятыбызның аналары язылган, бөтен төрек угыллары өчен гомуми бер тел бар, бу исә чыгтай теледер») [1: 191]. Автор статьи признает, что создание на основе чагатайского современного общетюркского языка – дело нелегкое. Однако знание о наличии старого общего языка «культурно объединит и [еще больше] сроднит» представителей разных тюркских народов.

В статье «Что сделано в сфере общественных наук» (*«Иҗтимагый гыйлемнар бабында ниләр эшләнде?»*), вошедшей в сборник, посвященный 5-летию Татарской АССР, Г. Губайдуллин один раздел посвятил вопросу развития языка. Он констатирует, что после образования автономной республики национальная интеллигенция объединилась вокруг идеи формирования в республике татарского языка на основе местного народно-разговорного языка. Автор особо отмечает, что идея общетюркского языка была подвергнута жесткой критике Г. Ибрагимовым в его статье «Литературный облик пантюркизма» (*«Пантюркизмның әдәби йөзе»*) [2: 108].

В статье 1929 года «Гаспринский и язык» автор сам с классовых позиций выступает бескомпромиссным критиком идеи И. Гаспринского о создании общетюркского языка [3; 5]¹.

Воззрения Г. Губайдуллина на язык естественным образом вытекали из его отношения к этнониму, каковым, по его мнению, следовало называть татар. Еще в 1918 г. он выступал против этнонима «татар» (по его мнению, являвшегося синонимом слова «монгол») в пользу термина «волжские тюрки». Однако образование Татарской АССР, процессы национального размежевания среди тюркских народов СССР и, несомненно, сменившаяся идеологическая конъюнктура побудили его в 1928 г. выступить с обоснованием правомерности использования этнонима «татар» [4: 458–461].

Взгляды Г.С. Губайдуллина в общих чертах повторили эволюцию, характерную для некоторых других татарских исследователей того времени. Г.С. Губайдуллин, начав как сторонник возможно более широкого объединения тюркских народов вокруг общего языка, к концу 1920-х годов довольно радикально сменил свои воззрения и стал выступать в поддержку сложившихся реалий.

¹ Оба публикатора статьи Г. Губайдуллина – и Д.М. Насретдинова, и С.А. Сетиметова – почему-то датируют статью 1927 годом. Однако упоминание в тексте статьи 12 лет, прошедших со времени Октябрьской революции, указывают на 1929 год как год ее составления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газиз Г. Иске тел һәм миллият // Мәктәп. 1913. № 8. Б. 191–192.
2. Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик жыйынтык. = Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. Казан: Рухият, 2002. 336 б.
3. Насретдинова Д. Г. Губайдуллин. Гаспринский и язык // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 205–214.
4. Салахова Э.К. Г. Гобәйдуллин хезмәтләрендә «халык», «милләт» төшенчәләре // Историческая этнология. 2022. Т. 7. № 3. С. 457–467.
5. Сеитмететова С.А. Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Крымское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 147–155.

УДК 811.512.145'367

ТЕОРИЯ СИНХРОННОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Г. Хабибуллина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Несмотря на существование научных трудов, в которых косвенно затрагиваются вопросы синкретичных значений, теория синхронной переходности в татарском языкознании и тюркологии в целом не разрабатывалась. В современной лингвистической науке основным принципом познания системно-структурного и функционально-семантического исследования языка является соотношение языка и мысли, на первое место выдвигаются вопросы функционирования языковой структуры и ее внутренней организации. В связи с этим разработка теории синхронной переходности на материале татарского языка представляется актуальным и своевременным.

Ключевые слова: структурно-семантическое направление, функциональный подход, синхронная переходность, татарский язык.

Despite the existence of scientific works that indirectly touch upon the issues of syncretic meanings, the theory of synchronic transitivity in Tatar linguistics and Turkology as a whole has not been developed. In modern linguistic science, the main principle of cognition of systemic-structural and functional-semantic research of language is the relationship between language and thought, the issues of the functioning of the language structure and its internal organization are put in the first place. In this regard, the development of the theory of synchronic transitivity on the material of the Tatar language seems relevant and timely.

Keywords: structural-semantic direction, functional approach, synchronic transitivity, Tatar language.

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ СИНХРОН КҮЧЕШ ТЕОРИЯСЕ

Л.Г. Хәбибуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘһСИ (Казан)

Синтаксистагы структур-семантик юнәлеш традицион тел белемнән формалаша. Ул тел һәм фикерләү, форма һәм эчтәлек, тел системасы һәм аның сөйләмдә белдерелүенең үзара бәйләнеше өйрәнә.

70 нче елларда рус тел белемдә тел берәмлекләрен тикшерүгә функциональ якин килү кулланыла башлый. Бу исә тел системасын һәм аның кулланылышын дифференциацияләргә мөмкинлек бирә. Функциональ тикшеренүләр ярдәмендә тел берәмлекләренең үзара тәэсир итешүе нәтижәсендә арадаш, перифериядә торган күренешләр барлыкка килүе ачыклана. Функциональ-семантик кыр теориясен эшләү галим А.В. Бондарко һәм аның тарафдарлары хезмәтләрендә тормышка ашырыла.

Функциональ грамматика семантик теорияләр: А.В. Бондарконың функциональ-семантик кырлар теориясе; И.И. Мещаниновның төшенчә категорияләре; С.Д. Кацнельсон, В.П. Недялков, В.С. Храковскийның лингвистик типологиясе; Г.А. Золотованың коммуникатив грамматикасы ярдәмендә үсә.

Шул ук чорда функциональ-семантик кыр теориясе белән беррәттән синхрон күчеш теориясе формалаша башлый, аның төп нигезләмәләре русистикада В.В. Бабайцева тарафыннан тикшерелә. Галим билгеләгәнчә, «синхрон күчеш һәм функциональ-семантик кыр теорияләренең барлыкка килүе русистикада бер үк вакытта диарлек бара, аннары алар аерыла һәм бу теорияләр параллель рәвештә үсә башлый» [2: 111–112].

2015 елда Ф.Ә. Ганиевның «Татар теленең функциональ грамматикасы» («Функциональная грамматика татарского языка») дигән хезмәте дөнья күрә. Автор билгеләгәнчә, «тюркологиядә дә, татар тел белеме фәнендә дә функциональ грамматикага игътибар ителми» [3: 22]. Әмма функциональ грамматика дип аталса да, Ф.Ә. Ганиевның әлеге хезмәтендә татар теленең функциональ сүз ясалышы һәм функциональ морфологиясе генә өйрәнелә.

Тел – динамик система, чөнки сөйләм эшчәнлеге вакытында бер үк элементлар төрле функцияләрдә кулланыла. Һәрбер тел күренешенең дифференциаль билгеләре бар, ләкин алар аерым-аерым булмыйлар. Сөйләм төзү процессында синтаксик берәмлекләр хәрәкәتكә килә. Аларның үзара тәэсир итешүе нәтижәсендә күчешле тел фактлары барлыкка килә.

И.Н. Политова дөрес билгеләп үткәнчә, күчеш күренешләре ике төргә аерыла: диахрон (трансформацион) һәм синхрон (синкретик, гибри́д) [4: 4].

Синкретик мәгънәләргә кагылышлы мәсьәләләргә академик грамматикада беркадәр игътибар ителгән булуга карамастан [5], татар тел белемдә һәм тюркологиядә синхрон күчеш теориясе гомумән эшләнмәгән.

Синхрон күчеш теориясен эшләү татар телендәге синкретик тел күренешләрен тикшерүне күздә тотта. Түбәндәге бурычлар куела:

- үзара кисешкән синхрон күчеш һәм функциональ-семантик кыр теорияләрен аерып карау;

- төрле тел мәгънәләре билгеләрен берләштергән синкретик күренешләрне ачыклау;

- татар телендә тел берәмлекләренең семантик-грамматик синкретизмын өйрәнү.

Хәзерге лингвистика фәнендә телне системалы-структур һәм функциональ-семантик өйрәнүнең төп принцибы булып тел белән фикернең нисбәте тора, беренче урынга тел структурасының сөйләмдә хәрәкәтә һәм аның эчке төзелеше мәсьәләләре куела.

Шуңа бәйле рәвештә, татар теле материалында синхрон күчеш теориясен өйрәнү актуаль санала. Тел категорияләрен тел системасында һәм контекстуаль дискурста өйрәнү лингвистик планда гына түгел, когнитив планда да зур әһәмияткә ия.

Синхрон күчеш теориясе дә, функциональ-семантик кыр теориясе дә телне һәм сөйләмне тасвирлауга функциональ якын килүне кулланалар. Синхрон күчеш теориясе тел системасының бер дәрәжәдәге берәмлекләрен, синкретизм зоналарын өйрәнә.

Функциональ-семантик кыр теориясенең тикшерү объекты булып төрле дәрәжәдәге чаралар белән белдерелгән категорияләр тора, чөнки категорияләрне өйрәнү барышында аларның маркерлары һәм төрле дәрәжәдәге белдерү чаралары, кырның төше ачыклана. Синхрон күчеш теориясе еш кына тикшеренүчеләр күзлегеннән читтә калучы арадаш тел күренешләрен дә ачарга мөмкинлек бирә, ә функциональ-семантик кыр теориясе исә бары тик перифериядәгеләрне генә күрсәтә. Нәкъ менә арадаш тел күренешләре тел һәм сөйләмнең үзара бәйләнеше нәтижәсе булып тора.

Синхрон күчеш теориясен эшләү структур-семантик юнәлеш кысаларында тормышка ашырыла. Рус тел белемдә беренче тапкыр В.В. Бабайцеваның «Переходные конструкции в синтаксисе» (1967) монографиясендә эшләнә.

Күчеш күренешләрән өйрәнү татар тел белеменең хәзерге торышы өчен актуаль булып тора, чөнки мондый тикшеренүләр нәтижәсендә типик булмаган тел фактлары ачыклана. Тел системасы динамикалы, эмма тел берәмлекләренең хәрәкәтчән, тотрыксыз характеры, кагыйдә буларак, телнең грамматик төзелешен өйрәнүгә багышланган тикшеренүләр күзлегеннән читтә кала. Синхрон күчеш теориясе ярдәмендә тел системасындагы тотрыксыз һәм каршылыклы фактлар ачыклана. Синхрон күчеш теориясе кысаларындагы тикшеренүләр ачык белдерелгән дифференциаль билгеләре булмаган тел күренешләренең статусын билгеләргә мөмкинлек бирә.

«Синхрон күчеш – телнең хәзерге системасында күчешнең шундый төре, аның вакытында оппозицион үзәк (типик) категорияләр (типлар), төрләр, разрядлар һ. б. арасындагы үзара бәйләнешләр периферия һәм арадаш звенолы синкретизм зонасын барлыкка китерәләр» [2: 44].

Синхрон күчеш теориясе ярдәмендә тел системасының хәрәкәтчәнлегә билгеләнә, синтаксик конструкцияләрнең мәгънәви төрләре ачыклана. Әлеге теориянең төп методы булып системалы якин килү тора. Системалы якин килү типик һәм синкретик тел күренешләрен тикшерүне күздә тотта.

Синкретик конструкцияләрдә төрле семантик-синтаксик мөнәсәбәтләр билгеләренең керешүе күзәтелә. Шулай ук вакытта билгеләр төрле пропорциядә була. Мәсәлән, *-ганда* формасы (урын-вакыт килешендәге *-ган* формасындагы сыйфат фигыл), кагыйдә буларак, вакыт мәгънәсен белдерә, бер гамәлнең үз чикләрендә икенчесе белән туры килүен белдерә. Төрки телләрдә темпоральлекнең төп квалификаторы булган *-ганда* формасы белән пространство (*Калага ун чакрымнар калганда*, алда күпсанлы *җайдаклар күренде* (Р. Зәйдулла) һәм иң еш кондициональ семантика белдерелә (*Гыйлем булмаганда*, *бар акыл да юк була* (Мәкаль). Соңгы мисалга килгәндә, *-ганда* формасы ярдәмендә һәрвакыт була яки кабатлана торган күренешләр турында хәбәр итүче шарт мәгънәсе белдерелә, гадәттә, паремияләрдә кулланыла.

Фигыльнең шарт наклонениесе формасы *-са*, шарт мәгънәсенен төп күрсәткече булса да, күптөрле мәгънә белдерүдә кулланыла ала. Әйтик, *-са* формасы ярдәмендә төзелгән конструкцияләр каузалъ семантикага ия шарт буларак аңлашыла торган паремияләрнең нигезен тәшкил итә. Мәсәлән: *Салават күпере төньягында чыкса, яңгыр булмаска* (Сынамыш).

Синкретик шарт-вакыт семантикалы конструкцияләрдә гомуми закончалык, типик күренешләр, абстракт вакытлы мәгънә белде-

релә, даимилек семантикасы була. Мәсәлән: *Яңгыр яуса, җиргә явар* (Мәкаль).

Гадәттә, вакыт мәгънәсен белдерә торган *-гач* формалы хәл фигылъ сәбәп-нәтиҗә (*Һич уенда юк кызык, дәрсем хәзерләп куймагач* (Г. Тукай) һәм шарт семантикасын белдерә ала (*Теләгәч сынасыннар* (Р. Миңнуллин).

Тел һәм фикерләү бәйләнеше мәгънә аша белдерелә. «Башка семиотик системалардан аермалы буларак, телдә белдерелә торган һәм белдерелергә теләгән мәгънә арасында төгәл тәңгәллек юк» [1: 13]. Шуңа күрә дә хәзерге тел белеме фәннәдә коммуникатив-функциональ якин килү белән берлектә лингвистик анализның системалы-структур аспектлары аеруча кызыксыну уята.

Татар телен өйрәнүдә яңа теорияләр куллану тел системасының сөйләмдәге хәрәкәтен күрергә мөмкинлек бирә. Тел формалары функциональ вариативлыкка ия. Татар телендә бер үк грамматик форма ярдәмендә төрле мәгънә белдерелә ала, еш кына арадаш мәгънә мөнәсәбәтләре барлыкка килә.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Алексанова С.А. Синкретизм, контаминация, многозначность (ЕТС.): О терминах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 13–15.

2. Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей. М. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.

3. Ганиев Ф.А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань: Пропаганда, 2015. 272 с.

4. Политова И.Н. Подчинительные словосочетания в свете теории синхронной переходности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 34 с.

5. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. һәм авт. М.З. Зәкиев. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III. 536 б.

УДК 82-32

ОБЩИЙ ОБЗОР РАССКАЗОВ (КИССА), ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ (по материалам отдела рукописей и редких книг)

Г.Р. Хусайнова

Национальная библиотека РТ (Казань)

С 1992 года в Национальной библиотеке Республики Татарстан функционирует отдел рукописей и редких книг. В отделе наряду с рукописями, фотоматериалами, газетами и журналами хранится большое

количество печатных книг, написанных арабской графикой на татарском языке. Среди этих книг немало произведений литературного содержания, особенно написанных в жанре кисса (рассказа). Эти произведения, изданные в середине XIX – начале XX века, отличаются с богатой тематикой, а в некоторых случаях и совпадением с другими жанровыми признаками.

Ключевые слова: старопечатная книга, кисса, рассказ, сюжет, тематика, образ.

Since 1992, the National Library of the Republic of Tatarstan has operated a section for manuscripts and rare books. In the department, along with manuscripts, photographic materials, newspapers and magazines, there is a large number of printed books written with Arabic graphics in the Tatar language. Among these books, there are many works of literary content, especially written in the genre of kissa (narrative). These works, published in the middle of XIX – early XX century, differ with rich thematic, and in some cases also coinciding with other genre features.

Keywords: old printed book, pussy, story, plot, theme, image.

МИЛЛИ КИТАПХАНӘ ФОНДЛАРЫНДА САКЛАНЫП КИЛГӘН КЫЙССАЛАРГА ГОМУМИ КҮЗӘТҮ (кульязмалар һәм сирәк китаплар бүлгеге материаллары нигезендә)

Г.Р. Хөсәенова

Татарстан Республикасы Милли китапханәсе (Казан)

Татарстан Республикасы Милли китапханәсенә кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлгендә халыкның тарихын, мәдәниятен, әдәбиятын чагылдырган бай язма мирас саклана. Фонд иске татар һәм көнчыгыш кулъязмалары, фотоматериаллар, басма китаплар, газета, журналлардан гыйбарәт. Китаплар 1930 елга кадәр нәшер ителгән дини, әдәби, тарихи, фәлсәфи эчтәлектәге материалларны үз эченә ала.

Гарәп графикалы татар китаплары арасында кыйсса жанрында язылган материаллар шактый еш очрый. Аларның хронологик чикләре 1840–1918 еллар аралыгын колачлый. Кыйссаларда автор хакында мәгълүмат юк, фәкать әсәренң исеме, басылуга рөхсәт алынган елы, нәшер ителгән вакыты, табгыханәсе¹ һәм урыны күрсәтелә.

Милли китапханәдә сакланып килгән кыйссаларны тикшерүгә ныклап кереп киткәнче, иң элек, кыйсса жанры атамасына тукталыйк.

Кыйсса – гарәп сүзе, хикәя, тарихи вакыйга, риваять дигәнне аңлата. Шәрык әдәбияты һәм фольклорында эпик, кайвакытта лиро-эпик

¹ Табгыханә – басмаханә, типография.

жанр. Кыйсса формасы һәм тематикасы белән дастанга якын, китаби һәм фольклор чыганаclarына нигезләнә, героик, фантастик, әкияти һәм тарихи эчтәлектәге вакыйгаларны үз эченә ала...» [4: 380]. Халык ижаты һәм Көнчыгыш белән бәйләнешле кыйсса китаплары аеруча XIX йөздә һәм XX гасыр башында күпләп туалар. Әлеге чор югарыда әйтеп үтелгән вакыт чикләре белән тәңгәл килә.

Бүгенге көндә татар телендәге кыйссалар тел, әдәбият галимнәре Хатип Миннегулов, А.А. Тимерханов, Н.Ш. Хисамов, М.Х. Гайнуллин, Р.К. Ганиева, Д.Ф. Заһидуллина, А.Ш. Салихов, Ф.Ф. Гыйлемшин һ. б. тарафыннан жите́рлек дәрәжәдә өйрәнелгән һәм тикшеренү эшләре дәвам итә.

Фондта сакланучы кыйссаларның тематикасы берничә төркемгә бүленә. Биредә Коръәндә еш искә алынган пәйгамбәрләренң яки хәлифәләренң тормыш юлын яктырткан әсәрләр бихисап. Болар: «Кыйссаи Йосыф галәйһис-сәлам», «Сөләйман галәйһис-сәлам кыйссасы», «Кыйссаи анхәзрәт Рәсүлнең мигъражга кунак булганы», «Пәйгамбәремез сәлаллаһу галәйһис-сәламнең кыйссасы», «Кыйссаи нәбиемез Мөхәммәд Мостафа Саләллаһу галәйһи вәс-сәлям», «Кыйссаи хәзрәти Госман» һәм башка дини рухтагы сюжетлар урын алган. Мәхәббәт сюжетына корылган кыйссалардан «Кыйссаи Таһир илә Зөһрә», «Кыйссаи Сәйфелмөлөк», «Кыйссаи Бүз егет»; каһарманлык кыйссаларыннан «Кыйссаи пәһләвән каһарман Катыйль», «Кыйссаи Каһарман» һәм төрле сюжетларга нигезләнгән «Кыйссаи Фәтхәддин», «Кыйссаи Таһир», «Караклар кыйссасы» һәм башкалар. Шунысын әйтергә кирәк, фондта сакланып килгән кайбер кыйссалар дастан жанры билгеләрен үз эченә алуы белән кызыклы. Мәгълүм булганча, татар халкының күп кенә эпос-дастаннары башка жанр атамалары белән сакланып калган. Әйтик, «намә», «рисалә», «китаб», «хикәят», «дастан» терминнары уртақ жанр буларак каралырга мөмкин булган әсәрләргә карата әйтелеп йөртелгән [2]. Төрле тематикага нигезләнгән дастан текстларының «кыйсса» сүзе белән дә аталган булуы мәгълүм. XIX гасырда басылган «Жәүһәр таж кыз» кыйссасы да дастан жанры билгеләрен алуы белән үзенчәлекле. Әлеге кыйсса гарәп графикасында татар телендә язылган. Авторы билгесез.

Гаять мавыктыргыч сюжетка корылган әлеге кыйсса 15 биттән гыйбарәт. Әсәрдә «Пишәвәр», «Бинәрис» кебек географик атамалар телгә алынганлыктан, вакыйгаларны Пакистан иленең Пишәвәр һәм Һиндстанның Бинәрис (Бенарес) шәһәре жирлекләрендә баруын фаразларга мөмкинлек туа.

Кыйсса Пишэвэр шәһәрәндә яшәүче Хидыр Фадил исемле патшаның байлыгын бәян итү белән башланып китә. Зур мөлкәткә ия булган бу шаһның бер хәсрәте бар – үзеннән соң калдырырга нәсел давамчысы юк. Дөньяга килгән һәр сабыйның кыска гомерле булып, озак та тормый үлеп китүеннән зар булган ата белән ананың көннәрдән беркөнне тагын бер балалары туа. Патша барлык вәзирләрен жыеп, «Бу кызыма гомер бирелеп, балигылыкка ирешсә, кызым кемне үзе яратса, һичбер сүз әйтмәстән, шул адәмгә никах итеп бирәм», диеп нәзер әйтеп, балага «Жәүһәр таж» дип исем куша. Хидыр Фадилның бу баласы гомерле булып чыга. Жәүһәр таж үсеп, 14 яшенә житкәч, төрле жирлекләрдән, кызы хатынлыкка сорап, яучылар килә башлый. Патша әйткән сүзендә нык тора – кызын бары яраткан кешесенә генә бирәчәге турында житкереп, яучыларны Жәүһәр таж янына жибәрә. Кыз барлык яучыларны да кире кагып, фәкать үз һөнәре булган адәмгә генә никахланачагы турында хәбәр бирә.

Бу заманда Бинәрис шәһәрәндә Синан исемле яшь патша яшәгән. Көннәрдән беркөнне ул Жәүһәр тажга яучы жибәрергә була, тик кыз аларны да элек әйтелгән сүзләр белән борып кайтара. Синан патша кызының «һөнәрле кешегә генә никахланам» дигән сүзен ишеткәч, үзе дә шул шәһәргә юл тотта. Пешекче киёмнәренә киенеп, Хидыр Фадил патша катына килә. Үзен яхшы пешекче буларак танытып, Жәүһәр таж белән никахланып, үз шәһәренә кайтырга юл ала. Синан шаһ бик зирәк, хикмәтле егет булып чыга – патша кызын төрле кыенлыклар аша үткәреп, яңа һөнәрләргә өйрәнергә мәжбүр итә. Кыйсса ахырында егет «Сафаның кадерен белмәссең дип, сиңа шундый эшләр кылдым» дип, Жәүһәр тажга үзенә бу гамәлләренә сәбәбен аңлата. Әсәр шул рәвешле тәмамлана.

Кыйссаның атамасы бары Жәүһәр таж исеме белән генә йөртелсә дә, әсәрнең төп геройлары – Жәүһәр таж кыз белән Синан патша. Бу яктан кыйсса ике төп геройлы романик дастаннарда охшаш. Шулай да әсәрнең тематикасы мондый төр дастаннардан бик нык аерыла. Биредә егет белән кыз арасында булган мөһаббәт хисләренә урын бирелми. Мөһаббәт сюжетына корылган дастаннарда геройлар ярату төшенчәсен тормыш мәгънәсе буларак кабул итсә, «Жәүһәр таж кыз» кыйссасы геройлары тормышка житди күзлектән карый. Бу геройлар өчен яраткан кешенең тормышка эзерлекле, зирәк булуы бик мөһим. Тормыш иптәшен дә алар нәкъ шушы таләпләрдән чыгып сайлыйлар [5: 99].

Кыйссаның төп идеясе китапның титул битендә язылган борынгы мәкальдә чагылыш таба:

*Мәшәкатъ чикмәгән адәм – сафаның кадерен белмәс,
Мәшәкатъ беләдер кем – грифтар улмая белмәс [1: 1].*

Мәгънәсе: гомерен мәшәкатъ күрми үткәрүче адәм баласы рәхәт-нең кадерен аңламас, фәкатъ күп михнәтләр кичергәнә генә мул, тыныч тормышның кыйммәтен белеп яшәр. Шул сәбәпле, алар, иң элек, бер-берсен кыенлыклар белән сыныйлар.

Кыйссада образлар системасы шактый жыйнак итеп бирелгән. Төп каһарманнарның берсе – Жәүһәр таж – әтисе Хидыр Фадилның яклавына сыенып, авырлыклардан имин булып үскән патша кызы. Жәүһәр таж һәм Синан шаһның «һөнәр» төшенчәсенә карашлары күпмедер дәрәжәдә аерыла. Жәүһәр таж яучыларны борып жибәрүен түбәндәгечә аңлата: ...бән гажәпкә каламын, бу вакытта (вакытта) егетләргә: яучы йибәреп йөриләр, үзләренң һөнәрләре юк, – диде. Синан шаһ һөнәрнең нәрсәдән гыйбарәт булуын сорагач, кыз: Алтын каритәгә алты артлы ат жигеп, ул егет үзе каритәгә утырып чабып, туры бәнем дворисемә килеп, баскычтан менеп, дворискә кереп, бәнем янымга килеп утырса, бән шул егеткә барамын, – ди [1: 5].

Контексттан күренгәнчә, Жәүһәр тажның идеаль егет образын күзаллавында балаларга хас беркатлылык сизелә. Шулай да кызны «фикерсез» дип әйтеп булмый. Әгәр кыйссаның башлам өлешендә төп героиня жир йөзәндә байлыктан да кыйммәтрәк рухи төшенчәләргә бары белгән хәлдә генә яшәсә, кыйсса дәвамында авырлыкларны үз жиккәсендә татып караган, берничә төрле һөнәргә өйрәнгән булдыклы, сабыр хатын-кыз образы буларак формалаша.

Шунысы кызык, әгәр охшаш сюжетка корылган дастаннарда кызның матурлыгын тасвирлауга зур урын бирелсә, биредә геройларның кыяфәте бөтенләй тасвирланмый.

Синан патша – яшъ булуына кармастан зирәк, максатчан герой буларак күзаллана. Алдан язылып үткәнчә, Жәүһәр тажның шартын үтәп, аңа өйләнү бәхетенә ирешкәч тә, тукталып калмый – хатынын төрле кыен хәлләрдә калдырган булып, аны чын мәгънәсендә тәрбияли. Зирәк Жәүһәр таж үзе дә хәләл жефетенң бу адымыннан дәрәс нәтижә ясап, шөкер итеп яшәвен дәвам итә.

«Жәүһәр таж кыз» кыйссасы – төрки эпик мотивларны һәм Борыңгы Шәрәк әдәбияты билгеләрен үз эченә алган әсәр. Сюжет тамырлары борыңгы фольклор мотивына барып тоташкан баласызлык мотивы белән башланып китә. Биредә Хидыр Фадил патша хатыны карынындагы баланың озын гомерле булуын теләп, жыелыш жыеп, бөтен вәзирләре каршында нәзер әйтә. Нәзер әйтү (итү) – берәр эш

башкару алдыннан, ул эш уңышлы барып чыкса, кемгә дә булса берәр нәрсә бирергә яки берәр йөкләмә үтәргә үз күңеленән вәгъдә бирү [3]. Патшаның нәзер әйтеп, Аллаһ Тәгаләдән ярдәм көтүе – кыйссаның ислам дине белән тыгыз бәйләнешен күрсәтә. Шунисын әйтергә кирәк: «нәзер әйтү» – «вәгъдә» төшенчәсенә бик якын. Баласызлык мотивы урын алган романик характердагы дастаннарда ата кеше (гадәттә, хан яки падишаһ) кызын билгеле бер егеткә ярәшчәге турында вәгъдә бирә. Тик ижтимагый тигезсезлек нигезендә, падишаһ әйткән сүзләренә тугры калмый, нәтижәдә, әсәр фажигалы төстә тәмамлана.

«Жәүһәр таж кыз» кыйссасында баласызлык проблемасының дәвәмы башка төрлө борылыш ала. Тантаналы рәвештә барлык вәзирләре алдында нәзер әйткән Хидыр Фадил бирелгән вәгъдәсенә тугрылык саклай, шул рәвешле, кызга төрлө жирлекләрдән яучылар килеп, падишаһ каршына баскач, ата кеше 14 ел элек әйтелгән сүзләрен яучыларга да житкереп, аларны Жәүһәр таж янына жибәрә.

Алда карап үтелгән дастан мисалыннан аермалы буларак, әлеге кыйсса геройларның бергә, бәхетле яшәп калулары белән тәмамлана. Бу урында шуңа игътибар итәргә кирәк, ата кешенең әйткән нәзеренә (вәгъдәсенә) тугры калуы вакыйгаларның үстөрелешендә, ә бигрәк тә чишелешендә зур роль уиный. Әсәрләренң ислам дине белән тыгыз бәйләнешен истә тоткан хәлдә, биредә вәгъдәгә тугрылыклы кала белү морале үткәрелә, дип нәтижә ясарга мөмкин.

«Жәүһәр таж кыз» кыйссасы – әдәбият һәм фольклор чигендә торучы борынгы кулъязма ядкәр. Кыйссада «дастан» жанры билгеләре чагылыш табу сәбәпле, әлеге әсәргә дастан тексти буларак кабул итү дә дөреслеккә туры килер иде. Сюжет кайчандыр индивидуаль ижат буларак барлыкка килеп, сонрак, «авторсыз» әсәр булып формалашып, китап булып басылып чыккан. Әлеге фактлардан чыгып, кыйссада китабилык билгеләре урын алган, дип нәтижә ясарга мөмкин. «Жәүһәр таж кыз» кыйссасы рухи мирасыбызның зур өлеше язма хәлдә сакланып калуға ныкы дәлил булып хезмәт итә.

Татарстан Республикасы Милли китапханәсендә сакланып килгән кыйссалар халыкның бәһасез мирасы буларак әһәмиятле. Бу әсәрләренң күпмедер дәрәжәдә өйрәнелгән булуларына карамастан, фәнни әйләнешкә кереп китүләренә ихтыяж зур. Кыйссаларның гарәп графикасында язылган булулары да хәзергә көн укучысы өчен кыенлык тудыра, шул сәбәпле, без – галимнәр тарафыннан әлеге язма ядкәрләргә өйрәнү, халыкка житкерү көн кадагындагы иң зур бурычларның берсе булып тора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кыйссаи Жәүһәр таж кыз хикәяте. СПб.: Чирков тип., 1897. 15 б.
2. Мухаметзянова Л.Х. Книжные дастаны поволжских татар: проблема «Границы» жанровых названий в народном творчестве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/knizhnye-dastany-povolzhskih-tatar-problema-granitsy-zhanrovyyh-nazvaniy-v-narodnom-tvorchestve> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Нәзер [Электронный ресурс] // URL: <https://tatar-explanatory.academic.ru/12867/%D0%BD%D3%99%D0%B7%D0%B5%D1%80> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Татарская энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. М.Х. Хасанов (т. 1–5); А.М. Мазгаров (т. 6); [отв. ред. Г.С. Сабирзянов]. Казань: Ин-т Татар. энцикл., 2002–2014.
5. Хөсәенова Г.Р. XIX гасыр басма китабы «Жәүһәр таж кыз»: әсәрнең жанр компонентларына кыскача күзәтү // Фәнни Татарстан. 2024. № 2. Б. 97–103.

УДК 82-6

«ПРОСТИ, МОЙ ДРУГ, НАПИСАТЬ ТЕБЕ ПИСЬМО В МЫСЛЯХ ДАВНО...» (письма Фахрелислама Агиева Фатиху Амирхану)

Г.А. Хуснутдинова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена изучению и анализу писем, адресованных классике татарской литературы Фатиху Амирхану (1886–1926) писателем, журналистом педагогом Фахрелисламом Агиевым (1887–1938). В статье также приводится письмо стихотворение, напечатанное в журнале «Мәктәп» (Школа) за 1913 год. В ходе анализа писем раскрываются интересные факты из жизни Ф. Амирхана и Ф. Агиева, а также людей, которые имели отношение к ним. В оригинале письма написаны на арабской графике и хранятся в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в личном фонде Ф. Амирхана. Представленные письма показывают общественно-политическую жизнь татар начала XX в. и обогащают творческое наследие Ф. Амирхана.

Ключевые слова: Фатих Амирхан, Фахрелислам Агиев, татарская литература, письма, история татарской литературы, периодическая печать.

The article is devoted to the study and analysis of letters addressed to the classic of Tatar literature, Fatikh Amirkhan (1886–1926), by the writer, journalist, and teacher Fakhrilasam Agiev (1887–1938). The article also includes a letter-poem published in the magazine “Mäktäp” (School) in 1913. The analysis of the letters reveals interesting facts about the lives of F. Amirkhan and F. Agiev, as well as the people who were associated

with them. The original letters are written in Arabic script and are kept in the Center of Written Heritage of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in the personal fund of F. Amirkhan. The letters presented show the socio-political life of the Tatars at the beginning of the 20th century and enrich the creative heritage of F. Amirkhan.

Keywords: Fatih Amirkhan, Fakhreislam Agiev, Tatar literature, letters, history of Tatar literature, periodical printing.

«ГАФУ ИТ, ДУСТКАЕМ, ХАТ ЯЗУ УЕНДА СИҢА КҮПТӘН...» (Фәхрелислам Агиевның Фатих Әмирханга хатлары)

Г.А. Хөснетдинова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

XX гасыр ахырында илебезнең ижтимагый тормышында килеп чыккан кискен үзгәрешләр әдәбиятыбызның үткәнен бернинди чикләүләрсез өйрәнү, әдәби мирасыбызны тулы рәвештә халыкка кайтару мөмкинлеген бирде. Бу юлда Фатих Әмирхан эсәрләренә Академик басмасын төзү зарурияте туды һәм 2021 елдан текстология бүлгә фәнни хезмәткәрләре тарафыннан Ф. Әмирханның алтытомлыгы эшләнә башлады. Беренче өч томда әдипнең әдәби эсәрләре, 4 нче һәм 5 нче томнарда публицистикасы туплап бирелде. Ә инде 6 нчы томда әдипнең көндәлек дәфтәрләре, хатлар һәм төрле документлар урын алды. Томнар, бигрәк тә 6 том нигездә зур югалтулар аша безнең көннәргәчә килеп җиткән Ф. Әмирхан архивы материаллары буенча эшләнә. Алар барысы да диярлек Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәгендә Фатих Әмирхан фондында саклана (16 фонд). Эш барышында жәмәгәтчелекне Ф. Әмирханның моңарчы басылмаган яки ниндидер сәбәпләр аркасында алдагы томлыкларына кертелмәгән эсәрләре, шәхесенә һәм ижатына караган яңа материаллар белән таныштыру даими рәвештә алып барыла [2; 3; 7].

6 нчы томның зур өлешен хатлар алып тора. Алар ике өлештән Ф. Әмирхан язган һәм аңа язылган хатлардан гыйбарәт. Элеккеге томлыкларда Ф. Әмирханга язылган хатлар гына басылса, Академик басмада беренче тапкыр аңа язылган хатлар да урнаштырылды. Туганнарыннан, дус-ишләреннән, фикердәшләреннән юлланган әлегә хатлар әдипнең тормышын, әдәби процесстагы урынын ачыкларга һәм шул чор атмосферасын тулырак күзалларга ярдәм итәләр, тәржемәи хәленә яңа фактлар өсти. Язучыга юлланган хатлар 1902–1926 ел аралыгында язылган, аларның саны 90 га якын.

Авторлары билгеле хатлар арасында язучылары билгесезләре дә саклана. Татар (гарәп графикасында) һәм рус (кириллицада) телләрендә язылган әлеге хатлар илнең төрле төбәкләреннән, шәһәр-авыллардан юлланган.

Бу хатларның беркадәре, өлешчә укылып, И. Нуруллинның «Атаклы кешеләр тормышы» сериясеннән «Фатих Әмирхан (1886–1926)» [4] дигән әдәби-документаль хезмәтendә чагылыш тапкан булса, 2016 елда Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты Язма мирас үзәге тарафыннан эзерләнә торган «Руһи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия» сериясенең Ф. Әмирхан ижатына багышланган икенче чыгарылышында әлеге хатларның зур өлеше тәкдим ителде [5].

XX гасырның беренче яртысы әдәби хәрәкәтенә һәм мәдәни-иҗтимагый мәсьәләләргә һәрдаим үз карашын, мөнәсәбәтен җиткерүче, язучы һәм жәмәгать эшлеклесе Ф. Әмирхан фондында язучы, педагог Фәхрелислам Агиевның хатлары саклана. Дөрөс, аларның саны күп түгел, бары 3 хат, әмма шуңа карамастан алар үз чорының кыйммәтле ядкәрләре булып торалар һәм әдәби мохитны, аның барышын күзалларга, әдәбият фәненең кайбер сәхифәләрен ачыкларга ярдәм итәләр. Ни кызганыч, Ф. Әмирханның Ф. Агиевка адресланган хатлары сакланмаган. Алар, әлбәттә булгандыр һәм сакланып калган хатлардан күренгәнчә күп булганнардыр.

Кем соң ул Фәхрелислам Агиев?

Балалар язучысы, педагог, журналист, Тукайның, Әмирханның якин дуслы Фәхрелислам Нигъмәтулла улы Агиев 1887 елда Тамбов губернасы Темников өязе Тенеш авылында туган. 1906 елда ул Казанга килә һәм 1908 елда Казанда үзлегеннән эзерләнеп Татар укытучылар мәктәбе курсын тәмамлый. 1908–1915 елларда Рус-татар училищесендә (Казан) укытучы булып эшли.

1907 елдан башлап «Аң», «Мәктәп» журналларында, «Әлислах», «Кояш», «Йолдыз», «Бәянелхак» һәм «Ил» газеталарында мәкаләләр, хикәяләр бастыра. 1913–1916 елларда балалар өчен рәсемле «Ак юл» журналын чыгара, мәктәпләр өчен уку китаплары төзи.

1917 елда Бөтенроссия мөселманнары корылтаенда катнаша. 1924 елдан Ф. Агиев Мәскәүгә күчә, РСФСР Мәгариф комиссариатында инструктор һәм методист булып эшли. СССР халыкларының Мәскәүдәге Үзәк нәшриятында татар секциясе сәркатибе вазифасын башкара. Ф. Агиев беренчеләрдән булып 1913 елда Г. Тукайның тулы биографиясен язып «Ак юл» журналында бастыра; Гафур Коләхмәтовның ижат биографиясен төзеп, эсәрләренен

беренче жыентыгын Мәскәүдә чыгаручы да ул була. 1938 елда репрессияләнә.

Ф. Агиевның Ф. Әмирхан фондында сакланган беренче хаты 1911 елның 21 декабрендә язылган [8]. Петербург шәһәрәннән юлланган әлеге 2 битле хат беренче тапкыр кириллицага күчерелеп «Рухи мирас» жыентыгында басылган [5: 171–172].

Хат Агиевның цензурный комитетка Әмирханның «Яшьләр» әсәрен тапшырып кайтуы хакында хәбәр итүе белән башлана. «Хәзер генә Кәбирдән «Яшьләр»не алып цензурный комитетка тапшырып кайттым. Прошение Кәбир исемнән яздым. Тагын 75 тиенлек марка алырга туры килде». (Сүз журналист, драматург, театр тәнкыйтьчесе Кәбир Бәкер (Бәкеров, 1885–1944) хакында бара. Ул 1910–1911 елларда Санкт-Петербург шәһәрәндә яши, 3 нче Дәүләт думасында мөселман депутатлар фракциясе сәркатибе вазифасын башкара. – Г.Х.) Әмирханның «Яшьләр (Татар тормышының алмашыну көннәре)» драмасы 1910 елда ук Казанда «Әхмәтгәрәй Хәсәни вә шөрәкәсе» тарафыннан «Театр мәжмугасы» сериясеннән 9 нчы китап булып басылып чыкса да, сәхнәдә уйнар өчен цензурный комитеттан рөхсәт алу кирәк булган күрәсәң. Пьеса беренче тапкыр 1913 елның 17 сентябрендә «Шәрык клубы»нда куела. Әмма матбугат битләрендә бу хакта нинди дә булса бәя күренми. Бары икенче тапкыр 1914 елның 31 гыйнварында уйналгач кына Г. Кәрам «Кояш» газетасы битләрендә зур мәкалә белән чыга. Ул әсәрнең һәм үзенә, һәм куелышына зур бәя бирә.

Инде хатка килик. Фәхрелислам гариза язып кына калмый, ул Әмирханга бер-ике көннән эшнәң ничек торы хакында белешергә дә сүз бирә. «Шулай да ун-унбиш көннән бер-бер җавап булыр дип көтәргә ярый. Чөнки гаризаны (прошение) кабул иткән заттан мөмкин хәтле тизрәк каралуы максат дигән сүзләргә каршы йомшак кына җавап алдым. Тагын бер-ике көннән барып белешермен. Һәм баш цензорны күрәп, эшнәң ни хәлдә икәнән беләп кайтуны үземә вазифа итереп йөкләдем», – ди.

Хатта әдәбият дөньясына кагылышлы «Китапчылар һәм Габди эше» (Габди – Г. Ибраһимовның псевдонимы – Г.Х.) турында да сүз кузгатыла. «“Китапчылар” белән Габди эше ничек бара? Син ни дә булса яздыңмы? Әгәр мәкаләң басылмаган булса һәм теләсәң, үзеңнеке астына минем дә имзаны куярга иреклесәң. Галимжаннан «гауга» номерларын алып килмәвемә хәзер бик үкенәм. Чөнки эшнәң асылы мәгълүм булса да, күп фактлар хәтердән чыкканнар», – дип, үкенечен белдерә. Сүз 1911 елда Г. Ибраһимов белән татар китапчылары ара-

сында булган бәхәс хакында бара. Бәхәс Г. Ибраһимовның «Вакыт» газетасында (1911, 1 октябрь) басылган «Казан китапчылары» исемле мәкаләсеннән соң башланып китә. Аңа жавап буларак «Йолдыз» газетасы (1911, 29 ноябрь) Шиһаб Әхмәровның «Сөйләү ансат, эшләү читен» дигән мәкаләсен бастыра. Г. Ибраһимовның һәрнәрсәгә шәкерт күзе белән каравына ишарәли. Моңа каршы Г. Ибраһимов «Казан китапчыларының рәддиясе хакында» (1911, 4 декабрь) дигән икенче язмасын бастыра. Ул китапчыларны аны плагиатлыкта гаепләүләре турында язып чыга. Эш судка барып житә һәм 1912 елның 11 февралендә булып узган Третейский суд карарында плагиатлыкта гаепләүләр юклыгы исбат ителә.

Ф. Агиевтан Әмирханга адресланган икенче хат 1925 елның 18 июнь датасы белән тора [8]. Хат Язма мирас үзәгендә саклана һәм Әмирхан томлыкларына беренче тапкыр кертелә. Кечкенә кәгазь кисәгенә язылган әлегә хатта Ф. Агиев әдипкә 10 дәфтәргә тупланган әсәрләрән, аерым бер дәфтәргә язылган «Тәгъзия»сен (1922 елда «Әдәби ярдәм мәжмугасы»нда басыла һәм басылы чыгуга каты тәнкыйть утына элгә. – Г.Х.) һәм «Чәчәкләр китерегез миңа!» (1921 елда «Кызыл дәфтәр» журналында басыла. – Г.Х.) дигән әсәрләре кулъязмаларын кул куеп алганлыгы турында хәбәр итә. Кызганыч, санап кителгән әсәрләрнең язмышы хакында бездә бер нинди мәгълүмат юк. Дәфтәрләрдә язучының яңа әсәрләремә, әллә инде үзгәртелгән, яңадан эшләнгәннәре булганмы – әйтүе кыен. Шунысын төгәл итеп расларга мөмкин, димәк Мәскәүдә Әмирханның әсәрләр жыентыгын бастыру мәсьәләсе кузгатылган һәм ул эш эшләнә дә башлаган булса кирәк. Чөнки 8 август датасы белән сакланган өченче хатта [8] Агиев бу мәсьәлә буенча Әмирханның энесе Ибраһим белән киңәшләнүен һәм аның белән фикер алышканнан соң, ун табак тирәсе күләмендәге бер жыентык бастыру фикеренә килүләрен хәбәр итә. (Сүз хокук белгече, сәяси эшлекле Ибраһим Зариф (Мөхәммәтзариф) улы Әмирханов (1889–1938) хакында бара. Бу елларда ул илчелектә хезмәт итә. – Г.Х.) «Өлбәттә, гел әле дә басылып чыкканнардан гына түгел, моңарчы басылмаганнарының да булулары матлуб (*сорала, таләп ителә*) дип миңа боерык бирелде», – дип өстәп тә куя. Гонорар түләр хакында да сүз кузгатыла.

«Бинаән галәйһи (*шуңа күрә*), шундый мәжмугачыгыңыз бар булса һәм аны үзегез белән алып килә алсагыз – яхшы булыр иде.... Мәскәүдә чагында могаһәдә (*киләшү*) язышканда ук Сөзгә тиешле булган акчаны бирә алмасак та, Сөз Кырымга барып житүегезгә «акчаңыз

да, Иншалла, барып житәр» дип, безнең шартлар тәкъриби (*якынча*) шулай:

1) бер табак дип 40 000 мең матбага галәмәте санала. Бу инде без аңлаган гади басма табактан артыграк чыга.

2) могаһәдә язышканда 25% бирелә. Кулъязмалар тапшырылгач, янә 55% бирелә. Басылып чыккач һәм тәмам хисапланып беткәч калган 25% бирелә.

3) әдәби әсәрләрнең табагына моңарчы 70–75 сумнар түләнә килде...».

Хат ахырында Агиев Кырымга дәваланырга баручы әдипне үзенә тукталырга чакырып, квартирасының адресын да күрсәтә. (Ф. Әмирхан 1925 елның август ахырларынан ноябрь башларына кадәр Ялтада «Гастрия» санаториясендә дәвалана. – Г.Х.) Истәлекләрдә Әмирханның Мәскәүдә Агиев фатирында булуы хакында мәгълүмат бар [6: 163], ә менә җыентык бастыру эше кызганычка каршы, тормышка ашмый кала.

Вакытлы матбугат битләрендә басылган хатлар да Әмирхан томлыкларында урын алды. Шундыйларның берсе 1913 елгы «Мәктәп» журналында «Хат (Фатих Әмирханга Кымыздан)» исеме белән басылган шигъри хат [1]. Шактый күләмле (журналда 3 бит) хатын Ф. Агиев гафу үтенүдән башлый.

«Гафу ит, дусткаем, хат язучыңда сиңа күптән,
Ләкин бу көнгә чаклы “Көттем имеш!” нәрсәдер күптән –
Зәгыйфь шагыйрьләр әлбәттә, көтәләр күптән ачык илһам, –
“Көтүем чыкты бушка” дип, бөтенләй әйтмимен – язам,
Күрәсеп бит шигырьдә хат, сорыйм синнән фәкать – көлмә...»

[1: 178].

Алга таба автор фикерен дәвам итеп, матур тасвирлар белән яшәгән жиренең табигатен сурәтли:

«Фарыз кыл, дусткаем, ике тарафта – ямь-яшел урман;
Әнә саф-саф төзелгәннәр каеннар; әнә бер сынган
Калын имән ята; әлбәттә, аны давыл каергандыр –
...Менә куе куаклар, сөйләшәләр аз гына жилдән,
Үсәрләр, дәү булырлар жилләр астында шулар тиздән;
Чү, әнә сайрыйлар кошлар; әнә гөрләп ага елга;
Әнә бал корты җырлап бара очып чәчәккә – балга...» [1: 178].

Аннан соң татар халкының бөөк, дәһшәтле тарихына туктала, Чыңгыз, Үзбәк ханнарның батырлыгын баян итә, татар милләтенен инде уянган, көчле булуын белдерә.

«Ни хэллэр бар Казанда? Ни эшли Фoad, ни эшли Габдулла?
Ни хэлдэ “Урталыкта”ң? Шәп китәме Хәсәненә алга?» [1: 179], –
дип, Әмирханнан хәл-әхфәлен сораша, ижади уңышлар тели:

«...Канатлан, дусткаем! Көн-төн агып ак нурларың торсын,
Каләм язсын, синең өстендә илһамың канат каксын!
Арма, талма, эшлә, бер дә юкка вактың үткәrmә,
Бу көн яз, иртәгә яз, тик асыл максатны үзгәртмә!» [1: 179].

«Беләм юлыңны; шул юлдан барырга талпынам мин дә,
Гаяз, Габдулла, син һәм башкалар – без – тупланып бергә
Табарбыз көч: бөтенләй өзгәләп ташларга дошманны,
Кара көчне! Халыкка танытырбыз һәм кара, акны!» [1: 180], –

дип, шигъри хатын тәмам итә.

Йомгак ясап әйткәндә, Ф. Әмирхан кебек олуг әдипебез белән бәй-
ле һәрбер хәбәр-мәгълүмат кыйммәтле, алар өйрәнелергә, тарихта үз
урыннарын табарага тиешләр. Чөнки язма мирасыбызның кадерле бер
кисәге булып торган әлегә чыганаclarны табу, булдыру елдан-ел кы-
енлаша, бу үз чиратында аларның әһәмиятен бермә-бер арттыра.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Агиев Фәхрелислам. Хат (Фатих Әмирханга Кымыздан) // Мәктәп. 1913.
№ 7. Б. 178–180.

2. Зәйниева Г.Н., Хәснетдинова Г.А. Фатих Әмирхан мирасын барлап... //
Гасырлар авазы = Эхо веков. 2024. № 3. Б. 123–130.

3. Зәйниева Г.Н., Хәснетдинова Г.А. «Һичбер мөселман бу эшкә түзеп тора
алмас...» («Кояш» газетасында дини мәсьәләләр) // Парадигмалар алмашыну
шартларында татар белеме: теория, методология, практика. Казан, 2024. Б. 283–
287.

4. Нуруллин И.З. Фатих Әмирхан (1886–1926). Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.
279 б.

5. Руhi мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и от-
крытия / под ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2016. Вып. 2. 300 с.

6. Фатих Әмирхан турында истәлекләр / төз., аңл. һ. иск. язучылар: Ф. Ибра-
һимова, Р. Әмирханов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 192 б.

7. Хәснетдинова Г.А. Халык мәнфәгәтен яклап... // Фәнни Татарстан. 2025.
№ 2. Б. 66–76.

8. ФА ТР Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма
мирас үзәге, 16 ф., 3 тасв., 12 сакл. бер.

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(на материале социологических исследований 2015–2021 годов)

В.И. Шабыков, Р.А. Кудрявцева

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

В статье на основе анализа социологических данных 2015–2021 годов, полученных в ходе исследований МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, актуализирована проблема языка как этноидентификационного фактора. Продемонстрировано доминирование этого фактора в общественном сознании населения Республики Марий Эл, рассмотрены связанные с ним показатели в разрезе национальной принадлежности, места жительства, пола и возраста респондентов, которые соотносены с установками по их практической реализации.

Ключевые слова: этносоциология, социолингвистика, Республика Марий Эл, язык, факторы этноидентификации.

Based on the analysis of sociological data from 2015 to 2021, obtained during research conducted by the Mari Research Institute of Language, Literature, and History named after V.M. Vasilyev, the article highlights the issue of language as an ethno-identifying factor. It demonstrates the dominance of this factor in the public consciousness of the population of the Republic of Mari El, and examines related indicators in terms of national identity, place of residence, gender, and age of the respondents, which are correlated with their attitudes towards practical implementation.

Keywords: ethnosociology, sociolinguistics, Republic of Mari El, language, factors of ethnoidentification.

В 2015–2021 годах в Республике Марий Эл (далее – РМЭ) безусловную значимость для себя своей национальной принадлежности (ответы «очень значима» и «значима») постоянно отмечали более 60% опрошенных (есть колебания у русского населения – с уменьшением до 55,3% в 2020 году; у татар всегда таковых оказывалось более 70%, самый высокий показатель отмечен у них в 2020 году – почти 90%):

- в 2015 году – 63,8% (среди русских – 63,0%, мари – 64,6%, татар – 81,4%),
- в 2018 году – 62,5% (соответственно 58,5%, 68,2% и 71,2%),
- в 2019 году – 61,6% (соответственно 62,9%, 60,3% и 71,9%),
- в 2020 году – 60,9% (соответственно 55,3%, 65,4% и 89,8%),
- в 2021 году – 62,1% (соответственно 58,6%, 65,9% и 84%).

Примерно 80% опрошенных в 2015 и 2021 годах позитивно относились к тому, что являются представителями своего этноса (ответы «горжусь этим» и «доволен этим»).

Вышеуказанные обстоятельства актуализируют вопрос о том, каков механизм этноидентификации, на основе каких маркеров респонденты квалифицируют свою этническую идентичность, какие из них являются определяющими, наиболее значимыми. Предметом исследования в данной статье является язык как один из факторов этнической самоидентификации населения РМЭ на современном этапе. Эмпирической базой исследования стали результаты социологических исследований МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева 2015, 2018, 2019, 2020 и 2021 годов на тему «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл», зафиксированные в одной из серий опубликованных научно-статистических бюллетеней [3; 4; 5; 6; 7].

Как показывают социологические опросы 2015–2021 годов, среди этнодифференцирующих принципов (мотивов сближения с людьми своей национальности), в целом, по РМЭ традиционно на первом месте оставался язык (его называли примерно 76–86% опрошенных, см. табл. 1). Далее, примерно с одинаковыми количественными показателями (примерно 36–45%), идут народные обычаи и историческое прошлое. Значимость всех трех указанных факторов для респондентов подвержена снижению, из них наиболее последовательному (без сильных колебаний) – народные традиции. Также обозначена тенденция снижения значимости религии как этноидентификационного показателя (от 21,4% в 2015 году до 15,4% в 2021 году). Традиционно не представляют интерес для населения республики как мотив сближения с людьми своей национальности черты внешнего облика человека (на это фактор указывали только примерно 4–7%).

Таблица 1

**Динамика этноидентификационных показателей
в РМЭ в 2015–2021 гг.¹
(в % от числа опрошенных)**

Факторы этноидентификации	2015	2018	2019	2020	2021
Язык	85,6	81,8	75,7	77,8	80,0
Народные обычаи	45,0	43,5	40,1	37,1	36,6

¹ В таблице приведены данные, полученные при ответе на вопрос «Что сближает Вас с людьми Вашей национальности?», который допускал выбора 2–3 вариантов ответа.

Историческое прошлое	43,7	42,4	40,7	36,7	37,1
Религия	21,4	17,4	15,7	16,1	15,4
Черты внешнего облика	4,7	6,9	4,9	4,0	5,4
Черты характера, психология	17,6	15,7	9,7	7,8	12,6
Одинаковое отношение к другим народам	13,0	13,1	8,4	11,2	10,9
Общая участь, одинаковое социально-общественное положение	11,9	7,5	6,3	10,6	10,1
Другое	0,3	0,5	27,7	23,5	21,5
Ничто не сближает	1,3	2,8	3,7	3,0	3,8
Затрудняюсь ответить	2,1	2,2	3,6	2,8	1,7

Усиление / падение (даже незначительное) значимости языка как этнодифференцирующего фактора (в нашем случае падение примерно на 6%), безусловно, требует обсуждения. Пик этноидентификационной значимости языка (85,6%) приходится, как показывает таблица 1, на 2015 год (в 2011 году – 70,2% [2: 168]). Падение этноидентификационной значимости языка видно уже в 2018 году (меньше примерно на 4%, чем в 2015 году), в 2019 году – ещё примерно на 4%.

Можно предположить, что угасание этноидентифицирующей функции языка было заложено новой языковой политикой в России, спровоцировавшей также и ослабление, в целом, этнического самосознания населения республики. Началом реформы языковой политики стало заявление главы российского государства, сделанное в Йошкар-Оле в июле 2017 года, о несомненном приоритете русского языка в образовательной системе и о «добровольном праве» изучения языков народов России (второе положение вызвало множество вопросов в национальных субъектах России); за этим заявлением последовало внесение поправок к федеральному закону об образовании, закрепляющих принцип добровольности изучения языков (родных и государственных). Новые позиции государства содержали в себе серьезные рецидивы: 1) сужение роли языков коренных народов России, в том числе марийского языка, в сфере образования, 2) ограничение возможностей для их сохранения и развития в социуме.

Так, в РМЭ в 2018 году, перед началом нового учебного года, родители всех учащихся 1 и 5 классов писали заявления о выборе языка обучения и языков для изучения в рамках учебных предметов – родного языка и государственного языка РМЭ (последний выбирали из трех языков: русский, марийский и горномарийский). Первостепенное и зачастую исключительное значение в большей части заявлений, в том числе родителей-мари, по разным причинам придавалось только русскому языку. Марийский родной язык для изучения выбрали всего 10,4% из общего количества обучающихся (в 2024 году марийский родной язык и литературу изучали уже только 8% от общего числа учащихся [1]). Социологические исследования 2018–2019 годов показывают снижение на более чем 10% численности респондентов-мари, признающих родным языком марийский этнический язык. В ходе социологического опроса 2018 года обнаружили серьезные изменения в сознании молодежи, например, уменьшилось число тех, кто считает себя мари (в общей численности молодых респондентов их оказалось только 36,4%, а в общей численности обучающихся в разных образовательных учреждениях – еще меньше – 33,8% [8: 128]).

Несмотря на тенденцию снижения, этнодифференцирующие показатели по языку в количественном плане в 2015–2021 годах всё же были достаточно высокими: в целом, 76–86% опрошенных выделяли язык в качестве главного этнодифференцирующего принципа; в 2018 году таких респондентов было примерно 82%, а в 2021 году – 80% (табл. 1).

Такие же тенденции обнаруживаются и в разрезе национальной принадлежности респондентов.

Как для русского, так и марийского населения республики язык традиционно (и до реформы, и после реформы языковой политики) являлся важнейшим мотивом сближения со своим народом.

В 2015–2021 годах язык считали мотивом сближения с людьми своей национальности примерно 80–87% мари (это больше, чем, в целом, по РМЭ) (см. табл. 2) – с колебаниями, а именно, с резким уменьшением численности таких респондентов к 2019 году (до 79,2%) и незначительной тенденцией роста к 2021 году. У мари, по сравнению с русскими, были отмечены довольно высокие показатели и по двум другим превалирующим факторам этноидентичности (народные обычаи и историческое прошлое), правда, в 1,5–2 раза меньше, чем по языку; эти показатели тоже были обозначены тенденцией постепенно-го ослабления значимости, как и, в целом, по республике.

Таблица 2

**Динамика этноидентификационных показателей
у марийского населения РМЭ в 2015–2021 гг.
(в % от числа опрошенных)**

Факторы этноидентификации	2015	2018	2019	2020	2021
Язык	86,9	84,2	79,2	80,9	81,2
Народные обычаи	56,4	51,8	48,6	42,6	41,8
Историческое прошлое	45,6	42,0	37,0	40,5	39,7
Религия	16,9	13,3	10,9	10,5	11,5
Черты внешнего облика	4,2	7,9	5,1	4,6	4,9
Черты характера, психология	13,9	16,8	9,3	7,4	13,9
Одинаковое отношение к другим народам	10,8	10,4	6,2	10,1	11,3
Общая участь, одинаковое социально-общественное положение	9,4	8,1	4,5	9,9	10,9
Другое	0,0	0,2	31,5	27,1	27,3
Ничто не сближает	1,2	2,1	2,1	3,8	2,8
Затрудняюсь ответить	1,8	1,0	2,5	2,7	1,7

У русских респондентов в 2015–2021 годах (табл. 3) колебания были выше – на уровне примерно 75–86%; значимость языка как этнодифференцирующего фактора уменьшилась с 2015 по 2021 годы на 6,5% (с 86,2% до 79,7%) (для сравнения: у мари уменьшилась на 5,7%).

Небольшое уменьшение роли языка в процессе этноидентификации прослеживается и в разрезе места рождения и пола респондентов; в любом раскладе показатель всегда был выше среди жителей села и среди женщин. И, наоборот, усиление этого фактора отмечено в некоторых возрастных группах респондентов: в возрасте 15–19 лет (самые молодые!) – от 78,1% в 2018 году до 90,1% в 2021 году; 60 лет и старше (люди пожилого возраста) – от 83,8% в 2018 году до 84,8% в 2021 году (табл. 3).

В остальных возрастных группах проявляется общая тенденция (незначительное ослабление фактора).

Таблица 3

**Динамика этноидентификационного показателя «ЯЗЫК» в РМЭ
в 2015–2021 гг.**

(в % от числа опрошенных)

	2015	2018	2019	2020	2021
<i>В зависимости от национальной принадлежности</i>					
Русские	86,2	80,5	76,3	75,4	79,7
Мари	86,9	84,2	79,2	80,9	81,2
Татары	80,2	80,5	86,6	83,0	86,4
Другие	74,3	72,7	52,4	65,1	69,0
<i>В зависимости от места проживания</i>					
Город	82,9	77,1	72,7	75,8	78,1
Поселок городского типа	83,3	83,9	65,1	75,4	72,9
Село	89,9	86,8	84,0	81,4	85,3
<i>В зависимости от пола</i>					
Мужчины	83,1	81,1	72,5	77,0	80,0
Женщины	87,8	82,4	78,4	78,4	80,0
<i>В зависимости от возраста</i>					
15–19	–	78,1	66,7	73,1	90,1
20–29	–	80,0	71,9	75,2	79,0
30–39	–	80,3	76,2	73,2	74,5
40–49	–	82,2	76,0	77,3	81,6
50–59	–	85,5	81,4	86,4	78,3
60 и старше	–	83,8	79,7	81,3	84,8

Важность языка как этического фактора закономерно порождает вопросы, которые относятся к сфере практической реализации данного фактора: 1) в какой степени этнический язык признается родным? 2) какое место занимает этнический язык респондентов в их повседневной и общественной жизни?

Результаты социологических опросов показывают, что идет уменьшение числа респондентов-мари, считающих родным языком мари́йский язык, и увеличивается число тех, кто в одинаковой мере признаёт родными русский и мари́йский языки (табл. 4).

Таблица 4

Родной язык марийского населения в динамике
(в % от числа опрошенных)

	2015	2018	2019	2020	2021
Марийский	78,7	68,8	66,9	74,4	72,7
Русский	5,4	5,2	9,7	6,9	5,1
Татарский	0,2	0,0	0,0	0,2	0,0
Другой	0,4	0,4	0,2	0,0	0,0
Русский и марийский	14,9	25,4	22,4	18,1	22,0
Русский и татарский	—	—	0,0	0,2	0,0
Русский и другой	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0
Татарский и другой	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2
Не ответили	0,2	0,0	0,6	0,2	—

При общении в семье марийское население к марийскому этническому языку естественно и добровольно присоединяет русский язык – при минимизации исключительной роли марийского языка, открывая дорогу для последовательного перетекания семейного билингвизма в транслингвизм. Безусловно, в семейной лингвокоммуникации респондентов-мари марийский язык (ответы «только марийский» и «русский и марийский») сохраняет свою значимость – примерно по 67% в общении с родителями, детьми дошкольного и школьного возраста. Но при этом русский язык (ответы «только русский» и «русский и марийский») присутствует уже на уровне более 40% в общении с родителями и в значительной степени – примерно 77% в общении с детьми дошкольного возраста и почти 80% в общении с детьми школьного возраста (табл. 5).

Таблица 5

Язык общения в семье (2021)
(в % от числа ответивших)

Языки	Язык в общении с родителями		Язык в общении с детьми дошкольного возраста		Язык в общении с детьми школьного возраста	
	Русские	Мари	Русские	Мари	Русские	Мари
Только русский	79,7	10,9	91,9	22,5	90,6	25,8
Только марийский	0,5	36,7	0,0	12,7	0,0	14,0
Русский и марийский	3,3	29,9	0,0	54,9	3,8	53,8

В таблице 6 можно видеть постепенное отвлечение марийского населения с 2015 по 2021 годы от родного языка во всех сферах социальной жизни, особенно в общении с коллегами по работе и в общественных местах (численность мари, использующих родной язык в этих сферах, уменьшилась примерно на 10%); за эти годы почти в 4,5 раза уменьшилась численность респондентов, использующих его в административных учреждениях, и в 2 раза – численность использующих его в СМС-сообщениях.

Таблица 6

Использование родного языка в социуме
(в % от числа опрошенных)

Сферы социума	2015			2021		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		Русские*	Мари*		Русские*	Мари*
В разговоре с друзьями	88,4	86,6	92,6	77,3	66,8	87,4
С коллегами по работе	54,9	67,3	48,3	37,5	36,5	38,8
В общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т. п.	71,4	80,6	71,5	50,6	45,6	61,2
В административных учреждениях	42,5	61,5	30,9	9,5	11,3	6,6
В Интернете	28,7	48,3	12,9	13,3	16,0	7,9
В СМС-сообщениях	28,2	45,2	14,9	9,9	9,9	7,5

* В % от числа ответивших.

Выводы:

1) население РМЭ – как в целом, так и в разрезе национальной принадлежности, пола, возраста, места жительства – демонстрирует достаточно высокий уровень этнической самоидентификации по языку;

2) язык заметно превышает ценностно-этноидентификационные значения таких показателей, как народные традиции, историческое прошлое и религия;

3) наиболее значимым язык как фактор этноидентификации является для татарского населения, а также для респондентов 15–19 лет и 60 лет и старше; динамика этого этноидентификационного показателя лишь незначительно различается у русского и марийского населения республики;

4) тенденция медленного падения значимости языка как этноидентификационного фактора в определенной мере связана с утверждением новой языковой политики в стране;

5) при сохранении в общественном сознании населения республики высокого авторитета языка как главного мотива сближения с людьми своего этноса, наблюдаются уменьшение численности респондентов-мари, признающих родным языком марийский этнический язык, транслингвизм в семейной коммуникации, постепенное отвлечение марийского населения от этнического языка во всех сферах социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марийский язык – в школах и детских садах // URL: <https://mariuver.com/2024/11/05/marijskij-jazyk-v-shkolah-i-detsadah/#more-79348> (дата обращения: 10.03.2025).

2. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: материалы социологического исследования 2011 года: науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленеева, М.В. Чемышев // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений: материалы межрегион. науч.-практ. конф. 7 июня 2012 г. Йошкар-Ола, 2013. С. 163–431.

3. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2015 года): науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; авт.-сост.: В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленеева, А.В. Гуляев. Йошкар-Ола, 2016. 181 с.

4. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; авт.-сост.: О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2018. 85 с.

5. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; авт.-сост.: Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2020. 196 с.

6. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; авт.-сост.: Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2021. 202 с.

7. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2021 года): науч.-стат. бюл. / МарНИИЯЛИ; авт.-сост.: Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2022. 208 с.

8. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): моногр. / МарНИИЯЛИ; Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с.

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ

Р.Х. Шаряфетдинов

Московский педагогический государственный университет (Москва)

Современная татарская проза продолжает традиции классической литературы, транслируя и раскрывая читателю элементы национальной культуры, быта, мировоззрения, различных этапов истории народа, что обуславливается стремлением не только удовлетворить интерес к прошлому родного народа, но и вести диалог об истории нации, ее судьбе, национальной идентичности в будущем.

В данном контексте авторы (М. Галиев, М. Хабибуллин, Р. Зайдулла, Р. Мухамадиев и др.) стремясь, с одной стороны, к фактической достоверности, с другой – изображению ключевых, ставших символами национальной идентичности и служения родному народу, образов знаковых исторических личностей (Атиллы, Кул Гали, Шах Али, Сююмбике, Г. Тукая, М. Джалиля и др.), которые помогают воссоздать историко-политические картины прошлого, с другой – актуализировать и поднять в современной литературе вневременные, важные для настоящего и будущего, вопросы истории России, что связано не с утратой национальной идентичности, а, напротив, более внимательного, глубокого понимания родной культуры.

Ключевые слова: история, татарская литература, современная татарская проза, историзм.

Modern Tatar prose, on the one hand, continues the traditions of classical literature, broadcasting and revealing to the reader elements of national culture, way of life, worldview, and various stages of the history of the people, which is conditioned by the desire not only to satisfy interest in the past of their native people, but also to conduct a dialogue about the history of the nation, its fate, and national identity in the future. In this context, the authors (M. Galiev, M. Khabibullin, R. Zaydulla, R. Mukhamadiev, etc.) are striving, on the one hand, for factual accuracy, on the other hand, to depict key images of iconic historical figures that have become symbols of national identity and service to their native people (Atilla, Kul Gali, Shah Ali, Syuyumbike, G. Tukaya, M. Jalil and others), which help to recreate historical and political pictures of the past, on the other hand, to actualize and raise in modern literature timeless, important for the present and future, issues of Russian history, which is not associated with the loss of national identity, but, on the contrary, a more attentive, deep understanding of native culture.

Keywords: history, Tatar literature, modern Tatar prose, historicism.

Внимание и уважение к истории народа в общем, и к истории своего рода, в частности – неотъемлемая часть культуры человека и воспитания будущего поколения, а в культуре тюркских народов одно из высших наказаний для человека – «остаться без роду и имени»: древние тюрки возводили в культ свое прошлое, стараясь остаться верными идеалам предков.

Так историзм – одна из значимых черт мифопоэтики произведений современных татарских писателей, которые, обращаясь к знаковым историческим событиям, образам, устаревшей лексике, что помогает передать колорит изображаемых эпох, стилизовать текст в соответствии с изображаемой эпохой, разнообразить речь героев и т. д., а также представить картины жизни с позиций исторической судьбы народа в целом, является несомненной отличительной чертой творчества татарских писателей XX века, которые противостояли существовавшим тогда идеям панисламизма и пантюркизма, прививавшим ориентированность татар на султанскую Турцию. Авторы выражали в своем творчестве идеи особого исторического пути татарского общества, неразрывно связанном с Россией, и укрепления политического, культурного, социальных связей с государством, любовью к общей Родине – России.

Так, знаковым и программным произведением данного направления традиционно называется стихотворение Г. Тукая «Не уйдем», ставшее в свое время ответом татарским реакционерам того времени. Традиции татарского исторического мифа наряду с обращением к историческим фактам и картинам истории народа были продиктованы постановкой актуальными проблемами духовности, нравственности общества и отдельных людей, творческого отражения раздумий татарского народа над своим местом и ролью в собственной истории и истории России.

Произведения Г. Исхаки (к примеру, «Зулейха» (1918), «Идель-Урал» (1933), «На волнах» (1937), «Олуг Мухаммед» (1944–1947) и др.) объединены изображением жизни нации в различных ее трагических преломлениях. Образцом народного характера, наделяющимся благородными человеческими качествами, сторонником не военного, а дипломатического решения политических вопросов, мирного сосуществования и добрососедства, представляется личность героя исторической драме «Олуг Мухаммад» Г. Исхаки, который в данном образе выражает свою мечту об идеальном национальном герое, вожде, мыслящем государственном правителе. Являясь исторической личностью, взгляды историков на которую неоднозначны, главный герой

для автора приобретает значение мифа об идеальном правителе, задачи исторической достоверности в данном случае являются для автора вторичными, для него важнее воплотить идеал исторического национального деятеля. Олуг Мухаммед здесь – человек с прогрессивными взглядами, уважительно относящийся к представителям различных национальностей и конфессий.

Широкое обращение в татарской литературе второй половины XX века к исторической теме обуславливалось, в одной стороны, стремлением авторов удовлетворить интерес читателей к прошлому своего народа, с другой – с целью вести диалог о судьбе нации, ее истории, национальной идентичности, ее будущем. Тематика произведений была направлена на воссоздании важнейших в истории татарского народа событий, при этом изображение истории, служившее для укрепления национального самосознания, мифологизировалось, герои периодически идеализировались, а воссоздание быта, традиций, верований, мировоззрения детализировалось «даже на уровне этнографических и нравственно-ментальных особенностей» [4: 87].

Целый ряд исследований фольклора (Ф. Урманчеев, М. Бакиров и др.) и литературы (А. Ахмадуллин, Т. Галиуллин, Ф. Мусин, Ю. Нигматуллина, Н. Хисамов, Ф. Хатилов, Р. Сверигин, А. Яхин, Ф. Галимуллин [1: 160–165], А. Галимуллина [2: 415–425], Э. Галиева, А. Закирзянов и др.) ставило, обращаясь к именам знаковых исторических личностей (к примеру: Сююмбеки, Шаха Али, Е. Пугачева, Салавата Юлаева и др.), географических названий (городов Кашана, Болгара, Казани и др.), исторических событий (войн, революций и т. д.), ставило целью «объективно разобраться и оценить опыт развития литературы советского периода, стараясь избежать как ее огульного отрицания, так и излишней апологетики по отношению к культуре прошлого, особенно религиозного духовного содержания» [8: 191].

По мнению профессора Д.Ф. Загидуллиной активное развитие исторической прозы стало «одним из факторов, участвовавших в формировании татарской постколониальной литературы» [4: 88]. По ее мнению, выделяется две волны повышенного внимания к исторической прозе: 1960–1980-х гг. (Н. Фаттах, романы «Итиль река течет», «Свистящие стралы»; М. Хабибуллин, роман «Курбат-хан» и др.) и 1990-х гг. (Ф. Латифи, роман «Измена», Д. Рахимов, роман «Батырша»; М. Хабибуллин, романы «Атилла», «Посол-лицо неприкосновенное», «Чертово городище», «Сююмбике ханбикэ» и Иван Грозный», «Внук хана!», «Божий дар», «Батыр хан и Лейла»; В. Имамов, «Огненная

спеть», «Казанская крепость» и др.). В современной татарской литературе выявляется целый пласт произведений на исторические темы (Н. Фаттах, М. Хабибуллин, З. Хаким. Ф. Латыйфи, С. Шамси, Р. Зайдулла, Р. Мухамадиев и др.), о событиях *древнетюркской и болгарской истории* (произведения Н. Фаттаха, М. Хабибуллина), драматических периодах *татарской истории*: XIV–XV вв., распада Золотой орды (С. Шамси); XVI в. – падения Казанского ханства (М. Хабибуллина, Р. Батуллы, Р. Хамида, Ф. Латыйфи); 30-х гг. XX века (роман Р. Мухаммадиева «Мост над Адом», роман Т. Миннуллина «Приключения Мингаза»).

История татарского народа в общем, и события 1552 года, в частности, находит широкое отображение в творчестве татарских писателей старшего поколения (Р. Зайдулла, Р. Мухамадиев и др.). Герои многих произведений буквально живут в казанском ханстве, авторы используют многочисленные образы того времени, их творчество зримо и не зримо переплетаются с историческими событиями того времени, с временем расцвета Казанского ханства. Современный писатель Р. Зайдулла, исторические рассказы которого наполнены историческими образами (Токтамыш, Идегея, Улуг Музаммеда, Ахмеда ибн Фадлана, хана Гирея, царя Василия II, Василия II, Ивана IV, повелительницы Нуруслан, Гаухаршад, Союмбике и др.) открывает современному читателю мир Древнего Булгара, Казани, Московского Кремля. В творчестве Ю. Миннуллиной татарская идентичность проявляется через образ Шахгали-хана, который в обыденном татарском сознании ассоциируется с предательством и продажностью [10: 78]. В данном ключе показательна повесть Р. Зайдуллы «Шах-Али», в которой автор мастерски переплетает нить повествования сюжетные нити исторического повествования, главным героем которого выступает один из самых неоднозначных персонажей татарской истории, ставленник захватчиков Казани, касимовский хан Шах-али. Данный образ появляется в современном мире на кладбище в виде желтой собаки и умирает вместе с псом, побитым камнями [9: 101]. Кроме того, автор раскрывает также и образы других исторических личностей: московского князя Василия, хана Мухаммада-Эмина и др. В рассказе автора «Меч Тенгри» (2016), давшем название всей книге, повествуется об историческом образе предводителя союза племен гуннов Атиллы в момент его наивысшего могущества, когда его войска подошли к стенам Рима.

В сатирическом романе Т. Миннуллина «Приключения Мингаза» (2005), представляющем попыткой переосмысления истории XX века, начиная со времен правления Николая II, воспроизведены образы

Николая II, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева и др.

Историческая тема и внимание к истории татарского народа находят отражение в романе Р. Мухамадиева «Мост над адом» о «выдающимся идеологе и практике национально-освободительного движения народов Востока Мирсаиде Султан-Галееве. Убедительно изображены и образы других персонажей романа – Заки Валиди, Хади Аткасов, Раузы, Шамиля Усманова, антогониста Лаврентия Берия и др.

В стремлении к объективности изображения интерес к достоверному историческому факту является наиболее заметной особенностью развития национальной литературы конца XX – начала XXI века, авторы которых идентифицируют себя «потомками своего народа» [11: 66], а литература, как отмечает Т.И. Зайцева, выдвигает идею народного самосознания как «опору для выхода из кризиса современности, совершенствования духовного мира человека на основе сохранения основополагающих национальных ценностей» [5: 101]. Так, к примеру, в автобиографическом рассказе Р. Зайдуллы «Тюбетейка для Ельница» широко представлены имена *татарских писателей* (Р. Мухамадиева, Батуллы, Аяза Гилязова, А. Еники, Н. Фаттаха, Г. Баширова, М. Магдеева, М. Галиева), *исторических деятелей* (казанского хана Мухаммет Амина, Мао, Ленина, Сталина, Андропова, Лукьянова (Осенева), Хрущева, М. Горбачева, Б.Н. Ельцина, *скульптора* Б. Урманче и др.

Обращение автора романа «Заблудившийся рассвет» Ф. Сафина к архивным, историческим материалам также помогает обеспечивает фактологическую объективность в произведении, где автор использует портреты как политических деятелей (Н. Ежов, И.В. Сталин, А. Лепа, К. Абрамов, А. Алемасов и др.), так и творческой интеллигенции (М. Джалиль, Х. Такташ, Ш. Камал, А. Кутуй, К. Наджми, А. Тагирова, З. Шарки, Ш. Усманов, М. Горький, С. Сайдашев и др.), которые помогли воссоздать историко-политический фон происходящего.

Одной из национальных особенностей татарской литературы Ю.Г. Нигматуллина считает «переплетение старого и нового, существование событий прошлого в новом историческом этапе» [8: 67]. Исследователь выделяет в литературе две исторические темы: «приезд багдадского посла Ахмада ибн Фадлана к правителю волжских булгар для участия в процедуре официального принятия ислама (к примеру, пьеса З. Хакима «Священный путь в вечность») и тема, связанная с образом Сююмбике, который воспринимается как символ

национальной трагедии, «при изображении ее авторы используют как достоверный фактический материал, так и легенды и мифы, которые часто играют более значительную роль в освещении темы» [7: 135].

В данном контексте знаковые личности истории татар (Кул Шариф, Кул Гали, Мухаммедьяр, царица Сююмбике, поэт Г. Тукай, герой М. Джалиль и др.) становятся в мировой культуре и литературе символами национальной идентичности и служения родному народу – темы современной татарской литературы, характеризующей идею национального возрождения.

Продолжают традицию обращения в художественном тексте к историческому прошлому татарского народа и, шире, тюркских народов, произведения М. Галиева «Дух Атиллы», Р. Зайдуллы «Шах-Али», «Меч Тенгри» и др. Исторический роман М. Галиева «Шах-Али» повествует о жизни, известного касимовского хана, личности московского князя Василия, казанского хана Мухаммад-Эмина и других значимых личностей не только тюркского мира, но и России в целом.

В работах исследователей (В.Р. Аминовой, А.Д. Батталовой, Л.Х. Давлетшиной [3: 140], М.М. Хабутдиновой [10: 76] и др.) отмечается, что в понимании исторического пути священными для народов России, объединяющими их в любви к отечеству, Родине, готовности самопожертвенно защищать ее, являются не только абстрактные мифологические образы Родины, родной земли, Отечества, что основывается на «корневых свойствах народных национальных культур» [6: 182], нашедшие широкое отражение в современной прозе (к примеру, произведениях А. Гилязова, Р. Мухамадиева, Х. Аюпа, Р. Зайдуллы, В. Имамова, Н. Фаттаха) и лирике (А. Адила, Сулеймана, Р. Валеевой, Г. Зайнашевой, С. Гараевой, Флеры Гиззатуллиной, М. Мирзы, Г. Гильманова, Ф. Солтан, Ф. Яруллина), но и частные, локальные образы Казани (произведения Х. Туфана, Р. Кутуя, Р. Хамида, Р. Батуллы, Ф. Латыфи, М. Хабибуллина, Р. Хариса, Р. Зайдуллы и др.), родного дома, деревни.

Таким образом, в изображении культурного единения и исторической единения народов России, независимо от национальной и религиозной принадлежности, история народа, отдельные ее периоды и судьба знаковых исторических личностей, ставшие во многом символами национальной и культурной идентичности, образцами служения родному народу, занимают центральное место. Обращение к истории в художественном творчестве связано, с одной стороны, стремлением в фактической достоверности, с другой – изображением исторических образов (Атиллы, Токтамышша, Идегея, Улуг Музаммеда, Ахмеда

ибн Фадлана, хана Гирея, Кул Шарифа, Кул Гали, Мухаммедьяра, Сююмбике, Г. Тукая, М. Джалиля), которые, с одной стороны, помогают воссоздать историко-политические картины прошлого, с другой – актуализировать и поднять в современной литературе вопросы вневременные, важные для настоящего и будущего. Внимание современных татарских авторов к истории народа как неотъемлемой части общей истории многонациональной России связано не с утратой национальной идентичности, а, напротив, более внимательного, глубокого понимания родной культуры, что представляется залогом великого будущего нашей общей Родины – Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галимуллин Ф.Г. Махмут Галая – один из основоположников художественного освоения судьбы татарского народа // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: Сб. трудов I Междунар. науч.-практ. семинара, Казань, 02–03 декабря 2021 года. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, 2021. С. 160–165.
2. Галимуллина А. Ф. Современная русская проза Республики Татарстан в контексте диалога культур // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. в онлайн-формате, Москва, 25 мая 2020 года. М.: Москов. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова: Изд. Дом (тип.), 2020. С. 415–425.
3. Давлетшина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX–XXI веков. Казань: РИЦ «Школа», 2006. 140 с.
4. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: моногр. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. С. 87–88.
5. Литература народов России: учеб. пособие / под ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М.: ИНФРАМ. 2016. 395 с.
6. Многонациональная российская литература: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: монография / Д.В. Абашева, Т.М. Колядич, В.К. Сигов, Р.З. Хайруллин, Р.Х. Шарьяфетдинов; под ред. В.К. Сигова, Р.З. Хайруллина. М.: РУСАЙНС. 2019. 182 с.
7. Нигматуллина Ю.Г. Запоздалый модернизм в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: ФЭН. 2002. 175 с.
8. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: ФЭН, 1997. 191 с.
9. Полуденный закат: современная проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. кн. изд-во. 2006. 302 с.
10. Хабутдинова М.М. Перфоманс в пространстве современной татарской поэзии (на примере фестиваля JADIDFEST) // TATARICA: LITERATURE. 2(9). 2017. С. 76–78.
11. Шарьяфетдинов Р.Х. Элементы истории татарского народа и России в современной поэзии // Международный научно-исследовательский журнал Успехи современной науки. № 2. Т. 1. 2016. С. 66–69.

ИМЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ИХ СИНОНИМЫ

М.М. Шакурова, Л.М. Гиниятуллина

ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются именные глагольные словосочетания и их синонимы. К этой группе относятся словосочетания, в которых господствующим компонентом выступает глагол, а зависимым – имя существительное. Материалом для данного исследования послужили произведение Абдурахмана Абсаямова «Ак чәчәкләр» («Белые цветы»).

Ключевые слова: татарский язык, текст, именные глагольные словосочетания, синонимы.

The article examines nominal verb phrases and their synonyms. This group includes phrases in which the dominant component is a verb and the dependent component is a noun. The material for this study was the work of Abdurakhman Absalyamov “Ak chähäklär” (“White Flowers”).

Keywords: Tatar language, text, nominal verb phrases, synonyms.

ИСЕМЛЕ ФИГЫЛЬ СҮЗТЕЗМӘЛӘР ҺӘМ АЛАРНЫҢ СИНОНИМНАРЫ

М.М. Шәкурова, Л.М. Гыйниятуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘһСИ (Казан)

Телебезне баेतуда, сөйләм матурлыгын арттыру һәм стильне камилләштерүдә, синтаксик синонимнарга игътибар бирү гаять әһмиятле. Заманында С.М. Ибраһимов әдәби текстлар белән эшләгәндә жөмлэләрне бер-берсенә бәйләүче чараларга да игътибар итүнең зарурлыгын әйтә, аларны барлый. [2] Шул уңайдан Г.С. Әпсәләмов әсәрләренә тукталып, бәйләүче чараларны анализлап үтик. Бер үк мәгънәдәге кирәксез кабатлауларны булдырмау, кирәк урында бер төрне икенчесе белән алмаштыру өчен, телебездә бик күп чаралар бар: Сәхипжамал жиңги маңгаена чыккан тир бөртекләрен *яулык очына сөртте* [1: 454]. Биредә юнәлеш килешендәге исем ияртүче фигыльдән аңлашылган процессның объектын белдерә һәм бу төр сүзтезмәләргә *белән* бәйлеге аша ияргән исемле фигыль сүзтезмә синоним була: Хатирә апа, *яулык чите белән* маңгай тирләрен *сөртеп*, хәйләле генә елмайды. Г.С. Әпсәләмов, бер сүзне икенчесе янына китереп утыртканда, аларның бер-бере белән килешә алу-алмауларына

да игътибар иткэн. Әлеге текстта якын мәгънәне бирүче синонимик төрләр сөйләмне яңгырашлы итүдә мөһим роль уйнаган һәм кабатлаулардан коткарган: *яулык очына сөртте – яулык чите белән сөртте* [1: 336]. Һәр очракны аерым-аерым тикшереп үтәбез.

Исемнең фигыльгә килеш кушымчалары аша ияруеннән ясалган сүзтезмәләр һәм аларның синонимнарына килгәндә, соңгы елларда, бу кушымчаларның текст төзелешенә шул рәвешле комачау итүеннән качу өчен, башка синонимик чараларга мөрәжәгать итә башладылар. Иялек килешендәге исем бары тик исем фигыльгә яки тартым кушымчасы алган сыйфат фигыльгә генә иярә ала, ияртүче сүзнең формалары бер-берсенә синоним булып килә [5: 226]. Текстта бирелгән исемнең фигыльгә иялек килеше кушымчасы аша ияруеннән ясалган сүзтезмәләр һәм аларның синонимнары: Кулына таяк тотып, урам буйлап барганда, *Маһирә ханымның кисәтүен* исенә төшереп, профессор, көлемсерәп, башын чайкап куйды [1: 62].

Әдәби текстта исемнең фигыльгә юнәлеш килеше кушымчасы аша ияруеннән ясалган сүзтезмәләр һәм аларның синонимнарын да күз уңында тотарга кирәк. Ияртүче исем ияртүче сүздән аңлашылган процессның кая таба юнәлүен белдерә: Хәтерә калган Чибәркәева стенага таба борылып ятты. Мансур өйгә кайту моментларын энәсеннән-жебенә кадәр хәтерли [1: 4]. Казан вокзалына аларны туганнары кутерде. Купейный билетлар инде кесәдә иде, шуның өстенә, вагонга кергәч ул өстәлгә бер тартма куйды [1: 6]. Шулай ук текстта *таба, табан, эченә* бәйләкләре белән төзелгән сүзтезмәләр еш очрый: Мансур шәһәренә китеп барды. Дәү эти белән дәү эни исә *шәһәргә таба чапкан* автобуска карап калдылар. Урамнан *тыкрыкка таба* борыла алмады [1: 14].

Процесстың кем өчен, нәрсә өчен үтәлүе кушымча+дип бәйләге ярдәмдә дә белдерелә: Рәнжемәгез – *кешеләргә дип* яхшылыкларны житәрлек эшләдек [1: 3]. *Әхмәткә дип* берәрне *эләктерергә иде!* (Гөлшәһидә Мансурны оныта алмавын, аңардан башка яшәү аның өчен тоташ бер газап кына буласын аңлады [1: 356].

Текст тукумасында исем ияртүче фигыльдән аңлашылган процессның объектын белдергән сүзтезмәләр күпләп кулланыла: Сәхип-жамал жиңги маңгаена чыккан тир бөртекләрен *яулык очы белән сөртте* [1: 235]. Исем ияртүче фигыльдән аңлашылган процесстың вакыт ягыннан ачыклап килә: Бу төн *гомергә* онытылмаслык булып, Әбүзәр Таһировның хәтерендә *сеңеп калды* [1: 427]. Исем ияртүче фигыльдән аңлашылган процесстың сәбәбен белдерә: Ул *бәхеткә* кыз никадәр *шатланган иде* [1: 14].

Исемнең фигыльгә төшем, чыгыш килеше кушымчалары аша иярүеннән ясалган сүзтезмэләр әдәби текстта әледән-әле очрый. Бу очракта иярүче исем ияртүче сүздән аңлашылган процессның туры объектын, чыгу ноктасын белдерә: – Юк эле, кешеләргә татлы *әй-берларне житәрлек ашаттык*. Ул сугыш *гарасатын күргән* кеше. *Кульяулыкны* кесәдән алып борын сөртөрлек тә мөмкинлек юк [1: 17]; *Бераздан Гөлшәһидә аның Казаннан бөтенләй китеп баруы* турында ишетте [1: 10].

Текст тукумасында исемнең фигыльгә урын-вакыт килеше кушымчасы аша иярүеннән ясалган сүзтезмэләр һәм аларның синонимнарына да игътибар бирергә кирәк. Гадәттә иярүче исем саннар белән берлектә килеп, ияртүче сүздән аңлашылган процессның вакытын белдерә: Гөлшәһидә соңгы *ике елда* тәмам *үзгәрдә* [1: 227]. Шулай итеп, сүзтезмэләрне куллану мәсьәләсә күпкырлы, аның һәр үзенчәлеген, бәйләүче чараларын яхшы белеп язганда гына, әдәби текстта һәр жөмләнең, һәр юлның, һәр абзацның камиллеге турында сүз йөртөргә ныклы нигез булачак.

Чагыштыруны белдерә торган кушымчалар ярдәмендә ясалган сүзтезмэләр һәм аларның синонимлыгына килгәндә, әдәби текстта чагыштыруны белдерә торган *-дай, -дәй, -тай, -тәй, -ча, -чә* кушымчалары белән ясалган сүзтезмэләр дә еш очрый. Әлеге сүзтезмәдә иярүче сүз чагыштыру объектын күрсәтә һәм фигыльгә иярә: Бакчалардагы агачларның ябалдашлары, алтын нурга манчылып, очлы *тажлардай балкыйлар*. Мин инде моңарчы да Әбүзәр абыйның *балаларча* мавыгып *көлә белүенә* игътибар иткән идем. Хәзер Әбүзәр абый аларның эштән кайтуларын *баладай* нәүмизләнеп *көтә иде* [1: 469]. Мондый чагыштыру кушымчасы ярдәмендә бәйләнешкә кергән сүзтезмәгә синоним булып бәйлекләр белән ияргән сүзтезмә килә: Ә бүген аның тормышы, язгы *елга* күк, тулып, ташып, гөрләп *ага* [1: 418].

Әдәби текстта булу–булмауны белдергән кушымчалар ярдәмендә ясалган сүзтезмэләр һәм аларның синонимнары да бар. Аерым грамматикаларда, мәктәп дәрәслекләрендә сыйфат ясаучы кушымча дип йөртелә торган *-лы, -ле, -сыз, -сез* аффикслары исемне (санны, алмашлыкны. сыйфатны) исемгә һәм башка сүзләргә бәйләүдә дә катнаша. Бу кушымчалар ярдәмендә ясалган исем сүзтезмэләр текст төзелешендә аеруча еш кулланыла, шул ук вакытта андый сүзтезмэләрдәге фикирне бирә алырдай синоним төзелмэләр дә матур әдәбиятта һәм башка стильләрдә урын ала [3: 401]. Г.С. Әпсәләмов та сирәк булса да бу төрдәге сүзтезмэләрне дә куллана. Бу кушымча белән ясалган фигыль сүзтезмәгә синоним итеп, бәйлек сүз ярдәмендә ияреп исемле

(алмашлыклы) фигыль сүзтезмә алына: – *Синсез нишләрмен* мин, – диде Гөлшәһидә [1: 89]. Әлеге төзелмәгә синоним итеп башка бәйләк сүзә белән төзелгән сүзтезмә килә: *Синнән башка* барысы да *хахылдап кәлә*, – диде Аксюша түти [1: 90]. Шулай итеп, сүзтезмәләрдә бер бәйләүче чараның гына ишәеп китүе һич тә акланмый, чөнки аларны синонимик куллану өчен телебездә мөмкинлекләргә гаять күп.

Әдәби текстта бәйләкләр һәм бәйләк сүзләргә кулланып ясалган сүзтезмәләр шулай ук күп кулланыла. Алар белән бәйлә стиль кимчелекләргә дә аз очрамый. Бәйләкләргә кулланганда, «...иң киң таралган ялгышларның берсе, ди С.М. Ибраһимов, – аларны бер үк жөмләдә төрле функция белән куллану» [2: 152]. Бәйләкләргә кулланганда, тагын бер нәрсә еш кына күзгә ташлана: бәйләүче чара буларак, компонентларның үзара мәгънә ягыннан сыешуын тәэмин итми икән сүзтезмәне башка чара ярдәмендә бирү таләп ителә [4: 378]. Ләкин Г.С. Әпсәләмов әсәрләрендә алар белән бәйлә стиль кимчелекләргә очрамады.

Текстта еш кулланылган *белән* бәйләгә аша ясалган сүзтезмәләр һәм аларның синонимнарына тукталып үтик. Иярүче сүз ияртүче сүздән аңлашылган процессның вакытын, үтәлү рәвешен белдерә. Мәсәлән: *Кич белән* Гөлшәһидә больницадан китмиңә докладын *язып утырды* [1: 26]. Гөлшәһидә шул мунча *киемнәргә белән* больницага *китте* [1: 272]. Шунысын да ассызыкларга кирәк: юнәлеш, чыгыш, урын-вакыт килеше кушымчалары ярдәмендә ясалган сүзтезмә мондый төзелмәгә синоним була. Профессор кешегә мондый пычрак *машина белән йөрү* килешми [1: 24]. Гадәттә, бу сүзтезмәләргә синоним булып урын-вакыт килеше кушымчасы белән ясалган сүзтезмә килә: *машинада йөрү, самолетта очу, көймәдә кичү* һ. б. Кызганычка каршы, Г.С. Әпсәләмов әсәрләрендә бу төр сүзтезмәләргә мисал табылмады. Һәр текста диярлек *буенча, буйлап бәйләгә* аша ясалган сүзтезмәләр еш очрый. Иярүче сүз ияртүче сүздән аңлашылган процессның урынын белдерә: Әхмәт башка *мәсьәләргә буенча* да торып *йөгерә иде*. Жомга көн төш вакытына кадәр Хатирә апа *авыл буйлап сорашып йөрде* [1: 34].

Фикеребезне йомгаклап, шуны әйтсә килә: татар әдәби телен баегуга Ш. Камал, Һ. Такташ, Г. Ибраһимов, К. Нәжми, Г. Әпсәләмов, Х. Туфан, Г. Бәширов, Ә. Еники, Г. Әпсәләмов, М. Мәһдиев, М. Хәбибуллин, Т. Галиуллин кебек язучылар бу яктан да мул өлеш алып килделәр. Чыннан да әдәби текстка анализ ясаганда телебезне баегуда, сөйләм матурлыгын арттыру һәм стильне камилләштерүдә синтаксик синонимнарга игътибар бирү гаять әһәмиятле. Синтаксик

синонимнарның, телебездә булган бәйләүче чараларның муллыгын искә алмыйча язу бервакытта да стильне бизәми. Бүгенге көндә сөйләм камил булсын, әйтергә теләгән фикер төгәл, аңлаешлы чыксын өчен, лексик синонимнар белән генә эш итү житми, шулай ук синтаксик синонимнарның нәрсә икәннен төшенү, аларның төрләрән күзаллау, бәйләүче чараларның муллыгын истә тотып, әдәби текстта куллана белергә кирәк.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Әпсәләмов Г.С. Ак чәчәкләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 510 б.
2. Ибраһимов С.М. Татар телендә синтаксик синонимнар. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1989. 168 б.
3. Татар грамматикасы. Т. III. М.: Инсан; Казань: Фикер, 1999. 512 б.
4. Шакурова М.М. Текст и грамматический строй языка // Тенишевские чтения, 2009: Сб. науч. ст. Казань: ТГГПУ, 2009. С. 377–380.
5. Шакурова М.М., Гиниятуллина Л.М. Изучение художественного текста на лексическом и морфологическом уровнях // Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2021. С. 224–228.

УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ: КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ

УДК 82.31

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ РАШИТА ГАРАЯ

Л.Р. Аскарова

*Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова
АН РТ (Казань)*

В статье исследуется творчество талантливого татарского поэта Рашита Гарая. В небольшом литературном наследии поэта раскрывается философская тематика, глубина образов-символов, новаторские мысли автора. Автором выделены ключевые особенности лирики поэта.

Ключевые слова: поэт, жанр, стих, творчество, философская лирика, деревня, война.

The article explores the work of the talented Tatar poet Rashit Garay. The poet's small literary legacy reveals philosophical themes, the depth of symbolic images, and the author's innovative ideas. The author highlights the key features of the poet's lyrics.

Keywords: poet, genre, verse, creativity, philosophical lyric, village, war.

РЭШИТ ГЭРЭЙ ШИГЪРИЯТЕНЕҢ ЖАНР-СТИЛЬ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Л.Р. Әскәрова

*ТР ФА М. Хәсәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү
институты (Казан)*

Туган жиренә, замандашларына эчкерсез гашыйк шагыйрь Рәшит Гәрәй шигърияте белән әдәбият майданында урыны түрдән дөгъваларга лаек. Аның үзеннән-үзе көй сорап торган шигырьләре аһәңле, күңел кылларын кузгалтырлык, хәтер катламнарында бик озакка сакланырлык илаһи көчкә ия. Әмма Рәшит Гәрәй әдәбиятта бик күп еллар эшләсә дә, кызганычка каршы, тәнкыйть күзлегеннән берәз читләтебрәк узган шагыйрьләреннән берсе. Аның турында фәнни хезмәтләр дә язылмады, ижатын да ныклап өйрәнүче табылмады. Рәшит Гәрәйнең,

сабыр, тыйнак, басынкы тавышлы шигърияте күлэгәдәрәк калды. Ләкин аның ижатының шигъриятебез майданында үз урыны бар. Һәр кеше үзе бер дөнья тәшкил иткәндәй, һәр шагыйрь бары тик үзенчә булганда гына сәнгатьчә яңа дөнья тудыра ала.

Рәшит Гәрәй 1931 елның 15 апрелендә Минзәлә районы Малтабар (хәзерге Тукай районы) авылында игенче гаиләсендә дөньяга килә [2: 97]. Аның бала һәм үсмер чагы авыр елларга туры килә. Сугыш китергән афәтләр, эни-апаларының, олы яшьтәге өлкән агайларының фронтка ярдәм итү өчен үз-үзләрен аямыйча иген кырларында, терлек фермаларында тырышып хезмәт итүләре, шул ук вакытта авыл халкының күңелендә моңсулык, кайгылар белән бергә, һич тугыкмый яшәгән күркәм гадәт-йолалар, җырлар, өмә-бәйрәмнәр, уеннар – болар һәммәсе соңыннан шагыйрьнең ижатына үрелеп китеп, аның тематикасын, юнәлешен һәм үзенчәлеген билгеләүдә зур роль уйныйлар. Ул үзе дә җәйләрен һәм кышын, мәктәптә дәресләреннән бушаган араларда, колхоз эшендә була – атлар көтә, сабан сөрә, өйдән өйгә йөрөп почта тарата. Башта ул туган авылындагы башлангыч мәктәпне, аннан күршедәге Күзкәй авылына йөрөп, урта мәктәпне тәмамлый.

Рәшит Гәрәй 1949 елда экстерн тәртибендә имтихан тапшырып, Минзәлә педучилищесын тәмамлау турында таныклык ала. Шушы елларда ул беренче лирик шигырьләрен яза. 1948–1950 елларда Рәшит Минзәлә районының Иске Мәлкән һәм Чебенле жидееллык мәктәпләрендә укытучы, 1950 елда «Яшь сталинчы» газетасының (хәзерге «Татарстан яшьләре»нең) Минзәлә төбәгендәге үз хәбәрчесе булып эшли. 1951–1953 елларда Совет Армиясе сафларында хезмәт итә. Аның «Беренче хисләр» исемле шигырьләр җыентыгы шул елларда дөнья күрә. Армиядә дә Рәшит ижат эшен дәвам иттерә. Солдат хезмәтенә бәйле шигырьләр, үзләре бер цикл тәшкил итеп, шагыйрьнең «Шинель жылысы» (1954) исемле китабына керәләр.

Армия сафларыннан кайткач, Р. Гәрәй укуын Мәскәүдә М. Горький исемендәге әдәбият институтында дәвам итә һәм аны 1959 елда уңышлы тәмамлый. 1959–1980 елларда ул «Совет әдәбияты» (хәзерге «Казан утлары») журналы редакциясендә поэзия бүлеген хезмәткәре һәм мөдире, соңрак берничә ел Татарстан китап нәшриятендә мөхәррир булып эшли. 1980 елдан алып гомеренең соңгы көненә кадәр ул профессиональ язучы сыйфатында бары ижат эше белән шөгыльләнә. Төрле елларда чыккан китап җыентыклары: «Җырчы камышлар» (1959), «Җырлап яшәр чагыбыз» (1964), «Төнге уяклар» (1968), «Уйланган минутларда» (1969), «Синә тартыла күнел» (1970), «Елмаюлы таңнарым» (1976), «Синдә калам» (1981), «Көнбагышлар

чәчәктә» (1986), «Син бер генә» (1989), «Тургайлы тугайларым» (1991), «Буразналар» (2007).

Рәшит Гәрәйнең шигырьләрендә төп үзенчәлек – татар халык әдәби фольклоры булуында. Шагыйрь, халык жырларын файдалана, һәм шул ук вакытта традицион булып киткән образлар һәм детальләр белән дә эш итә. Шунысы кызыклы, ул фольклор образларын үзгәртсә, тырышмый, ә халык жырларындагы, әкиятләрендәге мәгънәдә куллана һәм халыкчан шигырьләр иҗат итә. Рәшит Гәрәйнең шигырьләрен кайчагында халык жырларынан аерып алу да шактый кыенрак була. Әмма ныклабрак игътибар итсәк, бу строфалар аларның профессиональ шагыйрь ижаты икәнлекләре хакында сөйлиләр. Кыскасы, Р. Гәрәйнең күп кенә шигырьләрен халык жырларының, культура, әдәбият йогынтысы астында үзгәреп, камилләшеп профессиональ яңгыраш алган формасы дип әйтергә дә мөмкин.

Шагыйрьнең тематикасы башка язучылардан эллә ни аерылып тормый: без аның шигырьләрендә космик очышлар, сугыш моң-зарлары, бүгенге төзелешләр, шахтерлар, дингезчеләр, авыл проблемалары турындагы шигъри фикерләр белән очрашабыз. Ләкин ни турында гына язмасын, бу шагыйрьнең дөньяга, башакларга төшкән чык бөртекләре аша, комбайннардан күтәрелгән тузан томаны аша, арыш серкәсе жилләре аша караганын ачык күрәбез. Рәшит Гәрәйнең сурәтләр чаралары нигезендә – фәкать авыл күренешләре, авыл төсләре, эсәрләренен геройлары – авыл кешеләре. Авыл Р. Гәрәй өчен уй-фикер, аның мәхәббәте һәм ул шушы алымнарны кулланып ижади уңышларга ирешә. Мисал итеп, «Атлар елый» шигырен алыяк:

*Кемдер шунда: «Атлар елай...» – диде,
Һәм үзе дә үксеп җибәрде...
Йөрәккә кан сауган ул көннәргә
Оныта алмыйм менә бүген дә.
Яу кырында калган байталларның
Кешнәүләре колак төбөндә.*

Татар әдәбиятында ат турында шигырьләр бик күп: Г. Тукайның «Пар ат», Наҗар Нәҗминен «Елаган ат турында шигырь», Равил Файзуллинның «Ат яратучы малай» һ. б. Ләкин Рәшит Гәрәй язган «Атлар елай» шигыре ат моңын кеше моңы дәрәжәсенә күтәреп, шул моңга ил моңын куша алган шигырь. Андый дәрәҗәдәге шигырь ботенләй юк әдәбиятта.

Рәшит Гәрәй ижатының төп геройлары – авыл эшчәннәре, аларның көндәлек эшләре, табигатькә карашлары, иген-басулар, яшәү карашлары. Авыл аның өчен тема гына түгел, ә уй-фикерләренен, ижатының,

мәхәббатенең бер халәте. Аның һәрбер шигыре табигать белән кеше бөтенлегенә дан жырлый, кешеләргә шул бердәмлекне бозмаска, сакларга тиешлекне искәртә. Аның шигырьләрендәге иксез-чиксез иген кырларыннан, томаннар сарган урман-болыннардан, энгер төшкән су буйларыннан урап, талгын гына тальян тавышы ишетелә. Шагыйрьне бөтен ижаты буйлап озата бара ул моң. Анда борынгы крестьян тормышының сагыш-кайгылары, бүгенге дәртле жырлар; кеше өчен борчылу һәм горурлану. Жир иминлеген кайгырту, һәм офыкка тоташкан кинлектә «көндезен ерактан күренми» торган учаклар януы. Шунысы шатлыклы: шагыйрь һәрвакыт үз геройлары арасында. Р. Гәрәй шигырьләрендә шушы гади булмаган гадиләр – аерым шәхесләр еш кына гомумиләшеп китә, тулы канлы халык вәкиленә әверелә һәм, бераз гына таныш та шикелле елмаеп, күз алдына килеп баса.

*Нәрсәсе бар шушы Минзәләнең,
Нәрсәсе, әй, тарта үзенә?
Кабат кайтмам, диеп китәмен дә
Тора гына алмыйм сүземдә.
Аермагыз... Телим хисләремне
Тургай моңнарына төрергә.
Жылы буразналы басуларның
Улы булып калыйм гомергә.
«Аермагыз мине кырлардан»*

Рәшит Гәрәй шигырьләре жылылык, күңел йомшаклыгы белән өртелгәннәр. Аның «Мендәр», «Бер учма арыш», «Каен кистем», «Жырлы вагоннар» шигырьләрендә әнисенә, туганнарына, дусларына багышланган юлларында дөньяны, тормышны, бар халыкны өзелеп ярату хисләре чагыла.

Шагыйрьгә туган жиренең һәрбер шук малае, «зәңгәргә буялган житен басулары», аланнарда үскән чәчәкләрнең хуш исе, ужымнарның сулышы кадерле, газиз, якын. Аның ижатында барлык хисләр, тойгылар да бергә үрелеп бара. Кайвакыт, бу шигырь кайгылы шигырь икән, дип укыйсын. Әмма, уку дәверендә үзеңнең кайгыларга баш ими торган кеше икәнлегенә тоя башлайсың, иң авыр вакытта да өметне өзмәскә кирәклегенә ышанасың.

*Кайгырма, диләр дуслар
Кайгылы чакларым була,
Кайгырма, диләр дуслар.
Кайгы хәтта кош канатын
Каера, диләр дуслар.
(«Кайгырма, диләр дуслар»).*

Рәшит Гәрәйнең ижатында жылы, якты, шул ук вакытта берәз монсурак та хисләр белән сугарылган шигъри юлларын очратырга мөмкин. Дөньяда иң якын, иң кадерле кешесен югалту аның күңелендә монсу хисләр уята. Әнисенә булган мәхәббәтен, тирән хисләрен ул үзенң шигъри юлларында күрсәтә («Һаман әнкәй...», «Әнкәйдән хат», «Әнкәм куллары», «Кертмәгән дә идем уема», «Үзең булмасаң да», «Туфрагыңа куям битемне»).

*Син барында көнем якты иде,
Якты иде төнем-таңнарым.
Синең исәнлеген иң зур бәхет
Булганлыгын яңа аңладым.*

Рәшит Гәрәйнең тагын бер эшчәнлек өлкәсе – тәржемәчелек. Ул грек, әрмән, казак, осетин, абхаз, удмурт, рус язучыларының шигърьләрен һәм проза әсәрләрен татарчага тәржемә иткән. Санын китсәң, алар бик күп: удмурт шагыйре Флор Васильевның «Кое сирт-мәсе», әрмән шагыйре Мкртич Крюнның «Күп лыгырдау бәласе», грек шагыйре Тетрос Антеосның «Төрмәдәге уйлар», осетин язучысы Хәзби Колаевның «Синнән сорыйм, жирем», удмурт шагыйре Василий Ванюшинның «Айлы төннәрдә», Николай Рыленковның «Кесәмдәге икмәк телеме», «Хәтерлим әнкәмнең кулларын», «Язмышым син минем, намусым», черкас шагыйре Хизир Абитовның «Гагаринга», «Таулар һәм кешеләр» әсәрләрен татарчага тәржемә итүе билгеле. 30 дан артык тәржемә әсәрләре арасында Константин Симонов («Ватан», «Көт син мине»), Патрис Лумумба, Рәсүл Гамзатов («Әнкәйгә»), Леонид Решетников, Виктор Кочетков, Кайсын Кулиев («Бир кулыңны, дустым») әсәрләренә дә тәржемәләре бар. Шагыйрьнең үзенң дә күп кенә шигърьләре рус, башкорт, казак, кыргыз, әзербайжан, үзбәк, каракалпак, чуаш, мари телләренә тәржемә ителгән.

Рәшит Гәрәйнең һәр шигъри жыр итеп жырларлык. Жәүдәт Фәйзи, Әнвәр Бакиров, Рөстәм Яхин, Хөснүл Вәлиуллин, Фасил Әхмәтов, Фәрит Хатипов, Илгиз Закиров кебек композиторларыбызның көй язганда аның шигърьләренә әледән-әле мөрәҗғәгать итүләре һич тә гажәп түгел. Рәшит Гәрәй сүзләренә язылган «Тургайлар», «Яшьлек йолдызы», «Кыр казлары киткәндә», «Жилләр тидермәс идем», «Күңелләр юанганчы», «Сез парлашып йөргән болыннарда», «Кадеңнең белеп кенә» жырлары билгеле [3].

Рәшит Гәрәйнең тагын бер шөгыле: афоризмнар, бөек кешеләрнең акыллы сүзләрен жыю. Менә шуларның кайберләре: туганда керпә дә чәнечкесез туа; кеше эшенең матурлыгын күрә белергә өйрәнү – үзе

бер сэнгаты ул; күз өчен яз яхшы, авыз өчен көз яхшы; ачу – дошман, акыл – дус; яхшы эшкә килер, яман ашка килер; уңган хатын – ир күрке, матур хатын – ил күрке; бәхетнең шаһите булу – үзе зур бәхет икән ул; берсен төшерми, икенчесен күтәрәп булмый һ. б. Язучы сүзлегендә 200 афоризм тупланганы билгеле [1:110–117].

Рәшит Гәрәй нәсерләр авторы буларак та билгеле әдәбиятта: «Чәчәкләр китерә алмадым», «Син дә сагынасыңмы, Халидә?»; «Коммунизм таңы» газеталарында бастырылган «И, туган жир!..» (1972 ел, 19 октябрь), «Әткәм жыры» (1972 ел, 4 ноябрь), «Татарстан яшьләре» газетасында бастырылган «Солдат хатларында – ил язмышы» (1981 ел, 9 май). Алар туган жир, Бөек Ватан сугышы вакытында ил-халык тормышы, сугышта һәлак булган этисен сагыну һ. б. темаларны үз эченә ала.

Рәшит Гәрәйгә 1981 елда «Татарстанның атказанган мәдәният хезмәткәре» дигән мактаулы исем бирелә. Гомеренең соңгы елларында ул туган якларында яшәп ижат итә һәм 1999 елның 22 июнендә туган авылы Малтабарда вафат була.

2021 елда Минзәлә шәһәренең Үзәк китапханәсендә Рәшит Гәрәй музейе ачылды; шәһәрдәге балалар китапханәсенә аның исеме бирелде [4].

Йомгаклап әйткәндә, Рәшит Гәрәйнең төрле елларда язылган шигъри эсәрләре белән якыннан танышканнан соң, без, һич икеләнмичә, үзеннән-үзе көй сорап торган шигырьләре аһәңле, күңел кыларын кузгалтырлык, хәтер катламнарында бик озакка сакланырлык илаһи көчкә ия дигән нәтижәгә килдек. Татар мәдәни мирасыбызның мәшһүр күренеше буларак, күренекле шагыйрь Рәшит Гәрәй исеме һәм ижаты, риваять сыман, буыннан-буынга яңгырап яшәргә тиеш. Һәм ул жентекле өйрәнелүгә, үз бәясен алуға, әдәби мирасыбыз буларак, кадерләүгә лаек. Бу бәрәкәтле эш алға таба да дәвам итәр, дигән ометтә калабыз.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Әскәрова Л. Шагыйрь Рәшит Гәрәйнең татар әдәбиятында тоткан урыны // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сб. ст. науч. конф. Вып. 10. Казань, 2021. 331 с.

2. Гәрәй (Гәрәев) Рәшит Гәрәй улы // Татар энциклопедиясе: 6 томда / баш мөх-р Ә.М. Мазһаров, жав. мөх-р Г.С. Сабирҗанов. Казан: ТР ФА Татар энцикл. ин-ты, 2010. Т. 2: Г–Й. 655 б.

3. Нәбиуллин Т. Малтабарда шагыйрь жаны көтә // Шәһри Казан. 2000. 28 июль.

4. Рәшит Гәрәй музейе. URL: <https://mcbib.ru/news/2022/07/4404/> (дата обращения: 25.08.2025).

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОЗЕ Г. ГИЛЬМАНОВА

Ф.И. Габидуллина

*Елабужский институт Казанского федерального университета
(Елабуга)*

В статье рассматриваются особенности поэтики прозы татарского писателя Галимзяна Гильманова, произведения которого отличаются разнообразием тем, богатством жанров, удачным использованием мифологем, архетипов и различных мотивов. Системное изучение проявления мифопоэтики в прозаических произведениях выявила закономерности ее реализации в художественном творчестве (использование фантастики, игры, элементов абсурда, а также метафоричность, экзистенциальное мироощущение). Определена роль мифопоэтики в формировании и развитии художественного мышления писателя, в создании национальной картины мира.

Ключевые слова: татарская литература, Галимзян Гильманов, мифологема, архетип, мотив, герой.

The article examines the features of the poetics of the prose of the Tatar writer Galimzyan Gilmanov, whose works are characterized by a variety of themes, a richness of genres, and a successful use of mythologems, archetypes, and various motifs. A systematic study of the manifestation of mythopoetics in prose works has revealed the patterns of its implementation in artistic creation (the use of fantasy, play, elements of absurdity, as well as metaphoricality and an existential worldview). The role of mythopoetics in the formation and development of the writer's artistic thinking and in the creation of a national worldview has been determined.

Keywords: Tatar literature, Galimzyan Gilmanov, mythologeme, archetype, motive, hero.

Современная татарская литература развивается быстрыми темпами, литературная арена принимает всё новые силы, новых мастеров пера, но и писатели более взрослого поколения не сдают свои позиции и добавляют новые штрихи в литературный процесс, отражают в своём творчестве новые тенденции. Большинство из них связано с тем, что современная литература развивается как постмодернистическая литература [4; 5; 6; 10]. Как отмечает О.Ю. Осьмухина, для постмодернистической прозы, которая обращается к аллюзии, интертекстуальности, цитатности, прежде всего, интересно то, что исходный мифическо-мифологический материал в авторском тексте превращается

в мифопоэтические элементы [8: 123]. Творчество Г. Гильманова в этом аспекте заслуживает научного исследования, так как он известен не только как писатель, но и как фольклорист, изучавший народные мифы и написавший по ним специальные труды. Данная статья актуальна тем, с одной стороны, изучение мифопоэтической картины мира в прозе Г. Гильманова способствует выявлению художественных поисков автора, а с другой, дает возможность определить своеобразие современного татарского литературного процесса.

Основной целью является изучение мифопоэтической картины мира в прозе Г. Гильманова. Материалом для исследования послужили такие произведения, как «Лесные демоны», «Родник правды», «Встреча на границе мира», «Кузнецы». Методологическую основу научной работы составляет герменевтика – теория толкования, интерпретации и понимания текстов. Она позволяет анализировать произведение с точки зрения разных методов.

Галимзян Гильманов – один из самых популярных на сегодняшний день татарских прозаиков. Очень часто в его произведениях реалии жизни сплетены с мифологическими элементами, образами. Так, структура сюжета романа «Лесные демоны», который пронизан мифологическими мотивами, повторяет обряд инициации. По мнению Л. Давлетшиной, «мифологический сюжет, являющийся основной сюжетной схемой романа «Лесные демоны», состоит из последовательности характерных событий для истории героя: чудотворное рождение героя; приключения; женитьба; управление умом; таинственная смерть (можно символизировать смерть)» [3: 127]. Также в этом романе примечательно и мифологическое время. Следует отметить, в реальном и ирреальном мире категория времени разнится. И вправду, две старухи-демоны увидев идущего по дороге Халима, под предлогом, что у него устали глаза и нужно отдохнуть, сверхъестественными силами усыпляют его. Проснувшись Халиму показалось, что прошло совсем немного времени, но в реальном мире оказывается уже прошли годы.

В произведениях Г. Гильманова мир живых и мёртвых изображается как одно целое. Как известно, местом их встречи должно быть кладбище. В других случаях речь идёт об иррациональности, мистике. Как пишет об этом Ф.И. Урманче: «Почему то данное слово не внесено ни в один из мифологических словарей, как будто оно не имеет никакого отношения к мифологии. На самом же деле кладбище – по исламскому учению, место на границе двух миров. Потому что, на кладбище заканчивается жизнь человека в Этом мире, и начинается жизнь в Другом» [9: 73]. В нормальном состоянии эти жизни разделе-

ны границей, они не могут пересекаться, скрещиваться друг с другом. В этом аспекте интересен рассказ Галимзяна Гильманова под названием «Встреча на границе мира».

Внимание рассказчика привлекает грустная женщина на кладбище. «Я уже начинал привыкать к своему тревожному состоянию, которое получил почти что по своему желанию. Но лицо женщины заставило меня ещё раз вздрогнуть, затрястись. Каждая черта её лица весьма серьёзна, даже напоминает лицо суровых мужчин. Только тусклый лучик в глубоко посаженных глазах схож с глазами матерей, потерявших детей и переживших много горя» [2: 271]. Значение этих слов раскрывается в ходе рассказа. В мировой литературе в произведениях жанра фэнтези широко распространён мотив «попаданчество», то есть герой попадает в тело человека другого мира, и наоборот, тот попадает в тело человека этого мира. Но чаще всего эта особенность свойственна сюжету массовой литературы и часто используется для развлечения, завлечения. В рассказе же Г. Гильманова чётко слышится трагический отголосок. Женщина на кладбище попала в аварию с сыном, когда ехала в машине, сын погибает закрыв своим телом мать, которая осталась жива. Но в дальнейшей её жизни нет никакого счастья. Она, с одной стороны, хочет, чтобы смерть её забрала, а с другой, женщина чувствует, что душа её сына перешла к ней, признаёт, что не имеет на это право. Она начинает видеть мир как её сын, начинает жить среди мужчин, где сын работал; даже иногда на девушку, которую при жизни любил её сын, она смотрит влюблёнными глазами, восхищается её фигурой, они даже спят на одной подушке. Правда, отношения не углубляются, объятия сохраняются только на границе объятий матери и дочери. Автор мог бы объяснить переживания женщины, её состояние с психическими отклонениями, связанными с пережитым ею горем, но эта девушка сама спешит на кладбище и рассказывает о том, что скучает. Рассказчик продолжает: «Посмотрев на эту пару выходящую из кладбища прильнувшись друг к другу, я встревоженно подумал: самые сложные тайны бытия оказывается собраны на границе этого мира...» [2: 273]. Таким образом, кладбище в этом рассказе представлено не только как место, где встречаются два мира, но и как место, где хранятся сложные, трагические тайны.

Мифологическим местом можно назвать и окраину. Жизнь вдали от деревни, вдали от людей во многих народных мифологиях объясняется тем, что человек обладает силами извне, сверхъестественными. В некоторых случаях такое место, связанное с ирреальным миром герой выбирает сам. В произведениях Г. Гильманова такая

жизнь в большинстве своём объясняется мотивом гонения. В рассказе «Кузнецы» мы видим это на примере героя по имени Давыт. По мнению древних людей, кузнецы равно шаманам, святым, колдунам. Им не разрешалось жить среди людей. «Это не из-за вредности. Наверное, это из-за того, что они необычные люди. Потому что, кузнец, выжимая тело земли, кует железо, делает инструменты, чтобы разрезать тело этой земли. Он впадает в долю Всевышнего, судьба кузнеца тоже зависит от милосердия и благословения Всевышнего. Если Бог на него рассердится, то это оказывается разрушит весь народ. Конечно же, Бог может быть и милостивым. Кузнецы же они делают инструменты, делающие человека – человеком, мужчину – мужчиной, страну – страной, таким образом помогают своим соотечественникам выращивать хлеб, жить, бороться против врагов» [1: 134], – пишет автор.

Изобилием мифологических элементов отличается и произведение писателя «Родник правды». Рассказ начинается таким образом: «Плохая весть распространяется быстро. Весть о том, что «Скотник Нурулла переспал с женой Исмая Гульшагидой со скоростью света распространилась по всей деревне» [2: 88]. Несмотря на то, что Гульшигада многократно клялась в своей верности, Исмай поверил сплетням и выгнал свою жену с двумя детьми на улицу. Последующие события, в основном, связаны с поступками Скотника Нуруллы. Его первый поступок – ложь. То есть, он убедил всю деревню в том, что переспал с Гульшагидой. Для того, чтобы проверить правдивость слов Нуруллы народ решил его испытать «Родником правды». Об этом роднике автор пишет следующее: «Испытуемых людей приводили к Роднику правды, здесь они давали клятву. Клятвой являлась сама вода родника. Дескать, около этого святого родника человек всегда начинает говорить правду» [2: 89].

В своём труде «Татарские мифы» автор о роднике пишет так: «Само значение слова «Родник» (Чишмэ) интересное. Очень часто это слово применялось как мифологический (магический) код, ключ. Например, древние тюрки называли небо «родником святости», а землю – «родником клада» (по Г. Батталу). Даже такие изречения татар как «родник слёз», «родник души» (из эпоса «Урал батыр»), «родник крови» (кровь пролитая в бою), «родник молока» (молоко из груди матери) своими корнями уходят в период древнего язычества. Древние люди верили что у родника (воды) есть душа. В целом, кровь и душа отождествлялась. Люди верили в то, что когда ушла вся кровь человека и он умер, его душа ушла вместе с этой кровью. Поэтому о роднике говорили: «Родник – это не только вода, это – духовная пища» [8: 136].

В рассказе автор «Родник правды» именует и «святым родником»: «Точно так же как у каждой вещи, у каждого явления есть хозяин, и у родников есть свои хозяева. Они относятся к группе святых духов и всегда помогают людям. Святость – второе важное качество хозяина Родника» [8: 137]. Таким образом, Г. Гильманов наделяет «Родник правды» мифологическим смыслом и посредством него решает разоблачить ложь Нуруллы. Здесь мы уже видим второй поступок героя. Этот поступок также связан с ложью. В этот раз он идёт на обман давая клятву посредством питья воды святого родника. Таким образом, ложь – поступок совершённый героем рассказа, приводит к разрушению целой семьи. Поступки совершённые героем рассказа этим не заканчиваются. Он с усмешкой смотрит на родник и начинает с ним разговаривать: «Ну, кто в итоге силён? Кто? ... Да, что в тебе есть такого? Дескать, Родник правды... Если захочу я тебя вообще заглушу!» [2: 93–94]. Нуруллу начинает злить медленное, спокойное течение родника и он сняв обувь встаёт посреди родника и начинает мутить его чистую воду. В вышеуказанном труде Г. Гильманов: «Около родников нельзя плевать, оскверняться. Также нельзя мутить воду родника. Дескать, у такого человека отсохнет рука. Излишне говорить, что такой поступок является трагедией и для хозяев Родника [8: 139]. А Нурулла прыгая посреди родника и выкрикивая «Я тебя вот так затопчу! Вот так вот заглушу! Подохни! Подохни! Подохни!» [8: 94], сам того не понимая начинает тонуть в болоте. В итоге как бы не старался, он не может вытянуть ногу из болота и начинает кричать. Несмотря на то, что люди слышат его голос, никто не спешит ему на помощь.

Таким образом, Г. Гильманов, являющийся не только писателем, но и собирателем татарских мифов, не может обойти стороной эту область и в своих произведениях. В создании мифопоэтической картины мира писатель часто обращается к мифологическим сюжетам и образам. Автор подчеркивает, что каждое злодеяние должно получить своё наказание. Злодеяния Нуруллы, героя рассказа «Родник правды», разоблачаются посредством образа родника. В одних произведениях автор обращается к мифологическим образам, а в других произведение полностью основывается на мифологическом сюжете («Лесные демоны»). В произведениях писатель обращается к таким топосам как кладбище («Встреча на границе мира»), окраина («Кузнецы») и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильманов Г. Оча торган кешеләр: роман, повестьлар, баяннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 463 б.

2. Гыйльманов Г.Х. Тэкъдиргә юл: хикәяләр, новеллалар. Казан: Рухият, 2014. 448 б.

3. Давлетшина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI в. Казань, 2006. 140 с.

4. Закирзянов А.М., Габидуллина Ф.И. Проблемно-тематическое своеобразие рассказов Р. Мухамадиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice ISSN 1997-2911 (print) 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 2942–2946.

5. Закирзянов А.М. Нравственно-философские проблемы в романе З. Хакима «Сколько мгновений в одном часе?» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice 2024. Т. 17. Вып. 11. С. 4081–4086.

6. Заһидуллина Д. Гасырлар чиге татар әдәбияты. Соңгы еллар татар прозасы // Хәзерге татар әдәбияты / төз.: Г.Р. Закирова, Л.Ә. Гыйззәтуллина. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 412–428.

7. Осьмухина О.Ю. Мифопоэтическое пространство отечественного романа рубежа XX–XXI вв. (на материале прозы В. Пелевина и Д. Липскерова) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 123–126.

8. Татар мифлары. Г. Гыйльманов хикәяләвендә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 384 б.

9. Урманче Ф. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 2 т. Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.

10. Шәмсутова А.А. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш: фәнни мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 205 б.

УДК 821.512.145

РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЗЕ ЛАНДЫШ АБУДАРОВОЙ (на примере повести «Умарт» («Улей»))

Г.Р. Гайнуллина, А.Р. Гатиятова

Казанский федеральный университет (Казань)

Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс)» № 24-28-20211

Данная статья посвящена исследованию рецепции классической татарской литературы в творчестве современной писательницы Ландыш Абударовой. В статье рассматриваются элементы древней и средневековой татарской литературы, мифологизация, а также представле-

ние образа татарской женщины в контексте преемственности литературно-исторических традиций на примере повести «Улей». Особое внимание уделяется исследованию традиций творчества татарского классика Миргазияна Юнуса в повести Ландыш Абударовой.

Ключевые слова: современная проза, повесть, татарская литература, образ, модификация, Миргазиян Юнус, Ландыш Абударова.

This article is devoted to the study of the reception of classical Tatar literature in the works of the contemporary writer Landysh Abudarova. The article examines the elements of ancient and medieval Tatar literature, the mythologization, and the representation of the image of a Tatar woman in the context of the continuity of literary and historical traditions, using the novel “Uley” as an example. Special attention is paid to the study of the traditions of the work of the Tatar classic writer Mirgaziyan Yunus in the novel by Landysh Abudarova.

Keywords: modern prose, novel, Tatar literature, image, modification, Mirgaziyan Yunus, Landysh Abudarova.

ЛАНДЫШ ӘБҮДӘРОВА ПРОЗАСЫНДА ТАТАР КЛАССИК ӘДӘБИЯТЫ ТРАДИЦИЯЛӘРЕ

(«Умарта» повесте мисалында)

Г.Р. Гайнуллина, А.Р. Гатиятова

Казан федераль университеты (Казан)

Ландыш Әбүдәрованың «Умарта» дип исемләнгән повесте төрки-татар фольклоры, Урта гасырлар әдәбияты традицияләрен яңарту, образлар системасын, алымнарын тернәкләндерү, мифлаштыру ягыннан игътибарга лаек.

Повестьта вакыйгалар Каракүл авылында яшәп ятучы Мостафа белән Фатыйманың гаиләсендә Нәфисә исемле гажәеп дәрәжәдә матур кыз баланың тууы хакында сөйли. Нәфисәнең матурлыгы, гүзәллегә гадәттән тыш арттырылып, хәтта әкияти планда сурәтләнә. Биредә Урта гасырлар шигърияте белән параллельләр үткәргә мөмкин. Нәфисә образы гасырлар буге укылып, халыкның рухи юлдашына әйләнгән «Кыйссаи Йосыф» поэмасындагы Йосыфны хәтерләтә. Ислам, Коръән идеяләрен, мотивларын мәңгеләштергән әлеге поэманың төп герое Йосыфка матурлык тумыштан бирелә. Аның матурлыгына сокланалар, аны күргән кеше һуштан яза. Әйттик, әсәрдә Мисырдагы хатын-кызларның, Йосыфның матурлыгына таң калып, жимеш урынына пычак белән бармакларын туры башлаулары сурәтләнә:

«Бар да борылып, Йосыфка карадылар,
Гүзәллеген күреп аның таң калдылар,

Һәммәсә дә карап торып шунда аңар,
Әфлисүн дип, бармакларын кисте имди» [2].

«Умарта» повестенда да Нәфисәнең матурлыгына мөнәсәбәтле кешеләрнең телсез калуы кебек күренешләр хакында сөйләнә:

«Кем генә кереп, Нәфисәгә күз салмасын, барысы да телләрен йоткандай, сүзсез калалар, сөйләшә алмыйча нәүмиз булалар иде» [1].

Нәфисәнең чамадан тыш матурлыгы авыл халкын аптырашта калдыра. Берәүләр сабий баланың кешеләрне телсез итә алу сәләтен шайтан коткысы дип бәяләсә, икенчеләре кыз баланы Аллаһ мөҗизасы итеп кабул итә.

Поэмада Йосыфның эчке матурлыгы да ачыла. Йосыф Камил инсан үрнәгендә дини идеал буларак тәкъдим ителә: ул хак сүзле, миһербанлы, тугры һәм мәрхәмәтле. Димәк, икенче пәйгамбәр – Йосыф образында әхлакый һәм ижтимагый сыйфатлар калку гәүдәләнә.

Нәфисә образы да Камил инсан концепциясә ягын ала. Төп героиня тирә-юньдәге кешеләргә, авылдашларына йогынты ясау сәләтенә ия. Нәфисәнең матурлыгыннан сихерләнү нәтижәсендә, башкаларның күңелендә, дөньяга һәм тормышка карашларында үзгәрешләр барлыкка килә. Әйтик, Нәфисә белән танышудан соң, Камилнең укуга карата мөнәсәбәте чын мәгънәсендә үзгәрә. «Мәктәптә укымым, көтүче булам» дип йөргән малай, уеннан кире кайтып, галим булу турында хыяллана башлый:

«– Фатыймакаем, сезнең кызны күргәч, Камилем “биш”кә генә укый башлады бит. Галим булам, ди, Нәфисәне терелтәм, ди. – Энжебикә сөенә».

Герой камиллеккә борыла: Нәфисәнең серен ачарга теләп, гыйлемле булырга омтыла, мәктәп һәм авыл китапханәсендә булган барлык китапларны укып чыга, галим, табиб булырга тели. Нәфисәнең серен, табышмагын чишү юлында Камил хәтта гипнозлауны үзләштерә башлый. Әлегә эшнә ул «Нәфисә хакына! Фән хакына!» дип чын күңелдән бирелеп башкара.

«Умарта» повесте өр-яңа хатын-кыз образын биргән роман буларак әһәмиятле. Нәфисә образы ярдәмендә автор татар хатын-кызларына хас эчке матурлыкның тышкы гәүдәләнешен тәкъдим итә. Шәрәкь романтикасы төсмерләрен алган Нәфисә һәр яктан камил образ. Гажәеп дәрәжәдә матур, эчке һәм тышкы күркәмлегә белән һәркемгә йогынты ясый алу көченә ия хатын-кыз образы – язучының табышы. Нәфисә образының бирелешендә матурлык концепциясә ята. Әдәбият белемендә матурлык – ул күренешләрне аларның камиллегә ноктасыннан характерлаучы һәм гармония, үлчәү төшенчәләре аша аңлатучы

эстетикадагы универсаль категория, кыйммэт. Матурлык категориясе кешедәге тотрыклы гармоник структурага омтылыш нәтижәсе буларак барлыкка килә. Нәфисә исеменң нигезендә һәм асылында да нәфис-леккә омтылу ята.

Моннан тыш, «Умарта» повестенда Нәфисә образы милләт кызы дәрәжәсендә сурәтләнә. Әсәр ахырында язучы Нәфисәне авыл, милләт киләчәгенң сагында торучы хатын-кыз буларак тәкъдим итә:

«Ә жир өстендә Нәфисә бар. Каракулнең Нәфисәсе бар әле» [1].

Мифологик мотивлар белән сугарылган «Умарта» әсәрендә вакыйгаларның үзәген тотып торучы төп урын – Каракул авылы. Автор умартачылары белән дан тоткан Каракул авылын түбәндәгечә сурәтли: «Каракулдә жәмгыятьне беркайчан да унга һәм сулга бүлеп карамадылар. Түгәрәк дөньялары белән бергә әйләнә иде алар. Әйләнгән саен элек уң дигәнә хәзер сулда кала, сул дигәнә уңга әйләнә бара – моңа әллә кайчан төшенделәр инде» [1].

Әсәрдә үзенчәлекле балык мифологемасы тудырыла. Повесть башында балык образына мөнәсәбәтле фикерләр Миннегали карт та-рафыннан әйтелә:

«Бу борынгылар әйтә торган кырпы балыгына охшаган. Ите бик тәмле диләр. Патшалар ризыгыдыр, имеш...» [1].

Камадан кайтышлыый Каракулгә туктаган Хәләф тә биш-алты метр тирәсе сузылган сызыкка игътибар итә һәм шул ук балыкны күрә:

«Шул мизгелдә Каракулдән алагает олы балык күл өстендә дуга ясап сикерде дә кабат суга кереп чумды. Коты алынган Хәләф өстенә чиләкләп койгандай су бөркелеп калды» [1]. Балыкны үз күзләре белән күргән көннән башлап, Хәләфнең дә тормышы үзгәрә, ул ничек тә балыкны эләктерү теләге белән яна башлый:

«Бу вакыйгадан соң, уйчанланып киткән Хәләф көннән-көн үз эченә йомылды. Көне дими, төн дими, Каракулдән кайтмыйча, зур балыкны сагалый башлады». Күл төбөндә яткан балыкны эләктерү теләге бик кыйммәткә төшә, Хәләф үзе суда батып үлә, әтиләренң үлө гәүдәсен эзләп, Каракул сазлыгын ураган уллары да вафат була. Күбрәк акча эшләү, исеменңе данлау ниятләре белән йөргән геройлар-га карата балык миһербансыз.

Әсәрдә балык образы башка яктан да ачыла. Таеп китеп, күлгә чумган һәм бер мизгелгә күл өстендә утлары яктырып торганнан соң, су астына төшеп юк булган машинадагы абыйларын, Камилне котка-рып өчен, Нәфисә батырларча суга сикерә:

«Тадам, Каракулне аркылыга-буйга йөзеп чыксам-чыгам, батып үлсәм-үләм, әмма барыбер табам мин сезне» [1].

Нәфисә корбанчыл, үзен кызганмыйча, башкаларны коткару яклы. Балык эш-гамәлләре кешеләргә ярдәм итү белән бәйле геройларга теләктәшлек белдерә, үзе дә коткаручы вазифасын үти:

«Шулвакыт үзеннән уң якта егерме адымнар тирәсе ераклыкта абыйлары утырып киткән машина калыкты. Бераздан машина бөтенләе белән су өстенә чыкты. Ул зур балыкның сыртына утырган иде» [1].

Әсәрдә балык дөнья үзәген тотып торучы образ буларак күзаллана. Автор фикеренчә, дөньяны әхлакий бөтенлек, изге ниятләр һәм матурлык тотып тора.

«Умарта» повестеның тагын бер үзенчәлеге классик язучыбыз Миргазыян Юныстан килгән күркәм традицияләренң чагылыш табуында күзәтелә.

Күренекле язучы-прозаик Миргазыян Юнысның «Шәмдәлләрдә генә утлар яна...» (1979) повестенда һәм хәзерге татар прозасы вәкиле Ландыш Әбүдәрованың «Умарта» әсәрендә милләт анасы архетибының бер модификациясе буларак татар хатын-кызы образы тәкъдим ителә.

Миргазыян Юныс «Шәмдәлләрдә генә утлар яна...» повестенда Разия һәм Сәйриннең әнисе образлары аша татар хатын-кызларына хас сыйфатларны гомумиләштерә. Әлеге сыйфатлар корбанчылык, тугрылык һәм җаваплылык кебек төгәлләшә, гайлә ныклығы һәм милләт киләчәгенә бәйләнештә ачыла.

Повестьта хатын-кызның рухи камиллеге гайлә бөтенлегенә, тыныч яшәүнең нигезен билгели:

«Әнисенә төп бурычы – гайлә эчендәге дустанә мөнәсәбәтләргә, туганлык, татулык хисен саклау иде. Бу вазифасын Сәйриннең әнисе сокланырлык итеп үтәп килде. Шунлыктанмы, Сәләховлар гайләсендә яшәү тыныч һәм рәхәт иде» [3: 547].

Әлеге фикер Разия язмышына мөнәсәбәтле үстерелә. Җаваплы һәм намуслы булуның, гайлә кысалары белән генә чикләнмичә, кешелек җәмгыятенә тотрыклылыгы өчен әһәмиятлелеге асызыклана:

«Гайләдәге иминлек, татулык, тынычлык өчен ул җавап бирәчәк. Шушы зур җаваплылыкны өстенә алырга ул эзәр иде. Бергә торуның тагын бер җаваплылыгы бар. Синәң намуслы булуың үзең өчен генә түгел, ирең, балаларың өчен дә кирәк. Җәмгыять өчен дә кирәк бу сыйфат. Разия соңгы сулышына кадәр Сәйриннең исеменә тап төшермәскә тырышчак» [3: 518].

Милләт анасы архетибының модификациясе Разия образында тулы чагылыш таба. Разиянең тугрылыгы сөйгән ярын Сәйринне армиягә озатканда беренче тапкыр кигән, беренче кочаклашуга шаһит булган күлмәкне күз карасыдай саклавында күренә: «Күлмәктә бит

Сэйринемнең кулыннан калган эзләр бар. Аның төсө итеп саклыйм мин аны» [3: 485]. Разия кабат кавышканчы ул күлмәкне кимәскә нә-
зер әйтә.

Корбанчыл хатын-кыз образы бирелешә дә Разиягә бәйләнештә ачыла. Разия сөйгән егете кайтуга коймак пешерәсе онны саклап тота, аяктан егылганчы ач йөри, эмма үзен кызганмый. Сэйрингә пешерәсе коймак турында уйлаганда, ашыйсы килүдән Разиянең күз аллары караңгылана. Бер генә уч он алып, пешерсәм, аңа да калыр, дип уйлаган чакларында да Разия түзә, Сэйрингә дип саклаган онга тими. Больницада ятканда да Разия Сэйрин турында уйлый, аның белән кавышу кө-
нен күз алдына китерә. Ул һичшиксез сөйгәнәң коймак пешерәчәк:

«Тантаналы бәйрәмнәрдә генә була торган коймак пешерү хозур-
лыгы – шул куаныч өчен ул әздән генә ачка үлми калды. Он исән. Ул ачка үлсә дә коймак онына ягылмас иде» [3: 506].

«Шәмдәлләрдә генә утлар яна... » повестенда төп фикер «татар кызларыча оялчан, әдәпле генә, торган саен һаман кыюлана, көчәя, тирәнәя барган» көй – «Гөлҗамал» көенә бәйләнештә үткәрелә:

«Жырлый-жырлый, елый-елый жеп эрләүче житкән кызлар. Грек мифологиясендәге арахналар шикелле, гасырлар буге күз яше, кан койган халык тәкъдирен эрләгән жепләре аша тасвирлый. Халык яз-
мышы беренче чиратта яшьләр тәкъдире аша үтә. Нәселне дәвам ит-
терү, ата-бабадан калган йолаларны, гадәтләрен саклап тоту да аларга йөкләнгән. Токым пакылеген саклап килү дә алар кулында» [3: 483].

Димәк, Миргазиян Юныс, фәлсәфи фикерен ассызыклап, бо-
лай дип әйтергә тели: халык язмышы яшь кызлар тәкъдире аша үтә. Хатын-кыз язмышы – ул, асылда, милләт язмышы. Милләтнең таби-
гый бәхетле киләчәге хатын-кыз бәхетеннән тора.

Татар хатын-кызларына мөнәсәбәтле фәлсәфәнең Миргазиян Юныс тәкъдим иткән укылышы хәзерге татар прозасында кабатлана, көчәйтелә. Ландыш Әбүдәрөваның мифологик мотивлар белән өртел-
гән «Умарта» повестенда тугрылык, корбанчылык, сабырлык, кин күңеллелек кебек сыйфатлар Ләйлинура остазбикә, төп героиня Нәфисә һәм аның әнисе Фатыйма образларына салына. Дөрәс, әлегә сыйфат-
лар барлык хатын-кыз образларда чагылыш таба.

Нәфисә тиңе булмаган бер матур бала булып үсә бирә, әти-әнисе, абыйлары аны күз карасыдай саклап үстерә. Әтисе Мостафа кыз бала-
нын киләчәге турында уйлана башлый:

«Тыштан кыя кебек нык торса да, Мостафа бәләкәй кызының зур үсәчәген, аның дөньяга чыгасы, ишләре белән уйныйсы, гашыйк буласы, мөхәббәт утында янасы, кияүгә чыгасы, бәбиләр үстерәсе

килэчәген яхшы аңлый иде. Бөтен кеше дә шулай яши: туа, үсә, гашыйк була, бәхетле булам дип тырыша-тырмаша, үзеннән соң эз калсын – нәсел дәвам итсен, дип, балалар үстерә, карта яһәм үлә» [1]. Миргазыян Юныс «Шәмдәлләрдә генә утлар яһа...» повестенда яктырткан нәселне дәвам иттерү, «яшәү ул – шул ук нәсел калдыру» кебек фикерләрен Ландыш Әбүдәрова да кабатлап әйтә. Нәфисәнен үзенә тиң кеше итеп кемне сайлавыннан, милләтнең киләчәгә тора.

Повестыта татар хатын-кызларына хас сыйфат буларак сабырлык аерып күрсәтелә:

«Вақыты житкәнне көтә, сабыр итә – нәкъ әнисе кебек. Аның әнисе сүзсез генә, тавыш-тынсыз гына сабыр итә белә иде. Сораулар бирмичә генә җавап ала белде. Нинди генә язмышка дучар ителсә дә, кайсы гына заманда туса да, күнәп яшәр иде ул. Фатыйманың кызы өчен дә сабырлык әнә шундый табигый, ягъни канына сеңгән, аң төпкеленә үтеп, аның эш-гамәлләрен билгели торган бер сыйфат иде» [1]. Төп героиня Нәфисә, әнисе Фатыйманы берләштерүче төп сыйфат – сабыр итә белү.

Нәтижә ясап әйткәндә, Ландыш Әбүдәрова – хәзерге татар проза-сында борынгы һәм урта гасырлар әдәбияты, 1960–1980 еллар татар язучыларының традицияләрен яңартучы прозаик. Ландыш Әбүдәрова ижатында Миргазыян Юнысның «Шәмдәлләрдә генә утлар яһа...» әсәрендә чагылыш тапкан ана архетибының бер модификациясе буларак корбанчыл, сабыр, җаваплы хатын-кыз образы гәүдәләнеш таба, дәвам иттерелә.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Әбүдәрова Л. Умарт: повесть // Казан утлары. 2021. № 3. Б. 81–150.
2. Кол Гали. «Кыйссаи Йосыф». URL: <https://belem.ru/node/5531> (дата обращения: 27.07.2025).
3. Юныс Миргазыян. Әсәрләр: алты томда. I т. Казан: Рухият», 2003. 584 б.

УДК 821.512.145

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХОВ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Л.Ш. Галиева

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье приведен обзор литературно-критических статей, размещенных в альманахе «Үсү юлы» («Пути роста»), который начал издаваться в 1950 году и позже был переименован в альманах «Идел» («Идель»). В данном издании публиковались произведения молодых татарских

писателей. Начиная с седьмого номера альманаха «Үсү юлы» в издании публикуются теоретические и литературно-критические статьи, которые были направлены на повышение качества публикуемых молодыми писателями произведений. Большинство критических статей представляло собой рецензии на новые книги писателей или отдельные произведения. Кроме того, альманах размещал информацию о новых изданных книгах, об итогах семинара молодых писателей и вести литературных кружков.

Ключевые слова: татарская литература, альманах «Үсү юлы» («Пути роста»), альманах «Идел» («Идель»), литературная критика, молодые писатели.

The article provides an overview of literary-critical articles published in the almanac “Usu Yuly” (“Paths of Growth”), which began to be published in 1950 and was later renamed the almanac “Idel” (“Idel”). This publication published works by young Tatar writers. Beginning with the seventh issue of the almanac “Usu Yuly”, the publication published theoretical and literary-critical articles that were aimed at improving the quality of works published by young writers. Most of the critical articles were reviews of new books by writers or individual works. In addition, the almanac posted information about newly published books, the results of the seminar of young writers and the news of literary circles.

Keywords: Tatar literature, almanac “Paths of Growth”, almanac “Idel”, literary criticism, young writers.

«ҮСҮ ЮЛЫ» – «ИДЕЛ»ДӘ: ЯШЬ ЯЗУЧЫЛАР АЛЬМАНАХЫНДА ӘДӘБИ ТӘНҚЫЙТЪ

Л.Ш. Галиева

Г. Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

1950 елдан башлап Татарстан Совет язучылары союзы Татгосиздат белән берлектә яшь язучылар өчен «Үсү юлы» дип исемлэнгән әдәби альманах чыгара башлый. Басманың жаваплы редакторы итеп Г. Иделле билгеләнә, редколлегия әгъзалары булып Г. Әпсәләмов, А. Әхмәт, И. Гази, Ш. Маннур тора. 1958 елга кадәр альманахның 2–3 мең данә тираж белән 13 саны дөнья күрә. Беренче китапта «бу альманахны регуляр рәвештә, елга 3–4 китап чыгару күз алдында тотыла» диелсә дә [5: 4], аерым елларда гына ул икешәр санда бастырыла.

Альманахның беренче алты саны бары тик әдәби эсәрләр ту-планмасы булып басыла. Биредә исемнәре әдәбиятыбыз тарихына кереп калган язучылардан И. Юзеев, Г. Ахунов, С. Шакир, Ә. Кари, Г. Зәйнашева, Ә. Баянов, Н. Фәттах, М. Хужин, К. Латып һ. б. эсәр-ләре урын алган. Жиденче саннан башлап исә әлегә басмада әдәбият

теориясенә һәм тәнкыйтькә караган язмалар да урнаштырыла башлый. Редакция бу хакта болай дип язып чыга: «“Үсү юлы” альманахын тикшерүләрдә, матбугатта булган чыгышларда, альманахта яшъ язучыларның ижатларына тәнкыйть мәкаләләре һәм аларның әдәби осталыкларын күтәрүгә ярдәм итә торган бүтән әдәби-теоретик мәкаләләр урнаштыру кирәклегә турында тәкъдимнәр кертелгән иде. Шунны искә алып, редакция шушы китаптан башлап альманахта “Яшъ язучыларга ярдәмгә” исемле бүлек ача һәм өлкән язучыларыбызны бу бүлектә актив катнашырга чакыра» [7: 157]. Әлегә бүлекнең эшчәнлеген язучы Ә. Еники «Хикәя турында кайбер фикерләр» дигән язмасы белән башлап жибәрә.

Мәкаләсенәң башында ук Ә. Еники теге яки бу хикәянең укучыга ошау-ошамавы турында уйлана, «дөрөс язылган» хикәя тулы канлы образлары белән тормышчан сюжетка нигезлэнгән тирән мәгънәле әсәр булырга тиеш дип искәртеп куя, Л. Толстой, М. Горький сүзләренә таянып, үз фикерен дәлилли [3: 158]. Әдипнең осталыгын язучы иң элек аның «тел осталыгына, тел байлыгына, телне дөрөс куллана белүгә» бәйләп карый. Ә. Еники аерым бер яшъ язучыларның ижатларына тукталмый, бәлки үз тәжрибәсе белән уртаклаша. Шуңа мисал итеп үзенәң «Бер генә сәгатькә» әсәренәң язылу тарихына игътибарны юнәлтә. Әдәби әсәрнең теленә бәйлә фикерләр шулай ук Г. Бәшировның «Бер хикәя турында» дигән мәкаләсендә дә урын ала. Р. Шәйхетдинов исемле авторның «Көтүче» хикәясен жентекле анализлап, ул түбәндәгеләрне яза: «Әдәби әсәр язарга омтылучы кеше һәрбер укый-яза белүче белергә тиешле булган элементар кагыйдәләрдән тыш әле бит телнең бик күп нечкә якларын үзләштерергә, аның соклангыч көченәң серен ачарга омтылырга тиеш» [1: 145].

Альманахның калган саннарында «Яшъ язучыларга ярдәмгә» рубрикасында И. Нуруллинның «Әдәби осталыкның кайбер мәсьәләләре турында Тукай», Ә. Камалның «Драматургиядә яшъ көчләр», Г. Минскийның «Ижат һәм таләпчәнлек», Н. Юзеевның «Шигырьдәге интонацион-ритмик рәсем турында», С. Сафуановның «“Онытылмас еллар” повестенәң тел-стиль чаралары» һәм Г. Әпсәләмовның 1956 елда узган язучыларның семинарына йомгак сүзе бастырыла. Әгәр И. Нуруллин үз мәкаләсендә яшъ язучыларны Тукайдан өйрәнергә чакырса, аның кайбер тәнкыйди карашлары белән уртаклашса, Ә. Камал турыдан-туры тәнкыйтькә күчә, замандашлары ижатына мөрәжәгать итә (Ш. Хөсәенов, Р. Ишморатова, Э. Шамил, Г. Зәйнашева, Г. Нуруллин, И. Мозаффаров, Ю. Әминов һ. б.). Аерым алганда ул З. Вәли, Ю. Әминов, М. Латифуллин, А. Кәли, Я. Гыйззәтуллин һ. б.

пьесаларының уңышлы һәм кимчелекле якларына туктала, яшъ язучыларны классик әдипләрден үрнәк алырга чакыра.

«Иҗат һәм таләпчәнлек» дигән мәкаләсендә Г. Минский да яшъ язучыларның хикәяләренә карата тәнкыйди сүзен житкәрә [6]. Яшъ каләм тибрәтүчеләрнең төрле темаларга алынуына сөенгән хәлдә, Г. Минский И. Миңлебаев, И. Низамов һәм Х. Сафина хикәяләре мисалында житди кимчелекләрне дә күрсәтеп уза. Аларны булдырмас өчен Язучылар берлегенә һәм газета-журнал редакцияләренә яшъ язучылар белән даими рәвештә элемтәдә торып эш алып барырга тиешлеген искәртә.

Альманахта урын алган Н. Юзеев һәм С. Сафуанов мәкаләләре, нигездә, әсәрләрнең интонацион-ритмик төзелешенә, тел-стиль чараларын анализлауга багышланган. Н. Юзеев бу очракта М. Жәлил поэзиясенә тукталса, С. Сафуанов И. Газиның «Онытылмас еллар» повестен анализлай.

Сигез ел дәвамында басылып килгән альманахка нәтижә ясап, 1957 елда Язучылар союзы правлениесенә кинәйтелгән утырышында «Үсү юлы» альманахының 12 нче номеры тикшерелә: «Фикер алышуларда катнашучы иптәшләр альманах эшендәге житди кимчелекләрне ачып салдылар. Альманахта урнаштырылган кайбер әсәрләрнең сыйфаты түбән, аларда республиканың йөзә чагылмый; нефтьчеләр тормышын һәм хезмәтен тасвирлаган әсәрләр бөтенләй диарлек юк» [4: 3]. Шушы уңайдан альманахның исеме «Идел»гә үзгәртелә һәм ул елга дүрт мәртәбә чыгар дип көтелә, әмма исем үзгәртү генә яшъ язучылар басмасының хәлен яхшырта алмый. Алдагы елларда ул елына 1–2 сандыңа 1960 елга кадәр чыгып бара (барлыгы дүрт саны бастырыла). Альманахның җаваплы редакторы булып Г. Хужиев тора. Редколлегия әгъзалары арасында Г. Иделле, Ш. Мөдәррис, Г. Минский, Ә. Давыдов, З. Мансур, И. Нуруллин, Х. Камалов, И. Юзеев, Н. Гыйззәтуллин бар.

Яшъ язучыларның «Идел» дип исемләнгән альманахы да «Үсү юлы»ндагы традицияләренә дәвам итеп әдәби тәнкыйтькә караган язмаларны урнаштырып бара. Биредә дә беренче язма Ә. Еники тарафыннан язылган, ул яшъ язучы Әхәт Фазылжановның хикәяләрен тикшерүгә багышлана. Икенче язма булып Салих Хәкимнең яшъ язучы Г. Нәбиуллинның «Энем турында шигырьләр» китабына рецензиясе бастырылган. Альманахның икенче санында шагыйрь Ә. Исхакның мәсәл жанрына кагылышлы кайбер фикерләре урын алса, өченче сандыңа М. Гайнуллин әдәби осталык мәсьәләләрен күтәреп чыга. Галим әдәби әсәрнең темасына, идеясенә, образлар системасына, композициясен коруга игътибарны юнәлтә. Аның фикеренчә: «Әдәби әсәрнең укучылар йөрәгенә бары житү өчен аның чын күңелдән язылган булуы шарт» [2: 58].

«Яшь авторларның китаплары» (ул шулай ук «Нәшрияттан репортаж» исеме белән дә басыла) бүлекчәсе исә яшь язучыларның яңагына дөнья күргән китаплары белән таныштырып баруны максат итеп куя. Өченче санда «Яңа китаплар» рубрикасында Әдип Маликовның «Юл жыры» дип исемләнгән китабына баяләмә урын ала. Рецензия авторы – Зәки Нури. Альманахның даими авторы Салих Хәким шагыйрә Гөлшат Зәйнашеваның «Тыңларсыңмы жырымны» дип исемләнгән беренче китабына тәнкыйть сүзен житкерә. Әлегә рубрика кысаларында дүртенче санда Кави Латыип Хисам Камаловның лирик шигырьләренә анализ ясый.

Альманахта шулай ук «Әдәбият түгәрәкләрендә» дигән рубрика да барлыкка килә. Әлегә язмаларның авторлары булып түгәрәкләрнең бюро председателләре Л. Айтуганов һәм Ш. Садретдинов чыгыш ясыйлар.

Күрәбез, Татарстан Язучылар союзы органы булган «Үсү юлы», соңрак «Идел» яшь язучыларның әдәби альманахы озын гомерле булмый. 1950 елларда басыла башлаган альманах 1960 елда бастырылудан туктап кала. Бары ун ел узганнан соңгына ул яшьләрнең әдәби альманахы буларак кабат чыга башлый. Елга дүрт санны чыгару да тормышка ашмый. Башлангыч этапта «Үсү юлы»нда язучының осталык серләре күбрәк тикшерелсә, теоретик мәсьәлэләр каралса, алга таба басмада рецензияләр, күзәтүләр дә урын ала башлый. Дөрөс, альманахта тәнкыйди язмалар саны күп түгел. Алар, нигездә, яңа чыккан китапларга рецензия булып тора. Әлбәттә, тәҗрибәлерәк язучыларыбыз тырышлыгы белән яшь язучыларга әдәби осталык мәсьәлэләре турында шактыйгына мәгълүмат житкерелә. Әмма әлегә язмаларның барысы да әдәби эсәр тудыруга карый. Тәнкыйди язмалар турында сүз бармый.

«Үсү юлы» һәм «Идел» альманахларында бастырылган тәнкыйди язмалар сан һәм сыйфат ягынан аерылып тормасалар да, татар әдәби тәнкыйтенен үсешендә исәпкә алынырга лаек. Алар, нигездә, язучылар тарафыннан житкерелгән тәнкыйть сүзе. Нәкъ менә шуларны укып, соңрак татар әдәбиятына бер төркөм яшь тәнкыйтьчеләр килеп керә, үз саллы сүзен житкерә башлый.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Бәширов Г. «Бер хикәя турында» // Унберенче китап. 1956. Б. 135–146.
2. Гайнуллин М. Әдәби осталык мәсьәлэләре // Идел: Яшь язучыларның әдәби альманахы. 1959. №3. 54–58.
3. Еники Ә. Хикәя турында кайбер фикерләр // Үсү юлы. Жиденче китап. 1954. Б. 157–163.
4. Ижатта кыюрак, таләпчәнрәк булайык! // Идел: Яшь язучыларның әдәби альманахы. 1958. № 1. Б. 2–3.

5. [Кереш сүз] // Үсү юлы. Беренче китап. 1950. Б. 4.
6. Минский Г. Ижат һәм таләпчәнлек // Үсү юлы. Унынчы китап. 1956. Б. 150–164.
7. Яшь язучыларга ярдәмгә // Үсү юлы. Жиденче китап. 1954. Б. 157.

УДК 08 = 821.511.151.0

ТВОРЧЕСТВО ВЕЛИКОГО МАРИЙСКОГО ПОЭТА СЕРГЕЯ ЧАВАЙНА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Ф.Г. Галимуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье прослеживается путь становления поэтом, драматургом, прозаиком великого марийского писателя Сергея Чавайна, при этом особо выделяется казанский период его жизни и творчества. Исследуется его деятельность в русле ускоренного развития литературы, культуры и искусства своего народа, рассматриваются марийско-татарские литературные связи, отмечается его трагическая судьба в период репрессий тридцатых годов.

Ключевые слова: Сергей Чавайн, марийская литература, взаимосвязь в искусстве слова, Казань в жизни и творчестве, годы репрессий, трагическая судьба.

The article traces the path of the great Mari writer Sergei Chavain to becoming a poet, playwright, and prose writer, with a special emphasis on the Kazan period of his life and work. His activities are studied in the context of the accelerated development of literature, culture, and art of his people, Mari-Tatar literary connections are considered, and his tragic fate during the repressions of the thirties is noted.

Key words: Sergei Chavain, Mari literature, interconnection in the art of words, Kazan in life and work, years of repression, tragic fate.

МӘДӘНИЯТАРА БАГЛАНЫШЛАР МОХИТЕНДӘ БӨЕК МАРИ ШАГЫЙРЕ ҺӘМ ӘДИБЕ СЕРГЕЙ ЧАВАЙН ИЖАТЫ

Ф.Г. Галимуллин

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

Сан ягыннан зур булмаган халыкларның да бөек шагыйрьләре һәм әдипләре була. Юкса зур санлы халыкларның гына телләрен бөек дип

әйтүләрен ишеткәләргә туры килә. Янәсе, ул телдә сөйләшүчеләр күп булгач, телләре дә бөөк була. Дөрөсөндә бөөк телләр булмый, һәр халыкның теле үзенә бөөк, кадерле. Аның өчен шушы телдән дә матур, бай, хис-кичерешләренә, күңел байлыгын, фикер тирәнлеген житкерерлек бүтән тел була да алмый. Күрше мари халкын гына ал. Мари илендә яшәүче сигез йөз мең кешенң өч йөз меңе генә төп кавемне тәшкил итә. Әмма бу халыкны кечкенә дип әйтеп буламы? Фин-угорлар дөньясында киң танылган халык авыз ижаты әсәрләре барлыкка китерергә мөмкинлек биргән мари телен бөөк түгел дип әйтергә кемнең теле әйләнсен? Бу телдә С. Чавайннан тыш, Г. Микай, Н. Мухин, В. Васильев, Г. Эвайн, В. Сави, Н. Игнатев, О. Шабдар, М. Шкетан, Тыныш Осып, Я. Ялкайн һәм башка шагыйрь-язучылар тудырган әсәрләренң ил күләмендә яңгыраш алуы да шул турыда сөйли. Шулар арасында Сергей Григорьевич Чавайн аерым урын алып тора.

С. Чавайнның исеме хаклы рәвештә татардагы Г. Тукай, чуваштагы К. Иванов, осетиннарның К. Хетагуровлары белән бер рәттә тора, ул шулар кебек талант иясе һәм фидакарь зат. С. Чавайн XX йөз башында мари халкының сүз сәнгате, ижтимагый фикер үсеше үзәгендә торган шәхес. Бер үк вакытта шагыйрь, прозаик, драматург, жыеп әйткәндә, мари әдәбиятына нигез салучы.

Ул Казан губернасының Царевококшай өязе Кече Карамас авылында 1888 елның 6 октябрәндә туган. Үз төбәгендәге мәктәпләрдә укыганнан соң, ягъни 1902 елда әтисе аны Казанга алып килә. Бу вакытта аңа ундүрт яшь була. Монда аны христиан диненә күчерелгән халыкларның (инородецларның) балалары укый торган укучучылар семинариясенә алалар. Биредә үсмер егет дүрт ел укый. Шушында аңарда ижатка теләк уяна. Укуын тәмам иткәндә, аңа унсигез яшь була. Бу 1905-1908 еллардагы инкыйлабның иң кызган дәвере. Казанда исә инкыйлабый хәрәкәтләр шактый көчле була. Сергейның да иптәшләре белән бергә шул хәрәкәтләрдә катнашуы мәгълүм. Нәкъ шул көннәрдә ул үзе аралашкан Казандагы яшь татар ижади көчләренң дә йогынтысын тоя. Аеруча «Чотнар батыр», «Баһадирлар», «Бабаларым» дигән инкыйлабый рухтагы шигырьләре шул тәэсирләр белән язылалар. Русчаны да, татарчаны да белгән егет шул айларда чыккан вакытлы матбугат белән танышып бара. Казанның «Мөхәммәдия» мәдрәсәсе шәкерте Мәжит Гафуриның «Казан мөхбире»ндә басылган шигырьләре белән татар дуслары укуында таныша (гәзит гарәп хәрефләренә нигезләнгән язуда чыга). Шул дуслары белән митингларда Хөсәен Ямашев чыгышларын тыңлый, аның русча да, татарча да бердәй осталык белән сөйләве яшьләр күңеленә аеруча хуш

килә. Казан гөр килә. Губерня үзәге булган бу шәһәрдә мари телендә календарь басыла башлау ана күк капусы ачылган кебек була. Ул анда шигырьләрен бастыра башлый. Үзе язган әсәрләрне басма хәлдә күрү яшь шагыйрьгә канатлар куйган кебек була.

Хакимиятләр Сергей укыган семинарияне бу шуа-шулардан читтә тотарга омтылалар. Туган ягында, татарлар белән аралашып, татарча да белгән, семинариядә рус телен дә үзләштерә барган мари егете инде туган халкының хәле турында тирәнрәк уйлана башлый. Ул шул көннәрдә күңелендә йөри башлаган бер шигырен кәгазьгә төшерә. Бу 1905 елның 5 декабре була. Ул «Ото» («Куаклык») дип атала. Марилар үзләренең дини йолаларын гадәттә агачлыкларда уздыралар. Димәк, әсәр аларның яшәеш рәвеше, халыкчан рух белән сугарылган. Дини традицияләренә югалтмау туган халкының саклануы дигән сүз. Шул рәвешле, беренче шигырендә үк ул үз кавеменең язмышы турында гамьләнә. Мари әдәбият галимнәре әлегә шигырьне гомумән үз әдәбиятларындагы беренче язма шигырь дип санылар. Ул илебезнең, чит илләренң кырык бишләп теленә тәржемә ителгән.

Сергей төрле яклап талантлы егет була. Фәннәрнең күбесен яратып үзләштрә, бигрәк тә математика белән мавыга. Шулар өстенә матур итеп жырлый, гитарада, балалайкада, бигрәк тә скрипкада оста уйный. Фольклорны яхшы белә. Әнисе Татьяна Анисимовна әкият сөйләү остасы була, күп жырлар белә. Әнисен тыңлап үскән малай күңеленә дә әкиятләр, жырлар сеңеп бара. Халык авыз ижаты әсәрләренең йогынтысы зур була. Әлбәттә, шулар тәэсирендә күңелендә шигырь тууы очраклылык булмый.

Инкыйлаб дулкыны, ул елларда ишеткән-күргәннәре егетнең ижтимагый аңы формалашуга зур йогынты ясый. Туган халкына мэхәббәт белән сугарылган, туып-үскән жирен яратуга багышланган әсәрләренә социаль тигезсезлектән күңеле әрнү авазлары кушыла. Бу аның Казанда уку чорында формалашкан карашларының тагын да үткенләнгән баруына китерә. 1908 елда Казанда аның тагын «Мари халкының үткәннәреннән» дип аталган беренче китабы басыла. Анда ике хикәя, дүрт шигырь урын алган. Шуннан канатланып китеп, әкият-поэма ижат итә – «Жен карчыгы». Мариларның беренче сәхнә әсәре дә аның тарафыннан Казанда языла – ул «Кыр үрдәге» дигән комедия.

Семинариядә укучыларны дини карашлы итеп тәрбияләүгә нык урын бирелсә дә, С. Чавайн Казанда нигездә дөньяви кеше булып формалаша. Мари календаренда басылган беренче шигыренең «Белем Алладан көчләрәк» дип аталуы очраклы булмый. Туган авылына

укытучы булып кайтып эшли башлагач, ул балаларны да үзенен карашларына туры китереп тәрбияләүне максат итә. Ижатын да шул юнәлештә дәвам иттерә. 1910 елда В. Ипатов дигән автордашы белән бергәләп «Өченче мари китабы» дигән жыентык чыгаруга ирешә. Аны укучылар өчен хрестоматия дип атарга да була. Анда мари авторларыннан гайре рус язучыларының да кайбер эсәрләре урын ала. Китап кадәр китап язучы укытучы егетнең тирә-якка абруйлы исеме таралуы гажәпмени? Авылдашлары гына түгел, ерак төбәкләрдән дә аның белән күрешергә, дәресләрендә булырга, сөйләвен тыңларга, концертларда чыгыш ясавын күрергә аң-белемле милләттәшләре агыла. Үзләре дә аның үрнәгендә эш итәргә омтылучылар арта бара. Әлбәттә инде, мондый егет патшаның жирле хакимиятләре тарафыннан игътибарсыз калдырылмый, аның артыннан күзәтү оештырыла. Бу вакытта аңа 27 яшь. Житмәсә 1914 елда Бөтендөнья сугышы башлана. Егетне сугышка алулары мөмкин. Аның бу куркынычтан читтәрәк каласы килә, шактый ерак – хәзерге Казахстан тарафына ук китеп бара. Ташкент тимер юлы буендагы Арал Диңгезе (Аральск) дип аталган урында укытучылык эшенә урнашуга ирешә. Соңгы вакытта билгеле булган мәгълүматларга караганда, аның хәтта мәктәп директоры булганлыгын да әйтәләр. Инкыйлабны да шунда каршылый. Менә хәзер инде ул халкы мәнфәгатьләрен яклап язу өчен мөмкинлекләренң иркенәеп китүен күрә, ижатын тагын да үрчемлерәк итү өчен тырыша. Бу чорда ижат ителгән эсәрләренән инкыйлаб сулышы аеруча нык сизелә.

Ватандашлар сугышы тына башлагач, 1919 елда яңадан Казанга кайта. Ник Казанга? Чөнки әле бу вакытта мариаларның дәүләтчлегә булдырылмаган. Үз телләрендә вакытлы матбугат та юк диярлек. Милләттәш каләм тибрәтүчеләр, сәнгатькә тартылучылар һәммәсә дә Казанда. Мари телендәгә нәшрият та биредә. Ул шунда эшкә урнаша да. 1921 елда «Яңа жимешләр» дигән китабын да биредә бастыра. Ижаты тагын да жанланып китә. Бер-ике ел эчендә дүрт драма эсәре яза, берничә повесте мари укучыларына тәкъдим ителә. Шулай итеп, ижатының Казан чоры (кырык яшенә кадәр) бик нәтижәле була. Моңа, әлбәттә, татар әдәбияты вәкилләре белән аралашулар, аларның эсәрләре белән танышып бару, Татарстан башкаласындагы әдәби ижат моите уңай тәэсир итә.

1920 елда Мари автономияле өлкәсә оештырылгач, милли дәүләтчелекле туган жирендә дә рухи тормышны тернәкләндереп жибәрү мөмкинлекләре барлыкка килә. Милли кадрларны Йошкар-Олага (Кызыл шәһәргә) жәлеп итү башлана. Элеккеге Кокшайны, исемен

үзгәртеп, автономиянең башкаласы итеп әверелдерәләр. С. Чавайн да бирегә кайтарыла. «Йошкар кәче» («Кызыл кояш») гәзитендә башта хезмәткәр, аннан редактор булып эшли. Йошкар-Олада инде аның эшчәнлек кыры киңәеп китә. Мәсәлән, милли театрны оештырып жибәрү шуларның берсе генә. Ул бер-бер артлы сәхнә әсәрләре яза, яшь театрны мари телендәге әсәрләр белән тәэмин итүне дә үзенен мөһим бурычы буларак аңлап эш итә. Егерменче елларда аның уннан артык әсәре әлегә театр сәхнәсенә күтәрелә. Хәтта музыкаль драма жанрына да мөрәжәгать итә. Бу шулай ук аның тарафыннан театр сәнгатен үстерүгә кертелгән яңа адым иде.

Егерменче еллар ахырында илнең төрле урыннарында пролетар язучылар ассоциацияләре оештырыла. Мари өлкәсендә ул С. Чавайн житәкчелегендә төзәлә. Ул шулай ук милли өлкәнең башкарма комитеты әгъзасы итеп тә сайлана. Күрәбез, С. Чавайн бу елларда автономияле өлкәдә иң абруйлы, жәмәгәтчелек тарафыннан ихтирам ителә торган шәхес булып әверелә.

Мәгълүм булганча, егерменче елларда илнең төрле урыннарын да яңа советчыл авыллар төзү эшен дә башлап жибәрәләр. Шушы вакытта барлыкка килгән авыллар Татарстаныбызда да бар. Актаныш районындагы «Киров», Кукмара районындагы «Красный Октябрь» («Күчкән Көек»), Питрәч ягындагы ТатЦИК һәм башкалар. Шуның кебек, Мари өлкәсендә дә шундый авыл барлыкка китерергә уйлыйлар. Бу эшкә С. Чавайн алына. Ул, шәһәрдәгә зур эшләреннән аерылып, туган төбәгә Маркига кайта. Шунда яңа авыл нигезли. Аның беренче житәкчесе дә була. Нәтижәдә авылга аның үз исемен бирәләр – Чавайнур (Чавай кыры). Ул анда өч ел дәвамында көнне төнгә ялгап хезмәт куя, хужалык итүне башлап жибәрә. 1927 елда аңадан Йошкар-Олага кайта. Нәшриятта редактор булып эшли башлый. Бу чорда аеруча рус язучыларының әсәрләрен мари теленә тәржемә итү буенча күп эшли. Аның каләме белән М. Горькийның «Ана» романы, Д. Фурманов, Н. Гоголь һәм һәм башкаларның әсәрләре мари укучыларына тәкъдим ителә.

1934 елда СССР Язучылар союзы төзәлә. С. Чавайн Мари автономияле өлкәсеннән иң беренче булып шушы бергәлеккә әгъза итеп алына. Аңа үзләренең өлкәсендәгә Язучылар союзын житәкләргә тәкъдим итәләр. Әмма ул, ижади планнары күп булуын әйтеп, бу вазифага алынмый. Биредәгә язучылар оешмасының идарә әгъзасы гына була. Шулай ук аны Горький краендагы Язучылар союзында да идарә әгъзасы итеп сайлыйлар (чөнки Мари автономияле өлкәсе административ яктан шушы крайга кертелгән була).

С. Чавайн, ниһаять, 1936 елда төп эсәре «Элнет» романын язып бетерә. Эсәр 1908–1917 еллардагы марилар тормышын, тагын да ачыграгы шул чордагы мари зыялыларының катлаулы хәл-әхвәлләрен күрсәтүгә багышланган. Аны бу яктан Ш. Камалның «Таң атканда» романы белән шактый аваздаш дип карарга мөмкин. Үзәккә Веткан исемле образ куелган. Дөрөсөн әйткәндә, әлеге образның тормыш хәлләрен сурәтләгәндә С. Чавайн үз язмышын, кичергәннәрен нигез итеп ала. Эсәр зур уныш казана. Ул С. Чавайн ижатында гына түгел, гомумән мари әдәбиятында иң күренеклеләреннән санала. Роман буенча композитор И. Молотов тарафыннан опера да языла һәм сәхнәгә куела.

Ләкин, ул чордагы бик күпләрнеке шикелле, С. Чавайнның да гомере көтелмәгәндә өзәлөп кала. Каһәрле 1937 елның 25 маенда 49 яшендә аны кулга алалар. Совет хакимиятенә каршы оештырылган төркөмнең үзәгендә булгансың дигән гаеп тагалар. Егерменче еллар башында ул фирка әгъзалыгына кандидат итеп алына. Шундый сәяси оешмада торгач, аны мәжбүрлөп хәрби курсларга жиберәләр. Әмма аның кулына корал тотып йөрисе килми. Ул өлкә комитетына мөрәжәгать итә: алай хәрби эшләргә катнашып йөрисе булгач, мине фиркадән чыгаруыгызны сорыйм, ди. Чыгаруын чыгаралар, әмма утызынчы елларда аның бу «гаебен дә» искә төшерәләр. Шушы куркыныч 1937 елның 11 ноябрәндә мариның беренче шагыйрен атып үтерәләр. Жәсәденең урыны билгесез, кайдадыр Кокшай урманнарында, диләр. Мондый да изге күңелле, һәр сулышында халкым-халкым дип яшәгән затның гаебе буламы соң? Үз халкын кешегә санап, автономияле генә булса да өлкә аерып чыгарып биргән совет хакимиятенә ул ничек каршы барсын да, аны юк итүгә юнәлдерелгән көрәшчеләр сафында ник булсын? Мондый хәлгә шаклар катарлык. Әлбәттә инде, 1956 елда С. Чавайн да тулысынча аклана, намуслы исеме кире кайтарыла. Гаделлек тантана иткән кебек була. Әмма суд хөкөме, ялаларны юкка чыгара алса да, шәхеснең үзен яшәешкә кайтара алмый шул.

Сергей Чавайн бүген мари әдәбиятына нигез салучы, үз халкының рухи үсешенә гаять зур өлеш керткән шәхес буларак бәяләнә, истәлегә кадерлөп саклана. Иң мөһиме – ижаты туган халкы күңелендә яшәвен дәвам иттерә. Әдәбият-сәнгать өлкәсендәге казанышларны бәяләү өчен, аның исемендәге премия булдырылды, Милли китапханә шулай ук аның исеме белән аталды. Йошкар-Олада Сергей Чавайн һәйкәленнән чәчәкләр өзәлми. Чавайнурдагы музей комплексы да бу якты шәхеснең халкы өчен күрсәткән изге эшләренә олы бәя булып кабул ителә. Татар жәмәгатьчеләге өчен дә бу исем ят түгел.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Федосеева Н.А. Творчество Сергея Чавайна в контексте литератур народов Урала-Поволжья // Марийская словестность в контексте развития культур народов Урала-Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 91–96.
2. Ибраева-Тэн Б.Б. (г. Аральск). Веков связующая нить (История одного письма) // Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 60–65.
3. Муравьев Вл. Первый марийский писатель // С. Г. Чавайн. «Элнет». Роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. С. 11–13.
4. Патрушев А.С. Чавайн в Казани: Очерк. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. С. 45–55.
5. Кудрявцева Р.А. Марийские рассказы XX века (история и поэтика жанра): моногр. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. 208 с.

УДК 821.512.141.09

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЫ

Г.Н. Гареева

Уфимский университет науки и технологий (Уфа)

Башкирская литература, как часть отечественной литературы, прошла своеобразный и сложный путь развития. Находясь в общем культурном пространстве в начале в СССР, затем в Российской Федерации и испытывая взаимное влияние других национальных культур, башкирская литература воспринимает основные элементы общей эстетики отечественной и мировой литературы, тяготеет к новым художественным тенденциям, в ней наблюдаются различного уровня и качества изменения в идейно-тематических, жанрово-стилевых, композиционно-структурных, художественно-эстетических областях. В конце 80-х гг. XX в. в прозе наблюдается тенденция отказа от метода соцреализма, его основных принципов отображения действительности. Ведутся активные поиски новых литературных приемов, нетрадиционных способов для адекватного освещения веяний времени. В литературе предпочтение отдается новому реализму – «неореализму», критично относящемуся к обществу и государству, смело поднимающему основные социальные и нравственно-этические проблемы действительности, вопросы смысла жизни, добра и зла, стремящемуся выработать у граждан представления о нормах социального и нравственного поведения, соответствующих новой реальности. Возникает новый синтез стилей, стали проявляться черты постмодернистской литературы, проводились различные творческие эксперименты со структурой произведений, произошли резкие перемены в освещении концепции героя.

Ключевые слова: башкирская проза, метод, стиль, жанр, конфликт, сюжет.

Bashkir literature, as a part of Russian literature, has gone through a peculiar and difficult path of development. Being in a common cultural space in the beginning in the USSR, then in the Russian Federation and experiencing the mutual influence of other national cultures, Bashkir literature perceives the main elements of the general aesthetics of Russian and world literature, tends to new artistic trends, it shows various levels and qualities of changes in ideological, thematic, genre-stylistic, compositional-structural, artistic and aesthetic fields. In the late 80s of the twentieth century. In prose, there is a tendency to abandon the method of socialist realism, its basic principles of representing reality. There is an active search for new literary techniques and non-traditional ways to adequately cover the trends of the time. In the literature, preference is given to new realism – “neorealism”, which is critical of society and the state, boldly raises the main social and moral and ethical problems of reality, questions of the meaning of life, good and evil, and seeks to develop citizens’ ideas about the norms of social and moral behavior corresponding to the new reality. A new synthesis of styles is emerging, features of postmodern literature began to appear, various creative experiments were conducted with the structure of works, and there were drastic changes in the coverage of the concept of the hero.

Keywords: Bashkir prose, method, style, genre, conflict, plot.

В башкирской литературе повествовательным жанрам принадлежит особое место, потому что на этапных периодах развития проза занимала ведущее место и в своих крупных произведениях – повестях и романах запечатлевала ее вершинные достижения, имела тесную связь с действительностью, более глубоко и полно отображала ее проблемы.

Башкирская проза со второй половины XX в. до сегодняшнего дня в освещении тем и проблем времени, деятельности современника и исторических личностей прошлых столетий наполняется новым содержанием, обогащается новыми художественными приемами. В начале 50-х гг. узкие рамки метода соцреализма препятствовали полнокровному и всестороннему раскрытию тем, идей и проблем времени, сузили и свели к нормативности принципы реалистического отражения жизни, ограничивали способы и средства высокой художественности. В 60–80-х гг. расширение горизонта тематики и проблематики, разностороннее отражение социально-духовной жизни народа, философская оценка действительности, психологизм, драматически насыщенное строение сюжета принесли башкирскому эпосу новые художественные достижения. Усиление пристального внимания к характеру

народа, углубление историзма, эпичности, активное применение ретроспективного плана с точки зрения художественного времени, интенсивные поиски в области стиля, сюжетостроения определили основные тенденции развития прозы этого периода.

На фоне смены общественно-экономических формаций в 90-х гг. в психологии отдельной личности и целого народа произошли большие изменения, изменились взгляды на мир, на общество, на свое место в жизни, что привело к изменению пафоса, пересмотру концепций в литературе. В эти годы в прозе усиливается публицистический стиль, открытая демонстрация авторской позиции, позволяющие в форме беседы осветить в критическом и эмоциональном духе современные острые общественно-социальные, духовно-нравственные проблемы, что делает писателя и читателя единомышленниками, устанавливается своеобразный контакт между творцом и духовным потребителем. Р. Султангареев, Д. Буляков, Н. Мусин, Т. Гарипова, Г. Якупова, Ф. Акбулатова, Ф. Исхакова в своих романах «Земля, на которой мы живем», «Жизнь одна», «Взорванный ад», «Последняя борть», «Буренушка» («Буйракай»), «Женщины», «Неоконченная книга», «Загнанные кони», «Белое и Черное», М. Ахметьяновой «Московская девочка», И. Нугуманова «Время, когда вся жизнь умещалась...», М. Садиковой-Хакимовой «Звезды были близкие», Г. Ахметкужиной «Нравы эпохи», Р. Камала «Уфа» и др. философски обобщали смысл бытия, мироустройства, чувство патриотизма, гражданские устремления, духовные потребности героев изображались в тесном переплетении с философскими обобщениями, психологическому анализу подвергалось мощное воздействие на героя духа эпохи.

Проблемы, связанные со способностью вооруженного научными достижениями современника правильно оценить природные богатства в период технической цивилизации, что показывает его гражданские, человеческие качества, социальные и общественные устремления, эстетический вкус, степень созревания как личности, национальное лицо, в повестях И. Гиззатуллина «Сад влюбленных», М. Буракаевой «Родник», «Колыбель», Б. Рафикова «В горах снег рано ложится», З. Ахметьяновой «Заморозки», Н. Гаитбаева «Буран», в романе «Гонка» освещаются в сурово реалистических красках, с публицистической остротой. В них во главу угла ставятся проблемы сохранения духовных ценностей, бережного отношения к окружающему миру, что приобретает сегодня значение глобального масштаба, основаны на философской концепции единства человека и природы. Писатели с глубокой озабоченностью, с гражданских позиций раскрывают причины

возникновения трагедий, невозполнимых утрат в жизни народа. Эти повести на новом материале продолжили традиции романов 60-х гг., в центре повествования которых были образ человека от земли, хлебопашца, проблемы сельского хозяйства. Отношение таких героев, как Байтурин, Моргунов, Марат, Булат, Гульсина к окружающей среде, природе, к понятиям «совесть», «духовность», является главным критерием в раскрытии их нравственности.

По мере развития общества становятся более сложными и многогранными его взаимоотношения с личностью, вследствие чего в литературе усложняются и типы конфликтов, дающие толчок динамичному развитию сюжета. Если в произведениях соцреализма, созданных до 80-х гг. XX в., окказиональные конфликты в финале обязательно положительно разрешались, и таким образом в традиционном сюжете восстанавливались временно нарушенные гармония и порядок, то в произведениях с середины 80-х гг. до наших дней все чаще избирается субстанциональный конфликт, который не может разрешиться в пределах художественного текста. В повестях и романах Н. Гаитбаева «Буран», З. Ахметьяновой «Заморозки», Р. Камала «Беда», Д. Булякова «Жизнь одна», «Взорванный ад», Р. Баимова «День расплаты», Н. Мусина «Последняя борть», «Шкура зверя», «Не улетай, соловей», Р. Султангареева «Земля, на которой мы живем», «Люди», Т. Гиниатуллина «Непогодь», «Одинокий дом в тумане», А. Аминева «Китайгород», «Танкист», «Камень Усмана», «В одном ковчеге», Р. Байгильдина «Большая Медведица», «Искорки надежды» поднимаются острые социальные, нравственные проблемы сложной сегодняшней жизни, они в рамках сюжета – от завязки до развязки – не могут разрешиться, финал произведения, поднимающего высокие идеи, остается открытым.

В этом типе конфликта, где используется прием противопоставления одного героя против всех персонажей, отражается изменение отношения писателей к жизни, к окружающему миру, усиление противостояния между личностью и обществом. Камил («Беда»), Булат («Буран»), Галиахмет («День расплаты»), Азамат («Земля, на которой мы живем»), Курмантаев («Взорванный ад») одни противостоят и борются с руководителями высоких рангов, которые превратились в непобедимых мафиози. В основе сюжета произведений, остро критикующих многие застойные явления в советскую эпоху, беспристрастно разоблачающих показуху, беспринципность, бездуховность в перестроечные времена и сегодня, лежат субстанциональные конфликты, они не разрешаются только силой воли нескольких человек

или группы людей, показывают несовершенство всего общества, нарушение «мирового порядка». Финал произведения остается открытым.

В современной прозе превалируют произведения, взявшие за основу развития сюжета внутренний психологический конфликт героя, его недовольство собой. В рассказах и повестях М. Карима «Помилование», Д. Булякова «Новолуние», Т. Гиниятуллина «Ворота», «Болят старые раны», «Контуженный», Р. Султангареева «Осень», Г. Гиззатуллиной «Обитель души», «Полуденный сон», Ф. Акбулатовой «Вслушиваясь в тишину», Р. Баимова «Заблуждение», М. Абсалямова «Думы, думы», Т. Гариповой «Гамлет – принц Датский», Н. Мусина «Праздник Гаит-намаз, или женщина в черной шали», «Невысказанное слово», «Обесцененная жизнь», «Городская муха», М. Кунафина «Яма», Р. Сагитова «Праздник дум», как и в произведениях татарской литературы – «Поляна», «Маска», «Чайки без крыльев» Ф. Байрамовой, «Утренний ветер» Ф. Садриева и др., психологический конфликт дает толчок напряженному развитию сюжета, способствует глубокому отображению эмоциональных чувств, особого настроения героев.

Одновременное развитие нескольких конфликтов в одном произведении следует признать удачным при отображении жизненной сути современного общества. Повести 90-х гг. – «Чужак», «Слабосил», «Побег», «Кочка» Р. Камала, «Двое мужчин и женщина» Н. Мусина, «Актриса» Р. Туйгуна, Х. Тапакова «Выборы» и др. основаны на нескольких типах конфликтов, придающих сюжету острую динамику. Им присуще детальное раскрытие причин зарождения внутреннего конфликта в душе героя из-за усиления жизненных противоречий, освещение общественно-социального конфликта, переросшего в нравственно-психологический. Повести глубоко раскрывают духовные поиски героев, пытающихся высвободиться от давления душающей атмосферы застойного периода, мучительно ищущих смысл своего существования. Тимиргали из повести «Танкист» рисуется в ситуации духовно-нравственного конфликта из-за немилосердного отношения к нему детей в родной семье. Он оказывается в объятиях острых социальных и общественных противоречий, возникающих между обществом и отдельной личностью. В то же самое время герой испытывает разочарование, душевные терзания, психологический конфликт постоянно живет в глубине души и беспокоит его.

Во второй половине 80-х гг. в связи с обострением негативных явлений во всех областях жизни общества и, прежде всего, в нравственно-духовной, проявилась тенденция, подтолкнувшая писателей

к поискам новых, эстетически более действенных приемов отражения действительности, к использованию различных жанрово-стилевых начал и возможностей. Этапной в этом отношении стала повесть «Помилование», которая дала мощный толчок к рождению целого направления – условно-метафорического. Военные реалии в повести рисуются в сурово реалистическом стиле, любовь Зуха и Марии-Терезы передана в романтических красках, обличение равнодушия к человеческой судьбе – в остро публицистическом тоне. Суровая реалистичность, романтическая возвышенность, мифологическая таинственность – своеобразный синтез реализма, романтизма, мифологизма, символики, условности, иносказательности, публицистики делают необычным, новым повествование о внезапно вспыхнувшей неземной любви двух молодых людей и трагедии, постигшей солдата.

Поворотные, полные трагедии исторические периоды жизни народа на протяжении всего XX в., губительное влияние социально-общественных явлений на судьбу человека в романе Г. Хисамова «Девятнадцатый», повестях Б. Рафикова «Араб», Ф. Акбулатовой «Вкус меда – на шиповнике» изображены в стиле сурового реализма и крылатого романтизма с элементами детектива и приключений. В повести Э. Агзамы «Уголок рая» в реалистических и сатирических красках с едким сарказмом освещаются царящие в 90-е годы в обществе негативные явления. Характеристики персонажей, их портретные описания, имена, речевые особенности, подтекст, символика – все это выполняет функцию разоблачения морального облика современного общества.

К ярким образцам условно-метафористической прозы относятся повести Р. Султангареева «Люди», А. Аминова «Снежный человек», «Китайгород», «Танкист», «Камень Усмана», «В одном ковчеге». Соединение двух различных способов отображения объективной действительности: мифосимволического и классически-реалистического, синтез реализма и фантастики, выдумки и условности – характерно для рассказов и повестей Т. Гиниятуллина «Новое сердце», «Посещение кладбища», «Атака», «Возвращение», «Каска», «Туннель», «Чернозем», «Одинокий дом в тумане», «Волк», «Ворота», «Возвращение Худайбердина», Ф. Исхаковой «Охота на волка», З. Даяновой «Рысь усадьбы Айгырбаткан», З. Буракаевой «Змея», Л. Якшибаевой «Уж», Ш. Хазиахметова «Кто останавливает часы?», «Одинокая волчица», Ф. Акбулатовой «Каменная крепость», «Дорога птицы Хомай», «Мастер и Наркас, или мечта наяву» и др. Повести А. Хакима «Ящик Пандоры», «Врата вселенной», Р. Камала «Любовь дьявола» полностью построены на иносказании, на символическом

подтексте раскрытия сути современного общества. В этих произведениях миф и социально-историческая реальность создают единую картину мира.

Как в мировой литературе в широко известных повестях и романах Т. Манна, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, В. Пелевина, Ф. Искандера, Ч. Айтматова, так и в повестях башкирских писателей границы между своеобразным двоемирием – условным и реальным – открыты, герои свободно передвигаются из одного мира в другой. В центре внимания ставится поиск истины, предупреждение о деградации общества, стремление выразительнее показать степень опасности забвения народом духовных ценностей. Тесное переплетение мифологии и реальности, сегодняшнего дня и общепhilosophического плана, суровой реалистичности и романтической возвышенности дают возможность раскрытия величия духа человека. Мифологически-фольклорный материал вызывает новые интерпретации образов, сюжетов в литературном контексте, их смысл образовывается из двойной проекции на современность и ушедшую в прошлое эпоху. Легенды и мифы дают возможность показать глубинные истоки мировосприятия и психологии героев, преемственность духовных и нравственных традиций, при помощи ретроспекций, различных средств фольклорно-мифологической поэтики отражать острейшие общественно-социальные и нравственно-philosophические проблемы сегодняшнего дня.

В целом, в современной башкирской, как и во всей российской прозе, бытуют такие художественно-эстетические феномены, как неореализм, постмодернизм, сюрреализм, «бескрайний реализм», экзистенциализм, их различные модификации. В создании авангардного духа новой национальной литературы интенсивно работают А. Аминев, Р. Камал, Г. Гиззатуллина, Ф. Акбулатова, А. Утябай, Ф. Исхакова, Х. Мударисова, З. Буракаева. Они рожают свое мировоззренческое и художественное пространство, отличное от предыдущих поколений творцов. Глубокий психологизм, мастерство показа еще вчера считавшегося порнографией материала как картины высокого эстетического вкуса, умение играть деталями, широкое использование возможностей разных жанров и стилей, фантастики, фантазмагии, аллегории, подтекста, символики, эзопова языка и т.д. – все это говорит о том, что творчество писателей современности создало новое мощное направление в литературе.

В ряде произведений наблюдается открытая демонстрация авторской позиции. Отказавшись от нейтрального повествования, писатели дают оценку повествуемому жизненному материалу и прямо (через

лирические, философские, автобиографические отступления), и опосредованно (через образность, ассоциативность, путем метафористики) выражают свое эмоциональное отношение, взгляды. В произведениях Т. Гиниятуллина, Н. Мусина, Б. Рафикова, А. Аминева, Р. Камала это проявляется в сильном публицистическом пафосе, острой критике негативных явлений. Часто Т. Гиниятуллин, выступая в роли своего главного героя Талгата Гайнуллина, усиливает авторское воздействие на читателя. В произведениях Г. Гиззатуллиной, Ф. Акбулатовой, Г. Якуповой авторское воздействие основывается на повествовании в форме беседы, что делает писателя и читателя единомышленниками, устанавливается своеобразный контакт между творцом и духовным потребителем.

Таким образом, в современной прозе субъективность, в отличие от разрушающих стилевое единство прямых, публицистических авторских высказываний 30–60-х гг., в новом качестве приводит к рождению литературных течений. Принципы реализма – историчность и народность наполняются новым содержанием. Такие традиционные жанры, как историко-революционный роман, сменяются новыми историческими, документальными, философскими романами. Точно так же и в произведениях о современности жизненные явления изображаются посредством нетрадиционных, необычных средств. Из целого комплекса социальных, идеологических, политических, культурных факторов образуются новые литературные явления, течения, направления. Р. Султангареев, А. Хаким, А. Аминев, Т. Гиниятуллин, Р. Камал, Т. Гарипова, Г. Якупова, Г. Гиззатуллина, С. Ильясов, Ф. Акбулатова, А. Утябай и др. в изображении многогранной, сложной действительности опираются на фантастику, мифологию, активно используют мифопоэтику, элементы условности, символики, аллегории. Так, повесть «Любовь дьявола» Р. Камала написана на основе синтеза реализма и романтизма, мифологии, мистики и приключений. Основанная на принципах синтеза различных стилей повесть рассказывает о великой силе любви, способной превращать дьявола в раба, творить чудеса, очищать душу. В повести А. Аминева «Цветок астра», на подтексте обличается общественный строй, где истребляют дух свободомыслия, стремление отстаивать свою позицию. Повести С. Ильясова «Буланый иноходец», «Вой на опушке леса» («Сағылдағы олоу»), как и повесть А. Аминева, построены на аллегории, на глубокой иносказательности. В фантастических, мифологических, мистических повестях А. Утябая «Сверкание молнии», «Тарауыл», «Тоска», «Ищу себя», «Любимый» с духовной высоты святых оценивается се-

годняшняя сложная противоречивая жизнь, ее смысл и суть. В мистических повестях-кисса Ф. Акбулатовой «Тагармяскала или “пуп земли”», «Жертвоприношение или простой обмен» вечная битва между добром и злом изображается в условных, фантастических приемах.

Писатели обращаются к мифу с позиций нравственных поисков, для показа величия духа человека. Созданные по канонам метафорической ассоциативности эти произведения приводят к обновлению традиций романов и повестей. В них содержится глубокий философский подтекст сути сегодняшнего времени.

Глубокий психологизм, широкое использование возможностей разных жанров и стилей, свободный от каких-либо идеологических установок, от штампов взгляд на действительность, нацеленность на интеллектуальное, философское мировосприятие читателем воссозданного художником мира – все это говорит о том, что творчество молодых писателей создало новое мощное авангардное, неореалистическое направление в литературе.

Расширение тематического диапазона, углубление и обострение социально-нравственной, философской проблематики, обновление конфликта, динамичность повествования, обогащение творческих палитр традициями фольклора и классической литературы, в свою очередь, приводят к смелым экспериментам в сюжетостроении и организации композиции, к частому обращению писателей к различным композиционным приемам, внесюжетным элементам, служащим для эстетически более действенной передачи главной идеи, мировоззрения писателя.

Все эти изменения способствуют углублению социально-философских, гуманистических исследований, формированию художественной мысли в новом масштабе. Эксперименты в области эпического жанра приводят к синтезу стилей. Писатели участвуют в процессе реформации изобразительных приемов, наблюдается смешение традиций различных стилей, создается многоплановость, богатая «стилевая палитра» в творчестве талантливых писателей.

Намечается совершенно новый подход в освещении концепции героя, обрисовываются все новые типы современников, воссоздаются основанные на документальных фактах биографические и обобщенные художественные типы героев гражданской и Великой Отечественной войн, жертв репрессий 30-х годов, разрушаются прежние устоявшиеся каноны изображения образов исторических личностей и представление их реального, достоверного облика, что свидетельствуют о чертах новаторства в современной башкирской прозе. В повестях Л. Якшибаевой «Один Земной шар для всех», Ф. Галимова «Кентавр»,

М. Ямалетдинова «Путаница», Ф. Мурзакаева «Когда перепутались ориентиры», Х. Тапакова «Выборы», Р. Туйгуна «Остановка», Т. Гариповой «Иликлинцы», Р. Хажиева «Вернусь на Ай», Р. Баимова «Заблуждение», Н. Игизьяновой «Сезон непогоды», «Командировка» и др. концепция героя-современника раскрывается в тесной связи с его настойчивой борьбой за разрешение актуальных проблем времени. В повестях Р. Туйгуна «Актриса», Т. Гариповой «Луна и Солнце – едины», С. Шарафетдиновой «Пропасть», С. Шарипова «Встретились вчера, в лунную ночь», Г. Якуповой «Кровь зверя», «Мосты», Х. Тапакова «Зульхиза», «Подснежник – цветок весны», «Ты сильнее судьбы», «Свадебное платье», «Мечеть», Н. Игизьяновой «Предназначение», «Шахматы», Ш. Хажиахметова «Одинокая волчица», Г. Гиззатуллиной «Превращение в бабочку», «Дыхание рая», Х. Мударисовой «Цена скачек», Ш. Зулькарнаевой «Серенада солнечной долины», Ф. Акбулатовой «Вслушиваясь в тишину», «Вы все еще пешая, синьорина?», Р. Шаммаса «Единственная», Б. Нугуманова «Слепой отец», Ф. Мурзакаева «Заблудившийся олененок», Т. Даяновой «Последняя спичка», Ш. Шакуровой «Уфимский вокзал» и др., в отличие от произведений советского периода, где имели место чрезмерная социологизация, отрицание значимости личной жизни, центральное место занимают философские раздумья героев о простом человеческом счастье, любви, о взаимоотношениях в трудовом коллективе, в семье, о нравственности и духовности, о смысле жизни.

Таким образом, в башкирской литературе последних десятилетий тесно взаимодействуют различные эстетические системы, идут интенсивные творческие поиски в художественном освещении динамично изменяющейся действительности, в переоценке нравственно-этических идеалов, нравственно-философского, духовно-эстетического опыта.

В истории литературы и искусства творческие методы и направления часто развиваются совместно, и их смена идет эволюционным путем. Чтобы войти в контекст мировой литературы XXI в. и подняться на этот высокий уровень, башкирской прозе наряду с традиционными, необходимо укреплять позиции авангардистских направлений и течений, развивать новаторские методы, оставляя за ними ведущую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баимов Р.Н. Суждения разных лет. Уфа: Гилем, 2007. 381 с.
2. Вахитов А. Закономерности жанро-стилевого развития башкирской прозы. Уфа: Китап, 2007. 463 с.
3. Гареева Г.Н. Особенности развития башкирской прозы второй половины XX века: научное издание: моногр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 159 с.

4. Гареева Г.Н. Основные идейно-художественные направления башкирской прозы второй половины XX в. Принципы отражения действительности: науч. моногр. Уфа: РИЦ УУННТ, 2023. 132 с.

5. Хусаинов Г.Б. Гуманитарий: Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография. Уфа: Гилем, 2008. 634 с.

УДК 821.512.145

НОВЫЕ ПОИСКИ В ПОЭТИКЕ ДРАМЫ (на примере пьес Артура Ибрагимова)

А.М. Закирзянов

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются особенности поэтики современной татарской драматургии. Одним из примеров использования многожанровости в произведениях является творчество Артура Ибрагимова. Произведения молодого автора отличаются разнообразием тем, богатством жанров. Он привносит в свои пьесы элементы фантастики, игры, метафоричность, экзистенциальное мироощущение, использует элементы абсурда, неопределенный финал создает ощущение безысходности. **Ключевые слова:** Артур Ибрагимов, драматургия, поэтика, фантастика, игра, психологизм, герой.

The article discusses the features of the poetics of modern Tatar drama. One example of the use of multi-genre in works is the work of Artur Ibragimov. The works of the young author are distinguished by a variety of themes and richness of genres. He brings elements of fantasy, play, metaphoricality, existential worldview into his plays, uses elements of absurdity, an uncertain ending creates a sense of hopelessness.

Keywords: Arthur Ibragimov, drama, poetics, fantasy, play, psychologism, and character.

ДРАМА ПОЭТИКАСЫНДА ЯҢА ЭЗЛӘНҮЛӘР (Артур Ибраһимов пьесалары мисалында)

Ә.М. Закирҗанов

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘһСИИ (Казан)

Хәзерге татар драматургиясе жәмгыятьтәге икътисади һәм мәдәни «үзгәрешләргә аваздаш үсеш-үзгәреш кичерә, халыкның рухи ихтыяжына сәхнә теле белән җавап бирүнең яңадан-яңа юлларын, формаларын эзли» [1: 423]. Әдәби процесста төрле буын драматурглар актив катнаша, арада яшыләр булу аеруча сөендерә. 2003 елдан бирле

үткәрелеп килә торган «Яңа татар пьесасы» конкурслары яшь авторларны табуга, аларны ижатка тартуга зур ярдәм итә. Соңгы елларда үткәрелгән әлеге бәйгеләрдә жинүчеләре арасында Артур Ибраһимов пьесалары да бар. Яшь буын вәкиленең әсәрләре поэтикасын тикшерү, аның ижат үзенчәлекләрен ачыклау белән бергә, сәхнә әдәбиятында барган эзләнүләргә бәяләү мөмкинлегенә дә бирә. Хезмәтнең актуальлегенә энә шуның белән аңлатыла. Төп максат булып яшь драматургның пьеса поэтикасы өлкәсендәге эзләнүләрен, аларның сәнгати үзенчәлекләрен ачыклау тора. Шуннан чыгып, түбәндәге бурычлар билгеләнде: драматургның жанр өлкәсендәге эзләнүләренә күзәтү ясау; пьесаларда автор позициясен ачу да кулланылган алым-чараларны, аларның әдәби функцияләрен ачыклау; геройлар характерын билгеләүгә ярдәм итүче сурәтләү чараларын өйрәнү.

Киң катлам укучы-тамашачыга үз сүзен әйтергә килгән һәр автор, билгеле инде, әдәби төр үзенчәлекләрен өйрәнәп, традиция төсендә урын алган сыйфат-билгеләргә таяна, аларны яңа шартларга яраклаштырып баета. Шул ук вакытта, һәр драматург яңачалыкка омтыла. Ул үз чоры укучысы белән аның телендә әңгәмә корә, теләк-омтылышларына җавап бирергә тырыша [4]. А. Ибраһимов та яшәеш мәсьәләләрен тулы ачу юлларын, алым-чараларын эзли, үзенң стилин табарга, пьесалары «төзелеше һәм аларда файдаланылган эстетик чаралар системасы»н [3: 144] булдырырга омтыла. Бу исә укучы белән диалог коруга юнәлтелгән алымнарга мөрәҗҗәгать итү белән бәйле. Ул әсәрләрендә реаль чынбарлык еш кына ирреаль күренешләр белән аралашып килә һәм алар үзара бәйләнештә үзгә бер дөнья моделен төзи. Автор чынбарлыкта ямьсез күренешләр, кешенең ялгызлыгы белән очраша. Шуларда кеше яшәеше нигезләрен, аның социаль һәм рухи шартларын эзли.

А. Ибраһимов пьесалары драма поэтикасын яңартуга юнәлтелгән булулары белән игътибарга лаек. Ул чынбарлыкны чагылдыруда пост-модернистик алымнарга актив мөрәҗҗәгать итә. Бу жанр төрләрендә, әсәр текстында фантастика, уен алымнарын иркен куллануда, вакыйга барган вакыт һәм урынның чагыштырма булуында, абсурд элементларын файдалануда һ. б. чагылыш таба. Автор пьесаларында яшәешнең төрле яклары, төрле геройлар, гыйбрәтле язмашлар белән очрашабыз. Табигый сәләте, тоемлавы, яшәештәге сәбәп-нәтиҗә бәйләнешләрен тирән аңлавы, аңа тормыштан алынган яисә фантазиясендә туган күренешләргә уңышлы рәвештә диалог һәм монологларга чагылдыру мөмкинлегенә бирә. Автор замандашы өчен борчылып, аның бүгенгесен һәм киләчәген матур итү теләге белән яза. Тормыш даими үзгәрештә, кызганыч ки, кыйммәтләр үзгәрү нәтиҗәсендә матди байлык алга

чыгу, рухи яшәешне бермә-бер ярлыландыра. Ул исә кешенә үз эченә бикләнгән, еш кына ялгызлыгына китерә. Социаль шартлар кеше язмышына зур йогынты ясый. Аны шәхес буларак ничек саклап калырга, рухи ирекле булуына ничек ирешергә, милли тамырларга ничек кайтарырга? Шуларга җавап эзләп, ул гыйбрәтле сюжетларга, үз йөзә белән аерылып торган геройларга мөрәҗҗәгать итә.

Яшь авторның бәйгеләргә тәкъдим ителгән әсәрләре күп булмаса да, аларда жанр поэтикасына игътибарлы булуы күренә. Пьесага карата эстетик мөнәсәбәт формалаштыруда жанр атамасына салынган, эчтәлектә ачылган йөкләмә зур роль уйный. «Бабайның бабасы» драмасы фантастика жанрында язылуы белән игътибарны җәлеп итә. Тормыштагы үзгәрешләрнең мөһим бер ягы – яшәешкә техник җайланмаларның, төрле роботларның зур тизлек белән керүе, кеше хезмәтен алыштыруы тора. Шуның өстенә әледән-әле кешеләрнең клон-игезәкләрен эшләү тәҗрибәсе турында да даими язып торалар. Киләчәктә безне ни көтә? Бу сорау да һәркемне кызыксындыра, билгеле. Автор фантастик драмасында 300 елдан соң «терелгән» кешене сурәтли. Аның белән бергә, билгеле инде, робот-андроидлар хәрәкәт итә. Үлгән кешене 50 елдан соң терелтү күренеше татар классигы Ф. Әмирханнның «Фәтхулла хәзрәт» повестенда сурәтләнгән иде. Ул әсәрдә мәдәният һәм техниканың алга китүе соклану уятса, Фәтхулла хәзрәт исә искелек, артталык калдыгы мисалы буларак фаш ителә, яңарышны тукталып булмавы күрсәтелә. А. Ибраһимов исә робот-андроидлар дөньясына эләккән Зөлфәт бабайның эш-гамәлләре аша кеше акылын берни дә алыштыра алмавын көлкеле күренешләрдә ача. Адәм затының аң һәм хис белән яшәве, аның тормышын кызыклы, мәгънәле итә дигән нәтиҗәгә китерә. Роботларның һәрнәрсәне уйлап-исәпләп эш итүенә аеруча гыйбрәтле үрнәгә гаилә кору белән бәйле вакыйгаларда күренә. Автор бигрәк тә ата-ана һәм бала, әби-бабайның үзара мөнәсәбәтен, туганлык хисләренең зурлыгын, кыйммәтен аңларга ярдәм итә. Нәкъ менә фантастика жанрында язылу бу чорда яшәүче затларның ярату дигән бөек хистән мәхрүмлеген, аның исә тормышның иң матур бизәгә булуын үтемле итеп укучы-тамашчыга житкерү мөмкинлегә бирә.

А. Ибраһимов пьесалары арасында «драматик хикәя» дип атарга мөмкин булганы да бар – «Күрше авыл догалары». Бу төр әсәрләрдә хикәяләр шактый урын алып, алар проза төренә якыная. Татар халкының үткән тарихында көчлөп чукуындыру вакыйгалары канлы җәрәхәт булып уелып калган. Нәтиҗәдә халкыбызның керәшен дип аталган этник катламы барлыкка килә. Аларның мөселманнар белән мөнәсәбәте гасырлар дәвамында каршылыклы булып кала. Совет власте елларында

гына үзара мөнөсәбәтләр йомшара, аралашып яшәүнең матур үрнәкләре барлыкка килә. Шулай да ике диндәге яшьләрнең гаилә коруы хупланмый, андый очраklar гыйбрәт буларак тарихка кереп кала. Автор драматик хикәядә әлеге катлаулы мәсьәләгә алынып, сугыштан соңгы елларда гаилә корган Газинур һәм Настя (Нәжибә) язмышын сурәтли. Автор үзе, аерым күренешләргә исемнәр куеп, төп эчтәлеккә ишарә итә, ә Сөйләүче образы вакыйгаларны аңлатып, бәя биреп бара. Укучы-тамашачы каршында керәшен һәм мөселман татарларның яшәү рәвеше, дингә карашы ачыла. Кызганыч ки, сугыштан соңгы елларда да совет власте дингә каршы көрәш алып бара. Урындагы кайбер житәкчеләр өстән килгән күрсәтмәләрне хәтта арттырып та үти. Пьесада колхоз рәисе Степан – шундыйларның берсе. Ул Микүш дәдәй чиркәү урынына файдаланган сарайны яндыра, үзен төрлечә эзәрлекли. Нәтижәдә атакай үз гомерен цикли. Әсәрдәге төп вакыйга Настя (Нәжибә) образы белән бәйле. Әнисе үлгән яшь кыз өч юл чатында кала: монастырьга китү, 50 яшьлек Степанга кияүгә чыгу һәм мөселман авылы егете Газинур белән китү. Кыз соңгысын сайлый. Хәзер инде гомеренең азагына якынлашкан Нәжибә әби оныгы Алсуга үзенең килен булып төшкән йорттагы авыр, каршылыклы тормышын сөйли. Яшътән үк Микүш атакай янына йөргән Настя өчен мөселманлыкны кабул итүнең никадәр авыр булуы, кайнанысы белән уртақ тел таба алмыйча яшәүләре күз алдынан үткәрелә. Автор адәмнең Аллаһы Тәгаләгә ышануын яклый. Башта Библия, аннары Коръән китаплары Настя-Нәжибәгә таяныч, яшәү терәге булып тора. Озак еллар аны төшендә күргән әнисе фатихалары озата бара. Шул ук вакытта автор Настя-Нәжибәнең үзгәлеген, христиан динен тоткан вакыттагы кызыл яулыгын гомере ахырына кадәр кадерләп саклавын даими искәртеп тора.

А. Ибраһимовны кешенең тормышта үз урынын таба алмавы борчий. Аның бер төркем геройлары сызланулы халәт кичереп, үз эчке дөньяларында яши, аннан чыгу юлын таба алмый. Мондый әсәрләрдә еш кына финал ачык булмыйча, төрлечә шәрехләүгә урын кала [2]. Әсәр поэтикасында мондый үзенчәлек икеләнәп калган, адашкан геройны алгы планга чыгара. Авторны энә шундый авыр, каршылыклы шартларга куелган кешенең психологиясе кызыксындыра. Барлык пьесаларында дип әйтерлек конфликт кешенең рухи дөньясы белән бәйле. Ул исә гыйбрәтле язмышларны алга чыгаруны таләп итә. Жәмгыятьтә үз-үзеңне һәм үз урыныңны табу кешенең киләчәген билгели бит. Кызганыч, күпләр моңа ирешә алмый. Бу аеруча арагы һәм наркомония сазлыгына баткан яшьләр язмышында тулы чагыла. «Әни уяткан иртәләр» драмасы экзистенциаль эчтәлегә, жәмгыятьтәге

гаделсезлекләр, киселгән язмышлар сурәтләнеше белән җәлеп итә. Үзәктә Рөстәм исемле студент егетнең наркотиклар сату кебек жинаятькә тартылуы һәм шуның җазасын алуы белән бәйлә вакыйгалар тора. Билгеле, тема яңа түгел, әмма автор бу мәсьәләне ана һәм ул, жинаять юлына баскан Марат һәм студент егет, МВД хезмәткәрләре һәм хокук бозучылар, адвокат һәм жинаятьтә гаепләнүченең туганнары мөнәсәбәтендә ача. Шуларда җәмгыятьнең авыру нокталары ачылып китә. Ул властың утыручылар һәм суд-прокуратура өлкәсендә эшләүчеләрнең гаделсезлегенә һәм, иң кызганычы, аны чишү, хәл итү юлы табылмавы белән бәйлә. Беркатлы Рөстәм, әнисенең тормышын җиңеләйтәм дип, шомарган Маратка иярә һәм кулга алына. Чын жинаятьче район башлыгы булган әтисе һәм аның дуслары ярдәмендә котылып кала, ә Рөстәм озака төрмәгә утыртыла. Төрмә шартларында анасының иркәләп уятуын төшендә күреп уянуы, чарасызлык, жи-мерелгән язмыш өчен борчылу буларак, укучы-тамашачыга кисәтү булып яңгырый. Психологизм алымнары, төш, чиктәш халәт яшлек хатасы аркасында жинаятькә тартылган егет фажигасен бөтен тирән-легендә аңлау мөмкинлегенә бирә.

Ә менә «Шагыйрь» постмодернистик пьесасында кешенең аң төп-келендә сакланып калган хатирәләре яңартыла. Вакыйга тоткын хәлендә калган кешенең үткәннәрен күз алдына китерүе белән бәйлә, ул исә Карт һәм Яшь тоткын диалогында ачыла. Ахырдә төрмәнең кварти-рага эйләнүе һәм Тоткын янына хатыны белән кызы килү күренеше акылдан язган кешенең саташулы сөйләмә дип аңлау мөмкинлегенә кал-дыра. Карт тоткын озаң еллар саташулы хәлдә яшәп, исемен, үткән-нәрен оныткан. Шуңа да ул Яшь тоткынны китерүләренә шатлануын яшерми. Ике арадагы әңгәмәдә аның иректәге тормыш белән арасын өзүе, хәзер инде бары ике нәрсәдән таяныч алып яшәве аңлашыла: шигырь язу һәм «иң якты йолдызны көтеп» яшәве. Шигырь аңа, үзе әйткәнчә, «яшәр өчен» кирәк. Ул аны, башка язу коралы булмагач, бармак канына манчып, шырпы белән яза. Яшь тоткын сөйләмендә һәм аларның кыска эпизодлы күренешләрдә бирелүендә Карт тоткын үткән юл күзаллана. Аның гаять гыйбрәтле, бер төрле генә бәяләнми торган характеры ачыла. Ул полициянең жинаятьләрне эзләү бүле-гендә эшләгән. Кулга алу вакытында, үзенә каршы пистолет төбәгән наркоман жинаятьчене атып үтергән. Бераздан бу гамәл өчен үкенә башлап, үзен төрмәгә утыртуларын таләп итә. Шуңа рәвешле, пьеса-да кеше гомере, аны чикләү хокукы турында жидди бәхәс бара. Яшь тоткын «кеше гомерен өзү жинаятькә тиң» дип, күп тапкырлар тәкъ-рарласа да, аны яклаучы табылмый. Башкаларга «жинаятьче берничә

кешенен гомерен өзгән булыр иде» дигән фикер өстенлекле һәм дөрес тоела. Әйләнә-тирәдәгеләр тарафыннан читкә кагылган герой хәмер белән мавыга, кешеләрдән читләшә Автор күпләрнең ялгызлыкта калуын, үзара аңлашу, аралашу булмауны да бүгенге жәмгыятьнең бер билгесе буларак карый. Кешеләр арасында яшәп тә ялгыз калуның гайре табигый булуын, аның рухи газапларга салуын ача. Шулар аша пьесада һәр геройга кагылышлы сорау калка: «Син ни өчен яши-сең?» Әлеге сорауга җавап таба алмаган герой психик авырулар хастаханәсенә элгә. Нәтижәдә ул жәмгыятьтән качкан, барысыннан да читләшкән, хәтта кояшны яратмаган, төрмәдән дә чыгасы килмәгән кешегә әверелә. Яшь журналист кызның Карт тоткынны кат-кат әңгәмәгә чакырып та бернинди җавап алмавы – иректәге яшәеш белән арасын өзүен аңлата. Билгеле, постмодернистик алымнар, фэлсәфи катламнар, аң төпкеле урын алган пьесаны аңлау, кабул итү җиңелдән түгел. Әмма автор куйган яшәү мәгънәсе, кеше гомере, ялгызлык кебек мәсьәләләргә укучы-тамашачы битараф кала алмый. Алар, байтак вакыт үткәч тә, уйландыра, борчый, җавап эзләргә чакыра.

А. Ибраһимовның «Галәмне гизгән татар» комедиясе Христо Бойчевның «Районная больница» пьесасы мотивлары буенча язылган һәм анда татар жәмгыятенен төрле яклары көлү объекты итеп алына. Вакыйга берничә социаль катлам вәкиле яткан хастаханәдә бара. Бер ел эчендә өченче тапкыр «дәваланучы» Шәүкәт ярты ел монда ятучы, хәтерен жуйган Гали Галиевичның космонавт булырга мөмкинлеген искәртә. Алдагы күренешләрдә абсурд дәрәжәсенә җиткерелгән ситуация тудырыла: космонавтлар тубиктан ашый дип, «рус горчицасы» ашату, һавасыз бушлык тудыру өчен люстрага элөп кую, татар орнаментлары белән бизәлгән скафандр тегү, дөвалаучы доктор Гөлшатны хатыны дип күрсәтү, хәтта өстәлдән корабль кабинасы «ясап», очу күренеше тудыру һ. б. Әлеге күренешләр фонында барган әңгәмәдә яшәештәге байтак мәсьәләләр тәнкыйтьләнә яисә жәмәгәтчелек игътибарына куела: рухи ярлылык, гаилә кыйммәтләре югалу, шуңа бәйле егетләрнең өйләнмичә йөрүе, кызларның гаилә кора алмавы, «үзгәреш җиле» дип аталган мәдәни чараның үз максатын үтәмәве, татар радиоларының җитди темалардан читләшөп, көндәлек тормышның вак мәсьәләләре белән мавыгуы, татар телен яшь буынга укуту, укутучы һөнәренен дәрәжәсе төшү һ. б. Татар космонавты турында газетада язылып, телевидениедә күрсәтелеп, зур шау-шу тудырганнан соң, автор көтелмәгән борылыш ясей: «космонавт»ның хатыны килөп чыга һәм аның Чаллыда яшәүче сварщик Дмитрий Попов булуын, яңа шлем алырга киткән жирдән югалуын хәбәр итә. Әмма вакыйга моның

белән генә тәмамланмый. Соңгы күренештә без шактый үзгәргән геройлар белән очрашабыз, Алар «космонавт» Гали Галиевич белән аралашканда күңелләрендә йөрткән хыялларын тормышка ашырырга керешкәннәр инде. Шул рәвешле абсурд вакыйга артында татарның бүтәнгесә һәм киләчәгә өчен борчылу, яшәеш кыйммәтләрен саклау, тормышта гаделлек һ. б. турында уйлану аша кеше күңелендә өмет-ышаныч хисен саклау мәсьәләсе калка.

Шулай итеп, А. Ибраһимов пьесалары поэтикасын өйрәнү аша түбәндәге нәтижәләргә килә: әсәрләрдә шактый каршылыклы, катлаулы, төрлечә бәйләнә торган чынбарлык сурәтләнә; реалистик сурәтлелек постмодернистик алым-чаралар белән багыла; пьесаларда фантастика, метафоралылык, уен элементлары урын ала; үзенчәлекле образлар бирелә, бер өлеште тормышта үз урыны таба алмаган маргиналлар; пьесаларның финалы ачы калдырылып, төрлечә шәрехләнүгә урын кала.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Закиржанов Ә.М. Драматургия // Татар әдәбияты тарихы: 8 томда: 8 т.: 2001–2020 еллар / [ф. мөх.: Д.Ф. Заһидуллина, Ә.М. Закиржанов]. Казан: Фолиант, 2021. 740 б.

2. Ибрагимов А. «Драматургом пока себя не считаю» // <https://milliard.tatar/news/gran-prizer-novoi-tatarskoi-pesy-artur-ibragimov-dramaturgom-poka-sebya-nescitayu-6796> (дата обращения: 19.07.2025).

3. Ибраһимов М.И. Поэтика // Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. Казан: Мәгариф, 2007. Б. 144–145.

4. Миннуллина Ф.Х. Современная татарская драматургия: «новая драма» // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5. С. 395–306.

УДК 82-1

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИБРАГИМОВА «СУДЬБА ТАТАРКИ» И «ДОЧЬ СТЕПИ»

М.Х. Ибрагимов

Дом-музей Галимджана Ибрагимова (Уфа)

Начало XX века характеризуется значительными изменениями в жизни мирового социума, техническим прогрессом во всех видах жизнедеятельности человеческого общества.

Этот период в значительной степени повлиял на культуру мирового сообщества, не оставляя без внимания «малые» народы.

Россия не осталась в стороне от этого процесса, что в особенной степени коснулось тюркоязычное население государства. Поэтому не

удивительным становится факт, появления в среде многочисленных народов тюрко-мусульман страны видных ученых, творческих деятелей из глубин страны. Одной из знаменитостей стал Галимджан Ибрагимов, родившийся в семье муллы из ранее неизвестной деревни Султанмуратово Уфимской губернии в 1887 году. Его творческий путь начинается в медресе «Галия», в котором вместе с ним учился будущая знаменитая личность Башкирии поэт Маджит Гафури. Особое внимание в публикации уделено основоположнику татарской литературы Галимджану Ибрагимову, который имел большую популярность среди мусульман, что оказало существенное влияние на развитие художественной прозы тюркских народов. Своеобразным примером таланта начинающего писателя стали его повесть «Судьба татарки» и роман «Дочь степи», представляющие судьбы женщин, ограниченные устоями в семье и общепринятыми канонами вероисповедования.

Ключевые слова: повесть, роман, культура, религия, противостояние, судьба.

The beginning of the 20th century was marked by significant changes in the life of the global society and technological advancements in all aspects of human life.

This period had a profound impact on the culture of the global community, including the “small” nations. Russia was not immune to this process, and the Turkic-speaking population of the country was particularly affected.

As a result, it is not surprising that prominent scholars and creative individuals from the depths of the country emerged among the numerous Turkic-Muslim nations. One of the celebrities was Galimdzhan Ibragimov, who was born in 1887 in the family of a mullah from the previously unknown village of Sultannuratovo in the Ufa province. His career began at the Galia madrasah, where he studied alongside the future famous poet of Bashkortostan, Madzhit Gafuri.

The publication pays special attention to the founder of Tatar literature, Galimdzhan Ibragimov, who was very popular among Muslims, which had a significant impact on the development of the literary prose of the Turkic peoples.

An example of the young writer’s talent is his novella “The Fate of a Tatar woman” and his novel “The Daughter of the steppe”, which explore the lives of women constrained by family traditions and religious beliefs.

Keywords: novella, novel, culture, religion, confrontation, fate.

Человечество с появлением на планете стремилось сохранить самое лучшее, созданное им за многовековую историю своего существования. Человек своим разумом понимал, что в основе его существования лежат общественные нормы поведения, духовные ценности, национальные обычаи и традиции, искусство, язык и религия, которые

передаются из поколения в поколение, определяющие способ жизни и взаимодействие людей в рамках определённого сообщества, составляя целостную картину его образования и воспитания.

Повышенный интерес Галимджана Ибрагимова к истории национальной культуры наблюдается в его ранних произведениях первой четверти XX века и не полно исследованы до настоящего времени. При этом некоторые из его первых работ стали своеобразным эталоном литературы и истории, для казахских и татарских писателей в освещении национального бытия тюрко-мусульман в царской России.

Первые крупные произведения будущего писателя роман «Дочь степи» и повесть «Судьба татарки» раскрывают тему социального и духовного раскрепощения женщины в художественной литературе как наиболее актуальной темы того времени. Эти работы – стали уникальными образцами национальной, политической и культурной жизни татарского и казахского народов, именно через описание жизни героинь-мусульманок, автор представил культурно-национальные особенности изображения женщины-татарки и женщины-казашки. В них отражается своеобразный «сплав общественной, научной, политической и религиозной жизни» [2: 310] двух родственных народов, как предпосылки для обеспечения единства и жизнеспособности обществ в целом.

Первый вариант повести «Татар хатыны ниләр күрми» [«Судьба татарки»] был подготовлен и издан в сентябре в 1909 г., а роман «Казакъ кызы» [Дочь степи] был готов в 1911 г. и представлен в издательство «Вақыт» [Оренбург]. Однако рукопись романа исчезла после ареста Ибрагимова в Киеве в 1913 г. Позже текст произведения был восстановлен и с небольшими изменениями роман был издан в 1924 г. после событий Октября 1917 г.

Создание произведений весьма непростых по сюжету, написанных Ибрагимовым в начале XX века, о переплетении судеб двух женщин, схожих по характеру и одновременно противоречивых между собой весьма символично, тем самым автор стремился показать стремление к свободе человеческой личности. Именно через образы героинь произведений автор поднимает проблему женской эмансипации и выступает за создание социальных условий, которые позволили бы женщине проявить себя как личность. Ее роль в обществе сводилась к занятию домашним хозяйством, уходу за мужем и другими членами семьи, принятые сводом канонов и правил, резко ограничивающих ее личную свободу в повседневной жизни, вплоть запрета на посещения общественных мест. В этих произведениях автор сумел отразить

судьбу большинства женщин-мусульманок того времени, представляя своих героев активными борцами человека за личное счастье, за любовь, которые не согласны со старыми устоями и порядками, стремящиеся создать новые общественные уклады, начать с нового пути. История жизни героинь произведений Ибрагимова начинается совершенно одинаково: в повести «Судьба татарки» Гюльбану счастлива в родительском доме, в богатой казахской семье роман «Дочь степи» растет «первая на всю степь красавица Карлыгач [Ласточка]. Одинаков и обряд сватовства представляет собой обыденное явление в мусульманских семьях: решение отца девушки Гюльбану выдать против ее воли замуж за сына богача, чтобы получить немалый «калым» [выкуп за невесту], а Карлыгач с младенчества была обручена с малолетним отпрыском соседнего рода, за богатый «калым», как изложено в романе: «Долго торговались о калыме. После всех споров сладились на сотне голов скота, четырех сотен золотых, двух сундуков дорогих нарядов» [5: 18].

В обеих семьях уплата калыма было главным условием для совершения сделки при выдаче дочери замуж. Подобное событие было широко распространенным явлением, а говоря современным языком семьи вступают в «товарно-денежные отношения». Поэтому говорить о чувствах девушки и симпатиях к будущему мужу не было принято, к невесте относились как к бездушной вещи, любовь для семьи становилось абстрактным понятием, главным становилась материальная выгода: деньги, земля, личная выгода. Схожесть истории героинь рассказывает о бесправном положении угнетённых женщин, в жизни которых господствуют патриархальные семейные узы с мусульманской религией, скрепленные официальными законами.

Возникает вполне резонный вопрос: что же побудило столь молодого человека [Галимджана], которому в 1909 году было всего 22 года, задуматься о судьбах угнетенных, скованных многовековыми рабскими условиями жизни женщин? Считаем, что этому способствовало в немалой степени следующие факторы. Во-первых, история его семьи, в которой отец – мулла, мать – праведная послушная жена, живущая по строгим законам ислама с молчаливого согласия которой дочь была выдана замуж. Об этой истории замужества сестры рассказал Шакирзян, старший брат Галимджана: *«Вышли в хлев, там поговорили и девушку выдали замуж. Что за человек, кто такой, достоин ли он, быть мужем нашей дочери, никто не спросил. Никто со мной [матерью] не посоветовался по поводу замужества дочери»* [1]. Во-вторых, Галимджан, рано оставшись без влияния матери, не

мог понять, как можно было так унижать женщину – мать, достойную почитания и уважения.

В лице героини Гюльбану достаточно объективно отображен духовно-нравственный мир дореволюционной татарской деревни, одновременно привлекателен оригинальным художественным решением судьбы татарской женщины, являвшейся общенациональной проблемой. В татарской семье, как и казахской того времени женщина не имела какого-либо правового положения, ее жизнь в замужестве была ограничена домашним бытом, уходом за детьми остальными членами семьи. Обычай общества не защищал права жены, возвышая при этом мужа, оправдывая его в своих действиях, лишая женщину элементарных человеческих прав. Так, Гюльбану обратилась к сельскому мулле с жалобой на мужа, но ей было отказано, потому что она обратилась к нему без его согласия, вступив в противоречие с существующими канонами ислама. Автор показывает, что бесправие татарской женщины закреплено патриархальными семейными отношениями, официальными законами общества и мусульманской религией. Не согласная со старыми порядками, традициями, принятыми в обществе и стремящаяся начать свою жизнь, Гюльбана в поисках личного счастья изменить свой внешний облик. Писатель, превратив героиню в Габдуллу, обрезав волосы и сменив одежду, в столь естественное превращение, оценивает действие Гюльбану как большой подвиг: «Она изумлена, осознав себя, и то, что сделала». Значит, для Гюльбану нет возможности для изменения своей жизни при жизни в татарском обществе по старым порядкам, кроме как «стать мужчиной», пытаясь утвердить себя независимой. Даже в таком виде Гюльбану так и не удаётся почувствовать себя по-настоящему свободной. Все это доводит ее до самоубийства, представляя эту трагедию угнетенной женщины как горький протест семейную насилию и безразличию общества к подобного рода трагедии. Трудно принять такое освобождение, но другого выхода, несчастная женщина не видит. И как пишет Ибрагимов: «то, что Гюльбану смогла немного вкусить свободы только в мужском обличье, смогла вернуться назад, к своей женской сути, показывает, что эти старые порядки глубоко укоренены в татарском обществе, превратились в силы, ограничивающие свободу, развитие личности, а значит, и нации» [4: 52–53].

Судьба Гюльбану «скопирована» героиней романа Карлыгач, которая также стремиться к своему счастью и независимости без оглядки на укоренившиеся порядки в мусульманских семьях и основанных на постулатах Корана.

Роман «Дочь степи» описывает жизнь дореволюционного казахского аула в сложном переплетении социальных противоречий, создав свой идеал свободолюбивой женщины, нежелающей покориться судьбе и по-своему отстаивающей свою честь и человеческое достоинство. В ходе исторического развития казахского общества сложился определенный стереотип казашки: как свободная, сильная и отважная девушка, заботливая и любящая жена и мать, играющая большую роль, как в своей семье, так и во всем обществе. Тема романа возникла «от впечатлений общения с казахами и во время обучения детей в казахских степях. Ибрагимов был покорен широтой души, свободолубием, своеобразием культуры и быта казахского народа» [5: 9]. Общаясь с казахским народом, наблюдал обычаи, нравы и, конечно, жизнь местных женщин, судьба которых не могли не заинтересовать молодого писателя. О пребывании Галимджана Ибрагимова в дореволюционном Казахстане изложено со слов уроженца города, секретаря Союза писателей Есет Аукебаева [1983 г.]: «До революции в Зайсан приезжал Галимжан Ибрагимов для сбора материалов для своего романа «Казахская девушка» [7]. Во время посещения медресе города Зайсан для татарских девушек, Ибрагимов «поинтересовался, есть ли в классе казахские девушки», рассказав им о своих намерениях написать книгу о казахской девушке, для которой он собирает материалы. Ключом к пониманию заглавия романа «Дочь степи» служит собирательный образ женщины-казашки, которая была воспитана степью, укладами кочевого образа жизни Слово «дочь» указывает на неразрывную связь, на родственные отношения со степью. Вполне допустимо, что именно в заглавии и скрыт глубинный смысл всего произведения. Этот роман стал первым опытом художественного изображения жизни и быта людей казахской степи до революции 1917 г., с описанием тяжелых жизненных условий, колониального гнета и социального протеста с элементами романтической темы любви героев произведения. В дооктябрьский период жизнь в семьях, проповедующих ислам, подчинялась религиозным предписаниям. В данной ситуации мужчина имел преимущественное право в разрешении семейных вопросов и являлся «непререкаемым авторитетом в семье». В романе «Дочь степи» героиня Карлыгач свободна и независима в своих действиях словно птица, ее образ выделяется своей смелостью и решительностью, «любила скакать на коне по степному раздолью» [5: 156], олицетворяя озорную независимость и духовную свободу.

Существующие патриархальные обычаи внесли «поправку» в судьбу молодой и независимой девушки, которая с младенчества

была обручена с малолетним отпрыском соседнего рода, за богатый выкуп. В ее семье во время сватовства также «Долго торговались о калыме. После всех споров сладились на сотне голов скота, четырех сотен золотых, двух сундуков дорогих нарядов» [5: 18]. Отметим, что до принятия ислама казахами, у них существовала своя религия – тенгрианства, как людей родившихся в степи. Философии тенгрианства требует от человека принятия решения «уважая природу и воздавая должное предкам, придерживаясь патриархальных норм справедливости и уважения к человеческим ценностям, выступая за гендерное равенство, толерантность, культуру семьи и гармоничное сосуществование с природой [6]. Приходиться сожалеть, что принятие ислама казахами, трактующее, что «жена – собственность мужа», внесло существенные изменения «в гендерные отношения в казахском обществе» [2: 40], но оставив следы тенгрианства в сознании нации. Ранее до принятия ислама среди тюркских народов «женщина сохраняла свое достойное место в обществе» [2: 40], к чему стремилась героиня романа Карлыгач, образ и поступки которой наследуют следы тенгрианства из повседневной жизни на подсознательном уровне, порой противоречащие канонам ислама. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа женских образов этих романов, нами было выявлена взаимосвязь сюжетов: в том и в другом романе присутствуют одинаковые элементы композиции, как: любимые дочери в семьях, сговор старших мужчин о размере «калыма», сватовство, никах, свадьба и жизнь в семье мужа. Сюжеты обеих повести и романа зеркально отображают некоторые композиционные элементы:

1. <i>Гюльбану</i> хочет бежать	<i>Карлыгач</i> намерена утопится.
2. <i>Гюльбану</i> отказывается от побега	<i>Карлыгач</i> устраивает побег.
3. <i>Гюльбану</i> живет с нелюбимым	<i>Карлыгач</i> счастлива в браке.
4. <i>Гюльбану</i> топится	<i>Карлыгач</i> с мужем покидают степь.

Мы видим, насколько тесно переплетены судьбы героинь и насколько различны характеры.

Сравнивая образы женщин, мы отметим, что Ибрагимов не выделяет у главных героинь индивидуальных черт в портретных зарисовках, продолжая традиции фольклора. Ему был важен не внешний облик героя, а его внутреннее содержание.

Создание произведений весьма непростых по сюжету, написанных Ибрагимовым в начале XX века, о переплетении судеб двух женщин, схожих по характеру и одновременно противоречивых между собой

весьма символично, тем самым автор стремился показать стремление к свободе человеческой личности. Именно через образы женских образов автор поднимает проблему женской эмансипации и выступает за создание социальных условий, которые позволили бы женщине проявить себя как личность. Острые проблемы в обществе заняли свое место в истории татарской литературы первой четверти прошлого века в формировании новых направлений и художественных методов.

Видоизменялись традиционные жанры, возникали новые направления в литературном творчестве, расширился круг тем. На первое десятилетие прошлого века приходится пик творчества молодых писателей, которые активно использовали опыт и достижения восточной, русской и западноевропейской литератур. Судьба бесправного положения женщин находится под постоянным вниманием Ибрагимов, который следуя своим убеждениям о свободной женщине, он в 1917 г. организует высшие женские курсы при медресе «Галия» (Уфа), а в 1926 г. способствует возрождению журнала для женщин «Сююмбике» (Казань), под обновленным названием «Азат хатын» («Освобожденная женщина»). Уникальность жизнедеятельности Галимджана Ибрагимов человека с активной жизненной позицией явилось результатом познания глубины социальных конфликтов, что нашло отражение в его литературном творчестве через образы женщин, сумевших противостоять своему бесправному положению в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стенограмма беседы с братьями Шакирзяном и Хакимом от 13 марта 1957 г. (на татар. яз.) // Архив М.Х. Ибрагимова/ 4 л.
2. Жерембаева Д.К. О роли религии в формирование гендерных отношений и гендерного сознания: тенгрианство и ислам // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. Вып. 4.4. 2027. № 4 (400). С. 39–41.
3. Галимджан Ибрагимов: документы и факты; Галимджан Ибрагимов глазами молодых / авт.-сост. М.Х. Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 336 с.
4. Галимджан Ибрагимов: Я жизнь искал, смысла в жизни искал...». Казань: ИЯЛИ, 2017. 336 с.
5. Ибрагимов Г. Избранное. Роман и рассказы / пер. с тат. и прим. Р. Фаизовой; предисл. Р. Мустафина. М.: Худож. лит., 1976. 396 с.
6. Тенгрианство в Казахстане – история, наследие и влияние на современных казахов. URL: <https://www.tinfo.kz/news/obshchestvo/tengrianstvo-v-kazakhstane-istoriya-nasledie-i-vliyanie-na-sovremennyykh-kazakhov.html> (дата обращения: 01.07.2025).
7. Тохтабай А.У. Галимджан Ибрагимов в Казахстане. URL: <https://my.mail.ru/community/hun-tatar/75C857AD74F9EF9D.tml> (дата обращения: 02.07.2025).

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ ДРАМЫ в 1920–1930-е гг.

И.Ю. Кириллова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары)

Статья посвящена исследованию истории изучения чувашской драматической литературы в 1920–1930-е гг. В этот период национальная литература преимущественно освещалась в республиканской периодической печати и носила несколько критический характер. В литературоведческих работах Н.В. Васильева, Е.З. Захарова содержатся более глубокий анализ первых чувашских классических драматических произведений К. Иванова, Ф. Павлова, Г. Тал-Мрзы, П. Осипова, однако не лишенных идеологических оценок.

Ключевые слова: чувашская драматургия, критика, драма, комедия, 1920–1930-е гг.

The article is devoted to the study of the history of the study of Chuvash dramatic literature in the 1920s and 1930s. During this period, the national literature was mainly covered in the republican periodicals and had a somewhat critical nature. The literary studies by N.V. Vasilyev and E.Z. Zakharov provide a more in-depth analysis of the first Chuvash classical dramatic works by K. Ivanov, F. Pavlov, G. Tal-Mrza, and P. Osipov, although they are not devoid of ideological assessments.

Keywords: Chuvash drama, criticism, drama, comedy, 1920–1930s.

Чувашская драма как самостоятельный литературный род возникла на рубеже XIX–XX вв. в результате слияния эстетических средств, выработанных многовековым опытом фольклора, с зарождающимися драматическими элементами письменной литературы, испытывая при этом влияние русской и зарубежной классики. Первые пьесы Г. Комиссарова, К. Иванова, М. Акимова, Н. Шубоссинни, П. Осипова, Ф. Павлова подготовили почву для создания национального театрального искусства и способствовали ускоренному развитию драматургии в последующие годы. Несмотря на публикацию некоторых из них, они не имели возможности широкого распространения среди народа и не были оценены современниками.

Появление в печати первых критических публикаций и рецензий на чувашские пьесы связано с рождением 28 января 1918 г. в Казани Чувашского передвижного театра и активным развитием национальной печати в послереволюционные годы. Очевидно, что самые первые

публикации-рецензии были посвящены постановкам Чувашского театра и одновременно оценивали достоинства пьес на чувашском языке [1; 2; 3]. Кроме того, о чувашских постановках писали региональные издания.

Следует отметить, что первым о значении театра для духовного состояния общества писал еще И.Я. Яковлев в 1870 г. в статье «О влиянии театра», где доказывает значение искусства в культурном развитии народа [4: 383–385]. Под его началом в Симбирской чувашской учительской школе ставились спектакли на чувашском языке. Любительские постановки в те годы появляются в Чувашском крае. Автор классической комедии «Сутра» («На суде», 1918) и драмы «Ялта» («В деревне», 1922) Ф.П. Павлов в театре видел воплощение всех искусств. Он убедительно доказывает, что благодаря чувашскому театру в национальной культуре будут развиваться литература, музыкальное и изобразительное искусство [5]. В статье «Халăх театрĕн пуçламăшĕ» («Начало народного театра», 1925) писатель-сатирик, драматург, публицист, артист И. Илларионов-Мучи впервые обозначил проблемы становления чувашского театра и его фольклорные истоки [6]. Эти публикации позволяют говорить о зарождении чувашского театроведения [7; 8].

Появление Чувашского театра, ставшее событием в культурной жизни народа, предзнаменовало развитие национальной драматургии. Уже с 1918 г. растет число чувашских пьес. Первые литературные журналы и газеты «Канаш», «Шурăмпуç» («Заря»), «Сунтал» («Наковальня»), «Капкан» («Капкан»), «Трактор» и другие взяли на себя основную роль по распространению художественной и критико-публицистической литературы, играли важную роль в посредничестве между писателем и читателями. Пьесы в те годы активно печатались. Для авторов специально проводились конкурсы на лучшую пьесу к 10-летию, 15-летию Советской власти и др.

Смена власти в послереволюционные годы внесла свои коррективы в социально-общественное положение и жизнь чувашского народа. Формируется новая художественно-эстетическая мысль. Уже в первые годы на страницах периодических изданий проходят дискуссии по проблемам дальнейшего развития национальной литературы и искусства. Вопросы драматургии поднимали С. Хумма, Н. Золотов, С. Ялавин, Н. Васянка, И.С. Максимов-Кошкинский, И. Мучи и др. Их статьи чаще всего посвящались анализу конкретной пьесы какого-либо автора либо театральной постановки [9; 10; 11; 12]. Критически осмысливались актуальность тематики,

правдоподобность изложенных фактов, умение развить конфликт и раскрыть образы героев, языковые и стилевые особенности. Указывая автору на художественные недостатки, они предлагали свои варианты в решении проблем [13; 14].

С 1923 г. в литературоведении и критике развивается такой жанр, как творческий портрет [15: 249]. В центре внимания критиков оказываются пьесы драматургов М. Акимова [16], Г. Тал-Мрза [17], Ф. Павлова [18], Н. Мраньки [19] и др. Они имеют несколько обзорно-информационный характер, а оценка творчества писателей преподнесена с идеологической позиции.

Кроме того, в эти годы предпринимаются первые попытки обобщения опыта чувашской советской драматургии за короткий период ее развития [20; 21; 22]. Критики предъявляют повышенные требования к драматургам в плане художественности произведений и удовлетворения эстетических потребностей современных читателей. Основные запросы касаются того, что драматургия должна идти в ногу со временем, даже где-то опережать, предчувствовать грядущие изменения. По их мнению, все недостатки идут от идеалистического мышления, «культурничества» (П. Осипов «Трахом юрри» («Песня трахомы», 1926), «Ёмер сакки сарлака» («Жизнь прожить, не поле перейти», 1925), И. Максимов-Кошкинский «Уй-чӱк», 1927), недопонимания классовости общества, возвеличивании индивидуализма (М. Юман «Укӑлча каси» («У околицы», 1927), подражании русским и зарубежным авторам (И. Максимов-Кошкинский «Хёрлӗ шуйттан» («Красный шайттан», 1924), Г. Тал-Мрза «Кам айӑпӗ?» («Кто виноват?», 1919), схематичности и плакатности социальных характеров, которые мешают отразить изменения, привносимые социалистическим строительством [20: 42]. Но авторы статей не теряли надежды на появление в скором времени жанрово разнообразных, высокохудожественных пьес с динамическим и острым конфликтом. Для выхода из сложившегося положения они предлагали усилить деятельность писательского союза в плане обсуждения публикуемых драматических произведений, взять под контроль формирование театрального репертуара, создать в литературных журналах рубрики для театральных критиков и т. п. [22].

Из всех драматических жанров более всех критическим нападкам подверглась комедия. Критики упрекают писателей в мелкотемье и боязни поднимать актуальные вопросы [23; 24]. Разбирая опубликованные на страницах периодических изданий комедии, они наставляют начинающих писателей [25], предлагают учиться у В. Маяковского и Д. Бедного [26], применять несменное богатство устного народного

творчества: «Почему мы бы при написании драмы, трагедии, комедии не использовать народные предания?» [27].

«Слабых» пьес в те годы действительно было немало. Их присылали местные авторы для публикации в редакции журналов и для участия в литературно-художественных конкурсах, проводимых писательским союзом. Сами рукописи и ответные рецензии критиков по поводу художественной несостоятельности пьес хранятся в республиканских архивах [28]. Многие из них не выдержали испытания временем, и остались лишь на страницах газет тех лет. Из-за художественной слабости они не становились объектом исследования. Причины несостоятельности крылись как в незрелости начинающих авторов, так и в их тенденциозности. Обремененные проблемами и официальными задачами театров, они всячески вмешивались в логику развития образов героев, диктовали им те или иные готовые решения и идейные позиции [29: 206].

В 1930-е годы появляются первые монографические труды Н.В. Васильева-Шубоссинни «Краткий очерк истории чувашской литературы» (1930) [30], Е.З. Захарова «Чăвашсен илемлĕ литератури» (Чувашская художественная литература) [31], обобщающие историю развития чувашской словесности до 1930 г. В них дана оценка современным драматургическим произведениям, наиболее достойных на взгляд исследователей и отвечающих запросам эпохи с позиции классовости. Это произведения «На суде», «В деревне» Ф. Павлова, «Çĕнĕ хум» («Новая волна», 1932) П. Осипова, «Стурпа Илем» («Сатур и Илем», 1933) И. Максимова-Кошкинского, «Килет» («Идет», 1930) М. Трубиной. Критически Е.З. Захаров подходит к анализу драмы «В деревне» Ф. Павлова. Подчеркивая актуальность заявленной темы и художественные достоинства пьесы, он отмечает недостатки в плане создания образов главных героев, его не удовлетворяет авторский вариант разрешения конфликта.

Надо отметить, что критика тех лет весьма болезненно относилась к романтическим сюжетам в произведениях советских авторов [22]. «Наши драматурги находятся в плену у мелодрамы», – констатирует критик Л. Агаков, слишком упрощая суть жанра и сводя его лишь к «мелодраматическому четырехугольнику» [32].

Корни подобных критических оценок скрывались в идеале пролетарской литературы. В критике в целом не учитывалось многообразие художественных форм. Она стремилась выработать и утвердить универсальные принципы изображения, единственно верные художественные средства. Такой унифицированный подход к литературе

ограничивал кругозор критики и самой литературы, ведя к одностороннему анализу и интерпретации произведений и творчества писателей. Однако, несмотря на идеологические послы, критические и литературоведческие оценки первых драматургических опытов и сценических постановок по пьесам чувашских авторов существенно повлияли на развитие чувашской драматургии и театрального искусства в целом. Благодаря им вырисовывается определенная картина развития чувашского драматического и сценического искусства 1920–1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ванеркке К. Чăваш театрĕ // Канаш. 1919. Ака, 5.
2. Эльмень Д. Чăваш театрĕ // Канаш. 1920. Кăрлач, 27.
3. Максимов-Кошкинский И.С. Театртин искусствă (хальхи тапхăрта кирлĕ пьăсăсем шинчен) // Канаш. 1923. Çĕртме, 29.
4. Яковлев И.Я. О влиянии театра // Революциченхи чăваш литератури: текстсем. I т. (XX ăмĕрчен). Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. С. 383–385.
5. Сăрнай. Чăвашсен тĕп театрĕ // Канаш. 1922. Утă, 27.
6. Иллариус. Халăх театрĕн пуçламăшĕ // Сунтал. 1925. № 11. С. 28–33.
7. Чăваш театрĕн сăн-пичĕшĕн // Сунтал. 1933. I №. 9 с.
8. Вуколов Ф. Пролетарлă чăваш театрĕшĕн // Сунтал. 1933. № 1. С. 14–18.
9. Лашман С. «Илюк» шинчен // Канаш. 1921. Юпа, 20.
10. Эльдиван А.Н. Ефремов «Пуян Карук» // Атăл юрри. 1920. № 1. С. 22.
11. Золотов М. Малинников Ç. «Хисеплĕ вилĕм» // Сунтал. 1926. № 2. С. 18–19.
12. Захаров Е. М.-К. «Уй чўкĕ» пирки // Сунтал. 1929. № 12. С. 20.
13. Ваçанкка Н. «Трахом юрри» // Сунтал. 1929. № 1. С. 23.
14. Кудрявцев В. «Смычка» пирки // Сунтал. 1930. № 3. С. 21.
15. Родионов В.Г. Чувашская литература 1923–1929-х гг. // История чувашской литературы XX в. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 236–281.
16. Юман М. 1905 çулхи литераторсем (М.Ф. Акимов) // Сунтал. 1935. № 1. С. 17.
17. Ваçанкка. Тал-Мăрса шинчен // Сунтал. 1927. № 9. С. 14–16.
18. Золотов А. Ф. Павлов пултарулахĕ // Сунтал. 1931. № 7–8. С. 21–23.
19. М.-Й. Мраньккан драматургийĕ утăмĕсем // Трактор. 1935. № 11. С. 130–134.
20. Чăваш драматургийĕ театр ёçĕсем шинчен // Сунтал. 1930. № 10–11. С. 41–42.
21. Агаков Л. Ялпа колхоз драматургийĕ шинчен // Канаш. 1934. Пуш, 30
22. Петокки А. Пятнадцать лет Чувашского гостеатра и чувашская драматургия // Красная Чувашия. 1933. 27 янв.
23. Этмен А. Кулашла литературăна вайлатас çул шинчен // Сунтал. 1929. № 4. С. 21–22.
24. Мучи И. Кулаш литератури шинчен // Сунтал. 1933. № 1. С. 39–40.
25. Ялавин С. Пьеса çыракансене астуларни // Сунтал. 1928. № 7. С. 24.

26. Валь А. Комедисем сӳнчен // Сунал. 1930. № 4–5. С. 29.
27. Халӑх сӑмахлӑхӗ // Сунтал. 1924. № 2–3. С. 55.
28. Архивные материалы Союза советских писателей ЧАССР. ГАСИ ЧР. Ф. 2718/434. Оп. 1, 2.
29. Родионов В.Г. Чувашская литература 1917–1922 гг. // История чувашской литературы XX в. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 146–221.
30. Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы / под ред. И.Н. Бороздина. М.: Центриздат, 1930. 80 с.
31. Захаров Е.З. Чӑвашсен илемлӗ литературы. Шупашкар, 1934. 198 с.
32. Агаков Л. Разговор после спектакля // Красная Чувашия. 1937. 2 марта.

УДК 821.512.145

ЖАНР КОМЕДИИ В ТВОРЧЕСТВЕ З. ХАКИМА

В.Ф. Макарова, А.Ф. Ганиева

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются особенности жанра комедии в творчестве татарского драматурга Зульфата Хакима. Показаны приемы комического, определены художественно-эстетические находки драматурга, такие как воссоздание гротесковой модели действительности, игра и т. д. Установлено, что драматург обращается к непреходящим философским и нравственным вопросам бытия. Отмечается, что ирония смешивается с драматическими и трагическими мотивами.

Изучение комедий З.Хакима, смело поднимающих важные проблемы современности, позволяет проследить трансформацию жанра комедии в начале XXI века, появление новых жанровых возможностей.

Ключевые слова: комедия, трагикомедия, фарс, «смех сквозь слезы», «игра», синтез драмы и комедии, иронический пафос, сатирический пафос.

The article examines the peculiarities of the comedy genre in the work of the Tatar playwright Zulfat Hakim. The comic techniques are shown, the playwright's artistic and aesthetic findings are identified, such as recreating a grotesque model of reality, acting, etc. It is established that the playwright addresses the enduring philosophical and moral issues of existence. It is noted that irony is mixed with dramatic and tragic motives.

The study of the comedies of Z. Hakim's works, which boldly address important contemporary issues, provide insight into the transformation of the comedy genre in the early 21st century and the emergence of new genre possibilities.

Keywords: comedy, tragicomedy, farce, "laughter through tears", "play", synthesis of drama and comedy, ironic pathos, satirical pathos.

3. ХӘКИМ ИЖАТЫНДА КОМЕДИЯ ЖАНРЫ

В.Ф. Макарова, А.Ф. Ганиева

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

Зөлфәт Хәким ике гасыр чигендә татар драматургиясендә лаеклы урын алган язучы. Татар сүз сәнгатендә үткән гасырның сиксәннәнчелләрендә башланган яңарыш З. Хәким әсәрләре белән дә бәйле иде. Аның Идел буе Болгары дәүләте тарихы сәхифәләрен яктырткан «Мәңгелеккә изге сәфәр» (1995–1996) пьеса-кыйссасы, ижтимагый-сәси мәсьәләләр күтәргән, тоталитар система асылын үткән тәнкыйтьләгән «Жүләрләр йорты» (1995) трагикомедиясе, «Карак» (1994), «Зәхмәт» (1994), «Үтермә» (1996), «Килә ява, килә ява» (1997), «Мин төш күрдәм» (2001), «Чапты атым Казанга» (2002) һ. б. пьесалары яңа форма, стиль, образлар системасы белән аерылып тордылар.

Татар әдәбияты фәнендә XX–XXI гасырлар чиге әдәбиятын өйрәнү буенча киң күләмле тикшерүләр алып барыла. Аларда безнең көннәрдәге драматургия әсәрләрен системалы өйрәнү омтылышы сизелә [6; 7; 9; 12; 15; 19; 21]. Әмма замананың мөһим мәсьәләләрен калку күтәрәп чыккан З. Хәким драматургиясе махсус өйрәнелмәгән. Драматург ижатында аерым урын алып торган комедия жанры да өйрәнүне көтә. Дөрес, авторның кайбер комедияләрен идея-тематик яктан анализлаган хезмәтләр дә юк түгел [4; 5; 13; 14; 20].

Комедия жанрына хас үзенчәлекләр буларак, гадәттә, түбәндәге сыйфатларны билгелиләр:

- шыксызлыктан көлеп, чынбарлыкны көлке категориясеннән чыгып гәүдәләндерү;

- кеше холкында, шәхесара мөнәсәбәтләрдә, жәмгыятьтә, яшәештә булган тискәре күренешләрне, абсурд вакыйгаларны тәнкыйтьләү, социаль тәнкыйть һәм рефлексиянең көчле коралы булып хезмәт итү;

- хәрәкәт, конфликт, характерлар юмористик һәм сатирик пафос белән сурәтләнү, тамашачыларда яки укучыларда көлке уяту;

- конфликтлар, сюжет линияләре гадәттә аңлашылмаучанлыкларга, кызык очраклылыкларга һәм комик ситуацияләргә корылу;

- сатирик образ тудыру алымнары ярдәмендә сатирик типлар тудырылу, комедиянең персонажы, көлке ситуациягә эләгеп, үзен үзе фаш итү һ. б.

Өлеге сыйфатлардан тыш, З. Хәким комедияләрендә «сызланып көлү» күзгә ташлана. Әйтик, З. Хәкимнең беренче комедияләреннән булган, интертекст һәм мифик сюжетка корылган «Су төбәндә сөйгәнем» (1992) комедиясендә үк бу үзенчәлек бар иде. Шулай ук,

«Күрәзәче» (1994) моңсу комедиясендә дә А. Әхмәдуллин сүзләре белән айткәндә, «чәнечкеле көлү аерым шәхесләр белән генә чикләнми, кайсыдыр яклары белән гавамга каршы да юнәлтелгән. Дөрөсрәге, әрнүле көлү бу. Ул халкыбызның бүгенге яшәешендәге кимчелекләрне күздә тотта. Ә бүгенге аяныч халәт үз халкын яраткан язучы өчен шаярып көлү дә, мыскыллы көлү дә була алмый: бары тик әрнүле, сыкранулы көлү генә!» [2: 100].

«Күрәзәче» әсәрендә З. Хәким колхоз байлыгын үзләштереп, бернидән бернидән чирканмыйча, халыкны куркытып тоткан колхоз рәисе, тәртип сагында торучы, агроном һәм жинаятьче персонажлары мисалында замананың актуаль мәсьәләләрен күтәреп чыккан иде.

«Комик эчтәлекне тирәнәйтү 1980 елларда ук З. Хәкимнең проза әсәрләрен кешенең асылына һәм гомумкешелекнең яшәеш мәсьәләләренә кагылышлы фәлсәфи гомумиләштерүләр белән бастуга хезмәт итте» [11]. Язучының сәхнә әсәрләрендә дә фәлсәфилек гротескның активлашкан алымнары белән бергә бара, парадокс, аллюзия, стилизация, мистификация, пастиш, алогизм, ирония әсәрләренен стиль тукумасы аша уза. Зөлфәт Хәкимнең күп кенә комик хикәяләре синтетик характерда булып, сатира һәм фәлсәфәнең бәйләнешенә нигезләнгән кебек, комедия жанрына караган әсәрләрендә дә синтетизм күзәтелә.

Мәсәлән, «Кишер басуы» (1994) трагикомедиясендә уңай геройларның диалогларында бирелгән фәлсәфә, метафоралар, символлар, фантастика элементлары ярдәмендә 1990 нчы елларда авыл жирендә туган вәзгыять бөтен катлаулылыгында күрсәтелә. Авылга оча торган тәлинкә төшү, Жирдән читтәге цивилизация вәкилләре килү белән бәйле вакыйгаларда таркаулык, хәерчелек, эчкечелек, караклык, әхлаксызлык проблемалары абсурд дәрәжәсенә җиткереп яктыртыла.

«Зәхмәт» (1994), «Карак» (1994) комедияләре дә җәмгыятьтәге тискәре күренешләрне камчылаган әсәрләрдән. «Карак» комедиясе хакында Д.Заһидуллина билгеләп үткәнчә, «Әсәрдә тергезелгән җәмгыять – тулысы белән жинаятьчел «круг» – түгәрәк эчендә. Хаосның тормышны тутыруы тәртип сакларга тиешле кешеләрнең иң эре жинаятьчеләр булуы белән билгеләнә. Жинаятьчел тормышка каршы куелырлык уңай герой юк, һәм жинаятьчеләр үзләре мондый тормышның чын тормышны алыштыруын ассызыклайлар» [8: 471].

Татар драматургиясендә жүләрләр йорты темасы күтәрелгән чорда эдип трагикомедия жанр төренә мөрәҗғәгать итеп, «Жүләрләр йорты» (1995) әсәрен язды. Әлеге трагикомедиядә шартлылык абсурд

дәрәжәсенә житкерелә. Фарс элементлары, пародия алымнары, уен феномены кулланыла – инженер Шәүкәт, район гәжитендә эшләүче Сәлим һәм бизнесмен Закир, җаваплылыктан качып, ягъни, эштән кыскартудан, алимент түләүдән, өченчәсә төрмәгә утырудан куркып, жүләрләр йортына керә. Үзләрен Брежнев, Горбачёв, танылмаган даһи итеп күрсәтеп, авырулар булып «уйныйлар». Авыруларның уены, сәяси эшлеклеләргә пародияләр совет хакимиятенә, идеологиясенә бәя бирүгә юнәлтелә. Әмма төп уен баш врач ярдәмчәсе Халит Хәбинович тарафыннан алып барыла. Бар кешене куркытып яшәүне максат иткән, жүләрләр йортында баш табиб, хезмәткәрләрне, «авыруларны», бер-берсенә донос яздырып, курку астында тоткан диктатор герой асылда жүләр буларак ачыла.

Жүләрләр йорты жәмгыять моделе буларак бирелә («Курку гына тотта бу бинаны (Халит); Барыбыз да корбаннар бит... Күп кеше бәхетсез булса, бәхетсезлеккә ияләшсәң ул ... Син кара, монда бит бер генә дә бәхетле кеше юк» [17: 145]).

«Трагикомедиядә ике жүләрләр йорты сурәтләнә: аның берсе жи-мерелә, аның урынына икенчәсә калкып чыга. Беренче очракта ул совет системасы билгесә төсендә бирелсә, икенчәсә совет системасына алмашка килгән үзгәртеп кору сәясәте булып аңлашыла» [8: 469]. Биредә үзен акыллыга санаганнар, асылда, жүләр, Нурий, Сабир кебек жүләр дип саналганнар, иң акыллы фикер әйтеп, объектив бәя бирә алучылар кебек кабул ителә.

3. Хәкимнең «Чапты атым Казанга» (2001) иҗтимагый комедиясендә ил, республика, жәмгыять тормышына, үзгәртеп корулар чоры тәртипләренә, илдәге һәм хакимияттәге абсурд чигенә житкерелгән уеннарға, халыкның чарасызлык чигенә житкән караңгы, хәерче, чарасыз тормышына пародия бирелә. Комедиянең төп герое – авыл завклубы Салихның ат жигеп Казанга баян алырга баруы хикмәтле тарихка әверелә. Драматург, татар халкының мәдәнияте белән бәйлә баян һәм ат образларын уйнатып, аларның югалуын тормышыбыздагы рухи бушлыкны белдерерлек итеп символлаштыра, халык өчен кадерле кыйммәтләрне саклап яшәүнең тормышны мәгънәле итүенә инандыра.

«3. Хәкимнең «Мылтык» (2008) комедиясе – хакимият кешеләренәң «үрнәк» тәртип-гамәлләреннән, үтергеч көлү ул. Милиционер Уел һәм подполковник Гыйльманов ау мылтыгын барлаганда, кемнең кем булуы ачыла» [19: 108].

Мондый комедияләр көлдөрүдән бигрәк, гаделсезлек, жирләребез талану, гади кешенең хокуксызлыгы, коллык психологиясе, татар

халкының киләчәге, теле, дине, гореф-гадәтләре өчен борчылырга, сызланып көләргә мәжбүр итә.

3. Хәкимнең драматургиясендә комедиянең күп төрләрән очратырга мөмкин, һәм әдипнең күпчелек комедияләрендә трагизмның асмәгънәдә бирелүе аша трагикомедиягә тартылуы турында сөйләргә нигез бар.

Комедияләрдә драма һәм комедия, трагедия элементларын берләштерүне, трагикомедиягә якынаюны С.Я. Гончарова-Грабовская комедия каноннарын жимерә торган юнәлеш, «яңа драма»га хас үзенчәлекнең берсе буларак карый. Автор фикеренчә, комик герой кызгану уята һәм көләргә түгел, ә кайгырырга мәжбүр итә, комедия күңел ачудан бигрәк, «трагикомик сагышлы» полифониягә китерә, поэтиканың яңаруы турында сөйли [3: 44]. Димәк, 3. Хәким ижаты татар комедиясенен яңарышына йогынты ясый.

Безненчә, 3. Хәкимнең алда караган комедияләрендә иң мөһим фекер һәм үзенчәлек – абсурд күренешләрнең халык тарафыннан инде гадәти нәрсә буларак кабул ителүен күрсәтү, чаң кагу; кыйммәтләр алмашынуы һәм кешенең үз-үзенә ышанычы һәм яхшылыкка өмете югалуын, фажигале чынбарлыкны киң катламга үтемле житкерү юлларын табу.

Инде 3. Хәкимнең башка төр комедияләренә якин килеп, жентекле анализ ясыйк. Әдипнең комедияләрендә тагын бер нәрсә күзгә ташлана – ул иронияле пафос өстенлек итү. Бу бигрәк тә «Бармы ришвәттән дэва?» (2014) комедиясендә көчле бирелә.

Биредә сүз Сәйфи исемле эшеннән куылган химия укытучысы хакында бара. Герой ришвәткә каршы дару уйлап таптым дип белдерә, даруга патент алып, доньяга таратырга исәпли. Әлегә яңалык, район житәкчеләренә барып житә, тынычлыкларын боза.

Сәйфинең ришвәтчелеккә каршы көрәшүче дару уйлап табуы һәм аны сантехникта сынап каравы хакында район гәжитендә баш мөхәррир Әбүзәр Шактыев тарафыннан сенсацион материал бастырыла. Район башлыгы Фоат Абзалович мөкаләне укыганнан соң, районның баш врачы, военком, баш прокурор, РОНО мөдире белән яшерен киңәшмә жыя. Ничек тә Сәйфинең табышы хакында хәбәр өстәгеләргә барып житә күрмәсен. Химикның ул даруын куллану житәкчеләрнең тормышларында жайсызлыктар китереп чыгарачак икән. Районның баш врачы Бакеев әйтмешли, врачлар взятка алмый башласалар, хезмәт хакына гына яши алмаячаклар» [16: 427]. Халык та кайгыра: «ГИБДД взятка алмый башласа, барыбыз да машина йөртү правасыннан колак кагачакбыз»; «Регистрационный палатада, земельный

комитетта, БТИ ларда, налог инспекциясендә, машинаны учетка куйганда, чират торып, шунда егылып үлчәкбез бит!» [16: 460].

Сәйфи бар кешенең ялварып соравын кире кага, даруны юк итүдән баш тарта. Район чиновниклары «Мәскәү киңәше белән» Сәйфигә коттедж төзеттерәләр, автомобиль алып бирәләр, Сәйфи хатынының хезмәт хакын арттыралар, ул эшлэгән китапханәгә күп итеп китап кайтарталар, юлларны төзекләндерәләр.

Хәйләкәр Сәйфи яңа өендә лаборатория ясыым дип аклана, йорттан баш тартмый. Коррупция белән көрәшсәргә тиешле дару булганмы, юкмы, әллә кадерсез Сәйфи Хужа Насреддин кебек хәйлә белән үзенә игътибар жәлеп итсә генә килгәнме? – аңлашылмый кала. Шунсы ачык – әсәрдә сатирик һәм ироник пафос аша яшәешсездәге шактый күренешләр тәнкыйть ителә: эшсезлек, ришвәтчелек, бюрократлык, күзбуяу, кода-кодагыйлык, азгынлык һ. б.

РОНО житәкчесе Руфия Мутиевага: «Казаннан килгән инспектор белән ресторанда утырганнан соң, кунакханәгә менеп йоклаганыгызны да беләм», – ди [16: 450]. Түрәләренең, житәкчеләренең шундый репликалары аша автор ирониясә һәрчак сизеләп тора. «Изге Фоат чишмәсе» хакында журналист «Кем ул?» дип сорагач, «Үзебез дип торабыз», – ди район башлыгы. Ягъни, үзе исән чакта ук, житәкче чишмәгә исемен куша.

Кайбер журналистларның заказ буенча язуларына, ришвәтче булу мөмкинлегә өстенә, юньләп тел белмәүләре дә тәнкыйть утына тотыла. Район башлыгының китапханәчегә: «Язучылар берлегендә өч йөз язучы эшсез ята, мин алардан сезгә китап язарга кушам», – диюе житәкчеләренең хакимлек итүне үз мәнфәгатьләрендә куллануына мисал булып тора. «Акча түгеп укыган кешедән нинди табиб чыксын» дисә дә, Бакеев корреспондентның энесен терапия бүлегенә житәкчесе итеп куя.

Военком Мусинга: «Наркоман малаенны төрмәгә утыртмыйлар, чөнки прокурорның малаен армиядән коткарып киләсез» [16: 441] – ди. Район башлыгы Әхмәдиевнең нәтижәсә кискен: «Акчасы булмаган, блаты булмаган кешеләренең генә малайларын армиягә алгач, аның армиясә дә мескен инде» [16: 442]. Биредә З. Хәкимнең «Сәер никрут» исемле баяне белән дә аваздашлык бар.

Хатынының сүзеннән чыкмый торган военком, читлектәге мәчесен күтәрәп йөрүче прокурор, гел «Халык түзә ул» дип кабатлаучы баш врач, үз туганы булган мәктәп директоры белән килешә алмаганы өчен химия укытучысын эштән куган РОНО мәдире һ. б. ироник пафос аша көлке объектларына әйләнә.

Комедиядә фарс, карнавал алымнары, гротеск эшкә жигелгән. Магънәсезлек (илле бишенче елгы кешеләргә генә йога торган «кәжә гриппы»), шөкәтсезлек (кәжә сөзгәннән соң дингә кәргән имам) [16: 467] көлке тууга сәбәпче булган моментлардан.

«Шойгуның агач башына менүчеләрне тикшерү эшләре буенча урынбасары» кирәкмәгән вазифалар, бюрократияне тәнкыйтьләү мөмкинлегә бирә. Көлке ситуацияләр, ирония («Без үзез халыкка таба барырга тиешбез», «сөйли торган исемнәр» [16: 466] (ГИБДД башлыгы Козлов, РОНО житәкчесе Мутиева) һ. б. төп фикерне үтемле бирүгә хезмәт итә.

Чынбарлыкка алогизм ярдәмендә бирелгән бәя аяусыз: «...халык арасыннан берәү Сәйфигә: «Болай булса, сине уголовниклар үтерәчәкләр. Прокурорлар, синең дару аркасында ришвәт алмый башласалар, братвага бик читен булачак...».

Куелыштагы фарс, буффонада элементлары – цирктагыча уен, гротеск костюмнар, провинция билгеләре күренеп торган декорация, гиперболаштырылган образлар, пафослы музыка-марш, секретарь кызның курчак-мароинетка сыман йөрешләре һәм башкаларның кыланышлары абсурд дәрәжәгә житкерелеп күрсәтелү спектакльне карнавальек традицияләренә якынайта. Узган гасырның 20 нче елларында классикларыбыз ижатындагыча, яисә Г. Исхакыйның «Жан Баевич» комедиясе традицияләрендә язылган әлеге эсәр яңа дәвер сәхнә әдәбиятында барган эзләнүләрнең чагылышы булып тора.

Шул рәвешле, З. Хәкимнең әлеге эсәре кебек, традицияләр белән диалогтагы, мөһим проблемаларны кыю күтәргән комедияләре әдипнең XXI гасыр башында комедия жанрының трансформация кичерүен, яңа жанр мөмкинлекләре майданга чыгуын күзәтергә мөмкинлек бирә.

Йомгак ясап әйткәндә, хәзерге татар драматургиясе һәм аңа нигезләнгән сәхнә сәнгатең бүген халыкның аңына тәэсир итүендә, һәм аларның яшәешнең милли компонентларын саклап калырга өнди ала торган майдан булып торуында З. Хәким комедияләренең дә роле зур.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.

2. Әхмәдуллин А. Офыклар киңәйгәндә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.

3. Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской и белорусской драматургии начала XXI в. (проблема жанровой модификации). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022, 2: С.40–51. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/286958/1/40-51.pdf> (мөрәжәгать итү вакыты: 15.08.2025).

4. Закиржанов Ә.М. ХХІ гасыр башы татар драматургиясе: әдәби процесс үзенчәлекләре // Актуальные проблемы изучения и преподавания татарской филологии: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Башкирского гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы и 30-летию кафедры татарского языка и литературы (г. Уфа, 28 апреля 2022 г.) / отв. ред. И.С. Насипов, зам. отв. ред. Н.У. Халиуллина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2022. С. 85–95.
5. Закиржанов Ә.М. ХХІ гасыр башы драматургиясендә милли яшәеш мәсьәләләре // Фәнни Татарстан. 2021. № 3. Б. 35–42.
6. Закирзянов А.М. Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности и новые поиски. Казань: ИЯЛИ, 2019. 400 с.
7. Заһидуллина Д. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
8. Заһидуллина Д.Ф. Зөлфәт Хәким. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2021. Б. 448–477.
9. Игламов Р.М. Испытание временем (доклады, статьи, рецензии о татарском театре и драматургии). Казань: Отечество, 2007. 260 с.
10. Кириленко Н.Н. Новейшая комедия (специфика жанра) / Новый филологический вестник. 2019. № 3(50) file:///C:/Users/Venera/Downloads/noveyshaya-komediya-spetsifika-zhanra.pdf (мөрәжәгать итү вакыты: 15.08.2025).
11. Макарова В.Ф. Формы и приемы комического в рассказах З. Хакима / Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2013. № 11(31) formy-i-priemy-komicheskogo-v-rasskazah-z-hakima.pdf (мөрәжәгать итү вакыты: 15.08.2025).
12. Миннуллина Ф.Х. Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков. Казань: ИЯЛИ, 2019. 144 с.
13. Миннуллина Ф.Х. Мифологические образы в драматургии З. Хакима // Проблемы марийской и сравнительной филологии: Сб. ст. / сост. Т.Н. Беляева, под общ. науч. ред. Р.А. Кудрявцевой. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т (Йошкар-Ола). 2022. С. 212–214.
14. Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 175 с.
15. Саттарова А.М. Современная татарская драматургия (1985–2000 гг.): концепция эпохи и героя. Казань: Гуманитария, 2003. 152 с.
16. Хәким З. Бармы ришвәттән дэва? Яңа татар пьесасы. Альманах. XI т. Казан: Заман, 2014. 480 б.
17. Хәким З. Жүләрләр йорты // Татар драматургиясе: 1980–2000 еллар. Казан: ТаРИХ, 2003. 417 б.
18. Хәким З. Чапты атым Казанга // Зөлфәт Хәким. Телсез Күке: пьесалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 212 б.
19. Ханзафаров Н.Г. Татар драматургиясе: күзәтүләр, ижат портретлары: фәнни һәм тәнкыйть мәкаләләре. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 264 б.
20. Ханзафаров, Н.Г. Татарская комедия (истоки и развитие). Казань: Фэн, 1996. 266 с.
21. Шәмсутова А.Т. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш: фәнни мәкаләләр Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 204 с.

АНАЛИЗ ПОЭТИКИ РИФЫ РАХМАН В КОНТЕКСТЕ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ

(на материале сборника «Синең жанга узсам...»)

Л.И. Мингазова

Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ (Казань)

Статья посвящена всестороннему анализу поэтики Р. Рахман, раскрывающему специфику лирического субъекта и эволюцию системы образов в сборнике «Синең жанга узсам...» (2022). Утверждается, что ключевым принципом поэтики Р. Рахман является диалектика между конкретно-повседневным и метафизическим.

Особое внимание уделяется мотиву экзистенциального одиночества, который развивается от личного опыта до глобального масштаба. Сборник интерпретируется как проявление «позднего стиля», характеризующегося глубиной философской обобщенности и стабильностью романтического дискурса.

Ключевые слова: Рифа Рахман, татарская поэзия, лирический субъект, экзистенциальная рефлексия, поэтический мотив, символ.

The article is devoted to a comprehensive analysis of R. Rahman's poetics, revealing the specificity of the lyrical subject and the evolution of the system of images in the collection 'Sineң жанга uzsam...' (2022). It is argued that the key principle of Rahman's poetics is the dialectic between the concrete-everyday and the metaphysical.

Particular attention is paid to the motif of existential loneliness, which develops from personal experience to a global scale. The collection is interpreted as a representation of a 'late style,' characterised by the depth of philosophical generalisation and the stability of romantic discourse.

Keywords: Rifa Rahman, Tatar poetry, lyrical subject, existential reflection, poetic motif, symbol.

В сборнике стихотворений Р. Рахман «Синең жанга узсам...» (2022), подаренном нам автором, написаны следующие слова: «Ляйля! Хотела бы продолжать жить и еще писать, но с каждым днем число читателей уменьшается. С тяжелым сердцем, Рифа. 26.05.2022». Эти слова задают тон экзистенциальным размышлениям, характерным для этого поэтического цикла.

Сборник стихов Рифы Рахман «Синең жанга узсам...» представляет собой важный этап в эволюции татарской поэзии начала XXI века, синтезируя экзистенциальные размышления, национальную

идентичность и инновационные образы. Данное исследование направлено на всесторонний анализ поэтики Р. Рахман через призму структуры лирического субъекта, трансформации архетипических символов (насекомые, окна, стихии) и специфики психологизма. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью понимания феномена «позднего стиля» в современной татарской поэзии, где творчество Р. Рахман является ярким примером философского углубления традиционной образности.

Образная система: традиция и новаторство.

1. Символические архетипы.

В творчестве поэтессы природные образы (насекомые, стихии) функционируют как устойчивые архетипы, восходящие к татарской фольклорной традиции. Их дуализм прослеживается в бинарной оппозиции: сакральные (пчела, светлая женщина) / хтонические (муха, саранча).

Образ насекомого (стих. «Эч бушатам», «Яфрак буйлап...», «Дустың булайым») трансформируется из бытовой детали в философскую метафору хрупкости бытия («Бөжәктән дә кечкенәмен бу Галәмдә»), выступая катализатором рефлексии о национальной судьбе («Минем халкым ниләр күрәчәк?»):

Сөйләр кеше юк бу сүзләргә,
Эч бушатам бөжәк алдында...
Их, бөжәгем, эшләр болай барса,
Минем халкым ниләр күрәчәк?...

Бөжәктән дә кечкенәмен бу Галәмдә.
Зур булсын дип телим эшем халкым өчен,
Көрәшәмен шигыр белән туган көннән
Бөжәкнеке кадәр дә юк хакы өчен! [1: 6].

2. Хронотоп.

Пространственно-временная организация лирики Р. Рахман синтезирует конкретику («Бул син миңа яңа танышым бер, Чэй эчәргә иртән киләчәк») и метафизическую глубину. Мотивы пандемии («XXI гасыр чире») актуализируют экзистенциальное переживание времени как кризисного континуума.

Лирический субъект.

1. Психологический портрет:

«Лирическая героиня в творчестве предстает рефлексирующим субъектом с богатым экзистенциальным опытом» [3: 23]. Доминантные черты:

Экзистенциальная обособленность («Хәсрәтләрем күптер, чирләгән күп, / Дусларым аз: китеп бардылар...») [1: 51].

Социально-философская тревога («Үзгәрешләр көтәм! Беләм дә бит, / Алар канун белән тыелган») [1: 26].

2. Динамика мотивов.

Одиночество: Эволюционирует от личного переживания («Эч бушатам бөжәк алдында...») к осмыслению культурно-языковых проблем («Бу Рәсәйдә хәтта татары да, / Тылмач аша аңлый баласын») [1: 28].

Любовь представлена как полиморфный феномен:

Источник духовной стойкости («Шундый көтәм сине. Сагынып-лар... / Шундый көтәм синең сөйгәнне...») [1: 107]; Оныта алмыйм сөйгән ярымны да, / Онытырлык итте мең сәбәп [1: 47].

Экзистенциальное откровение:

Синең жанга узсам ни күрермен:
Нинди микән анда «көнтөрыш»?
Кояш көлә микән, гөлләр үрли,
Давыл дулый микән кым-кырыч? [1: 86];

Поэтическая техника.

1. Композиционные стратегии:

Р. Рахман часто использует лексическое повторы в своих стихах, что усиливает эмоциональное напряжение.

Риторические обращения («Жылы өйдә эле нидән туңам?») создают эффект исповедальности (индивид – Вселенная), служит основой философского обобщения;

2. Стилиевые доминанты:

Синтез лиризма и интеллектуальной глубины;

Полифоничность эмоциональных переживаний (скорбь – просветление);

Интертекстуальная связь с татарской поэтической традицией и др.

Таким образом, сборник стихов «Синең жанга узсам...» представляет собой зрелую стадию творческой эволюции Р. Рахман. Ключевые особенности его поэтики:

1. Усложнение структуры образов посредством диалектики конкретного и метафизического.

2. Глубина психологического портрета лирической героини, синтезирующая личный и коллективный опыт.

3. Философская актуализация традиционных символов (насекомые, окна, стихии).

4. «Мастерское использование композиционных и риторических приемов для создания полифонического эмоционального поля».

Творчество Р. Рахман открывает новые векторы развития татарской поэзии XXI века, балансируя культурную память, характеризуясь синтезом национальной традиции, экзистенциальной глубины и художественной инновации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахман Р. Синен жанга узсам...: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2022. 287 б.
2. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: Эстетические ориентиры и художественные поиски: Татар. кн. изд-во, 2018. 287 с.
3. Минһажева Л.И. Күңел ярларында – яшь бөртеге: Халыкка хезмәт иткән талант Рифә Рахман. Казань: Вестфалика, 2022. 164 б.
4. Mingazova L.I. Çulpan Zarif ve Rife Rahman Şiirlerinde İstanbul konusu. Kardes kalemler. Aylik avrasya edebiyat dergisi. Yil 3. Sayi 28. 2014 с.

УДК 821.512.145

ТАТАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ КОНЦА XX ВЕКА: ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Ф.Х. Миннуллина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан»

Статья посвящена комплексному анализу эволюции татарской драматургии в контексте социокультурных трансформаций конца XX века. Исследуются ключевые проблемно-тематические доминанты, особенности поэтики и художественные средства репрезентации действительности. Особое внимание уделяется взаимодействию традиционных и новаторских эстетических стратегий, а также рефлексии исторической памяти и национальной идентичности в драматургических произведениях.

Ключевые слова: татарская драматургия, национальная идентичность, проблемно-тематическое своеобразие, поэтика.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the evolution of Tatar drama in the context of socio-cultural transformations at the end of the 20th century. The key problem-thematic dominants, features of poetics, and artistic means of representing reality are explored. Special attention is paid to the interaction of traditional and innovative aesthetic strategies, as well as the reflection of historical memory and national identity in dramatic works.

Keywords: Tatar drama, national identity, problem-thematic originality, poetics.

XX ГАСЫР АХЫРЫ ТАТАР ДРАМАТУРГИЯСЕ: ТЕМАТИК ҺӘМ ПОЭТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘР

Ф.Х. Миңнуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

XX йөз ахырында башланып киткән ижтимагый-сәяси үзгәрешләр әдәбиятка яңа тема һәм проблемалар алып килә. Жәмгыятьтәге үзгәрешләргә бәйле рәвештә, язучылар игътибарларын тарихның каршылыклы якларын, шәхеснең фажигалы язмышын сурәтләү объектына юнәлтәләр. Әйтергә кирәк, әлеге үзенчәлекләр XX гасырның икенче яртысында күзәтелә башлый. А. Әхмәдуллин язганча: «Татар драматургиясенә асыл үсеш юлы – реализмда. Вакыт-вакыт драматурглар шартлы алымнарға, әкият чараларына, аллегорик һәм романтик, мифик һәм метафорик образларға мөрәжәгать итеп, реалистик сурәтләүне баetalар. Узган гасырның «хрущев жепшеклегә», соңрак «торгынлык чоры» дип аталган елларында драматургия сүз-сурәтләү алымнарын тизлек белән баета башлады. Иң беренче, бу процесс 1960–1970 елларда ижатка килгән буын белән бәйле» [1: 22]. Ил күләмендәге кискен үзгәрешләр әдәбиятка, аерым алганда, драматургиягә дә үз йогынтысын ясый, сәхнә әдәбиятында тематик төрлелек күзәтелә. Татар драматургиясе, халык тормышындагы үзгәрешләргә җавап бирүне, аның рухи ихтыяжларын канәгатьләндерүне максат итә. Т. Миңнуллин, И. Юзеев, А. Гыйләжев, Р. Хәмид, Ә. Гаффар, Ф. Бәйрәмова, Ф. Яруллин, З. Хәким, Д. Салихов, Аманулла кебек авторлар традицион булмаган темаларны күтәрәп, яңа әдәби алымнар кулланалар. Бу чор драматургиясенә жанрлар төрлелеге, символик алымнарға мөрәжәгать итү, метафоралар системасын киңәйтү, психологик анализ тәрәнлегә хас. Татар халкының бүгенгесә, киләчәге турында уйлану киң жәмәгәтьчелек игътибарына тәкъдим ителә. М. Жәлил, Г. Тукай, Н. Такташ кебек әдипләргә багышлап, Т. Миңнуллинның «Моңлы бер җыр» (1982), «Без китәбез, сез

каласыз» (1986), «Агыла да болыт агыла» (1999), Ф. Бәйрәмованың «Атылган йолдыз» (1985), Ә. Гаффарның «Соңгы сәгать» (1986), Р. Батулланың «Сират күпере» (1986) әсәрләре әдәбият майданына чыга. «Милли мәсьәләләр белән бәйләнештә тарихка мөрәжәгать итү, татар тарихының үткән сәхифәләренә күз ташлау, нәтижеләр ясау омтылышы Ю. Сафиуллинның «Идегәй» трагедиясе (1994), З. Хәкимнең «Мәңгелеккә изге сәфәр» (1995–1996), Ә. Баяновның «Кара кош» (1989–1991), И. Юзеевның «Бәгырь», Р. Батулланың «Сират күпере» (1996) трагедияләрендә көчле. Шигърияттә төрки татарларның узганы – бүгенгеге баяләү өчен кулланылган идеаль модельгә, тарихи шәхесләр Колшәриф, Сөембикә, Кол Гали, Мөхәммәдъяр, Тукай һ. б. милли үзбилгеләнү, халыкка хезмәт итү символына әверелә» [3: 19]. Р. Батулланың «Жимерелгән бәхет» исемле драмасында мәсәлән, Заһидә белән Кәрим Тинчуриннарның, Әхмәров һәм Алкиннар нәселенәң гаять аянычлы язмышлары бәян ителә. Заһидә Тинчурина гаиләсенәң юк ителүе совет хакимияте алып барган сәясәткә барып тоташуы ачык текст белән әйтелә. «Вакыйга-күренешләрдә калкып чыккан төп конфликт милләтнең киләчәге өчен жан атып яшәүчеләр белән империячел-шовинистик рухлы татарга каршы көчләрнең жыйнама образы булган, рушланган татар Кара Шәүлә арасында бара» [2: 94]. Эдип вакыйгаларны Заһидә Тинчурина истәлекләре аша бирә. Биредә XIX гасыр ахыры XX гасырның 80 нче елларына кадәр халык тормышы чагылыш таба. Бу вакыйгаларны ачу максатыннан драматург өлкән яшьтәге Заһидә белән яшә Заһидәне очраштыра. Героиня барлык вакыйга-күренешләргә бүгенге көн шагыйренә сөйли. Хатирәләрдә Кара Шәүләнең гасырлар дәвамында халыкны эзәрлекләве билгеләнә. Драмада Заһидә ханым күптөрле вакыйгалары шаһиты буларак кына түгел, ә тирән фикерле, татар жанлы, көчле рухлы, зыялы шәхес буларак ачыла. 1990 еллар татар драматургиясендә тоталитаризмның кешелексез якларын фаш итү дә алгы планга чыга. И. Юзеевның «Ак калфагым төшердем кулдан...» (1990) Ф. Бәйрәмованың «Безне онытмагыз» (1988), Д. Салиховның «Чукак» (1995),

Т. Миңнуллинның «Шәжәрә» (1998) драмалары шундыйлардан. Бу чор драматургиясегә җәмгыять һәм шәхес каршылыгы да үзенчәлекле чагылыш таба. Р. Хәмиднең «Олы юлның тузаны» (1988) монодрамасында мәсәлән, буыннар арасындагы каршылык, рухи бәйләнешнең өзәлүе сурәтләнә. Нәүхәбәр әби яшәгән йорт, өй җиһазлары буыннан буынга күчеп килгән яшәү рәвешен, горейф-гадәтләргә, йолаларны хәтерләтә. «Ул ялгызлыгыннан үткәндәге хатирәләргә, истәлекләргә

ярдәмендә “котыла”. Әбинең уйлану-сөйләнүләрендә үзенен, гаиләсенең генә түгел, бөтен халыкның каршылыклы, авыр, вакыты белән фажигалә язмышы ачыла» [3: 317]. Ул ире Галимжан белән дүрт бала тәрбияләп үстерә, әмма сугышка кадәр ике кыз баласын югалта. Тормыш иптәше сугыштан авыр жәрәхәтләр белән кайтканнан соң, вафат була. Үзе исә, кешеләр арасында улы Тәфкильне ким-хур булмасын дип дип эшли. Шуңа да карамастан, автор төп сәбәпне жәмгыятьтә, яшәп килгән тәртипләрдә эзли. Тәфкил бик яшъгән колхоздагы гадел-сезлеккә, житәкчеләрнең башбаштаклыгына юлыга. Бу вакыйгалар Тәфкилнең рухи дөньясына авыр жәрәхәт сала, ул дәрәсләк юклыгына инанып, үзе өчен генә яшәү юлын сайлый. Р. Хәмид совет системасының кешәлексез якларын, жәмгыятькә үтәп кәргән рухи бушлык, мәрхәмәтсезлек, байлык артынан куу кебек әхлакый төшкәнлекләргә фаш итә. Нахәбәр әби язмышы аша драматург ата-ана каршындагы изгә бурычны үтәү, горәф-гадәтләрдәгә кешәлек сыйфатларын саклауның мөһимлеген күрсәтә, милләтнең бүгенгәсә һәм киләчәгә турында уйларга чакыра [3: 318].

Татар сәхнә әдәбиятында кешенең эчкә психологик кризисы, аның ялгызлыгы, экзистенциаль проблемалар, фәлсәфи катлам да үзәккә алына. Әлегә проблемалар Р. Хәмиднең «Олы юлның тузаны», И. Юзеевның «Гашыйклар тавы», Т. Миңнуллинның «Сөяркә», «Тәнзиләкәй» һ. б. әсәрләрдә чагылыш таба. Европа һәм рус әдәбияты йогынтысында татар драматургиясенә «явызлык театры», «абсурд театры» агымнарының үтәп кәрүе дә күзәтелә. Заман алып килгән үзгәрешләр алдында кешенең еш кына көчсез булуы, жан тынычлыгы таба алмыйча, үз-үзе һәм әйләнә-тирәдәгеләр белән каршылыкка кәрүе дә драматурглар игътибарынан читтә калмый. Төрлә әсәрдә төрлә күләмдә «ялгыз кешә трагедиясе» дип аталган сызлану фәлсәфәсә дә чагылыш таба. М. Гыйләжәвнең «Бичура», Т. Миңнуллинның «Эзләдем, бәгърем, сине», З. Хәкимнең «Мин төш күрдәм» әсәрләрендә ялгызлык, үз урынын таба алмау тирәнтен ачыла. Бу юнәлештә Т. Миңнуллинның «Тәнзиләкәй» әсәре игътибарга лаек. Пьесаның беренчә бүлегендә ялгызлыкта калган, хыял белән чынбарлык арасында саташулы халәттә яшәүче Газинур тасвирлана. Герой соңарып кына Тәнзиләнең үзе күрәргә теләгән, хыялында йөрткән кешә булмавын аңлай. Газинур сөйгәнән жан мәхәббәтә белән яратса, Тәнзилә исә, акыл белән ярата. Вакыйгалар үстерелешендә Тәнзиләнең яшәү фажигәсә, ягъни матди байлыкның бәхәт китермәвә ассызыклана. Ә. Закиржанов язганча: «Драматик хикәядә Газинур язмышы экзистенциализм (сызлану) фәлсәфәсенә нигезләнәп ачыла...

экзистенциалистлар кешенен чарасыз-ялгызлыгын гына сурәтләп калмый, бәлки яшәештәге хакыйкаткә туры карарга, тормышта үз юлынңың табарга да өйрәтә» [2: 80–81].

Г. Каюмовның «Сагынырсың әле син дә бер...», З. Хәкимнен «Шайтан куентыгы» әсәрләрендә үз юлын таба алмаган, фажигага дучар булган яшьләр язмышы урын ала. Әлеге тема һәм проблемалар М. Гыйләжевның «Төзүче, тиерче һәм бакчачы», «Бушап калган өйнең төшләре» драмаларында да күтәрелә. Буыннар арасындагы аңлашылмаучанлык, хаклыкны табарга тырышу эхлак призмасы аша үткәрелә. Рухи һәм матди кыйммәтләргә мөнәсәбәт характерларның асылын билгели. Эдипне яшь буынның дөньяга карашлары, яшәү принциплары, уй-хыяллары, мэхәббәт-дуслык хисләре кызыксындыра. Драмада сурәтләнган Рәшид, Айдар, Жәмилә, Гөлнара образлары аша драматург яшьләр арасында киң таралган эхлаксыз күренешләрнең артуын, хатын-кызларга хас гүзәл сыйфатларның югалуын, «саф» мэхәббәтнең «ирекле» мэхәббәткә алмашынуын тасвирлый. Бу мөнәсәбәтләр фажига дәрәжәсенә күтәрелә. Рухи яктан кыерсытылган кызларның берсе Жәмиленең нерв системасы какшау сәбәпле жүләрләр йортына дөвалануга озатыла.

Соңгы еллардагы әдәби-эстетик эзләнүләр нәтижәсендә драматургиядә традицион булмаган алымнар киң урын ала. Хәзерге татар әдбияты үсешендә, аерым алганда, «Яңа дулкын» дип аталган юнәлеш вәкилләре ижатында, метафорик-символик, шартлы алымнарның актив кулланылышы аерым урын алып тора. Алар жәмгыять тормышына тәнкийди карашны формалаштыруда, геройларның эчке психологик портретын тирәннән ачуда, әсәрнең төп идея-эстетик концепциясен һәм авторның дөньяга карашын ачыклауда мөһим роль уйный. М. Гыйләжевнең «Бичура», «Баскетболист», З. Хәкимнең «Кишер басуы», «Мин төш күрдәм...» әсәрләрендә мәсәлә, милли эчтәлек шартлы-метафорик алымнар ярдәмендә бирелә. Бу тенденциянең ачык чагылышын Д. Салиховның «Алла каргаган йорт», З. Хәкимнең «Жүләрләр йорты» һәм Ф. Бәйрәмованың «Вакыйга юләрләр йортында бара» кебек пьесаларында да күрергә мөмкин. Психоневрологик диспансер образы аша авторлар тарихи-ижтимагый катламны анализлай, совет чоры тоталитаризмы тәнкийт ителә. Психбольница – бу тарихи хәтерне юкка чыгару, аны үзгәртеп кору, янадан язучыны буларак та кабул ителә. Пьеса геройлары – тарихи хакыйкәтне саклап калган, ләкин система тарафыннан «иллюзияләр»гә бирелгән дип саналган затлар буларак сурәтләнә. 1990 еллардагы социаль-икътисади үзгәрешләр нәтижәсендә килеп чыккан эхлаки кризис,

кешеләр язмышына карата битарафлык кебек күренешләр «жүләрләр йорты» образы аша тәнкийт ителә. Р. Хәмид «Актамырлар иле», М. Гыйләжев «Бичура», З. Хәким «Шайтан куентыгы» пьесаларында исә чынбарлыкка бая бирү, яшәешнең кырыс каршылыкларын һәм социаль-экзистенциаль героен күрсәтү максатыннан реаль һәм мифологик дөнья күренешләренә, архетипларга, мифологемаларга мөрәжәгать ителәр. Мондый типтагы әсәрләрдә мифологик образлар кеше күңелендәге Ак һәм Кара, Яхшылык һәм Явызлык көрәшен чагылдыра» [2: 9]. Интеллектуаль драма һәм уен принципларын куллану Т. Миңнуллинның «Хушыгыз», Аманулланың «Жәйге кырау» кебек әсәрләрендә күзәтелә. Й. Нигъмәтуллина Аманулланың «Жәйге кырау», «Әлепле артистлары» пьесаларын модернистик концепция кысаларында тикшереп, драматургның яна. кызыклы зләнүләр алып баруын билгели [4: 94]. Жәйге кырау – көннәр жылына башлагач, кисәктән килгән салкын һава – яшь үсентеләрне, яңа ачыла башлаган бөреләрне юк итә. Әлеге күренеш пьесада Зөфәр язмышын аңлатучы метафора булып тора [4]. Кыю, батыр һәм сабан туй батыры егет мәхәббәтендә, гаилә коруда хаталар ясый. Зөфәр исә тормыш кыенлыкларын үтеп чыга алмыйча эчкечелеккә сабыша, сабан туге батырына бүләк ителгән ак сөлгесен аракыга алыштырырга омтыла, ахыр чиктә әлеге сөлгегә асылынып үлә.

Аманулланың «уен» алымын куллану аша халыкчан көлүгә ирешүе «Әлепле артистлары»нда кин чагыла. Комедиядә дә вакыйга 1990 елларда бара. Авыл артистлары колхозчыларга спектакль күрсәтергә телиләр Мона эзерлек һәм театр уйнау күренеше – яшәешнен мәгънәсез, хәтта абсурд хәлен күрсәтә. Бу пьесада да сәхнәдәге «уен» белән тормыш күренешләре бутала.

Әфган һәм Чечен сугышлары кебек трагик вакыйгалар да драматургиядә үз урнын алды. Мәсәлән, Ю. Сафиуллинның «Йөзек һәм хәнжәр» трагедиясендә сугыш вакыйгаларының кеше язмышларына йогынты ясавын үзенчәлекле вакыйгалар, гыйбрәтле геройлар аша сурәтли. Пленда булып, аннан психикалары бозылып кайткан Линар белән Рәсимнең әйләнә-тирәдәгеләр белән уртақ тел таба алмаулары үзәк урынна ала. Әдип, геройларның эчке дөньяларын ачуга игътибар биреп, егетләрне «чечен синдромы» телгәләвен тасвирлый. Линар образы аша яп-яшь егетләрнең психологиясенә сугышның ничек тәэсир итүен, аларны рухи яктан гарипләндерүен күрсәтә. Жимерелгән авыллар, үтерелгән кешеләр аларның жанына тынычлык бирми. Линарның йорт-жирләрен, сөйгәннен югалткан, чечен жиреннән кайткан Ханяне көчләргә омтылуы геройлар арасындагы каршылыкны

тагын да кискенләштерә. Егетнең кулында Абрекның хәнжәрен танып, Хания Линарны кылмаган жинаятътә гаепли һәм аның якты дөнъядан китүенә сәбәпче була. Әлеге хәнжәрне Линарға Роман бирүен ишеткәч, Хания ялгышлык белән кеше канын коюын аңлый һәм бу гөнаһтан арыну юлын үлемдә генә күрә. Шулай итеп, Хания дә үзә өчен фажигә белән бетәчәк «трагик» хата ясый.

Гомумән, соңгы елларда шартлылыкка, символик образ-сурәтләргә, метафорик күренешләргә игътибар аеруча артты. Драматурглар ялгызлыкка дучар ителгән, якыннары белән уртақ тел таба алмаучы, яшәешкә үтәп кәргән миһербансызлыкларга каршы тора алмаудан гажиз калган шөхесләргә әдәбият мәйданына чыгаралар. Хәзерге татар драматургиясендә исә герой төрле яклап сурәтләнә. Алар маргинал, фажигалы шөхес, маңкорт буларак тәкъдим ителәләр.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Әхмәдуллин А. Бүгенге татар драматургиясендә яңалык сулышы // Фәнни язмалар. 2007. Казан: Казан ун-ты нәшр., 2008. Б. 22–23.

2. Закиржанов Ә. Рухи таяныч. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 287 б.

3. Закиржанов Ә.М. Драматургия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р.Ф. Рахмани]. 7 т.: 1985–2000 еллар / [ф. мөх-р: Д.Ф. Заһидуллина, Ә.М. Закиржанов]. Казан: Фолиант, 2019. Б. 320–346.

4. Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. С. 132–140.

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД»

Э.Ф. Нагуманова, В.В. Родионова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье рассматривается специфика отражения исторического прошлого в романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд». Цель работы – выявить черты «нового историзма» в романе, рассмотреть, как через исторический материал проявляется советский хронотоп. На основе судьбы Деева и других персонажей произведения раскрывается соотношение ложного и истинного, злободневного и вневременного в истории человечества. Смерти и голоду автор противопоставляет гуманистическую идею веры в человека. Доказывается, что исторические условия, осмысливаемые автором как коллективная травма, оказывают существенное влияние на психологию персонажей. В романе

Яхиной границы между историческими событиями и судьбами людей размыты.

Ключевые слова: Г. Яхина, «Эшелон на Самарканд», «новый историзм», персонаж.

The article examines the specifics of reflecting the historical past in G. Yakhina's novel "Echelon to Samarkand". The purpose of the work is to identify the features of the "new historicism" in the novel, to consider how the Soviet chronotope is revealed through historical material. Based on the fate of Deyev and other characters, the relationship between the false and the true, the topical and the timeless in the history of mankind is revealed. The author contrasts death and hunger with the humanistic idea of faith in man. It is proved that historical conditions, understood by the author as a collective trauma, have a significant impact on the psychology of the characters. In Yakhina's novel, the boundaries between historical events and the destinies of people are blurred.

Keywords: G. Yakhina, "Echelon to Samarkand", "New Historicism", character.

Рассматривая произведения современных писателей, литературоведы часто прибегают к понятию «новый историзм». Методология «нового историзма» включает в себя три составляющие: «интертекстуальный анализ, который размыкает границы текста, связывая его с многообразием других текстов, его предшественников и последователей; дискурсивный анализ, который размыкает границы жанра, реконструируя прошлое как единый, многоструйный поток текстов; и наконец, биографический анализ, который размыкает границы жизни, связывая ее с дискурсами и текстами, среди которых она проходит и которые она продуцирует» [2].

А. Эткинд особое внимание уделяет соотношению истории и литературы. В текстах, где есть черты «нового историзма», читатели находятся в поиске изображения мыслей автора и актуальных для его действительности проблем. Читателям интереснее следить не за историческими событиями, а за тем, как проявляются различные чувства или эмоции человека в тех или иных обстоятельствах. В текстах не описывается реальность, художественный мир формируется благодаря написанному, а сами исторические события видоизменяются под влиянием авторской идеи.

Современный исследователь А.И. Смирнова в статье «Проза Г. Яхиной как опыт художественной реконструкции исторического прошлого и создания персональной мифологии» подчеркивает, что

рождению «замысла романа «Эшелон на Самарканд» также способствовали факты, связанные с биографией писательницы и судьбой ее деда» [1: 135]. Дедушка Яхиной в детстве был отправлен на поезде в Туркестан, где он бродяжничал, а позже вернулся на родину. В основе первого романа автора оказывается биографии бабушки. Ей было семь лет, когда ее вместе с семьей отправили в Сибирь. На острове среди Ангары бабушка писательницы прожила шестнадцать лет, а позже вернулась на родину.

Биография писателя выступает связующим звеном между историческими действиями и описываемыми чувствами персонажей. Границы повествования расширяются, что является одной из черт «нового историзма». Важно отметить, что в конце произведений всегда есть мотив возвращения на родину.

Рассмотрим более подробно, как черты «нового историзма» находят свое воплощение в романе «Эшелон на Самарканд».

В статье А.И. Смирновой говорится об антропоцентризме художественного мира Г. Яхиной. В центре произведения находятся судьбы героев. Так, в предыдущем романе «Дети мои» исторические события отражались с помощью изображения судьбы учителя немецкого языка, жившего на берегу Волги. В новом произведении автор сужает историческое пространство до изображения одного эшелона, следующего в Туркестан.

В двадцатые годы XX века стране угрожал голод. Именно об этом роман Яхиной «Эшелон на Самарканд», однако делает она это не с помощью описания самого явления, а через судьбы персонажей, через их отдельные реплики. Так, Деев в первой главе романа входит в помещение, видит стриженных наголо детей и слышит следующее: «Не впервой нам было собачатину лопать», «блоха не учует» [3: 21]. Автор не описывает последствия голода, не дает оценку событиям, Яхина только приводит отдельные факты, реплики, а выводы позволяет сделать читателю. Это подтверждается использованием многочисленных риторических вопросов, которыми задается главный герой: «Не одному же ему объясняться за нахальное вторжение?», «Или наоборот – прекрасно понимала?» [3: 20, 22].

С помощью метафоры передается влияние голода на страну и людей. Все «укутывал белый, косматым крылом волокущийся за эшелонном пар» [3: 78], ровно как и исторические события 1923 г. меняли население государства.

Происходит размывание границ между изображаемым событием и судьбой отдельного человека. В романе одна из глав («Один»)

посвящена истории мальчика. Повествование ведется от первого лица. Можно предположить, что Яхина, описывая судьбу персонажа, скрывает за ней и множество других жизней беспризорных ребят в то историческое время. Мир этого персонажа оказывается ограничен пространством дома. К примеру, ребенок, описывая свое хозяйство, отмечает, что «лошадей в мире осталось чуть» [3: 291]. Глава начинается с вопросительного предложения и короткого ответа мальчика: «Я здесь» [3: 289]. Кажется, что этим простым предложением персонаж утверждает свое право находиться и жить на Земле. Голод повлиял на семью персонажа, он лишился всех близких. И автору важны не столько причины этого явления, сколько судьба одинокого ребенка. Яхину интересуют чувства ребенка, как они меняются в зависимости от внешних событий в стране.

В центре повествования оказывается сознание героя. С помощью речевых средств, словесного оформления мыслей можно заметить, что перед нами ребенок, который видит во всем какую-то игру. Часто утверждается, что он, в отличие от других, многое способен сделать: «А я однажды победил», «А я умею», «Я все умею» [3: 289–290]. Многие предложения начинаются с личного местоимения первого лица единственного числа, которое и используют дети, чтобы показать свое превосходство над другими.

В «новом историзме», по мнению А. Эткинда, у каждого события есть свой язык, своя грамматика. И постепенно исторические действия оказываются второстепенными, мы начинаем интересоваться судьбой одинокого мальчика. Так, границы между событиями внешними и судьбой одного героя связаны друг с другом, но многое дается сквозь призму детского восприятия.

Мальчик часто употребляет выражения из мира взрослых, которые он не понимает, но они называют то или иное событие в двадцатые годы: «разверстка забрала (не знаю, что такое «разверстка», но забрала)», «И что такое «колхоз» и «продналог», которых боятся пуше смерти?» [3: 291]. В этом раскрывается одна из черт «нового историзма», указанная Д.Ю. Соловьевой, – релятивизм. Иными словами, историческая реальность существует в языковых средствах, а не в действительности.

Войны XX века также нашли отражение в рассказе ребенка. Герой описывает свое столкновение с дикими животными, называет это битвой и нумерует ее. Вторая битва была связана с холодом: «Я той ночью мерз и потел, опять мерз и опять потел – без счета» [3: 297]. Автор переносит описание исторических событий в душу персонажа,

поскольку у него внутри война, сражение ради того, чтобы остаться в живых. Если люди во время битв прячут все, берегут на экстренный случай, то мальчик хранит многие вещи в памяти, чтобы потом пересказать и передать матери.

Г. Яхину интересует не большая война между государствами, а сражение внутри одинокой души ребенка. Кольцевая композиция главы необходима, чтобы передать важность чувств героя: «Я зде-е-е-есь» [3: 300].

В романе есть еще одна история от первого лица – это рассказ и мысли Деева в пустыне о том, как он начал служить. И вновь действия происходят в вагонах, которые охранял герой. Он убивает девять человек, тех, кто пытался украсть еду. И число девять напоминает девять кругов Ада, которые описал Данте в «Божественной комедии». Другими словами, Яхина не просто отмечает факт, что то или иное событие произошло, она приводит размышления Деева. Сам герой называет себя убийцей, от осознания этого его «трясет от холода» [3: 419].

Далее персонаж рассказывает о том, как он в Казани вместе с сотрудниками эшелона кормил людей. Деев использует риторическое обращение, в высказывании присутствуют частицы, которые передают оценочное отношение героя ко всему происходящему: «Дед, они даже не разговаривали меж собой...»; «Мне хотелось их всех обнять – всех, до последнего лежачего на телеге» [3: 437]. Можно заметить, что границы между историческими событиями и судьбами людей размыты. Автору современного романа оказываются важны чувства персонажей в тот или иной промежуток времени.

Примечательно, что исторические события в сознании персонажей постоянно связаны с зимой, холодом. Кажется, это необходимо, чтобы передать именно ощущения героев, их эмоции.

В шестой главе Деев скитается по пустыни и встречает смерть. Он начинает душить ее за всех тех, с кем столкнулся на своем жизненном пути: «За тринадцать лежачих. За сорок холерных <...> За двести двадцать. Семьдесят. Восемьсот» [3: 440]. В этом отрывке приводятся различные числа, кажется, что это просто набор цифр. Но читатель понимает, что за каждым обозначением скрывается судьба конкретного человека, который оказался участником исторических событий первой половины двадцатого века. И именно это оказывается необходимым Яхиной.

А.И. Смирнова обращает внимание на название и количество глав в анализируемом нами романе. Автор подчеркивает, что в «названиях

композиционных частей закреплён вектор развития художественной концепции произведений» [1: 135]. Произведение состоит из семи глав, которые служат числовым обозначением: «Пять сотен», «Вдвоем», «Чертова дюжина», «Один», «И снова пять сотен», «Трое». Как можно заметить, некоторые цифры повторяются несколько раз. Они означают количество детей, которые погибли или попали в поезд. В это время за пределом эшелона господствует голод 1923 года в Поволжье. С помощью числовых обозначений бесстрастно передаётся количество детей, которые направляются в своеобразный Эдем – Самарканд – где, по мнению многих героев, маленькие пассажиры будут в безопасности.

Соотношение больших и малых величин (судьбы детей и историческая обстановка России того времени) отражают место персонажей в романе. Все в мире романа Яхиной подчинено этим числовым обозначениям, но за все этим скрывается множество жизней людей. Это напоминает произведение Э.М. Ремарка, в котором главный герой погибает в конце, а в это время в газетах пишут, что на Западном фронте без перемен. Но ведь погибает солдат, воин, который хотел жить, а окружающие этого не замечают, для них смерть одного человека не имеет значения.

Можно предложить, что числовое обозначение количества детей связано и с тем, как герои чувствовали себя. В романе есть описание персонажей, которых подбирают по пути в Туркестан: «Новенькие были – даже не дети, а тени детей» [3: 405]. С помощью количественной характеристики передаются все те трудности, с которыми пришлось столкнуться персонажам, прежде чем попасть в поезд.

Также стоит отметить, что благодаря числам автор почти не описывает внутренний мир персонажей. Это все скрывается за цифрами. Яхина будто бы предлагает читателю самому поразмышлять о том, что же происходит в душах детей. И это подтверждают слова Буга, обращенные к Дееву, и повторы слов: «А у тебя душа – не яблоко, а капуста: с какой стороны не подступишь – одни листья, листья, а самого главного-то, самой-то сердцевины не видать» [3: 406].

В романе Яхиной подчеркивается, что эшелон – это нечто цельное, только вначале автор рассказывает о том, как устроен поезд, из каких частей он состоит, а позже в романе это место предстает как нечто единое. Также часто эшелон называют в романе «гирляндой» из-за цветов вагонов.

Число семь имеет сакральное значение. В Библии подчеркивается, что Бог создал мир за это количество дней, а также в православии семь

смертных грехов и добродетелей. В мифологии отмечается, что имеется семь покровителей на небе и под землей, в античной мифологии эта цифра является символом Аполлона – бога красоты и искусств. Другими словами, значение этого числа разнообразно и противоречиво. Например, для мальчика Сени люди часто предстают мертвыми, а «огонь живой – всегда» [3: 290]. Путь в Самарканд напоминает путь Христа на Голгофу: мученик умрет, но через несколько дней воскреснет. В романе часто упоминается сказочный мотив победы добра над злом. Так, Деев чудесным образом после плена нашел свой эшелон: «Далеко впереди темная полоса – поезд. Вокруг муравьиная стая – люди» [3: 458].

В произведении соотношение названий и последовательности глав отражают путь к спасению, очищению и при этом к разрушению и построению чего-то нового.

Таким образом, в третьем романе Г. Яхиной эшелон становится для детей новым домом, в котором они вынуждены взрослеть. Социально-исторические события XX века влияют на их судьбы, на формирование их характера. Скорее всего, события детства останутся в сознании героев, это станет для них травматическим опытом, но автор не дает намеки на это, об этом может лишь догадываться читатель. Взрослые в романе пытаются защитить детей от внешнего мира, делают все возможное ради их спасения. Деев довозит детей до пункта назначения, и мы не знаем, что станет дальше с пассажирами поезда. Произведение показывает, как политические потрясения, голод и война могут искалечить детство, лишить его невинности и наложить неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Однако, несмотря на все ужасы, дети находят в себе силы выживать, сохранять надежду и бороться за свое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова А.И. Проза Г. Яхиной как опыт художественной реконструкции исторического прошлого и создания персональной мифологии // Филологические науки. 2023. № 6. С. 133–139.
2. Эткинд А. Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] // НЛЮ – 2001. 1. URL: Новый историзм, русская версия – Журнальный зал (gorky.media) (дата обращения: 12.04.2025).
3. Яхина Г. Эшелон на Самарканд: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 507 с.

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ МУХАМЕТСАЛИМА УМЕТБАЕВА, ОТРАЖЕННЫЕ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

М.Х. Надергулов

ИИЯЛ УФИЦ РАН (Уфа)

Башкирский ученый-просветитель и писатель XIX века Мухаметсалим Уметбаев оставил богатое письменное наследие. В эпистолярных памятниках из его личного фонда, хранящегося в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН, содержатся ценные сведения о творческих связях просветителя со многими известными деятелями науки и культуры своего времени. Большой интерес представляют его связи с И. Гаспринским, З. Расулевым, С. Якшигуловым, Х.-Г. Мухаметовым-Габаша и другими. В переписках просветителя обнаруживаются сведения также о некоторых малоизвестных поэтах XIX столетия. Эти архивные материалы могут служить дополнительными источниками при освещении жизни и деятельности отдельных известных личностей прошлого.

Ключевые слова: письменные памятники Башкирии, литературное наследие М. Уметбаева, эпистолярные источники XIX – начала XX века, творческие связи писателя.

The Bashkir scholar, educator and writer of the 19th century Mukhametsalim Umetbaev left a rich written legacy. The epistolary monuments from his personal collection, stored in the Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, contain valuable information about the creative connections of the educator with many famous figures of science and culture of his time. His connections with I. Gasprinsky, Z. Rasulev, S. Yakshigulov, Kh.-G. Mukhametov-Gabashi, and others are of great interest. The educator's correspondence also contains information about some lesser-known poets of the 19th century. These archival materials can serve as additional sources in covering the life and work of individual famous personalities of the past.

Keywords: written monuments of Bashkiria, literary heritage of M. Umetbaev, epistolary sources of the 19th – early 20th centuries, creative connections of the writer.

В истории башкирской литературы и культуры второй половины XIX века особое место занимает творчество Мухаметсалима Уметбаева. Он оставил богатое наследие во многих областях: в поэзии, публицистике, краеведении, фольклористике, лингвистике, этнографии и внес большой вклад в просвещение родного народа. Ученый

жил и работал в тесной творческой связи со многими представителями интеллигенции своего времени, в том числе с татарскими и русскими писателями, издателями и учеными-просветителями.

Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев родился 22 августа 1841 года в д. Юмран-Ибрагимово Юмран-Табынской волости Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне – д. Ибрагимово Кармаскалинского района Башкортостана). После получения начального образования в родной деревне учился в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Работал переводчиком, писарем, старшиной Кармаскалинской волости, учителем русского языка и математики в Стерлитамаке, в 1881 году переехал в Уфу, до конца своих дней, т. е. до 28 июля 1907 года, жил и работал в этом городе. Здесь он был воспитателем в приюте для мальчиков – сирот, служащим канцелярии Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, одновременно выполнял функции переводчика в окружном суде. Как ученый-исследователь в 1883 году был избран членом Оренбургского отдела Русского географического общества, стал титулярным советником и земским гласным, т. е. депутатом. В течение двух с лишним лет (1887–1889) он в качестве переводчика участвовал в работе Министерства внутренних дел России по вакуфным делам в Крыму. За заслуги перед отечеством М. Уметбаев удостоился трех медалей и ордена Святого Станислава III степени [1: 335–337].

В настоящее время его рукописи и старопечатные книги, родословные записи, фотографии, рисунки, иллюстративные материалы, письма, корреспонденции, литературные переводы из различных языков, воспоминания, путевые заметки и другие сочинения хранятся в различных фондах и хранилищах страны, в том числе в архиве Русского географического общества (г. Санкт-Петербург), в Национальной библиотеке, Национальном музее и Национальном архиве Республики Башкортостан, Доме-музее М. Уметбаева в д. Ибрагимово Кармаскалинского района Башкортостана, научной библиотеке и Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, а также в Фонде восточных рукописей Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН.

Следует отметить, что Научный архив УФИЦ РАН является самым богатым хранилищем письменного наследия ученого-просветителя. Личный фонд М. Уметбаева [4] здесь составляет 6 объемистых томов, включающих в себя 532 архивных документа. Первый том включает в себя – 235, второй том – 45, третий том – 58, четвертый том – 83, пятый том – 38 и шестой том 73 единицы хранения архивных документов.

Они написаны на разных языках: на башкирском, русском, татарском, старотюркском, крымскотатарском, турецком, арабском и персидском языках. Есть даже небольшие материалы на польском, английском и французском языках. Язык многих документов смешанный: в них традиционные старотюркские языковые элементы часто переплетаются со специфическими элементами башкирской грамматики и собственно башкирской лексикой. В 1992 году нами было произведено краткое научное описание личного фонда просветителя, которое через год увидело свет в виде отдельной книги. В 2016 году эта книга была переиздана в дополненном, исправленном варианте [3].

Преобладающее большинство документов фонда датировано XIX веком, однако есть несколько арабографических рукописей XVIII и даже XVII века. Документов, относящихся к началу XX столетия, насчитывается более двух десятков.

Из личных документов М. Уметбаева в фонде содержатся выписки из свидетельств о его рождении и смерти, копии свидетельств об учебе в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, о работе в Стерлитамакском медресе, в Оренбургском Магометанском Духовном Собрании, в так называемой «Высочайше учрежденной комиссии о вакуфах» при Министерстве Внутренних Дел России и Уфимском уездном земстве; имеется краткий «формулярный список о службе и достоинстве» и многое другое. В фонде хранятся 9 опубликованных и 4 неопубликованных публицистических статей, 5 научных статей, 1 прозаическое и 15 поэтических произведений просветителя (8 из последних не опубликованы); около десятка художественных переводов из русского и персидского языков, несколько этнографических и фольклорных записей, ученических конспектов, научно-педагогических сочинений, прошений в разные инстанции, записей по народной медицине и народному промыслу, воспоминания, рисунки и фотографии.

Письма и послания имеют место в каждом томе, а шестой том целиком состоит из корреспонденций. Сохранились 39 писем самого М. Уметбаева и 83 письма других людей: жены, сына, дочери, братьев, снохи, кума, друзей, знакомых, официальных лиц и коллег. Они написаны из самых разных мест: из родной деревни просветителя, т. е. Юмран-Ибрагимово (или Ибрагимово), городов Уфы, Стерлитамака, Оренбурга, Бирска, Троицка, Казани, Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Симферополя, Стамбула и многих других населенных пунктов. Эти письма дают огромную пищу для размышлений, способствуют освещению многих сторон жизни и деятельности

ученого-просветителя, раскрыть его творческие связи и деловые контакты, прояснить судьбу ряда неопубликованных произведений.

Помимо стихотворений самого М. Уметбаева фонд содержит более 30-и произведений других поэтов. Имеются стихи известных башкирских и татарских поэтов Абульманиха Каргалы (1782–1833), Хибатуллы Салихова (1794–1867), Сафуана Якшигулова (1871–1931), а также таких малоизвестных авторов, как Шагимурад Кулуши и Габделькабир Муниров. К примеру, о Г. Габдельмунирове можно судить из его же письма М. Уметбаеву, написанного в начале января 1899 года из д. Сикалекулево Бирского уезда Уфимской губернии. К письму, которое включено в 1-й том фонда, автором приложена стихотворная ода, посвященная М. Уметбаеву. Она написана акростихом. Если по порядку прочесть начальные буквы двухстрочных строф (бейтов), то получается слово «Габделькабир», т. е. имя автора [5: 56].

В фонде представлены 4 стихотворения («Счастье», «Ручей», 2 стиха без названия) русского поэта Александра Пустовалова, который долгие годы поддерживал дружеские связи с башкирским ученым просветителем и называл себя «личным почетным гражданином [6: 29; 7: 82об.–83]. Как пишет историк С.В. Любичанковский, Александр Михайлович Пустовалов с 1862 года по 1908 год служил статским и старшим советником Оренбургского губернского правления [2: 578].

Среди документов фонда можно найти немало интересных сведений об известных деятелях культуры прошлого. К примеру, документы № 56 и 57 из первого тома и № 15 из второго тома проливают свет на судьбу и жизненный путь видного башкирского просветителя и религиозного деятеля, основателя новометодного медресе в г. Троицке Зайнуллы Хабибулловича Расулева (1833–1917), который поддерживал тесные связи с М. Уметбаевым. В фонде содержатся 2 его письма, адресованные М. Уметбаеву. В письме, написанном 12 мая 1892 года, автор просит прислать ему 6 экземпляров новоизданного учебника М. Уметбаева для преподавательских нужд [5: 51, 53]. В письме же, написанном 17 июля того же года, З. Расулев выражает благодарность за присланные книги и сообщает некоторые сведения об отдельных личностях, с которыми был знаком и М. Уметбаев [5: 52]. Если же учесть тот факт, что в начале 90-х годов XIX века был издан учебник «Перевод сокращенного введения (в науку)» («Мукаддимат мухтасар тарджимаси»), подготовленный М. Уметбаевым, то в этих письмах З. Расулева, по всей вероятности, речь идет именно об этой книге.

В первом томе фонда хранится также письмо поэта Сафуана Якшигулова, адресованное М. Уметбаеву. Оно написано 13 июня 1901 года из деревни Новояппарово Уфимского уезда. В нем автор выражает свое глубокое восхищение деятельностью М. Уметбаева и в конце письма эти чувства передает через поэтические строки [5: 54].

В содержательном плане интересна и открытка М. Уметбаева, адресованная младшему брату Сулейману и написанная 25 апреля 1887 года в г. Севастополе. В ней автор сообщает о своем приезде в г. Симферополь и пишет, что на обратном пути намерен остановиться в г. Бахчисарае и встретиться с редактором газеты «Тарджиман» («Переводчик») Исмагилом Гаспринским [9: 52]. В письме же, написанном 8 мая 1887 года своей семье, М. Уметбаев сообщает, что 29 апреля того года съездил в г. Бахчисарай, где встретился и имел беседу с этим выдающимся крымскотатарским просветителем [9: 11].

М. Уметбаев имел тесные дружеские отношения и с известным татарским просветителем и педагогом Хасан-Гатой Мухаметовым-Габаша. Об этом свидетельствует письмо последнего от 3 июня 1890 года, где автор сообщает о том, что через почту отправил ему свои книги «Краткое повествование» («Хуласат аль-баян»), «Разум» («Аль-басират») и «Воспитанный ребенок» («Тарбияле бала») и просит М. Уметбаева прислать ему свои новые произведения. К концу письма он приложил свое небольшое стихотворение на арабском языке, посвященное башкирскому просветителю [5: 48, 57].

В первом томе фонда хранится 2 письма преподавателя из Оренбурга Камала Кутуева, адресованная М. Уметбаеву. В первом письме, сохранившемся лишь фрагментарно и написанном на русском языке, автор выражает сожаление, что не смог встретиться с ним во время своего прошлогоднего приезда в Уфу [5: 50]. К сожалению, дата написания этого письма неизвестна. Во втором письме от 4 февраля 1899 года, написанном на смешанном арабско-старотюркском языке, К. Кутуев положительно отзываясь о книге «Ядкар» («Памятки», Казань, 1897) М. Уметбаева и просит прислать ему несколько экземпляров этого издания [5: 55].

Таким образом, эпистолярные памятники из личного архива М. Уметбаева проливают свет на многие стороны культурной, литературной жизни региона конца XIX – начала XX века и могут служить ценными источниками в освещении творческих связей просветителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История башкирской литературы: в 4 т. Т. 1: С древнейших времен до начала XX века / отв. ред. Г.Б. Хусаинов. Уфа: Китап, 2012. 560 с.

2. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблемы кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

3. Надергулов М.Х. Краткое описание фонда М.И. Уметбаева из Научного архива Уфимского научного центра РАН (издание второе, исправленное и дополненное). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. 188 с.

4. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1–6.

5. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.

6. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2.

7. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3.

8. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4.

9. НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6.

УДК 82: 821.512.145

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. БАШИРОВА

(по материалам личного фонда писателя)

Л.Р. Надыршина

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

*Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ
по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024*

В статье анализируется деятельность татарского классика Гумера Баширова в области литературной критики. Изучив материалы личного фонда писателя, хранящиеся в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, автор исследования приводит условную классификацию этих трудов, определяет основные принципы литературной критики писателя. Выявляется, что ключевыми критериями оценки творчества других писателей являются новизна избранной темы, оригинальность и логическая последовательность сюжета, концентрация внимания на внутреннем мире героев, совершенство языка произведений. Данные материалы из фонда писателя являются ценным источником не только для исследователей литературно-критической деятельности Г. Баширова, но и дают некоторое представление о развитии татарской литературы и критики в XX веке в целом.

Ключевые слова: Гумар Баширов, татарская литература, советская литература, архив,

The article analyzes the work of the Tatar classic Gumer Bashirov in the field of literary criticism. After studying the materials of the writer's personal collection, which are stored in the Center for Written Heritage

at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art, the author provides a conditional classification of these works and identifies the main principles of the writer's literary criticism. It is revealed that the key criteria for evaluating the works of other writers are the novelty of the chosen topic, the originality and logical sequence of the plot, the focus on the inner world of the characters, and the perfection of the language used in the works. These materials from the writer's collection are a valuable source not only for researchers of Bashirov's literary and critical work, but also provide some insight into the development of Tatar literature and criticism in the 20th century as a whole.

Key words: Gumar Bashirov, Tatar literature, Soviet literature, archive, literary criticism.

ГОМӘР БӘШИРОВНЫҢ ӘДӘБИ-ТӘНҚЫЙДИ ЭШЧӘНЛЕГЕ: ГОМУМИ КҮЗӘТҮ (язучының шәхси фонды материаллары буенча)

Л.Р. Надыршина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИ (Казан)

*Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел
№ 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе
ярдәмендә әзерләнде*

Гомәр Бәширов – әдәбиятка 1930 елларда килеп, XX гасыр дәвамында милли прозаның үсеш юлларын сызган классик әдипләребезнең берсе, ул «татар халык ижатын туплап, эшкәртеп бастыру белән житди шөгыйльләнгән галим һәм үз чоры әдәби барышын һәрвакыт жентекле күзәтеп, баяләп барган тәнқыйтьче-остаз буларак татар әдәбиятын үстерүгә үз өлешен кертә, татар халкы арасында милли жанлы, югары эрудицияле зыялы шәхес булып таныла» [1: 52–53].

Әлбәттә, язучының шундый олы уңышка, бөтен ил киңлегендә популярлыкка ирешүе, әсәрләренең күп телләргә тәржемә ителүе, зур тиражлар белән кат-кат басылып чыгуы һәм яратып укуы (моның төп дәлиле – аңа Советлар Союзының төрле төбәкләреннән төрле милләт укучыларыннан килгән күпсанлы хатлар) табигатьтән бирелгән сәләт белән генә түгел, ә бәлки әдипнең киң карашлы, теоретик эзерлекле булуы, ижатта үз-үзенә карата һәрвакыт таләпчәнлегә, әдәби әсәр язуга эшенә гаять җаваплы каравы белән дә аңлатыла. Моны Г. Бәшировның Тел, әдәбият һәм сәнгать институты Язма мирас үзгендә сакланган шәхси фондындагы күпсанлы материаллар: әсәрләренең караламалары, публицистик язмалары, төрле чараларда ясалган чыгышларының текстлары, хатлары һ. б. ачык раслый (мең ярымнан

артык саклау берәмлеген үз эченә алган бу кыйммәтле хәзинәне Язма мирас үзәгенә 2024 елда әдипнең улы – күренекле фотограф Зөфәр Бәширов тапшырды).

Архивыннан күренгәнчә, Г. Бәширов һәр әсәрән жентекләп, зур эзерлек белән ижат иткән: шушы темага караган материалларны өйрәнгән, махсус теоретик хезмәтләр конспектлаган, язу барышында хикәя-повестьларын, романнарын кат-кат төзәткән, камилләштергән. Әдәбият катгый идеологик кануннарغا буйсынган чорда да миллилекне саклап кала алган, «халыкчан тел-сөйләм, тормышны сурәтләүдә дә, сурәтләнгән дөньяда да эстетик камиллек, матурлык идеалына йөз тоткан» [3: 233] үрнәкләр булып укучы хөкеменә барып ирешкәнчә, алар берничә вариантта ижат ителеп, әдипнең үзтәнкийть иләгеннән шактый иләнгәннәр. Әдәби ижат эшенә шулай намус эше итеп караган, чын мәгънәсендә татар сүз сәнгатенең аксакалы булып житешкән олуг зыялының әдәби барышка, замандашлары ижатына да нәкъ шулай таләпчән якын килүе бик табигый.

Гомумән, тикшеренүчеләр бик дәрәс билгеләп үткәнчә, «язучылар әдәби барышның һәр дәверендә ижатларын тәнкийди эшчәнлек белән бергә кушып, үрәп баралар» [2: 101]. Г. Бәширов очрагында да бу шулай. «Совет әдәбияты» журналының жаваплы сәркәтибе, Татарстан дәүләт нәшриятының матур әдәбият бүлгә мөхәррире, Язучылар берлегә идарәсе рәисе, РСФСР Язучылар берлегә идарәсе рәисе урынбасары вазифаларын башкару да аңа әдәби тәнкийть өлкәсендә үз сүзен әйтү зарурияте тудыра: Язма мирас үзәгендәге фондта, мәсәлән, аның Татарстан дәүләт нәшриятына килгән бер бәйләм кулъязмаларга язган рецензияләре саклана. 1930 еллар азагына караган, Н. Гайсин, Г. Кашшаф, М. Гафури, К. Әмири, Т. Гыйззәт, И. Туктар, Г. Теләш, Н. Булат һ. б. ижатларын анализлаган бу язмалар, әлбәттә, идеологик кысалардан азат түгел, әмма алар фикер төгәлләгә, жыйнаклык белән аерылып торалар, әдәби әсәрнең структур бөтенлекле, төгәл-аңлаешлы, тел-стиль ягыннан камил, эшкәртелгән, идея-проблематикасы актуаль булырга тиешлеген төп бәяләү принцибы итеп күрсәтеләр (алга китеп әйтәргә кирәк, бу критерийлар Г. Бәшировның әдәби тәнкийтькә бәйле язмаларында һәрдаим беренче планга чыгачак таяну нокталары булып калачак та). Әйттик, Н. Булатның «Тимер» дигән романына бәя биргәндә (язма 1939 елның 16 октябренә белән даталанган), ул авторның «материалны жинә алмавы» сәбәпле, әсәрнең бер кешенң бик озын итеп язылган биографиясә рәвешендә килеп чыгуын күрсәтә, «шуның белән бергә бу биографиягә автор тормышта очраганның берсә дә төшереп калдырмаса,

барысын да теркәп узарга тырышкан, эсәрнең төп кимчелеге энә шунан килеп чыга» дип билгели. Шулай ук геройларның эчке дөньясын ачуга игътибар бирмәү, вакыйгаларны өстән-өстән генә сөйләп бару, шул рәвешле «кешеләрне, вакыйгаларны аларның эчке хәрәкәтен образлар белән күрсәтеп бирмәү, ә фотографияләгән сыман, аларның тышкы күренешләрен генә теркәп бару» да эсәрнең зур уңышсызлыгы итеп күрсәтелә. Үзе геройларын тудыруда һәр детальгә игътибарлы булган, эсәрен язарга керешкәнче үк, аларның психологик портреты нинди булырга тиешлеген, хәтта гадәт-кыланышларын, сөйләшү рәвешләренә кадәр бөтен төгәллегә белән ачык күзалларга күнеккән (архивта моны раслаган материаллар бик күп саклана) әдипнең мондый ясалмалылыкны бик тиз «тотып» ала белүе гажәп түгел.

1939 елның 1 ноябрендә Н. Гайсинның «Сау бул, иркәм» дигән җыентыгына язылган рецензиясендә Г. Бәширов мәхәббәт турында язганда, вульгарлаштыру тенденциясенә авышу, бу хиснең дәрәжәсен төшерү, «арзанлы һәм хиссез юллар» белән мавыгуга карата шактый кискен тәнкыйть сүзләрен җиткерә.

Гомумән, язучының шәхси фондында сакланган бу язмалар бүгенге тәнкыйтьчеләр өчен үрнәк-өлгә булырлык классик рецензияләр санала алып иде: аларда фикер төгәл һәм дәлилле, әдәби эсәрләр сәнгати-эстетик һәм идея-проблематик яктан, структур бөтенлек жәһәттеннән объектив бәяләнә.

Фондта шулай ук Язучылар берлегендә теге яки бу эсәргә тикшерүгә багышланган утырышларда яки хисап җыелышларында Г. Бәширов ясаган чыгышлар да урын алган, алар да аның тәнкыйтьче буларак карашларын системалаштыру юнәлешендә әһәмиятле чыганаclar булып тора, хәтта тәмамланган мәкалә итеп эшләп җиткерелмичә, аерым бер әдәби үрнәкләргә бәйле «төрткәләп» куелган фикер-искәрмәләр дә игътибарга лаек (аларны бар эштә төгәллек яраткан әдип аерым папкаларга туплап-тутырып барган). Әйтик, Б. Камалов хикәяләре турында Г. Бәширов «зур темалар, зур характерлар юк; гел вак-төякләр тирәсендә әйләнә», «эчке мәгънә юк, барысы да, ни әйтсә килүе тышта ярылып ята» һ. б. дип теркәп куйган, ә инде Ә. Еникинең «Рәшә»сен «бик үзенчәлекле, кычкырып тормый, үз фикерен, үз карашын яшерә белгән, ягъни тенденциоз түгел» дип бәяләгән, шул ук вакытта, аерым кимчелекләрен дә – Зөфәр образын иҗат иткәндә төп сызыктан читкә киткәләп алу, бистә кешеләренә, яһүдиләргә бәя бирүдә беркадәр субъективлыкка керү кебек моментларны да искәрткән. Мондый характердагы искәрмәләр архивта бик күп, алар, һичшиксез, Г. Бәширов эшчәнлеген махсус өйрәнүчеләр өчен, шулай ук

аерым татар әдипләренең ижатын тикшерүчеләр өчен дә кызыклы булып дип уйлыйбыз.

Г. Бәширов фондында сакланган хатларда да язучының каләм-дәшләрә ижатына бәйле аерым тәнкыйди фикерләре, киңәшләрә, бәя-мөнәсәбәте чагыла. Г. Афзал, С. Кудаш, С. Сөләйманова, А. Расих һ. б. замандашларына язылган хатлары моңа мисал булып тора. Мәсәлән, шагыйрә Сәжидә Сөләймановага 1973 елның 29 июлендә ул аның «тирән эчтәлекле», «фикер уятучы», «жырлап торган» шигырьләре белән соклануын белдерә; Рәйсә Ишморатовага 1968 елның 20 августында язган хатында исә аның ижатына бәйле шактый тәнкыйть фикерләрен житкерә.

Язучының шәхси фондында Г. Ибраһимов, Дәрдемәнд, Тукай, Жәлил, Х. Туфан кебек каләм ияләре турында язылган күләмле очерклары, ижат портретлары да саклана. Алар, әлбәттә, матбугатта, аерым жыентыкларда инде басылып чыккан һәм укучыга барып ирешкән, шулар белән бергә бу язмаларның күбесенен каралама вариантлары да сакланып калган. Бу очеркларда Г. Бәшировның әдәбиятны тирән аңлавы, әдәби-ижтимагый күренешләргә объектив бәя бирә белү сәләте, әдәби зәвыгы тагын да ачык чагыла, ул үзе ихтирам иткән олуг шәхесләрнең ижатына хас иң асыл сыйфатларны калкытып куя белә. Язмаларның күбесе башкалада басылган әдәби журнал-газеталарда рус телендә дә дөнья күргән, шул рәвешле Г. Бәширов татар сүз сәнгатең ил киңлегендә таныту буенча да фидакарь хезмәт куйган.

Г. Бәшировның тәнкыйди карашлары нинди принципларга нигезләнә, башкалар ижатына ул нинди критерийлардан чыгып бәя бирә – язучының шәхси фондында сакланган материаллар шушы сорауларга да җавап бирә. Иң беренче чиратта, ул әсәрләрнең жанр таләпләренә җавап бирүен, төгәл, жыйнак язылуын хуп күрә. Мәсәлән, Ф. Хөснинен хикәяләр жыентыгына язылган рецензиясендә аерым бер үрнәкләрне басмадан төшереп калдырырга кирәклегә турындагы фикерен ул нәкъ менә аларның «сырт сөяге» булмау, ягъни жанр таләпләренә җавап бирерлек булып житмәве белән аңлата. «Мин үзем хикәянең нигезенә нинди дә булса бер мәгънәле эчтәлек салынырга тиешле дигән карашны яклайм», «хикәя кайбер очракларда “ничек?” дигән сорауга җавап бирмәскә мөмкин, әмма ул “нигә?” дигән сорауны беркайчан да җавапсыз калдырмый», – дип белдерә, ягъни хикәянең эчке логикасы булырга тиешлегенә махсус басым ясый.

Әдип өчен әдәби әсәрнең яңалыгы, оригинальлеге, башкаларны кабатламавы мөһим, бу хакта, мәсәлән, Л. Ихсанованың «Канатлы ышык» повестена язылган рецензия сөйли: «Әдәби әсәр язучы моңарчы

эдәбиятта булмаганны, бөтенләй яңаны ижат итү, тормышның моңарчы эдәбиятта күренмәгән яңа якларын, яңа күренешләрне күрсәтү дигән сүз бит ул. Инде әсәр элек язылган чорга һәм элек язылган вакыйгаларга нигезләнә икән, аны автор бөтенләй үзенчә, бөтенләй яңа күзлектән чыгып яктыртырга тиеш».

Вакыйгаларның тормышчанлыгы, укучыларны ышандыруы, һәр сурәтләнгән күренешнең үз мәгънәсе, вазифасы булырга тиешлеге – язучы тәнкийтендә алга куелган төп принципларның тагын берсе. Шулай ук Ф. Хөснинең әсәрләренә карата әйткән тәнкийть фикерләрендә бу як та махсус искәртелә.

Г. Бәширов геройларның эчке кичерешләрен ачу, аларның психологиясен динамикада бирү мәсьәләсенә дә бик игътибарлы, тар карашлы, ниндидер вак мәшәкәтьләр, сай фикерләрдән ары китә алмаган, характер буларак ачылып жителмәгән образларны әсәрләренң төп кимчелекләреннән санып, А. Расихның «Кыш узар», С. Рафиковның «Олы юл» әсәрләрен, мәсәлән, ул нәкъ менә шушы ноктадан тәнкийтти.

Әдип тәнкийтендә һәрвакыт игътибарга ала торган бер мәсьәлә – әдәби әсәрнең теле. Һәр рецензиясендә, һәр мәкаләсендә ул аңа махсус тукталмый калмый. Гомумән, Г. Бәширов әлегә мәсьәләгә бик җаваплы карый – шәхси архивында татар теленең диалекталь үзенчәлекләре, тел культурасы, стилистик хасиятләре буенча дистәләрсә хезмәтләрдән өземтәләр саклануы, бу хакта үзенң дә махсус мәкаләләр язуы, газета-журналларда һәм радио-телевидениедә очраган тел хаталарына мөнәсәбәтән белдереп баруы шулай сөйли. Үзе әсәрләр язганда да, әдип еш кына геройларының сөйләмә нинди булырга тиешлеге аерым кәгазь битләренә махсус сызгалап куйган, үзе сурәтләнә торган тел үзенчәлекләрен өйрәнгән. «Тел – тормышның көзгесе» дигән мәкаләсендә ул «Без, әдипләр, ягъни проза язучылар әдәби телнең хәзерге халәтенә ниндирәк мөнәсәбәткә ижат итәбез? Без шушы тиңсез кадерле байлыктан заман таләбенә, әдәбиятның хәзерге дәрәжәсенә лаек булырлык рәвештә файдалана беләбезме, шуңа сәләтебез, осталыгыбыз һәм тырышлыгыбыз җитәме?» дигән сорауны күтәреп, әдәби ижат эшенә бик җиңел караудан, «әдәби телне эстетик тәрбия бирүче көчле бер сәнгать коралы итеп түгел, бәлки кулына каләм алган һәркемнең хезмәтчесе итеп, кая таба барсаң да, ничек язсаң да – һәммәсен дә күтәрә торган карусыз бер техник чара итеп күрүдән» читләшсәң чакыра. Ижатта кабатлаулардан, алынма сүзләргә кирәксә-кирәкмәсә бирүдән, сүзгә урынсыз, мәгънәсенә төшенеп бетмичә кулланудан һ. б. качу кирәклегенә басым ясый.

Гомумән, Г. Бәшировның Язма мирас үзәгендә сакланган шәхси фондында әдәби тәнкыйть өлкәсенә караган материаллар күпсанлы һәм күптөрле. Алар язучының киңкырлы эшчәнлеген өйрәнүчеләр өчен дә, XX гасыр әдәби барышының төрле мәсьәләләре, шушы чорның аерым әдипләренен җагаты белән кызыксынучылар өчен дә кыйммәтле чыганаك булып торалар.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Абдуллина Д.М. Гомәр Бәширов // Татар әдәбияты тарихы. 8 томда. Т. 6. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. Б. 52–60.

2. Гайнуллина Г.Р. Ә. Еники һәм Г. Бәширов тәнкыйтендә Г. Ибраһимов шәхесенә караш // Наследие Галимджана Ибрагимова в контексте многообразия культур = Мәдәниятләр төрлелеге контекстында Галимжан Ибраһимов мирасы: Материалы междунар. конф., Казань, 25–26 апреля 2017 года / сост.: Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2017. Б. 100–103.

3. Заһидуллина Д.Ф. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.

УДК 82-1/-9; 82-1/29; 821.161.1; 821.512.145

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУСЛАНА ГАЛИМОВА

А.Н. Сайфуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20082,
<https://rscf.ru/project/25-28-20082/>*

Целью работы является изучение жанровых особенностей творчества Руслана Галимова, произведения которого были написаны в малопопулярной стихотворной форме верлибра. Кулуарный характер, который несёт в себе эпоха литературной жизни поэта не раскрыла всей жанровой специфики его творчества. Именно поэтому, новизна работы определяется неизученностью творчества автора. Верлибры Р. Галимова тяготеют к традициям в русской литературе – к «стихотворениям в прозе», в татарской литературе – к жанру «нэсер». Лирика Р. Галимова характерна своими неожиданными концовками, что сближает произведения автора с традиционной японской поэзией – хокку. Данное исследование значимо в раскрытии самобытной жанровой системы русскоязычной поэзии как литературы качественно нового типа, выражающей иную структуру мысли, чем система жанров национальных литератур.

Ключевые слова: Руслан Галимов, верлибр, стихотворения в прозе, нэсер, хокку, транскulturация, диалог культур.

The purpose of the work is to study the genre features of the work of Ruslan Galimov, whose works were written in the unpopular poetic form of verlibra. The behind-the-scenes nature of the poet's literary life did not reveal the full genre specifics of his work. That is why the novelty of the work is determined by the unexplored creativity of the author. R. Galimov's verlibraries tend to the traditions in Russian literature – to “poems in prose”, in Tatar literature – to the genre of “naser”. The lyrics of R. Galimova is characterized by her unexpected endings, which brings the author's works closer to traditional Japanese poetry – hokku. This study is significant in revealing the original genre system of Russian-language poetry as a qualitatively new type of literature expressing a different structure of thought than the system of genres of national literatures.

Keywords: Ruslan Galimov, verlied, poems in prose, naser, hokku, transculturation, dialogue of cultures.

Кулуарный характер, который несёт в себе литературная среда второй половины XX века в отношении национальных литератур, стал причиной, по которой этнически нерусские авторы в качестве средства творческого самовыражения стали использовать русский язык в роли средства творческого самовыражения. Важно отметить отсутствие критических статей о творчестве русскоязычных писателей, которые могли бы познакомить авторов с читателем, расставить вехи в литературном процессе, развиваемом писателями, пишущими на русском языке. Их литература была известна узкому кругу лиц. Настоящая полноценная литературная критика, пусть и немногочисленная, иногда тенденциозная появилась гораздо позже – в первом десятилетии 2000-х годов. По этой причине, творчество Руслана Абдрахмановича Галимова (1946–1982), как русскоязычного писателя татарского происхождения, долгое время оставалось вне поля внимания исследователей.

Целью работы является выявление связей лирики Р. Галимова с традициями жанров разноязычных литератур.

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды, посвящённые творчеству Р. Галимова [6; 7; 8], в которых раскрывается жанровое своеобразие верлибров автора.

На концепцию проводимого исследования оказали влияние теоретические труды, посвящённые жанровой природе «нэсер» в татарской литературе [1; 2; 14], жанру «хокку» в японской литературной традиции [4], а также исследований стихотворений в прозе в русской

литературной традиции, в которых рассматривается художественная особенность жанра как лирически фабульного произведения и «строфически организованной стихоподобной прозы» [11: 49].

Предметом исследования стал сборник произведений Р. Галимова «Странные люди» (2020), в котором лирические произведения автора явственно выражают специфику его произведений, тяготеющих к разным литературным традициям.

Литературная жизнь Руслана Галимова проходила под влиянием именитых писателей и поэтов. Среди них: Р. Рождественский, С. Евтушенко, В. Высоцкий. С последним, Р. Галимову удаётся найти общий язык. В. Высоцкий упомянет имя Руслана в одной из своих песен: «Лекция о международном положении», в которой есть куплет:

«Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли / Таланты – все при шпаге, при плаще. / Руслан Халилов – мой сосед по камере, – / Там Мао делать нечего вообще!» [5]. «Халилов» же вместо «Галимов» – простая ослышка Высоцкого.

Стихи Руслана Галимова, написанные в форме верлибра (свободного стиха), отличаются глубокой личной интонацией автора, своими неожиданными сюжетными поворотами:

«Пойду куплю себе / новые брюки / и пройдуся по улицам, / кто-нибудь да скажет: / какой грустный человек идёт» [6: 287].

Именно поэтому, композиционная структура верлибров Р. Галимова, построенная на неожиданностях и непредсказуемости, роднит его произведения с жанром «хокку» в японской литературной традиции. Хокку представляет собой трёхстишие, жанровое условие которого заключено в последней строке, предвещающей неожиданный конец:

«Стебли морской капусты. / Песок заскрипел на зубах... / И вспомнил я, что старею» [3: 110].

Расцвет жанра хокку связан с традицией дзэн-буддизма, в котором возможности озарения и ответа на насущные вопросы бытия происходят мгновенно. Что, собственно, и порождает непредсказуемость и неожиданность последней строки, содержащей основной посыл стихотворения. Также, как и произведения Р. Галимова, стихотворения в форме хокку часто предстают алогичными и абсурдными, сравним:

«Ночь. Бездонная тьма. / Верно, гнездо свое потерял – / Стонет где-то кулик» [3: 111].

«Ещё, / ещё я жив, / и девочка на шаре / ещё не потеряла равновесия. / И все вокруг застыли / в ожидании мессии. / Вы не заметили / на шаре трещину...» [6: 289].

Жанровое условие хокку – неожиданность, непредсказуемость. Первые две строки хокку отсылают нас к пейзажу, к природе, создавая параллель с душевным состоянием и переживанием автора. Последняя строка признана «приземлить» читающего от высоких духовных дум к земной и обыденной жизни. Подобную особенность последней строки мы встречаем в лирике Р. Галимова. Его лирический герой находится в состоянии душевного переживания за судьбу девочки на шаре. Предвещая спасение, лирический герой делает неутешительный вывод, оставляя читателя с мыслями о тяжелой человеческой судьбе. Перед нами предстаёт «не чисто техническое и формальное композиционное замыкание произведения, а мировоззрительная архитектоническая форма целого...» [4: 199].

Последняя строка в произведениях Руслана Галимова – стала особенностью его лирики и предстаёт практически во всех верлибрах автора.

Вот пример, когда философия одного из его стихотворений делается только последней строкой: «Думай обо всём, / что в голову взбредет <...> А мир прекрасен, / когда не думаешь о нём» [6: 294].

Автобиографичность произведений Р. Галимова посредством жанровой «концепции адресата» (М.М. Бахтин) стихотворений в прозе может быть определена через понятие интимности: доверительный и исповедальный тон, который создаётся в смысловых отношениях между пишущим и читающим. Предметно-смысловая структура стихотворений в прозе определяется как пересечение внутренней сущности человека и внешнего мира, представленный огромным целым. В верлибрах Р. Галимова происходит столкновение внутреннего начала человека и внешнего мира, представленного обществом:

«Вот и всё! / Теперь, между нами, / не только география, / но и времена года. / А мой почтовый ящик, / ещё не потеряв надежды, / каждое утро мне обещает – / а, может, завтра, завтра. / Но телефонные гудки / почему-то всё короче и короче. / Господи, я так, наверное, / забуду голос твой» [6: 308].

Поэтические опыты Р. Галимова восходят к традиции русских поэтов, пишущих верлибры. Структура верлибра определяется как «строфически организованная стихоподобная проза» [11: 49]. Лирическое произведение в основе своей всегда метрично, имеет рифму, небольшой объём. Поскольку в них отсутствует рифма, то центром семантической нагрузки становится ритм: «в лирике поэтическому герою принадлежит разворачиваемая текстом рефлексия и её эмоционально-волевая тональность, тогда как стиховая организация текста входит

в компетенцию автора...» [12: 147]. Лишённое рифмовки и строгой метрической системы, стихотворение в прозе предстаёт в повествовательном модусе, ставя в приоритет смысловое содержание и внутреннее переживание самого автора. В русской традиции к стихотворениям в прозе близки некоторые из произведений И.С. Тургенева. Например, «Чья вина?» (1878):

«И все-таки велика твоя вина передо мною. / Хочешь ты ее узнать, эту тяжкую вину, которую ты не можешь понять, которую / я растолковать тебе не в силах? / Вот она: ты – молодость; я – старость» [13].

И.С. Тургенев в этом стихотворении в прозе выражает печаль посредством ушедшей молодости и прихода старости. Неумолимое время неизбежно приводит старость «в руки» лирического героя. Скрытый мотив конфликта между поколениями явственно даёт понять, что дело не в людях и возрасте. А в сути самого времени, что подвластно природе.

Важно отметить, что: «стихотворение в прозе принадлежит одновременно двум культурам и традициям – стихотворной и прозаической, его автор использует приемы, мотивы, сюжеты и образы стихов и прозы, причудливо монтируя их в рамках одного произведения или цикла. Уже у Тургенева они имеют различную жанровую природу: здесь и рассказ, и аллегория, и басня, и притча, и сон (видение), и максима» [11: 50].

Повествовательность верлибров Р. Галимова выстраивает небольшое сюжетное пространство, в котором происходит действие. Зачастую, каждый абзац выделяется своей самостоятельностью, будто ведёт диалог со своим читателем. Лирический герой рассказывает новость или случившееся за день происшествие. Читатель словно подслушивает беседу поэта, которая наполнена внутренними переживаниями и философскими думами. Стихотворение в прозе крайне чувствительно к любому виду фальши и искусственности.

С прозиметрической лирикой Р. Галимова коррелирует жанр нэсер в татарской литературе. Жанр нэсер характеризуется как «переходная форма между поэзией и прозой формы художественной речи» [1: 519]. В науке выделяют два варианта значения понятия «нэсер»: наср – «рассыпанная речь» (проза, писание), форма художественной речи, противоположная стихам (назму – «нанизанной речи»). Одним из основных признаков нэсер как жанра исследователи считают ритмическую организацию текста. Генетически эта жанровая форма восходит к средневековым литературам Востока, в которых была распространена ритмическая проза, называемая саджем – размеренной речью,

напоминающей «воркование голубя» [2: 24]. Вместе с тем, исследователи выявляют содержательную и идейно-эмоциональную близость нэсер с формой «свободного стиха»: «Как и в “свободных стихах” пролетарской литературы в татарских нэсер этого периода преобладал возвышенный лиризм, патетика. В их центре – не сюжет, а переживания, раскрывающие отношение героя эпохи к действительности в риторической, общей, абстрактной форме» [14: 157].

В жанре нэсер было написано произведение Г. Тукая на смерть Л. Толстого «Мөбәрәк тәсбих өзелде» («Священные четки оборвались», 1910). Поэт воспользовался жанром нэсер, поскольку не мог вместить в рамки обычного стихотворения свои переживания. Несмотря на отсутствие метра и строгой рифмы, эмоциональное звучание и композиционные повторы близки к поэтике стиха. В верлибрах Р. Галимова лирические герои остаются в сетях городской суеты и обыденной жизни. Их переживания обретают романтический пафос: однажды задумавшись о высоком, они вновь падают вниз – к земному:

«Потом люди, / глядя на мою фотографию, / будут долго говорить, что я / неплохо, наверное, прожил свою жизнь: / однажды я рассмеялся у фотографа / в ответ на нелепый вопрос, / есть ли в жизни счастье» [6: 284].

Творческое своеобразие поэзии Руслана Галимова заключают в себе особенности жанров, восходящих в русской литературе к стихотворениям в прозе, к жанру хокку в японской традиционной поэзии, а также к жанру нэсер в татарской литературе. Центром создаваемой картины мира, в произведениях Р. Галимова, становятся взаимопереходы личного взгляда и обобщенного, конкретно-исторического и универсального. Его лирический герой аккумулирует в своём внутреннем мире поэтическую рефлекссию и как итог – момент постижения истины посредством автобиографичности произведений Руслана Галимова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминева В.Р. Жанр нэсер в татарской литературе 1-й трети XX в.: типология и художественные особенности // Евразийский ежегодник, Казань. 2024. С. 516–551.
2. Аминева В.Р., Мижит Л.С. Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозопозитического синтеза в татарской и тувинской литературах // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 22–43.
3. Басё. Стихи. М.: Худож. лит., 1985. 227 с.
4. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
5. Высоцкий В.С. Лекция о международном положении. URL: <https://wysotsky.com/1049.htm?442> (дата обращения: 12.07.2025.)

6. Галимов Р. Странные люди. Набережные Челны, 2020. 320 с.
7. Гурина Ю.С. «Р. Галимов: “Его не вызовут на бис...”» // Мемориальный музей Б. Пастернака Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника, г. Чистополь.
8. Еникеев И.А. Казанская русскоязычная литература (1960–2000 гг.). Казань: РИЦ «Школа», 2019. 92 с.
9. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 224–242.
10. Мижит Л.С. Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвизм и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 521–532
11. Орлицкий Ю.Б. Стих и Проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
12. Тамарченко Н.Д. Теория литературных жанров: учеб. пособие / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011. 256 с.
13. Тургенев И.С. Чья вина. URL: <https://www.culture.ru/poems/27751/chya-vina-stikhotvorenie-v-proze> (дата обращения: 13.07. 2025).
14. Халит Г. Бездә ирекле шигырь бармы? // Халит Г. Кешегә һәм чынлыкка мэхәббәт белән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 157 б.

УДК 821.512.111

СИНКРЕТИЗМ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛИЯ МАЛЫШЕВА

И.В. Софронова

ЧГУ им. И.Н. Ульянова (Чебоксары), ЧГИГН (Чебоксары)

В статье анализируется творчество чувашского поэта А. Малышева, представителя татарской диаспоры. Проживание на территории, где сосредоточены традиции чувашской дохристианской, татарской и русской культур и литератур, откладывает отпечаток на лирику поэта. В ходе исследования в композиции, поэтике произведений А. Малышева нами выявлены типологические параллели с традициями восточной литературы, творчеством А. Пушкина и чувашских поэтов. Для его творчества характерно построение композиции текста по принципу нанизывания, обрамление его предисловием и послелогом, своеобразная трактовка мотивов о несчастной любви, значение поэта и его творчества, использование фольклорных образов. В работе были применены описательный, сравнительно-типологический методы исследования.

Ключевые слова: поэзия, поэма, стихотворение, А. Малышев, фольклоризм, нанизывание, синкретизм поэтических традиций.

The article analyzes the works of the Chuvash poet A. Malyshev, a representative of the Tatar diaspora. Living in the territory where the traditions of the Chuvash pre-Christian, Tatar and Russian cultures and literatures are

concentrated, leaves an imprint on the poet's lyrics. In the course of the study in the composition, poetics of the works of A. Malyshev, we identified typological parallels with the traditions of Eastern literature, the works of A. Pushkin and Chuvash poets. His work is characterized by the construction of the text composition according to the principle of stringing, framing it with a preface and postposition, a unique interpretation of the motifs of unhappy love, the significance of the poet and his work, the use of folklore images. Descriptive, comparative-typological research methods were used in the work.

Keywords: poetry, poem, verse, A. Malyshev, folklorism, stringing, syncretism of poetic traditions.

На протяжении многих столетий народы России проживают в тесном контакте с друг с другом. Синтез культурных и литературных традиций особенно характерен для представителей диаспоры этносов, проживающих на не этнической территории. Говоря о своеобразии творчества чувашских писателей и поэтов, проживающих в Татарстане, можно сказать, что оно сформировано под влиянием сохранившихся устоев дохристианских верований, знаний о мусульманстве и христианстве, о развитии татарской, чувашской и русской культур и литератур. Оставаясь истинными чувашами, они творят на родном языке, в то же время демонстрируют особенности времени, государства, территории на котором живут. «Соединение элементов, принадлежащих к разным художественным системам, проявляется и в особенностях организации художественного текста» [1: 81] чувашских авторов.

В своих предыдущих исследованиях мы анализировали проявление восточных традиций в творчестве Г. Тал-Мрзы, Н. Шелеби, П. Хузангая, В. Ахуна, М. Сениэля, представителей татарской диаспоры. Их творчество отличается преобладанием фольклорного начала, интересом к традициям восточной поэзии, что выражается в переводческой деятельности, создании лирических произведений по восточным мотивам и использовании соответствующих жанров. В данной статье рассмотрим произведения Анатолия Меркурьевича Малышева, уроженца Буинского района Республики Татарстан в поликультурном аспекте.

В ходе анализа поэтических сборников «Върçă çăпанĕсем» («Нарывы войны», 2010), «Пус сырман шухăшсем» («Нецеремониальные мысли», 2020) нам удалось выяснить наличие восточных поэтических традиций, типологические сходства с произведениями чувашской, татарской и русской классики. Восточные традиции в творчестве поэта

А. Малышева проявляются в использовании метода нанизывания (мотивов преданий и легенд, разных пафосов), композиции жанра поэмы (предисловие, разделение на части, пролог), лирическом оформлении повествования (рассказ в стихах, повесть в стихах), воспевании родной округи.

Башкирский исследователь Р.Н. Баимов в книге «Великие лики и литературные памятники Востока» (2005) рассматривает своеобразие традиций восточной литературы. По мнению ученого, основными особенностями являются господство поэзии над другими родами литературы; синтез условного, мифологического и реалистического; создание подражаний на произведения из прошлого и т. д. «Если проза – это груда жемчужин, то поэзия – жемчужины, нанизанные на нить» [2: 12]. Перечисленные характеристики восточной литературы характерны для творчества А. Малышева.

Многие произведения А. Малышева построены согласно методу нанизывания. В его творчестве нанизываются не только поэтические обороты и художественные тропы, но и сюжеты и мотивы фольклорных преданий, сведения об исторических событиях, рисунки современной действительности. По этому принципу построены большинство лиро-эпических произведений. Сочетание традиций богатырского эпоса, сюжета топонимических преданий, традиции почитания сил природы характерно для поэмы «Авалхи тухьясен хўхлевё» («Плач старинных тухья», 2020). В произведении «Тәхәръял» («Девять деревень», 2010) рассказ об отдельных периодах истории местности (хуннских войсках; принятии мусульманства в Волжской Булгарии; набегах монгольских войск; походе князя Курбского; крещении инородцев и) сопровождается выражением оценкой повествователя. Также есть поэмы, сочетающие лирический, публицистический и патриотический пафосы: «Вәрҫә ветеранё вилсен» («После смерти ветерана войны», 1995), «Кәвакарчәнсем» («Голуби», 1999).

Произведение «Арман» («Ветряная мельница», 2020) представляет собой элегию деревянной постройке. В композиции наложены друг на друга несколько сюжетных линий: 1) судьба ветряной мельницы; 2) судьба лирического героя; 3) судьба жителей девяти деревень. Все три сюжетные линии переплетены между собой. Об истории данной местности и своих впечатлениях лирический герой рассказывает через изображение судьбы ветряной мельницы.

Повествование ведется по хронологии, оно разделено на четыре части, имеются вступление и пролог. В предисловии повествователь рассказывает о предках кочевниках, решивших обосноваться в данной

местности, построивших мельницу для своих нужд. За свою долгую жизнь мельница активно принимала участие в жизни деревни: молола зерно, а в голодные годы и бурьян, чем спасала жителей; исправно служила коллективному хозяйству; молчаливо проводила умельца мельничных дел в Сибирь на каторгу; приютила у себя оставшегося без пристанища монаха; провожала обозы с зерном и юными призывниками на фронт, юношей открывать целину в Казахстан, исследовать Сибирь и Колыму; пережила опустошение в перестроечное время. В повествование умело вплетены народные легенды и поверья о мельнице: можно призвать ветер громким свистом, там водятся особые духи: йерехи и лешие. Мельница также вовлекается в народные обряды: сюда собирается детвора послушать сказки и байки хромого мельника, молодежь устраивает посиделки.

В жизни лирического героя также мельница занимает особое место. Он дорог тем, что детвора собиралась здесь поиграть, у мельницы впервые на этом месте он в подростковом возрасте поцеловал юную девушку, мельница встретила его вернувшегося с Сибири, куда он отправился как его многие сверстники осваивать природные богатства. Посетив родные места в преклонном возрасте, лирический герой не застаёт мельницу на привычном месте. Случайный пожар сжег его дотла, а ветер развеял золу по округе.

Жители деревни пережили голод, период раскулачивания и образования коллективных хозяйств, войну, осваивание всей страной целины, разрушение коллективных хозяйств в период перестроечных реформ.

Для лирического героя мельница это память об ушедших годах, воспевание труда земледельца, колыбель народной души и словесности:

Арман гимн хывтӑр авӑрса,
Асран кайми суха пуӑне.
Вӑраттӑр, чӑрӑ вай пулса
Тӑлӑрекен чӑваш ӑсне [4: 74]

Мельница перемалывая слагает гимн,
Не забываемой сохе.
Разбудит, став новым дуновением
Задремавший чувашский ум.

(Здесь и далее подстрочный перевод
автора статьи)

Помимо преданий и легенд о мельнице в повествование вплетены и языковые особенности, связанные с мельницей. Для описания судьбы сверстников, разбросанных судьбой в разные города, используется сравнение: *арман еккиллӗ самана* (время подобное мельнице), в семантическом поле которого проявляется и значение тяжелая

доля – мельничный жернов, и крылья мельницы в значении – смотрят в разные стороны. Для создания достойного образа автор опирается на языковые, фольклорные, исторические детали.

Сюжет произведения «Кълкан аса илѣвъ» («Воспоминание ковыля», 2020) имеет типологические параллели с произведениями восточных авторов о трагической любви. Чувство возникает между молодыми людьми, которые находятся по разные стороны военных действий. Вспыхнув на мгновение, оно оставляет след в фольклоре в виде песни, при исполнении которой оплакивают юных героев. Его жанр автор определяет как *юрлав* (пение). Песня поется о трагической смерти парня и девушки, представителей разных народов, полюбивших друг друга. В повествовании описывается период монгольских завоеваний. Огромное войско разрушало все, что встречалось на его пути. Жители Волжской Булгарии решили встретить его не с оружием, а хлебом-солью, показать богатство своих обычаев. Изумленное находчивостью народа и красотой хоровода войско не решилось его погубить. Более того, молодые воины слились с участниками хоровода. Дочь одного хана успела полюбить местного юношу, что не понравилось ее отцу. В гневе он отрубает им головы, и, чтобы скрыть следы преступления, за ночь возводит курганы над их могилами.

Повествователь показывает связь времен, вводит образы приведенных. Они каждую ночь появляются на курганах. Эту же функцию исполняет образ ковыля, который в своей грустной песне рассказывает о несчастных влюбленных. Для повествователя детали старины как курган, история их происхождения значимы. В то же время есть люди, которые в порыве за богатством готовы распахать легендарный памятник природы и истории. Сюжеты о несчастных возлюбленных, судьба которых завершается трагически, традиционны для восточной поэзии. Автор применяет данный художественный прием для рассказа об образовании курганов, в то же время осуждает войну и алчность в людях.

Использование сюжетов преданий и легенд в творчестве А. Малышева не связано с фольклорным мышлением или периодом олитературивания произведений народного творчества. Поэт преподносит читателю знания о своем крае, желает сохранить их в народной памяти. При этом они не выглядят как дидактическое наставление или нравоучение. Творчеству В. Ахуна также близки фольклоризм, интерес к истории Волжской Булгарии. Его лирический герой выступает в стихотворениях *мйчаваром* (жрецом), читающим молитвы, заклинания,

рассказывающим о далекой истории народа [6]. Лирический герой А. Малышева, это старец любящий свою малую родину, знающий его историю, желающий передать свои знания молодому поколению. Его интересуют не только происходившие в далеком прошлом события, но и современность. Он, как выдавший виды старец, дает им оценку, выражает к ним свое отношение.

Значительное место в творчестве А. Малышева занимает мотив поэт и его предназначение. По характеру и значению, количеству стихотворений он обнаруживает типологические параллели с произведениями А. Пушкина. Как отмечают исследователи, данный мотив был сквозным в творчестве классика. «Стихотворения поэта проникнуты размышлениями о великом предназначении поэзии и великой роли поэта в обществе. “Глаголом зги сердца людей”, – в этих словах Пушкин видит назначение поэта, а предназначение поэзии – нести людям идеалы любви, справедливости и добра» [3: 202].

Мотив поэта и его предназначении воплощен в стихотворениях, посвященных разным авторам. А. Малышев размышляет о творчестве и значении чувашских, татарских классиков, описывает их труд: П. Хусанкай («Сиктёрмере» – «В Сиктерме»), В. Урташ («В. Урташа палăк ушă кун» – «В день открытия памятника В. Урдашу»), П. Афанасьев («П.В. Афанасьева» – «П.В. Афанасьеву»), Г. Тукай («Тукай»). Произведение «Чăваш халăх сăвафисем патне янă ушă ыру» (Открытое письмо чувашским народным поэтам», 2020) имеет типологические сходства с поэмой П. Хузангая «Шелепи шерепи» («Гроздь Шелеби», 1936). Классик в своем произведении собирает чувашских поэтов за одним столом, говорит о них добрые слова. Также и А. Малышев обращается к каждому поэту, оставившему след в истории чувашской литературы, дает оценку их произведениям. Свой рассказ он начинает с поэта Волжской Булгарии Гул Гали. Несмотря на трудности, каждый из них воспевал свой родной язык, творил на нем бессмертные произведения. Лирический герой завещает молодому поколению продолжить их славное дело.

В разные периоды истории судьба истинных талантов складывалась трагически. Они всегда являлись совестью народа, их труд можно сравнить со значением пророков. Они же в ответе за сохранение родного языка для будущих поколений. Изображая жизнь классиков, поэт высказывает мысль о том, что нередко эпоха приносит истинного поэта в жертву: В. Урташ приносится в жертву природе («Илеймен автограф» – «Не взятый автограф», 2010), Г. Тимофеев – идеям коммунизма («Персе вёлерни» / «Расстрел», 2013), М. Сеспель –

светлому будущему («Пихампар ылханё» / «Проклятье Пихампара», 2020).

Поэт описывает и муки творчества. К примеру, в стихотворении «Сăвă сурални» («Рождение стиха» 2020) представлен образ Г. Айги. На листке бумаги поэта появляются волны разбушевавшегося моря, красоты мира в виде пены, разбегаются злые духи. Написанное им слово для читателя подобно колодезной воде, солнечному теплу, куску хлеба, домашнему пиву. Поэт должен писать не только от себя, но и за тех, кто не умеет писать стихи:

Шухăшне калаймансемшён,
Хайлайман сынсемшён те [4: 34].

...За тех, кто выразить мысли
не может, складывать стихи...

Поэтому сочинение стихов – подобно священнодействию, стихотворение – это особая белая молитва.

О своем творчестве поэт говорит весьма скромно. Говорит, что *сăмах илме кивçен сўреп* (беру слова в займы), написанные беспечные стихи являются для него бесценным богатством, в то же время он пишет, что рожденное в муках творчества слово способно озарить слепого, может взволновать и старого, и молодого, оно вечно живое. Поэт сегодня и жрец, и слуга, и совесть для народа.

Типологическое сходство проявляется в использовании образа березы в стихотворении «Атте хурăнё» (Отцовская береза», 2020) А. Малышева и образа дуба в поэме А. Воробьева «Кипенек» (1974). Дерево, посаженное отцом перед уходом на фронт, в обоих произведениях ассоциируется с близким человеком. Береза весной надевает зеленую гимнастерку, зимой – белое покрывало. Осенний наряд ее горит на закате, при виде собравшихся гостей она издает шум листьями – все это напоминает поведение отца, солдата. Береза, для лирического героя – это зеленый памятник в честь отца. Такая же мысль заложена Я. Ухсаем в поэме «Шурă хурăнна каласни» («Разговор с белой березой», 1964), где молодая березовая роща символизирует сверстников, не вернувшихся с фронта. Согласно религиозным представлениям чувашей растительный, древесный мир связан с духами предков. Если в народной песне поется о том, что дуб – это отец, липа – это мать, в произведениях Я. Ухся и А. Малышева это мысль несколько видоизменена. Дуб заменен поэтами на березу, видимо из-за географических и природных особенностей.

А. Малышев в творчестве обращается к разным жанрам, жанровым разновидностям. Их названия он берет из фольклора: байит, плач, пение, рассказ охотника. Некоторые произведения имеют

в предисловии пояснение: в честь кого или какого события написано, в какой легенде встречается данный мифологический образ, или же эпилог в виде строк из народной песни, пословицы. Многие поэмы построены по принципу обрамленного повествования, имеют предисловие или эпилог, разделение сюжета на несколько частей, пролог. Наличие подобной композиции в поэмах чувашских авторов начала XX века В.Г. Родионов трактует как проявление восточных традиций [5]. Произведения А. Навои, Низами построены по такому принципу.

Таким образом, условия полилингвальности оказали влияние на своеобразие творчества А. Малышева. Композиция его лиро-эпических произведений построена по принципу нанизывания. Он сочетает сюжеты и образы фольклора с исторической и современной действительностью, разные пафосы, традиции и поверья народа. Структура poem имеет предисловие, пролог и разделение на несколько частей, что выводит на типологические параллели с произведениями восточных авторов. В использовании мотива поэта и его предназначения проявляются сходные черты со стихотворениями А. Пушкина, П. Хузангая. Олицетворение образов деревьев с ушедшими на фронт отцами типично для многих авторов послевоенного поколения. Проживание на смежной территории с другими этносами, знание о культуре региона, страны и мира повлияло и на мировидение автора. Он по-своему трактует значение мифологических образов, судьбы чувашских классиков, использует своеобразную лексику и образный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминева В.Р., Ибрагимова Л.Г. Синтетизм как явление национального историко-литературного процесса // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 80–88.
2. Баимов Р. Великие лики и литературные памятники Востока. Уфа: Гилем, 2005. 493 с.
3. Коган Л.Н. «И внял я неба содроганье...» (О философии пушкинского «Пророка») // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 201–230.
4. Малышев А. Пуҫ сырман шухăшсем. Сăвăсем, калавсем, повестьсем, публицистика. Шупашкар: Сĕнĕ вăхăт, 2020. 264 с.
5. Родионов В.Г. Чувашская лиро-эпика первой трети XX века // Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово / сост. А.Н. Лукина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 491–531.
6. Софронова И.В. Восточные традиции в лирике В. Ахуна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. №. 12. С. 77–81.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР (к постановке проблемы)

Н.Н. Старыгина, Р.А. Кудрявцева

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

В статье актуализирована проблема исследования контекстуальной поэтики национальных литератур, заявлены теоретико-методологические подходы к ней, обозначены формы представления контекстуального содержания и на материале марийской и русской литературы рассмотрены средства и приемы образования одной из форм представления такого содержания – «локального текста».

Ключевые слова: контекст, контекстуальная поэтика, формы представления контекстуального содержания, поэтические средства и приемы, актуализирующие контекстуальные смыслы и значения, «локальный текст».

The article actualizes the problem of studying the contextual poetics of national literatures, presents theoretical and methodological approaches to it, outlines the forms of presenting contextual content, and examines the means and techniques of forming one of the forms of presenting such content, the “local text,” using the material of Mari and Russian literature.

Keywords: context, contextual poetics, forms of presenting contextual content, poetic means and techniques that actualize contextual meanings and values, “local text”.

Контекст в широком смысле слова определяется как совокупность явлений внетекстовой действительности, связанных с текстом литературно-художественного произведения, «социокультурное содержание, включенное в содержание текста благодаря установленным автором связям между текстом и его социокультурным окружением, актуализирующим важные для воплощения его замысла значения и смыслы, в той или иной степени адекватно воспринятые читателем» [11: 98].

Контекст – это специфическое художественное пространство («контекстуальное пространство»), включающее контекстуальное содержание, формируемое автором в пределах его контекстуальной (культурологической) компетентности, и контекстуальную поэтику, которую следует рассматривать как сложную систему форм представленности контекстуального содержания, средств и приемов его образования в тексте.

При рассмотрении контекстуальной поэтики как системы можно выделить три её уровня. Первый уровень контекстуальной поэтики – это уровень поэтических приемов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание: аллюзия, цитата, реминисценция, антропоним, топоним, названия произведений искусства, изображение предметов интерьера, эпиграф и т. д. Второй уровень – такие поэтические средства, как символы, социокультурные и литературные универсалии, мифологемы, концепты, идеологемы, интертекстемы, образы-понятия, образы-эмблемы и др., представляющие в тексте мир общих понятий и идей. Третий уровень – это такие формы представленности контекстуального содержания в тексте, как межкультурное пространство, символическое поле, интертекст, концептосфера, «локальные тексты», авторский витальный текст (под авторским витальным текстом, или авторской витальностью, мы понимаем совокупность реалий: идей, событий, явлений, людей и пр., появление которых в тексте обусловлено жизненным опытом писателя).

Таким образом, контекстуальная поэтика писателя представляет собой систему форм представленности контекстуального содержания, образованных совокупностью поэтических средств и приемов, актуализирующих контекстуальные смыслы и значения.

Такой подход к изучению контекстуальной поэтики позволяет выстроить контекстуальную парадигму творчества писателя. Причем, наличие и взаимодействие форм представленности контекстуального содержания, как и средств и приемов, будет различным у каждого автора. Это различие определяется своеобразием авторского контекстуального пространства в целом, отдельного периода его творчества, конкретных произведений. Комплексное изучение контекстуальной поэтики дает исследователю возможность составить представление о контекстуальной компетентности, восприимчивости и развитии писателя (как и читателя).

При исследовании контекстуальной поэтики писателя первоначальной задачей является изучение поэтических средств и приемов образования форм представленности контекстуального содержания в тексте художественного произведения (межкультурное пространство, концептосфера, «локальный текст», символическое поле, интертекст и т.п.). Например, интертекстема, воплощенная в цитате, мотиве, именах персонажей, топонимах, системе образов и др., участвует в формировании интертекста.

Одной из эффективных форм представленности контекстуального содержания является «локальный текст». Семантическую и структурную

устойчивость этого текстуального явления определяет «освоенное человеком пространство» [12: 175], как правило, социокультурное. Литературоведами достаточно обстоятельно описаны такие литературно-художественные топосы и локусы в русской литературе, как усадьба, город (Петербург, Москва), провинция; в меньшей степени изучен, например, «дачный текст» в русской литературе, хотя и в этом плане к настоящему времени накоплен значительный исследовательский материал [См., напр.: 9]. В большинстве других национальных литератур изучение «локальных текстов» только начинается [см., например, в марийской литературе: 6]. Любой «локальный текст» представляет ту или иную культуру (городскую, дворянскую, крестьянскую и т. д.) как контекстуальное содержание. Актуализируя контекстуальное содержание через «локальный текст», автор оперирует символами, мифологемами, образами-знаками, образами-понятиями и другими поэтическими средствами, воспроизводящими репрезентативные для той или иной культуры смыслы и значения.

Формой представленности контекстуального содержания становятся многочисленные «локальные тексты» русского писателя Н.С. Лескова; в его святочных рассказах они являются частью рождественско-святочного культурного пространства, способствуя акцентации важнейших христианских – универсальных – смыслов [см. об этом: 10; 11].

В святочных рассказах формируются «городской текст», а именно, «московский текст» (рассказы «Зверь», «Жемчужное ожерелье»), «петербургский текст» («Привидение в Инженерном замке»), и «провинциальный текст» – это «усадебный текст» («Неразменный рубль», «Зверь»), «провинциальный городской текст» («Отборное зерно»).

Малое художественное пространство рассказа определяет и малое количество используемых поэтических приемов для образования «локального текста», а также их лаконичность. В ряде рассказов это прямые наименования локусов (Москва, Кострома – в «Жемчужном ожерелье», Орел и Кромы – в «Неразменном рубле», «Звере» и т. п.). В этих случаях контекстуальное содержание зависит от контекстуальной (культурологической) компетентности читателя. Иногда автор подсказывает читателю, в каком направлении выстраивать ассоциативный ряд. Так, в рассказе «Жемчужное ожерелье» актуальным оказывается символическое (и очень актуальное для России XIX века) противопоставление «столица – провинция», введенное с помощью воспроизведенных замечаний «покойного Писемского» [7: 3], упоминания героя-повествователя о том, что брат рассказчика приехал

из провинции и ему «надоели сплетни и вздоры провинции» [7: 5]. В рассказе «Неразменный рубль» провинциальный текст формируется через упоминание «деревня» и указания на «орловский текст»: «побывал в Орле и в Кромах» [7: 18]. «Провинциальный текст» здесь является «усадебным текстом». Жизнь усадьбы неразрывно связана с жизнью деревни, где расположена усадьба, поэтому важно указание на центр жизни прихода – «приходскую церковь». Представление об образе жизни мелкопоместного дворянства складывается из описания ярмарочного дня, упоминаний о праздничной обедне, ожидаемом чаепитии у отца Василия, о няне и бабушке. «Усадебный текст» создается благодаря упоминаниям о дворовых слугах: «няня», «девушка», «наши девушки», «ключницына дочь», «наша скотница», «кучер Константин», «башмачник Егорка». Героя-рассказчика именуют «наш барчук Миколаша».

Эффективным средством оформления и представления контекстуального содержания в святочных рассказах Лескова является мотивный комплекс (мотивы празднования, дарения, гадания, предсказания, ряжения, игры, нечистой силы, милосердия, совести, искушения и его преодоления, возрастания души, преображения, прославления и др.); его содержание обусловлено христианскими концептами, представленными образами, символами, понятиями, которые традиционно определяют содержание рождественского и святочного контекстов русской культуры.

В совокупности все краткие упоминания (называния) актуальных для «провинциального текста» явлений и мотивный комплекс создают образ мелкопоместной дворянской социокультурной среды, где царят патриархальность, семейственность, родственность, доброжелательность, неспешность и несуетность. Дворянская культура предстает как многослойная, охватывающая все сферы и стороны жизни русского помещика: культура быта, культура ведения хозяйства, праздничная культура, культура воспитания детей, культура взаимоотношений между людьми, культура сословий (дворянство, духовенство, крестьянство). Образ дворянской социокультурной среды вполне гармонирует с рождественским и святочным контекстуальным содержанием, в котором утверждается значимость христианских ценностей и идеалов, противопоставляется суэта как обольщение материальными благами и духовное возвышение и единение, основание на вере в Бога.

В лирике современного марийского поэта Зои Дудиной важными текстовыми элементами «сернурского текста» («деревенского текста») – как формы представления контекстуального содержания –

становятся топонимы и антропонимы (упоминаемые в тексте имена) и связанные с ними пространственные и персонажные образы, выражающие не только авторскую аксиологию, но и создающие контекст «марийского мира», «символически целостное пространство культуры» [1: 3] (язык, религия, мифология, философия, обрядовая и устно-поэтическая культура народа мари).

Обобщающий топоним «сернурского текста» – это Шернур (марийское название Сернура, районного центра Марий Эл), который в сборнике Дудиной «Обрадовалась, обняв берёзу...» представлен в названиях стихотворений («Шере нур – Шернур» – «Сладкое поле – Сернур», «Шеремет Шернур» – «Хожёный Сернур») в отчётливо позитивной коннотации (Сернур чрезвычайно дорог и любим автором, ибо это нечто очень родное, знакомое и близкое), которая в основном тексте стихотворений чаще всего создается притяжательными формами топонима (Шернурем, Шернурышком): *«Вес тыгай Шере нурым ом пале, / Муй вудан, муй шудан Шернурем!»* [2: 13] (Другого такого Сладкого поля в мире не знаю, / С медовой водой, с медовой травой мой Сернур! [Подстрочный буквальный перевод цитат с марийского здесь и далее везде наш. – Р.К.]) и игрой с марийскими словами, созвучными слову «Шернур»: *шере* (сладкий, а также в переносном значении приятный, радость [8: 106]) – *шеремет* (шерем, шерын коштмо вер – старые хожёные места; кроме того, шеремет при употреблении в качестве междометия может быть формой выражения восторга, удивления [8: 107–108]) – *шеремда* (шеремдаш – подслащивать, умилять) – *шер* (бусы, бисер, пульс, потребность / желание). Выражение *«шеремда шерем»* (букв. подслащивает мои желания), используемое в стихотворении «Шочмо ял» (Родная деревня) и относящееся к Купсоле, родной деревне автора, созвучно по обобщённому образу «Шеремет Шернур» (Сладкий Сернур), находится в том же контекстуально-смысловом поле: *«Шочмо ялын ямже / Шеремда шерем. <...> Шеремет Шернур гоч / Купсолаш мием»* [2: 15] (Красота родной деревни / Делает сладким настроение. <...> Через хожёный Сернур / Иду в Купсолу).

В стихотворении «Керемет корем воктене...» (У Керемет-оврага) возникает образ реально существующего Керемета-оврага (Керемет корем), ассоциированный с мифологическим мировоззрением народа мари и окрашенный мифопоэтикой Дудиной. Керемет (Кереметь) в марийской традиционной мифологии бытовал «в разных значениях – это могли быть и злые духи, и предки-прародители, и антипод Кугу-Юмо – верховного бога» [4]. А Керемет корем – это ороним

культового происхождения, состоит из апеллятива корем «овраг» и атрибута *Керемет* «языческий бог, злой дух» («овраг злого духа» [3]). Поэтому упоминание имени этого божества априори вызывало у мари чувство страха и тревоги; и мари никогда не забывал помянуть его, умилившись в случае с проблемами.

Неотъемлемую часть «сернурского текста» составляют реальные люди, значимые в марийской истории и культуре и в жизненном опыте самого поэта, – это сернурские земляки Дудиной, с каждым из которых так или иначе по жизни был связан автор (они образуют в сборнике «Обрадовалась, обняв берёзу...» авторский витальный текст), они вписаны в географические реалии и топографические образы основного и рамочного текстов. Так, два стихотворения – «Луи модмо вер» (Место, где играет куница) и «Кырлан эрык мурыжо» (Свободная песня Кырлы) – посвящены марийскому поэту Йывану Кырле (уроженцу Купсолы). В первом стихотворении лирическая героиня пытается угадать (понять) дорогу к тайному месту в природе родного края, где куница играла и которое сыграло важную роль в рождении творческой личности её знаменитого земляка: «*Лопка Памаш. Йошкар Памаш дек / Луктеш айдемым Шемкожер. / Эн тамле Шере нур ужаргыш, / Кожла йолгорно – сип-чевер*» [2: 18] (Лопка Памаш. К Йошкар Памаш / Выводит человека Черный ельник. / Зазеленело самое вкусное Сладкое поле, / Дорога по ельнику – чащоба-красота). Поводом для написания второго стихотворения стал фильм с участием Йывана Кырлы, который вернулся к себе на родину в роли Мустафы, с хорошо знакомой автору песней об играющей кунице. Эта история стала поводом для осмысления трагической судьбы поэта и для выражения восхищения его свободной песней и свободной личностью.

В подзаголовке-посвящении стихотворения «Кукнур – йöратыме элна» (Кукнур – любимая страна) упоминается имя Валерия Мочаева, известного марийского общественника, осмысленного автором в контексте обобщенного образа сильных, почитающих своих предков и оберегаемых ими кукнурских мари (от их имени говорит Дудина), для которых Кукнур – это «*чон рüдö кумылна*» (главное вдохновение сердца), «*куан ден ойгына*» (радость и печаль), «*ача ден авана*» (родители), «*Латшым ияш чевер танна*» (красивый 17-летний жених), «*йöратыме ялна*» (любимая деревня), «*йöратыме элна*» (любимая страна – в значении целый мир, особая любимая страна).

Стихотворение «Лужалу» приурочено 100-летию Шабдара Осыпа. Многократно повторяя слово «Лужалу» (Шабдар Осып родился в Малой Лужале) и играя однокоренными словами, Дудина обозначает

драматические и трагические моменты в жизни этого известного марийского писателя и литературоведа: «*Лужалу – чонемлан лужа лук, / Тыште лийын Шабдармытын кук*» [2: 55] (Лужалу – моей душе, как главный уголок, / Здесь было родовое гнездо Шабдаров); «*Садеран, куд суртан Лужалуш / Кызыт толын, йолташым ом му*» [2: 55] (В Лужалу, с садами, из шести домов, / Приехав сегодня, не нахожу друзей); – «*Лужалу, лийынат тулыклан / Ачийжат, авийжат, шўмбелжат*» [2: 55] (Для сироты, Лужалу, ты стала / И его отцом, и матерью, и любимой); «*Лужалу лийын шўм-чон аймак*» [2: 55] (Лужалу был, как праздник души); «*Ну, кузе, Лужалу, чытыман, / Кунам эргыч йорлеш чытырналт?*» [2: 55] (Ну, как, Лужалу, вытерпеть, / Когда сын твой с содроганием падает?); «*Лужалу – чонемлан лужа лук... / Тыште тынысым чонлан ом му...*» [(2: 55 (Лужалу – моей душе, как главный уголок, / Здесь не найду покоя душе...)).

Драматические моменты биографии Шабдара Осыпа переданы с помощью достоверных деталей (он родился в бедной крестьянской семье, в четыре года остался без матери, из-за бедности окончил лишь двухклассную школу; был репрессирован в сталинскую эпоху). Многократно повторяя топоним, автор убеждает читателя в том, что деревня Лужалу вместе со своим талантливым «сыном» пережила все его беды и его борьбу за правду, помнит и ценит его добрую и честную душу: «*Поро акылым куш чыкыман, / Кунам чын тошкалтеш шырпешталт?*» [2: 55]) (Куда деть добрый разум, / Когда правда разбивается вдребезги?).

Приведем еще ряд антропонимов и связанных с ним мотивов «сернурского текста», формирующих контекстуальное содержание лирики Дудиной: сернурские вышивальщицы Л. Веткина и Н. Маркина (их имена обозначены в посвящении к стихотворению «Марийка»; в поэтическом мире Дудиной они закрепляют мотивы «марийскости» и верности культурным традициям народа: «*Мый кугезе кован тўрым пўшкыл, / Маривате улмем ончыктем*» [2: 60] – «Я, прокалывая вышивку прабабушки, / Показываю, что я марийка»); Зинаида Ермакова, заслуженный учитель Республики Марий Эл, учитель марийского языка и литературы Марисолинской школы, в которой училась Зоя Дудина, наставник ее творчества (её образ заявлен в посвящении к стихотворению «Песня учителя», написанном от её имени – как песня-наставление потомкам; в нем звучат мотивы самоотверженного служения детям, творчеству, родному народу, его будущему, сохранению марийского языка: «*Мый сугыньлем Марий Элемлан / Марий лўман илен кодаш*» [2: 61] – «Я желаю своему Марийскому Краю /

Выжить с марийским именем»); З.А. Шабалина, первая учительница автора (названа в подзаголовке стихотворения «Навечно любимое время»; подзаголовок предвосхищает смысловую и стиливую направленность стихотворения – воспоминание о прекрасной поре детства и юности, рожденное образом любимого учителя); Любовь Купсольцева, известная марийская театральная актриса, родившаяся в Купsole, известная марийскому зрителю своими проникновенными лирическими песнями, что, собственно, и стало предметом размышлений Дудиной в стихотворениях «Родилась я, чтобы петь...» (имя актрисы указано в посвящении к стихотворению; произведение построено как исповедь актрисы, а главенствующий мотив в нём – это самоотверженное следование природному дару и служение своим зрителям) и «Любови Купсольцевой» с заглавием-посвящением; Маргарита Медикова (уроженка деревни Шүргыял, народная артистка Марий Эл и заслуженная артистка России), имя которой названо в посвящении к стихотворению «Яркая искра «Майатула», её творческий дар автором назван божественным, а для выражения исключительной артистической мощи Маргариты Медиковой автор обращается к мифопоэтическому образу «майатул», трактуя его как костер в сердечном очаге («*Чон возакысе тулотым...*» [2: 66]); Василий Павлов, осмысленный автором как марийский самородок, живший интенсивным творчеством и сгоревший в творческом огне; И. Бердинский (марийский поэт, уроженец деревни Тумерсола Сернурского района) представлен в эпиграфе к стихотворению «Сладкое поле – Сернур» со словами «Шере кумыл – Шернурем...» (Сладостное настроение – мой Сернур...), созвучными по языковой игре и символике ключевого образа «сернурского текста» Дудиной.

Неотъемлемой частью сернурского мира для Дудиной является Н. Заболоцкий – знаменитый русский поэт, чье детство прошло в сернурских местах. Он обозначен в эпиграфе стихотворения «А йӱдвелне, эр кече лекмаште...» (А в ночи, где утреннее солнце выходит...) – как автор цитаты «Я воспитан природой суровой...» [2: 23]. У Заболоцкого (в рамочном тексте) – «суровая природа» и благодарность поэта холодному краю, воспитавшему его; в основном (дудинском) тексте стихотворения – та же благодарность, но все проникнуто необыкновенным теплом, добром и счастьем, которые дарят человеку родная (родовая) природа и родная деревня: «*Шочмо верыште тые от кылме, / От сӱсане, от тунг чатламаш*» [2: 23] (В родном месте ты не мёрзнешь, / Не знобит, не застынешь в трескучий мороз).

Таким образом, «сернурский текст» Дудиной – это деревенское пространство, край предков, марийский мир; он презентует идею «слиянной» жизни (наяву, в памяти, воспоминаниях) лирической героини с марийским миром, с естественным миром природы, что является принципиально важным для марийского народного бытия и сознания. Основные средства контекстуальной поэтики (топонимы, имена персонажей, пространственные образы, мифологемы, словесная игра, мотивы, художественные детали, рамочные компоненты и др. [см. о них подробнее: 5]) представляют контекстуальное содержание (марийское национальное культурное пространство, его ключевые ценности и смыслы) и открывают авторскую концепцию мира и человека, проникнутую уважением к народно-мифологической культуре и родовой памятью, их рефлексией в современности.

Итак, контекстуальная поэтика, важнейшими элементами которой являются «локальный текст» как форма представления контекстуального содержания и многочисленные поэтические средства и приемы как способы его образования были и остаются актуальными в национальных литературах России. Так, используя многочисленные средства локального текстообразования (упоминания, описания, перечисление; мотивный комплекс, социокультурные символы, образы-символы, сюжетные ситуации и др.), русский писатель XIX века Н.С. Лесков дает представление о городской и провинциальной культуре, о многослойной дворянской (усадебной) культуре XIX века, а современный марийский поэт Зоя Дудина с помощью интертекстем, воплощенных в именах персонажей, топонимах, системе пространственных и персонажных образов, мотивов представляет контекстуальное содержание, связанное с марийским деревенским миром и национальными культурными кодами народа мари. Само собой разумеется, представленное контекстуальное содержание воспринимается читателем XXI столетия с присущими ему контекстуальной (культурологической) компетентностью и восприимчивостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Межд. науч. конф. / под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2014. 338 с.
2. Дудина З. Кум томан ойпого. Икымше том: Куанышым, куэм ондал. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета, 2012. 464 с.
3. Керемет корем // Топонимика Республики Марий Эл. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict-p?id=274584&letter1=к&letter2=е> (дата обращения: 30.06.2024).
4. Кереметь // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кереметь> (дата обращения: 30.09.2024).

5. Кудрявцева Р.А. «Сернурский текст» в лирике Зои Дудиной // Litera. 2024. № 10. С. 13–30. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71948 (дата обращения: 10.10.2024).

6. Кудрявцева Р.А., Старыгина Н.Н., Крылова О.С. Локализация пространства как способ организации художественного текста (на материале русской и марийской литературы): коллект. монография / Мар. гос. университет; сост. Р.А. Кудрявцева; науч. ред. Н.Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2025. 162 с.

7. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. / сост. и общ. ред. В.Ю. Троицкого. М.: Правда, 1989. Т. 7. 464 с.

8. Словарь марийского языка. Том IX: Ш, Щ / МарНИИЯЛИ; сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2004. 520 с.

9. Старыгина Н.Н. «Дачный» текст в романе «Обыкновенная история» И.А. Гончарова // Материалы 5 Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. русских и зарубежных авторов / сост.: И.В. Смирнова и др. Ульяновск, 2012. С. 88–97.

10. Старыгина Н.Н. Локальный текст как форма представленности контекстуального содержания (на материале святочных рассказов Н.С. Лескова) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Междунар. науч. конф. (Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.) / под ред. П.В. Алексеева: в 2-х т. Т. 2. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 55–64.

11. Старыгина Н.Н. Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н.С. Лескова // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 5 (158). С. 98–104.

12. Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 606 с.

УДК: 821(=512.1)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ И МУСТАФА ЛЮТФИ ИСМАЙЛОВ-ШИРВАНСКИЙ

Т.М. Талибова

Институт литературы имени Низами Гянджеви НАНА (Баку)

В статье представлена краткая биография выдающегося азербайджанского педагога, поэта, журналиста, редактора, издателя и общественно-политического деятеля Мустафы Лютфи Садреддин оглы Исмаилова-Ширванли (1876–1939), на протяжении многих лет проживавшего в городе Астрахань. Он внес исключительно значимый вклад в развитие образования и культуры среди мусульманского населения региона: открыл новые школы для девочек и мальчиков, внедряя инновационные методы обучения, а также организовал выпуск газет на татарском языке в Астрахани.

Впервые в этой статье освещается оценка, данная знаменитым татарским поэтом Габдуллой Тукаем (1886–1913) газетной деятельности

Мустафы Лютфи в Астрахани, а также представлены сведения об аспектах их взаимных отношений.

Ключевые слова: Мустафа Лютфи, Габдулла Тукай, поэт, татарская печать, просветитель.

The article presents a brief biography of the outstanding Azerbaijani teacher, poet, journalist, editor, publisher and public and political figure Mustafa Lutfi Sadreddin oglu Ismailov Shirvanli (1876–1939), who lived in the city of Astrakhan for many years. He made an exceptionally significant contribution to the development of education and culture among the Muslim population of the region: he opened new schools for girls and boys, introducing innovative teaching methods, and also organized the publication of newspapers in the Tatar language in Astrakhan. For the first time, this article highlights the assessment given by the famous Tatar poet Gabdulla Tukay (1886–1913) of Mustafa Lutfi's newspaper activities in Astrakhan, and also provides information about aspects of their mutual relations.

Key words: Mustafa Lutfi, Gabdulla Tukay, poet, Tatar press, educator.

Во второй половине XIX века выдающийся просветитель Азербайджана Гасан бей Зардаби, в условиях колониального режима царской России после продолжительной борьбы среди мусульманского населения, впервые добился издания газеты на родном языке – «Экинчи». Первый номер газеты вышел 22 июля 1875 года в Баку, положив начало формированию национальной печати в Азербайджане.

Газета, имевшая ежемесячный тираж 300–400 экземпляров, просуществовала недолго – всего было опубликовано 56 номеров. Причиной её кратковременного существования стало стремление использовать печатное слово для просвещения народа, преодоления религиозного фанатизма и невежества, распространения правовых знаний, пропаганды прогрессивных идей и содействия образовательному росту населения. Подобная просветительская направленность вызывала серьёзное беспокойство у царских колонизаторов, что в конечном итоге привело к официальному прекращению издания. В сентябре 1877 года правительством был издан указ о закрытии газеты.

Несмотря на короткий срок существования, газета «Экинчи», занявшая почётное место в истории тюркскоязычной печати, стала значительным событием в истории культуры Азербайджана и других тюркских народов, находившихся под колониальным гнѐтом. Издание сыграло важную роль в формировании мировоззрения прогрессивной интеллигенции и внесло значительный вклад в культурное пробуждение. «Семена мысли и идей», посеянные ею, вскоре дали плоды:

в различных регионах, населённых тюркскими народами, прогрессивные деятели начали проявляться начали появляться инициативы, направленные на создание периодической печати на родных языках. Особенно активную роль в этом процессе сыграли представители татарской интеллигенции. Впрочем, путь этой борьбы был нелёгким. Татарская печать также прошла сложный, но самобытный путь становления и развития. На раннем этапе издавались преимущественно нелегальные газеты, отпечатанные гектографом, такие как «Иттифак» (1902–1905) и «Хюррият» (1905). Первым татарским периодическим изданием стала газета «Нур», основанная, издаваемая и редактируемая Г. Баязитовым, выходившая в Санкт-Петербурге с 2 сентября 1905 года по 22 июня 1914 года [12: 3–4].

В просвещении тюркских народов и мусульман, проживающих на территории Татарстана, в становлении издательской деятельности газет и журналов, а также в развитии печати, наряду с представителями интеллигенции других тюркских народов, значительную роль сыграли и азербайджанские просветители. Одним из них был выходец из Ширванского региона Азербайджана – преподаватель, поэт, журналист, публицист и выдающийся просветитель Мустафа Лютфи хаджи Садрадин оглы Исмаилов (Ширванский), который в Астрахани основал, издавал и редактировал такие газеты, как «Бурхани-таракки» (1906–1911), «Химмият» (1907–1908), «Мизан» (1908–1909) и «Хакк» (апрель – июль 1911).

Мустафа Садрадин оглы Исмаилов родился в 1876 году (в свидетельстве, выданном Закавказским суннитским духовным управлением – в 1873 году) [8: 285] в городе Шемаха Бакинской губернии в зажиточной купеческой семье, занимавшейся торговлей восточными коврами. Он был пятым ребёнком в семье. В связи с тем, что Шемаха являлась культурным центром исторического Ширвана, он принял литературный псевдоним «Ширвани». В источниках его полное имя указывается как Мустафа Лютфи хаджи Садрадин (по-русски – Садрадин) оглы Исмаилов Ширванский. В Турции он известен под именем Мустафа Лютфи Азер [1]. Брат Мустафы по имени Исмаил жил с ним в Астрахани, тогда как два других брата – Шыхмамед и Шамсадин, а также сестра Хаджар ханум – проживали в Шемахе [8: 285]. Отец Мустафы, хаджи Садрадин эфенди был известным просветителем своего времени. Он был последователем одного из духовных лидеров движения мюридизма на Кавказе – шейха накшбандийского тариката, известного как Исмаил Курдемири, или Исмаил Ширвани (Исмаил Сираджаддин Ширвани) [2].

Согласно турецким источникам, имя матери Мустафы – Сафураханум [5: 241], в то время как в русских источниках имя его супруги указано как Салер Эдинди кызы (в источнике ошибочно записано как Эдинди Кази – Т. Талыбова) Эминова, а имя его сына приводится как Махилид [7].

Начальное образование Мустафа получил в 1899 году в Шемахе, в медресе своего отца, хаджи Садраддина эфенди. Здесь он глубоко изучал турецкий, арабский и персидский языки, а также получил светское образование. По завершении обучения в медресе, в 1901 году он окончил частное окружное училище в Шемахе.

С целью продолжения религиозного образования в 1903 году Мустафа отправился из Шемахи в Стамбул, где стал учеником дагестанского Абдулфаттах-эфенди в медресе Фатих (в 1903–1905 годах). В 1905 году он завершил образование в Стамбульском Дарюль-муаллимине и направился в город Астрахань, входившую в состав Российской империи. Вскоре после прибытия в Астрахань его отец скончался.

В Астрахани Мустафа Лютфи начал заниматься торговлей коврами и ковровыми изделиями, для чего открыл магазин, который фактически управлялся его братом Исмаилом.

Прибытие Мустафы Лютфи в Астрахань совпало с событиями Первой русской революции (1905–1907 гг.), и он активно включился в политическую жизнь. Вступив в Конституционно-демократическую партию (кадетов), он оказался в самом центре политической активности.

Владевший помимо азербайджанского также арабским, персидским, татарским и русским языками, Мустафа Лютфи быстро наладил контакт с местным мусульманским населением. Воспользовавшись возможностями, провозглашённой Манифестом российского императора от 17 октября 1905 года, он 26 ноября того же года основал в Астрахани мусульманское культурно-просветительское общество под названием «Шурай-Ислам Меджлиси» (Совет Ислама). Благодаря своей активной общественно-политической позиции, в конце 1905 года М.Л. Исмаилов стал одной из самых влиятельных фигур среди мусульманской буржуазии и интеллигенции города. В том же году он был избран делегатом на Первый Всероссийский мусульманский съезд, запланированный к проведению в Санкт-Петербурге, совместно с такими видными представителями мусульманской буржуазии, как Х. Давлекамов, В. Таначев и К. Ходжаев. Однако, прибыв в город 8 января 1906 года, они узнали, что правительство не выдало

разрешения на проведение съезда, и были вынуждены вернуться в Астрахань [8: 286].

По возвращении в город М.Л. Исмаилов продолжил активную работу по организации «Шурай-Ислам Меджлиси» и 9 октября 1906 года добился утверждения Устава общества губернатором Астраханской губернии. Помимо него, инициативу создания общества проявили ещё 12 представителей мелкой и средней буржуазии города. В результате общество объединило 250 членов из указанных социальных слоёв [9: 26].

В 1906 году с целью реализации идей «Шурай-Ислам Меджлиси», а также для освещения событий в стране и расширения просветительского движения Мустафа издаёт общественно-политическую еженедельную газету «Бурхани-таракки» («Борһане тәрәккый»). Издание выходило с мая 1906 по февраль 1911 года, за этот период было опубликовано 266 номеров. Мустафа Лютфи был издателем и редактором этой газеты.

Одним из наиболее значимых вкладов Мустафы Исмаилова в развитие мусульманского общества Астрахани стало его участие в просвещении молодёжи. В этой связи при «Шурай-Ислам Меджлиси» он открыл школу «Дарюль-эдеб» («дом литературы», «школа литературы») и школу для девочек – «Нумуне-и теракки». Обе школы находились под его непосредственным руководством. Деятельность этих учебных заведений основывалась на принципах джадидизма, что вызвало негативную реакцию со стороны местных властей и стало причиной преследований в его адрес. Оппоненты также обвиняли его в публикации в газете «Бурхани-таракки» статей с антигосударственным содержанием и оскорблением мусульманского духовенства.

В материалах газеты освещалась не только общественно-политическая жизнь Астрахани, но и деятельность созданного Мустафой благотворительного общества «Шурай-Ислам Меджлиси», публиковались годовые отчёты общества. Также в газете сообщалось о мероприятиях и планах школы «Дарюль-эдеб», которой он руководил. На страницах издания регулярно печатались художественные произведения и поэтические образцы, в частности стихи С. Али и Д. Джаббарова, имитировавшие стиль творчества Габдуллы Тукая. Кроме того, газета «Бурхани-таракки» вела активную полемику с конкурирующим изданием – «Идель».

Общественно-политическая и литературная газета «Идель» («Волга») выходила с 26 июля 1907 по 27 января 1914 года с периодичностью 2-3 раза в неделю, за это время было выпущено 623 номера. Она

была основана при обществе «Джамият-и Исламийе», которое придерживалось оппозиционной позиции по отношению к «Шураи-Ислам Меджлиси». Первым редактором и издателем «Иделя» был Захидулла Шаруфуллин. После его отъезда в 1910 году в Казань, газета возобновила издание под редакцией Габдулрахмана Гумерова (Гумари). Во время его редакторства соперничество между «Бурхани-таракки» и «Иделю» обострилось. Вместо консолидации усилий во имя общего дела – развития культуры, образования и просвещения мусульманского населения – обе редакции вступили в острую идеологическую и редакционную борьбу [10: 175–178]. Основные разногласия между изданиями были обусловлены конфликтом между поддерживающими их общественными организациями, что нашло широкое отражение на страницах соответствующих газет.

Создавшаяся атмосфера враждебности вызывала обеспокоенность среди прогрессивной части татарской интеллигенции. Одним из тех, кто не остался безучастным к данной ситуации, был выдающийся татарский поэт, публицист и редактор Габдулла Тукай. В 10-м номере своей газеты «Яшен» от 2 сентября 1910 года он опубликовал стихотворение «Канд мандлары» («Деревенские песни (первая часть)») под псевдонимом «Шүрәле», в котором критиковал газеты «Бурхани-таракки» и «Идель», аллегорически сравнив их с «петухами, бросающимися друг на друга».

«Приемнын, ай, ишеге тар ләхеттән тар икән;
Эчтерханда “Борһан”, “Идел” – ике этәч бар икән».

Кроме того, журнал «Ялт-Ялт», с которым сотрудничал Габдулла Тукай, в своем 4-м номере от 23 июня 1911 года выразил свою позицию по поводу конфликта между газетами с помощью карикатуры. На обложке журнала была изображена сцена поединка двух петухов с распушенными перьями, отсылающая к стихотворению Тукая и олицетворяющая вражду между двумя изданиями.

Публикации Мустафы Исмаилова, как редактора ряда других газет, также нередко вызывала критику. Одна из газет, выпускаемых им, называлась «Хак» («Истина»). Газета выходила с апреля по 1 июля 1911 года и за этот период выпустила 20 номеров. Несмотря на либерально-буржуазный характер издания, на ее страницах публиковались статьи, посвященные деятельности городского самоуправления, жизни татарского населения в регионе, а также вопросам развития культуры и просвещения [12: 139]. Газета также предоставляла место и произведениям татарских писателей. Тем не менее, язык газеты,

как и других изданий Исмаилова – «Бурхани-таракки» (1906–1911), «Ғимият» (1907–1909), «Мизан» (1908–1909), – вызывал критику со стороны части читающей публики. Из-за недостаточного владения татарским языком Мустафа Исмаилов использовал смешанные языковые формы – сочетания азербайджанского и татарского, либо турецкого и татарского языков. Будучи тюркистом, он в газетных публикациях призывал к тюркизации татарского литературного языка и часто критиковал прогрессивную интеллигенцию, выступавшую против этого, на страницах прессы. Габдулла Тукай, боровшийся за сохранение чистоты татарского языка, подвергал серьёзной критике подобные попытки Исмаилова. В редакционной статье 23-го номера журнала «Ялт-Ялт» от 4 июня 1911 года Тукай, критикуя Мустафу Исмаилова и его издания, писал: «У одного человека было два сына. Один с грязью ‘Хак’ никого не обвинял. Другой был Мустафа Лютфи» [13].

Наиболее острое противостояние между Мустафой Исмаиловым и Габдуллой Тукаем произошло в апреле 1911 года. В время поездки Тукая в Астрахань 29 апреля 1911 года там же находился в ссылке выдающийся писатель и государственный деятель Нариман Нариманов. Габдулла Тукай встречался с ним лично и принимал участие во многих мероприятиях, организованных Наримановым.

В тот же период в Астрахани гастролировала студентка Петербургской консерватории Марьям Искандарова, которая должна была выступить с концертом в городском летнем саду «Аркадия». Вместе с Сакитом Рамиевым и Давудом Мухаммадовым Тукай также посетил концерт со своими друзьями. Среди зрителей находились и богатые люди, гордившиеся своим положением, которые изо всех сил пытались завязать знакомство с Марьям Искандаровой, однако их попытки оказались безуспешными. Огорчённые этим, они направили свою обиду на Тукая и даже опубликовали карикатуру в газете «Бурхани-таракки», редактором которой был Мустафа Исмаилов [4].

Участник того концерта Валит Алиев описывает случившееся следующим образом: «Когда Тукай находился в Астрахани, состоялся концерт певицы Марьям Искандаровой. Она была родом из города Касим и окончила Петербургскую консерваторию. Сакит Рамиев и дядя Давуд – с трудом уговорили Тукая посетить этот концерт. Концерт проходил в летнем саду “Аркадия” (ныне городской парк культуры имени Карла Маркса). Астраханская публика тепло встретила красивую и изящную певицу-актрису. Богачи бросали визитки, деньги и букеты цветов на сцену надеясь привлечь её внимание. Однако все их попытки пригласить певицу оказались тщетными.

Сакит Рамиев подошёл к Марьям и сообщил ей, что в зале присутствует Габдулла Тукай. После концерта Марьям подошла к столику, за которым сидел Тукай. Хотя её окликали с разных сторон, она ни на кого не обращала внимания. Это сильно разгневало состоятельных людей, которые гордились своим богатством, но были далеки от понимания культуры, поэзии и музыки. Они не осознали, что певица беседует с поэтами, и даже попытались применить силу против тех, кто пригласил Марьям Искандарову к себе» [6].

Однако недоброжелатели и невежды не унимались и разместили карикатуру в газете «Бурхани-таракки». Это вызвало возмущение не только у поклонников певицы Марьям Искандаровой и самого Тукая, но и Наримана Нариманова – выдающегося деятеля. Он был глубоко возмущён действиями редакции. Валит Алиев сообщает, что Нариманов лично пришёл в редакцию и строго отчитал редактора Мустафу Лютфи [3: 167–169; 6]. Вместе с ним в редакцию прибыл также известный актёр и режиссёр Зейни Султанов – Народный артист Татарстана. Они потребовали от Мустафы Лютфи объяснений и добились того, что последующие номера «Бурхани-таракки» временно перестали выходить [11]. Габдулла Тукай тоже не остался в стороне. Он написал стихотворение «Xəzihi kəsəyidətən fi mədhi Mustafa» (Хвала Мустафе), в котором подверг Мустафу Лютфи острой критике. Стихотворение было опубликовано в журнале «Ялт-Ялт» № 37 от 15 апреля 1912 года [13: 360–361].

Как видно, конфликты между Габдуллой Тукаем и Мустафой Лютфи носили профессиональный характер и были связаны с их журналистской деятельностью. Будучи издателем и редактором, Тукай прекрасно знал все тонкости этой профессии и призывал других журналистов не превращать печатные издания в арену личных распрей. Он выступал за то, чтобы журналистика служила делу просвещения народа, отстаивания его прав и свобод, а также воспитания молодёжи в духе национального самосознания.

Главной мечтой Тукая было вырастить поколение татарской молодёжи, уважающее свой родной язык, и ради этого он вел постоянную борьбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dilqəm Əhməd. TBMM-in azərbaycanlı üzvü // teleqraf.com. 23 aprel 2024.
2. Əli Şamil. Türklük davasının döyüşçüsü // Xalq Cəbhəsi. 2014. 9 iyul. URL: <https://www.xalqcebhəsi.az/news/accident/3192.html> (mөрəжəғaть итү көне: 10.07.2025).
3. Həbibbəyli İsa, Osmanlı İsmixan. Qabdulla Tukay və Azərbaycan. Bakı, Elm və təhsil, 2021. S.167–169.

4. Mirəhmədov Əziz. İki mütəfəkkirin dostluğu (Nəriman Nərimanovla tatar şairi Qabdulla Tukayın görüşü) // Bakı, 1966, 15 iyun; Mirəhmədov Əziz. Məqsəd bir olanda // Mirəhmədov Əziz. Azərbaycan ədəbiyyatına dair tədqiqlər. Bakı: Maarif. 1983. S. 237.

5. Uğur Üçüncü. Sivereke Mebusu Mustafa Lütfi (Azer) Bey ve TBMM'deki Faaliyetleri // Journal of History Studies. August 2018. Vol. 10. Issue 5. P. 241.

6. Габдулла Тукай Эстерханда ..., б. 155.

7. Давыдова А.А. История издания и функционирования газеты «Бургань-таракки» (1906–1911 гг.) // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 18.

8. Имашева М.М. Мустафа Лутфи Измаилов – лидер астраханского регионального общественного движения мусульман начала XX века // Преподаватель XXI век. 2014. № 4. С. 285.

9. Имашева М.М. Национальная татарская школа вне рамок конфессиональной общины в начале XX в. (на примере Астраханской мусульманской школы «Даруль-Эдеп») // Отечественная история, 2015. № 1 (42). С. 26.

10. Миннуллин Б.К. Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 175–178.

11. Рахманкулов Ш. Тукай Астраханьда // Социалистик Татарстан. 1983. 23 нояб.

12. Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред.: Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань: Изд-во Акад. наук РТ. 2017. 139 с.

13. Тукай Габдулла. Эсәрләр. Академик басма: алты томда. 4 т.: Проза, публицистика (1907–1914) / төз., текст., иск. һ. әңл. әзерл. Зөфәр Мөхәммәтшин; ф. мөх-ре: Зөфәр Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 191 б.

УДК 82.091 (81`255.2)

ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ Ч. АЙТМАТОВА «ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ» А. ЕНИКИ: ОПЫТ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Л.И. Фахрутдинова

*Подготовительный факультет К(П)ФУ;
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)*

В статье представлен краткий обзор переводов произведений знаменитого киргизского автора Ч. Айтматова на татарский язык и их оценка рецензентом. Отмечено, что одним из переводчиков был известный татарский прозаик А. Еники, переведивший повесть киргизского писателя «Первый учитель». Новизна данного исследования состоит в опыте семантико-стилистического анализа одновременно трех текстов – киргизского оригинала, а также двух переводов – авторизованного русско-

го, выполненного А. Дмитриевой, и татарского. В результате анализа установлено, что авторизованный перевод служил посредником для перевода татарского писателя.

Ключевые слова: Ч. Айтматов, семантико-стилистический анализ, А. Еники, перевод.

The article provides a brief overview of the translations of the works of the famous Kyrgyz author Ch. Aitmatov into the Tatar language and their assessment by the reviewer. It is noted that one of the translators was the famous Tatar prose writer A. Eniki, who translated the novel “The First Teacher” by the Kyrgyz writer. The novelty of this study is in the experience of semantic and stylistic analysis of three texts simultaneously: the Kyrgyz original, as well as the two translations – the authorized Russian translation by A. Dmitrieva and the Tatar translation. The analysis revealed that the authorized translation served as a mediator for the translation of the Tatar writer.

Keywords: Ch. Aitmatov, semantic and stylistic analysis, A. Eniki, translation.

Творчество известного писателя, мыслителя и общественного деятеля Ч. Айтматова оказало значительное влияние не только на киргизскую, но и на мировую литературу. По словам К.У. Камбарово, «идеи гуманизма, всеобщего единения наций и народов, культур и религий являются фундаментом мировоззренческой философии Ч. Айтматова» [1: 130].

Произведения Ч. Айтматова были переведены на многие языки, включая татарский.

Исследователь Н.Ш. Насибуллина говорит о наличии двух этапов в истории переводов произведений Ч. Айтматова на татарский язык: 1960–1990-е годы (советский период) и постсоветский период (с 1990-х гг.) [2: 3].

В 1960-е гг. были переведены такие знаковые для творчества писателя и всей многонациональной советской литературы произведения, как «Джамиля», (1961), «Первый учитель» (1963), «Тополек мой в красной косынке» (1965).

Повесть «Джамиля» была переведена с киргизского языка на татарский М. Усмановым в 1961 и 1965 годах (отрывок из нее был опубликован в журнале «Азат хатын» [3] и в газете «Социалистик Татарстан» [4], а отдельной книгой повесть вышла в 1962 году [5], повторно издана в 1965 году [6]). Литературовед М.М. Хабутдинова в своём исследовании «Личность и творчество Чингиза Айтматова в оценке татарского писателя Аяза Гилязова» говорит об оценке Гилязовым

перевода М. Усманова на татарский язык. А. Гилязов отмечает высокое качество данного перевода в силу того, что переводчику удалось поработать с оригиналом повести на киргизском языке, что стало причиной адекватного перевода, а в некоторых случаях привело к тому, что отдельные фрагменты повести стали звучать ярче на татарском, чем на русском языке [7: 270].

Вслед за «Джамилей» в татарских переводах увидели свет повести «Первый учитель» («Беренче мөгаллим», 1965, А. Еники), «Материнское поле» («Анам кыры», 1965, Я. Халитов), «Тополек мой в красной косынке» («Кызыл яулыккы гүзэлкэй генәм» (1965, Х. Сарьян). Позднее, в середине 1970-х гг. в переводах Я. Халитова были опубликованы повести «Верблюжий глаз» («Дөя күзе», 1976), «Прощай, Гульсары!» («Бәхил бул, Гөлсары!», 1976). Роман «И дольше века длится день («Бер көн – бер гомер») увидел свет в переводе Р. Шириязданова в 1990 году.

Одним из переводчиков произведений Ч. Айтматова был татарский писатель А. Еники. Его перу принадлежит ряд переводов из русской классики «Без вины виноватые» А. Островского («Гаепсездән гаеплеләр»), «Маленькие рассказы, сказки и басни» Л.Н. Толстого («Кечкенә хикәяләр: Хикәяләр, мәсәлләр һәм әкиятләр»), сборник рассказов К. Паустовского «Летние дни» («Жэй көннәре»), роман М. Бубеннова «Белая берега» («Ак каен»)

Известная под названием «Первый учитель» на киргизском языке повесть Ч. Айтматова первоначально была опубликована в 1961 году в журнале «Ала-Тоо» под названием «Биринчи мугалим жөнүндө баллада» («Баллада о первом учителе»). В авторизованном переводе А. Дмитриевой под названием «Первый учитель» повесть была издана в «Новом мире» в 1962 году. Исследователь Б.А. Байсабаев отмечает, что переводе «произошли существенные переводческие трансформации <...> Если оригинал повести можно определить как романтико-героическую, то в переводе повесть приобретает еще и ярко выраженное любовно-лирическое начало, что сказалось даже на фактологическом изменении концовки повести. Русский вариант повести дополнен, поменялись отдельные моменты, дописаны некоторые детали» [8: 36].

Опубликованный в изданном в сборнике татарских переводов (вместе с повестями «Джамиля», «Материнское поле», «Тополек мой в красной косынке») перевод повести Ч. Айтматова не всеми деятелями татарской литературы был воспринят однозначно. Так, критически оценил перевод А. Еники известный татарский прозаик А. Гилязов.

«Писатель А. Еники накрыл собой писателя Ч. Айтматова», – писал он в своей рецензии [7: 274].

Сопоставление оригинала повести Ч. Айтматова, ее авторизованного перевода на русский язык и перевода на татарский А. Еники позволяет предположить, что татарский писатель, по всей вероятности, переводил с русского перевода, который и в данном конкретном случае и, в целом, выполнял роль посредника в междокультурном диалоге. Трудно переоценить посредническую роль русскоязычных переводов в многонациональной советской литературе: они выступали как один из существенных факторов советской междокультурной общности. С другой стороны, обращавшиеся к таким переводам национальные писатели зачастую переносили и в свои переводы все существующие в них семантико-стилистические трансформации, в большинстве случаев неизбежные при переводе на другой язык. Рассмотрим один из эпизодов в повести Ч. Айтматова «Первый учитель» и его переводы на русский и татарский языки. Целью нашего сопоставления является семантико-стилистический анализ языковых единиц, используемых для передачи поведения героев в конфликтной ситуации, когда тетя Алтынай и краснолицый приезжают в школу, чтобы силой увезти ее, несмотря на ее нежелание.

В оригинале (на киргизском) произносимая тетей Алтынай речь звучит так:

Тур мындай, мен кыз узатам! Ай, селсаяк сениби! – деди жеңем, муштумун кезеп <...> Аны азыр көрө жатарбыз! Ай, жээн бала, бери келип, сүйрөп чыккыла, бул көк бетти, – деп жеңем кол булгап койду <...> Мына, айтпадым белем, булар соо эмес, муну өзү катын кылып алган! – деп жеңем алкына кыйкырды» [9: 226] («Стой здесь, я невесту провожаю! Ай, чтоб тебе, бродяга! – сказала тетя, грозя кулаком <...> Сейчас посмотрим! Ай, племянник, подойди сюда и вытащи эту упрямицу, – сказала моя тетя, махнув рукой <...> Вот, разве я не говорила, они не в себе, он её в жёны взял! – закричала моя тетя, буйствуя»¹).

В русском переводе речь тети звучит так: «Она стояла со злорадной, вызывающей улыбкой на лице <...> Девку свою замуж буду провожать. Эй ты, бездомная! <...> Эй, мужики, <...> волочите сучку! <...> – Я же говорила! – взвизгнула тетка. – Он сам давно уже с ней снохался. Приманил сучку задарма!» [10: 272].

¹ Здесь и далее – подстрочный перевод выполнен автором статьи.

Как видим, в русском переводе лексика становится более эмоциональной. Бранное слово (сучка) и грубое просторечие (снюхался) усиливают негативное отношение тети к Алтынай и, вместе с тем, характеризуют и ее саму как грубую и не воздержанную на язык женщину. Переводя слово «упрямица» бранным словом «сучка», переводчик не только придает речи героини большую эмоциональность (по сравнению с оригиналом): речевое поведение героини оказывается ближе русскоязычному читателю, оно соответствует горизонту его ожидания (как известно, для восточной культуры, частью которой является и киргизская, подобного рода публичное выражение своих эмоций не было характерно).

В переводе А. Еники этот фрагмент звучит так:

Кызны кияугэ бирэм, менэ шул! Эй син, энчек, тор урыныннан! <...> Эй сез, ирлэр, сөйрәп чыгарыгыз шул эттән туган энчекне. <...> Жинги чынап кычкырды: – Эйттем бит мин сезгә, кызны үзенә хатын итмәкче, шуңа бирми ул аны! [11: 41–42] («...тетя, зло осклабляясь, словно усмехаясь. – Выдаю девушку замуж, вот так! Эй ты, сучка, встань с места! <...> Эй вы, мужики, волочите эту родившуюся от собаки сучку <...> Тетя взвизгнула: – Я же говорила вам, он хочет взять ее себе в жены, поэтому он не отдает ее!»).

Используемые А. Еники отдельные лексические единицы (слово «энчек» – «сучка») свидетельствуют о том, что татарский писатель, скорее, работал с русским переводом, нежели с оригинальным текстом. Более того, включенная в перевод А. Еники номинация – «эттән туган энчек» («рожденная от собаки сучка») представляется даже более суггестивной, нежели в русском переводе.

Таким образом, выявленные на уровне лексико-стилистического анализа конкретного фрагмента трансформации текста позволяют сделать вывод, что А. Еники в своем переводе использовал русскоязычный перевод А. Дмитриевой, в котором оригинал фрагмента претерпел значительные семантико-стилистические трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камбарова К.У. Чингиз Айтматов – писатель, философ и гуманист // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 8. С. 129–131.
2. Nasibullina N.Sh. Creativity of Chingiz Aitmatov in the Tatar-Kyrgyz Literary Connections Context (Translation Problems) // ISPEC International Journal of Social Sciences & Humanities. 2020. Vol. 4, No. 1. P. 1–8.
3. Айтматов Ч. Жыр. «Жәмилә» повестеннан өзек / М. Госманов тәрж. // Азат хатын. 1961. № 8. Б. 10–13.
4. Айтматов Ч. Дөя күзе. Повесть / Я. Халитов тәрж. // Соц. Татарстан. 1965. 31 окт., 4 нояб.

5. Айтматов Ч. Жәмилә. Повесть / кыргызчадан М. Госманов тәрж. // Соц. Татарстан. 1962. 4 июль.
6. Айтматов Ч. Повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. 314 б.
7. Хабутдинова М. Личность и творчество Чингиза Айтматова в оценке татарского писателя Аяза Гилязова // Филология и культура. 2013. № 2 (32).
8. Байсабаев Б.А. Проблемы художественного билингвизма и авторские переводы Ч. Айтматова // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2019. № 4(100). С. 33–38.
9. Айтматов Ч. Чыгармаларынын жыйнагы: 1-том: Повесттер ж-а аңгемелер / түз. А. Акматалиев. Бишкек: Шам, 1999. 432 б.
10. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Повести / Ч.Т. Айтматов. М.: Молодая гвардия, 1982. 607 с.
11. Айтматов Ч.Т. Повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. 312 б.

УДК 821.511.151.0+821.511.131.09

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ЭПОСАХ АНАТОЛИЯ СПИРИДОНОВА «ЮГОРНО» И МИХАИЛА АТАМАНОВА «ТАНГЫРА»

Н.А. Федосеева

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)*

Статья посвящена исследованию фольклорных основ и национальных образов в эпических произведениях марийского писателя Анатолия Спиридонова («Югорно») и удмуртского автора Михаила Атаманова («Тангыра»). Важнейшей целью работы является раскрытие характерных черт марийской и удмуртской культур, представленных в художественном мире писателей. Особый интерес представляют традиционные символы, использованные авторами для передачи духовного богатства своего народа. Предметом рассмотрения становится представленная в художественных произведениях историко-культурная среда, отличающаяся глубинностью связи с традициями, обрядами и культурой родных земель. Важно подчеркнуть оригинальный подход авторов к сохранению национальной аутентичности и формированию многомерного образа истории и культуры родного края. Изучение показало необходимость комплексного подхода к изучению этнолитературного наследия марийских и удмуртских писателей для лучшего понимания перспектив регионального литературного процесса.

Ключевые слова: эпос, миф, фольклор, легенда, предание, национальная традиция.

The article is devoted to the study of folklore foundations and national images in the epic works of the Mari writer Anatoly Spiridonov ("Yugorno") and the Udmurt author Mikhail Atamanov ("Tangyra"). The most important goal of the work is to reveal the characteristic features of the Mari and Udmurt cultures represented in the artistic world of writers. The traditional symbols used by the authors to convey the spiritual wealth of their people are of particular interest. The subject of consideration is the historical and cultural environment presented in works of art, characterized by the depth of connection with the traditions, rituals and culture of their native lands. It is important to emphasize the original approach of the authors to preserving national authenticity and the formation of a multidimensional image of the history and culture of their native land. The study showed the need for an integrated approach to the study of the ethno-literary heritage of Mari and Udmurt writers in order to better understand the prospects of the regional literary process.

Keywords: epic, myth, folklore, legend, tradition, national tradition.

Современные общественные процессы ставят перед народом серьезные вызовы в области сохранения культурного многообразия. Осмысление опыта предков, запечатленного в эпическом наследии, является важным инструментом формирования бережного отношения к родному языку, обычаям и верованиям, а также стимулирует интерес молодежи к изучению родного края и своего исторического прошлого. Изучение фольклора и эпоса позволяет исследовать закономерности развития устного народного творчества, выявлять взаимосвязи и взаимовлияния культур соседних народов. Результаты подобного исследования важны для разработки общей теории фольклористики и литературоведения, способствуют интеграции региональной науки в общероссийские и международные научные сообщества.

Об эпосах марийского писателя-переводчика Анатолия Яковлевича Спиридонова «Югорно» и удмуртского ученого, также писателя-переводчика Михаила Гавриловича Атаманова «Тангыра» написано немало работ, в которых авторы исследуют художественную специфику оригинальных текстов [см. подробнее: 6; 14; 13; 15; 4; 5; 1; 12; 16]. В сравнительно-типологическом плане нами также были затронуты некоторые вопросы, касающиеся общих с мировыми эпическими сюжетами и мифами мотивов, образов, идейно-тематических параллелей [9; 10; 11]. Исследование фольклора и национальных образов в эпосе имеет важное этнокультурное значение, поскольку раскрывает глубинные корни традиционного сознания марийского и удмуртского народов. Это способствует лучшему пониманию культурно-исторической

самобытности каждого этноса, укрепляя национальную самоидентификацию и сохраняя многогранность российского культурного пространства.

Героическое сказание «Югорно» состоит из вступления, двадцати трех песен, заключения, приложения и пояснений. Сюжет каждой песни основывается на каком-нибудь событии из жизни того или иного сказочного персонажа или легендарного героя. Во второй песне А. Спиридонов обращается к Богу как творцу, задавая извечным вопросом:

О, творец, Великий Юмо,
Для чего ты создал землю,
Для чего её задумал?
По какому же подобию
Поместил в середине мира,
Отделяя свод небесный
От пучины океана? [7: 23]

Опираясь на мифологические представления о мироздании народа мари и обращаясь к известному мифологическому сюжету о небесной утке, из яйца которой произошел мир, автор таким образом создает единую целостную картину сотворения земли природой. А в заключении Великий Юмо (Бог) предстает в образе Творца-Природы, где автор также прибегает к глубинным корням национальной культуры, подчеркивая неразрывность духовной жизни мари́йского народа с окружающей природной средой и утверждая идею гармоничного сосуществования человека и природы:

О, Великая Природа,
Белый Мир, Ош Кугу Пюртыс! –
Мир, где мы всего лишь дети! –
Научи нас жить разумно,
Возврати, что потеряли:
Свой язык вложи в уста нам,
Своим зрением откройся!
Научи смотреть – и видеть,
Научи внимать – и слышать,
Чтобы нам была понятна
Вся невнятица святая:
Что сверчок в траве стрекочет,
Что высвистывает птица,

Что агукает младенец,
Разговаривая с богом!
Дай нам сладостное чувство
Единения с тобою! [7: 208]

Историко-мифологический эпос «Тангыра» М. Атаманова содержит зачало, двенадцать сказаний, завершающую песню, пояснения и комментарии. Следует подчеркнуть, что в основу произведения автор положил не только национальные удмуртские мотивы, но и христианские. В первом же сказании он, опираясь на библейские события, рассказывает о сотворении мира, всемирном потопе и грехопадении:

Белый мир, светлое царство и всё что в ней, –
Всё сотворил Господь Бог:
И людей, и всех живых существ –
По воздуху летающих птиц,
По земле бегających быстроногих зверей,
Зверюшек и всех пташек,
Тысяча и тысяча видов букашек,
По земле пресмыкающихся,
По воде плавающих рыб, раков,
Моллюсков, больших и малых,
Растений и живых существ –
Всё во благо людям Господь сотворил [2: 9].

Писатель включил в повествование как христианские, так и языческие мотивы, отражающие представления о сотворении мира и событиях, последовавших после Всемирного потопа. Это позволяет проследить взаимосвязь между различными культурными традициями и религиозными верованиями, раскрывающими восприятие происхождения человечества и земной жизни. Таким образом, произведение становится своеобразным синтезом древних мифологических представлений и библейских мотивов, демонстрируя многогранность человеческого сознания и стремление осмыслить мироздание сквозь призму различных культурных пластов.

Михаилом Атамановым затрагиваются темы жизни великанов – алангасаров и их потомков зэрпалов, чьи образы присутствуют в удмуртской культуре. Следует отметить, что исполины имеются в текстах Библии и адиты в текстах Корана. Анатолий Спиридонов отмечает лишь о потомке могучего Онара, Онае, который стал святым, Белым Горным великаном, и помощником у Бога. Образ легендарного великана Онара, сохранившийся в марийских леген-

дах, объясняет происхождение различных природных объектов, таких как горы и курганы, подчеркивая связь народного творчества с природным ландшафтом. Например, в сборник «Свод марийского фольклора. Мифы, легенды, предания» (1991) включены шесть соответствующих легенд, среди которых выделяются истории о происхождении курганов, созданных действиями Онара («Как произошли гора Карман и озеро Кугуер», «О кургане Овды», «Гора богатырская нога», «Об Онаре», «Курган, сотворенный Онаром», «Как образовались Курганы»).

В обоих эпосах имеются образы гусяров. В марийском «Югорно» Салий является и гусяром-рассказчиком и одним из главных героев. В удмуртском «Тангыре» представлены два гусяра – Мадей и Дадик. Исследователи отмечают, что в эпосе «Тангыр» автор основывался на образе певца-сказителя Дадика и использовал элементы его репертуара. Однако в русском переводе акцент сделан на эпическое изложение событий и развитие сюжета, вследствие чего образ Дадика оказался практически утраченным [16: 186].

В поэтических сказаниях наряду с вымышленными героями значительное место отведено мужским персонажам-богатырям, воплощающим мифологическую основу сюжета. Например, в эпосе «Тангыра» такими фигурами выступают Ваткакар, Калмез, Идна, а в «Югорно» – Акмазик, Нёнчык-патыр, Тюкан Шур, Таргылтыш и прочие герои. Каждый из них играет свою уникальную роль: одни возглавляют племена, другие защищают народ, третьи творят мироздание. Женские же образы также имеют большое значение, дополняя общую картину эпосов. В эпосе «Тангыра», согласно мнению Л. Федоровой, особое значение имеет родословная женщин [8: 84]. Михаил Атаманов выделяет происхождение каждой жены героя-батыра, подчеркивая племенную принадлежность персонажей. Как мы полагаем, автор делает женские образы (такие как Узя, Эбги, Юсей) особенно трагическими. Тем не менее, произведение сохраняет позитивную ноту в эпизоде свадьбы батира Гурьи и представительницы рода калмез – девушки Дзиллэ. Судьба Пампалче в эпосе «Югорно» тоже непроста. Анатолий Спиридонов наделяет ее чертами народной красоты, но старейшины рода определяют ей мужа, руководствуясь своими критериями достоинства. Несмотря на решение старейшин, Пампалче остается верна своему избраннику Салию. Когда за ней присылают свадебный кортеж, дева неба спасает девушку, спуская ей с небес шелковые качели. Так Пампалче оказывается среди небожителей, поскольку земное счастье вместе с Салием

оказалось невозможным. Образ Пампалче отражает народные мотивы, сохранившие свое очарование даже несмотря на небольшие изменения, внесенные автором. Обращаясь к Деве неба как к сестре, Пампалче напоминает такой персонаж Юмын ўдыр – дочь Бога в марийской мифологии.

Подобно Михаилу Атаманову, Анатолий Спиридонов решает судьбу народа мари посредством образов Акмазика и Унавия, устраняя таким образом жесткого правителя Тюкан-Шура. Эта линия подчёркивает универсальную тему победы любви и доброты над злом. Демонические фигуры также находят отражение в тексте, ярким примером чему служит образ Таргылтыша, олицетворяющий зло и алчность. А. Спиридонов изображает его как идола богатства, которому поклоняются люди. Противостоять этому образу отправляются Чучка, Чорай и Ненчык-патыр, сражающиеся с Таргылтышем в живописных сценах борьбы.

В эпосе Михаила Атаманова «Тангыра» содержатся выразительные сцены битв, демонстрируя стремление древне-удмуртского народа обрести свободу и новую родину. Мелодичность стихов несет ощущение трагической судьбы, охватившей этот народ. Стоит упомянуть, что и Анатолий Спиридонов пытался показать процесс переселения удмуртов под руководством богатыря Калмеза. Согласно фольклорным источникам, Калмез проживал ранее на территории марийцев с дочерью Сави, вынужденный впоследствии под влиянием обстоятельств мигрировать на восток, где ныне расположен город Кильмезь.

Итак, эпосы разных народов содержат схожие с мировой литературой мотивы, образы и тематические идеи, обусловленные либо межэтническими контактами, либо действием законов архетипа. Хотя подобные объяснения не всегда позволяют однозначно установить происхождение мифологических элементов, их архаизм и универсальный характер привлекают интерес исследователей. Национальные эпосы сохраняют глубинные слои древних культур, не разрушенные последующими изменениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арекеева С.Т. Особенности репрезентации природного мира в эпосе М. Атаманова «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 4. С. 88–96.
2. Атаманов-Эграпи Гавир Микаэль. Тангыра историко-мифологический эпос. Ижевск, 2012. 398 с.

3. Атаманов-Эграпи М.Г. Христианские и языческие мотивы в эпосе «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 75–82.
4. Атаманов-Эграпи М.Г. Частные и общественные моления, молитвы-куриськоны в эпосе «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 2. С. 21–38.
5. Ванюшев В.М. «Тангыра» Михаила Атаманова как авторский вариант удмуртского эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 1. С. 75–86.
6. Липатов А. Сказ о началах марийского эпоса // Спиридонов А. Югорно. Песнь о вешем пути: Эпос мари: Опыт синтеза / пер. на мар. яз. А. Мокеева. Йошкар-Ола: Марев, 2002. С. 5–12.
7. Спиридонов А.А. Югорно. Песнь о вешем пути: Эпос мари: Опыт синтеза. Йошкар-Ола: Марев, 2002. 240 с.
8. Федорова Л.П. Женская тема в эпосе Михаила Атаманова «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 4. С. 83–87.
9. Федосеева Н.А. «Тангыра» Михаила Атаманова и «Югорно» Анатолия Спиридонова: сравнительно-типологический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 3. С. 454–458.
10. Федосеева Н.А. Героические эпосы «Дорвыжы» и «Югорно»: сходные мотивы // Ученый. Поэт. Публицист: к шестидесятилетию творческой деятельности В.М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; отв. ред. Р.В. Кириллова. Ижевск, 2021. С. 54–59.
11. Федосеева Н.А. Эпос «Югорно» А. Спиридонова в контексте литератур финно-угорских народов России // Актуальные вопросы исследования финно-угорской литературы: материалы Всерос. конф. финно-угорских писателей с междунар. участием: сб. материалов конф. (20–22 сентября 2023 года, Ханты-Мансийск) / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Бюджет. учреждение Ханты-Манс. авт. окр. – Югры «Гос. б-ка Югры»; сост. С.Ю. Волженина. Томск: Интегральный переплет, 2024. С. 101–108.
12. Шибанов В.Л. Стих и ритм в эпической поэме М. Атаманова «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 4. С. 77–82.
13. Шкалина Г.Е. Аксиосфера марийского эпического сознания по материалам героического эпоса «Югорно. Песнь о вешем пути» // Поллолонгвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 155–171.
14. Шкалина Г.Е. Эпические особенности сотворения мира в героическом эпосе народа мари «Югорно. песнь о вешем пути» // Этническая культура. 2024. Т. 6. № 4. С. 30–35.
15. Шкляев А.Г. «Тангыра» в контексте удмуртских эпических сказаний: параллели и отличия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 1. С. 87–92.
16. Шушакова Г.Н. Соотношение традиционно-фольклорного и авторского начал в эпосе М. Атаманова «Тангыра» // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики. Материалы XI Междунар. симп. 2018, Чебоксары. С. 184–190.

ИДИЛЛИЧЕСКОЕ В ПОЭЗИИ РУСТЕМА КУТУЯ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКО-ТАТАРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20082.

В статье рассматривается специфика идиллического модуса художественности в русскоязычной лирике Рустема Кутуя. Установлено, что в стихотворениях Р. Кутуя идиллический мир носит пограничный характер: с одной стороны, он апеллирует к явлениям татарской культуры и родному языку, с другой, близок к поэтике идиллии в русской литературе. Сделан вывод о том, что в лирике русскоязычного автора идиллическое пространство родного дома утрачивает самодостаточность и свободно коррелирует с элегической модальностью, порождая фрагментарность стихотворений как результат взаимодействия разных по своей жанрово-родовой природе мотивов и тем.

Ключевые слова: идиллия и идиллическое, транскультурная литература, Р. Кутуй, фрагментарность, элегический модус художественности, русско-татарское пограничье.

The article examines the specificity of artistic mode in Russian-language lyrics of Rustem Kutui. The author states that in poems by R. Kutui the idyllic world bears a cross-border character. On the one hand, it appeals to the phenomenon of the Tatar culture and native language. On the other hand, it is close to the poetics of idylly in the Russian literature. It is concluded that in the lyrics of a Russian-speaking author the idyllic space of a “native home” loses its self-sufficiency and independently correlates with elegiac mode and as a result of correlation of different genre generic nature of motifs and themes’ correlation making poems fragmented.

Keywords: idylls and idyllic, transcultural literature, R. Kutui, fragmentarity, elegiac mode of artistry, Russian-Tatar borderland.

Идиллический модус художественности в лирике Рустема Адельшевича Кутуя (1936–2010), известного русскоязычного поэта татарской этничности, недостаточно исследовался в современной науке. Несмотря на то, что творчеству Р. Кутуя посвящены ряд значительных исследований (М.В. Небольсина, И.А. Еникеев и др.), генезис и поэтика идиллического в контексте русско-татарского пограничья до сих пор не становились предметом специальных литературоведческих

работ. Вместе с тем их рассмотрение позволяет углубить представление об особенностях функционирования данного типа художественности в творчестве тех поэтов и прозаиков, «...чья писательская идентичность определяется как пребывающая на границе нескольких культур» [11: 10]. Исследования подтверждают, что транскультурная литература в силу транзитивности, размытости ее природы, основана на способности автора «творить в разных культурах, решая для самого себя, к какой культуре принадлежать, для кого создавать свои произведения» [11: 17; 8]. Такая закономерность литературы, создаваемой на стыке разных национально-художественных традиций, обусловила *цель статьи* – выявить основные приемы воплощения идиллического в лирике Р. Кутуя как формы репрезентации межлитературного пограничья.

В современном литературоведении признано, что идиллия в русской поэзии первой трети XIX–XX вв. не заняла заметного места, однако «ее побочное положение и второстепенная роль» в системе лирических жанров XIX века несколько не умоляет того продуктивного воздействия, которое она оказала на другие жанры, и прежде всего элегию и послание [7: 115–116].

Идиллия как жанр и идиллическое как модус художественности чаще всего рассматриваются в противопоставлении элегии и элегизму (В.И. Тюпа, Д.М. Магомедова, Е.Н. Рогова, В.И. Козлов, Е.А. Балашова). В частности, Д.М. Магомедова выделяет такие черты идиллии и идиллического как отгороженность пространства идиллического мира и его самодостаточность [7: 116]. Если в идиллии циклический ход времени в природе гармонически совпадает «со сменой поколений в человеческой жизни», то «элегия фиксирует именно момент разрыва между двумя типами переживания времени – идиллическим и индивидуальным» [6: 437]. В.И. Тюпа считает, что «архитектоническую основу идиллического ... составляет хронотоп “родного дома” и “родного дола”, где снимается безысходность смерти...”» [10: 77]. И напротив, в элегии тема смерти и рефлексия элегического героя о быстротечности жизни являются важнейшими свойствами архитектоники названного жанра.

Расхождение между элегическим и идиллическим типами художественности репрезентируют такие аспекты изображенного мира, как отношение лирического героя к *миру природы и смерти*. По мнению Е.Н. Роговой, идиллическая природа «задает ритм жизни человека», «выступает неотъемлемой частью циклической жизни поколений» [9: 12]. Элегическая же природа «связана с образом Вечности, равнодушным к жизни человека началом» [9: 12]. В отличие от элегии,

в которой раскрывается пограничное положение героя между жизнью и смертью, идиллический хронотоп «характеризуется замкнутостью и повторяемостью» [9: 13].

Исследователь Е.А. Балашова в своей диссертации «Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.» подчеркивает доминирование в литературе идиллического типа художественности над самими жанром, полагая, что «идиллическое – это потенция, которая может и не стать идиллией [2: 26]. Исследователь выявляет в русской поэзии закономерное движение к идиллическому как некой устойчивой основе художественного восприятия мира в целом. Как пишет Е.А. Балашова: «какова бы ни была функция современных текстов – вплоть до опровержения идиллических идеалов, до пародии и даже сатиры на нее – все равно автор текста настойчиво напоминает об образце, об инварианте» [2: 7]. Так, идиллические сюжеты и мотивы раскрываются в творчестве И. Бродского («Полевая эклога», «Пророчество»), Ю. Рыжего («Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих...»), Е. Левитанского («С деревянным домом живу в ладу»), Т. Кибирова («Эклоги») и других [1: 3]. При этом очевидная трансформация идиллии в их лирике отнюдь не указывает на разрушение жанрового «ядра», а напротив, передает устойчивость идиллической картины мира и позволяет рассматривать идиллию как один из самостоятельных жанров в системе лирических форм русской литературы XX–XXI вв.

Оставляя с стороне подробное рассмотрение свойств идиллического в современной российской поэзии, отметим, что транскультурная литература как литература пограничного типа, тяготеет к смешению разных жанров, видов искусства и художественных форм. Так, А.Н. Набиуллина приходит к выводу о том, что «деконструкция традиционных жанров, их гибридизация и подвижность границ между ними становится важнейшим способом репрезентации транзитивной картины мира в произведении...» [8: 179].

Поэзия Р. Кутуя в данном контексте также иллюстрирует черты деконструкции классического жанра – идиллии, которая не существует в его творчестве в «чистом» виде, а граничит с элегическим типом художественности. В творчестве Р. Кутуя есть немало стихотворений, указывающих на экспансию идиллического в область элегии, а также мерцание разных по своей жанровой природе мотивов как результат транзитивного, «подвижного» художественного мышления русскоязычного автора.

Так, в одном из самых пронзительных стихотворений **«Я люблю эти сумерки исповедальные»**, который вошел в сборник «Профиль

ветра» (2006), дискурс исповедальности реализуется путем «размывания» идиллической тональности темой элегического воспоминания о прошлом, о своих предках, давно оставивших земную жизнь («И светло за излукой и пустыню / Только взгляд подними от земли – / кто-то машет крылами без устали / на вечернее пламя земли» [4: 235]. С одной стороны, используя терминологию В.И. Тюпы, данное стихотворение основано на «совмещении внутренних границ «я» с внешнесобытийными границами» [10: 77], определившим сопричастность лирического субъекта окружающему миру как целому, с другой, мотив пограничного положения между жизнью и смертью, звуки голосов из прошлого («голоса оживаю забытые, / дальние»), образ исповедальных сумерек и одинокой луны («Я люблю эти сумерки исповедальные, / ветви елей, опущенные глубоко»; «лунный серп одинок над дорогою») позволяют идентифицировать произведение Р. Кутуя как элегию. Элегическая ситуация воспоминания об ушедших здесь соприкасается с идиллическим мировосприятием, по-новому окрашивая его: вечерние сумерки приобретают яркий цвет огненного пламени («вечернее пламя зари»), а чувство тоски утрачивает эмоциональную напряженность («Будто сняты с груди / гири тяжкие»), раскрывая в душевном состоянии субъекта «новые» черты. Можно утверждать, что фрагментарность поэтики данной элегии образуется здесь путем *совмещения* исповедального дискурса с образом родного дома, который, точно «оживая» в сознании элегического героя, стихийно приближает его к состоянию счастья и умиротворения («Дверь открою – а там / за столом / все-то родные, все-то пропащие / говорят о былом») [4: 236].

В стихотворении **«Во мраке ночи снег шумит...»** с самого начала создается идиллическая картина беззаботного детства, которая является лирическому субъекту во сне. Значимое для идиллии пространство родного дома здесь трансформируется в образ «ветхой шубы», под которой лежит лирический герой и видит себя во сне маленьким, но защищенным отцом и матерью от всяческих невзгод: «Приснилось, испугав, большая жизнь – / Как я бежал! как падали деревья! – / а здесь слоистом снегом ночь лежит, / и мама за стеной под шум метельный дремлет // Она не умерла. Отец мой жив, пока / завихрен снег, горбаты облака. / Мне ничего не стоит дух перевести / и темноту рукою отвести – / а там и мать увидеть, / тень отца... / У жизни нет и не было конца [4: 53]. Идиллическая тональность стихотворения задается мотивом вечной жизни, благодати, тихой, но щемящей душу радости, которая передает состояние гармонии внутреннего «я» героя с внешним

бытием. Вместе с тем «мерцание» элегического мотива воспоминания интерферирует идиллическую модальность, разрушая цельность и самодостаточность лирического героя. Наиболее полно его разрыв с Высшей природой и признание необратимости всего существующего на земле (родителей, сна, морозной зимы, мрака ночи) ясно звучит в последней строфе, которая раскрывает противоречивость чувств субъекта, вызванных его «“двойственным, пограничным положением в мире»» [9: 12]: «И принимать всерьез свою игру, всерьез, / покуда свет не обнаружит щели... / Для взрослой жизни нету горше слез, / чем обмануться детской колыбелью» [4: 54].

Элегическое воспоминание, граничащее в «Во мраке ночи снег шумит...» с картиной идиллического бессмертия («Быть маленьким, почти бессмертным быть / под темный шум слетающего снега»), на наш взгляд, препятствует созданию элегии и «кристаллизации» свойств ее поэтики. Напротив, стихотворение, основанное на мерцании разных по своей жанровой природе мотивов (смерти и бессмертия, сна и реальности, тоски и благодати), усиливает черты фрагментарности поэтического текста и создает представление о размытости и неопределенности его жанра.

В «длинном стихотворении» «**Чаепитие**» запечатлен один из значимых в культуре татар *ритуал чаепития*, который передает ситуацию единения представителей разного поколения одной большой семьи, собравшихся вместе за столом, в центре которого самовар – символ тепла, душевной наполненности и благополучия: «Вот и чистенько. / Вот и сидим. Сомкнут круг / Сохраненных для жизни. / И балакаем. Ты бы села поближе! / Самовар излучает / прозрачный дым...» [4: 157]. Вместе с тем идиллическая картина чаепития в кругу родного дома далее не разворачивается в сюжете, а дополняется мотивом элегического воспоминания об ушедших как источнике рефлексии о быстротечности жизни и углубленности в свой внутренний мир («Вот погибшие вместе с нами. / Знали гибель и тяжести рук. / Мы огромную муку познали») [4: 157]. Полагаем, что ритуал чаепития, смещаясь от идиллической картины дома в парадигму элегического, обогащает «длинное стихотворение» «новым» смыслами: теперь семейный ритуал, точно замыкающий всех близких и родных людей в нерушимый «сомкнутый круг», становится источником неразрывной связи с прошлым, со своими предками и размышления о смерти как естественном, но трагическом исходе человека («Мы пришли – и уйдём... / “Новым” жить! / придержите крутые колеса. / Как прекрасно и сочно земля лежит, / Чьи хранит вековые слезы») [4: 157].

Идиллическая картина накрытого стола, вокруг которого собираются близкие люди, воссоздана в стихотворении Р. Кутуя «**Угощение, как просьба о прощении**». В нем идиллическое раскрывается через описание душевного угощения, в которое вплетены ассоциации детства («И солнышка масла достану, / того, деревенского – слиток / из пламени детских улыбок, / подернутых желтизною...; «Смородина тут и рябина, / чтоб зыбилось все и рябило, / чеснок, точно церкви головка, / для взгляда – / над дверью подковка...») [4: 120]. Однако наряду с картиной благоденственного угощения в самом финале стихотворения ясно звучит тема *завещания* предкам, разрушающего идиллическую семантику образов гостеприимного дома и цветущего сада как воплощение торжества жизни и бессмертия человека: «А это и есть мое завещанье, / мой пир угощенья. / Прощайте, прощайте! / Уж катится ветер / над площадями. / Овраги, однако, спокойны. / Пуста погребальная койка» [4: 122].

Сочетание идиллического и элегического модусов художественности выступает одной из форм самоидентификации лирического героя Р. Кутуя, который апеллирует как к традициям русской, так и татарской культуры и языка. К примеру, в «длинном стихотворении» «Чаепитие» воспроизводится родная речь лирического героя с *ней*, к которой он обращается с трепетом и любовью: «А самовар соберет: / Пей, джаным, / Если есть охота. / В этом снадобье слать» [4: 158]. В стихотворении «**Гусь**», в котором также воссоздан образ родного дома, рождающий тонкое чувство сопричастности лирического героя с окружающим миром, с весенней природой («весенний всполошился дом»), используется перевод русского слова на татарский язык: «Гусь – по-татарски “каз” ... / Обсыпан пухом я гусиным» [4: 150].

Образ Азимовской мечети – удивительное воплощение ценностей мусульманской культуры – является частью городского идиллического пейзажа в стихотворении «**Мечеть Азимовская хороша...**» [4: 23]. Произведению свойственна фрагментарность и композиционная неправильность стиха, которая возникает путем сочетания стрóf разной длины: двустихия, близкого по форме к восточному бейту, строфы, состоящей из четырех строк, и пятистишия. С одной стороны, строфическая разнородность обуславливает ритмическую подвижность стихотворения, с другой, создает пространство для возникновения потенциальных смыслов, связанных, в том числе, с представлением о необратимости человеческой жизни, о ее высших и главных идеалах и ценностях. Образ стоящей в далеке мечети, смотрящей на Восток, диссонирует с образами легкого снега и игривого ветра, которые

представлены в своем стихийном и праздном движении. Различие двух пространств подчеркнуто также композиционной разбалансированностью стихотворения, а именно, начального двустушия, тяготеющего к длинной строке («Мечеть Азимовская хороша, как вдруг окаменевшая душа / на самом вздохе в день прекрасный...») и рифмованного четверостишия, посвященного описанию красоты зимней природы («Снежок порхает ясны-ясный / и ветерок исподтишка / дохнет, от воли света праздный / и тут же сгаснет, чуть дыша» [4: 23]). Идиллическую гармонию стихий природы (порхающего «ясного-ясного снега» и игривого ветра) нарушает мотив угасания всего сущего, который воспринимается в самом финале стихотворения как необратимый закон бытия. Можно утверждать, что через описание «умирания» (таяния) снега картина идиллической природы меняется, уступая теперь место элегической памяти о Вечной природе («месяц зябнет в облаках») и Вечной жизни, которую олицетворяет собой одинокая казанская мечеть.

В русской поэзии последней трети XX – нач. XXI в. мир идиллии наиболее полно раскрывается в поэзии **А.С. Кушнера** (1936). Согласно взглядам В.И. Козлова, творчество российского поэта иллюстрирует экспансию «идиллической картины мира в самые разные жанровые области» [3: 43]. Мы полагаем, что в сопоставлении с поэзией Р. Кутуя, такая экспансия имеет особенные черты. Ей, к примеру, не свойственны поэтика фрагментарности как результат транзитивного, гибридного художественного мышления поэта и прием мерцания смыслов, обращенных как идиллической картине мира, так и элегической рефлексии, обусловленной разрывом лирического героя с Вечной природой.

Напротив, в лирике А. Кушнера мир идиллического раскрывает идеал самого поэта. К примеру, его известное стихотворение **«Времена не выбирают...»**, по словам В.И. Козлова, может быть прочитано «... как инструкция для обитателя идиллического пространства, которого искушают сюжеты извне» [3: 44]. Несмотря на то, что элегические мотивы в целом не чужды мировосприятию лирического героя Кушнера, чаще всего они противопоставлены по принципу «сочинительной связи» с идиллической модальностью, фокусирующей в себе нравственно-психологические ценности, которые дороги самому поэту. В данном аспекте фрагментарность как свойство поэтики стихотворений русскоязычного автора совершенно не проявлена в творчестве А.С. Кушнера, здесь имеет место иная жанровая стратегия – противопоставления элегического и идиллического между

собой. К примеру, жанровая идентичность стихотворения А. Кушнера «**Мне кажется, что жизнь прошла...**» основана на сопоставлении элегической рефлексии о смерти, о неизбежности своего ухода, с одной стороны, и идеи спасительной любви, идиллической по своей сути, с другой. Последняя возникает как результат неожиданной, случайной встречи лирического героя с незнакомой гостьей, которая переворачивает его душевный мир и наполняет его «живой жизнью»: «Беседа дрогнула, запнулась, / Потом настроилась опять, / Уже при ней, – и жизнь вернулась» [5: 154]. По мнению В.И. Козлова, апелляция к идиллии и идиллическому модусу художественности в лирике поэтов XX века – явление отнюдь не случайное, она – результат «стратегии эскапизма» [3: 37]. «С одной стороны, – пишет исследователь, – ее составляющей становится отказ от временного / современного в пользу вневременного / вечного, с другой – снятие всей повестки, связанной с обществом, за счет ценностного растворения в мире природы» [3: 37].

«Уход» в природу, в любовь, фокусирующих в себе идеалы поэта, его незыблемые ценности, а также внешне невзрачные стороны обыденной человеческой жизни являются для лирического героя источниками «движущей силы» его бытия. Такое особенное идиллическое восприятие мира раскрывается, к примеру, в стихотворении «**Я шел вдоль припухлой тяжелой реки**». Рефрен, который повторяется в нем трижды («Я жизнь разлюбил бы» / «Я б жизнь разлюбил»), подобно «скрепу», создает и фиксирует, с одной стороны, целый «веер» причин отказа от любви к ней: резкий запах «мокрой пеньки» и «мазута», горькие липы, «свинцовая, сонная тусклая гладь» реки, с которой открывается унылая картина природы, далее – «будка», «причал» и «шнурочки червей» и др. Однако стихийная эмоциональная рефлексия лирического героя, создающаяся с помощью конструкций с сочинительными союзами «но» и «да» («Я жизнь разлюбил бы, но запах сильнее / Велений рассудка; «Я б жизнь разлюбил, / да мешает канат / И запах мазута, веселый и жгучий» [5: 94]), постепенно выводит его из состояния элегического разочарования к неожиданному признанию в любви к своей судьбе: «...Не вырваться мне. / Как будто прикручен к ней этим канатом» [5: 95]. Поиск в «едкой» жизни примет спасения от суеты и как результат – возвращение к себе, к своей цельности, несомненно, маркирует свойства идиллического модуса художественности в стихотворении А.С. Кушнера.

Таким образом, сопоставительное исследование подтверждает, что гибридность, транзитивность художественного мышления Р. Кутуя

обусловила особый характер поэтики идиллического. В отличие от творчества А.С. Кушнера, основанного на «стратегии эскапизма» и преодолении разрыва внутреннего «я» лирического субъекта с окружающей его природой, поэзия Р. Кутуя подчеркивает подвижность, «размытость» идиллического мировосприятия, существующего в парадигме «своего» и «чужого». Идиллическое пространство родного дома (родной семьи) в лирике русскоязычного автора свободно коррелирует с элегической модальностью как результат взаимодействия и мерцания разных по своей жанровой сущности художественных смыслов. В их основе – идея разобщения, утрата цельности собственного мира лирического героя и признание необратимости его индивидуальной судьбы как «вершинный» закон бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Е.А. Традиции стихотворной идиллии в современной русской литературе // Ученые зап. Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. № 5 (17). 2018. С. 1–5.
2. Балашова Е.А. Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.: вопросы типологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2015. 46 с.
3. Козлов В.И. Идиллия в XX в. – стратегия эскапизма (на примере поэзии И. Бунина, Б. Пастернака, А. Кушнера) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 36–45.
4. Кутуй Р. Профиль ветра: стихи. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 383 с.
5. Кушнер А. Стихотворения. Четыре десятилетия. М.: Прогресс-Плеяда, 2000. 288 с.
6. Магомедова Д.М. Идиллия и другие жанры (элегия и послание) // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед.: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1.: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. С. 433–439.
7. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 192 с.
8. Набиуллина А.Н. Феномен транскulturации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хаирова): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 211 с.
9. Рогова Е.Н. Элегический модус художественности в литературном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08; Российский гос. гуманитар. ун-т. М., 2005. 19 с.
10. Тюпа В.И. Идиллическое (идиллика) // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 77.
11. Шафранская Э.Ф. Транскulturная литература XXI века: учеб. пособие для вузов / Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ш.Р. Кешфидинов. М.: Юрайт, 2024. 235 с.

**ПРОЛОЖИВШИЙ ДОРОГУ К СЕРДЦАМ ДЕТЕЙ
(к 105-летию со дня рождения Джавада Тарджеманова)**

А.Н. Хасанова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В связи с 105-летием со дня рождения татарского детского писателя Джавада Тарджеманова, данная статья посвящена его жизненному и творческому пути. Дж. Тарджеманов создавал художественно-документальные произведения, такие как «Юность Лобачевского» и «Серебряная подкова», которые посвящены математике Н.И. Лобачевскому. Автор издал множество детских книг, включая «Галстук» и «Шуктуган», исследующих темы дружбы, родины и труда. Его произведения выделяются простотой языка и запоминаемыми рифмами, что делает их доступными для юных читателей. В статье также рассматривается музыкальная сторона творчества, включая песни, написанные на его стихи. Дж. Тарджеманов активно участвовал в развитии татарской детской литературы, публикуя статьи и выступая на конференциях. Его жизнь и творчество оказали значительное влияние на культурное наследие татарской детской литературы.

Ключевые слова: Джавад Тарджеманов, татарская детская литература, юбилей, Н.И. Лобачевский, детские стихи, сказки, рассказы, детские песни.

In connection with the 105th anniversary of the birth of the Tatar children's writer Javad Tardzhemanov, this article focuses on his life and creative journey. Javad Tardzhemanov created artistic and documentary works such as "Lobachevsky's Youth" and "The Silver Horseshoe", which are dedicated to the mathematician Nikolai Lobachevsky. He also published numerous children's books, including "The Tie" and "Shuktugan", which explore themes of friendship, homeland, and work. His works are characterized by their simple language and catchy rhymes, making them accessible to young readers. The article also explores the musical aspects of his work, including the songs based on his poems. J. Tardzhemanov actively contributed to the development of Tatar children's literature by publishing articles and participating in conferences. His life and work have had a significant impact on the cultural heritage of Tatar children's literature.

Keywords: Javad Tardjemanov, Tatar children's literature, anniversary, N.I. Lobachevsky, children's poems, fairy tales, short stories, children's songs.

БАЛАЛАР ЙӨРӘГЕНӘ ЮЛ САЛУЧЫ (Жәвад Тәржемановның тууына 105 ел тулу уңае белән)

А.Н. Хәсәнова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. ТәһСИ (Казан)

Татар балалар әдәбиятының күренекле вәкиле, техник фәннәр кандидаты, Казан химия-технология институты доценты, ТАССРның атказанган фән һәм техника эшлеклесе шагыйрь Жәвад Тәржемановның тууына быел 105 ел булды. Татар балалар әдәбияты фондының байлыгын һәм төрлелеген тәшкил иткән ижатлар арасында Ж. Тәржеманов мирасы аерым урын алып тора.

Тумышы белән ике затлы, укымышлы гаиләдән булган Жәвад Өфтахетдин улы Тәржеманов 1920 елның 8 июлендә Казан шәһәрәндә дин эшлеклесе, Казанның Ак мәчете имамы булып торган Өфтах Тәржеманов (1883–1978) һәм һажәр Шәрәф-Тәржеманова (1891–1972) гаиләсендә бишенче бала булып дөньяга килә. Әтисе – Казан губернасы Спас өязе (Татарстанның хәзерге Әлки районы) Иске Әнжерә авылында мулла булып хезмәт иткән Кыямәтдин Камалетдин улы Тәржеманов гаиләсеннән. Тәржемановлар нәселе сигез буынга кадәр мулла-мөгаллимнәр династиясе булып үз халкына хезмәт иткән. Шул нәселнең иң күренекле вәкиле булып Жәвадның әтисе Өфтахетдинның бертуган абыйсы исламият галиме, нәшир һәм мөхәррир, мәшһүр мөгаллим Кәшшафетдин хәзрәт Тәржемани тора. Тарихта тирән эз калдырган әлегә олуг шәхес күп еллар буена Эчке Россия һәм Себер мөселманнары Үзәк Диния нәзарәте казые, 1936 елда Р. Фәхретдин вафатыннан соң, мөфти вазифаларын башкара [1: 10].

Әнисе ягыннан Ж. Тәржеманов атаклы Шәрәфләр нәселеннән. Аның әнисе һажәр тумышы белән Казан губернасы Тәтеш өязе (Татарстанның хәзерге Буа районы) Кишер Аксуыннан булып, Шәрәфетдин Хөснетдин улы (1852–1916) һәм Гайнелнәвал Нигъмәтулла кызы (1853–1936) гаиләсендә дөньяга килә. Ишле гаиләдә ун бала тәрбияләнә, биш ул һәм биш кыз бала. Алар арасында татар милләте язмышында тирән эз калдырган мәғрифәтче, жәмәгать һәм дин эшлеклеләре булып бертуган Шәрәфләр: Шиһап (мулла), Шәһәрәтдин (укытучы, язучы, казначы), Борһан (журналист, әдәби тәнкытьче, мөгаллим), Гыйльметдин (китап нашире), Галимҗан (жәмәгать һәм сәясәт эшлеклесе, тел белгече) тора [3: 4; 4: 6–8]. Барысы да сәяси репрессия корбаннары. Күп кенә татар әдәбияты классикларының, шул исәптән Г. Тукай, М. Гафури, Н. Думави һ.б. беренче тапкыр әсәрләре басылып чыккан «Матбагаи Шәрәф» басмаханәсе (1913 елдан – «Мәгариф» басмаханәсе) хужалары.

Ж. Тәржемановның балалык һәм үсмер чагы Казанның Яңа Татар бистәсендә, Зур Ямаш урамындагы 58 йортта урнашкан Кәшшаф Тәржемани йортында уза [5: 3]. 1917 елда Диния нәзарәтенә казый итеп билгеләгәннән соң, ул гаиләсе белән Уфага күчеп китә һәм үзенең ике катлы йортын энесе – Әфтахетдингә калдыра. Әтисе Әфтахетдин язмыш кушуы буенча Яңа Бистә мәхәлләсенен соңгы мулласы. Егерменче еллар азагында, илдә хакимият большевиклар кулында урнашкан, Казан имамнарыннан беренче булып, мулلالыктан баш тарта һәм чуен кою заводына кара эшчә булып урнаша. Шуның белән ул үзен дә һәм гаиләсен дә эзәрлекләүләрдән коткара.

Башлангыч белемне Ж. Тәржеманов башта Зур Ямаш урамындагы Каюм Насыйри исемендәге 44 нче башлангыч мәктәптә, урта белемне «Октябрьнең 10 еллыгы» исемендәге 13 нче номерлы татар мәктәбендә ала. Мәктәптә укыган чагында ук Ж. Тәржеманов матур әдәбият һәм рәсем ясау сәнгате белән бик нык кызыксына башлый. Мәктәптә эшләп килгән рәсем түгәрәгенә классташлары, соңрак татар рәсем сәнгатенең күренекле вәкилләренә әверелгән Харис Якупов һәм Лотфулла Фәттахов белән бергә йөрөп, мәктәптә чыгуы стена газеталарын бизәүдә катнаша. Хәтта аның архивында саклана торган физика һәм зоология фәннәре буенча гади мәктәп дәфтәрләре дә акварель рәсемнәр белән буялган, матур итеп бизәлгән.

Ләкин аның киләчәк тормышына зур йогынтыны мәктәптә эшләп килүче әдәбият түгәрәге ясый. Әлеге түгәрәк белән төрле елларда Һади Такташ, Фатих Кәрим, Абдулла Алиш кебек танылган шагыйрьләр җитәкчелек итә. Балалар янына кунакка Ш. Камал, К. Тинчурин, М. Жәлил, К. Нәжми, А. Алиш, Г. Кутуй, Х. Туфан, М. Әмир, Ф. Хәсни кебек мәшһүр язучылар килеп тора. Үзләре иҗат иткән әсәрләрдән тыш, түгәрәк членнары күренекле язучыларның язган әсәрләрен дә укып тикшерәләр. Нәкъ менә шушы вакытта Ж. Тәржеманов шагыйрь булуның барлык нечкәлекләренә төшенә башлый. Әсәрләрен тәнкыйди күзлектән үткәрергә, анализларга өйрәнә. Әлеге түгәрәк эшчәнлеген яшъ Жәвадта туган телгә һәм әдәбиятка мөхәббәт, иҗади хезмәткә иштирам, башка иҗади дусларына карата хөрмәт хисе тәрбияли. Торабара ул үзе дә шигырьләр, хикәяләр, мәкаләләр яза башлый. Мәктәптә чыгып килүче «Әдәбиятчы» газетасын һәм «Пионер каләм» журналын чыгаруда актив катнаша.

1935–1938 елларда, Казан Үзәк балалар китапханәсендә яшъ каләмнәр берләшмәсе оештырыла, һәм 8 нче класста укыган Ж. Тәржеманов әлеге түгәрәккә әгъза булып сайлана. Берләшмәнең җитәкчесе итеп шагыйрь Галимҗан Мөхәмитшин билгеләнә. Мондагы

утырышларга да еш кына күренекле шагыйрь һәм язучылар килеп, яшь буынны үзләренен ижат лабораторияләре белән таныштыралар. Әлеге берләшмә эшчәнлегенен матур нәтижә буларак түгәрәктә актив катнашкан яшь талантларның 1938 елда Татгосиздат нәшриятында «Шат балалык» исемле шигырьләр һәм хикәяләр җыентыгы нәшер ителә. Анда Ж. Тәржемановның «Роза» исемле шигыре дә кертелгән [9: 101–106].

Әле 7 нче класста укыганда, 1935 елның 23 февралендә «Яшь ленинчы» газетасында аның «Безнең җавап» исемле беренче шигыре басылып чыга. Шул көннән башлап даими рәвештә шигырьләре, мәктәп тормышына багышланган мәкаләләре, укучылар өчен төрле уен һәм башваткычлары, шигырьләренә ясаган рәсемнәре газета битләрендә даими күренгәли башлый. 1938 елда, 10 нчы класста укыганда чагында, «Галстук» исемле беренче китабы дөнья күрә [6]. Яшь шагыйрь ижатына матбугатта уңай бәяне Абдулла Алиш бирә һәм 1940 елда «Кызыл Татарстан» газетасында аның Ж. Тәржеманов китабы турында «Беренче карлыгачлар» исемле мәкаләсе басыла. Шулай ук А. Алиш аның «Балалар шатлыгы» исемле китабының редакторы да булган. 1941 елда типографиягә бирелеп, басылмыйча калган әлеге китапның Ж. Тәржеманов кулъязмасын да таба алмавын яза [7: 97].

1938 елда мәктәпне тәмамлагач, Ж. Тәржеманов С.М. Киров исемендәге Казан химия-технология институтының механика факультетына укырга керә. Студент еллары авыр сугыш елларына туры килә. Институтта уку белән бергә, хәрби заводта автомат-станокларны көйләүче инженер-технолог булып эшли. 1944 елда диплом яклап, институтның металллар технологиясе кафедрасында аспирантурага калдырыла. 1950 елны ул техник фәннәр кандидаты дигән гыйльми дәрәжә алу өчен диссертация яклый һәм аннан соң, чирек гасырдан артык металллар технологиясе кафедрасында доцент булып эшли. Ун елга якын институтта нәшер ителгән «Гыйльми язмалар» журналының җаваплы сәркатибе һәм мөхәррире вазифаларын башкара. Аның дистәләрсә гыйльми хезмәтләре бар. Фән һәм техника өлкәсендәге казанышлары өчен Ж. Тәржемановка 1981 елда «Татарстан АССРның атказанган фән һәм техника эшлеклесе» дигән мактаулы исемгә лаек була.

Сугыштан соң Ж. Тәржеманов яңа көч һәм омтылыш белән ижат юлына баса. 1946 елда классташы, СССРның халык рәссамы, СССР Дәүләт премиясе лауреаты Харис Якупов белән берлектә, «Ачкыч һәм баскыч» исемле китап ижат итә. Җыентык мәктәпкәчә һәм башлангыч мәктәп яшендәге балалар өчен язылган. Автор бала психологиясен яхшы белә, аның шигырьләре җиңел укула, теле халыкчан гади, музыкаль яңгырашлы, алар төгәл рифмага ия. Ж. Тәржемановның аерым

шигырьләре композиторлар тарафыннан музыкага салынган. 1930 елларда ук, мәктәптә укыган чорда ул Ж. Фәйзи музыкасы белән «Гөл бакчасы илебез» жырын бастырган була. Сугыштан соң, алтмышынчы елларда аның шигырьләренә Фәрит Яруллин, Жәдүт Фәйзи, Мансур Мозаффаров, Алмаз Монасыпов, Заһид Хәбибуллин һ.б. танылган татар композиторлары көйләр яза. Шулардан иң танылганнары һәм балалар яратып жырлый торган әсәрләр булып «Бәйрәм жыры», «Якын дус», «Лагерь жыры», «Яңа елны каршылау» һ.б. тора. Әдип бала чагында, олы абыйларынан карап, мандолина, скрипка һәм пианинода уйнарга өйрәнә. Соңрак ул композитор Л. Хәмиди белән берлектә «Тургай» музыкаль комедия либреттосы ижат итә [1: 10]. Музыкага, шигърияткә гашыйк булган кеше генә моның кадәр популяр музыкаль әсәрләр ижат итә алган.

1947 елда Ж. Тәржеманов СССР язучылар берлегенә кабул ителә. Әдипнең алтмышынчы еллар башына кадәр әдәби ижаты тулысынча балалар, бигрәк тә кече яшьтәге балалар әдәбияты белән бәйлә диюргә була. Аның шигырьләре дөньяга һәм тормышка сабыйларча гажәпләнеп карауга, көр күнеллелеккә, тапкырлыкка, шатлыклы юморга корылганнар. Шушы чорда аның «Галстук», «Ачкыч һәм баскыч», «Күзлек», «Кояшлы иртә», «Ямьле көн» кебек егермедән артык китабы дөнья күрә.

Ж. Тәржеманов татар балалар әдәбиятын шигырьләр белән генә түгел, хикәяләр, мәктәп пьесалары, инсценировкалар, фәнни-популяр әсәрләр белән дә баста. Аның «Тукран малае Шуктуган», «Шаян һәм наян», «Көмешкойрык мажаралары», «Ябалак һәм тавык» исемле әкиятләре рус, инглиз, испан, гарәп, поляк, румын, чех һәм башка телләргә тәржемә ителә. Аның әкият һәм хикәяләре укучы өчен яңа бер дөнья ачалар. Шигъри проза белән язылган бу әсәрләр зур кызыксыну белән укыла. Табигатьнең матур күренешләре күз алдына килеп баса, төрле хайваннар, кошлар, балыклар тормышы сурәтләнә. Әдип балаларның күңелен әсир итәрлек, сокланырлык, йоклаганда төшләренә керерлек мавыктыргыч әдәби образлар тудыра белә. Аның һәр әсәре укучыга нинди дә булса бер акыллы фикер белдерә. Әкиятләр һәм хикәяләр кызыклы сюжетка корылганнар, композицион яктан алар төзек һәм жыйнак эшләнгәннәр. Аларда сурәтләнгән вакыйгалар укучыларны бик тиз үзләренә жәлеп итәләр.

60 нчы еллар башыннан Ж. Тәржеманов яшьләр һәм өлкәннәр өчен ижат итә башлый. Күп еллар буена фән өлкәсендә кайнаган шәхес буларак ул Н.И. Лобачевскиның фәнни эшчәнлегенә белән тирәнтен кызыксынган һәм аны югары бәяләгән. Башта галим турында

кыска очерк язудан башланган бу эш, бай фактик материаллар туплау нәтижәсендә, әдипне прозада әдәби-документаль эсәр язуга этәрә. Язучылар өчен архив документлары бетмәс-төкәнмәс рухи хәзинә, яңадан-яңа ижади ачышларга илтүче илһам чыганагы, юл башы. Ж. Тәржеманов архивта утырып, Н.И. Лобачевскийга кагылышлы кызыклы, кыйммәтле язучулар һәм документлар белән эшли. Аның максаты – бөек галимнең исемең популярлаштыру, яңа буынга аның турында бай материал җиткәзү. Ул галимнең тормышы шул яшьләренә яшәү рәвешен формалаштыру өчен үрнәк булсын дип теләгән. Шуңа да романның беренче өлеше Лобачевскийның ачышка кадәр булган тормышын, аның Казанга килүе, интернат тормышы һәм университетыга уку чорына кагыла. Ниһаять, 1965 елда аның бөек математик Н.И. Лобачевскийның тормышы һәм фәндәге беренче адымнары турында «Лобачевскийның яшьлегә» (рус. «Юность Лобачевского») һәм 1971 елда тулыландырылган «Көмеш дага» (рус. «Серебряная подкова») исеме астында документаль романны басылып чыга.

Ж. Тәржеманов булачак математикның Казан гимназиясендә укыган елларында ук фән белән тирәнтен кызыксынуы, борынгы язмаларны уку өчен телләр өйрәнүе, Румовский, Карташевский, Нигъмәт Ибраһимов кебек прогрессив галимнәр белән дуслыгы һәм, ниһаять, бөтен гомере буга эзләнгән ачышын – неевклидова геометрияне иҗат итүен жанлы картиналар ярдәмендә, тәэсирләнеп итеп яза.

Романның гыйльми мәсьәләләргә кагылышлы урыннары авыррак, фәнни әдәбият теле белән язылган булса да, Казан университеты ачылу, студентлар тормышы, башка тарихи вакыйгалар, геройларның шәхси тормышлары эсәргә жанландыра, унутуыңчы гасырның иҗтимагый-сәяси атмосферасын шактый тулы күзалларга ярдәм итә.

Ж. Тәржемановның тарихи романы рус, инглиз, француз телләренә тәржемә ителеп, басылып чыга. Лондондагы танылган инглиз язучысы Грэм Вайтекер романны «Серебрянная подкова» исеме белән инглиз теленә тәржемә итеп бастыра. Француз язучысы Колетт Казаматта тарафыннан «Геометрия богов» исеме астында француз телендә чыга. 1992 елда язучы романның бер нөсхәсен Франция президенты Франсуа Миттеранга бүләк итеп җибәрә. Җавап буларак президент тарафыннан язучыга рәхмәт хаты җибәрелә. Бу татар әдәбиятын үстерүдә яңа этап булып тора. Ул вакытта аның эсәрләре белән Көнбатыш Европа укучысы таныша башлый.

Гомеренә соңгы көннәре кадәр Н.И. Лобачевский музее булдыру турында янып йори. Моның турыда аның вакытлы матбугат битләрендә дөнья күргән күп санлы мәкаләләре дә исбат итә [2: 2; 8: 2].

1987 елда Ж. Тәржеманов Казан университетына музей булдыру өчен 2500 сум акча тапшыра. Нотариус тарафыннан расланган элге документ күчermәсе хәзерге вакытта Милли архивта язучы фондында саклана. 2017 елда Казан Федераль университетында элге музей танталаны рәвештә ачыла.

Ж. Тәржеманов Казанда 1995 елның 9 мартында вафат була.

Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге архивында 160 нчы сан астында язучы, шагыйрь Жәвад Тәржемановның архивы саклана. Материалларны әдип үзе исән чагында «Мирасханәгә» тапшыра. Алар язучы архивының бер бөләкәй өлешен генә тәшкил итә. Фонд 4 описьтан тора. Анда язучының ижаты һәм биографиясенә кагылышлы 19 документ, почтасыннан 120 документ, 7 фоторәсем һәм башка кешеләргә кагылышлы 5 чыганақ бар. Әдип мирасының калган өлеше Милли архив фондларына тапшырылган. Алга таба аның шәхси архивларын өйрәнү аша да укучы элге күренекле шагыйрьнең ижат лабораториясе белән тирәнрәк таныша алыр дигән өметтә калабыз.

Ж. Тәржеманов – дөнья халыкларының 20 теленә тәржемә ителеп басылган һәм гомуми тиражы биш миллионнан артып киткән 80 китап авторы. Әдәбият майданына бик яшьли килеп, үзенң бөтен ижатын диярлек нәниләргә багышлады. Әдип балалар психологиясенә бөтен нечкәлекләрен өйрәнәп, аларның зәвыкларын, теләкләрен тирән аңлап, алар яратып укырлык искиткеч матур шигырьләр, әкиятләр һәм кечкенә хикәяләр язып, алдагы буын балаларына бай мирас калдырды.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Татар энциклопедиясе. 6 т. Казан: Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 611 б.

2. Тәржеманов Дж. «Когда же будет музей Лобачевского?» // Вечерняя Казань. 1992. 13 февр. С. 2.

3. Тәржеманов Ж. «Гаенша бабай шигырьләре» // Сабантуй. 1992. 4 июль. Б. 4.

4. Тәржеманов Ж. «Сирап күпере»ндә сыналу вә «тәмуглык» бәндәләр... «ожмах»ка элэгә // Иман. 1994. № 6 (32). Б. 6–8.

5. Тәржеманов Ж. Балачак сабаклары // Шәһри Казан. 1993. 18 ноябрь. Б. 3.

6. Tärçemanof, Ç. Galstuk: balalar öcen şigerlər / [çäv. red. Ә. Yunus]. Qazan: Tatgosizdat, 1938. 31 b.

7. Тәржеманов Ж. Очрашулар, очрашулар...: сәяхәтнамәләр, истәлекләр, эзләнүләр һәм әдәби портретлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 367 б.

8. Тәржеманов Ж. «Галим юбилеена» // Социалистик Татарстан. 1989. 5 февр. Б. 2.

9. Şat balalıq:[al'manax] / töz. h. kereş syz jazusъ G. Xäsänef; [çäv. red. Z. Sađıjova]. Qazan: Tatgosizdat, 1938. B. 101–106.

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА САДРИ ДЖАЛЯЛЯ В ПРОЗЕ АЙГУЛЬ АХМЕТГАЛИЕВОЙ

Р.Р. Хусаенова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

*Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РФФ
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта
«Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых
научных исследований малыми отдельными научными группами»
(региональный конкурс)» № 24-28-20211*

В статье рассматривается рецепция творчества Садри Джаляля, выдающегося татарского писателя-реалиста, в прозе современной татарской писательницы Айгуль Ахметгалиевой. Анализируются тематические, стилистические и идейные переклички между произведениями двух авторов, выявляются способы переосмысления классического наследия в современной литературе.

Ключевые слова: Садри Джаляль, Айгуль Ахметгалиева, татарская литература, рецепция, преемственность, реализм, социальная проблематика.

The article examines the reception of the work of Sadri Jalal, an outstanding Tatar realist writer, in the prose of the modern Tatar writer Aigul Akhmetgalieva. Thematic, stylistic and ideological roll calls between the works of two authors are analyzed, ways to rethink the classical heritage in modern literature are revealed.

Keywords: Sadri Jalal, Aigul Akhmetgalieva, Tatar literature, reception, continuity, realism, social issues.

Вопрос о литературной преемственности и переосмыслении классического наследия является одним из ключевых в современной литературе. Татарская литература, обладая богатым прошлым, активно взаимодействует с творчеством своих классиков, находя в нем новые смыслы и перспективы для развития. В этом контексте представляет особый интерес изучение рецепции творчества Садри Джаляля (1891–1943), видного татарского писателя-реалиста, в прозе Айгуль Ахметгалиевой (род. 1973), современной татарской писательницы, известной своими произведениями, затрагивающими актуальные проблемы современности.

Творчество Садри Джаляля, с его пристальным вниманием к социальным проблемам, быту и психологии татарской деревни начала

XX века, оставило заметный след в татарской литературе. Его произведения отличаются реалистичным изображением жизни, глубоким проникновением в характеры персонажей и острым чувством социальной справедливости.

Айгуль Ахметгалиева, как представитель современной татарской литературы, не могла не обратиться к творчеству Садри Джалаля, оказавшего значительное влияние на развитие татарской прозы. Хотя прямое цитирование или открытые аллюзии на произведения Садри Джалаля в прозе Ахметгалиевой встречаются не часто, косвенное влияние его творчества прослеживается в ряде аспектов ее произведений:

1. Общая проблематика:

– Изображение сельской жизни: как и Садри Джалаля, Айгуль Ахметгалиева уделяет большое внимание изображению жизни в татарской деревне. Она показывает как ее красоту и самобытность, так и ее проблемы и противоречия. В ее произведениях, как и в произведениях Садри Джалаля, поднимаются вопросы о судьбе деревни, о сохранении татарской культуры и языка, о взаимоотношениях между поколениями.

– Социальные проблемы: Ахметгалиева, как и Садри Джалаля, не обходит стороной острые социальные проблемы. В ее произведениях затрагиваются темы бедности, безработицы, алкоголизма, социального неравенства. Она показывает, как эти проблемы влияют на жизнь людей, как разрушают семьи и судьбы.

– Морально-этические вопросы: оба писателя затрагивают сложные морально-этические вопросы. Они показывают, как люди делают выбор в сложных жизненных ситуациях, как они поступают в соответствии со своей совестью или под давлением обстоятельств.

2. Типы персонажей:

– Простые люди из народа: в произведениях Ахметгалиевой, как и в произведениях Садри Джалаля, центральное место занимают простые люди из народа – крестьяне, рабочие, учителя, врачи. Они изображаются реалистично, со всеми их достоинствами и недостатками.

– Интеллигенция: Ахметгалиева, как и Садри Джалаля, уделяет внимание образу татарской интеллигенции. Она показывает ее роль в обществе, ее стремление к просвещению и прогрессу, ее проблемы и разочарования.

3. Реалистический стиль:

– Ахметгалиева, как и Садри Джалаля, придерживается реалистического стиля в своих произведениях. Она стремится к достоверному изображению жизни, к правдивому отражению характеров и событий.

Ее произведения отличаются вниманием к деталям, к бытовым подробностям, к психологическим переживаниям персонажей.

4. Новые интерпретации классических тем:

– Ахметгалиева переосмысливает некоторые темы, затронутые Садри Джалялем, в контексте современной действительности. Она рассматривает проблемы сохранения татарской культуры и языка в условиях глобализации, влияние современных технологий на жизнь людей, новые формы социальной несправедливости и неравенства.

Повести «Дим буенда» («На берегу Демы») Садри Джаляля и «Таллыкүлдә былбыл бар» («Соловей озера Таллыкуль») Айгуль Ахметгалиевой, несмотря на разделяющие их десятилетия, обнаруживают ряд важных сходств, свидетельствующих о преемственности литературных традиций и общности проблем, волнующих татарский народ.

Главные герои обоих произведений подвергаются нелегкой жизни, их судьбы повторяются. В произведении «Дим буенда» автор описывает трагическую любовь Рустема и Фариды, а в повести «Таллыкүлдә былбыл бар» – Шамиля и Наили.

Рустем и Фаридка любят друг друга робкой, трепетной любовью, впадают в уныние из-за того, что не могут вовремя признаться в своих чувствах, испытывают глубокие страдания. Болезнь Фариды усиливается от этой скрытой и мучительной любви: она желтеет, худеет, как восковая свеча, время от времени кашляет, сохнет день ото дня, и в конечном итоге, став жертвой любви, уходит из этого светлого мира.

Так же и в произведении «Таллыкүлдә былбыл бар» главные герои любят друг-друга, но не могут быть вместе. Главный герой Шамиль, не приезжавший в деревню 25 лет после смерти бабушки, поражен состоянием Таллыкуль: *«Зариф янына сугылганчы ук, күкрәгендә актарылган дулкын шавын тыя алмыйча, аскы урамнардан, Таллыкүл буйларынан урап килгән һәм аптыраудан шаккаткан иде. Авыл урамыннан үләт чире кырып үткәнмени: хәллә генә күренгән йортлар янәшәсендә капка буен бил тиңентен кычыткан баскан, тормыш җаме сүнгән, хужасыз калган байтак өйләр күзгә ташлана. Чокырланып беткән юллардан бүгенгедәй коры көнне дә рәтләп йөрерлек түгел. Яңгыр-мазар яуса, җиңел машина белән авылга бөтенләй керешлечыгышлы булмыйдыр, мөгаен. Ә Таллыкүл?... Ул юк, бөтенләй булмаган кебек юкка чыккан; иелә-бөгелә елаган таллар гына кемнәндер ярдам сорاپ сыкрана шикелле. Шул тирәгә өелгән чүплек тавы гына бирегә адәм балаларының сукмагы өзелмәгәннен сөйли иде. Шамиль күзә күргәннәргә ышанмыйча, машинасыннан төшеп, таллар яны-*

на якынка килде. Борынына бәрелгән эшкә истән куңеле болганса да, кире борылырга ашыкмады. Кайчандыр ай нурында шадраланып торган тымызык кул өсте урынында төзелеш калдыклары, иске машина кабинасы, капчык-капчык аллэ тавык, аллэ үрдәк йоннары, бәдрәф кагазьләре, күгәрәп бер-берсенә ябышкан кием-салым, хәтта сарык үләксәләренә хәтле аунап ята иде» [1: 11–12] («Еще не доехав до Зарифа, не в силах сдержать шум волнения, что поднимался в его груди, он объехал окольными путями по нижним улицам, по берегам Таллыкуль, и от изумления застыл. Словно чума прошла по деревенской улице: рядом с домами, которые выглядят вполне благополучными, у калитки по поясу выросла крапива, угас жизненный интерес, в глаза бросается много бесхозных домов. По изрытым дорогам даже в такой сухой день нормально не проехать. Если пойдет дождь, то на легковой машине в деревню, наверное, совсем не въехать и не выехать. А Таллыкуль?.. Его нет, словно его и не было вовсе; только склонившиеся в плаче ивы стонут, словно просят у кого-то помощи. Только гора мусора, наваленная в том месте, говорила о том, что дорога сюда не заросла. Шамиль, не веря своим глазам, вышел из машины и подошел к ивам поближе. От отвратительного запаха, ударившего в нос, его замутило, но он не спешил повернуться назад. На месте когда-то рябившей в лунном свете тихой глади озера лежали строительные отходы, старая кабина машины, мешки то ли с куриными, то ли с утиными перьями, туалетная бумага, позеленевшие и слипшиеся тряпки, даже трупы овец»; подстрочный перевод. – Р.Х.).

Образ Наили – светлое воспоминание детства Шамиля, описывается параллельно с деревней. И деревня, и Наили были невероятно красивыми в прошлом, а сегодня находятся в «ужасном» состоянии: «Авыл урамыннан үләт чире кырып үткән диярсең...» [1: 11] («Словно чума прошла по деревенской улице...»). У ворот Каенлы крапива высотой в пояс, дороги ухабистые, озеро Таллыкул высохло и превратилось в свалку. Один неверный шаг ломает жизнь Наиле: она случайно беременеет, после рождения ребенка отказывается от него, начинает пьянствовать и всю жизнь живет в ожидании любимого человека – Шамиля. Шамиль, хотя и создает семью вдали от нее, тоже всю жизнь скучает по ней. В конечном итоге, спустя 25 лет, после встречи с Шамилем она узнает, что его семья взяла на воспитание дочь Наили. Она, потерявшая вкус к жизни и не знающая, как жить дальше, обрывает свою жизнь самоубийством в петле.

В обоих этих произведениях речь идет о трагических судьбах и любви.

Одним из романтических мотивов, тесно связанных с любовью в произведении, является природа. Природа на берегу Дёмы изображается в разные времена года в связи с душевным состоянием влюбленных пар. Хотя тайная любовь молодых людей зарождается ранней весной, расцветает в их мечтах летом, кажется, будто осенью звезды на небе, и вообще вся природа смеются над их робостью, над тем, что они не могут признаться в своей любви.

В произведении Айгуль Ахметгалиевой «Таллыкүлдә былбыл бар» отчетливо прослеживаются элементы рецепции творчества Садри Джалаля. Это проявляется в схожей тематике, в типах персонажей, в реалистическом стиле, в использовании народной речи и в общих идейных посылах. Айгуль Ахметгалиева, опираясь на традиции, заложенные Садри Джалалем, создает свое произведение, отражающее современные реалии и проблемы татарского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әхмәтгалиева А.Г. Таллыкүлдә былбыл бар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 287 б.
2. Жәләл С. Дим буенда: повесть, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 256 б.

УДК 821.512.145

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСКОГО ПОЭТА РКАИЛЯ ЗАЙДУЛЛЫ

А.А. Шамсутова

Академия искусств (Турция, Конья)

Творчество современного татарского поэта Ркайля Зайдуллы с первого взгляда привлекает противоречивостью своей философии. В ней мы можем увидеть и философию, основанную на рационалистических доводах, и своеобразную философию наблюдения, в которой поэт измеряет бытие, историю, чувства через переживания момента и истории. Данная статья посвящена исследованию поэтических произведений последних лет Р. Зайдуллы. Этот период его творчества больше похож на стремление поэта по-новому осмыслить и дать новую философскую оценку событиям предшествующих эпох. В статье анализируется актуальность философских концепций Р. Зайдуллы, использование им своеобразных художественных приемов, как «недосказанность» и «противопоставление мысли и высказанного слова», игра слов, чтобы

выразить глубокие переживания, метафизическую истину, моменты экзистенциального бытия и ностальгии.

В свете анализа основных философских концепций поэта раскрываются своеобразные образы и мотивы, свободные стихотворные строки, где через искажение традиционных форм выражается стремление автора уйти от «метрического» времени.

Ключевые слова: творчество Ркайля Зайдуллы, современная татарская литература, философская лирика, экзистенциальная философия, татарский народ.

The poetry of the contemporary Tatar poet Rkail Zaydulla (Zaydullin) is intriguing due to the inconsistency of his philosophical approach. It combines a rationalistic philosophy with a more observational philosophy, where the poet measures existence, history, and emotions through the lens of the present and the past.

This article explores the poetic works of Rkail Zaydulla in recent years. They reflect his desire to reevaluate and reinterpret the events of previous eras from a new philosophical perspective. The article examines the significance of Rkail Zaydulla's philosophical ideas, his unique poetic techniques such as understatement and the contrast between thought and spoken word, and his use of wordplay to convey profound emotions, metaphysical truths, moments of existential reflection, and nostalgia.

Through a close examination of the poet's fundamental philosophical ideas, we can discern unique symbols and themes, as well as unique verses where the author's yearning to transcend the constraints of metrical time is manifested through the distortion of conventional structures.

Keywords: poetry of Rkail Zaydulla, contemporary Tatar poetry, philosophical Tatar poetry, existential philosophy, cultural identity of the Tatar people.

Ркаиль Зайдулла (Ркаиль Зайдуллин, 1962) – один из ведущих поэтов современной татарской поэзии. Творчество Ркайля Зайдуллы с первого взгляда привлекает противоречивостью своей философии. В ней мы можем увидеть и философию, основанную на рационалистических доводах, и своеобразную философию наблюдения, которая, когда поэт измеряет бытие, историю, чувства через переживания момента и истории. Его мышление, образные ассоциативные сравнения близки к мышлению восточных озанов (песнопевцев): он выражает через ощущения все явления, запечатленные его взглядом, дает им смелую оценку. Мы можем назвать его и поэтом-бунтарем, полностью принявшим онтологическое бытие, и героической личностью с сильным духом, способным противостоять экзистенциальным противоречиям жизни, бытия и судьбы.

Творчество Р. Зайдуллы последних лет больше похоже на его стремление по-новому осмыслить и дать новую философскую оценку событиям предшествующих эпох. (Для анализа взяты стихотворения из электронного источника творчества Р. Зайдуллы) [1]. Он – уважаемый поэт своего времени и народа, почти полвека несущий на своих плечах судьбу татарского народа, признает, что всегда помнить о национальной трагедии – это непростая задача. Такое трагическое ощущение, укрепившееся в национальной памяти, кажется, мешает татарскому человеку экзистенциально выпрямиться и написать свое будущее в светлых и оптимистических красках.

Одна из основных концепций, которая лежит в основе творчества Р. Зайдуллы – это концепция «памяти». Эту концепцию можно рассмотреть в двух ипостасях: как «онтологическую память» и как «национальную память». В его произведениях, в основном, бытие выражается как союз онтологической памяти и экзистенциальных противоречий национальной памяти.

Тема памяти в поэзии Р. Зайдуллы не сводится только к ностальгии по истории или прошлому. «Память» понимается как активный процесс переосмысления прошлого, его влияния на настоящее и формирования будущего. Поэт часто обращается к историческим событиям (войны, репрессии, социальные потрясения), но не просто рассказывает о них, а выясняет, как эти события до сих пор «живут» в коллективной и индивидуальной памяти индивида, воздействуя на психологию современного человека.

Память у Р. Зайдуллы наоборот, это активный процесс, это часть национальной экзистенциальной философии, основу которой составляет концепция «сабр» («будь терпелив»). Поэт понимает и советует, что экзистенцией можно управлять лишь с помощью данной философии. Жизнь – любовь – истинная вера, верность – счастье – эти ценности помогают не потерять свою индивидуальность перед лицом онтологической пустоты и в безднах онтологической памяти. В своих лекциях известный философ Р. Барт отмечает, что в онтологической памяти есть часть, называемая знанием, которая реализуется через перечисление рядов событий [2: 177–178]. Но есть еще одна часть в памяти, которая сильнее и превосходит знание – это Истина, это не бояться говорить Правду, даже если она горькая.

В творчестве Р. Зайдуллы национальное бытие пронизано такими константами, как «память», «история», «эпоха», «человек». Поэт использует широкий арсенал средств художественной выразительности и методов описания для выражения своих идей о памяти и,

в частности, о народной памяти. Память народа для него не просто совокупность исторических фактов, она приобретает черты опыта, душевных травм, побед, мифов, традиций, передаваемых из поколения в поколение. Для поэта «народная память» – это живая, вечно пульсирующая субстанция.

Хәтерлибез!
Әнә мин ул –
Ерып карлы яңгырны,
Сулышын тыңлыйм давылның,
Бәгыремдә тамыры.
Сөйгән ярың толмыннан
Кереш тартам жәягә...

(Мы помним!
Это я –
Иду через дождь со снегом,
Слушаю дыхание бури,
Его исток в моем сердце.
Из волос любимой
Делаю тетеvu для лука...)

(Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи).

В этих строках онтологические воззрения Р. Зайдуллина пропущены содержанием о памяти народа, которые обладают чертами присущими только национальным героям. Здесь прежде всего следует акцентировать внимание на понятии «память народа». «Память народа» – понятие, в котором наряду с национальным мышлением, отражаются и национальные коды, мотивы, опыт жизни и воззрений известных личностей предыдущих эпох [3: 263–305]. Чтобы всколыхнуть в памяти своего читателя целые пласты истории народа, Р. Зайдулла записывает не события, а имена личностей, внесших большой вклад в развитие культуры, называет их именами, обращается и к истории.

Углубление философского восприятия мира и его экзистенциального познания Р. Зайдуллой подтверждается в последующих строках.

Кайсы болыннарның исен
Китердең, жил, бу кичне?
Ул сине ишетмәс инде –
Ут сүнде, пәрде төште. («Пәрде»)
(Запах из каких лугов
Принес ты, ветер, в этот вечер?)

Он тебя не услышит больше –
Погасли огни, спустили занавес.) («Занавес»)

Через перечисление событий мы можем увидеть философские размышления Р. Зайдуллы о бытии, о судьбе и жизни человека, о течении времени и о пространстве бытия. С целью раскрытия категорий времени, бытия в поэзии Р. Зайдуллы часто используется концепция «игры».

Онытыла кайчак чынбарлык та.
Мин дә кайчак уйным ләбаса! («Йолдыз тузаны»)
(Забывается и реальность иногда.
И я тоже играю частенько!) («Звездная пыль»)

Эта концепция раскрывается через образы «сцена», «занавес», «игра».

Хотя концепция «игры» теоретически была выявлена и объяснена в трудах Западного философа И. Хейзинга [4], идея о том, что «жизнь – это всего игра», давно сформировалась в Восточной, древнетюркской литературе, имела место и в философии суфизма (Шамсуддин Табризи, Дж. Руми, Омар Хайям, Юнус Эмре, Наваи и др.).

Бу дөньяда урын алу кыен.
Дөнья – сәхнә. Ә без уенда.
Кем сыена аулак бер почмакка.
Ә кем алкышларга коена. («Мәртәбә»)
(Трудно получить место в этом мире.
Мир – это сцена. А мы в игре.
Кто просиживает спокойно в углу.
А кто купается в аплодисментах.) («Достоинство»)

В этих строках можем прочувствовать близость философских взглядов Р. Зайдуллы с экзистенциальной философией известного С. Кьеркегора [5]. В то же время отношение к жизни у Р. Зайдуллы близко к философии суфизма. В каждом из них философы ставят общечеловеческие ценности выше ценностей национального самоопределения, а потому произведения такого типа оказывают на читателя еще более сильное влияние, помогают понять онтологические причины бытия, преодолеть страх потери онтологической защиты. В экзистенциальном мышлении Р. Зайдуллы на передний план выходят такие понятия и чувства, как вечность и миг, уважение-свобода и время, молчание и страх, беспомощность.

Жил таныды безне, эндәште.
 Сиздеңме син? Нинди сүз икән?
 Ике яфрак тамды тын гына
 өрәңгенәң сары күзеннән. («Жил таныды безне»)
 (Ветер узнал нас, окликнул.
 Услышал ли ты? Что он сказал?
 Два листочка упало безмолвно
 Из пожелтевших клёна глаз.) («Ветер узнал нас»)

В этих строках образ ветра дает нам понять, бытие является онтологическим потоком; он ассоциируется с вестником, качующим из одной эпохи в другую, от одной географической плоскости к другой. Ветер связывает лирического героя с прошлыми столетиями и событиями, помогает обновлению онтологических воспоминаний.

В произведениях Р. Зайдуллы можно выделить несколько видов восприятия времени. Поэт признает субъективность и текучесть времени. Для его лирического героя время – не объективный поток, измеряемый часами, а скорее внутреннее, психологическое переживание. Поэт исследует, как ощущается время – оно растягивается в зависимости от эмоций, воспоминаний, ожиданий. Одно мгновение может быть бесконечным, а годы могут пролететь незаметно. Это часто выражается через свободные стихотворные строки, через искажение традиционных форм, что само по себе является отражением стремления уйти от «метрического» времени.

Категории «времени» Р. Зайдуллы присущи фрагментарность и многомерность. В этом смысле произведение «Мусафир» («Гость») несет прекрасные образы, символы, поэтические философские открытия.

Яланаяк чыгып киткән өйдән,
 Йолдызларга кадәр юл озын.
 Өметен ул бишмәт итеп кигән,
 Әлегәчә тоя жылысын. («Мөсафир»)
 (Босиком он ушёл из дома,
 Дорога до звезд далека.
 Надежду свою он накиннул как пиджак,
 До сих пор его чувствует тепло.) («Гость»)

В стихотворении рождается ассоциация о «рождении в этот мир» из строк об «отправлении в путь» из пространства Вечности-Творца; слова «дорога до звезд долгая» раскрывает и судьбу человечества, и судьбу нации, и то, что простой юноша стал известной личностью своего времени.

Галәм тынлыгында... мәңгелектә...
Беркем сизми ыгы-зыгыда,
Беркем сизми шуны! янәшәдә
Елый-елый йолдыз егыла. («Тавышлар»)

(В тишине Вселенной... в Вечности...
Никто не чувствует в этой суматохе,
Никто не замечает это! как рядом
Падает с плачем звезда.) («Голоса»).

Прекрасны предупреждения поэта о том, что нас ждет превращение в «звездную пыль» и поэтому стоит всегда помнить о магистралях истории, «растянувшихся на тысячи лет».

Яланаяк чыгып килә илдән –
Йолдызларга кадәр юл озын.
Иңнәренә язмыш галәм өйгән,
Һәм сагышның салган олысын. («Мөсафир»)

(Босоногим он уходит из родины –
Дорога до звезд далека.
Вселенную взгромоздила судьба на его плечи,
И великую печаль.) («Гость»)

Человек, пришедший в этот мир «босоногим», в конце жизни также и уходит босоногим к Создателю, не имея право брать с собой ничего, кроме своих деяний. И на этот раз Духу «предстоит пройти долгий путь к звездам». Эти строки наводят на мысль о том, что может быть, вместо того, чтобы быть частью великой нации и цивилизации, прославлять свой народ, Бог дал награду быть прославленным в мирах тем, кто не забыл, что он всего лишь странник в этом мире?

В заключении необходимо отметить, что философские и поэтические концепции Р. Зайдуллы, отраженные в произведениях последних лет наиболее интересны и насыщены. Поэт использует приемы «недосказанности» и «противопоставления мысли и высказанного слова». Впечатляет игра слов для того, чтобы выразить глубокие переживания, метафизическую истину, моменты экзистенциального бытия и ностальгии. Такой художественный прием можно сравнить с попыткой поймать ветер: его нельзя увидеть, но можно почувствовать; поэт пытается передать глубокие онтологические и экзистенциальные переживания через образы и метафоры.

Поэзию последних лет Р. Зайдуллы можно рассматривать как экзистенциальную тюрко-мусульманскую поэзию. В ней нет жесткого

отражения философии экзистенциализма, которую мы привыкли видеть в творчестве других поэтов. Одновременно можно ощутить сходные мотивы и темы с суфийской поэзией. Однако не стоит сравнивать его произведения с произведениями поэтов Востока по той причине, что поэзия Р. Зайдуллы и его поэтическая философия давно сформировались, достигли индивидуальных неповторимых высот, имеют свободный нрав. Мы можем изучать в его произведениях вечные ценности, отражающие свою непростую эпоху с катаклизмами и способы сосуществования человека с онтологической и экзистенциальной способами трансформации душ и духа. Его концепция «принятия жизни» такой, какая она есть способствует исследовать саму жизнь, свободу, ответственность, смысл жизни, смерти и взаимоотношения человека с Вечностью, с космосом с новых ракурсов. Что интересно: всё это невозможно уместить в рамках лишь той или иной философской теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ркаил Зайдулла. Шигыръләр // URL: <https://rkail-zaydulla.tatar/category/shigyrl-r/> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Барт Р. Три внешних пространства. Раскол. Выход из тупика. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 616 с.
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 263–305.
4. Хейзинга Й. Игра и культура // Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. 416 с.
5. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1 / авт.: Ю.С. Степанов, П. Серио, Д. Руденко и др. Харьков: Око, 1993. 192 с.

УДК 398

ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»

Е.А. Шаронова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск),

А.М. Шаронов

Научный центр социально-экономического мониторинга (Саранск)

В статье рассматривается становление героико-эпического образа в эпосе «Масторава». Эпический образ проходит несколько ступеней художественно-эстетического и идейного развития, которое выражено такими персонажами, как Сураля, Кудадей и Тёкшонь. Они

выполняют важные социальные и воинские функции, являясь предтечей образа Тюштяна. Явившись, Тюштян формирует этнос, предстает перед ним как богочеловек, доминанта его судьбы, причина его радостей и печалей. С Тюштяна начинается собственно поэтическая история народа, появление его государственно-политических, социальных, этнических и прочих воззрений.

Ключевые слова: «Масторава», книжная форма эпоса, эпический герой, Суралья, Кудадей, Тёкшонь, Тюштян.

The article examines the formation of the heroic-epic image in the epic “Mastorava”. The epic image goes through several stages of artistic-aesthetic and ideological development, which is expressed by such characters as Suralya, Kudadey and Tekshon. They perform important social and military functions, being the forerunner of the image of Tyushtyan. Tyushtyan forms the ethnos, appears before it as a god-man, the dominant of its fate, the cause of its joys and sorrows. With Tyushtyan begins the poetic history of the people, the emergence of its state-political, social, ethnic and other views.

Keywords: «Mastorava», book form of the epic, epic hero, Suralya, Kudadey, Tekshon, Tyushtyan

«Масторава», написанная на основе фольклорных сюжетов и мотивов, представляет собой литературный вариант героического эпоса эрзи и мокши. Понятие «книжная форма героического эпоса» появилось для обозначения авторских поэм и эпопей, написанных на фольклорном материале. Карело-финская «Калевала», эстонский «Каливипоэг», эрзянская «Масторава» – произведения подобного рода. В них есть фольклорные персонажи и сюжеты, но нет фольклора как такового. Однако они сохранили мысль и разум народа и имеют право именоваться его эпосом. Эпос – автономное художественно-эстетическое и идеологическое образование. Его мир, события, персонажи, время и пространство порождаются реальной исторической действительностью, но не являются прямым их отражением, независимы от нее, живут и развиваются по своим законам, природу которых в абсолютной степени познать невозможно.

Представляя собой генеалогический свод героических мифов, песен и сказаний, «Масторава» воспроизводит в поэтической форме историю эрзянского народа с момента возникновения государственности и до присоединения к Московской Руси. В ней рассказывается о творении мира и человека, возникновении обычаев, обрядов и традиций, формировании общественных отношений. Непосредственно во второй части «Кезэрень пинге» («Древний век») представлены

сюжеты, показывающие процесс становления эпико-героического образа. В ней центральными персонажами являются девушка-сирота Цеця, рыбак Андямо, охотник Сураля, родовой патриарх Кудайей, богатырь-воин и вождь народа Тёкшонь. Здесь раскрывается традиционная схема социальных взаимосвязей. Перед нами набор героев, составляющих основу общества: **Андямо** и **Цеця** – прародители, высокие нравственные и физические качества которых позволили через несколько поколений появиться на свет великому воину и вождю **Кудайею** – родовому патриарху, учредителю законов, норм поведения, обычаев и традиций, непререкаемому авторитету во всех делах и начинаниях и богатырю-воину и вождю **Тёкшоню** – воплощению силы, надежности, надежному способностью увлекать за собой людей. Им противостоят злой волшебник и змей Миняша, необходимые для того, чтобы герои получили возможность проявить свои замечательные свойства.

Противоречия между богом и человеком растут параллельно с хозяйственным, социальным и интеллектуальным развитием общества. Люди постепенно отдаляются от Творца, видоизменяя социум. Начинает формироваться образ эпического противника. Им становится многоглавый огнедышащий змей, олицетворяющий как внутренние, так и внешние враждебные силы. Эпическое сознание более сложное по сравнению с мифологическим, ибо предмет своего познания делает не абстрактную, а живую действительность борющегося за существование человека. Поэтика и эстетика сказаний второй части эпоса содержат элементы мифа, сказки, песни, топонимического предания. В мирозерцании огромную роль играют фантастическое, чудесное и волшебное. Центральным персонажам в совершении подвигов помогают сверхъестественные силы, существующие в реальном мире, по соседству с человеком. Основная особенность героя «Масторавы» в том, что он богочеловек, и ему покровительствует бог. Прочие ведущие персонажи (Цеця, Андямо, Сураля, Кудайей, Тёкшонь) совершают выдающиеся подвиги, но не ставят перед собой цели создания нового социума, как это делает Тюштян. Их задача – обеспечить собственное физическое выживание и рода, из которого происходят [1].

В сюжете «Зарождение новых обычаев» рассказывается о девушке-сироте Цеце (Цветок). Отец Цеци, став вдовцом, берет другую жену, которая заставляет её решетом воду таскать, баню топить сырой березой. Выход из безысходной ситуации подсказывает таинственный старичок: «Решето замажь сырою глиной, / Разровняй и высуши на

солнце; / Разожги печь ветками сухими, / После положи дрова сырые» [2: 107]. Цеця выполняет задания мачехи и получает два новых: сходить в лес за травой марёной и выстирать крашеное бельё в речке так, чтобы оно стало белым, как снег. С последним поручением она справиться не может и обращается к пролетающим уткам: «Ой вы, утки дикие, прошу я, / По перу по одному вниз бросьте, / По пушинке по одной отдайте, / Соберите, птицы, мне на крылья / И с собою на небо возьмите...» [2: 109]. Обретя крылья, Цеця вслед за утками полетела к берегу моря, где нашла мужа и прожила там три года. Соскучившись по родному дому, отправляется навестить родных, но они не верят в её возвращение и не приходят на встречу с ней. В память о себе Цеця оставила два крашенных яичка. Связь с родными прерывается навечно. Но в её биографии начинается новая страница: она имеет мужа, с которым обрела счастье и богатый дом.

Все происходящее с Цецей направлено на создание ею собственной семьи и обустройство семейного очага. В этом, – заключает народное сознание, – состоит цель и смысл бытия женщины. Выполнение задач, поставленных перед нею мачехой, совершенствует её и готовит к будущей семейной жизни в качестве жены и матери. Лишь преодолев препятствия и подтвердив свою человеческую полноценность, Цеця достигает главной цели. Муж Цеци – охотник Андямо до встречи с ней тоже был бездольным человеком. Во время охоты он увидел змея, горевшего в огне и молившего об избавлении. Однако, будучи спасённым, змей хочет съесть Андямо, который, разумеется, сопротивляется. Свой спор они просят разрешить старую лошадь, изгнанную хозяином со двора на съедение волкам. Обиженная на людскую жестокость лошадь советует змею уничтожить своего избавителя. Андямо предлагает обратиться за разрешением ситуации к девушке, стоявшей на берегу реки Рав (Волги): «Как я разрешу – не знаю дела? / Как я рассужу – не знаю спора? / Ты убей, пригожий парень, змея, / Застрели скорей его, Андямо» [2: 112]. Убив змея, Цеця и Андямо женятся и перестают быть бездольными. Мужчина и женщина, только обретя друг друга и создав семью, осознают свою полноценность.

У сына Цеци и Андямо Сурали назначение – спасти односельчан от голода и смерти во время небывалой засухи. Сураля – обыкновенный человек, но его миссия – героическая. В художественном отношении Сураля – персонаж со сказочно-мифологическими чертами, но с потенциалом эпического героя. Помощниками Сурали выступают чудесный орел, оказавшийся заколдованным братом волшебников, и загадочный лесной старик, требующий взамен оказываемой им

услуги то, о чем он не знает в покинутом им доме. Некоторые действия Сурали напоминают поступки карело-финского Вайнямейнена, подобно которому пением песен магически воздействует на предметы и явления, возвращает в подаренный ему чудесным орлом березовый короб выпущенное из него богатство. Но этот дар дан ему лишь на время. Вайнямейнен – демиург, Сураля – охотник, не наделенный способностью мироустройства. Однако обстоятельства, в которых он оказывается, заставляют совершать поступки героического характера. В Сурале воспеваются доброта, терпеливость, храбрость, ум. Благодаря им ему сопутствует удача, и он выходит победителем из самых трудных ситуаций, как это обычно бывает в волшебной сказке. В его образе мифологическое, сказочное и эпическое пребывают в разных мирах, между которыми, однако, есть связь пространства и действия.

Богатство, обретенное не крестьянским трудом, вне контакта с землей-матушкой, а чудесным образом, может даровать лишь иллюзорное счастье, и всегда требует дорогой платы за обладание им. Обыкновенный человек в фольклорном мире лишь при соблюдении определенных условий способен пользоваться и управлять изобилием, вырывающимся из таинственных предметов.

Сюжет о березовом коробе заимствован из волшебной-фантастической сказки. Для эрзянского героического эпоса волшебные предметы не характерны, ибо он ориентирован на воспроизведение того, «что было».

Новый тип героя представляет Кудадей – сын Сурали. Если Сураля – персонаж сказочный, то Кудадей – эпический. Победив в богатырском бою старика-волшебника, он на месте битвы ставит дом и основывает новый род. Его потомком станет знаменитый инязор Тюштян, создатель эрзянской государственности. Кудадей женится на 18 женах, рождает 77 сыновей и 77 дочерей. Сыновья и дочери основывают 77 сел. Он становится патриархом великого рода. Молодому Кудадю в бою с врагом помогает лесная волшебница, а отягощенному годами – Инешкипаз (Верховный Бог эрзи). Покровительство Инешкипаза указывает на особую миссию Кудадя: он родоначальник нового поколения эрзян, призванных прервать связь с мифическим прошлым и сделать первые шаги в эпоху с историческим сознанием, когда достаточно ясно обозначаются этнические, социальные и культурные контуры эрзянского общества.

В истории Кудадя переплетаются мифологические, фантастические и реалистические воззрения. Фантастическое проявляется

в обрисовке образа врага, предстающего в виде многоглавого огнедышащего змея, обладающего необыкновенной силой. Его может победить только герой, рожденный для выполнения именно этой задачи. Кудайей по происхождению не богатырь. Богатырем он чудесным образом становится накануне решающего сражения с врагом для совершения своего единственного воинского подвига. Его дальнейшая жизнь протекает в мирных трудах. Он осваивает новые земли и, увеличивая свой род, превращает их в цветущий край. Кудайей – созидатель, отец многочисленного семейства, мудрый воспитатель, хлебопашец, строитель, исполненный благодатной энергии. Поэтому его молитвы Инешкипаз всегда слышит и исполняет.

Внук Кудайея – Тёкшонь тоже вырастает с ясным сознанием данного ему небом предназначения: быть спасителем народа и его вождем. В его образе соединились признаки богатыря, совершающего воинские подвиги, и народного предводителя, что соответствует классическому типу эпического героя. На архаичность Тёкшоня указывает его противник – змей Миняша. Его богатырская сила естественна и человечна, а ум и характер имеют национальные свойства. Примечательна жена Тёкшоня – Мазай, не связанная со сверхъестественными силами и существами, сопоставимая с любой эрзянской женщиной. Мазай, в отличие от Тёкшоня, не волнуют общественные проблемы, она озабочена любовью к мужу и стремлением спасти его от смерти. Уходя на битву с Миняшей, Тёкшонь вонзает в дом золотую стрелу, кровотечение которой станет свидетельством беды. По этому знаку Мазай узнает о ней и отправляется на помощь.

По жанровой природе сказание о Тёкшоне сродни лиро-эпической поэме богатырского содержания. В первой его части описывается воинский подвиг Тёкшоня, во второй – переживания жены о муже, отправившемся на схватку со змеем, его поиск и спасение. Тёкшонь и Мазай – герои чрезвычайно активные, неукротимые в достижении поставленной цели, полные физической и духовной энергии. Такие образы могли сложиться в период поступательного развития эрзянского общества, когда оно с оптимизмом смотрело в будущее, чувствуя в себе достаточно сил для движения вперед. Любовь Мазай к Тёкшону, сильная и цельная. Спасая Тёкшоня, Мазай совершает подвиг не менее сложный и трудный, чем ее муж-богатырь, но мотивы поступка иные. Тёкшонь стремится добыть счастье для народа, его побуждают к героическим действиям социальные и патриотические чувства. Мазай думает только о себе и о муже, о личной жизни и о семье. Но это мнимая ограниченность помыслов героини. Сознательно сужая

свой мир пределами семейных интересов, женщина бессознательно расширяет его до границ интересов национальных: благополучная, счастливая семья во главе с умным, сильным, здоровым мужчиной – залог полноценности народа.

Сказание о Тёкшоне предшествует эпосу о Тюштяне. Тюштян формирует этнос, заставляет его отождествить себя с самим собой, предстает перед ним как богочеловек, доминанта его судьбы, причина его радостей и печалей. С Тюштяна начинается собственно поэтическая история народа, представление его государственно-политических, социальных, этнических и прочих воззрений.

Сказания «Суралья», «Кудадей», «Тёкшонь» – оригинальные поэмы, объединённые общностью тематики и идейного замысла. В них автор показывает процесс вызревания героического персонажа: Цеця, Андямо, Сурай, Суралья, Кудадей, Тёкшонь, Мазай – это ступени, по которым восходит эпическая поэзия к подлинному героическому персонажу – инязору Тюштяну. Создатель «Масторавы» выстроил ряд замечательных действующих лиц, в котором каждый последующий приближается к классическому образцу. Прекрасен Суралья, но он, добыв богатство, на этом и останавливается. Ещё лучше Кудадей, создающий могущественный род, но он остаётся патриархом, не вносит в свой социум элементы государственного управления. Тёкшонь совершает великий подвиг, спасая потомков Кудадеевского рода от смертельного гнёта змея Миняши, но тоже ограничивается решением одной важной задачи. Подобное развитие эпического персонажа обусловлено объективными факторами, спецификой исторического процесса. Время для подлинного героя ещё не наступило. «Кудадей» и «Тёкшонь» знаменуют переход от мифологических и мифолого-сказочных сюжетов и мотивов к героическим. Кудадей и Тёкшонь – предшественники легендарного царя Тюштяна, который объединил народ в государство на стадии перехода к раннеклассовым феодальным отношениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 212 с.
2. Шаронов А.М. Масторава. 5-е изд., испр. и доп. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2022. 512 с.

УДМУРТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТНОФУТУРИЗМ (по материалам полемики 1999–2009 годов)

В.Л. Шибанов

УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск)

Данная статья посвящена дискуссии об этнофутуризме, развернувшейся в Удмуртии в 1999–2009 годы. Этнофутуризм означает синтез архаических и инновационных, традиционных и постмодерных течений в литературе и искусстве. Сближение (или конвергенция) двух противоположных направлений было встречено неоднозначно. Некоторые исследователи (А. Хузангай, В. Шибанов, Э. Колчева) подчеркивали в этнофутуризме большие креативные возможности, другие (А. Ермолаев, Т. Зайцева) видели в нем угрозу для национального своеобразия. Ряд литературоведов (Ф. Ермаков, В. Ванюшев) настаивал внести в этот термин другой смысл, усиливающий этническое содержание понятия. Дискуссия об этнофутуризме дала определенный толчок развитию литературоведческой мысли в Удмуртии.

Ключевые слова: удмуртская литература, этнофутуризм, постмодернизм, конвергенция, литературная дискуссия.

This article is devoted to the discussion about ethnofuturism that unfolded in Udmurtia in 1999–2009. Ethnofuturism means a synthesis of archaic and innovative, traditional and postmodern trends in literature and art. The rapprochement (or convergence) of two opposing directions was met with mixed reactions. Some researchers (A. Huzangay, V. Shibanov, E. Koltcheva) emphasized the great creative potential of ethnofuturism, while others (A. Ermoayev, T. Zaitseva) saw it as a threat to national identity. A number of literary scholars (F. Ermakov, V. Vanyshev) insisted on introducing another meaning into this term, strengthening the ethnic side of the concept. The discussion about ethnofuturism gave a certain impetus to the development of literary thought in Udmurtia.

Keywords: Udmurt literature, ethnofuturism, postmodernism, convergence, literary discussion.

В первой половине 1990-х гг. на удмуртском языке появился ряд художественных произведений, не укладывавшихся в рамки привычных моделей. *Этнофутуризм* как рабочий термин стал одним из ведущих в споре о том, что же пришло на смену социалистическому реализму. В прозе и поэзии выделились С. Матвеев, Л. Нянькина, О. Четкарев, В. Ар-Серги и др. На театральной сцене новое слово сказал П. Захаров. Если в искусствоведении термин этнофутуризм был

принят как научный, состоялись защиты кандидатских диссертаций по марийскому искусству (Э. Колчева), чувашскому (М. Уколова), удмуртскому (Д. Семёнов) соответственно в Саранске, Казани и Москве (география весьма показательна), то в литературоведении, особенно в Удмуртии, слово этнофутуризм стало чуть ли не ругательством, во-круг этого понятия разразилась дискуссия.

Поводом для начала полемики послужила статья Н. Кондратьевой и В. Шибанова, автора этих строк, под названием «Йыринчукинлык яке Этнофутуризм, постмодернизм но туалы удмурт литература» («Вниз головой, или Этнофутуризм, постмодернизм и современная удмуртская литература»). Русскоязычная версия (но не перевод) этой статьи опубликована в том же году в сыктывкарском журнале «Арт» (1999. № 4). Этнофутуризм означает своеобразный синтез архаико-традиционного и инновационно-постмодерного начал в культуре. Чтобы выжить в условиях глобализации, национальная культура должна использовать современные технологии, не отказываясь от своих этнических ценностей. В статье отмечалось, что постмодернизм напрямую связан с Западом и его мировосприятием: «Поэтому, если это течение бездумно перевести на почву удмуртской культуры, то оно может принести нам много “болезней”» [10: 54]. Авторы статьи рассказали удмуртскому читателю в доступно-популярной форме, что означает постмодернизм, выделив такие его составляющие признаки: 1) мир как хаос и абсурд, 2) непривычно-странный тип героя, 3) текст как «мусорная корзина», или полистилистика. Исходя из этого, проанализировали несколько ярких произведений, которые можно назвать этнофутуристическими.

Полемике начал критик А. Ермолаев, подчеркнув, что в Удмуртии вообще не может быть постмодернизма, так как изначально в ней не было модернизма; затем критик перешел на теорию и практику этнофутуризма: «Все строится только по стандарту Америки и Европы. Таким вот образом этнофутуризм тоже оказывается вниз головой: куда исчезло движение каждого народа по собственному пути?» [4: 24]. По мнению Ермолаева, лишь в рамках реализма возможно создавать высокохудожественные произведения: «...Реализм вытерпит. Он умеет терпеть. Другие современные “-измы” разрушатся сами собой, как и предыдущие» [4: 23]. Критик весьма эмоционален: «Пускай современные критики и литературоведы, чтобы понравится заграничным любимчикам, хоть на голове ходят, хоть на животе ползают» [4: 23]. За всеми эмоциями проступает мысль: этнофутуризм несет удмуртам зло и разрушает их самобытность.

В то же время Ф. Ермаков предложил вложить в термин другой смысл, чем предыдущий; истинными этнофутуристами, на его взгляд, были те писатели, которые показывали этническую самобытность удмуртов в дореволюционные и советские годы: Г. Верещагин, К. Герд, Ф. Васильев. В текущей же литературе и особенно в прозе, на его взгляд, этнофутуризм потерял свою нравственную и художественную ценность. Анализируя прозу О. Четкарева и В. Ар-Серги, Ермаков пишет: «Они на самом деле в своих книгах сегодняшнюю жизнь начали изображать абсурдно, вниз головой» [3: 71]. Калейдоскопичность мира, фрагментарность характера персонажа, как считает ученый, являются следствием отсутствия мастерства или, в лучшем случае, недостаточно кропотливой работой автора.

В. Ванюшев тоже писал о необходимости переосмыслить термин «этнофутуризм» и вдохнуть в него другое содержание, отличное от предыдущего. Особенно он не приемлет диалога этнофутуризма с постмодернизмом, так как первый ассоциируется у него с космосом, а второй – с хаосом. Разве может полететь птица, напоминая он устоявшееся сравнение, если одно крыло будет космосом, а другое хаосом [1: 91]. В. Ванюшев предупреждает, что прием деконструкции, характерный для постмодернизма, несёт в себе разрушающую силу «*тйян*» [1: 92]. И всё же ученый довольно тонко вникает в суть этнофутуристических стихов Р. Мина и П. Захарова, считая их интересными экспериментами.

В дискуссию по-своему включились И. Котылева и А. Котылев, считающие первым этнофутуристом на земле Коми Каллистрата Жакова. Они заметили, что в удмуртской культуре наблюдается крайность «восхваления неоязычества» с целью «возродить древнюю культуру, обрести мировую гармонию и т. п.» [11: 133]. В этом они видят опасность, так как в Республике Коми самым заметным выпадом против этнофутуризма была телепередача, подготовленная журналистом Т. Холодиловой: «Эта программа имела явную цель: заклеить проявления язычества в современной культуре, якобы с христианских позиций» [11: 133].

Одной из промежуточных итоговых работ по этнофутуризму стал трёхязычный каталог «Егит гондыр веме...» (2002), посвященный ранее проходившим в Удмуртии семи фестивалям. Широко представлен в каталоге коми, эстонский, финский контекст, в центре внимания не только литература и живопись, но и другие сферы искусства. Ю. Лобанов, один из идеологов нового движения, автор государственной символики Удмуртии, писал: «Ставить шаманские перформансы

после моноспектакля Ольги Александровой “Три свадебных напева” безумно сложно: своим спектаклем она уже почти всё сказала» [13: 109]. Постепенно к движению начинают подключаться художники из Татарстана, в 2003 г. на фестивале «Пельнянь» участвовала делегация из Набережных Челнов (группа «Тамга»).

Итак, одной из самых дискутируемых проблем в литературоведении стало соотношение понятий этнофутуризм и постмодернизм. Представителям старшего поколения никак не хотелось расстаться с термином «реализм». Чтобы смягчить пыл полемики, Н. Витрук предложил термин *реалистический этнофутуризм*: «Рамки этнофутуризма довольно широки и включают различные направления и течения. Жизненной силой отличается реалистический этнофутуризм» [2: 47–48]. Соотношение двух понятий стало созвучно процессу конвергенции, описанному Н. Лейдерманом и М. Липовецким на примере русской советской литературы [14: 8–10].

Т. Зайцева выделила в 2004 г. два изъясна в новом направлении: «Приверженцы этнофутуризма осушают, опустошают литературу, они не видят, не считают нужным других путей и методов, анализирующих произведения» [5: 63], «современная удмуртская литература показывается без связей с русской литературой» [5: 64]. С ее точки зрения, этнофутуризм является не только художественным, но научно-теоретическим методом, исключая приёмы других научных школ. В последующей работе Т. Зайцева писала: «Чрезмерная увлеченность наших литераторов идеями зарубежных структуралистов, постструктуралистов и т. д. (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ж. Деррида, Г. Блум, М. Хайдеггер и др.) наметила разрыв, с моей точки зрения, между практикой и теорией литературы. Зачастую термины и категории, разработанные применительно к другой культуре, механически прилагаются к произведениям удмуртских писателей» [6: 9–10].

В 2004 г. опубликованы материалы «круглого стола», проходившего в Муниципальной галерее Ижевска и предвадившего Восьмой этнофутуристический фестиваль «Пельнянь» (18–21 июня 2003 г.). В центре внимания были вопросы выживания национальных культур в условиях глобализации. Инициаторами дискуссии стали преподаватели Удмуртского университета искусствовед Н. Розенберг и художник С. Орлов. В разговоре участвовало более двадцати человек, в том числе иностранцы. Основной разговор шел о живописи. Психолог С. Сироткин вспомнил известное сравнение, что противопоставление глобализации и этничности напоминает соседство космодрома и деревянного туалета: «И если глобализация это некое выравнивание,

в конце концов туалет уйдет, и на его месте возникнет космическая площадка»; на смену «детской непосредственности» (этнофутуризм) придёт «чувство реальности мира» (глобализация и постмодернизм) [16: 39]. Многие участники «круглого стола» не согласились с такой мыслью, ответную реакцию можно резюмировать таким образом: «Не лучше ли использовать глобализацию в нашу пользу, чем нас будут использовать в ее пользу» [16: 40].

Не столько об этнофутуризме, сколько о времени, предшествовавшем ему, размышляют В. Владыкин и Н. Розенберг. Их статья опубликована в диалоговой форме в академическом издании «Удмуртская мифология» (Ижевск, 2005) под заглавием: «Этнофутуризм: воспоминание о будущем?» По мнению ученых, этнофутуризм не является явлением случайным: «Можно по-разному к нему и относиться, оценивать, но не замечать его уже нельзя» [15: 158]. Но если первый из них считает, что в рамках соцреализма уже была достаточная «степень свободы», чтобы естественно сформировалось новое направление, то, по мнению другой, этнофутуризм есть открытый вызов соцреализму, ибо «механизмы советской культуры в отношении творческих людей работали особенно сокрушительно» [15: 150]. Авторы много говорят о поэзии Ашальчи Оки, картинах Менсадыка Гарипова. За границами финно-угорского мира Н. Розенберг не видит плодотворной почвы для развития этнофутуризма: «Для тюркских народов более характерен возврат к героическому прошлому» [15: 155].

П. Захаров по-своему интерпретировал теорию и практику *лабиринта*, характерную для новой поэзии Удмуртии, и связал его с шаманизмом: «Воин-шаман, идущий (при помощи своих духов-предков) по лабиринтам подземного царства и ищущий болезни и язвы больного человека, вернее, спустившийся своим энергетическим телом в подземный мир, чтобы бороться с теми силами, которые выкачивают силу больного человека – это часто встречающийся шаманский сюжет в мифологии приуральских народов» и, соответственно, в современной поэзии [7: 26]. Соприкосновение архаики и глобализации у Захарова имеет специфическую конкретизацию: этническое начало призвано лечить болезни глобализации.

Этнофутуризм из области практики постепенно переходит в сферу интеллектуального дискурса. Еще в 2003 г. А. Хузангай выделил несколько основных принципов этого течения, среди которых: «(1) идея финно-угорского возрождения в настоящем и будущее возрождение урало-алтайских народов; (2) будучи этнофутуристом, ты можешь вписаться в информационный глобализм, не теряя обще-

ния с предками и национальной традицией; (3) творчество – языковое, художественное, литературное – это есть “серьезная игра” с символами, архетипами, мифологемами национальной культуры и, следовательно, их новое осмысление в свете современности» и др. [17: 8]. Философ С. Кардинская считает, что понятия «этнос» и «этничность» являются симулякрами, надуманными проектами, нацеленными на получение государственного финансирования: «Таким образом, “пустое пространство” этничности заполняется концептом “финно-угорского мира”» [17: 8]. На эту статью была написана рецензия, выражено несогласие с интерпретацией С. Кардинской терминов «деконструкция» и «психотип» [18: 54]. Э. Колчева основной методологический упор делает на феноменологию, получившую обоснование в трудах Э. Гуссерля, Х. Зильмайра и др. Она солидарна с идеей, что душу можно наблюдать и познать только с помощью души [9: 11–17]. Показателен спор Колчевой с казахским философом Ауэзханом Кодаром, считающим, что «этнофутуризм – это довольно странный гибрид» и «этническое – это то, что необходимо преодолеть» [см.: 9: 40–41]. Искусствовед показывает механизм взаимовлияния традиции и новаторства в этнофутуризме, когда и традиционно этническое, и постмодерное начала органично уживаются в одном произведении. Культуролог А. Красильников писал в 2009 г., что в Удмуртии свежим словом должен стать *этносандтрек*: «звукослед нескольких культур, записанных на одной дорожке, состояние, когда в моносознание вдруг прорывается мелодия другой этнотрадиции, вызывая полифонию культурного опыта» [12: 68]. Он считал, что основной текст в этносандтреке должен быть на международном языке, понятном для миллионов читателей. Сам же написал серию рассказов в этом стиле.

Итак, в этнофутуризме не столько важно подчеркивание этнической составляющей (что присуще в целом и дореволюционной, и советской литературе), сколько его «столкновение» с постмодернизмом и реакция на экспансию последнего. Идея конвергенции, «открытого взаимообогащения со всем миром» [14: 10], характерная для русской литературы и культуры еще в советские годы, находит бурное воплощение в удмуртской литературе и культурах Урало-Поволжья на стыке тысячелетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ванюшев В.М. Куашетон-а, мур пуштрос-а... (Просто шумиха или глубокий смысл...) // Кенеш. 2003. № 4. С. 90–95.

2. Витрук Н.В. Национальный характер творчества художника-графика Л.А. Прозорова (1947–1999) // Вестник удмуртского университета. 2002. № 7. С. 47–56.
3. Ермаков Ф.К. Ма со этнофутуризм? (Что такое этнофутуризм) // Вордскем кыл. 2001. № 8. С. 61–71.
4. Ермолаев А.А. Зэм ик-а тангыра кӧтжож (Действительно ли плачет тангыра) // Инвожо. 2001. № 4. С. 23–27.
5. Зайцева Т.И. 90-тй аръясысь удмурт проза но сое эскерон ужпумъёс (Удмуртская проза 90-х гг. и проблемы ее изучения) // Вордскем кыл (Родное слово). 2004. № 7. С. 62–66.
6. Зайцева Т.И. Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 174 с.
7. Захаров П.М. Поиск силы, или Мистическое прозрение в удмуртской литературе // Инвожо. 2004. № 10. С. 24–33.
8. Кардинская С.В. Конструирование удмуртской этничности в дискурсе этнофутуризма // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 12. С. 123–132.
9. Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. 164 с.
10. Кондратьева Н.В., Шибанов В.Л. Йыринчукинлык яке Этнофутуризм, постмодернизм но туалэ удмурт литература (Вниз головой, или Этнофутуризм, постмодернизм и современная удмуртская литература) // Кенеш. 1999. № 1. С. 54–59.
11. Котылева И.Н., Котылев А.Ю. Интеркультурное настоящее этнофутуризма // Арт. 2002. № 3. С. 131–139.
12. Красильников А. Г. Этносаундтрек как философское осмысление культурных интерференций // Кристо Кинке, Олёш Кинке. Этносаундтрек: семь рассказов. Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2009. С. 65–68.
13. Кучыран Юрий (Ю.Н. Лобанов). Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность // Егит гондыр веме. Одомаа. Эрумаа. Калмез. Мушому. Тангыра. Идна. Ижевск: МарШак, 2002. С. 108–110.
14. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. Т. 2. – М.: Академия, 2003. 688 с.
15. Удмуртская мифология / под. ред. В.Е. Владыкина. Ижевск: УдНИИ УрО РАН, 2004. 196 с.
16. Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья: художественная практика, дискурс, образование / сост. Н.А. Розенберг. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. 196 с.
17. Хузангай А.П. Этнофутуристические тенденции в современной культуре урало-поволжских народов // Национальные традиции в культуре народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т гуманитарных наук, 2003. С. 4–20.
18. Шибанов В.Л. Как и почему критикуют этнофутуризм? // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 51–55.

ТРАДИЦИИ ГИСЬЯНИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Н.М. Юсупова, А.Ф. Юсупов

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье выявляется специфика гисьянизма в татарской поэзии первой половины XX века. На материале анализа обширного корпуса произведений М. Гафури, С. Рамеева, Н. Думави, Х. Такташа, К. Наджми и др. установлено, что гисьянизм, как целостное поэтическое течение, определяет содержание и поэтику целого ряда произведений первой половины XX века. Он характеризуется такими чертами, как самовозвеличивание лирического героя, который восстает против всех правил и законов бытия, несправедливости, отвергает окружающий мир и возвеличивает духовную силу. Ему в татарской поэзии характерна абсолютизация человеческой свободы. Яркими представителями гисьянизма в татарской поэзии начала XX века были С.Рамеев и Ш. Бабич. Продолжателем гисьянистских традиций в 1920-е годы был Х.Такташ.
Ключевые слова: татарская поэзия, гисьянизм, традиции, лирический герой, мотив.

The article reveals the specificity of gisyanism in the Tatar poetry of the first half of the 20th century. Based on the analysis of a large corpus of works by M. Gafuri, S. Rameev, N. Dumavi, H. Taktash, K. Nadzhmi and others, it was established that gisyanism, as a holistic poetic movement, determines the content and poetics of a number of works of the first half of the 20th century. It is characterized by such features as self-exaltation of the lyrical hero, who rebels against all the rules and laws of existence, injustice, rejects the surrounding world and exalts spiritual strength. In Tatar poetry, it is characterized by the absolutization of human freedom. S. Rameev and Sh. Babich were prominent representatives of gisyanism in the Tatar poetry of the early 20th century. H. Taktash was the continuer of the gisyanist traditions in the 1920s.

Keywords: Tatar poetry, Ghisyanism, traditions, lyrical hero, motive.

XX ГАСЫРНЫҢ БЕРЕНЧЕ ЯРТЫСЫНДА ГЫЙСЬЯНЧЫЛЫК ТРАДИЦИЯЛӘРЕ: ҮСЕШ-ҮЗГӘРЕШ ЮЛЛАРЫ

Н.М. Юсупова, А.Ф. Юсупов

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

XX йөз башы татар шигъриятендә үзенчәлекле романтик геройның майданга чыгуы һәм милләтне тергезү фикере фонында аны

идеаллаштыру омтылышы татар романтик әдәбиятында үзенчәлекле агым – гыйсьянчылык формалашуга китерә. Тамырлары белән ул шәрик суфи поэзиясендәге гадел булмаган дөньяны үзгәртеп корырга, яшәештә гармонияне саклау өчен кешенен үз күңеленнән Илаһилык чаткысын табарга («әна эл-хак»), һәр кешенен үз күңелендә Алла кыйпылчыгын йөртүен, ягъни үзенң Илаһилыгын танырга чакыру яңгыраган агымга; һәм кешенен шушы дөньяда үзен саклап кала алуы, тормышның гаделсезлегеннән төрле юллар (жир ләззәтләренә бирелү, аскетлык һ. б.) белән котылу хакында сөйләүче әсәрләргә барып тоташа. Ул, барыннан да бигрәк, яшәеш кануннарына, Аллага, дин-шәригать кагыйдәләренә каршы чыккан бунтарь гыйсьянчы герой үзәкә куелу белән аңлатыла [4: 23].

Татар шигъриятендәге тормыш-яшәешкә каршы чыккан гыйсьянчы герой мәгърифәтчел рухтагы әсәрләрдә, аерым алганда, М. Гафури шигърьләрендә майданга чыга. Шагыйрьнен «...Һәр кешенен үз нәфесенә житсә көче...» (1907), «Хәят юлында» (1913), «Көч» (1916) горур, көчле һәм азат шәхеснең генә милләт файдасына хезмәт итә алачагы искәртелә. «Көч» шигърендә лирик герой үзен *«жир йөзөндә Ходай, кеше хакын ашаучы, кеше канын эчүче»* буларак билгели һәм Абсолют статуска күтәрә. Бу яктан ул шул чор шагыйрьләрен кызыксындырган азат шәхес концепциясенә җавап бирә.

Татар гыйсьянчылык шигъриятенен үсеше С. Рәмиев, Ш. Бабич исемнәренә бәйле. С. Рәмиев ижаты турында үз чорында ук Г. Гобәйдуллин «шагыйрьнен рухында бөтен дөньяның гаскәрләре җиңә алмаслык гыйсьян зәһүе ята» [1: 214], – дип язып чыга. Шагыйрьнен «Күрәм: гали...» (1908), «Алдандым» (1908), «Пәйгамбәр» (1909) кебек бунтарь рухлы әсәрләрендә герой үз тормышы, чынбарлыгы белән идеалы арасында бәргәләнә, шушы аралыкта дөньяга ләгънәт укый, каршы чыга, чынбарлыктан котылу омтылыш белән яши. «Алдандым» шигърендә тормышка каршылыкта торган, аны алдану чарасы буларак кабул иткән лирик герой алга чыга, градация – бер-бер артлы санап бару – алымы ярдәмендә тормышның караңгы яклары көчәйтелә, болар үз чиратында дөньяга ләгънәт укуның сәбәбен аңлата, төгәлләштерә: *Әрни-әрни ләгънәт әйтәм / Тискәре бу дөньяга, / Мин махәббәт нуры дим, ул / Аерылу шәмен яга.*

С. Рәмиевның Кешене идеаллаштыруы, аны Абсолют югарылыкка күтәрүе «Мин» (1907) шигърендә укучыга ирештерелә, аның каршында «*Аллалар, шаһлар, кануннар*»ның «*бер чүп кенә*» булуы искәртелә. Газиз Гобәйдуллин фикеренчә, «ул бу заманның игътибары булган үзен күкләргә менгезгән “мин”не бик вак, бик түбән нәрсә итеп күрә

башлый. Ул дөнъяны яндырасы, ватасы килгәнән бэян итэргә тотына» [1: 214]. Шуңа мөнәсәбәтле «мин» образын пәйгамбәргә якынайту, «идеал хыяллар» белән «чын тормыш» арасындагы каршылык, «бу караңгы дөнъяны яратмау» хисләре гыйсъянчы лирик геройны характерлаган төп хасиятләр итеп билгеләнә.

Шушы мотивны дәвам итеп язылган «Син» (1908) һәм «Ул» (1908), «Кайвакытта...» (1908) шигырьләрендә сөйгән ярның да гашыйк кеше өчен Алла икәнлегә күрсәтелә. Чиктән тыш арттыру биредә сөекле кешенең кыйммәтен белдерү юлында отышлы файдаланыла. Мәхәббәтнең илаһилыгын, куәтен раслау барышында ул суфичылык тәгълиматына хас образлардан файдалана, кеше матурлыгына, табигать, галәм, хатын-кыз гүзәллегенә дан җырлый.

С. Рәмиевның гыйсъянчылык традицияләрен Ш. Бабич үстерә, дәвам итә. Шагыйрьнең «Кызганыч» (1912), «Бер минут» (1914) шигырендә мизгел эчендә дөнъяны үзгәртү теләге белән янучы гыйсъянчы лирик герой аваз сала. Ләкин ул «зәгыйфьрәк тавышлы» булуы белән характерлана. Ә инде «Көрәшеп үткәр кыска гомереңне» (1915), «Дөнъяга» (1915), «Караңгылыкта» (1916) шигырьләрендә аның активлашуы, абсолют хөрлеккә, азатлыкка омтылуы, дөнъяга турыдан-туры ләгънәт укуы, каршы чыгуы күзәтелә, яшәештән күңел кайту халәте яшәешнең камил булмавы кебек кабул ителә. «Айга мендем», «Әйдә күңелем монда торма» шигырьләрендә аның лирик герое жир дөнъясында бәхет таба алмыйча, күк дөнъясына ашкынучы булып төгәлләшә. Жир тормышы явызлык белән тулган хронотоп итеп билгеләнә. Ш. Бабичның «Халкым өчен» (1914), «Кем өчен» (1916), «Телимен» (1916) кебек шигырьләрендә дөнъядан ваз кичү сәбәпләре булып милләт тормышындагы хәл-халәт кабул ителә, лирик герой милләтгә хақына үз-үзен корбан итәргә эзер шәхес булып күзаллана.

Охшаш мотивлар Н. Думави, Б. Мирзанов шигъриятендә дә күзәтелә. Мәсәлән, Н. Думавиның «Без» (1915), «Син – кеше» (1916) шигырьләре мисалында гыйсъянчылык фәлсәфәсе ачык чагыла. «Син – кеше» шигырендә кеше Ницше тәкъдим иткән гадәттән тыш кеше югарылыгында күзаллана, ул «батыр, нык, хөр, куәтле, гали» кебек эпитетлар аша укучы алдына бастырыла. Шигырь кеше йөрәгендә илаһилык, бөеклек сыйфатын саклавы, йөртүе белән бөек, гали һәм зур дигән идеяне житкерә. Р.Ганиева «бу рәвешчә кешегә дан җырлауның, аны, кайгы-хәсрәтле, хурлыклы яшәештән котылу өчен, рухи бөеклеккә, кара көчләргә буйсынмаса өндәүнең Думави ижатының көчле ягы» [2: 17] булуын билгели. Гомумән алганда, XX йөз башы шигъриятендә гыйсъянчылык фәлсәфәсенә йөз тотып язылган, бунтарь

холькылы геройны югары күтэргән поэтик әсәрләр үзләре бер катламны тәшкил итәләр. Шуньсы үзенчәлекле: бу юнәлештәге әсәрләрдә лирик геройның хис-халәтен кискенләштерү, тәәсирлелекне көчәйтү юлында татар поэзиясе экспрессионистик алымнарға еш таяна. Гомумән, романтизм һәм модернизмның үзара йогынтысы, шушы дәвер милли әдәби барышның бер үзенчәлеге буларак бәяләнә ала.

1920 елларда гыйсьянчылык традицияләре дәвам итә, яңа әдәби шартларда үсеш-үзгәреш кичерә. Инкыйлабтан соң яңа алымнар кулланучылар, нигездә, гыйсьянчылык фәлсәфәсенә таяналар (Н. Такташ «Гыйсьян» (1923), «Нәлэт» (1923); А.Шамов «Ләгънәтләр әйтәм» (1923); К. Нәжми «Ике ант» (1922) һ. б.). Татар әдәбиятына килүче яшь шагыйрьләр инкыйлаблар чорында ижтимагый фикердә, ижәт дөньясында хасил булган, кешеләрнең аңына урнаштырылырга тиешле төп фикер-кыйммәтләр белән милли әдәбияттагы шәркый тамырлы гыйсьянчылык фәлсәфәсе арасында уртаклык күрә. Чөнки тормышны һәм кешене үзгәртү өчен көрәшкә чыккан гыйсьянчы герой кебек үк, яңа совет әдәбиятының герое да искелеккә, аның теләсә кайсы өлкәдә чагылышына каршы чыга [3: 169-184]. Бары тик «искелек»не жимереп бетергәннән соң гына, буш урында яңа тормыш төзү фикере активлаша.

Бу яктан Ш. Бабич ижәти үзенчәлекле яңгыраш таба, яңа шартларда гыйсьянчылык фәлсәфәсенә яңарышы аның исеме белән бәйлә дисәк тә ялгышмабыз. XX йөз башында ук гыйсьянчылык рухында шигырь язган шагыйрь ижәтидә «халык җаме белән янучы, халык бәхете өчен көрәшүче» [6: 208] лирик герой яшәвен дәвам итә. Шагыйрьнең «Көтәләр» (1917), «Хөррият бүлгәе» (1917), «Әллә Алла, әллә Иблис» (1917), «Сугыш» (1917) һ. б. шигырьләре шул хакта сөйли. Ләкин сәяси вазгыять шагыйрьнең күз алдына китерүенә караганда күп катлаулырак, томанлырак булып чыга, инкыйлабның тулы хакыйкатенә шагыйрь хаталанулар, газаплы эзләнүләр аша килә. Г. Ибраһимов билгеләп үткәнчә, «бу талант татар, башкорт эшчел-крестьян гаммәсенә язмышы эченнән, шул язмышның аһлары, кайгылары, хәсрәтләре белән бергә кайнап, югары дөньяга чыга, үз кәҗ-бәсенә ирешү юлында әллә ничаклы жирләрне урап йөрәп, ахырдә шул ураулар» [5: 320–321], адашулар, инкыйлаб дулкыннары 24 яшендә аның һәлакәтенә дә китерә.

Егерменче еллардагы гыйсьянчылык күренешенә асылын тикшергән Г. Халит гыйсьянчылык милли әдәбият җирлегендә заман ихтияҗы белән туган әдәби күренеш итеп каралырга тиеш, дип санып [9; 10]. Гыйсьянчы герой, барыннан да бигрәк, ризасызлык белдергән,

чынбарлыкның ниндидер якларына кискен каршы чыккан көрәшче буларак алга чыга. Бу чордагы гыйсьянчы герой XX йөз башының бунтарь шәхесеннән аерыла: инкяр итү ягы өстен булып, чорга аваздаш төстә ул искелекне кире кагучы эчтәлеген үз итә. Мәсәлән, З. Бәшированың «Очкыннар» (1921) шигырендә лирик герой үзен кануннардан, дини китаплардан, патша, түрә, солтаннардан өстен, яңа тормышка ыргылучы зат итеп куя.

Искене кире кагуның кискен чагылышы татар поэзиясенң ижтимагый тормыш агышына сизгерлегенә, аның рухи иреккә мөнәсәбәттен чагылдырырга омтылышына барып тоташа. Инкыйлабтан соңгы чынбарлыкта хәрәкәт иткән гыйсьянчы лирик герой – «мин»нең омтылышлары белән халык, коллектив («без») омтылышлары арасында якынлык күзгә ташлана. Егерменче еллар башында ук Н. Такташ шигырьләрендә гыйсьянчы геройның эчке эволюциясе ачык чагыла. Ул «кимсетелгән кара халыкның явыз гыйсьянчы»сы булып күз алдына килә. Ә «Янар таулар» шигырендә шагыйрьнең лирик «мин»е «без» исемнән сөйли. Шушы фонда дөньяны үз артынан ияртер пәйгамбәр-шагыйрь, көрәшче-шагыйрь образы тудырыла. Бу тип лирик герой Н. Такташ ижатында әйдәп бара. Бу фикерне М. Әмирнең сүзләре дә раслый: «Такташның беренче чорда язылган эсәрләрендә азатлыкка омтылу пафосы бөркелеп тора, алар дөньяның каршылыклары турында уйландыралар» [7: 26]. Мәсәлән, «Юану» (1921) шигырендә лирик герой болай дип белдерә:

Дәртле жырларым моңыннан ил елар...

Әйе, минем көчле рухымнан жыр вә күкләр калтырар.

«Күктән сөрелгәннәр» (1918), «Үтерелгән пәйгамбәр» (1918) исемле романтик шигырьләрендә көрәшче шәхес концепциясе күтәрелә. Бер-бер артлы дөвам иткән сугышлар, илдәге ачлык, яшь шагыйрь күңеленә коточкыч явызлык, хаксызлык булып тоела. Такташның лирик герое шушы хаксызлыкка каршы көрәшкә кирәклегенә төшенә һәм көрәш юлын сайлый. Ул яшьлегенә бөтен көчен, дәртен шуңа багышлый. Мәсәлән, «Төркстан сахраларында» (1918) исемле шигырендә дә шундый тип герой урын ала. Бохарадагы халык күтәрелешләре, азатлык хәрәкәте, мөселман дөньясындагы вакыйгалар аның борчылуының сәбәбе булып тора. Лирик герой нурлы таңны, якты киләчәкне көтә.

Ләкин әкрәнләп татар әдәбиятындагы гыйсьянчы геройның көрәш майданы үзгәрә. Мәсәлән, 1921 нче елда язылган Н. Такташның «Жир уллары трагедиясе» аерым шәхеснең азатлыгы өчен Алла, кануннарга

каршы көрәшәргә кирәклеке турында сөйли, яңа тип гыйсьянчы, көрәшчә шәхес концепциясен гәүдәләндерә [8: 12], бу әсәр романтик рух, гыйсьянчылыкның трагик пафосы белән сугарыла [10: 20]. Бу көрәштә юлбашчы – Идея. Әсәрдәге барлык образлар да символик дәрәжәгә күтәрелгән, алар нинди дә булса идеяне символлаштыралар. «Символизм көчәергә, тирәнәергә уйлый. «Жир уллары» мәжмугасында моның беренче тәҗрибәсе бирелде. Гәзитләрдә, журналларда бу дәвам итә, бу агымның көчле, үткен талантлы шагыйрә Такташев безнең шигъри дөньябызда аерым ялгыз бер урында торадыр» [5: 412], – дип яза Г. Ибраһимов 1924 елда. Бу абстракт идеяләреннән бер төркем канунчылык, тәгъдиргә буйсыну кирәклеке күрсәтсәләр, икенче төркем шуңа каршы көрәшне, шәхси ирек проблемасын күтәрә. Әсәрдә Адәм, һава, һабил беренче төркем идеяне, ә Кабил, Идея-Газазил икенче төрле идеяне символлаштыра. Әлегә күренеш үз чорында һ. Такташның Г. Нигъмәти тарафыннан тәнкийтьләнүенә дә сәбәп була: «Бу вакыт Такташ иске әдәбиятның нык тәэсирендә, – дип яза ул. – Аңарда мистиклык үзенә йогынтысын күрсәтеп тора... анда “канун Жәбраил” аерым символик сурәт итеп алына» [11: 73]. Күренгәнчә, Такташның бу әсәрләрендә көрәшчә шәхес концепциясе күтәрелә, һ. Такташның беренче шигырьләреннән килгән, кеше рухының бөеклегенә дан җырлау мотивы әйдәп бара.

К. Нәжминен «Кичү чоры» (1924), «Тормыш төбөндә» (1924), М. Жәлилнен «Үлем алдыннан» (1923), «Янчы, дөнья» (1922), «Әсирлектә» (1923), Х. Туфанның «Татарстанда» (1925) кебек шигъри әсәрләрдә дә төрмә, дин, канун, читлек, хайн образлары аша иске тормыш кире кагыла, лирик герой зур омтылыш белән аңа каршы чыга. Иске һәм яңа тормыш сурәтен капма-каршы куюга нигезләнгән мондый әсәрләрдә үткәннең караңгылыгын аңлаган гыйсьянчы лирик герой яңага омтыла, аның матурлыгын, мөһимлеген данлый, искелектән баш тартып, яңа тормышка аяк басарга кирәклеке раслый. Ул халыкның шуны аңлавы өчен тартыша, бер үк вакытта аның үзгәндә хис-кичереш үткән эзе – хәтер һәм яңа тормышка омтылыш арасында тирбәлә. Мәсәлән, М. Жәлилнен «Янчы, дөнья» (1922) шигырендә гыйсьянчы герой, барыннан да бигрәк, фетнәче, иске тормышка карата ризасызлык белдерүче буларак ачыла. Аның дөньяга карашында, беренче чиратта, инкарь итү пафосы алга чыга, ул ялкынлы көрәш уты белән яңа. Ләкин 1920 елларның урталарынан татар шигъриятендә гыйсьянчылык традицияләре сүлләнә башлый, гасыр башы традицияләренә тоташкан чылбыр өзәлә бара.

ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. Газиз Г. Сәгыйть Рәмиев шигырьләре тугрысында // Аң. 1913. № 12. Б. 214–215.
2. Думави Н. Тормыш сәхифәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 384 б.
3. Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 205 с.
4. Заһидуллина Д.Ф., Йосыпова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Казан ун-ты, 2011. Т. 1: XX гасырның беренче яртысында татар әдәбияты. 230 б.
5. Ибраһимов Г. Әсәрләр. Т. 5: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1933). Казан, 1978. 615 б.
6. Йосыпова Н.М. Поэзия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 4. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. Б. 206–226.
7. Мәүлиханова Ә. Такташның тормыш һәм ижат хроникасы / Ә. Мәүлиханова, А. Такташ. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. 76 б.
8. Хабутдинова М.М. Проблема личности в творчестве Хади Такташа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 19 с.
9. Халит Г. Герои, рожденные революцией: к проблеме героя и метода татарской советской литературы. Казань: Таткнигоиздат, 1967. 230 с.
10. Халит Г. Поэзия дерзаний: творчество Хади Такташа и вопросы метода, героя и стиля в татарской поэзии 20-х годов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 160 с.
11. Яңалиф. 1931. №. 11. Б. 73–75.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович, доктор филологических наук, профессор, директор этнокультурного Центра Ренессанс Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова. *Каракол, Кыргызстан.*

Айдарбек Қарлығаш Жамалбекқызы, доктор филологических наук, доцент кафедры тюркологии и теории языка Казахского Национального университета им. аль-Фараби, *Алматы, Казахстан.*

Аскарова Лилия Раисовна, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова. *Казань, Россия.*

Асланбекова Эльвира Аслановна, директор МБОУ «Гимназия 37» им. героя России М. Нурбагандова. *Махачкала, Россия.*

Атаева Марал Байраммурадовна, преподаватель Туркменского государственного университета им. Махтумкули. *Туркменистан, Ашхабад.*

Брусько Залия Мансуровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Габидуллина Фарида Имамутдиновна, кандидат филологических наук, доцент Елабужского института Казанского федерального университета. *Елабуга, Россия.*

Гайнуллина Гульфия Расилевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Галиева Ляйсан Шаукатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галиева Маргарита Рафаэловна, доктор филологических наук, доцент Узбекского государственного университета мировых языков, заведующая кафедрой лингвистики и английской литературы. *Узбекистан, Ташкент.*

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галимуллин Фоат Галимуллинович, доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Ганиева Айгуль Фирдинатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гареева Гульфира Нигаматовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой башкирской литературы и отечественной словесности Уфимского университета науки и технологий. *Уфа, Россия.*

Гарипова Лейля Шамиловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гатиятова Айгуль Рамилевна, учитель иностранного (английского) языка МБОУ «Иске-Казанская ООШ». *Казань, Россия.*

Гилазев Зуфар Закариевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гиниятуллина Лилия Миннулловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гундогдыева Гульшат Аннамуратовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры зарубежной литературы Туркменского государственного университета им. Махтумкули. *Ашхабад, Туркменистан.*

Зайнеева Гульнара Нургалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Закирзянов Альфат Магсумзянович, доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Залялеева Айгуль Канифовна, научный сотрудник Центра искусствоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия*

Зиннатуллина Гульзара Фазулрахмановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Ибрагимов Марат Хакович, научный консультант Дома-музея Галимджана Ибрагимова. *Уфа, Россия.*

Исмагилова Фарида Гаязовна, аспирант Казанского федерального университета, заместитель начальника по науке Управления Болгарской исламской академии. *Казань, Россия.*

Кадилова Энзе Ханафиевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Кириллова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук. *Чебоксары, Россия.*

Кудрявцева Раисия Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета. *Йошкар-Ола, Россия.*

Макарова Венера Файзиевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Махадов Ахмедия Камилевич, учитель истории и географии МБОУ «Гимназия 37» им. героя России М. Нурбагандова, аспирант. *Махачкала, Россия.*

Мингазова Ляйля Ихсановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Миннуллина Фатыма Халиулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Надергулов Минлегали Хусаинович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, заведующий отделом литературоведения. *Уфа, Россия.*

Надыршина Лейсан Радифовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Петрова Луиза Ранифовна, научный сотрудник Центра искусствоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия*

Родионова Вероника Владимировна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 1 Вахитовского района. *Казань, Россия.*

Рыззакова Гульширин Джораевна, младший научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук Туркменистана. *Ашхабад, Туркменистан.*

Сабитова Ильгамия Исламутдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сагдеева Фаузия Кабировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сайфуллин Амир Наилевич, лаборант научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Салихова Айгуль Рустэмовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Центра искусствоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сапарова Нургозель Оразмаммедовна, научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули Академии наук Туркменистана. *Ашхабад, Туркменистан.*

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сибгатуллина Альфина Тагировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук. *Москва, Россия.*

Софронова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. *Чебоксары, Россия.*

Старыгина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета. *Йошкар-Ола, Россия.*

Тагирова Фяридя Инсановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Талибова Тохфа Мамедага кызы, доктор философии в области филологии, доцент Института литературы им. Низами Гянджеви НАНА. *Баку, Азербайджан.*

Тимерова Ландыш Муллануровна, научный сотрудник Камского научного центра Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Файзуллина Фания Галимулловна, научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Фахрутдинова Лилия Ильдаровна, преподаватель кафедры русского языка предбакалаврской подготовки Подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета; научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Федосеева Надежда Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. *Йошкар-Ола, Россия.*

Хабибуллина Алсу Зарифовна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики её преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хабибуллина Лениза Газинуровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, кандидат философских наук, доцент, и. о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ханнанова Гульчира Махмутовна, научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хасанова Айгуль Наиловна, научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хусаенова Рания Раисовна, аспирант 3 года обучения Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хусайнова Гульнира Разифовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хуснутдинова Гульназ Азатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шабыков Виталий Иванович, кандидат философских наук, независимый исследователь. *Йошкар-Ола, Россия.*

Шакурова Муслима Магесумовна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шамсутова Алсу Атласовна, кандидат филологических наук, консультант в Академии искусств. *Конья, Турция.*

Шаронов Александр Маркович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга. *Саранск, Россия.*

Шаронова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. *Саранск, Россия.*

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского государственного педагогического университета. *Москва, Россия.*

Шибанов Виктор Леонидович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. *Ижевск, Россия.*

Юсупов Айрат Фаикович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры татарского языкознания Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Нурфия Марсовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика	
<i>Абдуллаев С.Н.</i> Система синтаксиса тюркских языков	5
<i>Айдарбек К.Ж.</i> Проблемы и перспективы унификации терминологии в тюркских языках	8
<i>Атаева М.Б.</i> Современные методы преподавания в высших учебных заведениях	13
<i>Брусько З.М.</i> Народные представления татар о сглазе	19
<i>Галиева М.Р.</i> Развитие теолингвистики в тюркологии	27
<i>Галимова О.Н.</i> XX гасыр башы терминологик сүзлекләрендә билгеләмэләр	36
<i>Гарипова Л.Ш., Миңнуллина Ф.Х.</i> Нури Арслановның шәхси архивы	45
<i>Гилазев З.З.</i> Современное культурное пространство: театральная площадка «MON»	51
<i>Гундогдыева Г.А.</i> Сопоставительный анализ фразеологизмов с числительным «один» (на материале туркменского, персидского и русского языков)	55
<i>Зайнеева Г.Н.</i> Итоги научной экспедиции в татарские села Пензенской области	61
<i>Залялеева А.К.</i> Преломление художественного и литературного наследия в керамике Рустема Шамсутова	66
<i>Зиннәтуллина Г.Ф.</i> Халисә Ширмән хикәяләрендә кулланылган сурәтләр чаралары: чагыштырулар, образлы сыйфатлаулар, метафоралар һәм аларның функциональ роле	72
<i>Исмаилова Ф.Г.</i> Перспективы сопоставительной методологии в гуманитарных науках: на материале концепта «родина» в произведениях палестинского писателя Махмуда Дарвиша и его перевода с арабского на английский язык	79
<i>Кадирова Э.Х.</i> Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә хәрәкәт фигуралары	83

<i>Кириллова З.Н.</i> Керәшеннәрдә яңгыр теләү йоласы һәм аның атамалары	89
<i>Махадов А.К., Асланбекова Э.А.</i> «История и культура Дагестана»: к вопросу о значении в образовательном процессе Республики Дагестан	93
<i>Мөхәммәтҗанова Л.Х.</i> Татар эпик культурасында жыраулар һәм чичәнлек	99
<i>Петрова Л.Р.</i> Балет Ф. Яруллина «Шурале» – от замысла до воплощения	105
<i>Рыззакова Г.Дж.</i> Современные направления в изучении туркменского языка	109
<i>Сагдеева Ф.К.</i> Антропоцентрический подход в современной лингвистике (на материале татарского языка)	117
<i>Сагдеева Ф.К., Галиева Л.Ш.</i> Концепт сугыш (война) в семантике текста и языка	121
<i>Салихова А.Р.</i> Опера «Сания» как пример межнационального творческого содружества (к 100-летию создания)	130
<i>Сапарова Н.</i> Система символических образов в словесном искусстве.	137
<i>Сафина Э.И.</i> Этәч орнитонимының символик мәгънәләре	143
<i>Сафина Э.И., Сабитова И.И., Галимова О.Н., Таһирова Ф.И.</i> Күренекле тел галиме (Фуат Ганиевның тууына 95 ел тулу уңаеннан).	151
<i>Сибгатуллина А.Т.</i> Татароведение в востоковедческом поле: публикации в центральных научных изданиях 1920-х годов. .	156
<i>Тимерова Л.М.</i> «Кызыл хәбәр» стена газетасында 1921 елда басылган әдәби әсәрләр	162
<i>Фәйзуллина Ф.Г.</i> Гаяз Исхакыйның «Кодес көндәлегә»: Бөтендөнья мөселман конгрессында катнашучының тәэсирләре һәм уйланулары	167
<i>Хайрутдинов А.Г.</i> Язык трудов Мусы Бигиева и его гуманитарно-культурологическая ценность	174
<i>Ханнанова Г.М.</i> Некоторые воззрения Г. Губайдуллина по вопросам языка	180

<i>Хәбибуллина Л.Г.</i> Татар телендә синхрон күчеш теориясе.	183
<i>Хөсәенова Г.Р.</i> Милли китапханә фондларында сакланып килгән кыйссаларга гомуми күзәтү (кульязмалар һәм сирәк китаплар бүлегә материаллары нигезендә)	188
<i>Хөснетдинова Г.А.</i> «Гафу ит, дусткаем, хат язучу уенда сиңа күптән...» (Фәхрелислам Агиевның Фатих Әмирханга хатлары)	193
<i>Шабыхов В.И., Кудрявцева Р.А.</i> Язык как фактор этнической самоидентификации населения Республики Марий Эл на современном этапе (на материале социологических исследований 2015–2021 годов)	200
<i>Шаряфетдинов Р.Х.</i> История татарского народа в современной татарской прозе	209
<i>Шәкүрова М.М., Гыйниятуллина Л.М.</i> Исемле фигыль сүзтөзмәләре һәм аларның синонимнары	216

Урало-Поволжская межлитературная общность: конвергенции и дивергенции

<i>Әскәрова Л.Р.</i> Рәшит Гәрәй шигъриятенң жанр-стиль үзгерткүләре	221
<i>Габидуллина Ф.И.</i> Мифопоэтическая картина мира в прозе Г. Гильманова	227
<i>Гайнуллина Г.Р., Гатиятова А.Р.</i> Ландыш Әбүдәрәва прозасында татар классик әдәбияты традицияләре («Умарта» повесте мисалында)	232
<i>Галиева Л.Ш.</i> «Үсү юлы» – «Идел»дә: яшь язучылар альманахында әдәби тәнкыйть	238
<i>Галимуллин Ф.Г.</i> Мәдәниятара багланышлар мохитендә бөек мари шагыйре һәм әдибе Сергей Чавайн ижаты.	243
<i>Гареева Г.Н.</i> Некоторые особенности развития современной башкирской прозы	249
<i>Закиржанов Ә.М.</i> Драма поэтикасында яңа эзләнүләр (Артур Ибраһимов пьесалары мисалында)	259
<i>Ибрагимов М.Х.</i> Сравнительные образы женщин в произведениях Г. Ибрагимова «Судьба татарки» и «Дочь степи»	265

<i>Кириллова И.Ю.</i> История изучения чувашской драмы в 1920–1930-е гг.	273
<i>Макарова В.Ф., Ганиева А.Ф.</i> З. Хәким ижатында комедия жанры.	278
<i>Мингазова Л.И.</i> Анализ поэтики Рифы Рахман в контексте лирического субъекта и художественных образов (на материале сборника «Синең жанга узсам...»)	286
<i>Миңнуллина Ф.Х.</i> XX гасыр ахыры татар драматургиясе: тематик һәм поэтик үзенчәлекләр	289
<i>Нагуманова Э.Ф., Родионова В.В.</i> Художественная реконструкция истории в романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд»	295
<i>Надергулов М.Х.</i> Творческие связи Мухаметсалима Уметбаева, отраженные в эпистолярных источниках	302
<i>Надыршина Л.Р.</i> Гомәр Бәшировның әдәби-тәнкыйди эшчәнлегә: гомуми күзәтү (язучының шәхси фонды материаллары буенча)	308
<i>Сайфуллин А.Н.</i> Жанровые особенности в творчестве Руслана Галимова	313
<i>Софронова И.В.</i> Синкретизм поэтических традиций в творчестве Анатолия Малышева	319
<i>Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А.</i> Контекстуальная поэтика национальных литератур (к постановке проблемы)	327
<i>Талибова Т.М.</i> Габдулла Тукай и Мустафа Лютфи Исмаилов-Ширванский	336
<i>Фахрутдинова Л.И.</i> Перевод повести Ч. Айтматова «Первый учитель» А. Еники: опыт семантико- стилистического анализа	344
<i>Федосеева Н.А.</i> Фольклорные истоки и национальные образы в эпосах Анатолия Спиридонова «Югорно» и Михаила Атаманова «Тангыра»	349
<i>Хабидуллина А.З.</i> Идиллическое в поэзии Рустема Кутуя как явление русско-татарского пограничья	356
<i>Хәсәнова А.Н.</i> Балалар йөрәгенә юл салучы (Жәвад Тәржемановның тууына 105 ел тулу унае белән).	365

<i>Хусаенова Р.Р.</i> Рецепция творчества Садри Джаляля в прозе Айгуль Ахметгалиевой	372
<i>Шамсутова А.А.</i> Экзистенциальные размышления в поэзии последних лет современного татарского поэта Ркаиля Зайдуллы.	376
<i>Шаронова Е.А., Шаронов А.М.</i> Эволюция эпического образа в эпосе «Масторава»	383
<i>Шибанов В.Л.</i> Удмуртский литературный этнофутуризм (по материалам полемики 1999–2009 годов)	390
<i>Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф.</i> XX гасырның беренче яргысында гыйсьянчылык традицияләре: үсеш-үзгәреш юллары	397

Научное издание

**ТАТАРОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

Материалы V Международного научно-практического семинара
(25–26 сентября 2025 г., Казань)

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н. Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки *Т. В. Семиной*

Подписано в печать 11.09.2025.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 24,2. Уч.-изд. л. 23,8. Тираж 150 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20